801-16
525

М. В. Бернацкій.

9/83
141.

ТЕОРЕТИКИ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОЦІАЛИЗМА въ Германіи и СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ князя Бисмарка.

II-15721

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ ШРЕДЕРА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
49 Гороховая 49

2011119328

По опредѣленію Экономическаго Отдѣленія С.-Петербургскаго Политехническаго Института Императора Петра Великаго печатать разрѣшается. Деканъ Экономическаго Отдѣленія проф. *А. Гусаковъ*.

Отъ автора.

Предлагаемая вниманію книга была задумана давно и въ болѣе широкомъ масштабѣ. Авторъ сначала предполагалъ выяснить теорію и практику т. н. „государственнаго“ соціализма въ различныхъ странахъ, не ограничиваясь наиболѣе рельефнымъ его выраженіемъ въ Германіи. Въ процессѣ разработки темы обнаружилась необходимость ея съуженія,—тѣмъ болѣе, что безпрерывная текущая академическая дѣятельность оставляла автору чрезвычайно мало свободнаго времени: вести изслѣдованіе приходилось съ перерывами, пользуясь для этого преимущественно вакаціоннымъ досугомъ. Неблагопріятныя условія труда, несомнѣнно, должны были оставить нѣкоторый слѣдъ на строеніи книги и характерѣ разработки отдѣльныхъ ея частей. Сознавая недостатки своего изслѣдованія, авторъ все-же надѣется, что оно—въ настоящемъ видѣ—имѣетъ извѣстное объективное значеніе, посильно освѣщая одинъ изъ весьма интересныхъ моментовъ въ развитіи экономической науки и не менѣе интересную проблему экономической политики.

О методѣ изученія вопроса неоднократно говорится въ книгѣ; поэтому въ предисловіи позволительно ограничиться двумя—тремя замѣчаніями формальнаго характера. Авторъ нашелъ удобнымъ разбить работу на двѣ части, посвятивши первую выясненію теоретической эволюціи нѣмецкаго государственнаго соціализма, а вторую—ознакомленію съ внутренней, мотиваціонной стороной соціальной политики Бисмарка; при такомъ дѣленіи легче уясняются сходства

и различія „госуд.-соціалистической“ теоріи и практики. Общій порядокъ изложенія обѣихъ частей—хронологическій, представляющій много удобствъ возможностью болѣе полнаго изученія вопроса, но связанный и съ серьезными недостатками: неизбѣжными оказываются нѣкоторыя повторенія, мѣшающія стройности и сжатости изложенія. Авторъ предпочелъ пожертвовать, до извѣстной степени, послѣдними качествами, чтобы выиграть въ полнотѣ изслѣдованія. Конечно, исчерпывающей полноты и при этихъ условіяхъ достигнуть не удалось: приходилось сосредоточивать вниманіе на особенно яркихъ тенденціяхъ, пренебрегая менѣе значительнымъ историческимъ матеріаломъ.

Предѣломъ изслѣдованія взято начало 90-хъ годовъ, точнѣе—годъ отставки Бисмарка. Авторъ не думаетъ, что, благодаря этому, изложеніе механически обрывается: все, существенное для „теоріи и практики государств. соціализма“, какъ его понимаетъ авторъ, было сказано и сдѣлано въ періодъ отъ 70-хъ до 90-хъ годовъ. Съ послѣдняго момента государственный соціализмъ пріобрѣтаетъ новый характеръ и предполагаетъ изслѣдованіе иного рода.

Въ заключеніе, необходимо отмѣтить, что въ книгѣ цитируются исключительно иностранные источники—не потому, что русская (правда—весьма небогатая) литература по данному вопросу неизвѣстна автору или не заслуживаетъ, по его мнѣнію, упоминанія; такое умолчаніе вызвано, главнымъ образомъ, желаніемъ ссылаться на первоисточники и избѣгнуть излишней громоздкости подстрочнаго текста.

М. Бернацкій.

Спб., 25 Апр.
1911г.

Оглавленіе.

Стр.

Отъ автора . . . . . III—IV
Введеніе . . . . . 1—22

ЧАСТЬ I-Я—ТЕОРЕТИКИ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОЦІАЛИЗМА.

Глава 1-я. Нѣмецкая экономическая литература въ первой половинѣ XIX-го столѣтія. Главнѣйшіе элементы реакціи противъ смитіанства. Соціально-политическія тенденціи. . . . . . 25—92

§ 1. Адамъ Мюллеръ; его взглядъ на государство и народное хозяйство. Соціалистическая система Фихте. Гегель. Шталь . . . . . 35—48
§ 2. Соціально-политическія воззрѣнія Аренса. „Этическій моментъ“ въ экономикѣ (Schütz). Точка зрѣнія исторической школы политич. экономіи . . . . . 48—64
§ 3. Развитіе соціально-политическихъ идей въ нѣмецкой экономической литературѣ 40-хъ годовъ. Зачатки христіанскаго соціализма . . . . . 64—76
§ 4. Соціально-политическія воззрѣнія В. Э. Губера . . . . 76—86
§ 5. Этическій элементъ въ ученіи ф. Тюнена, А. Гакстгаузена, Т. Бернгарди . . . . . 86—92

Глава II-я. Основоположники теоріи государственнаго соціализма . . . . . 93—154

§ 1. Л. Штейнъ.—Теорія соціальной монархіи . . . . . 93—105
§ 2. Соціализмъ проф. Винкельблеха—Марло . . . . . 105—117
§ 3. Соціально-экономическая система Родбертуса . . . . 117—141
§ 4. Элементы „государственнаго соціализма“ въ ученіи Ф. Лассаля . . . . . 142—154

Глава III-я. Развитіе соціально-политическихъ тенденцій во второй половинѣ XIX-го столѣтія. Выступленіе „катедеръ-соціализма“ . . . . . 155—222

§ 1. Усвоеніе нѣмецкой экономической наукой „этическаго принципа“. . . . . 155—191
§ 2. „Катедеръ-соціалисты“ и „Der Verein für Socialpolitik“ . 192—222

Стр

Глава IV-я. Государственные соціалисты . . . . . 223—283

§ 1. Р. Мейеръ и Г. Вагенеръ . . . . . 223—239
§ 2. Ф. Гитце. Пасторы Тодтъ и Штенеръ. Журналъ „Staats-socialist“ . . . . . 239—253
§ 3. Ад. Вагнеръ и А. Шеффле . . . . . 253—269
§ 4. Второстепенные государственные соціалисты . . . . 270—283

Заключеніе . . . . . 284—302

ЧАСТЬ II-Я. СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ КН. БИСМАРКА.

Глава I-я (§§ 1—2). Характеристика соціально-политическихъ взглядовъ Бисмарка въ началѣ его общественной дѣятельности . . . . . 305—324

Глава II-я (§§ 1—2). Процессъ сложенія государственно-соціалистическихъ взглядовъ Бисмарка . . . . . 325—357

Глава III-я (§§ 1—3). Измѣненіе „курса“ экономической политики. . . . . . 358—392

Глава IV-я (§§ 1—7). Государственный соціализмъ Бисмарка 393—476

Заключеніе . . . . . 477—489

Введеніе.

Въ основѣ общественно-экономическихъ системъ физіократовъ и Ад. Смита, создавшихъ политическую экономію, какъ науку, лежитъ идея „естественнаго порядка“ (l'ordre naturel), предуказаннаго природой и требующаго, во имя благоденствія людей, своего осуществленія въ порядкѣ положительномъ (l'ordre positif). Эта идея являлась развитіемъ по отношенію къ экономикѣ доктрины „естественнаго права“, сыгравшей такую громадную роль въ эволюціи дисциплины права. Въ нашу задачу не входитъ выясненіе важности новой точки зрѣнія, выдвинутой французской и англійской экономической литературой; достаточно сказать, что безъ нея та наука, которая уже въ началѣ 17 вѣка получила названіе политической экономіи (Монкретьенъ де-Ватвилль), не могла-бы сдѣлаться теоретической дисциплиной, а слѣдовательно, наукой въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Знаменитая формула „laissez faire, laissez passer“, ограниченіе задачъ правительственной власти только отрицательными функціями, короче - построеніе идеи правового государства на смѣну меркантилистическаго полицейскаго—является простымъ логическимъ выводомъ изъ концепціи естественнаго порядка. Само собою разумѣется, что этотъ „естественный“ порядокъ наполнялся опредѣленнымъ „историческимъ“ содержаніемъ, т. е. тѣми представленіями и требованіями, которыя выдвигались эпохой, соціальными группами, стремящимися къ господству. На смѣну сословнаго строя, не знавшаго индивидуума, какъ такового, и абсолютистскаго режима, признающаго лишь подданныхъ, а не гражданъ—силою вещей приходитъ новый общественно-политическій укладъ, свободное, а не регулированное мѣновое хозяйство съ необходимой предпосылкой самодовлѣющей свободы лица. Задачи государства, не могущаго уже болѣе организовать и управлять сложной хозяй-

ственной кооперацiей и своимъ вмѣшательствомъ только тормозящаго стихiйный процессъ самоорганизацiи, сводятся къ охранѣ установленнаго права, именно того, которое является условiемъ свободной мѣновой экономики. „Эта государственная идея", говоритъ Tönnies, „*соотвѣтствовала идеаламъ* новаго экономическаго либерализма, который въ послѣднiя десятилѣтiя 18 вѣка уже и въ Германiи привлекъ на свою сторону просвѣщенныхъ мыслителей и политиковъ, чрезъ французское вліяніе физiократовъ и англiйское—ученiя Ад. Смита; это—программа свободы торговли и промышленности. Во всѣхъ этихъ мысляхъ заявляетъ о себѣ крѣпнущая въ самосознанiи и энергiи буржуазiя, „третье сословiе", претендующее сдѣлаться всеобщимъ" ...[1]).

Для людей XX-го вѣка, уже привыкшихъ разсматривать всѣ явленiя съ эволюцiонной исторической точки зрѣнiя, слишкомъ ясно, что эта общественно-экономическая система „естественнаго" равновѣсiя съ вытекающими изъ нея постулатами экономической политики, не могла быть долговѣчной. Какъ цѣльное, стройное зданiе, она не могла сохраниться даже въ ближайшемъ будущемъ. Прежде всего, „третье сословiе", достигшее фактическаго и даже „оффицiальнаго" господства, гдѣ это было возможно, вовсе не оказалось „всеобщимъ": дальнѣйшая эволюцiя общественнаго хозяйства выдвинула новые элементы—новую демократiю, для которой „естественное право" буржуазiи оказалось непрiемлемымъ. Въ трудахъ утопистовъ-соцiалистовъ эта демократiя выстраиваетъ свою систему „естественнаго порядка" и все настойчивѣе начинаетъ заявлять о своемъ недовольствѣ (Лiонское возмущенiе, чартистское движенiе). Провозглашаемая классической школой гармонiя интересовъ не осуществляется, а попытка Мальтуса найти причину дѣйстiй въ сферѣ бiологическихъ, а не соцiальныхъ законовъ, способствуетъ лишь большому отчужденiю высшихъ и низшихъ элементовъ общества.

Независимо отъ этого коренного противѣчiя интересовъ, опредѣляющаго, по крайней мѣрѣ, двойственность соцiальной *идеологiи (политическая экономiя и соцiализмъ), должны были*

[1]) Ferd. Tönnies, „Entwickelung der Soziologie in Deutschland im 19. Jahrhundert", ст. 3 въ сборн. „Die Entwickelung der deutschen Volkswirtschaftslehre im 19 J.". I Teil, Leipzig—1908.

еще долго имѣть мѣсто въ жизни столкновенiя новаго господствующаго класса съ пережитками старыхъ элементовъ, какъ-то помѣстнаго феодальнаго землевладѣнiя, цехового ремесленничества. Большее или меньшее значенiе послѣднихъ въ *какой-либо странѣ опредѣляло степень реакцiи въ духѣ* старыхъ началъ идеѣ правового государства и общественной экономiи Смита. Наконецъ, само „третье сословiе" могло въ различныхъ странахъ находиться на разныхъ ступеняхъ развитiя: въ условiяхъ, мало благопрiятствующихъ торговой и промышленной эволюцiи, буржуазiя должна была итти рука объ руку съ правительственной властью, съ абсолютизмомъ, какъ-бы дорого ей этотъ союзъ не обходился. Вѣдь даже Ад. Смитъ признавалъ крупное историческое значенiе за Навигацiоннымъ Актомъ Кромвеля! Сущность меркантилизма и соотвѣтствующей ему экономической политики, если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя уродливыя ея проявленiя (весьма частыя въ нѣмецкой „камералистикѣ"), именно и заключается въ созданiи главнѣйшихъ условiй развитiя современной экономики. Совершенно правильно замѣчаетъ проф. Шмоллеръ, что меркантилизмъ „по своему существу есть не что иное, какъ образованiе государства, но не только государства, а государства и народнаго хозяйства въ одно и то-же время, современнаго государства" [1]). „Лишь тотъ пойметъ меркантилизмъ, кто такъ на него смотритъ". Слѣдовательно, меркантильная политика покровительства, поощренiй разнаго рода, монополiй, борьбы изъ-за колонiй,—имѣла свой историческiй raison d'être, и—прежде всего—для того класса общества, который въ перiодъ зрѣлости презрительно отъ нея отворачивается.

Очевидно, въ странахъ, гдѣ еще не успѣли сложиться всѣ элементы современнаго хозяйства и государства, „естественное право" не могло получить всеобщаго признанiя. —

[1]) Schmoller, „Studien über wirthsch. Politik Friedrichs des Grossen und Preussens üb. 1680—1786", Jahrbuch, 1884, s. 43. Ibid.: „Es handelte sich um politische Machtfragen, die in erster Linie zugleich wirthschaftliche Organisationsfragen waren. Es handelte sich um die Entsthehung wirklicher Volkswirthschaften als einheitlicher Körper, in welchen nicht blos eine grosse, nach allen Seiten ausgreifende und sich einmischende staatliche Wirthschaft, sondern der lebendige Pulsschlag eines eigentlichen Geistes, grosser einheitlicher Interessen den Mittelpunkt abgab". 19-е столѣтiе получаетъ въ наслѣдiе эту работу, выполненную 17 и 18-ымъ.

Какъ результатъ совокупности указанныхъ моментовъ, въ серединѣ 19-го стол. кризисъ смитіанской системы достигъ своего крайняго напряженія. Во Франціи за новый „естественный“ строй, за „организацію труда“ съ помощью государственной власти — проливаются потоки крови; англійская рабочая демократія на практикѣ доказываетъ пользу ассоціаціи, хотя бы сначала и въ ограниченномъ масштабѣ; нѣмецкая буржуазія устами Фр. Листа заявляетъ свои протекціонистскія требованія; объ исключительныхъ мѣрахъ помощи взываютъ къ правительству представители отсталаго земледѣлія. Соотвѣтственно этимъ указаніямъ дѣйствительности—прочный фундаментъ политической экономіи начинаетъ шататься. Выдвигается новый уголъ зрѣнія—историческій. Подобно тому, какъ на смѣну школѣ естественнаго права выступаетъ историческая, такъ конструкціи „естественнаго экономическаго порядка“ (и буржуазнаго, и соціалистическаго) замѣняютъ концепціи, проникнутыя историзмомъ. Марксъ, Энгельсъ и Лассаль перерабатываютъ соціалистическую идеологію, Листъ, Рошеръ, Гильдебрандъ и Книсъ — смитіанскую. Нѣмецкій экономистъ Rösler, подвергая критикѣ смитовскую школу, говоритъ: „Сомнѣніе въ ученіяхъ и принципахъ этой теоріи казалось невозможнымъ, непозволительнымъ, если не безчестнымъ, преступленіемъ противъ здраваго человѣческаго разсудка, и что еще хуже—противъ либеральныхъ идей современности“ [1]). „Несомнѣнно историческій, человѣческій, этическій, органическій характеръ народнаго хозяйства былъ, такимъ образомъ, принесенъ въ жертву гипотезѣ абсолютнаго и абстрактнаго естественнаго порядка“... А между тѣмъ,— это понимаетъ уже экономическая наука въ лицѣ скептиковъ, „А. Смитъ и Ж. Ж. Руссо были, въ дѣйствительности, не менѣе утопистами, чѣмъ прежде Т. Моръ, а потомъ Кабе и С.-Симонъ; и если каждый изъ нихъ, безъ сомнѣнія, обладалъ извѣстной дозой исторической истины, то — однако — большое суевѣріе—думать, что въ прошломъ столѣтіи было открыто и возвѣщено евангеліе хозяйства для всѣхъ временъ и народовъ“ [2]).

[1]) H. Rösler. „Ueber die Grundlehren der v. A. Smith begründeten Volkswirthschaftstheorie. II Aufl. (первое — 1868 г.) — 1871 г. Erlangen. S. 1–2, 7.

[2]) Rösler, ibid. S. 273.

Такимъ образомъ, историческое содержаніе „естественнаго порядка“ смитовской школы было вскрыто: онъ пересталъ объяснять дѣйствительность, строить экономическую политику на его предпосылкахъ оказалось невозможнымъ. Пока буржуазная и соціалистическая утопіи противостояли одна другой, не могло быть и рѣчи о какомъ бы то ни было ихъ взаимномъ вліяніи: онѣ просто исключали другъ-друга. Мальтусъ уподобляетъ системы Оуэна и другихъ соціалистовъ звукамъ странствующаго органа, которые время отъ времени будутъ повторяться. Методологическое перерожденіе экономической науки мѣняетъ дѣло: соціализмъ можетъ стать предметомъ изученія, и притомъ полезнаго. Позитивная роль государства въ ученіяхъ большинства соціалистовъ-утопистовъ никакъ не можетъ сочетаться съ чисто охранительными функціями „правового“ государства. Теперь экономическая политика должна въ принципѣ соотвѣтствовать историческимъ запросамъ, а, слѣдовательно, допустимы и даже необходимы комбинаціи функцій обоего рода.

Стало принципіально мыслимымъ и желательнымъ вмѣшательство правительства въ хозяйственную жизнь для защиты интересовъ того или другого класса, въ зависимости отъ общественныхъ симпатій и антипатій различныхъ представителей экономической науки. Теоретически допустимымъ оказалось для экономистовъ признаніе и трактованіе „рабочаго вопроса“, который до сихъ поръ находилъ себѣ мѣсто лишь въ соціалистическихъ системахъ. Конечно, трудно предполагать, чтобы такое сближеніе „оффиціальной“ экономической науки съ соціализмомъ, облегчаемое и подсказываемое методологическимъ переворотомъ, явилось, какъ общее правило, результатомъ чисто научныхъ сомнѣній. Объясненія того вниманія, съ какимъ отнеслась политическая экономія къ соціализму въ извѣстное время въ нѣкоторыхъ странахъ, надо искать въ дѣйствительной жизни. Такъ, проф. Лексисъ по поводу „соціально-политическаго теченія“ въ Германіи замѣчаетъ: „Если въ нѣмецкой наукѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ обнаружился рѣшительный поворотъ къ соціальнымъ проблемамъ, то это было не слѣдствіемъ научно-соціалистической литературы, но вліяніемъ все сильнѣе проявляющагося практически-соціалистическаго и соціалъ-демократическаго рабочаго движенія, которое, какъ важный фактъ обще-

ственной жизни, должно было усиленно привлекать вниманіе представителей экономическихъ и соціальныхъ знаній“ [1]). Однако, при постановкѣ соціальныхъ проблемъ, въ критикѣ существующаго экономическаго уклада и въ нѣкоторыхъ позитивныхъ предположеніяхъ, волей-неволей, экономистамъ приходилось „итти на выучку“ къ соціалистамъ,—и въ этомъ смыслѣ отрицать вліяніе научнаго соціализма — немыслимо. Конечно, правъ van der Borght, говоря, что „соціальная политика и соціализмъ, по своему внутреннему существу, суть непримиримыя противоположности“, но врядъ ли съ нимъ можно согласиться, когда онъ заявляетъ, что „соціальная политика, на самомъ дѣлѣ, не есть ни приближеніе къ соціализму, ни уступка ему“ [2]). Достаточно вспомнить, какого рода уступки дѣлалъ Дж. Ст. Милль соціализму, даже въ утопической его формѣ—С-Симону, Фурье и Оуэну, чтобы признать наличность крупнаго вліянія соціалистическихъ построеній на экономическую науку.

Нѣмецкія страны (въ особенности Пруссія) находились въ условіяхъ, исключительно благопріятныхъ для проявленія какъ общей реакціи смитіанизму, такъ и особеннаго вниманія со стороны „оффиціальной“ политической экономіи — къ рабочему, соціальному вопросу. Чтобы не предвосхищать дальнѣйшаго изложенія, мы ограничимся лишь самыми необходимыми для постановки вопроса замѣчаніями. Темпъ экономическаго развитія германскихъ странъ въ первую половину 19-го столѣтія былъ очень медленный: хозяйство въ значительной степени носило полупатріархальный характеръ. Конечно, разлагающее для прежнихъ хозяйственныхъ формъ вліяніе капитализма — сказывалось, но борьба противъ него со стороны „стараго“ порядка велась упорно и могла не казаться безнадежной. Лишь со второй половины прошлаго столѣтія Германія быстро двинулась по пути капиталистической эволюціи. Въ 50-хъ годахъ переживается небывалый хозяйственный подъемъ; соотвѣтственно этому слагается сильная „нѣмецкая фритредерская школа“—съ Принсъ-Смитомъ и Михаэлисомъ во главѣ. Но—наряду съ этимъ—въ государ-

[1]) Ст. Lexis'a. „Systematisierung, Richtungen und Methoden der Volkswirthschatslehre“ въ „Die Entwicklung der d. Volkswirthschaftslehre“, l. c., s. 26.

[2]) Van der Borght. „ Grundzüge der Socialpolitik. L. 1904, s. 22.

ственно-правовой области сохраняются устарѣвшія формы, а съ 60-хъ годовъ развивается рабочее движеніе, которому суждено было вскорѣ сдѣлаться сильнѣйшимъ въ Европѣ по степени политическаго эффекта. Свойственное германскимъ ученымъ экономистамъ нерасположеніе къ смитіанству (или, лучше сказать, къ крайней формѣ послѣдняго—манчестерству) находитъ новую пищу для своего проявленія въ этихъ „отрицательныхъ моментахъ“ капиталистическаго хозяйства. Напуганная агитаціей Лассаля и парижской коммуной, преслѣдуемая призракомъ „соціальной революціи“, внушительная группа нѣмецкихъ ученыхъ рѣшается порвать со смитовскими традиціями, казавшимися до извѣстной степени священными въ академической наукѣ, и—согласно запросамъ даннаго историческаго момента, главное свое вниманіе обращаетъ на соціальную проблему. Историческія комбинаціи, болѣе подробное разсмотрѣніе которыхъ предстоитъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, способствовали тому, что именно въ Германіи реакція смитіанству проходитъ подъ „соціально-политическимъ“ флагомъ, что оффиціальная наука смѣло идетъ на извѣстное сближеніе съ соціализмомъ, вмѣсто практиковавшагося повсюду презрительнаго третированія послѣдняго. Наивысшая форма напряженія соціально-политической тенденціи воплощается даже въ своеобразную „государственно-соціалистическую систему“. Какимъ языкомъ заговорили оффиціальные представители германской науки и — нѣсколько позже — представители правительственной власти, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго.

Проф. Ад. Вагнеръ въ октябрѣ 1871 г. открыто выступаетъ съ заявленіемъ о необходимости государственнаго вмѣшательства въ соціальную распрю. Соціалисты во многихъ своихъ нападкахъ на современный хозяйственный строй—по его мнѣнію—совершенно правы, и отъ нихъ можно многому научиться

„Соціалистическая критика не стоитъ, какъ утверждали, въ противорѣчіи съ истинами національной экономіи: это вѣрно, что имущественныя неравенства и классовыя противорѣчія въ современной хозяйственной системѣ имѣютъ тенденцію увеличиваться“, а не уменьшаться [1]).

[1]) Ad. Wagner, „Rede über die sociale Frage“, Berl., 1872, s. 19.

Предоставить угнетаемую часть населенія собственнымъ силамъ—немыслимо. Принципъ „Sebsthilfe“, проповѣдуемый либералами, также односторонень, какъ и исключительное начало „Staatshilfe“. Государство имѣетъ право и обязанность „ограничить хозяйственный эгоизмъ“. Повліять, хотябы сначала посредствомъ цѣлесообразной податной системы, на большую равномѣрность въ распредѣленіи доходовъ—было бы въ высшей степени благодѣтельно. Свойственная экономическому индивидуализму подозрительность къ рабочимъ союзамъ должна быть отброшена. „Государство не имѣетъ ни интереса, ни права враждебно относиться къ рабочимъ союзамъ, поскольку они ограничиваются хозяйственными цѣлями. Скорѣе союзы могутъ разсчитывать на поддержку правильной регулировкой ихъ правового положенія“ [1]). Даже планируемыя Лассалемъ производительныя ассоціаціи, если и не разрѣшатъ соціальной проблемы, то много могутъ улучшить положеніе рабочихъ. Государству опятьтаки надлежитъ правильно поставить юридическую сторону дѣла. „Вмѣстѣ съ тѣмъ, представляется возможность сдѣлать опытъ устройства такихъ ассоціацій въ государственныхъ предпріятіяхъ: онѣ могли-бы служить образцами“. Какъ видимъ, Вагнеръ доходитъ до воспріятія положительной части программы Лассаля (хотя-бы и въ небольшомъ масштабѣ), т. е. подвергаетъ сомнѣнію исключительность принципа хозяйственнаго индивидуализма. Нечего и говорить, что его взорамъ открывается обширная область для государственнаго вмѣшательства—въ сферѣ регулированія рабочаго времени и заработной платы. Идею принудительнаго страхованія Вагнеръ находитъ вполнѣ цѣлесообразной. Умный и честный человѣкъ, по его заявленію, не можетъ теперь быть манчестерцемъ. „Нѣтъ, не будемъ больше обманываться: только широкое государственное вмѣшательство, только законы и принудительная власть государства... привели къ осуществленію элементарнѣйшихъ обязанностей человѣчности и христіанства“ [2]). Національная экономія старой школы стоитъ на невѣрной почвѣ: она не учитываетъ этическаго момента. Но безъ послѣдняго нельзя и подойти къ соціальному вопросу. Конечно, „разрѣшеніе (послѣдняго) въ собственномъ смыслѣ невозможно. Всегда бу-

[1]; [2]) Wagner, l. c. s. 33, 38.

дутъ бокъ о бокъ существовать бѣдность и нищета,... благосостояніе и богатство, разница въ обезпеченности, которую нельзя будетъ объяснить личными заслугами. Но наша задача заключается въ томъ, чтобы по-возможности уменьшить существующее неравенство и проистекающее отсюда зло, и это всегда въ значительной степени возможно. Если мы это сдѣлаемъ, то мы выполнимъ нашу обязанность и долгъ; этого можно отъ насъ требовать, не больше, но и не меньше“ [1]).

Итакъ, проф. Вагнеръ, рѣзче всѣхъ формулировавшій практическія стремленія новаго теченія, со свойственной ему горячностью обозвалъ экономическій либерализмъ неумнымъ и нечестнымъ.

Въ томъ-же году проф. Шенбергъ произноситъ не менѣе симптоматическую „академическую“ рѣчь о „задачахъ нѣмецкой имперіи“. Его поразило блестящее основаніе новаго государства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не даетъ покоя кровавый призракъ „соціальной революціи“. Государство и соціальный вопросъ—вотъ тема его рѣчи. Фихте предсказалъ нѣмецкому народу великую будущность; имѣя въ виду это величіе, говоритъ Шенбергъ, „мы требуемъ, прежде всего, чтобы эта новая работа была работой мирной, работой мирной культуры и цивилизаціи. Свое единство, величіе, мощь Германія не используетъ для завоевательной политики“ [2]). Государство является не только правовымъ, но и культурнымъ институтомъ—этого требуетъ нѣмецкій духъ. Перечисляя стоящія на очереди задачи вновь образованной Имперіи (борьба съ римскимъ іезуитизмомъ, децентрализація госуд. управленія—Шенбергъ смѣло выдвигаетъ „помощь Имперіи въ разрѣшеніи угрожающаго Европѣ такъ наз. соціальнаго вопроса“ [3]). „Практическое участіе государства въ разрѣшеніи соціальной проблемы есть вмѣшательство государства въ хозяйственную сферу“ [4]); это противорѣчитъ манчестерскому принципу, но Шенбергъ къ послѣднему относится съ отвращеніемъ. Манчестерская доктрина—плодъ абстракціи. „Руководящимъ принципомъ практической экономической политики долженъ быть слѣдующій: право и обязанность культурнаго государства, какъ выразителя общей силы и воли,

[1]) Wagner, l. c. s. 33, 38.

[2]) [3]) [4]) G. Schönberg. «Arbeitsämter», Eine Aufgabe des d. Reichs. Akademische Rede. Berlin, 1871. S. 2, 4, 11, 12

вторгаться законодательнымъ и административнымъ воздѣйствіемъ въ экономическую жизнь во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ цѣли хозяйства могутъ быть при его содѣйствіи достигнуты лучше, чѣмъ при дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и группъ".

Легко можно видѣть, что взамѣнъ концепціи Rechtsstaat'a передъ нами выплываетъ модернизированное Polizeistaat. Шенбергъ ссылается на особый „нѣмецкій духъ"—въ оправданіе своего взгляда. Намъ придется въ дальнѣйшемъ выяснить эту ссылку.—Итакъ, отъ Германской Имперіи онъ ожидаетъ „экономическаго законодательства". О соціальномъ вопросѣ надо не только говорить, но и дѣйствовать въ этой области. „Положеніе многихъ милліоновъ рабочихъ въ безчисленномъ количествѣ случаевъ находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ минимальными требованіями, которыя съ точки зрѣнія современной этики можно предъявить къ человѣческому существованію; вопіющимъ образомъ оно противорѣчитъ содержанію права личности, которое мы выдвигаемъ какъ базисъ правового и культурнаго государства, и это—большой позоръ для современной высокой культуры, которой мы такъ гордимся" [1]). Какъ бы далеко, однако, ни заходили его нападки на существующій общественно-экономическій порядокъ, онъ, подобно Вагнеру, спѣшитъ отмежеваться отъ соціализма, какъ революціонной и несбыточной утопіи: „разрѣшеніе вопроса не стоитъ ни на пути соціализма, ни на пути манчестерства". „Простая самопомощь угнетенныхъ классовъ недостаточна, чтобы разрѣшить проблему; ей на помощь въ большей или меньшей мѣрѣ должно придти содѣйствіе общества и государства" [2]). Конечно, объ окончательномъ разрѣшеніи проблемы не можетъ быть рѣчи, а лишь о смягченіи зла. Далѣе, Шенбергъ выдвигаетъ цѣлую программу соціальнополитическаго характера, какъ для городскихъ, такъ и сельскихъ рабочихъ; здѣсь имѣетъ мѣсто и улучшеніе жилищныхъ условій, и образованіе производительныхъ товариществъ, и кассы взаимопомощи; надзоръ и регулированіе фабричнаго труда, и притомъ не только дѣтскаго и женскаго, но и взрослыхъ мужчинъ, устройство примирительныхъ камеръ и третейскихъ судовъ—и цѣлый рядъ другихъ соціально-реформаторскихъ предложеній, перечислять которыя не представляется надобности. Они во многомъ напоминаютъ проекты Сисмонди, полстолѣтія тому назадъ выдвинутыя и погребенныя. Не забыта здѣсь и критика косвенныхъ налоговъ—и, когда Шенбергъ планируетъ „устраненіе косвеннаго обложенія" и постепенный переходъ къ прогрессивному подоходному, это должно было производить очень сильное впечатлѣніе, такъ какъ невольно вспоминались блестящія рѣчи Лассаля на ту же тему. И не удивительно, что Шенбергъ ежеминутно открещивается отъ соціализма. Требуя рабочей анкеты для выясненія возможныхъ предѣловъ государственнаго вмѣшательства, онъ опять повторяетъ: „это есть требованіе государственной помощи въ соціальномъ вопросѣ, но помощи ни въ коемъ случаѣ не соціалистическаго характера" [1]). Рекомендуемая имъ помощь непосредственно вытекаетъ изъ самой идеи государства. Государство должно знать, въ какомъ положеніи находятся его члены; Шенбергъ „категорически" требуетъ, чтобы оно сказало это относительно рабочихъ „нѣмецкому народу". Для осуществленія такой всесторонней анкеты надо страну разбить на округа, во главѣ которыхъ поставить особыхъ чиновниковъ („Arbeitsämter"). Но, можетъ быть, предлагаемое Шенбергомъ—преддверіе своеобразнаго „des staatlichen Socialismus" — государственнаго, правительственнаго соціализма? „Этого не станетъ утверждать ни одинъ разумный человѣкъ!" [2]) Однако, какъ сейчасъ увидимъ, такіе люди нашлись, и кличка „государственный соціализмъ", при всей своей неопредѣленности, стала очень популярной. Мало того, нашлись люди, съ гордостью принявшіе и носившіе названіе „государственныхъ соціалистовъ".

Мы остановились, прежде всего, на этихъ двухъ рѣчахъ не потому, что онѣ знаменовали собой первое проявленіе соціально-политической тенденціи въ нѣмецкой экономической наукѣ; на послѣдующихъ страницахъ нашей работы мы попытаемся показать постепенный ростъ интересующаго насъ теченія. Но въ этихъ рѣчахъ впервые соціально-политическія идеи рѣзко выдвигаются передъ обширной аудиторіей, дѣлается запросъ общественному мнѣнію. Буржуазные его представители узко-либеральнаго толка, въ лицѣ Oppenheim'a,

[1])[2]) Schönberg, ibid., s. 16—22.

[1])[2]) Schönberg, ibid. s. 31—41.

откликнулись: послѣдній въ Nationalzeitung попробовалъ зло осмѣять Вагнера, Шенберга, Шеля и др. соціалъ-политиковъ и далъ имъ шутливое прозвище „катедеръ-соціалистовъ". Оппенгеймъ со злородствомъ указываетъ, что соц.-демокр. пресса радовалась выступленію Вагнера, видя въ этомъ успѣхи своей пропаганды [1]). Послѣ грубаго отвѣта Вагнера („Offener Brief an Herrn Oppenheim"), въ брошюрѣ — „Der Katheder-Sozialismus" Оппенгеймъ призналъ за собой и своими единомышленниками нѣкоторую нетактичность въ злоупотребленіи терминомъ „соціалистъ", но настаиваетъ на томъ, что недостойно представителей науки „кокетничать соціалистическими лозунгами" и заискивать передъ рабочими. Пусть лучше господа профессора, вмѣсто произнесенія общихъ фразъ, займутся серьезными изслѣдованіями въ интересующей ихъ области. Однако, „профессора" охотно мирятся съ даннымъ имъ прозвищемъ—и нарожденіе соціально-политической группы стало несомнѣннымъ. Осенью 1872 г. устраивается въ Эйзенахѣ конгрессъ, причемъ правительство отнеслось къ нему благосклонно, хотя оффиціально своего представителя не прислало.

Для постановки вопроса намъ сейчасъ будетъ достаточно привести только нѣкоторыя выдержки изъ вступительной рѣчи проф. Шмоллера и изъ воззванія къ основанію извѣстнаго „Verein'a für Socialpolitik". Подробнѣе на этомъ матеріалѣ мы остановимся въ дальнѣйшемъ. Противорѣчія современнаго соціальнаго уклада, говоритъ Шмоллеръ, вскрылись: колоссально возросшая производительность труда не обезпечиваетъ общественнаго равновѣсія. Слишкомъ мало думали о вліяніи формъ хозяйственной организаціи на людей и много—о богатствѣ. Этическій моментъ былъ совершенно упускаемъ экономистами. На соціальную проблему, этотъ результатъ столкновенія классовыхъ противорѣчій, закрывали глаза. Въ государствѣ видѣли простого охранителя, какъ „необходимое, но подлежащее возможнымъ ограниченіямъ зло"; „для Васъ", продолжаетъ Шмоллеръ, „оно всегда является величавымъ нравственнымъ институтомъ для воспитанія человѣческаго рода". „Отдавая должное конституціонной системѣ, мы, однако, не желаемъ перемѣнчиваго

[1]) См. Oppenheim. „Der Kathedersocialismus", Berlin, 1872, s. 44, 50, а также — Wagner, „Offener Brief an Herrn Oppenheim", B. 1872, s. 33, 79.

классоваго господства различныхъ, борющихся другъ съ другомъ экономическихъ классовъ; мы желаемъ сильной государственной власти, которая, стоя выше эгоистическихъ классовыхъ интересовъ, издавала бы законы, справедливою рукою вела бы управленіе, защищала слабыхъ, способствовала бы подъему низшихъ классовъ; въ двухстолѣтней борьбѣ, которую побѣдоностно вела прусская бюрократія и прусская королевская власть за уравненіе правъ, за устраненіе всякихъ привилегій и преимуществъ высшихъ классовъ, за эмансипацію и подъемъ низшихъ, мы видимъ лучшее наслѣдіе нашей нѣмецкой государственности, которой мы никогда не рѣшимся измѣнить" [1]). По этой характерной выдержкѣ можно судить, что экономическая реакція либерализму въ извѣстной мѣрѣ сочеталась съ политической; точно также передъ нами всплываютъ тѣ особенности нѣмецкой исторіи, которыя создавали упоминаемый Шенбергомъ „нѣмецкій духъ". Шмоллеръ, быть можетъ нѣсколько неосторожно, проектируемому имъ „Sozialstaat'у" поставилъ, въ качествѣ прообраза, традиціи—полицейское государство старой Пруссіи. Эта черта въ высшей степени характерна для изучаемаго нами ученія — и её отмѣчаютъ всѣ изслѣдователи даннаго вопроса [2]).

„Мы требуемъ отъ государства, отъ всего общества и отъ каждаго отдѣльнаго лица, которое желаетъ помочь разрѣшенію задачъ времени, чтобы они прониклись великимъ идеаломъ. Этотъ идеалъ можетъ и долженъ быть таковъ: привлекать все большую часть народа къ участію во всѣхъ высшихъ благахъ культуры, въ образованіи и благосостояніи. Это можетъ и должно быть великой, въ лучшемъ смыслѣ слова, демократической задачей нашего развитія, какъ, повидимому, она является высшей цѣлью всего мірового хозяйства" [3]). Итакъ, — соціальная политика, проводимая сильной государственною властью, опирающейся на демократію.

Соотвѣтственно высказаннымъ въ этой рѣчи положеніямъ—

[1]) Schmoller, Рѣчь перепечатана въ „Zur Sozial- und Gewerbepolitik der Gegenwart", Leipz. 1890, s. 9.

[2]) См. введеніе въ книгѣ Charles Andler'a, „Les origines du socialisme d'État en Allemagne", Paris, 1897.

[3]) Schmoller, l. c. s. 12.

составляется „Aufruf zur Gründung eines Vereins für Socialpolitik“ (подпис. 31 мая 1873 г.). Беремъ изъ него наиболѣе характерныя положенія. Въ эволюціи современнаго хозяйственнаго строя „угрожающе въ настоящее время выдвинулась распря между капиталомъ и трудомъ. Мы держимся того взгляда, что государству и обществу настоятельно предстоятъ задачи мирной реформы“. И, прежде всего, въ области рабочаго вопроса: своимъ вмѣшательствомъ государство и общество должно способствовать смягченію борьбы. Равнымъ образомъ, выдвигается рядъ проблемъ въ области народнаго образованія и здравія, транспорта, финансовъ, акціонернаго дѣла. „Мы убѣждены, что неограниченное господство отчасти противорѣчивыхъ и неодинаково сильныхъ индивидуальныхъ интересовъ не обезпечиваетъ блага всего общества, что скорѣе требованія общественности и гуманности должны также и въ хозяйственной жизни найти свое выраженіе, и что своевременно призвать благодѣтельное вмѣшательство государства для защиты правыхъ интересовъ всѣхъ его членовъ“ [1]). И этотъ призывъ къ государственной власти надо разсматривать не какъ крайнюю мѣру, а какъ признаніе высшей задачи „нашего времени и нашей націи“. Для обмѣна мнѣній въ союзъ приглашаются представители различныхъ общественныхъ слоевъ, люди науки и практики.

Вокругъ выдвинутыхъ новымъ направленіемъ тезисовъ разгорѣлась жаркая литературная полемика, въ которой сторонники соціальной политики яснѣе и опредѣленнѣе формулировали свои взгляды. Но власть въ лицѣ Бисмарка, къ которой обращались съ призывомъ, пока молчала: канцлеръ занятъ былъ другими вопросами и руководительство экономической политикой оставлялъ въ рукахъ сторонниковъ экономическаго либерализма (Delbrück). Къ концу 70-хъ годовъ назрѣваетъ переломъ: новая эра открывается закономъ противъ соціалистовъ (19 окт. 1878 г.) и введеніемъ покровительственнаго таможеннаго тарифа (12 іюля 1879 г.). Вслѣдъ за этимъ начинается эпоха „соціальныхъ реформъ“, которыхъ довольно-таки долго пришлось ожидать проповѣдникамъ соціальной миссіи государства. Если раньше рѣчь шла только объ извѣстномъ идейномъ теченіи, то теперь,

[1]) См. Verhandlungen des Ver. für Socialpolitik—1873 J. Leipzig, 1874.

въ проектахъ обязательнаго страхованія рабочихъ, созидалась соціально-политическая практика. „Соціализмъ“ уже изъ профессорскаго, какъ будто въ самомъ дѣлѣ становился „государственнымъ“. Въ мотивировкѣ и защитѣ своихъ законопроектовъ Бисмаркъ не стѣсняется въ употребленіи соціалистическихъ терминовъ и въ критикѣ экономическаго либерализма. Предвосхищая будущее изложеніе, приведемъ двѣ-три характерныя выдержки изъ его рѣчей. При первомъ обсужденіи проекта страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, онъ заявилъ (2/IV 1881 г.), что исповѣданіе „чистаго манчестерства въ политикѣ“ несовмѣстимо съ монархическими, патріархальными устоями прусскаго государства [1]). Планируя табачную монополію, которая должна была-бы дать средства на проведеніе соціальныхъ реформъ, Бисмаркъ заявляетъ (12/VI 1822 г.): „что касается упрека въ соціализмѣ, то я могъ бы о немъ и не упоминать: соціалистичны многія мѣропріятія, осуществленныя у насъ ко благу страны—и въ нашей имперіи надо было-бы привыкнуть еще къ большему соціализму. Мы должны реформами встрѣчать соціализмъ, если желаемъ слѣдовать государственной мудрости Штейнъ-Гарденберговскаго законодательства, освободившаго крестьянъ“ [2]).

Въ рѣчи 9 мая 1884 г. Бисмаркъ опредѣленно высказался за „право на трудъ“, тотъ лозунгъ, который былъ написанъ на знамени французскихъ рабочихъ въ революцію 48-го года и вызвалъ соотвѣтствующій декретъ временнаго правительства. „Да, я безусловно признаю право на трудъ, и останусь при этомъ убѣжденіи, пока буду занимать этотъ постъ“. Правда, далѣе онъ дѣлаетъ слѣдующее поясненіе: „При этомъ я нахожусь не на почвѣ соціализма, а на почвѣ прусскаго земскаго уложенія“. Цитируется параграфъ, согласно которому на обязанности государства лежитъ указаніе работы тѣмъ, кто не можетъ найти таковой. Развѣ, спрашиваетъ Бисмаркъ, это не есть прокламированіе права труда? „И развѣ всѣми нашими этическими отношеніями не оправдывается поведеніе человѣка, который придетъ къ своимъ согражданамъ и скажетъ: „я здоровъ, охочъ къ труду, но не нахожу никакой работы, дайте ее мнѣ!“ Не обязано ли

[1]) [2]) См. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags.

государство дать ему работу?“ [1]) Какъ-бы то ни было, но полицейское государство 18 вѣка оживаетъ въ рѣчахъ Бисмарка для выполненія современныхъ соціально-политическихъ задачъ.

Достаточно упомянуть еще о знаменитомъ „Kaiserliche Botschaft“ 17 ноября 1881 г., этой „magna charta“ соціальной политики. Германскій императоръ торжественно въ этомъ посланіи беретъ на себя соціальную миссію: „уже въ февралѣ этого года мы высказали наше убѣжденіе, что исцѣленія отъ соціальныхъ недуговъ нельзя искать исключительно въ репрессіяхъ по отношенію къ соціалъ-демократическимъ проявленіямъ, но одинаково — и въ положительномъ подъемѣ благосостоянія рабочихъ. Мы считаемъ нашей обязанностью, какъ Императора, снова возложить на рейхстагъ эту задачу [2])“... Ближайшимъ образомъ имѣется въ виду проведеніе закона страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Въ „Kaiserliche Botschaft“ отъ 14 апрѣля 1883 г. подтверждается: „наши императорскія обязанности повелѣваютъ намъ не пренебрегать ни однимъ средствомъ, имѣющимся въ нашей власти, чтобы достичь улучшенія положенія рабочихъ и мира между классами“ [3]).

Монархія въ Германіи становится „соціальной“: невозможное, согласно прежнимъ представленіямъ, повидимому, осуществляется. Восьмидесятые и первая половина девяностыхъ годовъ германской внутренней политики проходитъ подъ знаменемъ „государственнаго соціализма“; померкнувшій было въ послѣдніе годы управленія Бисмарка, онъ снова вспыхиваетъ при вступленіи на престолъ Вильгельма II, чтобы вскорѣ окончательно „сойти съ трона“. Идеи соціальной политики, уже подтверждаемые государственной практикой, производятъ сильное впечатлѣніе въ другихъ странахъ; однихъ экономистовъ онѣ привлекаютъ, на другихъ наводятъ ужасъ. Но — въ концѣ концовъ, подавляющее большинство, независимо отъ различія во многихъ теоретическихъ вопросахъ экономіи, въ большей или меньшей мѣрѣ становятся соціальными

[1]) См. соотв. „Stenographische Berichte“.

[2]) См. L. Hahn, „Fürst Bismarck, Sein politisches Leben und Wirken“, IV Band., B.—1886.—перепечат. маниф., s. 220—222.

[3]) Манифестъ перепечатанъ у Poschinger'a —„Fürst Bismarck, als Volkswirth“ B. 1891—III—B., s. 15—155.

политиками. Правда, въ средѣ самихъ нѣмецкихъ ученыхъ сразу возникли крупныя разногласія по вопросу о предѣлахъ государственнаго вмѣшательства и методахъ послѣдняго. Не всѣ съ одинаковою готовностью соглашались стать подъ знамя „государственнаго соціализма“. Дальше всѣхъ въ этомъ отношеніи пошелъ Вагнеръ. Въ докладѣ „о соціализмѣ, соціалъ-демократіи, катедеръ- и государственномъ соціализмѣ“ онъ, подводя итоги общественному теченію, проявившемуся послѣ основанія Германской Имперіи, называетъ „катедеръ-соціализмъ—пустой кличкой; подъ государственнымъ же соціализмомъ онъ разумѣетъ „во всякомъ случаѣ, опредѣленное научное, теоретическое и практическое направленіе“. „Это — направленіе отдѣльныхъ катедеръ-соціалистовъ, ни въ коемъ случаѣ не всѣхъ, даже—собственно—немногихъ изъ нихъ. Это названіе какъ разъ соотвѣтствуетъ моимъ взглядамъ“ [1]).

Въ брошюрѣ, трактующей объ отношеніи „академической національной экономіи къ соціализму“, Вагнеръ опять подчеркиваетъ уже ранѣе имъ высказанную мысль: „новѣйшая нѣмецкая національная экономія, во всякомъ случаѣ, поучилась и у соціализма, у его критики и теоріи“. „Современная нѣмецкая академическая наука въ соціально политическомъ отношеніи занимаетъ среднее мѣсто между экономическимъ индивидуализмомъ и соціализмомъ“ [2]). Такимъ образомъ, одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ приверженцевъ интересующаго насъ ученія признаетъ вліяніе соціализма на академическую науку, какъ въ критической, такъ и положительной его части; упомянутое нами воздѣйствіе одной идеологіи на другую, очевидно, имѣло мѣсто.

Въ настоящемъ изслѣдованіи своей задачей мы ставимъ изученіе идейнаго и практическаго выраженія „государственнаго соціализма“, этой наиболѣе радикальной формы соціально-политическихъ тенденцій въ Германіи. На послѣдующихъ страницахъ мы, съ одной стороны, попытаемся, насколько это возможно, выяснить интересущее насъ направленіе, проанализировать идеи, легшія въ основаніе

[1]) Ad. Wagner. „Vortrag über Socialismus, Socialdemokratie, Katheder- und Staatssocialismus“. Berlin 1895. S. 9.

[2]) Ad. Wagner. „Die akademische Nationalökonomie und der Socialismus“. Berlin, 1895. S. 9, 32.

„государственаго соціализма", представить извѣстную преемственность общественно-экономическихъ взглядовъ, обусловливаемую требованіями реальной жизни; съ другой стороны, мы ознакомимся съ опытомъ примѣненія на практикѣ данной системы, съ „государственнымъ соціализмомъ" Бисмарка. И во второй части работы главное наше вниманіе будетъ сосредоточено на мотивахъ, цѣляхъ, преслѣдуемыхъ канцлеромъ, а не на объективной сторонѣ его реформъ, такъ какъ лишь такимъ анализомъ можетъ быть вскрыта истинная сущность дѣла, могутъ быть поняты дѣйствительныя причины знаменательнаго поворота государственной практики въ сторону соціализма.

Начать наше изложеніе непосредственно съ провозглашенія германскими учеными „соціально-политической" эры мы не можемъ: какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, реакція въ этомъ направленіи въ нѣмецкой экономической наукѣ назрѣвала давно и находилась въ тѣсной связи со всѣми другими, противными смитіанству, теченіями. Учесть, въ большей или меньшей мѣрѣ, послѣднія, — необходимо для правильнаго пониманія соціально-политическаго направленія. Напр., по приведеннымъ нами цитатамъ можно съ несомнѣнностью установить извѣстную связь „государственнаго соціализма" съ традиціями „полицейскаго государства". Говоря о послѣднемъ, крупный французскій ученый — Анри Мишель прибавляетъ: „идея его существуетъ и въ настоящее время: государственный соціализмъ, какъ мы его понимаемъ, есть лишь модернизованная форма идеи полицейскаго государства"; и въ другомъ мѣстѣ: „въ руководящихъ идеяхъ государственнаго соціализма раскрываются принципы просвѣщеннаго абсолютизма. Методъ—одинаковъ, мотивы—одни и тѣ же, результаты—равноцѣнны" [1]). Другой французскій критикъ, Леонъ Сей, находитъ, что государственный соціализмъ есть „нѣмецкая философія", которая „въ

[1]) H. Michel. „L'idée de l'état". Paris, 1896, p. 26, 578. Совершенно неправъ Бидерманнъ, который въ своей книгѣ, перепданной въ 1900 г., высказываетъ такое мнѣніе: „Der heutige Staatssocialismus, wie er in Deutschland seit nun mehr als anderthalb Jahrzehnten in Wirksamkeit besteht, ist das gerade Gegenteil jener alt-bureaukratischen Behandlung der socialen Frage, wie sie im vorigen Jahrhundert an der Tagesordnung war". См. K. v. Biedermann. „Vorlesungen über Socialismus und Socialpolitik". Breslau—1900 (пер. изд. L.—1843 г.), s. 155.

одно и то же время — имперіалистична и феодальна" [1]). А клерикальный экономистъ, Claudio Jannet, отмѣчаетъ, что „германская школа пытается добраться до корня зла и устранить экономическую анархію вмѣшательствомъ государства, какъ съ помощью прямыхъ агентовъ, такъ и обязательныхъ корпорацій, организованныхъ... по типу старыхъ цеховъ" [2]). Также разсуждаетъ и авторъ англійской работы о государственномъ соціализмѣ — Dawson, говоря о Шмоллерѣ и Вагнерѣ, что они хотятъ отъ правительства выполненія завѣтовъ Фридриха Великаго—поддерживать равновѣсіе между классами; что „прусская монархія отличается отъ европейскихъ во многихъ отношеніяхъ, но особенно — традиціонными демократическими симпатіями" [3]).—Ясно, что для правильности и полноты анализа намъ необходимо, хотя бы въ общихъ чертахъ, ознакомиться съ развитіемъ экономической науки въ Германіи, по крайней мѣрѣ съ того времени, какъ были сдѣланы попытки пересадить идеи Ад. Смита на нѣмецкую почву: характеръ и различныя направленія реакціи противъ смитіанства опредѣляютъ элементы государственнаго соціализма. Слѣдовательно, наше изложеніе придется начать нѣсколько издалека, дѣлая его болѣе подробнымъ и исчерпывающимъ по мѣрѣ приближенія къ „соціально-политической эпохѣ" германской общественно-экономической жизни.

Во избѣжаніе недоразумѣній, необходимо еще посвятить нѣсколько строкъ поясненію термина „государственный соціализмъ", поскольку это мыслимо сдѣлать во введеніи. Конечно, опредѣлить данное теченіе можно лишь въ концѣ работы, послѣ это изученія; но мы должны, ради ограниченія темы, сейчасъ установить нѣкоторые характерные признаки, выдѣляющіе государственный соціализмъ среди другихъ направленій. Собственно говоря, всякій революціонный соціализмъ, за исключеніемъ такъ наз. „анархическаго коммунизма", въ большей или меньшей мѣрѣ представляетъ собою государственный соціализмъ, такъ какъ предполагаетъ коллективистическое веденіе хозяйства подъ высшимъ надзоромъ

[1]) Léon Say. „Le socialisme d'état", P. 1884—p. 3.

[2]) Claudio Jannet. „Le socialisme d'état et la réforme sociale".

[3]) W. H. Dawson. „Bismarck and State-Socialism", Lond., 1890, s. 15.

и руководствомъ государственной власти. Анархисты какъ разъ и называютъ съ презрѣніемъ соціалъ-демократическій идеалъ государственно-соціалистическимъ. Изъ предыдущаго мы видѣли, что подлежащій нашему изслѣдованію государственный соціализмъ, хотя и сознается открыто въ нѣкоторыхъ позаимствованіяхъ у революціоннаго, но выстраивается спеціально для борьбы съ послѣднимъ, предполагая своевременными реформами предупреждать соціальную революцію.

Слѣдовательно, идея политическаго переворота, захвата государственной власти демократіей, свойственная революціоннымъ соціалистамъ, у „государственныхъ"—совершенно отсутствуетъ: политически они—консервативны. Быть можетъ, при ближайшемъ изслѣдованіи мы откроемъ у нихъ даже реакціонные элементы—въ политическомъ и соціальномъ отношеніи. Государство въ ихъ предположеніяхъ есть современное, исторически сложившееся. Консервативные государственные соціалисты обращаются не къ революціонному, а нынѣ стоящему у власти правительству. Слѣдовательно, проще было-бы въ этомъ случаѣ предикатъ „государственный" замѣнить словомъ „правительственный". На этомъ настаиваютъ, напр., нѣкоторые французскіе ученые: такъ, во время преній въ Академіи моральныхъ и политическихъ наукъ—по поводу книги Брентано, когда всѣ выдающіеся экономисты (Léon Say, Leroy-Beaulieu, Courcelle-Seneuil, Levasseur и др.) рѣзко отрицательно отнеслись къ новому теченію, G. Picot предлагалъ для „ясности дебатовъ", вмѣсто слова „государство", употреблять „болѣе конкретное выраженіе—правительство" [1]). Такъ именно опредѣлили Марксъ и Энгельсъ прусскія консервативныя соціально-политическія тенденціи въ концѣ 40-хъ годовъ, когда въ противовѣсъ демократической партіи въ Кэльнѣ извѣстный Hermann Wagener вдохновлялъ, съ соизволенія властей, реакціонный „Rheinische Beobachter", проповѣдуя идею союза пролетаріата съ правительствомъ противъ буржуазіи—„Königlich-Preussischer-Regierungs-Socialismus [1]).

[1]) „Séances et travaux de l'Academie des sciences morales et politiques". Compte-rendu, 1886 an. I-ere sem. Paris. „L'état", говоритъ онъ, „n'a ni autant de devoirs, ni autant de droits que la société: il forme le corps politique de la nation, charge d'assurer l'existence independance d'un peuple. L'État agit et parle par l'organe du gouvernement, qui se compose de l'ensemble des hommes qui dirigent les affaires politiques". p. 612.

Совершенно естественнымъ окажется у многихъ государственныхъ соціалистовъ даже тяготѣніе къ абсолютизму, ибо легче призывать къ крупнымъ соціальнымъ преобразованіямъ независимую отъ общества крѣпкую власть, чѣмъ „текучую правительственную силу" парламентарнаго режима. Съ ясными намеками такого рода мы уже встрѣчались въ приведенныхъ выше цитатахъ; а издававшійся нѣкоторое время органъ „Staatssocialist" (съ февр. 1878 по мартъ 1882 г.) носилъ слѣдующій эпиграфъ: „Соціальный вопросъ существуетъ; но разрѣшить его можетъ только сильное монархическое государство въ союзѣ съ религіозными и нравственными факторами народной жизни". Наиболѣе подходящей формулой, охватывающей государственно-правовыя воззрѣнія консервативныхъ соціалистовъ, является „соціальная монархія".

Этимъ замѣчаніемъ мы фиксируемъ два главнѣйшихъ литературныхъ источника государственно-соціалистической системы: произведенія Лоренца фонъ-Штейна и Карла Родбертуса-Ягетцова. Первый далъ общую теорію „соціальной монархіи"; второй развилъ на ея основѣ цѣлое общественно-экономическое ученіе. Политически-консервативный, съ ярко выраженными аграрными симпатіями, Родбертусъ былъ именно тѣмъ соціалистомъ, черезъ котораго удобнѣе всего соціализмъ могъ производить воздѣйствіе на нѣмецкую экономическую науку. Самымъ послѣдовательнымъ государственнымъ соціалистомъ, и притомъ, несомнѣнно, соціалистомъ былъ Родбертусъ: его эпигоны не обладали ни логичностью учителя, ни безстрашіемъ въ заключеніяхъ. Каутскій совершенно правъ, называя Родбертуса „наиболѣе выдающимся и послѣдовательнымъ представителемъ этого теченія": „различные виды госуд. соціализма въ существенныхъ признакихъ", говоритъ онъ, „всѣ сходятся съ родбертусіанизмомъ, отличаясь отъ него только меньшею послѣдовательностью и ясностью" [2]). О близости своей къ Штейну и Родбертусу „государственные соціалисты", какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, говорятъ охотно и часто: оба эти имени окружены

[1]) G. Adler. „Die Geschichte der ersten socialpolitischen Arbeiterbewegungen in Deutschland", Br.—1885, s. 134.

[2]) „Neue Zeit", 11 Jahrg. 1 B. s. 212.

въ ихъ глазахъ извѣстнымъ ореоломъ. Въ генеалогическомъ анализѣ интересующей насъ доктрины центральное мѣсто принадлежитъ системамъ Штейна и Родбертуса.

Въ виду сказаннаго, нашему изученію не подлежитъ система Ферд. Лассаля въ ея цѣломъ: не смотря на то, что именно онъ, въ борьбѣ съ Шульце-Деличемъ, рѣзко подчеркнулъ принципъ „Staatshilfe“ и этимъ оттѣнилъ государственный характеръ своего соціализма, послѣдній у него—революціонный, а не консервативный. Правда, въ ученіи Лассаля имѣются нѣкоторые элементы, сближающіе его съ консервативными соціалистами; но въ нашемъ изложеніи достаточно будетъ отмѣтить лишь эти ингредіэнты, любопытныя отклоненія великаго агитатора въ сторону отъ главныхъ основъ собственнаго ученія.

Остается еще прибавить, что консервативный государственный соціализмъ, вопреки утвержденію проф. Вагнера, отличается чрезвычайной неопредѣленностью, расплывчатостью своихъ очертаній. Вслѣдствіе этого, чтобы выдѣлить элементы интересующей насъ доктрины, намъ придется обрисовать общій соціально-политическій фонъ, на которомъ, какъ наиболѣе яркое пятно, вырисовывается „государственный соціализмъ“. „Катедеръ-соціализмъ“, „христіанскій соціализмъ“ (въ его обѣихъ вѣтвяхъ—католической и евангелической), „государственный“,—это все теченія, создавшіяся при одинаковыхъ приблизительно вліяніяхъ—реальныхъ и идейныхъ; понять каждое изъ нихъ внѣ связи другъ съ другомъ, очевидно, невозможно, а потому и неизбѣжны въ нашей работѣ отклоненія отъ непосредственной ея темы. Что же касается вопроса, какъ велики уступки соціализму со стороны консервативнаго государственнаго соціализма, насколько послѣдній—дѣйствительно соціалистиченъ и заслуживаетъ своего названія, отвѣтъ на этотъ вопросъ во введеніи, конечно, не можетъ быть данъ.

Часть I-я.

Глава I-я. — 93

Нѣмецкая экономическая литература въ первой половинѣ XIX-го столѣтія. Главнѣйшіе элементы реакціи противъ смитіанства. Соціально-политическія тенденціи.

Какъ догма „естественнаго права", такъ и ученіе Ад. Смита было переносимо въ германскія страны при условіяхъ, мало благопріятствующихъ для усвоенія и широкаго распространенія западныхъ идей: Германія еще не созрѣла для воспріятія политическаго и экономическаго либерализма. Политически раздробленная, она носила яркій феодально-аристократическій отпечатокъ; болѣе сильные монархи — и, прежде всего, прусскіе — были заняты процессомъ „Staatsbildung", о которомъ говоритъ Шмоллеръ и который найлучшее свое выраженіе находитъ въ меркантилистической доктринѣ и практикѣ. Центръ тяжести экономики лежитъ въ земледѣліи; городская жизнь протекаетъ въ узкомъ руслѣ цехового ремесленничества. Правда, капиталъ уже проявляетъ свое экономическое воздѣйствіе, разлагая понемногу старыя и создавая новыя хозяйственныя формы; но пока мы имѣемъ дѣло только съ капиталомъ торговымъ: индустріальный капитализмъ, вообще говоря, находится еще въ зачаточномъ состояніи.

При такихъ условіяхъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что меркантилистическія традиціи упорно держатся въ нѣмецкой экономической наукѣ и доктрина полицейскаго государства успѣшно борется съ идеей „правового". Нѣмецкіе публицисты своеобразнымъ способомъ умѣли даже воспринимаемую доктрину естественнаго права приспособлять къ современной имъ дѣйствительности: развивая идеи общественнаго договора (Pufendorf), заявляя, что „отъ природы всѣ люди

свободны" (Chr. Wolff), они занимались больше утвержденіемъ правъ монарха, чѣмъ подданныхъ [1]).

Какъ въ наукѣ государственнаго права, такъ и въ экономіи, въ теченіе долгаго времени трудно будетъ встрѣтить чистыхъ представителей тѣхъ взглядовъ, которые побѣдоносно пролагали себѣ путь на Западѣ: третье сословіе существовало въ Германіи лишь въ элементахъ, его слагающихъ, а не въ качествѣ общественнаго класса. Конечно, чѣмъ ближе мы будемъ подвигаться къ эпохѣ великой французской революціи, тѣмъ чаще въ нѣмецкой общественной идеологіи будутъ проскальзывать либеральные элементы, но общій ея характеръ останется эклектическимъ. Въ сущности, такимъ эклектикомъ, и въ теоріи, и на практикѣ, былъ самый выдающійся представитель „просвѣщеннаго абсолютизма"—Фридрихъ Великій. Удачно замѣнивши печальной памяти лозунгъ: „l'état c'est moi"—красивымъ: „государь есть первый слуга отечества" [2]), онъ сочеталъ въ своей дѣятельности свободолюбивыя идеи съ тенденціями всесторонней опеки надъ подданными. Будучи „революціонеромъ на тронѣ", онъ, въ тоже время, своими трудами способствовалъ возвеличенію идеи „полицейскаго государства". Вполнѣ понятно, почему послѣдняя становится для нѣмецкихъ ученыхъ (особенно прусскихъ) своего рода патріотической традиціей, къ которой находятъ возможнымъ аппеллировать даже во второй половинѣ прошлаго вѣка. Съ неутомимой энергіей Фридрихъ создавалъ прусскую державу, будучи „своимъ собственнымъ казначеемъ, генераломъ, интендантомъ общественныхъ работъ, собственнымъ министромъ торговли, юстиціи, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ" [3]).

Въ борьбѣ съ феодальными элементами Фридрихъ становился на эмансипаціонную точку зрѣнія: не рѣшаясь ликвидировать крѣпостныхъ отношеній, онъ, однако, сдержи-

[1]) См. Rob. Mohl, „Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften", Erlangen, 1885, I B. и J. Bluntschli—„Geschichte der neueren Staatswissenschaft, Staatsrecht und Politik", III Aufl., M., 1881.

[2]) Въ „Антимакіавели": „Le Souverain bien loin d'être le maître absolu des peuples qui sont sous sa domination, n'en est lui—même que le premier domestique". Цитир. по Bluntschli, o. c. s. 271.

[3]) Lavisse et Rambaud. „Histoire générale", VII T., Paris—1896, p. 919.

валъ помѣщичій произволъ, ограничивая захватъ общинныхъ земель и отдавая приказы возстановлять снесенные крестьянскіе дворы. На доменахъ Фридрихъ отмѣняетъ личныя повинности и создаетъ льготныя для крестьянъ условія выкупа земли. Такого рода вторженія въ хозяйственную жизнь носили, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны демократическій характеръ и могли утверждать населеніе въ мысли, что монархъ — его истинный заступникъ. Во взглядахъ своихъ на хозяйство Фридрихъ отражалъ нѣкоторыя физіократическія идеи, хотя въ экономической политикѣ оставался вѣрнымъ меркантилизму. Въ своемъ „Опытѣ о формахъ правленія и объ обязанностяхъ сувереновъ" (1777 г.) онъ оставилъ въ назиданіе преемникамъ благородный образъ монарха, стоящаго на стражѣ народныхъ интересовъ [1]). Образъ этотъ, несомнѣнно, вдохновлялъ творцовъ утопіи „соціальной монархіи". „Князь въ управляемомъ обществѣ представляетъ то-же, что голова для тѣла; онъ долженъ за это общество смотрѣть, думать и дѣйствовать, чтобы оно достигло всѣхъ доступныхъ для него успѣховъ... Для монарха существуетъ только одно благосостояніе,—благосостояніе государства. Монархъ долженъ часто вспоминать о положеніи бѣдныхъ людей и обращать вниманіе на условія жизни крестьянина или фабричнаго рабочаго. Онъ долженъ предлагать себѣ такой вопросъ: если-бы я родился въ этомъ классѣ гражданъ, чего-бы я ожидалъ отъ государя? — Онъ никогда не долженъ забывать, что онъ такой-же человѣкъ, какъ самый маленькій изъ его подданныхъ. Если государь является высшимъ судьею, восначальникомъ, финансистомъ, первымъ слугой общества, то не для того, чтобы имѣть блескъ величества, а чтобы исполнять обязанности своего призванія".

[1]) Цитировано по Bluntschli, ibid. Необыкновенно характерной для обрисовки существа „полицейскаго государства" является слѣдующая статья положенія „Баденской камеры": „Наша придворная палата есть естественная опекунша подданныхъ. Ея обязанность выводить заблудшихъ на прямой путь, поучать ихъ даже противъ ихъ воли, какъ слѣдуетъ вести домашнее и полевое хозяйство, и правильнымъ веденіемъ его облегчить себя несеніе государственныхъ налоговъ". Цит. у Kampfmeyer'a.—„Geschichte der mod. Gesellschaftsklassen in D.", р. пер. подъ ред. П. Струве, 1898 г., с. 97.

Такимъ образомъ, если ученію о „естественномъ правѣ“ и удалось занять въ Германіи въ 18-мъ ст. прочную академическую позицію, то, какъ правильно замѣчаетъ Tönnies, оно не могло получить „содержательнаго и дѣйственнаго выраженія [1]). Понятно, почему такъ мало замѣтнымъ оказалось въ нѣмецкихъ странахъ вліяніе „системы“ физіократовъ. Лишь въ трудахъ Канта идея „правового государства“ получаетъ надлежащее обоснованіе и развитіе; да и то—на практикѣ—великій кенигсбергскій философъ оказывался чрезвычайно скромнымъ.

Въ основѣ его ученія лежитъ идея свободы личности, подвергающейся извѣстнымъ ограниченіямъ вслѣдствіе необходимости сосуществованія съ другими свободными людьми. Государство является институтомъ для защиты разумной общественной жизни; его единственная задача заключается въ охранѣ первоначальнаго естественнаго права человѣка—свободы. Гражданскій правопорядокъ покоится на трехъ началахъ: 1) свободѣ гражданъ, 2) ихъ равенствѣ, 3) самостоятельности. „Pactum sociale“—принципіальный генезисъ государства. На этихъ основаніяхъ—полицейское государство съ его политикой благополучія („Glückseligkeit“), „imperium paternale“ рѣшительно отвергается [2]).

Отсюда слѣдуетъ необходимость раздѣленія властей, представительный образъ правленія; вообще—идея правового государства со всѣми его аттрибутами.

Куно Фишеръ отмѣчаетъ „республиканскій характеръ“ государственно-правовыхъ воззрѣній Канта, которыя должны были находиться въ вопіющемъ противорѣчіи съ тогдашними условіями прусской жизни. Но—въ практическихъ своихъ предположеніяхъ Кантъ далеко не шелъ: „въ этой области въ немъ идетъ борьба между республиканскимъ мыслителемъ и лойяльнымъ гражданиномъ. Онъ—патріотически настроенный пруссакъ и подданный Фридриха Великаго—переживаетъ съ воодушевленіемъ американскую войну за

[1]) F. Tönnies, ст. „Entwicklung der Sociologie in Deutschland“, въ цит. „Die Entwicklung der d. V.—lehre im XIX Jahrh., s. 3.

[2]) Bluntschli, s. 377—376. Кантъ говорилъ: „Der Begriff eines äusseren Rechtes überhaupt geht gänzlich aus dem Begriffe der Freiheit im äusseren Verhältnisse der Menschen zu einander hervor und hat nichts mit der Absicht auf Glückseligkeit zu thun“.

независимость и основаніе великой республики по ту сторону океана; въ немъ возбуждаютъ энтузіазмъ правовыя идеи французской революціи, но исходъ, ею принимаемый, отталкиваетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ“ [1]). Совмѣстить прусскій патріотизмъ съ революціонной философіей—довольно трудно; такая уродливость можетъ найти себѣ объясненіе только въ несоотвѣтствіи идей Канта тогдашней нѣмецкой дѣйствительности.

Въ теченіе цѣлаго поколѣнія, говоритъ Моль, ученіе Канта о правѣ и государствѣ пользовалось неограниченнымъ авторитетомъ; рядъ ученыхъ воспринимаетъ его идеи и развиваетъ дальше. Однако, кругъ вліянія этихъ идей, силою вещей, не могъ быть обширнымъ. Свободный „духъ времени“ могъ коснуться въ Германіи лишь немногихъ, по указаннымъ выше причинамъ. „Это были, прежде всего, отдѣльные представители княжеской власти и нѣсколько большее число образованныхъ людей изъ дворянства и высшаго городского сословія, которые одушевлялись этими идеями; большая часть высшихъ классовъ общества, все духовенство, масса гражданъ, крестьянское и рабочее населеніе—не имѣло еще ровно никакого представленія объ ученіи, которое... нашло въ Ж. Ж. Руссо вдохновленнаго пророка“ [2]). Но если кантіанство воспринималось интеллигенціей, и выдвинулась цѣлая плеяда догматиковъ „естественнаго“ права (Hoffbauer, Gros, Krug, Herbart и Krause съ извѣстными отклоненіями) то, очевидно, и реакція противъ этого направленія должна была вскорѣ возникнуть. Съ другой стороны, въ тѣхъ кругахъ, гдѣ воспринимались идеи Канта, этимъ самымъ была уже подготовлена почва для перенесенія изъ Англіи доктрины Ад. Смита. И опять-таки, ясно, что—до поры до времени—классическая экономія должна была оставаться чужеземнымъ, искуственно пересаженнымъ растеніемъ—и встрѣтить суровый отпоръ со стороны многихъ національныхъ нѣмецкихъ экономистовъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нѣмецкая интеллигенція, при общемъ реакціонномъ настроеніи, жадно

[1]) K. Fischer. „Geschichte der neueren Philosophie“, V Band, II-er Teil. Imm. Kant, 4-e Ausg. Heidelberg, 1899. s. 149.

[2]) Bluntschli, l. c., s. 252.

воспринимала политическій и экономическій либерализмъ: работники мысли и слова, прежде всего, сталкиваются съ гнетомъ абсолютизма. Громадное впечатлѣніе въ интеллигентскихъ кругахъ должна была—въ свое время—произвести работа В. Гумбольдта—„Опытъ опредѣленія границъ государственной дѣятельности“ (фрагмент.—1792 г.), въ которой идея правового государства была доведена до своихъ крайнихъ выводовъ. У Гумбольдта въ основѣ всякаго права, какъ и у Канта, лежитъ свобода человѣка; необходимость установленія и охраны послѣдней предписывается „вѣчнымъ разумомъ“ для того, чтобы человѣкъ могъ развить всѣ, данныя ему природою, свойства. „Государство должно воздерживаться отъ всякой заботы о положительномъ благосостояніи гражданъ, и не дѣлать ни одного шага дальше, чѣмъ это требуется для ихъ охраны внутри и противъ внѣшнихъ враговъ; ни для какой другой цѣли государство не должно ограничивать свободы гражданъ“ [1]).

Въ томъ же руслѣ находился сначала и Фихте, пока—въ эпоху борьбы за освобожденіе отъ Наполеоновскаго ига—не сформировался его національный идеалъ. На правящія сферы Наполеоновскія войны подѣйствовали въ смыслѣ созданія большей уступчивости либерализму. Пораженія, которыя несла гордая побѣдами Фридриха Великаго Пруссія, обнаружили необходимость многихъ коренныхъ измѣненій въ общественной и государственной жизни. Отсутствіе самодѣятельности у населенія, его общекультурная и экономическая отсталость сдѣлали носителей власти воспріимчивѣе къ идеѣ „правового государства“. Штейнъ-Гарденберговское законодательство является наиболѣе крупными уступками „либеральному духу времени“. Штейнъ, пытавшійся создать и укрѣпить самостоятельный крестьянскій слой, эмансипировать крестьянское хозяйство, находился подъ вліяніемъ идей Смита, хотя и не безусловнымъ; „главными идеями“

[1]) W. v. Humboldt. „Ideen zu einem Versuch die Grenzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen“, Breslau, *1851*. s. 39. Исходная точка: „Der wahre Zweck des Menschen, nicht nur der, welchen die wechselnde Neigung, sondern welchen die ewig unveränderliche Vernunft ihm vorschreibt, ist die höchste und proportionirlichste Bildung seiner Kräfte zu einem Ganzen. Zu dieser Bildung ist Freiheit die erste und unerlässige Bedingung“, s. 9.

его реформы были „свобода личности и собственности“, насаждаемая крѣпкою государственною властью [1]). На указы 9 окт. 1807 и 14 сент. 1811 г. (прекращеніе крѣпостной зависимости на госуд. земляхъ и установленіе правилъ выкупа на частновладѣльческихъ) иногда смотрятъ, какъ на благожелательное демократіи вмѣшательство государства въ общественно-экономическую жизнь. Въ этомъ смыслѣ Бисмаркъ называлъ эти мѣры „соціалистическими“; къ Штейнъ-Гарденберговской эпохѣ аппеллируютъ почти всѣ соціальные политики. Конечно, упомянутые указы надо толковать какъ уступку либерализму, а не нарушеніе его принциповъ: дѣло шло о ликвидаціи стараго порядка и насажденіи новаго „естественнаго“. Вѣдь уничтоженіе сеньоральныхъ правъ во имя свободы личности требовалось и физіократами; отмѣну цеховыхъ ограниченій настойчиво рекомендовалъ и Ад. Смитъ. Слѣдовательно, лишь по недоразумѣнію представители „государственнаго соціализма“ могутъ ссылаться на данную эпоху.

Паденіе Наполеона имѣло, какъ извѣстно, своимъ результатомъ торжество реакціи въ Европѣ. Дворянство, представитель „стараго порядка“, снова подняло голову. Въ Пруссіи оно сдѣлало усилія свести на-нѣтъ Штейнъ-Гарденберговское законодательство. Достаточно упомянуть о декларації 29 мая 1816 г., ограничивающей земельную регулировку лишь „крѣпкими“ крестьянскими дворами („spannfähig, kadastriert und des alten Bestandes“) и оставляющей массу бѣднаго крестьянства за оградой закона. Позднѣйшіе указы 1821 г. (о выкупѣ натуральныхъ и денежныхъ повинностей и раздѣлѣ общинныхъ земель) выбиваютъ почву изъ-подъ ногъ у самой бѣдной части деревенскаго населенія. Въ итогѣ „освободительнаго“ движенія, „многочисленнѣйшему и важнѣйшему, но до сихъ поръ пренебреженному и угнетенному сословію“, какъ называлъ Гарденбергъ владѣльческихъ крестьянъ, пришлось еще долго ожидать окончательной эмансипаціи (законъ 2 марта 1850 г.). „Господствующее“ сословіе лишь въ одномъ отношеніи могло итти навстрѣчу требованіямъ экономическаго либерализма—въ признаніи на-

[1]) См. Roscher, „Geschichte der National-Ökonomik in Deutschland“. M., 1874.

чалъ свободной внѣшней торговли, ибо, въ послѣднемъ случаѣ, сельско-хозяйственнымъ продуктамъ обезпечивался наилучшій сбытъ. Конечно, реакція не всюду проявлялась съ одинаковой силой: особенно она свирѣпствовала на Сѣверѣ и Востокѣ Германіи. Въ то время, какъ на югѣ обѣщанныя во время освободительныхъ войнъ конституціи появились въ 1816—1818 г. (Веймаръ, Баварія) Пруссія лишь въ 1823 г. получила своеобразную конституцію — „Provincialstände", органы представительства съ правомъ совѣщательнаго голоса и безусловнымъ преобладаніемъ дворянскаго элемента. Идиллія „аристократически-абсолютистскаго режима" нарушается только усиленіемъ нужды и монарха, и первенствующаго сословія въ деньгахъ. Историкъ Веберъ такъ характеризуетъ эту печальную въ жизни нѣмецкихъ странъ эпоху: „на сѣверѣ господствовала, по большей части, глухая неподвижность, возвращеніе къаристократически-абсолютистскому государственному строю, къ правленію дворянъ и чиновниковъ,—политика реставраціи, которая просто стремилась игнорировать результаты долгаго историческаго развитія; въ южныхъ государствахъ замѣчалось движеніе, обновленіе и неспокойствіе... На сѣверѣ представительство, по большей части, покоилось на средневѣковыхъ, сословныхъ началахъ,—уполномоченные отдѣльныхъ корпорацій и классовъ, представители особенныхъ правъ и интересовъ, югъ признавалъ принципъ представительства всего народа"... [1]) Общественное настроеніе сѣверныхъ германцевъ Веберъ называетъ „консервативнымъ и устойчивымъ",—почва, крайне неблагопріятная для развитія смитіанства. И хотя послѣднее въ силу требованій жизни завоевываетъ понемногу одну позицію за другой (самымъ яркимъ его проявленіемъ былъ либеральный прусскій таможенный тарифъ 1821 г.), но расцвѣта и нѣкотораго теоретическаго напряженія оно могло достигнуть лишь къ серединѣ прошлаго столѣтія.

Доктрина „естественнаго права" встрѣчала упорное сопротивленіе со стороны вдохновителей „политики реставраціи" — представителей такъ называемой „теократической реакціи" (Haller, Stahl); въ это-же время зарождается и развивается историческая школа права (Hugo, Savigny, Eichhorn, Niebuhr); корифеи нѣмецкой философіи—Фихте, Шеллингъ, Гегель—менѣе всего могли способствовать торжеству ииде правового государства. Соотвѣтственно этому, и слабое въ Германіи смитіанское направленіе подвергалось рѣзкой критикѣ со стороны экономистовъ, симпатизирующихъ „старому порядку" („феодально-средневѣковая реакція" по терминологіи Kautz'a) и упорно державшагося въ нѣмецкой экономической литературѣ меркантилистическаго теченія (Büsch, Deutz, Haynau, Lips, Puttliz, Oberndorfer, Rotteck, Hoffmann и др.) [1]). Послѣдователи Смита, хотя и ввели его систему въ академическій обиходъ, по степени своихъ дарованій обладали еще меньшей силой сопротивляемости противнымъ тенденціямъ, чѣмъ теоретики и философы права. Судьбой дисциплины права опредѣляется, въ общемъ, и участь германской экономіи. Историческая школа политической экономіи бросала свои сѣмена въ почву, достаточно для этого подготовленную.

Первые нѣмецкіе экономисты-смитіанцы—Kraus, Sartorius, Hufeland, Krönche, Lotz, v. Jakob, v. Soden—свою задачу сводили, въ сущности, къ популяризаціи идей Смита; поскольку рѣчь шла о приспособленіи системы „великаго шотландца" въ нѣмецкой дѣйствительности, они дѣлали большія или меньшія уступки средневѣковымъ и меркантилистическимъ традиціямъ. Степень этихъ уступокъ различна. Kraus настаивалъ на полной экономической свободѣ; Sartorius уже допускалъ извѣстныя ея ограниченія: хозяйственная свобода могла-бы имѣть полное выраженіе, если-бы весь міръ представлялъ собой одно цѣлое, а не былъ-бы расчлененъ на отдѣльныя государства съ самостоятельными финансовыми системами, политическимъ строемъ и т. п. Умѣренное таможенное покровительство Sartorius находитъ вполнѣ умѣстнымъ, точно также какъ и поддержку со стороны государства „пострадавшимъ не по своей винѣ". Характерно, что Sartorius, жаловавшійся въ предисловіи къ своему „Handbuch der Staatswirthschaft" (1796) на пренебреженіе и незнаніе въ Германіи трудовъ Смита, полагаетъ, однако, что англійскіе об-

[1]) G. Weber „Allgemeine Geschichte" XIV B., I Abth., L., 1888, s. 675.

[1]) См. W. Roscher, „Geschichte der Nationalökonomik in Deutschland", M., 1874, и I. Kautz, „Die geschichtliche Entwiklung der Nationalökonomik und ihrer Literatur" Wien, 1860.

разцы не могутъ вполнѣ соотвѣтствовать условіямъ нѣмецкой жизни. Точно также и Якобъ, признавая необходимость полной свободы внутренней торговли, сомнѣвается въ безусловной благодѣтельности ничѣмъ не ограниченной—внѣшней. Самымъ послѣдовательнымъ смитіанцемъ былъ Соденъ, подчеркивавшій „космополитизмъ принципа національной экономіи“ и лишь въ исключительныхъ случаяхъ допускавшій ввозныя пошлины, это нарушеніе „der weltbürgerlichen Menschenrechte“. Наиболѣе крупный нѣмецкій экономистъ-систематикъ этой эпохи—Rau, стоя принципіально на смитіанской точкѣ зрѣнія, также допускалъ цѣлый рядъ ограниченій экономической свободы. Въ одной изъ своихъ первыхъ работъ („Ueber das Zunftwesen und die Folgen seiner Aufhebung“—1816 г.) онъ даже благожелательно отзывается о цехахъ и опасается вредныхъ послѣдствій промышленнаго оборота, „самому себѣ предоставленнаго“. Во всякомъ случаѣ, онъ—сторонникъ осторожнаго метода ликвидаціи старыхъ экономическихъ устоевъ. Отзвуки „камералистики“ довольно явственно слышатся въ системѣ Rau. Нѣсколько сдержанное трактованіе хозяйственнаго индивидуализма въ работахъ нѣмецкихъ учениковъ Смита должно было подготовить экономическую науку къ усвоенію новыхъ тенденцій. Это особенно ярко сказалось на почитателѣ Rau и Hermann'a—Ад. Вагнерѣ, который дальше другихъ академиковъ пошелъ навстрѣчу коллективизму. Характерно, что нѣмецкіе экономисты предпочитаютъ называть народное хозяйство „Staatswirthschaft“. Одинъ изъ самыхъ выдающихся теоретиковъ—Hermann, блестяще развивавшій многія положенія Смита, тѣмъ не менѣе отказывается (въ своей работѣ—„Staatswirthschaftliche Untersuchungen“—1832) отождествлять интересы отдѣльнаго лица и общества и полагаетъ необходимымъ факторомъ народнаго хозяйства также и „Gemeinsinn“.

Итакъ, нѣмецкое смитіанство, въ силу историческихъ условій, было, до извѣстнаго времени, слабымъ и податливымъ для различныхъ постороннихъ вліяній. Сколь ни интересной представляется задача—изобразить эти разнообразныя вліянія, сѣть взаимно перекрещивающихся идей и настроеній,—но задача эта не можетъ быть въ полномъ объемѣ разрѣшена нашимъ изслѣдованіемъ: для этой цѣли потребовалась-бы самостоятельная работа, охватывающая исторію

экономической науки въ Германіи съ конца 18-го до середины 19 ст. Самое большое, что мы можемъ сдѣлать, это намѣтить главнѣйшіе моменты антииндивидуалистической реакціи, познакомиться съ важнѣйшими авторитетами, вліяніе которыхъ ясно замѣчается въ построеніяхъ консервативныхъ соціалистовъ.

I.

Ад. Мюллеръ; его взглядъ на государство и народное хозяйство. Соціалистическая система Фихте. Гегель. Шталь.

Наше изложеніе мы должны начать съ упоминанія Ад. Мюллера (1779—1829), система котораго выстраивается на той-же почвѣ, что и у Ю. Мёзера (1720—1794), этого рѣшительнаго поклонника „добраго стараго времени“, апологета средневѣкового ремесленничества и крестьянства. Въ своихъ нападкахъ на политическій и экономическій либерализмъ, Мюллеръ въ значительной степени предвосхищаетъ позднѣйшую критику. Формулировка его взглядовъ нерѣдко напоминаетъ способъ выраженія соціальныхъ политиковъ во второй половинѣ 19-го столѣтія. Приведемъ нѣсколько характерныхъ мыслей изъ его книги—„Die Elemente der Staatskunst“, ряда лекцій, читанныхъ передъ принцемъ Бернгардомъ Саксенъ-Веймарскимъ и отпечатанныхъ въ 1809 г. Доктринеры „естественнаго права“ разсматривали государство, какъ результатъ соглашенія индивидуумовъ, а Мюллеръ заявляетъ: „Человѣкъ—немыслимъ внѣ государства“. Въ рамкахъ послѣдняго личность не можетъ быть стѣсняема, ибо только оно возвышаетъ безпорядочную массу индивидовъ до „единаго живого цѣлаго“. „Государство не есть простая мануфактура, ферма, страховое учрежденіе или торговая компанія; оно есть тѣсное единеніе всѣхъ физическихъ и духовныхъ потребностей, всего матеріальнаго и духовнаго богатства, всей внутренней и внѣшней жизни націи,—единеніе въ великомъ, умственномъ, вѣчно движущемся и живущемъ цѣломъ“ [1]). Разграничивать функціи государства и сферу самостоятельности отдѣльнаго лица—немыслимо, съ точки зрѣнія Мюллера: могущество государства и свобода

[1]) Ad. Müller, «Die Elemente der Staatskunst», B., 1809. I B., s. 40, 51. На стр. 66: «Der Staat ist die Totalität der menschlichen Angelegenheiten, ihre Verbindung zu einem lebendigen Ganzen».

подданныхъ тѣсно связаны между собою. Въ четвертой книгѣ „Элементовъ", посвященныхъ анализу „Geld und Nationalreichthum", Мюллеръ признаетъ рядъ заслугъ за Ад. Смитомъ, но находитъ въ его системѣ и крупнѣйшія ошибки. Опредѣляя основной недостатокъ смитіанства, Мюллеръ дословно говоритъ то-же самое, что спустя нѣсколько десятилѣтій высказывали представители исторической школы. Смитъ разсуждаетъ лишь о вещахъ; моральный моментъ имъ совершенно упущенъ изъ виду. Его экономія - только матеріальна, вещественна. Такой методъ трактованія хозяйства имѣетъ свое объясненіе: „англійскіе экономисты скорѣе могутъ принимать во вниманіе исключительно производство, чѣмъ мы—жители континента, такъ какъ прочія условія богатства для нихъ являются данными... Между тѣмъ, преклоненіе нѣмцевъ передъ Ад. Смитомъ, сдѣлавшееся модой, какъ многое другое національное, совершенно имъ не подходитъ и служитъ показателемъ того, что теряется всякая оригинальная мощь нѣмецкаго образа мышленія" [1]).

Итакъ, національная школа экономистовъ въ Германіи не можетъ быть, по мнѣнію Мюллера, смитіанской; такимъ-же точно образомъ разсуждалъ позднѣе и Фридрихъ Листъ, рѣзко противопоставившій свою „національную систему" „космополитической" англійской экономіи. Мюллеръ рѣшительно отказывается отожествлять „націю съ индивидуумомъ", какъ это дѣлаетъ Смитъ: богатство націи и состояніе богатыхъ людей – совершенно различныя вещи. Можно-ли разумѣть подъ капиталомъ только накопленные матеріальные результаты прежняго труда? Нѣтъ, кромѣ физическаго, есть и духовный капиталъ, и государство призвано заботиться о развитіи какъ того, такъ и другого. Примиреніе различныхъ сталкивающихся интересовъ можетъ быть достигнуто лишь государственной властью: она устанавливаетъ равновѣсіе. Можетъ-ли государство предоставить дѣйствовать простымъ силамъ или законамъ природы, низведя Staatskunst до простого лицезрѣнія этихъ законовъ? „Никакая природа не должна быть терпима въ государствѣ, кромѣ природы самого государственнаго искусства" [2]), отвѣчаетъ Мюллеръ.

[1]) Ad. Müller, l. c., III B, s. 226.
[2]) Ibid., l. c. II B., s. 234.

На его позитивныхъ предположеніяхъ мы не останавливаемся: для насъ достаточно отмѣтить его общую національно-хозяйственную и государственную концепцію, соотвѣтствующую общественно-экономическому состоянію Германіи, не замкнувшейся еще въ единое цѣлое, политическое и экономическое.

Гораздо дальше въ возвеличеніи роли государства идетъ Іог. Г. Фихте. Въ самомъ началѣ 19-го столѣтія (1800 г.) въ своемъ „замкнутомъ торговомъ государствѣ" онъ рисуетъ своеобразный соціалистическій идеалъ національнаго характера, построенный на принципахъ, совершенно противоположныхъ началамъ „правового государства". Остановимся на этомъ интересномъ произведеніи „оригинальнаго нѣмецкаго духа". Значеніе даннаго труда Виндельбандъ именно тѣмъ и опредѣляетъ, что въ ней Фихте далъ одну „изъ самыхъ раннихъ и интересныхъ картинъ соціалистическаго государственнаго идеала" [1]). Такимъ образомъ, на Фихте можно смотрѣть, какъ на самаго ранняго нѣмецкаго государственнаго соціалиста. О степени его вліянія на послѣдующую литературу можно судить по тому піэтету, съ которымъ она относилась къ имени Фихте.

Фихте несогласенъ ни со старымъ опредѣленіемъ задачъ государства (Polizeistaat), ни съ новымъ (Rechtsstaat): „въ противность обоимъ мнѣніямъ я скажу: назначеніе государства, прежде всего, въ томъ, чтобы дать каждому свое, утвердить каждаго въ его собственности, и затѣмъ уже охранять его" [2]). „Только государство неопредѣленную массу людей объединяетъ въ замкнутое цѣлое, общность (Allheit);... „только съ его помощью впервые основывается правомѣрная собственность". Каждый человѣкъ отъ природы получилъ право жить и обязанность трудиться; но отсюда вытекаетъ и „право на трудъ", которое должно быть обезпечено за гражданами государствомъ. Обыкновенно, говоритъ Фихте, на государство возлагаютъ задачу охранять гражданина въ томъ „владѣніи", въ какомъ оно его застаетъ; просмотрѣли болѣе глубокую задачу: сначала создать соотвѣтствующее

[1]) Windelband. «Geschichte der neueren Philosophie», II B. L. 1899, s. 223.
[2]) Joh. G. Fichte's sämmtliche Werke. Berlin, 1845. III Band. s. 399, 401.

владѣніе. Но это возможно лишь въ томъ случаѣ, „если анархія торговли будетъ уничтожена такъ-же, какъ постепенно уничтожается политическая, и государство въ торговомъ отношеніи замкнется въ себѣ также, какъ замкнулось въ собственныхъ законодательныхъ и судебныхъ рамкахъ“ [1]). Хозяйственная жизнь („Die Productengewinnung“) есть „основа государства“; безъ ея упорядоченія немыслимъ никакой прочный разумный порядокъ. Нельзя считать справедливымъ, „если одинъ можетъ бросать деньги на пустяки, тогда какъ его согражданинъ не имѣетъ или не въ состояніи оплатить необходимаго“ [2]). Для установленія необходимаго равновѣсія государство руководитъ хозяйственной жизнью. Оно опредѣляетъ количество необходимыхъ производителей, воспрещаетъ подданнымъ всякія торговыя сношенія съ иностранцами, нормально организуетъ раздѣленіе труда; подсчитавши количество жителей, надѣляетъ гражданъ исключительнымъ правомъ владѣнія отведеннаго ему участка земли (слѣд. отмѣняетъ неограниченную земельную собственность), изнимаетъ изъ обращенія нынѣ употребляющіяся деньги и замѣняетъ ихъ національными (Landesgeld), въ качествѣ которыхъ лучше всего могутъ служить продукты, не допускающіе никакого личнаго употребленія. Непосредственно хозяйственная дѣятельность выполняется частными лицами, но планъ общественнаго хозяйства дается государствомъ и принимаются всѣ мѣры, чтобы предупредить возможность давленія одного класса на другой. Три класса необходимы для успѣшнаго теченія экономической жизни: земледѣльцы (Producenten), фабриканты (Künstler) и купцы (Kaufleute); взаимными обязательствами купли-продажи продуктовъ онѣ тѣсно связаны между собою. Необходимые и не имѣющіеся въ странѣ продукты закупаются государствомъ. Общій характеръ послѣдняго — земледѣльческій. При такихъ условіяхъ за каждымъ гражданиномъ можетъ быть обезпечено право на существованіе и право на трудъ.

Нарисованная Фихте картина, имѣя извѣстное формальное сходство съ концепціей полицейскаго государства, несомнѣнно, въ его рамки не укладывается. Въ немъ новымъ

[1]) Fichte's Sämm. Werke, l. c. s. 453.
[2]) Ibid. s. 409.

является тотъ соціалистическій духъ, который отмѣчается историками; Куно Фишеръ, указывая на спартанскій характеръ государства Фихте, прибавляетъ: „истинные мотивы, которые должны были найти свое выраженіе въ его идеяхъ, — соціалистическаго характера, и въ этомъ отношеніи политика Фихте гораздо болѣе подходитъ къ тенденціямъ нашихъ дней, чѣмъ къ тѣмъ условіямъ, которыми онъ былъ окруженъ“ [1]). Подобно тому, какъ во Франціи Бабёфъ, конечно, при иныхъ историческихъ обстоятельствахъ, вышелъ еще въ эпоху великой революціи за предѣлы „естественнаго“ буржуазнаго порядка, такъ и Фихте шагнулъ очень далеко. Въ проектахъ Бабёфа общественная власть надѣлена еще болѣе широкими полномочіями, — и только явно революціонный характеръ его агитаціи лишаетъ предложенную имъ концепцію внѣшняго облика полицейскаго государства, который замѣтенъ на „der geschlossene Handelsstaat“. Фихте показалъ, какой договоръ должны были-бы, ради всеобщаго благополучія, заключить „разумные“ граждане. Идея благополучія выдвигалась и теоретиками-камералистами, но вопросъ объ увеличеніи доходовъ государя, о выгодныхъ цѣнахъ, о возможно большемъ скопленіи денегъ (Weltgeld—золота и серебра, отрицаемыхъ Фихте) заслонялъ собою нужды народной массы. Не смотря на пышныя фразы о „бѣдныхъ“, меркантилистически настроенная власть, съ полнаго одобренія теоретиковъ, практиковала политику низкихъ цѣнъ на рабочія руки (максимальныя таксы заработной платы), что совершенно чуждо Фихте, ибо въ основу идеи таксы онъ кладетъ стоимость нормальнаго существованія человѣка.

Непосредственный откликъ идеи Фихте найдутъ впослѣдствіи въ системахъ Лассаля и Родбертуса, особенно послѣдняго. Вдохновляющимъ прообразомъ нормальной государственной жизни для Фихте являлось, конечно, средневѣковье, что и сближаетъ его нѣсколько съ представителями „романтической реакціи“ противъ Канта и Смита. Однако, застывшія формы средневѣковаго общественно-экономическаго уклада Фихте попытался наполнить новымъ содержаніемъ, — и въ этомъ отношеніи шагнулъ гораздо дальше

[1]) Kuno Fischer, l. c. VI B., s. 425.

своего поколѣнія. Если воззрѣнія Ад. Мюллера, въ ихъ цѣломъ, реакціонны, то этого нельзя сказать о Фихте. Его критика индивидуалистической экономики, торговли, денежной системы — вызвана не желаніемъ упрочить старыя формы экономическаго гнета, а устранить самую возможность послѣдняго. Haller, напр. („Handbuch der allgemeinen Staatenkunde" — 1808) стремился въ своихъ произведеніяхъ къ простому освященію существующаго порядка: онъ, какъ и другіе, менѣе видные представители „теократической реакціи", развивалъ патріархальную, „божественную" теорію власти, теорію, услугами которой могъ пользоваться каждый крупный и мелкій владѣтель. Фихте рисовалъ величавый образъ государства, обезпечивающаго каждому гражданину „право на существованіе".

Конечно, политическая и общественная реакція, по внѣшнимъ признакамъ, смѣло могла учитывать въ свою пользу всякое возраженіе противъ либеральной государственной концепціи. Какова-бы ни была, напр., сущность построеній Шеллинга, но его возвышенному взгляду на государство правительство могло давать свое толкованіе. Государство, какъ цѣль, а не средство, государство—„образъ абсолютной жизни" — всѣ такія идеи импонировали реакціонерамъ. Въ противовѣсъ взглядамъ либеральныхъ экономистовъ на государство, какъ „необходимое зло", философія Шеллинга торжественно провозглашала высшей цѣлью міровой исторіи — образованіе государства, этого „äusseren Organismus einer in Freiheit selbst erreichten Harmonie der Nothwendigkeit und Freiheit" [1]). Не углубляясь въ философскія изысканія, современники могли отождествлять понятія „государства" и „правительства" и такимъ образомъ находить своеобразное оправданіе отживающимъ государственнымъ формамъ.

Своего апогея „государственная идея" достигаетъ въ философіи Гегеля, этого величайшаго мыслителя первой половины 19-го ст., вліяніе котораго на развитіе соціальныхъ дисциплинъ, какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ, было рѣшающимъ. И что особенно важно—его діалек-

[1]) Цитир. у Bluntschli, l. c., s. 599. Государство Шеллингъ опредѣляетъ и такъ—„das unmittelbare und sichtbare Bild des absoluten Lebens".

тическій методъ представляетъ собою блестящее приложеніе къ историческому анализу эволюціоннаго принципа, которому вскорѣ и въ экономіи, и въ наукѣ права суждено было побѣдить мертвыя „естественныя" – „вѣчныя" формулы. Не смотря на крайнюю отвлеченность своей системы, Гегель, тѣмъ не менѣе, охватывалъ и подвергалъ анализу современную ему дѣйствительность гораздо глубже другихъ мыслителей. Сравнительно съ ними онъ сдѣлалъ громадный шагъ впередъ, различая понятія „государство" и „общество" и этимъ открывая возможность плодотворной критики соціальнаго строя. Нѣтъ ничего удивительнаго, что именно научный соціализмъ въ своихъ историко-философскихъ концепціяхъ восходитъ къ Гегелю. Но—въ свое время—революціонный характеръ гегелевской діалектики, какъ извѣстно, не былъ понятъ: его ученіе было истолковано, какъ оправданіе существующаго порядка, какъ „реакція противъ революціи". Только „лѣвые" гегеліанцы раскрываютъ революціонную сущность философіи своего учителя. Ученіе Гегеля о „гражданскомъ обществѣ" разбиваетъ иллюзію соціальной гармоніи, иллюзію, неизбѣжную въ либеральныхъ экономическихъ системахъ. „Общество есть разность между государствомъ и семействомъ", опредѣляетъ Гегель. Въ обществѣ индивидуумъ идеально остается „цѣлью"; но для удовлетворенія своихъ потребностей отдѣльныя лица должны вступать въ связь между собою, откуда получается система всесторонней зависимости. Гражданское общество и конструируется на почвѣ удовлетворенія разнообразныхъ потребностей. Необходимымъ условіемъ его „становленія" является раздѣленіе труда; отсюда—различныя „сословія". Чѣмъ выше раздѣленіе труда, тѣмъ послѣдній производительнѣе, тѣмъ полнѣе достигаются цѣли „матеріальнаго обогащенія", которыя ставитъ себѣ общество; но—сейчасъ-же обнаруживается и антитеза: чѣмъ проще становится работа, чѣмъ больше преуспѣваетъ „абстрагированіе производства", тѣмъ болѣе механическими становятся функціи трудящагося и, наконецъ, открывается возможность вытѣснить человѣка изъ производства и поставить на его мѣсто машину. Это знаменуетъ деградацію работника, его отчужденность отъ другихъ членовъ общества, растущую зависимость отъ организаторовъ производства, короче—образованіе „Pöbel". Про-

Румянцов. библіотека

грессъ гражданскаго общества, если его движеніе ничѣмъ не стѣсняется, выражается въ ростѣ населенія и развитіи „индустріи“: „вслѣдствіе обобщенія взаимныхъ связей людей на почвѣ удовлетворенія ихъ потребностей и благодаря тѣмъ способамъ, какими добываются и прилагаются средства для ихъ удовлетворенія, на одной сторонѣ увеличивается накопленіе богатствъ, на другой—разобщеніе и ограниченность различныхъ видовъ труда (die Vereinzelung und Beschränkheit der besonderen Arbeit) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зависимость и нужда связаннаго съ этой работой класса, а отъ этого зависитъ неспособность гражданскаго общества воспріять и наслаждаться дальнѣйшими свободами и, въ особенности, духовными преимуществами“ [1]). Въ силу этого—гражданское общество никакъ не можетъ притти въ равновѣсіе: при скопленіи громадныхъ богатствъ оно все-же недостаточно богато, чтобы предупредить образованіе черни и крайнюю нищету народа [2]). Въ качествѣ подтверждающаго примѣра Гегель указываетъ на Англію.

Врядъ-ли нужно пояснять, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ передъ собою элементы ученія Маркса-Энгельса о классовой борьбѣ: Гегель необыкновенно ярко для своего времени вскрылъ имманентный „индустріальному“ обществу законъ внутренняго противорѣчія. Вопросъ былъ поставленъ чрезвычайно радикально, буржуазный „естественный“ порядокъ подвергся весьма глубокой критикѣ. Если въ дальнѣйшей эволюціи общественно экономической доктрины ея представители рѣдко будутъ ссылаться на Гегеля, то лишь потому, что идеи послѣдняго найдутъ себѣ болѣе доступное выраженіе въ трудахъ послѣдующихъ мыслителей,—и первоисточникъ отодвинется на задній планъ.

Государство—„der Gang des Gottes in der Welt—выступаетъ въ качествѣ синтезирующаго начала. Представители естественнаго права исходнымъ пунктомъ брали индивидуума, а государство разсматривали, какъ результатъ соглашенія разумныхъ личностей, какъ моментъ производнаго характера. Совершенно противно этому Гегель устанавливаетъ приматъ государства передъ индивидуумомъ: оно у Гегеля,

[1]) G. W. Fr. Hegel's Werke, VIII Band, B.1854, «Grundlinien der Philosophie des Rechts“, § 243, s. 295.

[2]) Ibid., § 245, s. 297.

какъ выражается Мишель, „логически и метафизически предшествуетъ индивиду“ [1]). Поэтому совершенно нелѣпы вопросы, какимъ цѣлямъ должно служить государство: оно—само-по-себѣ цѣль, оно живетъ для себя, государство—земной Богъ. Государство не служитъ, но господствуетъ; это—нравственный организмъ, себя сознавшій „объективный духъ“, „субстанціональная свобода“. „Это субстанціональное единство“ является „самоцѣлью и конечной цѣлью“, имѣющею „высшее право“ по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, „высшая обязанность которыхъ быть членами государства“ [2]). Чиновничество—органы государства, въ которыхъ воплощается его „субстанціональность“. Конечно, государственнымъ общеніемъ достигаются и частныя цѣли, но подходить къ этому великому выраженію „разумности въ себѣ“ съ индивидуалистическимъ масштабомъ—немыслимо и непозволительно.

Въ этихъ взглядахъ Гегеля передъ нами развертывается не подновленная и скрашенная концепція полицейскаго государства—эпохи просвѣщеннаго абсолютизма, а скорѣе, по собственному выраженію философа, „возвратъ къ античнымъ взглядамъ и идеямъ“.

Гегель—вовсе не сторонникъ неограниченной монархической власти. Между монархомъ и деспотомъ—громадная разница: деспотъ господствуетъ по произволу, монархъ—„есть послѣднее проявленіе государственной воли, стоящей выше всякаго произвола, не движимой никакимъ субъективнымъ стимуломъ“; въ этомъ заключается сущность монархической власти. Легко видѣть, изъ какого источника (наряду съ другими) могли черпать свою вѣру во „внѣпартійность, „внѣклассовый“ характеръ монарха сторонники „des socialen Königthums“.

Итакъ, завѣты величайшихъ корифеевъ нѣмецкой фило-

[1]) Henry Michel, „L'idée de l'état“, Paris—1896.

[2]) Hegels Werke, ibid. Вотъ болѣе пространныя опредѣленія: „Der Staat ist die Wirklichkeit der sittlichen Idee, — der sittliche Geist, als der offenbare, sich selbst deutliche substantielle Wille, der sich denkt und weiss und das, was er weiss, und insofern er weiss, vollführt“. § 257.

„Der Staat ist als die Wirklichkeit des substantiellen Willens, die er in dem zu seiner Allgemeinheit erhobenen besonderen Selbstbewusstsein hat, das an und für sich Vernünftige“.—§ 258. s. 305—306.

софской мысли были противны идеѣ правового государства и индивидуалистической экономіи Смита. А вѣдь устами этихъ философовъ особенно ярко говорилъ „оригинальный нѣмецкій геній“! Какъ выше было указано, реакція могла временно опираться на ихъ ученія, вливая новое содержаніе въ устарѣвшія формы, установленныя теоріями божественнаго происхожденія власти.

Правда, недостатка въ представителяхъ теократической реакціи не замѣчалось; на одномъ изъ болѣе позднихъ ея выразителей—Fr. Stahl'ѣ намъ необходимо остановиться съ нѣкоторою подробностью въ силу особаго мѣста, занимаемаго этимъ философомъ. Выступивъ на научно-литературное поприще въ началѣ 30-хъ годовъ, онъ сразу заявилъ о себѣ, какъ непримиримомъ врагѣ революціонныхъ тенденцій, какъ защитникѣ началъ сословной монархіи противъ конституціонныхъ вѣяній. Обладая большими дарованіями и громадной эрудиціей, онъ успѣшно модернизировалъ идеи Галлера и Мюллера и сдѣлался патентованнымъ представителемъ „патріотической“ прусской философіи права. Къ нему обращались за подкрѣпленіемъ своихъ притязаній, за научнымъ обоснованіемъ программы, нѣмецкіе консерваторы. Извѣстно, какими симпатіями пользовался Шталь со стороны романтически настроеннаго Фр.-Вильгельма IV. Его ученіе представляетъ собою какъ-бы звено, соединяющее первую и вторую половину 19-го ст.; его реакціонная философія права была наиболѣе приспособлена служить передачей старыхъ „прусскихъ“ завѣтовъ романтическаго характера новому поколѣнію, выросшему при иныхъ общественно-политическихъ комбинаціяхъ.

Подобно Галлеру, Шталь аппелируетъ къ Богу, какъ первоисточнику государственнаго порядка. Въ основѣ послѣдняго лежитъ нравственное начало, и только оно создаетъ „вѣчный порядокъ государства, который держитъ въ гармоническомъ единствѣ всѣ его принципы и элементы“ [1]). Въ то время какъ у Гегеля въ государствѣ и личности монарха дѣйствуетъ „безличный разумъ — сила идеи“, у Шталя — „высшая нравственная личность“ — Богъ. Нельзя

[1]) Fr. J. Stahl. „Die Philosophie des Rechts“. Heidelberg, 1856 г. II B., II Abth., s. 4.

представлять государство тождественнымъ съ организмомъ, такъ какъ отдѣльныя части послѣдняго не живутъ самостоятельною жизнью, тогда какъ государство обнимаетъ неограниченное количество самостоятельныхъ существъ, объединяемыхъ однимъ высшимъ господствомъ. Власть, дѣйствительно, является какъ-бы организмомъ, ибо отсутствіе какой-либо составной ея части (князь, сословія, суды и пр.) нарушаетъ гармонію; государство-же есть „sittliches Reich“. Его цѣль — объединять текучую массу индивидуумовъ, которая, въ противномъ случаѣ, или распалась-бы или создавала кратковременные союзы, соотвѣтственно своей ограниченной волѣ. Сила и авторитетъ, объединяющая людей въ государственный союзъ, стоятъ, по выраженію Шталя, „vor und über ihnen“ [1]) Все ученіе Шталя представляетъ собою „развитіе идеи нравственнаго государства, какъ порядка и силы, стоящей надъ людьми, которые, однако, подчиняются ей, какъ самостоятельные свободные члены“. „По своему внутреннему существу государство есть олицетвореніе человѣческаго общества“. Государство – личность. Но всякая личность должна выражаться въ какой-либо индивидуальности, почему государство необходимо является національнымъ. Цѣли государства опредѣляются его божественнымъ происхожденіемъ. Оно обезпечиваетъ людямъ охрану извнѣ, миръ—внутри; отстраняетъ вредныя вліянія природы, даетъ „средства къ пропитанію, воспитанію, моральному совершенствованію“. Оно стремится развить индивидуальность каждой націи. Насажденіе права и справедливости—его ближайшія задачи, но изъ предыдущаго видно, что никакихъ границъ государственной опеки надъ подданными поставить нельзя: всѣ „матеріальныя и духовныя блага“ составляютъ предметъ его заботы; мало того, оно слѣдитъ и за „heilige Ordnung“.

Выполнять эту высокую цѣль можетъ государство лишь въ томъ случаѣ, если оно является „верховной, суверенной силой на землѣ“; даже церковь ему подчиняется. Впрочемъ, Шталь допускаетъ возможность переступленія государствомъ границъ разумнаго стѣсненія правъ индивидуума, сословій и церкви—и въ этомъ случаѣ, во имя той-же нравственной

[1]) Ibid. s. 10, 12. Первое изданіе—1830—3 г.

идеи—послѣдніе имѣютъ право пассивнаго сопротивленія. Монархія, какъ лучшая форма правленія, вытекаетъ уже изъ предыдущихъ посылокъ. „Нравственная сила“ нуждается въ „личномъ“ выраженіи; это и является назначеніемъ (τέλος) наслѣдственной монархіи. „Господство государства, стало-быть само государство, выражается персонально въ монархѣ“. „Монархія, прежде всего, имѣетъ преимущество единства и персональности господства; послѣднее концентрируется въ одномъ человѣкѣ, постоянно готовомъ къ дѣйствію, и не можетъ распасться, изъ чего вытекаетъ согласованность и послѣдовательность въ установленіи порядка, энергія—въ управленіи“ [1]). „Власть монарха должна исходить отъ самой себя, безъ всякаго содѣйствія подданныхъ“; совершенно нелѣпа избирательная монархія, ибо, въ такомъ случаѣ, народъ оказывается выше государя. Если на это возражаютъ возможностью для монарха не обладать надлежащими свойствами, то Шталь отвѣчаетъ: „главный моментъ монархіи—не въ способности государя, для этого существуютъ другіе органы и учрежденія, но въ высотѣ его положенія и силѣ его величія“ [2]). „Выраженіе Людовика XIV—„l'état c'est moi“—обозначаетъ тождество государства и государя и потому въ существѣ дѣла—истинно“. „Всякая власть и каждый законъ исходитъ отъ монарха“; его „господство—патріархально (eine väterliche)“ [3]). Сіейсъ восклицалъ: развѣ можетъ воля одного лица быть выше воли 25 милліоновъ? Дѣло вовсе не въ волѣ лица, а въ институтѣ наслѣдственной „суверенной“ монархіи: вѣдь она—единственная внѣпартійная, внѣсословная точка опоры въ общественной жизни народа. „Власть государя—«милостью Божьей», она—«божественное право». Не надо, впрочемъ, думать, что изъ „первоначальности и самостоятельности“ власти вытекаетъ ея „неограниченность“: разница между деспотомъ и монархомъ въ томъ и заключается, что власть послѣдняго ограничена правами подданныхъ и народа. Это ограниченіе равносильно той зависимости, которая существуетъ между головой и остальными частями тѣла, хотя именно голова разумно руководитъ жизнью цѣлаго организма. Ясно, что на почвѣ, выдвигаемой Шталемъ, по-

[1]) Stahl, l. c. s. 237—8.
[2]) Stahl l. c. s. 239.
[3]) Ibid. s. 240—241.

строить теорію современной конституціонной монархіи нельзя; въ его лицѣ находитъ яркаго идейнаго выразителя аристократически-абсолютистскій строй дореволюціонной Германіи. Отыскивая источники государственно-соціалистической идеологіи, нельзя обойти молчаніемъ этого реакціоннаго философа права. Возложеніе соціальной миссіи на исторически установившуюся правительственную власть a priori предполагаетъ ея внѣклассовый характеръ и a priori-же предрасполагаетъ къ абсолютизму. Аргументы абсолютистовъ, въ духѣ Шталя, не могли не оказать вліянія на консервативныхъ соціалистовъ.

Чтобы закончить настоящій раздѣлъ, дающій намъ понятіе о характерѣ и силѣ реакціи въ Германіи противъ индивидуалистической соціальной философіи, необходимо сказать нѣсколько словъ объ исторической школѣ права.

Въ 1814 г. появилась знаменитая работа Савиньи—„Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft“, гдѣ въ противность отвлеченнымъ „правамъ человѣка и гражданина“ устанавливается органическая связь права съ существенными, характерными свойствами народа. Если общественно-политическая позиція новой школы (Hugo, Savigny, Eichhorn, Niebuhr) была антиреволюціонна и во многихъ отношеніяхъ реакціонна, то ею, во всякомъ случаѣ, вносилась въ науку права—а черезъ нее и въ другія соціальныя дисциплины—новая плодотворная точка зрѣнія—эволюціонная. Какъ было нами указано раньше, безъ этого новаго метода, безъ обращенія къ исторіи (а—стало-быть—и къ современной дѣйствительности)—общественно-экономической доктринѣ, раздѣляющей судьбу науки права, немыслимо было-бы подвергнуться ощутительному вліянію соціализма и переработкѣ. О задачахъ новаго направленія Савиньи писалъ: „историческая школа устанавливаетъ, что содержаніе права обусловлено всѣмъ прошлымъ націи; оно не создавалось произвольно, такъ что могло-бы быть такимъ или инымъ, но вытекло изъ глубочайшаго существа самой націи и ея исторіи“ [1]). Правда, онъ прибавляетъ, что задача времени заключается въ изученіи, освѣженіи, поддержаніи этого права (почему не отвѣрженіи?), а, слѣдовательно, играетъ въ руку

[1]) Bluntschli l. c. s. 625.

реакціи и какъ будто сближается съ Möser'ами и Müller'ами; но революціоннаго для науки значенія этой новой точки зрѣнія отрицать нельзя. Хотя областью публичнаго права упомянутые историки не занимались, но—конечно—идея правового государства, какъ застывшая формула, была непріемлема для нихъ. На государство они смотрѣли съ гораздо болѣе возвышенной точки зрѣнія. „Государство", по опредѣленію Савиньи, „есть тѣлесное выраженіе духовной общности народа", „органическое проявленіе народа" [1]). Какъ вытекающее изъ народнаго духа, оно не можетъ быть искусственно ограничено въ своей функціональности мертвыми, „космополитическими" схемами. Независимо, быть можетъ, отъ желанія самихъ основоположниковъ исторической школы, предметомъ соціальнаго изслѣдованія могла быть отнынѣ вся многообразная общественная жизнь, съ самыми разнообразными запросами, съ борьбой различныхъ интересовъ, разныхъ взглядовъ на задачи правительственной власти.

Трудно было слабому нѣмецкому смитіанству выдержать напоръ указанныхъ нами противныхъ ему теченій, представленныхъ очень ярко и сильно; его разложеніе было вопросомъ времени. Новому направленію, очевидно, суждено было отразить на себѣ тѣ разнообразныя вліянія, которыя съ начала прошлаго столѣтія вступили въ борьбу съ индивидуалистической экономіей и доктриной естественнаго права.

II.

Соціально-политическія воззрѣнія Аренса. „Этическій моментъ" въ экономикѣ (Schütz). Точка зрѣнія исторической школы полит. экономіи.

Изъ предыдущаго мы видѣли, что самостоятельная нѣмецкая философская мысль послѣ Канта выстраивалась противъ доктрины естественнаго права. Наша экскурсія въ область исторіи философіи и государственнаго права была-бы не полна, если-бы мы не остановились на одномъ изъ представителей школы Краузе, ученика Шеллинга,—Аренсѣ, самомъ видномъ выразителѣ „органическаго" ученія о государствѣ. Школа Краузе тѣмъ особенно интересна, что она восприняла общія правовыя концепціи Канта, но попыталась

[1]) Bluntschli, l. c., s. 630.

смягчить ихъ крайности, подчинить ихъ другимъ философскимъ вліяніямъ. Различая понятія общества и государства, школа ставитъ передъ послѣднимъ высшія задачи установленія соціальной справедливости; на этомъ научномъ фундаментѣ у Аренса, какъ мы увидимъ ниже, выстраивается цѣлая соціально-политическая система, которая для позднѣйшаго поколѣнія послужила не только образцомъ, но перешла къ нему во всѣхъ своихъ существенныхъ элементахъ. Остановимся сначала на болѣе ранней работѣ Аренса—„Cours de droit naturel", напечатанной въ 1838 г., мысли и языкъ которой отличаются большею осторожностью, сравнительно съ нѣмецкой переработкой того-же труда.

Аренсъ избѣгаетъ формулировать задачу государства, какъ всеобщее благо, ибо это означало бы смѣшеніе общества съ государствомъ; не ограничиваетъ задачъ послѣдняго и узкой охраной права: „истинная теорія видитъ цѣль государства въ соціальной реализаціи принципа справедливости"; [1]) соотвѣтственно этому, государство вмѣшивается во всѣ области соціальной жизни, но „внѣшнимъ образомъ": не входя въ самое движеніе и не подчиняя его принципамъ политическимъ, оно стремится всюду дать средства къ развитію, устранить встрѣчающіяся на пути эволюціи препятствія. „Ничто гуманное и соціальное не чуждо государству; но ему надлежитъ, вмѣсто несправедливаго притязанія господствовать надъ всѣми силами, всѣми соціальными сферами, координировать ихъ, присматриваться и слѣдовать за ихъ движеніемъ, чтобы утвердить для каждой ступени развитія въ той или другой изъ данныхъ областей—соціальныя условія существованія и послѣдующаго прогресса. Принципъ справедливости, распредѣленіе соціальныхъ средствъ между всѣми сферами соціальнаго порядка—соотвѣтственно цѣли, которую онѣ преслѣдуютъ,—вотъ истинное и единственное назначеніе государства" [2]). Отсюда ясно, что задачи государства не могутъ быть только отрицательными,—онѣ также и позитивны. Полное невмѣшательство правительства (а въ хозяйственной

[1]) H. Ahrens. „Cours de droit naturel, ou de philosophie du droit, fait d'après l'état actuel de cette science en Allemagne". Paris, 1838, p. 361—2.

[2]) Ibid. p. 472.

сферѣ, именно, этого требуетъ классическая экономія) мыслимо лишь въ переходныя эпохи, когда общество перестраивается, и не ясны пути его дальнѣйшаго развитія; для своего времени Аренсъ находитъ необходимой позитивную работу государства. Онъ даетъ общую картину современнаго состоянія хозяйства. Основными моментами является принципъ свободной конкуренціи и замѣна ручного труда машиннымъ. „Съ одной стороны, увеличеніе населенія, съ другой—умноженіе машинъ и тѣхъ областей индустріи, въ которыхъ онѣ примѣняются, производятъ пониженіе заработной платы, въ силу превышенія предложенія труда надъ спросомъ". „По мѣрѣ того, какъ народы преуспѣваютъ въ индустріальномъ отношеніи, рабочіе классы, не находя достаточной компенсаціи пониженію ихъ заработка и безработицѣ въ удешевленіи продуктовъ, обречены на нищету (à un état de misére), выйти изъ которой становится все труднѣе и труднѣе". [1]) Въ индустріи, лишенной равновѣсія, происходитъ процессъ концентраціи, чреватый важными послѣдствіями.

Капиталы, при свободной конкуренціи, подчинены „динамическому закону", по которому большая сила нивеллируетъ, уничтожаетъ или притягиваетъ слабую. „Свободная и естественная тенденція индустріи выражается въ томъ, что изъ различныхъ, вложенныхъ въ предпріятія капиталовъ, образуется небольшое количество крупныхъ состояній, сокращаются ряды „шефовъ индустріи" и образуется, благодаря одному факту концентраціи, такая индустріальная система, которая, не будучи—по своему внутреннему существу—феодальной, тѣмъ не менѣе отличается аналогичными результатами" [1]). Медленно, но неуклонно растетъ рабочій классъ-„существованіе котораго зависитъ главнымъ образомъ отъ владѣльцевъ большихъ индустріальныхъ состояній". Опасенія по поводу новаго вида рабства не такъ неосновательны, какъ можетъ казаться на первый взглядъ. Эта-же тенденція замѣчается и въ земледѣліи. Земля дробится, благодаря наслѣдованію. Хотя мелкій собственникъ—лучшій сельскій хозяинъ (мысль, которая и въ наше время пользуется большою популярностью), такъ какъ онъ способенъ тщательнѣе

[1]) Ahrens. l. c. p. 473.

воздѣлывать почву, но—въ хозяйственной борьбѣ, лишенный капиталовъ и знанія, вынужденъ уступать владѣльцамъ крупныхъ имѣній, терять землю, обремененную тяжелыми долгами. „Но такое будущее не можетъ и не должно осуществиться" [1]).

Конечно, государство не должно само вмѣшиваться въ процессъ производства, вести хозяйство: это было-бы нарушеніемъ принциповъ „справедливаго распредѣленія соціальныхъ функцій". Опытъ показалъ, что государство—плохой предприниматель. Индустрія должна быть свободна. Здѣсь Аренсъ идетъ въ уровень съ экономическимъ либерализмомъ, настаивая на свободѣ промышленности, устраненіи концессіонной системы; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ рѣшительно утверждаетъ необходимость обратить вниманіе и на положеніе рабочихъ. Средствомъ для этого является могущественное соціальное начало—ассоціація. Съ успѣхомъ примѣняемая шефами индустріи и вносящая извѣстные коррективы въ стихійный процессъ концентраціи, являющаяся до нѣкоторой степени реакціей чистому индивидуализму, ассоціація должна послужить и рабочему. „Нужно, чтобы и работники приняли тѣмъ или другимъ образомъ участіе въ благодѣяніяхъ общества" [2]). Аренсъ указываетъ, что нѣмецкая литература уже заговорила о растущемъ пауперизмѣ и вращается вокругъ выдвинутой временемъ соціальной проблемы (Mohl, Bülau, Bader). Слѣдуетъ, допущеніемъ рабочихъ къ участію въ прибыляхъ, поощрять наклонность къ сбереженію. Легко видѣть, что Аренсъ предвосхищаетъ, съ одной стороны, лозунгъ ближайшихъ годовъ самихъ либераловъ (достаточно пока вспомнить Шульце-Делича), съ другой—настойчивымъ выдвиганіемъ такихъ проблемъ разрушаетъ принципъ „laissez faire", по крайней мѣрѣ, въ его рѣзкой формулировкѣ. Онъ не надѣется, что предоставленная собственному теченію индустрія примѣнитъ новыя начала: здѣсь необходимо вмѣшательство правительства. „Эта мѣра (участіе въ прибыляхъ) должна быть возложена государствомъ на фабрикантовъ, по крайней мѣрѣ въ новыхъ пред-

[1]) Ibid. Ahrens, l. c. p. 474, 477.
[2]) p. 477.

пріятіяхъ“ [1]). Въ высшей степени наивно, въ противорѣчіи съ имъ-же самимъ нарисованными тенденціями, но въ полномъ согласіи съ основными либерально-экономическими воззрѣніями, Аренсъ полагаетъ, что „такимъ способомъ работникъ могъ-бы надѣяться пріобрѣсти постепенно небольшое состояніе, которое позволило-бы ему или самому основать предпріятіе за свой счетъ, или присоединиться къ другому—своимъ капиталомъ и трудомъ“. Внѣ сомнѣнія, на Аренса должны были произвести извѣстное впечатлѣніе системы С.-Симона, Р. Оуэна, Ш. Фурье, съ ихъ провозглашеніемъ именно этого принципа ассоціаціи. Онъ уже находится подъ вліяніемъ мыслителей новой демократіи, ихъ ученіе ему извѣстно. Мало того, называя систему С.-Симона „une monstruosité philosophique, religieuse et sociale“, онъ, тѣмъ не менѣе, находитъ въ ней „нѣкоторыя вѣрныя идеи о развитіи историческомъ и современномъ состояніи общества“. Его страшитъ только авторитарная, крайне централизованная система индустріальной организаціи, предложенная С. Симономъ; къ Р. Оуэну Аренсъ относится значительно мягче.

Предлагаемая самимъ Аренсомъ организація промышленности—довольно туманна. Онъ хочетъ, чтобы всѣ, занятые въ ней общественные элементы, сплотились въ единое цѣлое, какъ активные члены единаго организма. Должно быть внесено и развито начало „корпоративности“, — тогда и промышленность, и торговля (прообразомъ корпоративнаго начала послѣдней Аренсъ выдвигаетъ ганзейскій союзъ) выйдутъ изъ состоянія неустойчиваго равновѣсія. „Соціальный строй (l'état) индустріи долженъ быть организованъ по тѣмъ-же принципамъ, что политическій и гражданскій строй“ [2]). Раціоналистическая французская философія XVIII-го вѣка разсматривала общество, какъ механизмъ; надо этотъ невѣрный взглядъ замѣнить представленіемъ объ обществѣ, какъ организмѣ. Современныя темныя стороны общественной жизни объясняются еще незрѣлостью соціальнаго организма; но уже наступила эпоха, когда созрѣвающіе классы и группы должны использовать начало ассоціаціи и внести принципъ

[1]) Ibid. Ahrens, l. c. p. 481 fc.
[2]) p. 484.

организаціи. Если вспомнить, что именно такимъ образомъ наиболѣе выдающіеся утописты-соціалисты аргументировали противъ установившагося соціально-экономическаго строя, то печать времени ясно будетъ видна на воззрѣніяхъ Аренса. Реакція противъ смитіанства, наиболѣе насъ интересующая, будетъ, въ такомъ случаѣ, связана не съ пережитками стараго, не съ традиціями сословной монархіи и полицейскаго государства, а съ выдвинувшимися новыми тенденціями. Довольно интенсивнымъ соціально-политическимъ духомъ вѣетъ отъ слѣдующихъ строкъ Аренса: „Организація сдѣлалась лозунгомъ нашей эпохи; сознаніе недостатковъ (malaise) современнаго строя стало всеобщимъ: исключительная система свободы оказывается безсильной реорганизовать общество“ [1]).

Совершенно правильно проф. Филипповичъ, выясняющій происхожденіе соціально-политическихъ идей въ нѣмецкой экономической литературѣ, отводитъ крупное мѣсто школѣ Krause (Аренсъ и Рёдеръ). „Философію права Аренса“, говоритъ онъ, „можно прямо назвать основами соціальной политики“ [2]).

Останавливаясь нѣсколько подробнѣе на взглядахъ Аренса, позволимъ себѣ привести еще нѣсколько мыслей изъ нѣмецкаго изданія его „естественнаго права“. Правовыя идеи, движущія человѣчество и требующія реализаціи для полнаго развитія личности человѣка, суть идеи равенства, свободы и собственности. Эти идеи должны взаимно уравновѣшиваться; одностороннее развитіе какого-либо одного начала создаетъ болѣзненное состояніе общества. „Равенство“ соціалистовъ убиваетъ индивидуальность, а потому невозможно; идея равенства требуетъ только устраненія всякихъ привилегій, гнета, требуетъ признанія права всѣхъ людей на средства существованія и возможность дальнѣйшаго развитія. Пауперизмъ есть послѣдній видъ неравенства, „наслѣдіе“, оставленное несправедливостью и ложной организаціей прошлаго — настоящему“. „Немыслимо длительное состояніе общества, при которомъ часть пользуется избыткомъ и не

[1]) Ibid. p. 507.
[2]) Eug. v. Philippovich, статья,—„Das Eindringen der socialpolit. Ideen in die Literatur“, въ цитир. сборн. „Die Entwick. d. d. V.-lehre“.

умѣетъ разумнымъ образомъ употребить свои богатства, тогда какъ другой классъ людей, согбенный нищетой и мучимый заботами, дошелъ до положенія близкаго къ животному (курс. нашъ), питаетъ низкіе помыслы и разнузданныя страсти, являясь постояннымъ источникомъ пороковъ и преступленій. Въ этомъ случаѣ „государство, какъ органъ справедливости (der Verwalter der Gerechtigkeit), должно изыскать прямыя и косвенныя средства, чтобы обезпечить имъ по меньшей мѣрѣ важнѣйшія физическія и моральныя условія человѣческаго существованія“ [1]). Осторожный языкъ болѣе ранняго произведенія Аренса, какъ видимъ, крѣпнетъ: въ приведенныхъ строкахъ утверждается ни больше, ни меньше, какъ право на существованіе, лежащее въ основѣ всѣхъ соціалистическихъ идеаловъ и лишь разнообразно выражаемое. Знаменитое, напр., „право на трудъ“ (Фурье, Луи Бланъ) есть только модуляція этого-же принципа. И весьма легко, на почвѣ высказанныхъ Аренсомъ положеній, возложить на государство обязанность обезпечить работу каждому гражданину. Бисмаркъ, въ своихъ торжественныхъ провозглашеніяхъ „права на трудъ“, могъ-бы съ большимъ успѣхомъ ссылаться на книги Аренса, извѣстныя повсюду, чѣмъ на старое, несоотвѣтствующее времени, „земское уложеніе“.

Не менѣе важная правовая идея свободы можетъ находить неправильное выраженіе; для благодѣтельнаго воздѣйствія необходимо надлежащее ея трактованіе. Можно понимать свободу, какъ исключительное преслѣдованіе своихъ личныхъ интересовъ; тогда человѣкъ ставитъ себя въ центръ міра, видитъ въ себѣ единственную цѣль—вмѣсто того, чтобы разсматривать себя лишь какъ маленькую часть великаго соціальнаго цѣлаго. Въ соціальномъ порядкѣ онъ склоненъ усматривать незаконное препятствіе къ выраженію своей воли. Современное общество именно и характеризуется этимъ „состояніемъ абстрактной и индивидуалистической свободы“. Конечно, такая свобода принесла большую пользу, разбудивъ энергію человѣка, но надо, наконецъ, видѣть и ея темныя стороны, перестать разсматривать общество, какъ сумму, простой аггрегатъ отдѣльныхъ лицъ, а понимать его, „какъ органическое цѣлое, въ которомъ отдѣльные члены связаны высшимъ принципомъ жизни“. Для этого требуется организація, смѣняющая безграничную конкуренцію и направляющая отдѣльныя личности, въ полномъ признаніи ихъ свободы, къ высшимъ общественнымъ цѣлямъ. Что это за организація, все-таки остается неяснымъ, но взгляды Аренса непримиримы съ „манчестерствомъ“: «естественный» благодѣтельный порядокъ отсутствуетъ. Гармонія можетъ быть установлена только развитіемъ начала ассоціаціи, которое свойственно человѣку. При этихъ условіяхъ интересы лица и общества удачно сочетаемы. Аренсъ самъ чувствуетъ, что имъ дѣлается уступка соціалистическому міровоззрѣнію, а потому считаетъ нужнымъ, какъ это впослѣдствіи будутъ дѣлать всѣ соціальные политики, отмежеваться отъ соціализма. „Ассоціація, исключающая индивидуализмъ, такъ же далека отъ коммунизма“.

Собственность есть личное, первоначальное, естественное право человѣка, которое не дается государствомъ. Но въ собственности заключаются элементы не только личные, но и соціальные. Государство обязано охранять собственность, но и направлять пользованіе ею къ разумнымъ цѣлямъ, а—слѣдовательно не допускать злоупотребленій и ограничивать право собственности во имя высшихъ цѣлей.

Аренсъ заявляетъ, что именно въ настоящее время общество должно озаботиться утвержденіемъ своихъ правъ, дабы подняться изъ „состоянія индивидуализма и раздробленности“ и вновь укрѣпить ослабленныя „органическія связи“ между отдѣльнымъ лицомъ и общежитіемъ. Не руководимый высшими разумными соображеніями, историческій ходъ вещей, предоставленный самому себѣ, создаетъ для человѣчества много ненужныхъ страданій. Такъ напримѣръ, машины, въ конечномъ результатѣ, благодѣтельны и для рабочихъ, такъ какъ расширили рабочій рынокъ, но временно создаютъ превышеніе предложенія труда надъ спросомъ. Аренсъ, совершенно такъ-же какъ Родбертусъ, считаетъ необходимымъ вмѣшательство разумныхъ законовъ въ естественный процессъ развитія („der natürliche Lauf der Dinge“, которому противопоставляется „die Vernunft der

[1]) Ahrens „Das Naturrecht oder die Rechtsphilosophie“, Braun., 1846, II B. 185—186.

Gesetze“) [1]). Государство, по самой природѣ своей, есть „Versicherer“, а потому должно приходить на помощь тѣмъ группамъ, которыя безъ его содѣйствія попадаютъ въ тяжелую зависимость отъ другихъ при внезапныхъ общественныхъ измѣненіяхъ. Существующее въ современномъ обществѣ броженіе есть „dringende Mahnung“,—и если желательно избѣгнуть потрясеній, то необходимо спѣшить съ „существенными реформами“. При этомъ, государство не должно оставлять безъ вниманія разнообразныхъ теорій (имѣется въ виду соціализмъ), которыя, хотя и содержатъ въ себѣ много невѣрнаго, но являются „неизбѣжной реакціей противъ существующихъ въ соціальномъ организмѣ болѣзней“ [2]).

Какъ видимъ, и мысли Аренса, и самый способъ выраженія—тождественны съ заявленіями соціальныхъ политиковъ 70-хъ годовъ. Положенія, высказаны только въ болѣе общей формѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что „государственный соціалистъ“ Ад. Вагнеръ опредѣленно указываетъ на Аренса, какъ выразителя воспринимаемыхъ имъ взглядовъ.

Аналогичныя идеи, подъ вліяніемъ Krause и Аренса, развивалъ и философъ права—Röder [3]). Не усматривая въ правѣ собственности такого исключительнаго института, какъ индивидуалисты, Редеръ считаетъ вполнѣ цѣлесообразнымъ направленіе его къ высшимъ цѣлямъ—со стороны государственной власти. Конечно, простое распредѣленіе благъ, въ родѣ общинныхъ аграрныхъ порядковъ древней Германіи, не соотвѣтствуетъ времени; но не нужно забывать, что при современной хозяйственной свободѣ, основаніемъ владѣнія нерѣдко является, кромѣ труда, удача, случай. Слѣпой случай „часто

[1]) Idid., s. 305.

[2]) Ibid. s. 311. Совершенно въ духѣ позднѣйшихъ соціальныхъ политиковъ Аренсъ говоритъ: „Indem wir auf diese Weise das sociale Problem feststellen, trennen wir uns von denen, welche in einer einziger Anstalt, z. B. im Staate alle gesellschaftliche Thätigkeit, alle einzelnen Gebiete, welche sich für die verschiedenen Zwecke der Menschheit gebildet haben, zu absorbiren trachten, und von denen, welche zu eifersüchtig auf die individuelle Freiheit, jeder Autorität widerstreben und die Bande der Geselligkeit sowie alle Formen der Association als Opfer ansehen, die den Individuum auferlegt sind und welche nur im Bezug auf individuelles Interesse rechtferfigt werden können“. S. 214.

[3]) Röder. «Grundzüge des Naturrechts oder der Rechtsphilosophie“, Erste Aufl.—1846. Zweite - 2 B. 1860—63. Leipzig und Heidelberg.

оказываетъ самое рѣшительное вліяніе на распредѣленіе матеріальныхъ благъ“. А это—противно разуму. Въ силу чего „свободная конкуренція“, „центральный пунктъ современной науки о хозяйствѣ, сомнителенъ съ нравственной, съ правовой, равно и съ истинно хозяйственной точки зрѣнія“. Исключительное право собственности не можетъ долгое время считаться ненарушимымъ. Подобно Аренсу, Рёдеръ полагаетъ, что необходимъ новый порядокъ, направляющій пользованіе собственностью и къ личнымъ, и къ общественнымъ цѣлямъ. Характеръ соотвѣтствующаго государственнаго воздѣйствія опредѣляется условіями времени и мѣста.

Такъ встрѣчала философія въ лицѣ наиболѣе популярныхъ своихъ представителей капитализмъ, охватывающій нѣмецкія страны, но еще [не успѣвшій найти себѣ полнаго выраженія. Отрицательныя стороны его уже чувствовались съ достаточной силой; рабочія волненія Франціи и Англіи производили гнетущее впечатлѣніе и заставляли, по крайней мѣрѣ, знакомиться съ соціалистической литературой. Скоро Л. Штейнъ, которому мы посвятимъ особую главу, въ виду важности его воззрѣній для цѣлей нашего изслѣдованія, обратилъ вниманіе широкихъ круговъ на соціальныя проблемы—своей работой „Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs“, появившейся сначала въ 1842 г., и подвергнувшейся потомъ значительной переработкѣ. Гильдебрандъ, одинъ изъ основоположниковъ исторической школы, жаловался въ 1848 г. (въ своей Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft“), что наиболѣе выдающіеся, съ установившимися именами, нѣмецкіе экономисты молчали по поводу злободневныхъ вопросовъ (какъ бороться съ пауперизмомъ) [1]), тогда какъ люди практики спѣшили использо-

[1]) Упрекъ Гильдебрандта не совсѣмъ правиленъ: въ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ уже раздавались голоса, призывающіе къ борьбѣ съ пауперизмомъ: такъ напр., къ 1835 г. относится статья R. Mohl'я—„Ueber die Nachteile des fabrikmässigen Betriebes der Gewerbe“, въ которой бичуется практиковавшаяся Truck-System и вообще требуется защита рабочихъ отъ эксплоатаціи фабрикантовъ. Marlo, тщательно отмѣчавшій антилиберальныя произведенія, упоминаетъ о Bülau („Der Staat und die Industrie“—1834 г.), призывающемъ государство къ выполненію

вать имѣющіяся въ ихъ распоряженіи средства (рѣчь идетъ о разнообразныхъ ферейнахъ, основываемыхъ въ различныхъ частяхъ Германіи, имѣющихъ цѣлью „Arbeiterwohl“). Напомнимъ, что въ 1844 г., во время промышленной выставки въ Берлинѣ, былъ основанъ „Zentralverein für das Wohl der arbeitenden Klassen in Preussen“, вызвавшій подражаніе въ другихъ государствахъ. Ко второй половинѣ 40-хъ годовъ относится выступленіе на арену публицистической и практической дѣятельности В. Губера и Шульце-Делича. Оба проповѣдывали, а Шульце-Деличъ вскорѣ сталъ и осуществлять (первое сырьевое товарищество—1848 г.)—тотъ принципъ ассоціаціи, о которомъ говорилъ Аренсъ. Церковь, въ обоихъ своихъ исповѣданіяхъ—католическомъ и протестантскомъ—обратила вниманіе на броженіе въ народныхъ массахъ и по своему ставила разрѣшеніе соціальной проблемы; нѣкоторые моменты этого христіанскаго соціально-политическаго теченія будутъ нами разсмотрѣны ниже. Власть тоже вынуждена была выйти нѣсколько изъ своей прежней неподвижности: приближалось грозное время. Можно сказать, что къ 1848 году въ нѣмецкихъ странахъ не былъ доволенъ своимъ положеніемъ ни одинъ общественный классъ.

Хозяйственная разрозненность и конкуренція со стороны

задачъ христіанскаго милосердія и требующаго устройства рабочихъ домовъ, сберегательныхъ кассъ, организаціи общественныхъ работъ. Въ либеральной экономической политикѣ видитъ причины обѣднѣнія Eisenhart („Die ökonomische Socialtheorie“ 1844 г.) Соціально-политическій характеръ носятъ произведенія Liedke („Hebung der Noth der arbeitenden Klasse durch Selbsthülfe“ — 1845 — 1847); анонимнаго автора книги—„Abbruch und Neubau», рекомендующаго ремесленникамъ группироваться въ союзы; Lichtenberg'a («Die Strafe, die Zuchthäuser und Zwangserziehungssystem»—1846), мечтающаго о возстановленіи цеховъ и проэктирующаго особое Arbeitsamt для указанія занятій безработнымъ. Къ этой-же категоріи относятся болѣе поздніе работы K. Vollgraff'a («Freie Konkurrenz»—1848 г.), Wichura (о немъ будетъ рѣчь въ текстѣ), Winter'a («Vertheilung des Landbesitzes nach den Socialen Forderungen der Zeit»—1849. О книгѣ русско-нѣмецкаго экономиста—Theodor'a Bernhardi мы упоминаемъ въ текстѣ особо. См. обо всѣхъ этихъ авторахъ у K. Marlo—«Untersuchungen über die Organisation der Arbeit oder System der Weltökonomie»—II. Aufl.—Tüb.—1885, II Band—Geschichte und Kritik der ökonomischen Systeme» (1884).

Англіи задерживали развитіе индустріи и торговли въ Германіи. Фр. Листъ, бывшій сначала приверженцемъ либеральной экономики, мѣняетъ къ сороковымъ годамъ свои воззрѣнія и призываетъ нѣмецкую націю къ объединенію и самозащитѣ. Отдавая должное Ад. Смиту и находя его хозяйственный идеалъ осуществимымъ лишь въ отдаленномъ будущемъ, онъ не стѣсняется смѣяться надъ французскими и нѣмецкими либеральными экономистами, исповѣдующими экономію „мелочнаго лавочника“. Особенно достается пользующемуся крупнымъ авторитетомъ Ж. Б. Сею. Проповѣдуемое смитіанцами космополитическое“, „атомистическое“, „индивидуалистическое“ ученіе не есть политическая экономія настоящаго времени. Эпоха требуетъ національной экономіи, принципы которой онъ и предлагаетъ въ своей знаменитой „Das nationale System der p. Oekonomie“ 1841 г. Листъ отрицаетъ совпаденіе интересовъ націи и отдѣльныхъ ея членовъ; невѣрно, будто совершенно свободное преслѣдованіе частныхъ эгоистическихъ цѣлей ведетъ къ всеобщему благополучію. Совершенно неправильно представленіе, будто государство должно быть лишь пассивнымъ стражемъ частныхъ интересовъ. Національное хозяйство проходитъ долгій историческій путь (Ф. Листъ предлагаетъ схему историческаго развитія), причемъ роль государства опредѣляется ступенью этого развитія. Меркантилисты, въ общемъ, были правы въ своихъ предначертаніяхъ: имъ недоставало только широкаго общественнаго міросозерцанія. Государство призвано развивать „производительныя силы націи“; только съ его помощью страна изъ земледѣльческаго, низкаго въ культурномъ отношеніи состоянія, сможетъ перейти къ мануфактурному, гдѣ процвѣтаютъ фабрики,—„очаги просвѣщенія“. Средствомъ для этого должна служить таможенная охрана; слѣдовательно, фритредерство, „годное“ лишь для Англіи, опередившей всѣхъ въ торговомъ отношеніи,—построено на ложныхъ началахъ. Листъ совершенно правильно, мѣняя принципы экономической политики, выстраиваетъ новую теоретическую систему. Ему же принадлежитъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ оффиціальнымъ родоначальникамъ исторической школы, взглядъ на хозяйство, какъ общественную дѣятельность, тѣснѣйшимъ образомъ связанную съ другими сторонами соціальной жизни. Уже въ призывѣ потребителя жер-

твовать минутной выгодой ради „промышленнаго воспитанія націи“ заключается нѣкоторое привлеченіе этическаго момента въ экономику. Еще яснѣе моральный элементъ выступаетъ въ его извѣстной аргументаціи противъ классическаго опредѣленія производительнаго и непроизводительнаго труда. Въ высшей степени характернымъ и многозначительнымъ является тотъ фактъ, что буржуазная, по существу, реакція наноситъ вначалѣ наиболѣе сильные удары индивидуалистической экономіи въ Германіи. Опять-таки здѣсь реакція смитіанству опредѣляется не потребностями стараго „Agrarstaat“, а развивающагося „Industriestaat“, почему и должна была быть особенно сильной. Конечно, такая реакція не возлагала на государство заботъ по искорененію пауперизма, не ставила передъ государствомъ задачъ соціально-политическаго характера, но расчищала теоретически почву и для послѣднихъ. Листъ опредѣленно настаивалъ только на одномъ таможенномъ покровительствѣ; въ прочихъ областяхъ экономической политики онъ, естественно, оставался фритредеромъ. Преуспѣяніе индустріи казалось ему тѣсно связаннымъ съ всеобщимъ благополучіемъ, въ томъ числѣ и рабочихъ. Въ сущности, онъ сохранялъ для внутренней жизни страны ту гармонію „естественнаго порядка“, которую разрушалъ съ другого конца. Тѣмъ не менѣе, однако, смитіанство въ лицѣ Листа нашло одного изъ наиболѣе опасныхъ противниковъ; его приходится считать основателемъ историческаго направленія не менѣе, чѣмъ Рошера, Книса и Гильдебрандта.

Въ нашу задачу не входитъ изученіе взглядовъ историковъ-экономистовъ; мы можемъ ограничиться въ этомъ случаѣ лишь немногимъ. Ясно, что предложенная ими перемѣна метода науки требовала внимательнаго отношенія ко всѣмъ общественно-хозяйственнымъ проявленіямъ, а, слѣдовательно, и къ выдвинувшейся соціальной проблемѣ. Возьмемъ первую экономическую работу В. Рошера,—его лекціи—Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirthschaft—nach geschichtlicher Methode“, выпущенныя въ 1843 г. Въ предисловіи имѣются слѣдующіе тезисы. „Вопросъ, какъ лучше всего созидается національное богатство, конечно и для насъ является главной задачей, но не составляетъ ни въ коемъ случаѣ нашей настоящей цѣли. Государ-

ственное хозяйство не только хремастика, искусство сдѣлаться богатымъ, но политическая наука, которая имѣетъ задачей обсуждать человѣка“... „Народъ не только масса нынѣ живущихъ индивидуумовъ. Кто желаетъ изслѣдовать народное хозяйство, тотъ не можетъ ограничиться наблюденіемъ только нынѣшнихъ экономическихъ отношеній“. Необходимо примѣнять историко-сравнительный методъ. Политическая экономія „очень далека отъ того, чтобы быть ученіемъ простого своекорыстія,—она, по меньшей мѣрѣ, въ такой-же степени—ученіе о методахъ общественности. Она желаетъ въ систематической обработкѣ понять, что въ экономическомъ отношеніи народы думали, желали и получили, къ чему они стремились и чего достигли“. Она—„анатомія и физіологія хозяйственной жизни“. Ей не приличествуетъ безусловно хвалить или порицать тотъ либо другой хозяйственный институтъ; „скорѣе ея главная задача показать, какъ и почему постепенно изъ „Vernunft“ сдѣлалось „Unsinn“, изъ „Wohlfahrt“—„Plage“ [1]). Такъ напр.—запретительная система имѣла въ свое время raison d'être, ибо обусловила развитіе производительныхъ силъ. Очень интересна статья Рошера въ „Deutsche Vierteljahrs Schrift“ въ 1849 г., гдѣ онъ, уже считаясь съ окрѣпшимъ новымъ теченіемъ, говоритъ о необходимости реформы экономической науки. Въ этой статьѣ Рошеръ замѣчаетъ, что соціалисты совершенно правильно усмотрѣли многіе недостатки существующаго хозяйственнаго строя, которые или не вполнѣ проявились во времена Смита, или сознательно упускались изъ виду, просматривались („in einem ganz unbilligen Grade“) смитіанцами [2]).

Какъ видимъ, признаніе извѣстныхъ заслугъ за соціалистами уже находитъ себѣ выраженіе въ нѣмецкой экономической литературѣ.

Историческая школа открывала доступъ въ систему политической экономіи „нравственному моменту“. Это рано было

[1]) W. Roscher. „Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirthschaft». Göttingen, 1843, S. IV—V.

[2]) «Deutsche Viert. j. Schrift», Stutt. Tübingen, 1849, I Heft, 1 Abtheil. статья Рошера: «Der gegenwärtige Zustand der wissenschaftlichen Nationalökonomie und die nothwendige Reform desselben». S. 176.

отмѣчено экономистомъ Schütz'омъ, въ соотвѣтственно озаглавленной статьѣ, помѣщенной въ „Zeitschrift für die gesammte Staatswirthschaft“ 1844 года. Стоитъ нѣсколько остановиться на этой статьѣ. Если признать, говоритъ Schütz, что въ основѣ хозяйственной жизни долженъ лежать исключительно эгоизмъ и къ ней непримѣнимы никакія моральныя начала, то этимъ открывается „путь къ очень опаснымъ выводамъ“. „Поземельный владѣлецъ и крупный предприниматель, безъ моральнаго уваженія къ личности своихъ рабочихъ, дѣлается ихъ притѣснителемъ: его разсчетъ и корыстолюбіе побуждаетъ низводить ихъ на положеніе приносящихъ доходъ рабочихъ животныхъ, машинъ; капиталистъ становится сухимъ, безпощаднымъ кредиторомъ и ростовщикомъ; покупатель, какъ и продавецъ, руководимый только своекорыстіемъ, не имѣетъ другого масштаба для своихъ дѣйствій, кромѣ учета прибыли и убытка; страдающіе отъ его способа дѣйствія люди—не принимаются въ разсчетъ; всѣ, противорѣчащія его интересамъ, требованія человѣческаго и гражданскаго долга разбиваются о его холодные подсчеты“ [1]). Но вѣдь хозяйство есть взаимоотношеніе человѣка и природы; поскольку дѣло идетъ о послѣдней, дѣйствуютъ ея законы. „Но насколько хозяйство есть продуктъ человѣческаго ума, человѣческой воли, человѣческой дѣятельности, оно представляетъ собою область практическаго духа, получая отъ него руководящіе законы. Нужно вскрыть эмпирическое проявленіе человѣческаго духа; но этого мало, надо и согласовать его дѣятельность съ высшими законами, т. е. отвѣтить на вопросъ не только, что есть, но и что должно быть. Въ полномъ согласіи съ тѣми идеями, которыя высказывалъ Аренсъ и на которыхъ несомнѣнно лежитъ печать соціалистическаго вліянія, Schütz требуетъ отъ экономистовъ признанія высшей идеи личности человѣка. Характерно, что Аренсъ, развивая свои соціально политическіе взгляды, бросалъ упреки экономистамъ, что они не относятся подобающимъ образомъ къ великой соціальной проблемѣ. Статья Schütz'а является какъ-бы отвѣтомъ на

[1]) „Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft“, J. 1844, I Band, Tübingen. Статья Schütz'а: „Das sittliche Moment in der Volkswirthschaft“, S. 134.

этотъ упрекъ. Что слѣдуетъ изъ признанія установленной идеи личности? Во-первыхъ, „ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть допустимо низведеніе отдѣльныхъ классовъ народа до простыхъ орудій производства, до вьючныхъ животныхъ общества“. „Ни у одного общественнаго класса при стремленіи къ земнымъ благамъ, къ средствамъ удовлетворенія потребностей, не должна забываться сама цѣль человѣческой жизни“. „Изъ признанія нравственной личности за всѣми членами государства слѣдуетъ безусловная обязанность для правительства и общества воздѣйствовать на распредѣленіе народнаго состоянія и дохода такимъ образомъ, чтобы всѣ классы населенія были въ состояніи вести человѣческую жизнь“. Собственно говоря, право на существованіе у Шютца пріобрѣтаетъ еще болѣе конкретный характеръ — права на достойное человѣка существованіе. Независимо отъ средствъ, которыми можно было-бы достигнуть реализаціи этого права, *данная идея* совершенно чужда либеральной экономіи, она выросла и окрѣпла въ соціалистической литературѣ, какъ элементъ „естественнаго порядка“, рисуемаго выразителями новой демократіи въ противовѣсъ буржуазіи. Необыкновенно характернымъ для Шютца, какъ и для всѣхъ вообще сторонниковъ „этическаго“ направленія, является усиленное подчеркиваніе важности вопросовъ распредѣленія; именно за это авторъ статьи хвалитъ новѣйшія экономическія теченія. Упоминается объ Ирландіи, какъ ужасающемъ примѣрѣ „неморальнаго хозяйства“. Необходимо стремиться къ внѣдренію нравственныхъ законовъ въ хозяйственную жизнь; „мы требуемъ отъ науки признанія, что хозяйство имѣетъ свои глубочайшіе корни, наиболѣе прочную и несокрушимую опору не только въ своекорыстіи индивидуумовъ и народовъ, но въ то-же время — и гораздо болѣе — въ „нравственномъ духѣ“, который оживляетъ ихъ хозяйственныя стремленія“ [1]).

Извѣстная книга Бруно Гильденбрандта—„Національная экономія настоящаго и будущаго“, *хотя и написана* въ опроверженіе работы Энгельса, признаетъ, тѣмъ не менѣе, за

[1]) Schütz, цит. статья, с. 134, 141.

соціалистами извѣстныя заслуги и залогъ лучшаго будущаго видитъ не въ односторонних эгоистическихъ стремленіяхъ индивидуумовъ, а въ началахъ „общественности". На этомъ-же настаиваетъ и наиболѣе глубокій изъ основателей исторической школы политической экономіи—Карлъ Книсъ (въ книгѣ — „Die politische Oekonomie vom Standpuncte der geschichtlichen Methode—1853 г.)... „Народъ есть нѣчто иное, чѣмъ произвольная сумма отдѣльныхъ индивидовъ... Хозяйственное состояніе и развитіе народовъ можетъ быть разсматриваемо только какъ звено, тѣсно связанное съ общимъ организмомъ народной жизни. Народное хозяйство есть, въ дѣйствительности, не что-либо изолированное, самостоятельное, а лишь экономическая сторона народной жизни" [1]). Полное господство своекорыстія, эгоизма, „несовмѣстимо" съ принципами общественной жизни. „Признаніе исключительнаго начала частной пользы въ хозяйственной дѣятельности покоится не на свободѣ, а на кулачномъ правѣ,... это есть пренебреженіе публичнаго права и правъ другихъ"... Правильно понимаемый эгоизмъ „никогда не устраняетъ любви къ ближнимъ или чувства общественности"... [2]). Въ такой научной атмосферѣ воспитывалось новое поколѣніе нѣмецкихъ экономистовъ. Ясно, что соціально-политическая тенденція была прочно заложена уже въ срединѣ 19-го вѣка.

III.

Развитіе соціально-политическихъ идей въ нѣмецкой экономической литературѣ 40-хъ годовъ. Зачатки христіанскаго соціализма.

Если представители французскаго и англійскаго утопическаго соціализма разсчитывали на носителей высшей власти въ дѣлѣ переустройства общественнаго хозяйства, то — въ силу специфическихъ условій нѣмецкой исторіи, въ атмосферѣ очерченныхъ нами идейныхъ вліяній—мысль о союзѣ

[1]) См. Knies – „Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte", Braunschweig 1853 г., s. 109.

[2]) Ibid. s. 163.

монархіи съ демократіей могла найти въ Германіи особенно плодородную почву. Какимъ-бы медленнымъ темпомъ не развивалось капиталистическое хозяйство въ нѣмецкихъ странахъ, все-же оно дѣлало успѣхи: это означало, съ одной стороны, ростъ либеральнаго движенія, грозящаго неограниченной монархіи; съ другой – обнаруженіе темныхъ сторонъ новаго экономическаго уклада, ростъ рабочаго движенія и соціализма. Изъ боязни послѣдняго и ради отпора либерализму, тѣснимое правительство и теряющая почву подъ ногами старая аристократія имѣли основаніе предаваться мечтамъ о совмѣстной съ новой демократіей борьбѣ противъ общаго врага—буржуазіи. Необыкновенно показательной въ этомъ отношеніи является книга Радовица, трактующая соціальную проблему и условія ея разрѣшенія совершенно въ томъ-же духѣ, какъ это дѣлали представители „молодой Англіи". Остановимся на этой работѣ, озаглавленной: „Современные разговоры о государствѣ и церкви". Написана она въ формѣ діалога между представителями различныхъ направленій—либеральнаго (фабрикантъ Crusius), радикальнаго (зять его Detlew) и консервативнаго (бюрократъ Oeder). Crusius, полагая, что цѣль государства заключается во всеобщемъ благополучіи, находитъ, что послѣднее лучше всего можетъ быть достигнуто въ свободной конституціонной странѣ, а не бюрократическими порядками. Слѣдуетъ, конечно, избѣгать крайностей, при установленіи представительнаго строя: право голоса должно быть дано лишь владѣющимъ и интеллигентнымъ лицамъ, ибо въ противномъ случаѣ водворится разнузданная демократическая анархія. Oeder заявляетъ, что всѣ эти разсужденія—пустая болтовня. Да развѣ монархія не является выразительницей того-же стремленія создать всеобщее благоденствіе? „Во всякомъ случаѣ, всѣ мы вмѣстѣ—слуги общества, и князь есть только первый слуга государства; поэтому-то отнюдь не является невозможнымъ, чтобы высшая воля государства оставалась сконцентрированной въ его власти, и чтобы эта интеллигентная и могущественная воля представляла интересы общества во всѣхъ сферахъ политической и соціальной жизни" [1]). Oeder, какъ видимъ, противопоставляетъ либера-

[1]) v. Radowitz. «Gespräche aus der Gegenwart über Staat und Kirche". Stuttgard, 2-te Aufl, 1846, s. 23.

лизму старую точку зрѣнія просвѣщеннаго абсолютизма. Но либеральныя идеи уже окрѣпли, обществу надоѣли безпрерывныя стѣсненія и опеканія. Crusius смѣло заявляетъ: „мы желаемъ вмѣсто рабства добиться, наконецъ, свободы, вмѣсто полицейскаго государства — правового; и никакая сила на землѣ не удержитъ этого движенія“ [1]). Однако, въ лицѣ зятя Crusius находитъ болѣе опаснаго противника, идущаго въ уровень съ требованіями времени и опередившаго уже закоснѣлаго либерала. Detlew воспитался на идеяхъ С.-Симона, Фурье; знакомы ему взгляды и Л. Блана. Онъ знаетъ, что либерализмъ безсиленъ устранить главное соціальное зло—эксплоатацію неимущихъ классовъ владѣющими. Конституціонный режимъ, развязавши руки капиталу, только усилитъ его гнетъ надъ трудомъ. „Да и все существо конституціонной монархіи есть не что иное, какъ большая ложь“ [2]): вѣдь масса населенія сознательно устранена отъ участія въ управленіи. Отъ господства торгашей нечего ожидать разрѣшенія соціальной проблемы. Чистая демократія (предполагающая всеобщее избирательное право), быть можетъ, дала-бы лучшіе плоды и подняла-бы значеніе государства, которое должно выполнять законы милосердія и справедливости. Допустимъ, однако, что въ ближайшемъ будущемъ нельзя ожидать желательнаго, совершеннаго демократическаго режима; но—во всякомъ случаѣ—нападки „фабрикантовъ и купцовъ“ на монархическихъ правителей черезчуръ смѣлы. „Toussenel правъ, говоря, что тиранны все еще безконечно ближе стоятъ къ народнымъ интересамъ, чѣмъ плутократы всякаго рода“ [3]). Одинъ изъ собесѣдниковъ (Waldheim) замѣчаетъ бюрократу, что бѣлый терроръ ненадолго задержитъ революцію: кромѣ негативныхъ средствъ нужна положительная работа въ пользу государства. И вотъ среди этого разнообразнаго хора голосовъ, изъ которыхъ каждый выражаетъ недовольство настоящимъ положеніемъ дѣлъ, раздается призывъ тоже консерватора—Arneburg'a, отпрыска стараго дворянскаго рода, вѣрнаго слуги князя. На замѣчаніе Вальдгейма, что—такъ или иначе—правительству при-

[1]) Ibid. s. 217.
[2]) Ibid. s. 112, s. 121.
[3]) Ibid. s. 112, s. 121.

дется уступить могучему потоку оппозиціи, онъ заявляетъ: „Я еще не прекращаю борьбы, еще не изсякли силы и у нашихъ князей, чтобы уступить въ борьбѣ съ торжествующей посредственностью. Они должны имѣть мужество обратиться къ массамъ. Тамъ, въ низшихъ и наиболѣе многочисленныхъ классахъ имѣются еще ихъ естественные союзники, имѣются еще не израсходованныя силы; натуры, способныя чувствовать благодарность, почтительность, болѣе доступныя поученію и, прежде всего, возвращенію къ страху Божію, чѣмъ развращенная дурными картинами современности, лишенная вѣрности и вѣры, публика газетъ, гражданскихъ собраній и палатъ депутатовъ... Можете-ли вы отрицать, что до сихъ поръ законодательство почти исключительно ставило своей цѣлью интересы средняго сословія?“... ...„Мы знаемъ, какую благодарность пожали владѣтельные князья, какое употребленіе дѣлается на нашихъ глазахъ изъ достигнутаго денежной силой всемогущества!.. Что, если-бы какое-нибудь правительство бросило свою, слава Богу, все еще значительную силу на другую чашку вѣсовъ, что если-бы оно поставило своею главною цѣлью интересы неимущихъ сословій, если-бы оно правило и управляло въ этомъ духѣ?.. Не думаете-ли вы, что громадное большинство народа было-бы въ состояніи освободиться отъ тѣхъ, основанныхъ на обманѣ помочей, на которыхъ его до сихъ поръ ведетъ аристократія денегъ, промышленности и мѣщанства“ [1]).

Книга, какъ мы видимъ, представляетъ собою прямой призывъ къ власти взять на себя соціальную миссію. Въ чемъ эта миссія должна выражаться, довольно краснорѣчиво говорятъ многочисленные проекты и предположенія, появившіеся въ концѣ сороковыхъ годовъ. Мы останавливаемъ вниманіе читателя на двухъ работахъ, имѣющихъ наиболѣе симптоматическое значеніе: W. Wichura—„Die vereinigte Arbeit (Association) und die Theilnahme des Staats an der Aufhülfe der Arbeiter“ (1849), „опытъ отвѣта на соціальный вопросъ“, какъ значится въ подзаголовкѣ, и Aug. Holzschuher'a—„Die materielle Noth der unteren Volksklassen und ihre Ursachen“, книга, написанная на конкурсъ, предложенный баварскимъ королемъ Максиміліаномъ II въ 1848 г.

Работа Вихуры тѣмъ интересна, что въ консервативной формѣ она предвосхищаетъ идеи Лассаля. Въ сущности—

это нѣмецкая интерпретація книги Луи Блана—„Организація труда“. Самая возможность такой интерпретаціи представителемъ консервативныхъ политическихъ взглядовъ необыкновенно характерна. Книга Вихуры поражаетъ удивительнымъ смѣшеніемъ стараго и новаго. Каждый человѣкъ, говоритъ авторъ, имѣетъ отъ природы право на существованіе и на свободное развитіе всѣхъ своихъ способностей. Ради осуществленія этихъ правъ—онъ вступаетъ въ различныя ассоціаціи; если ассоціація, называемая государствомъ, не помогаетъ ему въ этомъ отношеніи, то она безполезна. Отсюда слѣдуетъ, что государство должно притти на помощь бѣдному населенію. Работы оно ему гарантировать не можетъ, но должно избавить и отъ ненужной конкурренціи чужого труда, т. е. должно усвоить во внѣшней торговой политикѣ начала протекціонизма. Нѣмцы вообще настроены гуманистически и космополитически, а потому и слушаютъ фритредерскія рѣчи англичанъ, но ввести свободную торговлю немыслимо до „разрѣшенія соціальнаго вопроса“. Оградивши себя, такимъ образомъ, извнѣ, правительство должно поспѣшить навстрѣчу соціальному вопросу, ибо „вулканъ уже начинаетъ дѣйствовать“. Все несчастье рабочаго въ томъ, что онъ не получаетъ всего продукта своего труда: если дать ему капиталъ, необходимый для обзаведенія, то онъ, вмѣстѣ со своими товарищами, будетъ избавленъ отъ гнета капиталистовъ. Предполагается основаніе производительныхъ ассоціацій, долженствующихъ замѣнить индивидуалистическій хозяйственный порядокъ. Необходимыя для этого средства должны быть добыты преимущественно государствомъ, причемъ вполнѣ гарантирована уплата умѣренныхъ процентовъ за ссуды. Въ высшей степени важно, чтобы именно государство занялось этимъ дѣломъ, такъ какъ оно прямо заинтересовано въ возможномъ увеличеніи благосостоянія гражданъ; надо, чтобы именно государству принадлежала честь поднятія соціальнаго уровня массы. Конечно, кредиты слѣдуетъ оказывать только „мастерамъ“, „способнымъ къ образованію ассоціацій“; подмастерья будутъ получать зараб. плату, а также участвовать въ прибыляхъ. Впрочемъ, Вихура находитъ необходимымъ и для рабочихъ большихъ городовъ образовывать постоянные либо временные союзы. Можно-ли возлагать на государство такую задачу—доставленія средствъ? Однако,

государство уже заботится о богатыхъ, оказывая имъ ссуды: „пусть оно постепенно пріучается своихъ бѣднѣйшихъ дѣтей, которыя добываютъ свой насущный хлѣбъ повседневнымъ трудомъ, разсматривать, какъ лучшихъ дѣтей или, по крайней мѣрѣ, не какъ пасынковъ; каждый изъ нихъ служитъ государству своимъ трудомъ, безъ всякаго эгоизма, а богачъ, избранникъ общества, баловень счастья, любимецъ государства, съ помощью всѣхъ ссудъ, которыя ему такъ охотно и легко оказываетъ государство, служитъ только своему эгоизму. Болѣе того! Онъ употребляетъ деньги, которыя ссужаетъ общество, къ подавленію самой энергичной части своихъ согражданъ! Онъ благопріятствуетъ рабству, которое гораздо хуже, чѣмъ въ древнемъ Римѣ и Греціи. Онъ, наконецъ, всѣми силами мѣшаетъ эмансипаціи этихъ несчастливыхъ членовъ государства“ [1]).

Вихура не хочетъ возстановленія цеховъ; его ассоціаціи—свободны, необязательны, но вмѣстѣ съ тѣмъ планируетъ цѣлую сѣть „Provincial-Assocations-Behörde“, направленіе которымъ дается центральнымъ правительствомъ — въ „Ministerial-Abtheilung für Association“. Для силезскихъ ткачей прилагается спеціальный, подробно разработанный проектъ устава. Не забылъ Вихура и объ инвалидахъ и престарѣлыхъ: онъ считаетъ необходимымъ возложить на государство обязанность—потребовать отъ хозяевъ составленія особаго фонда, — слѣдовательно, въ общей формѣ развиваетъ идею обязательнаго страхованія.

Не менѣе характерна и другая, упоминавшаяся нами работа—Holzschuher'a.

Подобно тому, какъ позднѣе Шенбергъ требовалъ отъ имперскаго правительства освѣдомленности въ соціальной сферѣ, такъ и Гольцшуэръ рекомендуетъ учредить, прежде всего, статистическій органъ, который говорилъ-бы „одну правду“. Разбивая причины народной нужды на двѣ категоріи — естественныя и соціальныя, онъ останавливается на послѣднихъ и громитъ капиталистическое хозяйство. Аграрный строй замѣняется индустріальнымъ; вмѣсто прежъ-

[1]) W. Wichura. „Die vereinigte Arbeit (Association) und die Theilnahme des Staats an der Aufhülfe der Arbeiter“. Ein Versuch zur Beantwortung der socialen Frage. Ratibor, 1849. s. 40.

нихъ патріархальныхъ деревенскихъ отношеній развивается духъ наживы, деньги играютъ главную роль. Зловредныя тенденціи новаго времени находятъ особенно яркое выраженіе въ дѣятельности евреевъ. Но деньги не могутъ выполнять роль органическаго связующаго элемента. „Господство денегъ, выражающееся въ господствѣ капитала надъ рабочимъ, гораздо болѣе опасно, чѣмъ прежнее феодальное господство". „Нужда низшихъ классовъ есть результатъ комплицированной дѣятельности человѣческаго общества въ оборотѣ", какъ замысловато выражается Гольцшуэръ, „въ особенности послѣдствіе конкуренціи въ крупномъ масштабѣ, силы капитала, увеличенія простаго рабочаго населенія безъ капитала. ближайшимъ образомъ — слѣдствіе колебаній въ системѣ производства и обращенія всѣхъ благъ"...[1]). „Общество находится въ переходной стадіи, подобной древнему хаосу" и „государство должно поставить на его мѣсто новую, органическую систему (Gliederung). Основные моменты послѣдней — очевидны. Вмѣсто индивидуализма — корпоративность. Оградивъ себя отъ иностранной конкуренціи пошлинами, слѣдуетъ всесторонне улучшать условія труда на фабрикахъ (сокращеніемъ рабочаго времени, устраненіемъ расплаты товарами и пр.), образовать особый фондъ страхованія отъ несчастій и для престарѣлыхъ, а главное — вызывать къ жизни ассоціаціи. Слѣдуетъ, чтобы рабочіе, подъ надзоромъ государства, образовывали ферейны и союзы ферейновъ, для законнаго представительства своихъ интересовъ — сообщенія данныхъ о положеніи трудящихся и предъявленія справедливыхъ жалобъ. Конечно, ремесленничество пользуется особенными симпатіями и вниманіемъ автора. И неудивительно, такъ какъ послѣ торговаго кризиса 1839-го года положеніе класса ремесленниковъ обнаруживало большую шаткость. Слышится много жалобъ на переполненіе цеховъ, отсутствіе заказовъ, плохую работу ре-

[1]) Aug. Freiherr v. Holzschuher. „Die materielle Noth der untern Volksklassen und ihre Ursachen". Gekrönte Preischrift. Augsburg—1850. См. s. 79, 80, 133. 134 et passim. Тема, предложенная королемъ, формулирована: „Durch welche Mittel kann der materiellen Noth der untern Klassen der Bevölkerung Deutschlands und insbesondheit Bayerns am zweckmässigsten und nachhaltigsten abgeholfen werden?"

месленниковъ. Записка Берлинскаго магистрата 1840 г. отмѣчаетъ всеобщую нужду, которая — въ теченіе 17 лѣтъ— увеличила болѣе, чѣмъ втрое, расходы кассы по призрѣнію бѣдныхъ. Такія-же жалобы идутъ изъ Кёльна. Не смотря на увеличеніе населенія, классъ ремесленниковъ возрасталъ слабо, иногда замѣчалась деградація (въ особенности тамъ, гдѣ ремесленникъ встрѣчался въ новой техникой). Промышленный Уставъ 1845 г., являвшійся уступкой на два фронта— и капитализму, въ смыслѣ общаго признанія промышленной свободы, и ремесленничеству, — попыткой регулировать права и обязанности корпорацій, — никого, конечно, не удовлетворилъ. Назрѣвало цѣлое движеніе среди ремесленниковъ, прорвавшееся наружу въ 1848 году. Въ апрѣлѣ 48-го года рядъ городовъ (цеховъ) подаетъ петиціи правительству о необходимости новаго „промыслового устава, который могъ-бы предупредить появленіе въ Германіи ужасовъ, подобныхъ французскимъ". Конечно, подмастерья строго отдѣлялись отъ мастеровъ, ибо „у рабочихъ не было достаточно знаній для обсужденія ихъ собственныхъ интересовъ". Во главѣ этого ремесленническаго движенія скоро становится проф. Винкельблехъ изъ Касселя, съ которымъ, подъ именемъ Marlo, мы еще познакомимся. 15-го іюля 1848 г. во Франкфуртѣ собрался т. н. „Erste Deutsche Handwerker- und Gewerbecongress", изъ 116 мастеровъ отъ 24 отдѣльныхъ государствъ. Если въ лицѣ Фр. Листа крупная нѣмецкая буржуазія протестовала противъ фритредерскихъ началъ, то на этомъ конгрессѣ, мелкая, пользуясь услугами Винкельблеха, возстала противъ промысловой свободы. Этотъ протестъ, какъ говорится въ мотивахъ, подписанъ милліонами несчастныхъ. Проэктъ, въ сущности, сводился, какъ выражается Waentig, къ устройству въ рамкахъ государства еще новаго — цехового государства[1]).

Слѣдить за предположеніями мастеровъ намъ не приходится — мы отмѣтили только фактическую подкладку идеологіи средняго слоя, стремившейся найти себѣ выраженіе въ государственной практикѣ. Подъ этимъ флагомъ, глав-

[1]) Heinrich Waentig, ст. „Die gewerbepolitische Anschauungen in Wissenschaft und Gesetzgebung des XIX Jahrh.", въ цитир. сбор. „Die Entwicklung d. d. V.-lehre" s. статьи 19—20.

нымъ образомъ, и проходятъ различные проэкты насажденія въ Германіи ассоціацій. Можно сказать, что мелко-буржуазныя тенденціи, имѣющіяся во франц. утопич. соціализмѣ, встрѣтили въ нѣмецкихъ странахъ особенно горячій пріемъ. Именно въ эту сторону „соціальнаго вопроса“ направилась правительственная дѣятельность въ памятный для Германіи 48—49 годъ. Прусскій промышленный уставъ, дѣйствительно былъ измѣненъ согласно желаніямъ ремесленныхъ цеховъ — были возобновлены стѣснительныя правила объ ученикахъ, пробной работѣ и пр. Съ разрѣшенія министра могли въ округахъ образовываться особые „промысловые совѣты“, въ равной части изъ ремесленниковъ, фабрикантовъ и торговцевъ, въ компетенцію которыхъ входило слѣдить за выполненіемъ всѣхъ правилъ относительно корпорацій. Нечего и говорить, что всѣ эти эксперименты оказались неудачными. Жизнь шла впередъ, почва изъ-подъ ногъ у прежней организаціи промысловой жизни выбивалась (развитіе техники, желѣзно-дорожнаго транспорта), и послѣ кратковременнаго удовлетворенія новымъ уставомъ ремесленники съ 1853 г. снова начинаютъ забрасывать правительство петиціями. Изъ 96 промышленныхъ совѣтовъ въ 1859 г. осталось всего 22, чтобы черезъ десять лѣтъ окончательно исчезнуть. Мастера требуютъ отъ государства возобновленія обязательности цеховъ, строгаго разграниченія дозволенныхъ и недозволенныхъ работъ, затрудненія образованія новыхъ предпріятій, ограниченія права торговли и пр.

Несоотвѣтствіе этихъ требованій измѣнившимся условіямъ жизни было настолько велико, что къ концу 50-хъ годовъ многіе прежніе защитники цехового строя стали сильно сомнѣваться въ его цѣлесообразности. Однако, цеховыя симпатіи переходятъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, и въ соціально-политическую реакцію либерализму — эпохи Германской Имперіи.

Такимъ образомъ, монархія — до извѣстной степени, конечно, очень слабо — но попыталась въ тяжелый для себя періодъ использовать нѣкоторые рецепты единенія съ народными массами. Отзывалась-ли церковь на выдвинутый жизнью „соціальный“ вопросъ, комбинируемый по условіямъ тогдашней нѣмецкой жизни изъ столь разнорѣчивыхъ элементовъ? По своему, она пыталась это сдѣлать, хотя расцвѣтъ ея вмѣшательства въ хозяйственную сферу также относится къ болѣе позднему времени.

У католической церкви уже къ этому времени выдѣлился крупный представитель христіанскаго соціализма, v. Ketteler, майнцскій епископъ. Въ программу съѣзда католиковъ въ Майнцѣ въ 1848 г. было поставлено обсужденіе соціальнаго вопроса, освѣщеннаго проповѣдями Кэттэлера. На этихъ-то раннихъ произведеніяхъ нѣмецкаго христіанскаго соціализма мы и остановимся. Кэттэлеръ констатируетъ общее разстройство жизни, какую-то безысходную сумятицу. Подъ очевиднымъ вліяніемъ Лоренца Штейна онъ рисуетъ безотрадную картину „современнаго общества“. „Владѣющіе и лишенные владѣнія враждебно стоятъ другъ противъ друга, обѣднѣніе массъ растетъ изо дня въ день, право собственности потрясено въ воззрѣніяхъ народа, и мы видимъ отъ времени — до времени явленія, подобныя пламени, вырывающемуся изъ-подъ земли то тамъ — то здѣсь, — предвѣстники предстоящаго всеобщаго потрясенія“ [1]). Жестоко спорятъ о правѣ собственности, а — между тѣмъ — забываютъ обратиться къ церкви за единственнымъ правильнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Кэттэлеръ излагаетъ взгляды Ѳомы Аквинскаго, — и приходитъ къ выводу, что одинаково несправедливы и „сторонники ложнаго ученія о суровомъ правѣ собственности“ и представители „ложнаго коммунизма“. Истинный коммунизмъ — въ христіанскомъ вѣроученіи. Богъ даровалъ человѣку блага для того, чтобы онъ умѣренно, не забывая высшихъ цѣлей, удовлетворялъ свои потребности; кто-же ищетъ большаго отъ права собственности, дозволеннаго и необходимаго въ данныхъ предѣлахъ, тотъ нарушаетъ законъ Бога. „Знаменитое выраженіе: собственность есть воровство — содержитъ въ себѣ не только ложь, но — вмѣстѣ съ крупной ложью — ужасную правду“ [2]), ибо воромъ является всякій, эксплоатирующій ближняго.

Въ соотвѣтствіи съ демократическими соціальными лозунгами народной массы, Кэттэлеръ ставитъ политику на

---

[1]) Die grossen socialen Fragen der Gegenwart“, 6 Predigten, gehalten in Mainz im Jahre 1848, von W. E. Freih. v. Ketteler, Bischof vom Mainz“. Mainz — 1878. s. 8.

[2]) Ibid. s. 15.

второй планъ. „Съ лучшими формами государства мы еще не получаемъ работъ, платья, хлѣба, крова“... [1]). Всѣмъ извѣстно, что успѣхи политическаго движенія повлекли за собою болѣе острую постановку соціальной проблемы. „Политическое движеніе находитъ громадное сочувствіе у бѣдныхъ классовъ населенія единственно вслѣдствіе безвыходнаго ихъ матеріальнаго положенія (Nahrungsverhältnisse). Въ то время какъ руководители и подстрекатели народа стремятся только захватить государственную власть въ свои руки, бѣдный народъ надѣется лишь на улучшеніе своихъ матеріальныхъ потребностей“ [2]). „Вожакамъ“ достастся очень сильно: они стремятся развратить „добрый нѣмецкій народъ“, подстрекая его къ грабежу, раздѣлу имущества. Лучшее распредѣленіе можетъ быть достигнуто только выполненіемъ христіанскихъ заповѣдей милосердія и страха Божія. Собственникъ долженъ знать, что на немъ лежатъ обязанности по отношенію къ неимущему и т. д. Нѣтъ надобности излагать крайне неопредѣленныя „позитивныя“ предложенія Кэттэлера—онъ вращается въ этихъ своихъ первыхъ выступленіяхъ въ сферѣ, исключительно религіозно-моральной. Языкъ его крѣпнетъ, и мысль пріобрѣтаетъ большую опредѣленность уже въ 60-хъ годахъ, на почвѣ развитія Ласалевской пропаганды,—о чемъ рѣчь будетъ ниже. Важно, что популярный проповѣдникъ рѣзко высказался—съ христіанской точки зрѣнія—противъ экономическаго либерализма.

Значительно слабѣе, какъ теперь, такъ и позже, были выступленія соціально-консервативнаго теченія евангелическаго толка, хотя все-же аналогичныя проявленія имѣли мѣсто. Евангелическая церковь вначалѣ скромно занималась дѣлами христіанскаго милосердія (благотворительные и воспитательные ферейны, рабочія колоніи), пока пасторъ Штекеръ во второй половинѣ 70-хъ годовъ не ринулся въ пучины „государственнаго соціализма“. Но—если уже т. н. „Jünglingsvereine“ (основываемые съ половины 18 в.) были нѣкоторымъ приложеніемъ принципа ассоціаціи, представляя собою извѣстную „поправку“ къ индивидуалистическому

[1]) Ibid, s. 20.
[2]) Ibid. s. 21.

хозяйству, то развившій усиленную въ серединѣ прошлаго вѣка дѣятельность пасторъ Вихернъ въ своей работѣ, пользовавшейся популярностью, установилъ вполнѣ отрицательное отношеніе протестантскаго исповѣданія къ экономическому либерализму. Книга его—„Die innere Mission der deutschen evangelischen Kirche“ — выдержала два изданія въ 1849 г. и была переиздана сорокъ лѣтъ спустя, въ эпоху расцвѣта государственнаго соціализма, какъ бы знаменуя этимъ совпаденіе общественнаго настроенія середины и конца 19-го в. Въ сент. 1848 г. 500 евангелистовъ въ Виттенбергѣ признали необходимымъ образовать союзъ, во имя выполненія миссіи; Вихернъ и далъ программу этимъ миссіонерамъ внутри страны. Принципіально стоя на точкѣ зрѣнія христіанскаго милосердія, онъ призываетъ всѣ общественныя силы (дѣятельность одного государства—недостаточна) къ смягченію классовой розни, къ оживленію въ народѣ нравственныхъ началъ, преподанію ему средствъ смягченія нужды. „Организація помощи, которую предлагаетъ свободная христіанская любовь послѣ своего новаго пробужденія, концентрируется въ ассоціаціи“ [1]). Рамки ассоціаціи Вихернъ ставитъ очень широко, предполагая возможнымъ и особенно цѣлесообразнымъ соединеніе въ ассоціаціи бѣдныхъ и богатыхъ. Широкая сѣть такихъ союзовъ сблизитъ между собою различные классы и группы населенія, примиритъ ихъ между собою. Почва у соціализма уйдетъ изъ подъ ногъ. Духомъ сыска вѣетъ отъ строкъ, подобныхъ нижеслѣдующимъ: „прежде всего, надо обратить вниманіе на сословіе нѣмецкихъ подмастерьевъ. Это сословіе, благодаря своему подвижному образу жизни, оказывается болѣе многихъ другихъ способно разносить по селамъ и городамъ соціалистическія идеи“. Весьма неблагосклонно относится Вихернъ къ большимъ городамъ—очагамъ разврата,—и если это осужденіе сравнить съ отзывами Фр. Листа, то реакціонность воззрѣній наставника миссіонеровъ станетъ очевидной.

[1]) I. H. Wichern. «Die innere Mission der deutschen evangelischen Kirche». Eine Denkschrift an die deutsche Nation im Auftrage des Central-Ausschusses für die innere Mission». Dritte Auflage—Hamburg, 1889. S. 138 et passim.

IV.

Соціально-политическія воззрѣнія В. Э. Губера.

Въ общей связи съ упомянутыми выше теченіями намъ слѣдуетъ ознакомиться съ общественнымъ міросозерцаніемъ консервативнаго соціалъ-политика—проф. Губера, пользовавшагося личнымъ расположеніемъ короля Фридриха-Вильгельма IV-го и приглашеннаго имъ на каѳедру въ Берлинскомъ Университетѣ въ 1843 г. Сближеніе Губера съ Фр.-Вильгельмомъ состоялось еще въ бытность послѣдняго кронпринцемъ; ихъ тянуло другъ къ другу, по замѣчанію біографа, „какъ двѣ природы, исполненныя одинаковаго настроенія, однихъ и тѣхъ-же чувствъ и идеаловъ“ [1]). Научно-литературная дѣятельность Губера, умершаго въ 1869 г., въ ея цѣломъ выходитъ за хронологическія рамки настоящей главы; однако обрисовать его соціально-политическіе взгляды удобнѣе всего именно въ данномъ мѣстѣ, такъ какъ ихъ основой является та-же романтическая идея союза монарха съ народомъ, которая силою вещей выдвинулась въ Германіи наканунѣ революціи и ясные слѣды которой были нами отмѣчены выше. Въ тотъ моментъ, когда конституціонныя стремленія особенно рѣзко стали замѣчаться въ нѣмецкой общественной жизни, Губеръ смѣло выступилъ на защиту абсолютизма, въ которомъ онъ усматривалъ наиболѣе цѣлесообразную форму „христіанской монархіи“. Его неосуществившейся мечтой съ самаго начала выступленія на публицистическую арену было образованіе крѣпкой консервативной партіи изъ аристократическихъ элементовъ общества, способной опереться на народную массу и дать отпоръ разлагающему либерализму. Въ 1841 г. имъ былъ составленъ характерный проспектъ: „Ueber die Elemente, die Möglichkeit und Nothwendigkeit einer konservativen Partei in Deutschland“. Относительно этой работы слѣдуетъ замѣтить, что король отнесся къ ней гораздо внимательнѣе, чѣмъ кто-либо другой. Приглашеніе Губера въ Берлинъ объясняется желаніемъ противопоставить его монархическую проповѣдь растущему оппозиціонному духу. Когда, въ результатѣ, обнаружилась неуспѣшность пропаганды съ каѳедры, Губеромъ воспользовались въ качествѣ оффиціознаго оппонента радикальной прессѣ (субсидируемый правительствомъ органъ „Janus“ — „Jahrbücher deutscher Gesinnung, Bildung und That“ противъ „Hallische Jahrbücher“). Необходимо, однако, прибавить, что Губеръ никогда не опускался до простого толкованія правительственныхъ предначертаній: высказываемыя имъ мысли, дѣйствительно, ему и принадлежали; нѣтъ ничего удивительнаго, что Губеру вскорѣ пришлось разочароваться въ предполагавшихся единомышленникахъ.

[1]) V. A. Hubers Ausgewählte Schriften, in freier Bearbeitung v. D-r K. Munding. B., введеніе, LVIV.

Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, въ Губерѣ нельзя усматривать односторонняго представителя романтической реакціи: къ нѣкоторымъ сторонамъ дѣйствительной жизни онъ стоялъ весьма близко, относился очень чутко. Либерализмъ несомнѣнно поражалъ его, хорошо знающаго общественно-экономическую жизнь Франціи и Англіи, скрытыми въ немъ противорѣчіями: пауперизмъ, сопутствующій хозяйственному развитію, очень рано началъ привлекать его вниманіе. Результатомъ серьезнаго изученія соціальной проблемы въ тѣхъ формахъ, какъ она въ то время выражалась, у Губера, въ полномъ соотвѣтствіи съ его политическими симпатіями, явилось убѣжденіе въ необходимости вмѣшательства въ соціальную область со стороны государства и церкви. Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ Карлейля и англійскихъ христіанскихъ соціалистовъ, онъ, аналогично имъ, формулировалъ свое сочувствіе страданіямъ демократіи. Основой здравой соціальной политики Губеръ выдвинулъ принципъ „организаціи рабочихъ массъ по профессіямъ“, рабочихъ ассоціацій кооперативнаго характера. Настаивая на свободномъ характерѣ такихъ „ферейновъ“, онъ, однако, не исключалъ, подобно Шульце-Деличу, начало государственной и вообще „чужой“ помощи; въ прочихъ комбинаціяхъ Губеръ стоялъ на одной почвѣ съ пропагандистомъ рабочихъ товариществъ. Соціально-реформаторская дѣятельность Губера, выражавшаяся не только въ литературной агитаціи, но и въ практическихъ опытахъ („Berliner gemein-

nützige Baugesellschaft"), получила особенный толчокъ послѣ революціи 1848 года. Въ концѣ концовъ, Губеру не удалось направить консервативную партію въ желательное для него русло: онъ счелъ себя вынужденнымъ порвать съ дворянствомъ и вступилъ послѣ этого всецѣло на почву „innerer Mission" въ духѣ пастора Вихерна.

Попытаемся изложить взгляды Губера, хотя и не пользовавшіеся въ свое время большою популярностью, но весьма характерные для эпохи и оказавшіе замѣтное вліяніе на развитіе общественно-экономической мысли въ Германіи.

Первое условіе здоровой общественной жизни заключается, по мнѣнію Губера, въ сохраненіи „живой, дѣйственной, личной, богочеловѣческой почвы христіанства, христіанской церкви и ученія" [1]. Государство не можетъ существовать безъ этой основы; идеальной формой государства является „christlich monarchischer Staat" [2]. Наиболѣе близкимъ себѣ по духу Губеръ считаетъ Шталя. Впрочемъ, правильность своей государственно-философской идеи онъ предпочитаетъ основывать не на какой-либо доктринѣ, а „непосредственно на самой дѣйствительности",—„на всемъ развитіи прусскаго государства" [3]. Исторія Пруссіи являетъ живое выраженіе въ различные моменты этой великой идеи. Губеръ стоитъ на исторической точкѣ зрѣнія и предлагаетъ „доктрину" всякой государственной жизни искать въ исторіи народа. Сущность прусской идеи можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: „органическое, духовное, нравственное и потому политическое единство между династіей и народомъ" [4]. Это единство не исключаетъ, а обусловливаетъ политическое представительство интересовъ, образованіе предста. вительнаго органа съ правомъ совѣщательнаго голоса. Дворянство—„Ritterschaft" должно быть вѣрнымъ союзникомъ монарха въ дѣлѣ удовлетворенія истинныхъ интересовъ народа. Либерализмъ, проповѣдующій идеи свободы, на самомъ дѣлѣ стремится къ господству. Революція знаменуетъ собой не организацію общества на новыхъ началахъ, а его разложеніе. Развивающееся на Западѣ демократическое движеніе имѣетъ не политическій, а соціальный характеръ; „революціонной карикатурой соціальной идеи является соціалистическая" [1]. Сущность соціальнаго вопроса сводится къ оздоровленію соціальной субстанціи. Состояніе послѣдней зависитъ, прежде всего, отъ положенія ея атомовъ—индивидуумовъ, семейства. „Источникъ" соціальной субстанціи есть „продуктивный трудъ"; для здоровья необходимо его безпрепятственное теченіе и правильное соотношеніе моментовъ „Erwerbes, Genusses und Besitzes" какъ между собою, такъ и по отношенію къ источнику. Болѣзнь въ каждомъ отдѣльномъ сословіи, а черезъ него и во всемъ общественномъ организмѣ создается либо чрезмѣрностью, либо недостаткомъ этихъ элементовъ. „Идея новаго соціальнаго мірового движенія... есть возстановленіе и сохраненіе здоровья въ соціальной субстанціи такъ наз. невладѣющихъ, рабочихъ классовъ, пролетаріата" [2].

Господствующая школа экономистовъ жестоко грѣшитъ своимъ оптимизмомъ; несогласенъ Губеръ и съ направленіемъ, представленнымъ Ад. Мюллеромъ и Галлеромъ, такъ какъ послѣдніе пытаются повернуть назадъ колесо исторіи. Разрѣшеніе соціальной проблемы можетъ быть достигнуто „матеріальнымъ, нравственнымъ и интеллектуальнымъ подъемомъ" рабочаго класса.

Методъ разрѣшенія—ассоціація трудящихся элементовъ. „Ассоціація есть истина соціализма" [3], которую онъ примѣсью своихъ ядовъ превращаетъ въ опаснѣйшую каррикатуру. Ассоціація представляетъ собой „естественный пунктъ соприкосновенія между трудомъ и владѣніемъ"; она нуждается „для своего полнаго, здороваго и консервативнаго развитія въ аристократическомъ факторѣ". На почвѣ ассоціаціи развивается „существенный моментъ истинной аристократіи—патронатъ". Вѣдь для удачи пролетарской ассоціаціи нужно ей сначала обезпечить нѣкоторый размѣръ „владѣнія".

Главное зло современной хозяйственной структуры обусловливается „разложеніемъ разнообразныхъ связей предше-

[1]) Ibid., s. 155, изъ „Grundzüge eines konservativen Programms".
[2]) Ibid., s. 107, изъ „Die Opposition".
[3]) Ibid., s. 187—8, изъ „Grundzüge".
[4]) Ibid., s. 188, изъ „Grundzüge".

[1]) Ibid., s. 280, изъ „Berlin. Erfurt. Paris".
[2]) Ibid., s. 283, тамъ-же.
[3]) Idid., s. 355 etc. изъ „Revolution und Ritterschaft".

ствующей эпохи, освобожденіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изолированіемъ соціальныхъ атомовъ въ области труда“ [1]).

Отсюда—полная необезпеченность жизни громадной массы населенія, достигшая чудовищныхъ размѣровъ въ англійскомъ пауперизмѣ. Негативная свобода ведетъ лишь къ подавленію слабѣйшихъ элементовъ сильнѣйшими.

Соціальныя обязанности по отношенію къ массѣ существуютъ; для ихъ выполненія требуется присутствіе въ обществѣ истинной аристократіи, обладающей любвеобильнымъ „сердцемъ“. Экономическая наука должна усвоить моральные элементы. Начало ассоціаціи именно тѣмъ и важно, что вновь скрѣпляетъ соціальные атомы въ единое цѣлое. Однако, не всѣ ассоціативныя стремленія одобряются Губеромъ: относясь, какъ было видно изъ предыдущаго, отрицательно къ средневѣковымъ тенденціямъ Мюллера и Галлера, Губеръ не одобряетъ и „ремесленнической, цеховой реакціи“ руководимой Марло: „искусственная охрана законами ремесла противъ фабрики никогда не можетъ создать крѣпкаго основанія для здороваго развитія [2]). Разложеніе ремесла и новообразованія фабричнаго характера имѣютъ свои естественные предѣлы въ „природѣ труда“, и всякая идея формальнаго регулированія послѣдняго, пренебрегая его природой, заключаетъ въ себѣ элементы коммунистическіе. Критикуя притязанія ремесленниковъ, Губеръ доходитъ даже до отрицанія идеи „государственнаго соціализма“: „коммунизмомъ является все то, что не признаетъ правъ и границъ частной собственности, личнаго труда и индивидуальнаго пользованія, пренебрегаетъ ими и распускаетъ ихъ въ публичномъ и общемъ. Исходитъ-ли этотъ коммунизмъ отъ монархической, аристократической или демократической власти, это тѣмъ менѣе представляетъ существенное различіе, что, разъ вступили на этотъ путь, въ концѣ концовъ должна побѣдить красная республика“ [3]). Правда, это положеніе не совсѣмъ мирится съ устанавливаемымъ Губеромъ единствомъ монарха и народа, выполненіемъ со стороны государства соціальныхъ функцій, неизбѣжно вызывающихъ вторженіе въ „царство собственности“; но—съ другой стороны, свидѣтельствуетъ объ искренности его симпатій къ ассоціаціи и невозможности для него пользоваться этимъ лозунгомъ въ цѣляхъ демагогическихъ. На такого консерватора трудно было-бы ссылаться Бисмарку въ его соціально-политическихъ экспериментахъ.

[1]) Ibid., s. 470, изъ „Die Arbeiterfrage im Lichte volkswirthschaftlicher Thatsachen und Dogmen“.

[2]) Ibid., s. 499, изъ „Zunftwesen, Zunftreaktion und Handwerkerfrage“.

[3]) Ibid., s. 500.

Тѣмъ не менѣе, Губеръ отводитъ государству выдающуюся роль въ разрѣшеніи рабочей проблемы; не признавая вообще абсолютизма въ этой области, въ смыслѣ исключительнаго сосредоточенія вліянія какой-либо стороной, онъ однако предпочитаетъ такой „некорректный способъ“ регулированія рабочаго вопроса правительствомъ полному пренебреженію. Вообще-же—нужно дать „могущественный импульсъ въ надлежащую сторону рабочему движенію въ его самостоятельныхъ проявленіяхъ“ [1]). Совершенно въ духѣ Родбертуса, Губеръ находитъ, что правительство можетъ очень многое сдѣлать, какъ „крупнѣйшій работодатель въ странѣ“.

Въ чрезвычайно интересной статьѣ (1863 г.)—„Рабочіе и ихъ совѣтники“—Губеръ опредѣляетъ свою позицію по отношенію къ Шульце-Деличу и Лассалю. Практическая дѣятельность перваго находитъ у него полное одобреніе, но не проповѣдуемая имъ доктрина: Губеръ отнюдь не склоненъ видѣть въ насаждаемыхъ рабочихъ товариществахъ конечной цѣли. Идеалъ Лассаля, котораго Губеръ упрекаетъ въ нѣкоторой „легковѣсности“, ближе ему. Губеръ также видитъ „въ полномъ развитіи ассоціативнаго начала до крупнаго производства“ средство разрѣшенія соціальной проблемы. „Существенное отличіе между нами заключается, поскольку рѣчь идетъ о матеріальной сторонѣ дѣла, въ томъ, что мы считаемъ эту цѣль достижимой только долгимъ и труднымъ путемъ мирной самопомощи, медленнаго, постепеннаго движенія, тогда какъ Лассаль полагаетъ, что это можно и должно сдѣлать только съ помощью государства, и притомъ однимъ ударомъ“ [2]). Родбертусъ также одобряется Губеромъ, только Губеръ не видитъ, какъ онъ можетъ „защи-

[1]) Ibid., s. 583, изъ „Ueber Arbeiter-Koalitionen“.

[2]) Ibid., s. 647, изъ „Die Arbeiter und ihre Rathgeber“.

тить себя отъ упрека въ соціалистическихъ и даже коммунистическихъ революціонныхъ тенденціяхъ“ [1]). О консервативныхъ соціальныхъ предположеніяхъ (какъ они выразились въ нѣсколькихъ статьяхъ „Kreuzzeitung“) Губеръ невысокаго мнѣнія. Отъ правительства-же онъ ждетъ гораздо большаго, чѣмъ простого полицейскаго преслѣдованія развивающагося рабочаго движенія. Между прочимъ, весьма характерно для Губера одобреніе по адресу русскаго правительства, которое, эмансипируя крестьянъ, не разрушило общины.

Интересны предлагаемыя Губеромъ въ одной изъ работъ „резолюціи“ по соціальному вопросу. Необходимо распространять въ такъ наз высшихъ классахъ убѣжденіе, что „соціальный вопросъ существуетъ и является чрезвычайно важнымъ и жгучимъ [2]). Нужно воспитывать чувство соціальной отвѣтственности, этической обязанности принимать посильное участіе въ разрѣшеніи проблемы. Съ этой точки зрѣнія соціальный вопросъ есть, прежде всего,—„eine Bildungsfrage“. Какъ велики въ данномъ случаѣ задачи церкви, школы, университета — вопросъ открытый; во всякомъ случаѣ—образованіе должно быть проникнуто христіанскимъ духомъ. Задача прессы—серьезно, основательно освѣщать практическую сторону дѣла. Для избѣжанія катастрофы необходимо идти навстрѣчу рабочему движенію съ цѣлью направленія его „на путь свободнаго мирнаго развитія“.

Въ кооперативномъ движеніи, какъ было уже упомянуто выше, Губеръ не усматриваетъ единственнаго средства; но удѣляетъ его изученію и освѣщенію очень много вниманія („Reisebriefe aus Belgien, Frankreich und England im Sommer 1854 и другія произведенія). Особенной симпатіей у него пользуется англійская практика (рочдэльскіе піонеры). Аристократія должна идти на помощь массамъ: „die innere Mission... ist unser Kreuzzug“ [3]). Планомѣрная работа въ этомъ направленіи ослабитъ соціализмъ, ибо „сила соціалистовъ главнымъ образомъ объясняется слабостью консервативныхъ элементовъ“ [4]). Вѣдь соціалисты—это прекрасно чувствуютъ

[1]) Ibid., s. 650.
[2]) Ibid., s. 719, изъ „Arbeiterfrage und Arbeiterbewegung“.
[3]) Ibid., s. 1084, изъ „Folgerungen und Forderungen“.
[4]) Ibid., s. 1085—1086.

рабочіе—ихъ любятъ, „имѣютъ для народа сердце, хотя неразумное и порочное (thörichtes, sündliches). Пока еще не поздно, консерваторы должны одуматься и выступить въ благородномъ соревнованіи противъ соціалистовъ.

Легко видѣть, какое любопытное смѣшеніе старыхъ и новыхъ элементовъ представляетъ собою общественно-экономическая система Губера. Онъ учитываетъ „всемірно-историческій прогрессъ“; далекій отъ грубаго обскурантизма, онъ видитъ свѣтлыя стороны эволюціи, но для него очевидны и ея дефекты. Губеръ замѣчаетъ противорѣчивый характеръ общественнаго развитія, но методъ синтеза противорѣчій, предлагаемый жизнью, имъ отвергается: въ политической и соціальной борьбѣ общественныхъ классовъ онъ усматриваетъ лишь безсильныя потуги установить „соціальный миръ“, „каррикатуру“, а не истинную идею прогресса. И въ поискахъ методовъ примиренія противорѣчій Губеръ обращается къ элементамъ старой Пруссіи, грубо нарушая имъ самимъ устанавливаемыя историческія перспективы. По существу дѣла, симпатіи Губера—на сторонѣ стараго порядка. Основнымъ импульсомъ его научно-литературной дѣятельности—является страхъ передъ революціей, какъ и у большинства соціальныхъ политиковъ, Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо отмѣтить также и чрезвычайное напряженіе общественно-этическаго настроенія, скрашивающаго эгоистическіе моменты страха. Въ общемъ, воззрѣнія Губера близко подходятъ къ взглядамъ Карлейля, оказавшаго на него большое вліяніе [1]).

[1]) Намъ представляется небезполезнымъ, хотя-бы вкратцѣ, ознакомиться съ настроеніемъ представителей „молодой Англіи“, непосредственно повліявшемъ на Губера. Черезъ него, въ этомъ теченіи нѣмецкіе противники либерализма могли обильно черпать нужную имъ аргументацію.

Трудно найти другого, болѣе безпощаднаго критика буржуазной пошлости и ограниченности, чѣмъ въ лицѣ суроваго пуританина, врага религіи „мамонизма“, мечтающаго о высокихъ „божественныхъ“ задачахъ человѣческаго бытія — Томаса Карлейля. Его „Знаменія времени“ (1829 г.), „Характеристики“ (1831 г.), „Чартизмъ“ (1839 г.), „Прошедшее и настоящее“ (1843 г.) — были своего рода откровеніемъ, грознымъ голосомъ божества, которому онъ поклонялся. Не можетъ быть сравненія, по мнѣнію Карлейля, между прошедшими періодами исторической жизни и нынѣшнимъ. Античная и средняя исторія полна величавыхъ образовъ сильныхъ людей, „героевъ“, одушевляемыхъ высокой идеей. Въ лучшихъ своихъ представителяхъ феодальная аристократія, дѣйствительно, выполняла долгъ —заботилась о подвластномъ на-

родѣ, и этимъ подтверждала божественное происхожденіе власти. Церковь прекрасно выполняла свое назначеніе, стремясь къ духовному подъему ввѣренныхъ ей Провидѣніемъ народовъ. Но чѣмъ дальше подвигалось время, стройное зданіе (выражаясь языкомъ с.-симонистовъ—„органическая эпоха") распадалось. Власть забываетъ о своемъ назначеніи, удовлетворяя лишь свои честолюбивые помыслы. Народъ, ввергнутый въ нищету, не выдерживаетъ ига и въ ярости разрушаетъ устои общества. Яркимъ примѣромъ разрушительной работы народа является великая франц. революція. Но развѣ отрицательная сила можетъ создать что либо положительное: для этого необходимъ герой, диктаторъ. Правящіе классы ничему не научились изъ прошлаго; доказательство—новый пожаръ въ Европѣ (ліонскія и парижскія баррикады). Въ Англіи—безпрерывныя стачки, митинги, репрессіи, весь „Чартизмъ". Въ брошюрѣ о послѣднемъ Карлейль предупреждаетъ общество, что движеніе, какъ будто прекратившееся въ это время, существуетъ, ибо корни его цѣлы. Рабочій классъ не можетъ удовлетвориться своимъ положеніемъ, а буржуазія, вырвавшая власть изъ рукъ старой аристократіи, отвѣчаетъ,—„laissez faire", проводитъ законъ о бѣдныхъ 1834 г., съ его „бастиліями" для рабочихъ и пр. Статистич. данныя показываютъ, что „положеніе массы низшихъ англійскихъ рабочихъ приближается все болѣе и болѣе по всѣмъ признакамъ къ Ирландскому" [1]. „Человѣкъ ищетъ работы—и не находитъ; это — быть можетъ, наиболѣе прискорбное указаніе, что счастье на этой землѣ распредѣляется несправедливо" [2] .. А между тѣмъ, изъ вертеповъ нищеты тянется зараза и въ богатые кварталы. „Въ чемъ же мы виноваты", восклицаютъ богачи: „развѣ мы не отдали рабочимъ всю ихъ плату до послѣдняго пенса?"— „Конечно", говоритъ Карлейль, „поклоненіе мамону есть печальная религія. Точно также и Каинъ, убивши Авеля ради своей выгоды, на вопросъ, гдѣ — братъ, отвѣтилъ: „а развѣ я--сторожъ моего брата".— „Развѣ я не выплатилъ моему брату всю заработанную имъ плату?" [3]. Конечно, лучше все предоставить естественному теченію и не вмѣшиваться въ борьбу классовъ. Пусть правительство стоитъ на стражѣ собственности, которой лишены многочисленнѣйшіе обитатели Англіи! Демократія думаетъ исправить существующее зло избирательной реформой. На требованіе куска хлѣба отвѣчаютъ биллями! Парламентъ наполнится лишнимъ количествомъ говоруновъ, которые ни на іоту не подвинутъ разрѣшеніе соціальнаго вопроса; „англичане привыкли къ голосованію; это для нихъ—панацея противъ всѣхъ золъ, ихъ idée fixe" [4]. Чего можно ожидать отъ демократіи, господства большинства? Надо стремиться къ господству лучшихъ. Недаромъ правящій классъ когда-то назывался аристократіей. „Свобода—святая вещь; но

[1]) T. Carlyle, „Chartism", Lon. 1840, s. 31.

[2]) Ibid. c. 24.

[3]) T. Carlyle, „Past and Present", нѣмец. пер. (Götting., 1899, 3-я кн.) с. 175.

[4]) „Chartism", s. 90.

если она является свободой голодной смерти, то уже не такъ божественна!". „Не къ невозможному — самоуправленію массы, а къ единственно возможному—правительству умнѣйшихъ — должна стремиться сбившаяся съ пути Европа". „Парламентская реформа, расширеніе права голоса! О небо! Какъ можете вы надѣяться на то, что посредствомъ простого увеличенія вашего ряда снадобій, посредствомъ простого подмѣшиванія новаго тупоумія и новой прожорливости можно будетъ извлечь мудрость изъ этого отвратительнаго котла, который станетъ больше, но ничуть не лучше прежняго?... Всеобщее право голоса! Что за идея на мѣсто Откровенія вѣчнаго божескаго закона поставить оффиціальный отчетъ о числѣ душъ!" [1]. Изможденный народъ, въ грязи, въ поту — стоитъ возлѣ лицъ, претендующихъ названіе законодателей, и говоритъ имъ: „смотрите, наша участь—невыносима, наша жизнь — ужасна! Дайте намъ справедливость, установите среди насъ правду! И когда сила будетъ на сторонѣ этого народа, она превратится въ право". Для разрѣшенія соціальнаго вопроса нужна власть, мощная,—королевская, аристократическая. „Связь ученика со своимъ учителемъ, лойяльнаго гражданина съ королемъ - руководителемъ, такъ или иначе, есть жизненный элементъ въ человѣческомъ обществѣ, необходимый, вѣчный; безъ него, какъ тѣло безъ души, общество умираетъ и гніетъ, распространяя ужасное зловоніе" [2]. „Къ каждому учрежденію, которое еще носитъ названіе правительства, какъ-бы оно ни было конституціонно и связано оффиціальными невозможностями, естественно обращаются всѣ взоры съ надеждой на помощь и совѣтъ... Если не будетъ подано никакой помощи и никакого совѣта.... тогда недовольство народа явно направится противъ правительства" [3].

Итакъ, соціальный міръ можетъ быть установленъ только крѣпкою властью, опирающейся на народную массу; соціальныя требованія демократіи могутъ быть выполнены только аристократіей — правленіемъ „мудрѣйшихъ и способнѣйшихъ". Въ полномъ согласіи съ Карлейлемъ развиваетъ нѣсколько позднѣе христіанско-соціальную пропаганду Кингсли („Alton Locke", „Yeast"—*1848—9 гг.*) и вообще т. н. „христіанскіе соціалисты" (Maurice. Hughes, Neale, Ludlow), стремящіеся свои идеи провести въ жизнь (1850 г. – „Общество для содѣйствія рабочимъ ассоціаціямъ"). Тѣ-же идеи исповѣдывались т. н. „молодой Англіей", группировавшейся вокругъ лорда Manners'a, въ рядахъ которой былъ знаменитый Дизраэли (*впослѣдствіи лордъ* Биконсфильдъ). Дизраэли мечталъ соціальнымъ радикализмомъ обновить партію тори, тѣснимую вигами; хотѣлъ найти для представителей „земельнаго интереса" новую точку опоры въ борьбѣ съ представителями капитала. Рабочій вопросъ, развернувшійся въ Англіи уже въ началѣ 19 в., оказался очень удобнымъ средствомъ борьбы съ индустріальными классами. Поддерживая фабричное законодатель-

[1]) „Past and Present", нѣм. пер., 2-й т. с. 379.

[2]) Chartism, s. 55.

[3]) Нѣм. пер.—„Past and Pres.—ibid., s. 100.

ство, не стѣсняясь вскрывать ужасы тогдашняго рабочаго быта, тори надѣялись дискредитировать либерализмъ. На ихъ сторонѣ оказались такія высоко-гуманныя личности, какъ Остлеръ, Садлеръ, Эшли, тогда какъ у противниковъ апологетами невмѣшательства государства были люди, въ родѣ Нассау Сеньора. Дизраэли, обладая тонкимъ умомъ, зналъ, гдѣ находится Ахиллесова пята либерализма, куда надо направлять ядовитыя стрѣлы. Въ 1835 г. онъ выпустилъ свою знаменитую „Vindication of the English Constitution". Виги, управляя страной, говорятъ онъ, ничего не даютъ народу; если тори и король—представители политическаго консерватизма — хотятъ вновь занять должное мѣсто въ государственной жизни, имъ нужно соединиться съ массой. Въ тори и королѣ народъ можетъ и долженъ видѣть единственныхъ „saviours society". Романъ Дизраэли „Coningsby" рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ положеніе массы и единственное средство избавленія видитъ въ „союзѣ между короной и рабочимъ классомъ" [1]). Нечего прибавлять, что, достигши власти, проповѣдникъ соціальныхъ реформъ весьма радикально забылъ о массѣ.

V.

Этическій элементъ въ ученіи ф. Тюнена, А. Гакстгаузенъ, Т. Бернгарди.

Среди экономистовъ, способствовавшихъ возникновенію соціально-политическаго теченія въ нѣмецкой наукѣ, несомнѣнно, почетное мѣсто принадлежитъ и ф. Тюнену, автору извѣстной работы „Der isolirte Staat", на которой лежитъ печать яркаго оригинальнаго мышленія. Первая часть труда, появившаяся въ 1826 г., съ точки зрѣнія нашей темы, интереса не представляетъ; не то приходится сказать относительно второго тома, отпечатаннаго (въ первой своей части) въ 1850 г., трактующаго о „естественной заработной платѣ и ея отношеніи къ нормѣ процента и къ поземельной рентѣ". Проф. Гельферихъ, дававшій (въ 1852 г.) отзывъ объ этой книгѣ, замѣтилъ, что „къ новой работѣ автора побуждала не только послѣдовательность научнаго мышленія, но—продолженіе изслѣдованій въ упомянутомъ направленіи требовалось и гуманнымъ интересомъ къ соціальному положенію рабочаго класса" [2]). Это замѣчаніе

[1]) См. Fr. Althaus. „Englische Charakterbilder", I. B., Berlin, 1869—s. 134 etc.

[2]) См. рецензію Helferich'a въ „Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft", Tübingen. VIII B., 1852 J.

вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Еще къ 1826 г. относится отрывокъ—„Ueber das Loos der Arbeiter"—„Ein Traum ernstes Inhaltes", въ которомъ Тюненъ выражаетъ глубокое сочувствіе страдающей массѣ рабочаго населенія. Онъ находитъ большимъ несчастіемъ, „что во всѣхъ государствахъ, даже съ представительнымъ образомъ правленія, многочисленный классъ согражданъ, а именно — обыкновенные рабочіе (die gemeine Handarbeiter) своего представительства не имѣютъ" [1]). Доходы въ современномъ обществѣ распредѣляются поразительно несправедливо: „часть людей почти падаетъ подъ тяжестью физическаго напряженія и врядъ ли можетъ радоваться своей жизни, другая же—стыдится труда, разучивается употреблять свои физическія силы и, вслѣдствіе этого, теряетъ здоровье и жизнерадостность" [2]). Вѣдствія рабочихъ зависятъ отъ ихъ невѣжественности; послѣдняя отъ ничтожнаго размѣра ихъ заработковъ, а это стоитъ въ прямой связи съ безпрерывнымъ размноженіемъ рабочаго класса. Чтобы создать благопріятныя комбинаціи спроса и предложенія труда, рабочіе сами должны надъ собой работать, необходимо измѣненіе „народнаго характера". Первые опыты въ этомъ направленіи должно сдѣлать государство, организуя и поддерживая общеобразовательныя учрежденія. Въ общемъ, какъ мы видимъ, проблема ставится и разрѣшается въ мальтузіанскомъ духѣ; но весь отрывокъ написанъ въ чрезвычайно тепломъ тонѣ.

Въ 1842 году Тюненъ пишетъ, что разсужденія классиковъ-экономистовъ о „естественной" заработной платѣ—неопредѣленны: считать-ли естественнымъ тотъ ничтожный заработокъ, который почти повсюду получаютъ рабочіе, или онъ возникъ благодаря эксплоатаціи, отъ которой не могутъ избавиться невладѣющіе? Для отвѣта на этотъ вопросъ нужно разрѣшить другой: по какому закону производится распредѣленіе продукта между рабочими, капиталистами и землевладѣльцами? „Изслѣдованіе этого закона представляетъ не

[1]) I. H. v. Thünen. „Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirthschaft und Nationalökonomie", III Aufl. v. Schumacher-Zarchlin, B. 1875—§ 2, s. 43.

[2]) v. Thünen, ibid, s. 47.

только національно-экономическій интересъ, но имѣетъ и большое моральное значеніе“ [1]). Тюненъ говоритъ объ обязанности гражданина знать упомянутый законъ. Вѣдь, если „просыпающійся“ народъ самъ поставитъ такіе вопросы и попытается ихъ разрѣшить, то возникнетъ борьба, которая принесетъ Европѣ „варварство“. „Уже теперь во Франціи—этомъ очагѣ распространяющихся по всей Европѣ волненій—во взглядахъ и ученіяхъ коммунистовъ проявляются первые слѣды начинающейся, до сихъ поръ еще безкровной борьбы“[2]). Если желательно заблаговременно положить ей предѣлы, наука должна серьезнымъ образомъ заняться проблемой распредѣленія.

Ад. Смитъ и его послѣдователи считаютъ естественной ту заработную плату, которая фактически устанавливается въ конкурренціи и которой еле хватаетъ на пропитаніе. Такой образъ мыслей „возмущаетъ“ Тюнена: хотя ученіе находится въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью, но вѣдь послѣдняя безпрерывно мѣняется, и потому естественъ вопросъ, „гдѣ въ дѣйствительномъ истинное, естественное (das Rechte, das Naturgemässe“) [3]). Ад. Смитъ могъ обойтись простымъ констатированіемъ того, что есть; „но въ наше время, когда рабочіе все болѣе и болѣе достигаютъ сознанія своего положенія и своихъ правъ, и въ будущемъ съ непреодолимой силой станутъ принимать участіе въ устроеніи государства и общества,—нынѣ вопросъ о естественномъ раздѣленіи дохода становится жизненнымъ вопросомъ для дальнѣйшаго существованія государствъ и гражданскаго общества“ [4]).

Очевидно, что Тюненъ въ понятіе „естественный“ вкладываетъ другой смыслъ, сравнительно со смитіанцами: его моральныя требованія—гораздо шире, и порядокъ, имъ противорѣчащій, онъ не можетъ назвать естественнымъ. Общественная борьба классовъ, которую онъ замѣчаетъ, представляется ему аргументомъ въ пользу неестественности существующаго. Стало быть, общественно-моральные мотивы заставляютъ экономиста искать справедливыхъ началъ, могущихъ, при своемъ выраженіи, создать нормальную соціальную жизнь. Самъ Тюненъ понимаетъ, что его исходная точка зрѣнія рѣзко противорѣчитъ господствующему въ экономіи теченію: онъ не опубликовывалъ своего „Traum“ объ участи рабочихъ, такъ какъ боялся показаться „фантазеромъ или революціонеромъ“, вслѣдствіе полнаго несоотвѣтствія своихъ взглядовъ традиціоннымъ въ то время. Однако, и въ 50-хъ годахъ его постигла та же участь: Гельферихъ, въ упоминавшейся нами рецензіи, утверждалъ, что „Тюненъ принципіально стоитъ на почвѣ соціализма“. „Это безразлично“, говоритъ рецензентъ, „требуется ли участіе рабочихъ въ прибыляхъ (какъ у Тюнена), или, какъ у Фурье, раздѣленія продукта между тремя факторами производства—трудомъ, капиталомъ и талантомъ, по произвольному масштабу“...[1]) Въ обоихъ случаяхъ нарушается „свободное самоопредѣленіе индивидуума, уничтожается сознаніе отвѣтственности, основа нравственнаго міра, какъ онъ дѣйствительно существуетъ“... Конечно, слишкомъ рискованно сближать системы Фурье или Прудона съ Тюненовской; но критикъ вѣрно подмѣчаетъ, что послѣдняя противорѣчитъ „существующей“ морали. Гельферихъ подчеркиваетъ, что самъ Тюненъ понималъ сходство своей точки зрѣнія съ соціалистической: по мнѣнію творца „Изолированнаго государства“, экономисты считали естественной заработную плату, обезпечивающую рабочаго только отъ голодной смерти; соціалисты же понимали задачу „выше“, включая сюда и образованіе, и удовольствія рабочихъ; экономическая наука должна, по мнѣнію Тюнена, усвоить „основной принципъ соціализма“. Конечно, Тюненъ выступаетъ защитникомъ не идеи соціализма, а „Gemeinschaft“; тѣмъ не менѣе, Гельфериху его разсужденія представляются опасными. И эти опасенія—вполнѣ понятны. Вѣдь, „источникъ бѣдствій“ Тюненъ усматриваетъ „въ отдѣленіи работника отъ его произведенія“ [2]). Предлагаемая имъ формула — $\sqrt{ap}$, формула, которую онъ пытался осуществить на практикѣ въ своемъ имѣніи Tellow, тѣмъ именно и была цѣнна для Тюнена, что устанавливала

[1]) Ibid., s. 39.
[2]) Ibid., s. 41.
[3]) Ibid., s. 64.
[4]) Ibid., s. 64.

[1]) См упом. рецензію—ibid., s. 399.
[2]) v. Thünen, ibid, s. 210.

зависимость вознагражденія рабочему отъ продукта. Только въ этомъ случаѣ мыслимъ былъ бы переходъ рабочихъ изъ класса невладѣющихъ въ группу владѣющихъ: „всѣ эти недостатки, которыми страдаетъ соціальное положеніе Европы, падаютъ въ случаѣ примѣненія заработной платы $\sqrt{ap}$". Этой формулѣ суждено, по мнѣнію Тюнена, освободить человѣка отъ его „подчиненія собственному продукту" и примирить классъ предпринимателей и рабочихъ.

Такимъ образомъ, у крупнѣйшаго для своего времени и оригинальнаго нѣмецкаго экономиста-теоретика проявилось съ достаточною отчетливостью соціально-политическое настроеніе. Правда, общественно-экономическая сторона математическихъ выкладокъ Тюнена обыкновенно упускалась изъ виду послѣдующими экономистами. Самый способъ выраженія указанной тенденціи былъ въ значительной степени непонимаемъ, благодаря своей своеобразности. Тюненъ предполагалъ въ объективныхъ хозяйственныхъ законахъ найти удовлетвореніе своимъ субъективнымъ представленіямъ о справедливомъ и нормальномъ, отнюдь не опредѣляя и не выясняя соотношенія объективныхъ и субъективныхъ началъ. Однако, своимъ толкованіемъ понятія „естественнаго" онъ вводилъ моральный элементъ въ экономическую науку, и въ этомъ отношеніи подкрѣплялъ соотвѣтствующую тенденцію въ нѣмецкой политической экономіи. Математическая формула заработной платы, мало кому понятная, сыграла роль: она послужила для пропаганды идеи участія рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія. К. Грюнбергъ справедливо отмѣчаетъ соціально-политическую заслугу Тюнена въ данной области [1]).

Помимо чисто гуманныхъ соображеній, у Тюнена имѣютъ мѣсто и мотивы, свойственные всѣмъ „соціальнымъ политикамъ" и сыгравшіе, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго, главнѣйшую роль въ практическомъ выраженіи этой тенденціи: страхъ передъ грядущей революціей.

Мы не можемъ закончить настоящей главы, не упомянувши о баронѣ Гакстгаузенѣ, имѣвшемъ столь громадное вліяніе на развитіе русской общественной мысли, и Бернгарди, авторѣ популярнаго „Опыта критики основаній, приводимыхъ въ пользу крупнаго и мелкаго землевладѣнія".

[1]) См. статью о Thünen'ѣ Carl Grünberg'a въ H. W. S. (2-е изд.)—Conrad'a.

Гакстгаузенъ, съ любовью изслѣдовавшій общественно-политическій бытъ Россіи, находитъ въ немъ удовлетвореніе своему соціально-консервативному настроенію. Отрицательно относясь къ соціализму, Гакстгаузенъ еще болѣе враждебенъ экономическому либерализму, естественнымъ результатомъ котораго будетъ „соціальная революція". Такая революція, по его мнѣнію, въ Россіи невозможна, ибо, благодаря существованію земельной общины, здѣсь нѣтъ и не можетъ быть пролетаріата; „мечты европейскихъ революціонеровъ имѣютъ уже свое реальное осуществленіе въ русской народной жизни" [1]). Россія счастливо отличается отъ другихъ европейскихъ странъ сохраненіемъ патріархальныхъ устоевъ, позволяющихъ избѣгнуть тяжелыхъ общественныхъ страданій. Въ народномъ сознаніи прочно укрѣплена идея единства монарха и народа: „по традиціонному народному воззрѣнію, Россія представляетъ одну большую семью, съ царемъ во главѣ, которому одному вручена власть надо всѣмъ, и которому всѣ безусловно повинуются. Ограниченіе царской власти совершенно немыслимо для русскаго народа" [2]). Именно такая конструкція власти кажется Гакстгаузену наиболѣе благопріятной для разрѣшенія соціальнаго вопроса.

Другой ученый, котораго намъ также приходится отмѣтить нѣсколько обособленно, въ виду эпизодическаго характера его произведенія, учтеннаго, тѣмъ не менѣе, нѣмецкой экономической литературой, Бернгарди—не сомнѣвается въ обязанностяхъ государства выступать въ качествѣ регулятора экономическихъ отношеній. Государство является для него „представителемъ всеобщихъ, высшихъ и конечныхъ интересовъ общества", „обязано по опредѣленному плану развивать упорядочивающую и регулирующую дѣятельность", какъ вообще въ хозяйственной жизни, такъ въ аграрной области особенно. Земля — очагъ народной жизни; „государство имѣетъ не только право, но и опре-

[1]) A. Haxthausen. „Studien über die inneren Zustände Russlands". 1847 г. Цитир. по русскому перев. Рагозина—«Изслѣдованіе внутреннихъ отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи». Т. I, М., 1870 г., стр. XIX.

[2]) Ibid, c. XIX.

дѣленную обязанность заботиться о томъ, чтобы отношенія владѣнія и пользованія соотвѣтствовали благу и успѣхамъ цѣлаго“ [1]). Историческая эволюція аграрныхъ отношеній, какъ она слагается сама-по-себѣ, вызываетъ серьезныя сомнѣнія: существуетъ тенденція ослабить и даже уничтожить крестьянское землевладѣніе. А, между тѣмъ, „совершившаяся въ Ирландіи экспропріація крестьянства жестоко была отомщена“ [2]). Бернгарди ставитъ цѣлью аграрнаго законодательства для средней Европы (нѣмецкихъ странъ) охрану крестьянскаго и дворянскаго землевладѣнія (послѣдняго— „weit weniger“) и вообще поддержанія правильнаго соотношенія владѣній въ этой области. Детализировать взгляды Бернгарди не представляется нужнымъ: достаточно отмѣтить солидную попытку, въ духѣ особенной симпатіи къ „среднему сословію“, обосновать необходимость государственнаго вмѣшательства. Авторъ „Опыта“ очень рѣзко отзывается о правовѣрныхъ ученикахъ Смита (особенно о Сэ) и привѣтствуетъ стремленіе нѣмецкой науки освободиться отъ ихъ вліянія [3]). Однако, Бернгарди отнюдь не относится одобрительно къ „Zunftreaktion“ и вообще къ тенденціямъ „средневѣкового характера“, усматривая въ послѣднемъ начало, противное современной государственности и общественности. Въ этомъ смыслѣ, его еще болѣе, чѣмъ Губера, можно разсматривать, какъ одного изъ основоположниковъ современнаго соціально-политическаго направленія въ германской экономической наукѣ.

---

[1]) Theod. Bernhardi. „Versuch einer Kritik der Gründe, die für grosses und kleines Grundeigenthum angeführt werden“. Peters. 1849, s. 655—6.

[2]) Ibid., s. 653.

[3]) Ibid., s. 2.

Глава II. — 155

Основоположники теоріи государственнаго соціализма.

I.

Л. Штейнъ. — Теорія соціальной монархіи.

Гумпловичъ, авторъ весьма интересной книги „Правовое государство и соціализмъ“, называетъ работу Лоренца Штейна „Исторія соціальнаго движенія во Франціи“—„das epochenmachende und bahnbrechende Buch“. Онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что безъ внимательнаго изученія этой книги „нельзя понять всего послѣдующаго развитія не только теоріи правового государства, но вообще нѣмецкой науки государственнаго права и всѣхъ, съ нею связанныхъ дисциплинъ (политической экономіи, соціологіи и т. п.)“ [1]). Дѣйствительно, общее вліяніе Лоренца Штейна было необыкновенно велико, а въ сферѣ насъ занимающаго вопроса, по нашему мнѣнію, рѣшительное. Именно къ Лоренцу Штейну и Родбертусу и должны были аппеллировать представители государственнаго соціализма, чтобы аргументировать свою идеологію. Самъ Л. Штейнъ не можетъ быть причисленъ къ адептамъ интересующаго насъ теченія: онъ является лишь послѣдовательнымъ выразителемъ идеи соціальной реформы, которая у него не всегда принимаетъ опредѣленную конкретную форму. Но соотвѣтственный теоретическій фундаментъ разработанъ имъ въ такомъ направленіи, что открывались настежь двери въ науку для всякаго рода „консервативныхъ“ соціализмовъ.

Наше вниманіе сосредоточивается не на тѣхъ практическихъ выводахъ, которые дѣлалъ Штейнъ изъ общей тео-

---

[1]) L. Gumplowicz. „Rechtsstaat und Socialismus“, Innsbruck, 1881. s. 150—151.

ріи, а именно на послѣдней, на его концепціи общества и государства. Если въ первомъ изданіи (1842 г.) той книги, заглавіе которой мы привели выше, онъ знакомитъ нѣмецкаго читателя съ невѣдомыми до сихъ поръ общественными теоріями и фактами, то въ позднѣйшихъ, увеличенныхъ (1848 г.—два тома, 1850—3 тома) онъ выдвигаетъ свою знаменитую теорію общества, государства и соціальной монархіи, стремясь показать вѣрность своихъ взглядовъ на данныхъ французской исторіи. Въ этомъ смыслѣ Гумпловичъ называетъ его „реалистомъ", вторгнувшимся въ широкое море идеализма. Роб. Моль особенно выдвигаетъ заслуги Штейна въ развитіи науки объ обществѣ и отдѣленіи этого понятія отъ понятія государства. У Гегеля мы уже нашли ученіе объ обществѣ и противопоставленіе послѣдняго государству; но въ чисто-абстрактныхъ гегеліанскихъ формулахъ не всегда можно уловить несомнѣнное отраженіе дѣйствительной жизни; тогда какъ Лор. Штейнъ съумѣлъ придать отвлеченнымъ идеямъ своего учителя реалистическое содержаніе.

Обратимся къ „Введенію", озаглавленному „Понятіе общества и законы его движенія". Лоренцъ Штейнъ, какъ и представители „естественнаго права", исходнымъ пунктомъ береть „самоопредѣляющуюся личность". Личность отъ природы обладаетъ безконечными притязаніями, а внѣшній міръ ставитъ ей преграды; отсюда — безпрерывная борьба съ внѣшнимъ міромъ, трудъ, хозяйственная дѣятельность. Но въ этой хозяйственной работѣ слабость отдѣльнаго индивидуума сказывается явственнѣе всего: ему нужна помощь другихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всякое имъ произведенное благо тѣсно связано съ его личностью, является его собственностью. Такъ какъ индивидуумъ напрягаетъ всѣ силы къ матеріальному обезпеченію, то—благо начинаетъ, въ свою очередь, вліять на человѣка: тотъ или другой видъ хозяйственной дѣятельности опредѣляетъ характеръ народовъ (номады, земледѣльцы и пр.), опредѣляетъ положеніе каждой личности среди другихъ, въ единеніи съ которыми выполняется хозяйственная работа. Въ силу этого, законы производства благъ обусловливаютъ общественныя связи, „организмъ движенія благъ" — „строй человѣческаго общенія". Если собственность составляетъ условіе хозяйственной дѣятельности личности, то естественно возникаетъ зависимость одного лица отъ другого при общеніи. Каждый обладаетъ трудовой силой, но количество „матеріи" — ограниченo. Отсюда—собственниками послѣдней могутъ оказаться не всѣ, а лишь часть общества. И тѣ, которые располагаютъ лишь рабочей силой, немедленно попадаютъ въ зависимость отъ владѣющихъ собственностью. „Въ силу этого, порядокъ человѣческаго общенія, покоющагося на движеніи благъ и его законахъ, по существу всегда и неизмѣнно является порядкомъ зависимости невладѣющихъ отъ владѣющихъ [1]). На этой почвѣ въ каждомъ обществѣ развиваются различные классы. Всякая жизнь представляетъ собою столкновеніе противорѣчивыхъ началъ личнаго и безличнаго; подобно тому какъ жизнь отдѣльнаго индивида выражается въ борьбѣ съ безличной внѣшней природой, точно также и жизнь общественнаго организма должна охватывать эту борьбу. Гдѣ личное и безличное начало въ человѣческомъ общеніи („Gemeinschaft")? Личное начало характеризуется единствомъ, самоопредѣляющейся волей. Въ „обществѣ", покоящемся на хозяйственной дѣятельности съ ея раздѣленіемъ людей на классы и группы, нѣтъ единой воли, нѣтъ самоопредѣленія, между тѣмъ какъ въ государствѣ, всѣхъ объединяющемъ, общеніе достигаетъ „личнаго выраженія". „Государство и общество образуютъ, по своему внутреннему существу, не только два различныя проявленія человѣческаго бытія, но они являются также двумя жизненными элементами всякаго человѣческаго общенія" [2]). Жизнь выражается въ борьбѣ указанныхъ началъ, а поэтому „содержаніе жизни человѣческаго общенія должно представлять собой постоянную борьбу государства съ обществомъ, общества съ государствомъ". Абсолютнаго мира между ними быть не можетъ: побѣда государства надъ обществомъ недостижима для человѣчества, какъ все божественное; побѣда общества знаменуетъ смерть народа.—Взгляды Штейна развиваются по по правиламъ гегелевской діалектики: понимая жизнь, какъ столкновеніе противорѣчій, онъ совершенно искусственно

[1]) L. Stein. „Geshichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage". Leipzig, 1850, I Band. S. XXIII.

[2]) Ibid., s. XXXI.

понятіе „Gemeinschaft“ разбиваетъ на два: „Gesellschaft“ и „Staat“. „Der Staat ist die zur persönlichen Einheit erhobene Gemeinschaft des Willens aller Einzelnen, die als That des Staats erscheint“ [1]), говоритъ Штейнъ; отсюда „степень развитія всѣхъ индивидовъ становится мѣрой развитія самого государства“. Оно, будучи высшей личностью, стремится къ возможно большему развитію, къ чему имѣетъ и наивысшую способность благодаря своей громадной силѣ. Но, дабы удовлетворить своему стремленію, государство, очевидно, согласно предыдущему, должно „съ помощью своей собственной высшей силы стремиться къ развитію, т. е. прогрессу, богатству, силѣ и интеллигентности всѣхъ индивидовъ“ [2]). Это вытекаетъ изъ понятія государства, это—необходимая задача его дѣятельности. Весь организмъ государства долженъ быть приспособленъ къ выполненію этой задачи. Отсюда слѣдуетъ необходимость участія каждаго члена (въ опредѣленной области) въ выработкѣ общей воли (конституція, политическая свобода гражданина), направленіе административной дѣятельности къ осуществленію государственной идеи. Государство, какъ и всякое живое существо, можетъ умереть; смерть наступаетъ въ томъ случаѣ, если строй и управленіе не преслѣдуютъ намѣченныхъ цѣлей, и „государство живетъ только для себя и своей личности“. „Этой смертью умираютъ абсолютныя государства, тѣмъ скорѣе и безповоротнѣе, чѣмъ быстрѣе и неосмотрительнѣе забываютъ свое назначеніе“ [3]). Таковъ принципъ государства; совершенно иной, какъ мы видѣли выше, — у общества. Чистое понятіе государства предполагаетъ каждую личность „равной и свободной“; въ обществѣ же всегда существуетъ „господствующій“ и „зависимый“ классъ. Борьба между государствомъ и обществомъ—неизбѣжна, такъ какъ первое уже принципіально отрицаетъ общественную позицію господствующаго класса. Отсюда—неудержимое стремленіе послѣдняго завладѣть государственной властью. Пути къ этому открываются сами собой, потому что государство „какъ понятіе личности“, прежде всего—чистое понятіе, съ абстрактнымъ существованіемъ [1]): „представить“ государство по необходимости должны тѣ же индивидуумы, которые принадлежатъ къ обществу и въ силу такой принадлежности преслѣдуютъ личные интересы. Переходъ государственной власти къ господствующему классу подсказывается самъ собой. „Касты и кастовый строй представляютъ рѣшительную, абсолютную побѣду общества надъ государствомъ“ [2]); это состояніе Штейнъ называетъ „абсолютнымъ обществомъ“, Государство, по своей природѣ, совершенно свободно; несвобода идетъ отъ общества и находитъ себѣ „правовое“ выраженіе, если государственная власть — захвачена отдѣльнымъ классомъ. Угнетенный классъ, чувствуя, что государство, по своей идеѣ, свободно, обращается къ нему за защитой, но вѣдь „государство не имѣетъ никакого реальнаго существованія внѣ общества; каждый изъ его гражданъ или слугъ, прежде чѣмъ поступить къ нему на службу, уже принадлежитъ по рожденію, воспитанію и общественнымъ взглядамъ къ той или другой части общества“,—„государство оказывается безсильнымъ сбросить съ себя господство общества“... [3]). Тогда угнетаемые стремятся сами прорваться къ кормилу правленія и использовать политическій переворотъ въ своихъ интересахъ. Но такъ какъ владѣніе составляетъ необходимое проявленіе личности и такъ какъ оно влечетъ за собою неравенство и политическое угнетеніе, то—въ результатѣ—свобода не установится: произойдетъ лишь перемѣщеніе классовъ. Единственное средство обезпечить угнетаемымъ безпрерывную свободную эволюцію—это открыть имъ доступъ къ пріобрѣтенію владѣнія. Поэтому, если въ процессѣ историческаго развитія какой-либо классъ уже добился владѣнія, неизбѣжна побѣдоносная революція. „Революція есть необходимое, закономѣрное явленіе, поскольку зависимый классъ, дѣйствительно, добился обладанія матеріальными и духовными благами, обусловливающими его равенство съ высшимъ классомъ, причемъ этотъ послѣдній медлитъ въ признаніи такого равенства въ государственномъ и общественномъ правѣ. Всякая революція, въ которой зависимый классъ выступаетъ съ по-

[1]) Ibid., s. XXXIV.
[2]) Ibid. XXXIV.
[3]) Ibid., s. XXXVII.

[1]) Ibid., s. XLVIII.
[2]) Ibid., s. LIX.
[3]) Ibid., s. LXX.

добными требованіями противъ господствующаго, не добившись уже обладанія благами, есть противорѣчіе съ существомъ права, и должна остаться безрезультатной, такъ какъ она не истинна. Слѣдствіемъ всякой „неистинной“ революціи есть еще болѣе рѣшительное угнетеніе зависимаго класса“ [1]).

Современное „индустріальное“ общество рисуетъ намъ знакомую картину противорѣчія и борьбы интересовъ. „Классъ владѣющихъ это—тотъ, который владѣетъ производительнымъ (erwerbendes) капиталомъ; къ невладѣющимъ относятся обладатели лишеннаго капитала (kapitallose) труда“ [2]). Для упроченія своего господства капиталисты стремятся какъ можно больше увеличить свое имущество,—но такъ какъ при этомъ надо пользоваться услугами труда, то интересы предпринимателей и трудящихся—рѣзко противоположны. Конкурренція заставляетъ держать заработную плату какъ можно ниже, и—такимъ образомъ — невладѣніе и владѣніе дѣлается наслѣдственнымъ. „Wer kein Kapital hat, kann zu keinem gelangen“. И вотъ на этой почвѣ начинаютъ развиваться новыя теоріи, считающія предпосылкой свободнаго развитія всѣхъ личностей отрицаніе собственности. Основная мысль, первоначально выступающая—уничтоженіе личной собственности и признаніе только общественной. Грубая коммунистическая идея находитъ впослѣдствіи болѣе культурное выраженіе въ соціалистическихъ системахъ, провозглашающихъ и требующихъ осуществленія господства труда надъ капиталомъ. „По своему внутреннему существу... какъ коммунизмъ, такъ и соціализмъ, являются лишь систематически изложенными требованіями одного класса промышленнаго общества. Этотъ классъ самъ-по-себѣ слабъ сравнительно съ другими; чтобы заставить господствующіе классы склониться на осуществленіе его надеждъ, ему надо соединиться съ властью, которая по своей природѣ должна въ подъемѣ низшихъ классовъ видѣть свою собственную цѣль. Такой силой является государство“ [3]). Отсюда ведетъ свое происхожденіе система соціальной демократіи, выражающаяся въ идеяхъ организаціи труда и кредита. Сначала

[2]) Ibid., s. XCV.
[2]) Ibid., s. C.
[3]) Ibid. CXIII.

демократія желаетъ, чтобы государство, въ роли капиталиста, соединило свой капиталъ съ рабочей силой трудящагося класса, стало предпринимателемъ; въ смягченной формѣ—требуется кредитное посредничество. Ради осуществленія такихъ цѣлей политическимъ лозунгомъ выдвигается всеобщее избирательное право.

Соціальная демократія представляетъ собою, такимъ образомъ, послѣднюю, высшую степень развитія самосознанія низшихъ классовъ населенія. И здѣсь борьба за соціальную свободу, какъ и въ области политической, мыслима либо въ формѣ „соціальной реформы“, либо „соціальной революціи“.

Соціальная революція разрѣшить вопроса не можетъ. Поскольку государственная власть захватывается пролетаріатомъ, государство опять начинаетъ служить интересамъ одного класса. Свобода—не достигнута, ибо она также исключается господствомъ труда надъ капиталомъ, какъ и наоборотъ. „Побѣда пролетаріата есть побѣда несвободы, тогда какъ предполагалась побѣда свободы“ [1]). И господство пролетаріата тѣмъ болѣе ужасно, что онъ внутренне не подготовленъ къ такой роли. Государственная идея ищетъ себѣ новаго выраженія—и естественнымъ концомъ соціальной революціи является установленіе диктатуры. Соціальный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ лишь тѣмъ, что каждому будетъ предоставлена возможность добиться владѣнія. Господствующіе классы, во имя избѣжанія соціальной революціи, сами должны прилагать всѣ усилія, чтобы такъ поставленная соціальная реформа нашла себѣ осуществленіе.

Общественно-философская концепція Лор. Штейна, въ основныхъ своихъ чертахъ, нами развернута. Неоцѣнимая заслуга Штейна—въ томъ, что онъ филистерски настроенному нѣмецкому обществу старается привить идею исторической закономѣрности развитія соціализма. „Идея соціальной демократіи вовсе не теорія, не фантазія, не случайный выпадъ: какъ только даны условія и совершена подготовительная работа, она съ естественною необходимостью выростаетъ въ нѣдрахъ общества. Не видѣть этой необходимости—значитъ быть слѣпымъ, непосредственно бороться съ нею—глупо.

[1]) Ibid., s. CXX.

Ибо она—не что иное, какъ выраженіе и сознаніе высшаго внутренняго противорѣчія идеи свободы и строя промышленнаго общества“ [1]).—Остается сдѣлать еще нѣкоторыя дополненія, имѣющія особенное значеніе для нашей темы. Мы имѣемъ въ виду ученіе Штейна о „сущности монархіи“ (III томъ).

Іюльская революція во Франціи опредѣлила окончательное господство индустріальнаго общества, представляя собою, такимъ образомъ, завершеніе великой революціи. Но въ силу одного этого она является исходнымъ пунктомъ собственно соціальнаго движенія. Сущность индустріальнаго общества заключается въ томъ, что вся хозяйственная жизнь находится подъ господствомъ капитала. Штейнъ не колеблется признавать общеобязательность такого пути исторической эволюціи. „Каждый народъ, покончившій съ феодальнымъ обществомъ и перешедшій къ народнохозяйственному, долженъ съ теченіемъ времени перейти къ индустріальному. Для европейскихъ народовъ имѣетъ громаднѣйшее значеніе признать эту необходимость, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ въ эмбріональномъ видѣ цѣлую великую эпоху исторіи“, яркій образецъ которой являетъ собой Франція [2]). Смыслъ этого предостереженія ясенъ: Германія вступила на путь индустріальнаго развитія—и если желательно избѣгнуть повторенія въ ней французской исторіи, надо немедленно дѣйствовать въ духѣ соціальной реформы.

Послѣ 30-го года во Франціи наступило полное господство капиталистовъ. Чтобы предотвратить неминуемую вспышку революціи, капиталисты поставили между собой и народомъ короля. „Идея государства должна найти себѣ такое выраженіе, при которомъ она какъ-бы поставлена надъ всѣми интересами, представляя выраженіе чистой государственной личности самой-по-себѣ. Это самое чистое выраженіе государственной идеи, самостоятельной, чуждой всякому общественному движенію, живущей только для самостоятельной цѣли государства, должно быть таково, чтобы классы общества не могли овладѣть имъ; оно должно быть такъ конструировано, чтобы не обладать никакимъ интересомъ; его

[1]) Ibid., s. CXIII.
[2]) L. C. II Band, s. 30.

не должна задѣвать никакая борьба общества съ правительствомъ“. Органомъ, способнымъ выражать чистый принципъ государства, можетъ быть „наслѣдственная монархическая власть“ [1]). Во Франціи прибѣгли къ негодному ея суррогату—и потому соціальная революція оказалась неизбѣжной.

Обращаясь къ исторіи Германіи, Штейнъ монархію находитъ „самымъ древнимъ и всеобщимъ институтомъ“, сохранившимся не смотря на всѣ тяжелыя невзгоды. „Съ различныхъ точекъ зрѣнія можно разсматривать королевскую власть, какъ вершину горы“. Она всегда является „die persönliche Spitze des ganzen Staatslebens“ [2]). „Я могу какъ угодно обсуждать организмъ монархій, но королевская власть всегда является самымъ могущественнымъ и непоколебимымъ ея органомъ“. „Въ германскихъ странахъ королевская власть является важнымъ историческимъ фактомъ. Она сопровождаетъ германскіе народы отъ ихъ колыбели до сего дня“. „Для народной массы королевская власть... въ теченіе столѣтій слилась съ идеей самого государства. Имя короля для массы есть выраженіе государственной власти, дворъ князя—тождественъ съ блескомъ и великолѣпіемъ государства, воля князя есть непосредственно лично выражаемая всеобщая воля“. „До сего времени у громаднаго большинства германскаго населенія королевская власть была безусловнымъ, несомнѣннымъ, естественнымъ предположеніемъ всякаго государственнаго устройства“ [3]). И это теперь—измѣнилось: даже простой народъ находитъ возможнымъ обсуждать цѣлесообразность института королевской власти Сообразно съ результатами этого мыслительнаго процесса будетъ вынесенъ приговоръ, который — не сегодня, такъ завтра—найдетъ себѣ осуществленіе. Поэтому Штейнъ и считаетъ своевременнымъ разобрать проблему власти и предстоящія ей задачи.

Монархическая власть есть „личное выраженіе“ государственной идеи, представитель „второй формы человѣческаго общенія, которая стоитъ возлѣ и отчасти надъ обществомъ и принципъ которой свобода“. Очевидно, на монархѣ и ле-

[1]) II Band, s. 51—2.
[2]) III Band, s. 10.
[3]) III-er Band, s. 11—12.

житъ рядъ чисто государственныхъ обязанностей. Но на него безпрерывно дѣлаются покушенія со стороны господствующаго класса—превратить его въ простое орудіе своихъ интересовъ. Наслѣдственность монархической власти отчасти гарантируетъ ея внѣклассовый характеръ. Конечно, и наслѣдственный монархъ можетъ оказаться ниже своего призванія. Весьма характерна гибель Меровинговъ, какъ негоднаго отпрыска, и Бурбоновъ, какъ подпавшихъ исключительному вліянію дворянства. Такъ или иначе, но монарху приходится выдерживать натискъ, и Штейнъ очень остроумно изображаетъ различные мыслимые и осуществлявшіеся пріемы этой борьбы. Исходъ ея, какъ показываетъ до сихъ поръ исторія, былъ вообще печалепъ для монархической власти: не смотря на отдѣльныя побѣды, она должна была, въ концѣ концовъ, или добровольно подчиниться господствующему классу, или уступить въ борьбѣ. Тогда естественно возникаетъ вопросъ, какой смыслъ имѣетъ королевская власть, разъ—по необходимости—исходъ борьбы съ „обществомъ“ для нея неблагопріятенъ? Но — говоритъ Штейнъ, „королевская власть въ борьбѣ съ господствующимъ классомъ имѣетъ еще другой путь для удержанія своей самостоятельности“ [1]). Надо обратить вниманіе на классъ угнетенный. „По непосредственному чувству и сознанію онъ обращается къ королю, какъ своему естественному защитнику и помощнику“ [2]). А король, какъ выразитель государственной идеи, именно и долженъ посвящать себя подъему угнетенныхъ, предоставляя господствующему классу, какъ обладающему средствами, самому заботиться о своемъ развитіи. Потребность королевской власти въ самостоятельныхъ дѣйствіяхъ найдетъ себѣ „истинное и высокое“ выраженіе, если она приступитъ къ подъему „низшаго, до сихъ поръ угнетеннаго въ обществѣ и государствѣ класса“. „Нѣтъ болѣе высокой и божественной миссіи на землѣ, конечно, и болѣе трудной, которая, однако, не сопровождалась-бы такимъ благословеннымъ миромъ внутри и успѣхами

[1]) Ш В., s. 45. При этомъ Штейнъ прибавляетъ, что исторія, имъ изслѣдуемая, не даетъ конкретныхъ примѣровъ, подтверждающихъ эту идею.

[2]) Ibid. s. 46.

извнѣ“ [1]). Тронъ отожествляется съ идеей свободы, въ рукахъ монарха оказывается громадная политическая и соціальная мощь. Отсюда вытекаетъ знаменитое положеніе Штейна: „истинная, самая могущественная, продолжительная и любимая монархическая власть есть монархія общественной реформы“ [2]). Безъ выполненія этой миссіи „всякая королевская власть становится или простою тѣнью, или превращается въ деспотію, либо упраздняется республиканскимъ строемъ, если не имѣетъ высокаго нравственнаго мужества сдѣлаться монархіей соціальной реформы“ [3]).

Такова теорія соціальной монархіи, которую мы—въ чистомъ или видоизмѣненномъ видѣ—встрѣтимъ у всѣхъ представителей государственнаго соціализма. Нельзя отрицать ея внѣшняго сходства съ идеей просвѣщеннаго абсолютизма, но изложенная теорія, несомнѣнно, является плодомъ анализа новыхъ общественныхъ явленій, проникнута новымъ настроеніемъ, а потому было-бы не правильно сводить её къ элементамъ теоріи полицейскаго государства. Можно усмотрѣть больше точекъ соприкосновенія съ утопическимъ соціализмомъ. Исходнымъ пунктомъ является современная идея личности и ея стремленія къ самоопредѣленію, свободѣ. Что касается конкретнаго содержанія проповѣдуемой Л. Штейномъ соціальной реформы, то оно лучше всего характеризуется слѣдующей цитатой изъ его позднѣйшей работы: „Краеугольнымъ камнемъ всего соціальнаго управленія, согласно его цѣли, надо считать слѣдующій пунктъ: какимъ образомъ можно содѣйствовать труду, лишенному капитала, въ пріобрѣтеніи послѣдняго“ [4]), т. е. такъ наз. „Capitalbildung“. Общая формула разлагается на массу отдѣльныхъ мѣръ: соотвѣтствующая финансовая политика (преобладаніе прямыхъ налоговъ съ прогрессивнымъ началомъ), фабричное законодательство, всесторонне предупреждающее эксплоатацію рабочаго, содѣйствіе развитію

[1]) Ibid. s. 47.

[2]) Ibid. s. 48.

[3]) Ibid. s. 49.

[4]) L. Stein. „Verwaltungslehre“, Ш В. 1888. s. 213.

кассъ взаимопомощи, страхованіе рабочихъ и пр. Ясно, что соціальный идеалъ Л. Штейна—вовсе несоціалистиченъ: въ своихъ основахъ индивидуалистическое хозяйство признается незыблемымъ, соотвѣтствующимъ идеѣ личности и свободы. Впрочемъ, мы и въ воззрѣніяхъ такъ наз. „государственныхъ“ соціалистовъ также найдемъ мало соціалистическаго, и ихъ генетическая связь съ Штейномъ обнаружится еще яснѣе.

Во избѣжаніе повтореній ограничимся пока краткой оцѣнкой взглядовъ Штейна. Въ анализѣ условій общественной жизни Штейнъ, несомнѣнно, силенъ: онъ удачно подхватилъ и развилъ почерпнутыя изъ французской соціально-экономической литературы идеи объ экономическомъ основаніи общественнаго строя, его классовомъ характерѣ. Въ этомъ смыслѣ его взгляды являются какъ-бы своеобразнымъ подтвержденіемъ идей „Коммунистическаго Манифеста“ (1848 г.) и почвой для развитія системы экономическаго матеріализма. Штейнъ весьма рельефно выдвинулъ и солидно аргументировалъ идею закономѣрности исторической эволюціи. Пока Штейнъ говоритъ объ обществѣ, онъ пребываетъ на почвѣ конкретныхъ явленій, остается историкомъ. Вся картина мѣняется, когда рѣчь заходитъ о государствѣ. Вмѣсто того, чтобы въ политической организаціи усмотрѣть лишь одну изъ формъ (историческихъ) общенія, онъ разрываетъ жизнь, начинаетъ играть понятіемъ, лишеннымъ конкретнаго содержанія. Совершенно вѣрно, по нашему мнѣнію, Гумпловичъ замѣчаетъ, что государство Штейна есть просто „постулятъ современнаго правосознанія“. „Подъ названіемъ общества Штейнъ изображаетъ намъ дѣйствительное государство, какъ оно было и какъ оно есть, со всѣми его отношеніями зависимости, покоющимися на различіи владѣнія и силѣ, однимъ словомъ, всю организацію господства, выступающую передъ нами въ лицѣ государства; а то, что рисуетъ Штейнъ подъ названіемъ государства, есть несуществующая идеальная сила, отъ которой онъ ждетъ преобразованія дѣйствительнаго государства соотвѣтственно требованіямъ современнаго нравственнаго правосознанія“.—„Борьба между „обществомъ“, которое на самомъ дѣлѣ есть государство, и „государствомъ“, вовсе не существующимъ, а представляющимъ только идею, эта борьба

есть не что иное, какъ простое противорѣчіе между дѣйствительностью и идеаломъ“ [1]).

Справедливость замѣчаній Гумпловича доказывается и тѣми усиліями, которыя прилагаетъ Штейнъ, чтобы „общественныхъ“ носителей „абстрактной“ власти убѣдить выполнять соціальную функцію. Отъ всѣхъ этихъ построеній вѣетъ искусственностью. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, въ наслѣдственности монархической власти, въ этомъ семейномъ началѣ, видѣть гарантію противъ вліянія господствующихъ общественныхъ классовъ. Когда Штейнъ изображаетъ захваты государственной власти господствующими элементами, изложеніе его дышетъ правдой; но дѣлаемые отсюда общіе выводы висятъ въ воздухѣ. Конструкція выглядитъ довольно красивой, если совершенно отвлечься отъ дѣйствительности и манипулировать, по правиламъ Гегелевской діалектики, съ „чистыми понятіями“. „Государство“ Штейна Гумпловичъ называетъ „идеаломъ“. Содержаніе этого идеала—соціальная монархія,—утопія, какъ мы видимъ, соотвѣтствующая, до извѣстной степени, настроеніямъ нѣкоторыхъ круговъ въ Германіи. Основной моментъ этого настроенія—страхъ предъ грядущей соціальной революціей, желаніе избѣгнуть ея во что-бы то ни стало. И какъ утописты-соціалисты требовали отъ государства осуществленія открытаго ими „новаго естественнаго порядка“, охотно мирясь съ историческими недостатками существующей правительственной власти, такъ и Штейнъ призываетъ „традиціонный нѣмецкій институтъ“—предупредить взрывъ. Чутье историка измѣняетъ ему въ самомъ интересномъ моментѣ творчества: прогнозѣ будущаго на основаніи изученія прошлаго.

II. — 117

Соціализмъ проф. Винкельблеха—Марло.

Выясняя генеалогію идей государственнаго соціализма, мы не можемъ обойти молчаніемъ Винкельблеха, уже упо-

[1]) Gumplowicz, l. c. s. 170.

минавшагося нами, профессора высшей промышленной школы въ Касселѣ, оставившаго послѣ себя громадный трудъ—„Систему міровой экономіи“, очень скоро забытую, но извлеченную изъ забвенія Шеффле. Послѣдній, въ своей работѣ 1870 г.—„Kapitalismus und Socialismus“—собственно говоря, только излагаетъ воззрѣнія Винкельблеха и присоединяется къ нимъ. „Untersuchungen über die Organisation der Arbeit oder System der Weltökonomie“, первое изданіе которыхъ относится къ началу 50-хъ годовъ, а второе – посмертное—къ серединѣ 80-хъ, какъ показываетъ уже самое заглавіе, написано подъ непосредственнымъ вліяніемъ французскихъ соціалистовъ, особенно Луи Блана, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ много своеобразныхъ элементовъ. Въ исторіи общественной жизни Германіи Винкельблехъ извѣстенъ своей попыткой стать во главѣ движенія ремесленниковъ въ 1848 г.

Симпатія къ институтамъ хозяйственнаго прошлаго—цехамъ, гильдіямъ, отрицаніе свободы внѣшней торговли въ пользу протекціонизма, стремленіе расширить сферу хозяйственнаго вліянія существующаго правительства,—роднитъ его со многими теченіями, враждебно-относящимися къ экономическому либерализму совсѣмъ не съ соціалистической точки зрѣнія, и дѣлаютъ его взгляды пріемлемыми даже для тѣхъ, кто боится соціализма, какъ кроваваго призрака. Marlo (таковъ псевдонимъ Винкельблеха) называетъ себя федералистомъ и рѣшительно подчеркиваетъ „германско-христіанскій“ характеръ своей соціальной системы. При большомъ многословіи и подробной обрисовкѣ деталей, все-же его воззрѣнія носятъ на себѣ печать значительной неопредѣленности, а это, въ силу уже указанныхъ нами причинъ, способно было лишь усилить его вліяніе на послѣдующихъ экономистовъ.

Въ предисловіи ко второму тому своей работы (въ 1852 г.) Marlo такъ изображаетъ свой душевный кризисъ, послѣ котораго онъ усиленно занялся соціальной проблемой. Въ 1843 году среди роскошной альпійской природы онъ встрѣтилъ бѣднаго рабочаго, вынужденнаго отъ безработицы просить милостыню. Разговорившись съ нимъ, Марло убѣдился, что жалобы этого человѣка—не напрасны. Обращая раньше вниманіе только на вещи, а не людей, онъ не замѣчалъ бѣдности; теперь она стала бросаться ему въ глаза на каждомъ шагу. И онъ спросилъ себя: „гдѣ лежитъ причина того, что раскрытый предо мной рай скрываетъ въ себѣ такъ много несчастія?“ [1]). Послѣ долгихъ и усиленныхъ занятій соціальными вопросами, Марло пришелъ къ убѣжденію, что эта причина „заключается въ нашихъ институтахъ, покоющихся на ложномъ экономическомъ основаніи“. „При существующемъ порядкѣ производства устраненіе нищеты—прямо невозможно; всѣ техническія улучшенія, какъ-бы велики они не были, никогда не могутъ послужить къ распространенію всеобщаго благосостоянія. Стало быть, цивилизація находится на такой ступени развитія, при которой ея дальнѣйшіе успѣхи почти всецѣло зависятъ отъ экономіи, такъ что послѣдняя для нашего времени является важнѣйшей изъ всѣхъ наукъ“ [2]). Посмотримъ, къ какимъ выводамъ пришелъ Марло послѣ своихъ занятій.

Старая патріархальная экономика разрушилась. Такъ назыв. „индустріальная“ система развернулась въ Англіи во всемъ своемъ величіи. Экономисты, ослѣпленные этими успѣхами, съ презрѣніемъ отворачиваются отъ прежнихъ хозяйственныхъ системъ и употребляютъ всю силу логики на доказательство необходимости уничтожить всякіе ихъ пережитки. Однако, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, старая жизнь, съ соціальной точки зрѣнія, для низшихъ классовъ, была выше нынѣшней. „Наемному работнику она давала защиту, которой онъ теперь лишенъ, такъ какъ прежняя система включала его, какъ члена, въ какой-нибудь цеховой союзъ, обязанный заботиться о больныхъ и поддерживать слабыхъ. Всѣ члены сельской общины участвовали въ общинной собственности, и даже самый низшій ея членъ имѣлъ право на существованіе, такъ какъ каждая община обязывалась заботиться о своихъ бѣдныхъ“. Кромѣ этихъ мѣстныхъ институтовъ, обезпечивающихъ своихъ членовъ, были и общія учрежденія (напр. монастыри), объединяющія на этой почвѣ все общество. „Повсюду мы встрѣчаемся съ

[1]) Marlo, „Untersuchungen über die Organisation der Arbeit oder System der Weltökonomie“, II-e vervoll. Auflage, II-er Band. «Geschichte und Kritik der ök. Systeme»—Tüb. 1884. s. VI.

[2]) Ibid. s. VI.

тенденціей, нынѣ почти совершенно исчезнувшей изъ правосознанія людей, направленной къ тому, чтобъ поддержать каждаго члена общества и защитить его отъ полнаго обнищанія. Этотъ принципъ, правильный не только съ нравственной, но и съ экономической точки зрѣнія, нуждается въ признаніи"... [1]). Совершенно въ духѣ и подъ вліяніемъ Сисмонди, Марло отрицаетъ благодѣтельность для народа новѣйшихъ промышленныхъ успѣховъ. Машины невѣроятно усилили производительность хозяйства, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ внесли поразительную неравномѣрность въ экономическую эволюцію, такъ что, въ результатѣ — „низшему классу народа не только не принесли пользы, но сдѣлались даже для него орудіемъ порабощенія" [2]). Марло считаетъ для себя возможнымъ ссылаться въ этомъ случаѣ на извѣстнаго уже намъ философа Шталя. Среднее сословіе исчезаетъ. Великіе идеалы свободы Кэнэ, Тюрго и Ад. Смита „привели къ почти полному рабству труда". „Они хотѣли уничтожить всѣ монополіи и установили высшую и самую вредную изъ всѣхъ—монополію капитала" [3]). Естественно, что сильная буржуазія смотритъ на государство, какъ на предпріятіе, созданное исключительно въ ея пользу. На долю пролетаріата остается полная „Hoffnungslosigkeit". Карлейль совершенно правъ, говоря, что общество распалось на два враждебныхъ лагеря. И Марло вторитъ ему: „Прочность всѣхъ соціальныхъ отношеній—разрушена, органическая связь индустріальныхъ сословій—уничтожена, общество раздѣлилось на двѣ враждебныя массы, центръ тяжести которыхъ—буржуазія и пролетаріатъ". „Богатый становится все богаче, бѣдный—бѣднѣе" [4]). Какъ видимъ, здѣсь и теорія классоваго строенія общества, и пресловутая „теорія обнищанія", въ общей — Штейновской формулировкѣ. Характерно, опять-таки, что для подкрѣпленія своихъ взглядовъ Марло цитируетъ не Энгельса или другихъ соціалистовъ, а Шталя, „христіанскаго" философа права. Въ

[1]) K. Marlo, l. c. I-er Band, „Historische Einleitung in die Oekonomie", Tüb. 1885. s. 38.
[2]) Ibid., s. 62.
[3]) Ibid., s. 79.
[4]) Ibid., s. 118.

духѣ его философіи, Марло приходитъ къ такому заключенію: „намъ слѣдовало-бы, послѣ столь многихъ и печальныхъ опытовъ, согласиться, что германскій правовой принципъ — закономъ регулировать всѣ сферы промышленной жизни (alle Erwerbssphären gesetzlich zu ordnen) — является неотстранимымъ требованіемъ экономіи, и что этотъ принципъ въ связи съ христіанской идеей равноцѣнности людей (der gleichen Berechtigung)—долженъ быть основой правильной организаціи труда" [1]). Прежніе цехи выполняли эту задачу организаціи. Стремленіе ихъ снова оживить (движеніе ремесленниковъ) — законно; само собою разумѣется, недостатки прошлаго будутъ избѣгнуты. Новые цехи устранятъ массу ненужныхъ стѣсненій, которыя не имѣютъ никакого экономическаго основанія. „Цехи будутъ не только въ ремеслѣ, но распространятся и на земледѣліе, и вообще на всѣ виды производства". Вмѣсто языческой идеи неравенства осуществится противоположная христіанская. Говоря отъ имени цѣлаго движенія, Марло заявляетъ: „Это — исходящая изъ духа нѣмецкихъ народовъ, освобожденная отъ всѣхъ недостатковъ прошлаго, проникнутая свѣтомъ экономіи и христіанскимъ правосознаніемъ, истинная христіански-германская цеховая система, — и мы, изъ историческаго піэтэта, желаемъ удержать такое названіе" [2]). Вотъ передъ нами и тѣ традиціи, которыми такъ гордятся представители государственнаго соціализма, и тотъ этическій элементъ, который историческая школа экономистовъ настойчиво выдвигала. И безъ точной формулировки хозяйственнаго идеала Марло, видно, что онъ рисуетъ себѣ кооперативную организацію, причемъ Р. Оуэнъ и Луи Бланъ интерпретируются въ терминахъ средневѣкового хозяйства. Такая интрепретація придаетъ Марло бо́льшую смѣлость и расширяетъ кругъ его почитателей. Съ этой точки зрѣнія Онъ критикуетъ либерализмъ и коммунизмъ. „Либерализмъ во всемъ его объемѣ есть не что иное, какъ совершенная утопія" [2]). Что касается коммунизма, то стремленіе послѣдняго къ равенству вполнѣ законно. Авторъ рѣшительно становится на защиту коммунистическихъ ученій отъ несправедли-

[1]) Ibid. 160—161.
[2]) I Band, s. 264.

выхъ нападокъ либераловъ, хотя и не причисляетъ себя къ коммунистамъ. До сихъ поръ, говоритъ онъ, критика ведется партійно, основана на предположеніяхъ, необоснованныхъ упрекахъ; впрочемъ, если-бы дѣлаемыя возраженія и были справедливы, то отсюда вовсе не слѣдуетъ правильность либеральныхъ воззрѣній. Критика „игнорируетъ содержащуюся въ ком. системахъ истину“ [1]), заявляетъ Марло. Но — послѣдовательно проведенный коммунистическій идеалъ приведетъ къ такому-же общественному разложенію, какъ либеральный, такъ какъ личность— задохнется. „Поэтому коммунизмъ есть такая-же чистая утопія, какъ и либерализмъ [2]). Къ полукоммунистамъ Марло относитъ Л. Блана; С. Симона и Фурье называетъ также „ассоціалистами“. Для своей системы придумываетъ названіе „федерализмъ“. „Послѣдній стремится къ возможно большей свободѣ и равенству для всѣхъ членовъ общества. Онъ стоитъ на одинаковой этической точкѣ зрѣнія съ либерализмомъ и коммунизмомъ, которые, однако, отвергаетъ, какъ утопіи“. „Либерализмъ стремится къ абстрактной свободѣ и коммунизмъ къ абстрактному равенству, тогда какъ федерализмъ ставитъ своей задачей установленіе дѣйствительныхъ свободы и равенства“ [3]). Въ этомъ смыслѣ, онъ покоится на „непреложныхъ законахъ естественнаго мірового порядка“, прибавляетъ Марло, подобно всѣмъ утопистамъ дѣлая такое методологическое допущеніе. Нарисуемъ его федеративный строй, по возможности словами автора.

Политическій порядокъ, который, правда, не особенно занимаетъ автора, основанъ на демократическомъ выборномъ началѣ. Даже императоръ (если таковой будетъ) — избирается. Въ области соціально-экономической—мы видимъ въ качествѣ хозяйственныхъ агентовъ и частныхъ лицъ, и государство. „Частная промысловая дѣятельность во всемъ ея объемѣ регулируется уставомъ. Всѣ соціальныя занятія организованы въ цехи, и уставъ (Erwerbsordnung) опредѣляетъ не только отрасли производства, относящіяся къ каждому цеху, но и границы, до которыхъ члены цеховъ могутъ расширить свои предпріятія“. „Всѣмъ гражданамъ открытъ свободный доступъ въ любой цехъ, такъ-же какъ и переходъ отъ одного къ другому, за исключеніемъ тѣхъ занятій, при которыхъ интересы потребителей требуютъ доказательства способности къ производству“. „Право на приложеніе рабочей силы“ (т. е. право на трудъ) общество признаетъ, а поэтому лицъ, не могущихъ найти себѣ занятій въ частныхъ предпріятіяхъ, утилизируетъ въ общественныхъ (*водопроводы, улицы, желѣзныя дороги* и пр.). Здѣсь, какъ и вообще, выдается „средняя, соотвѣтствующая заслугамъ и достаточная для удовлетворенія необходимыхъ жизненныхъ потребностей“—заработная плата [1]). Кредитъ, необходимый для современнаго хозяйства, организуется общественнымъ образомъ; противъ всякаго рода случайностей вводятся кассы, т. е. проводится принципъ страхованія. Для защиты отъ иностранцевъ — соотвѣтствующая таможенная система. Финансы покоятся, главнымъ образомъ, на доходахъ съ общественныхъ предпріятій, но допустимы и налоги, однако лишь съ расходовъ, превышающихъ „необходимыя издержки“. Любопытна федералистическая концепція собственности. Вообще, „необходимость собственности“ признается, такъ какъ безъ нея человѣкъ не сталъ-бы какъ слѣдуетъ обрабатывать „вещей“ и *не смогъ-бы воспользоваться* продуктами своего труда. Это уже вытекаетъ изъ стремленія человѣка господствовать надъ природой. Всѣ люди имѣютъ, поэтому, право на пріобрѣтеніе собственности и на охрану ея; „однако, ни у пріобрѣтающихъ, ни у собственниковъ принадлежащая имъ власть надъ соотвѣтствующими вещами не можетъ быть произвольной“... „Принципъ, лежащій въ основаніи собственности это — наиболѣе полезная для всѣхъ людей утилизація естественныхъ благъ“ [2]). „Всякая собственность должна принять наиболѣе

[1]) Ibid. II-er B., s. 424—5. И въ первомъ томѣ: „Die meisten auf liberalen Standpunct stehende Menschen haben durchaus falsche Vorstellung von dem Communismus“. Прим. на стр. 292. Въ особенности возмущаетъ Марло упрекъ коммунизму въ безсердечіи: именно-либеральная партія этимъ страдаетъ. Коммунисты—партія „сердца“. Критику надо строить на оцѣнкѣ соотвѣтствія системъ идеѣ личности.

[2]) I B., s. 295.

[3]) Ibid., s. 305.

[1]) I B., s. 321.

[2]) III-er Band., „Allgemeine Grundsätze der Volkswirtschaft“, Tüb. 1885, s. 730, 770.

общеполезную форму". А это будетъ достигнуто въ томъ случаѣ, если предметы потребленія будутъ находиться, за немногими исключеніями (колодцы, парки), въ полной личной собственности, средства же производства (Werkmittel), „а именно, примѣняющіяся въ крупномъ производствѣ, будутъ представлять собою собственность ассоціацій", какъ называетъ въ данномъ случаѣ свои „возрожденные цехи" Марло[1]). Такимъ образомъ, частная собственность имѣетъ преобладаніе надъ общественной; причемъ, если примѣняется индивидуальная форма производства („particuläre Form"), то имѣетъ мѣсто почти „индивидуальная собственность". Въ случаѣ примѣненія „соціэтарной формы предпріятія („die societäre Geschäftsform"), т. е. ассоціативной, то—наряду съ личной, много общей (не публичной, „Gesamteigenthum") собственности. Личная имѣетъ главную сферу въ благахъ потребительныхъ, общая—въ производительныхъ. У каждаго члена ассоціаціи сохраняется, однако, право выдѣлить изъ общей собственности свою личную, продажей пая (акціи); каждый свободно распоряжается своимъ состояніемъ, только право наслѣдованія претерпѣваетъ извѣстныя ограниченія въ пользу общества[2]). Таково — примиреніе свободы съ равенствомъ. Либеральный взглядъ на собственность покоится на римскомъ правѣ, коммунистическій — сходится со спартанскимъ міровоззрѣніемъ, федеральный—съ германскимъ. „Федеральное общество отвергаетъ всѣ языческіе принципы и всецѣло основывается на христіанскихъ"[3]). Марло не сомнѣвается, что либеральнымъ экономистамъ его система покажется чудовищной, и они объявятъ ее „новой соціалистической химерой (Hirngespinst) въ ненавистной формѣ полицейскаго государства"[4]), коммунисты-же будутъ упрекать въ недосказанности, половинчатости. Какъ видимъ, Марло, дѣйствительно, предусмотрѣлъ одно изъ самыхъ распространенныхъ возраженій: мы уже отчасти знаемъ, что французская критика государственнаго соціализма прежде всего и ведется отъ этого пункта.

[1]) Ibid., s. 772.
[2]) I Band, s. 324.
[3]) I Band, s. 328.
[4]) Ibid., s. 330.

Этимъ, однако, не исчерпываются задачи регулированія хозяйства. Чтобы понять жизнь „соціэтарной" системы, обратимся къ „практической экономіи" Марло, четвертому тому его „міровой экономіи". Изъ набрасываемаго имъ широкаго плана общественной регулировки, гдѣ затрагиваются самые разнообразные вопросы, беремъ лишь существенное. Настаивая на необходимости благотворительности, вопреки мальтузіанскимъ проповѣдникамъ, онъ признаетъ всѣ дефекты существующей ея системы, которые могутъ исчезнуть лишь въ соціэтарномъ строѣ. Однако, и въ послѣднемъ случаѣ остается открытой проблема народонаселенія. Она можетъ пріобрѣтать двоякую форму: недостатка (Unterbevölkerung) и излишка населенія (Ueberbevölkerung). О первомъ въ настоящее время говорить не приходится, второе—слишкомъ очевидное зло. Бороться съ нимъ надо двумя путями: подъемомъ производительныхъ силъ и замедленіемъ роста населенія[1]). Марло оказывается сторонникомъ закона Мальтуса, раздѣляя въ этомъ отношеніи судьбу Сисмонди, имѣвшаго, вообще, большое на него вліяніе. „Человѣкъ—мы этого не оспариваемъ—имѣетъ неоспоримое право на продолженіе рода, но на нормальное, а не излишнее"[2]). Подобно Мальтусу, Марло это положеніе считаетъ этической истиной. Предлагаемыя имъ мѣры къ выполненію „моральной" обязанности производятъ странное впечатлѣніе: нерѣдко мелочность достигаетъ мѣщанскаго выраженія, иногда Марло поднимается на высоту весьма гуманныхъ принциповъ. Предупредивши, что всякій коммунистъ, рекомендующій не бояться перенаселенія, просто демагогъ, Марло предлагаетъ и преміи за целибатъ, и привлеченіе женщинъ къ педагогическимъ обязанностямъ, и установленіе брачнаго возраста. Въ особенности характерны: „благопріятствованіе религіознымъ орденамъ", „затрудненіе заключенія браковъ", напр. „возобновленіемъ испытаній на званіе мастера"; внесеніе за каждаго рождающагося ребенка въ „національный капиталъ" извѣстной доли („Kindergut") чтобы за нимъ было такимъ образомъ обезпечено право на участіе въ какой-либо ассоціаціи. Это можетъ быть дѣлаемо

[1]) IV. Band. „Allgemeiner praktischer Theil der Volkswirthschaft" Tüb.—1886, s. 67.
[2]) Ibid. s. 75.

покупкой облигаціи Государственнаго Банка. Марло самъ чувствуетъ, что подобными мѣрами „Fortpflanzung“ людей какъ будто остается на долю лишь состоятельныхъ, и спрашиваетъ, не будутъ ли эти законы поражать именно бѣдныхъ.

Но—съ самодовольною ограниченностью цехового мастера, онъ находитъ возможнымъ заявить: „Государство—вовсе не повинно въ уменьшеніи правъ пролетаріата, если принуждаетъ его къ ограниченію, которое у прочихъ сословій дѣлается само собой“ [1]).

Такъ и мастера на конгрессѣ 48-го года не считали подмастерьевъ и работниковъ способными обсуждать свои собственные интересы. Марло не замѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ мѣркой свободы человѣка онъ дѣлаетъ имущественную состоятельность, что высшій этическій принципъ размѣниваетъ на монету, въ чемъ такъ часто упрекаетъ „индустріализмъ“. Въ концѣ концовъ, онъ не умѣетъ подняться надъ буржуазнымъ хозяйствомъ.

Вознагражденіе трудящимся въ соціэтарномъ строѣ должно выдаваться по заслугамъ. Въ виду важности федеральной концепціи права собственности, мы приводимъ слѣдующую формулировку: „федеральное право требуетъ для небольшого числа предпріятій общественнаго способа производства, для очень большого—частнаго, и для большинства послѣднихъ—соціэтарной производственной формы“ [2]).

Марло не сомнѣвается въ соотвѣтствіи федеративнаго принципа „законамъ природы“ и, повидимому, убѣжденъ въ его универсальности, хотя такъ часто упоминаетъ слово „германскій“. По крайней мѣрѣ, говоря о Россіи, гдѣ дѣлались приготовленія къ ликвидаціи крѣпостного права, онъ указываетъ на особенную благодѣтельность и возможность для нея воспользоваться соціэтарнымъ строемъ. „Соціэтарная форма предпріятія имѣетъ особенное значеніе для странъ, въ которыхъ предвидится уничтоженіе крѣпостничества“, заявляетъ авторъ [3]). Очевидно, онъ боится, что свободная хозяйственная система пріучитъ къ слишкомъ широкому толкованію и пользованію личной свободой. Относительно русскихъ крестьянъ, онъ заявляетъ слѣдующее. Если изъ нихъ императоръ желаетъ сдѣлать собственниковъ, то ихъ доли будутъ слишкомъ ничтожны, и они, по существу, представятъ собою лишенныхъ самостоятельности пролетаріевъ; лишь немногимъ удастся выбиться изъ нищеты. Но „самый тяжелый ударъ, который имъ предстоитъ выдержать, это разрушеніе ихъ общины („markgenossenschaftlicher Verband“), въ рядахъ которой всѣ члены имѣли равное право притязанія на землю, принадлежащую общинѣ“. Между тѣмъ, если ввести соціэтарный строй, крестьяне воспользуются всѣми преимуществами крупнаго производства, причемъ съ сельскимъ хозяйствомъ можетъ быть соединена и фабричная промышленность. „Община не распускается, но принимаетъ, замѣной партикулярнаго производства соціэтарнымъ, форму названнаго строя. Коренящійся въ крестьянахъ общинный инстинктъ, составляющій идеальный моментъ въ русскомъ національномъ характерѣ, не уничтожается, а возвышается, и представляетъ для соціэтарнаго производства такой-же могущественный рычагъ въ пользу усиленія производства, какимъ могущественнымъ препятствіемъ онъ является при партикулярномъ способѣ“ [1]). Близость Марло къ Гакстгаузену — очевидна. Система Марло, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ соціалистическіе элементы; если-бы мы искали названія этому соціализму, то сказали-бы — „цеховой и общинный соціализмъ“.

Ярый врагъ либерализма, Марло его успѣхи приписываетъ неудачному поведенію „осмѣянныхъ нѣмецкихъ князей“: имъ оказывается не подъ силу грандіозная задача, разрѣшить которую должна Германія. Собственно три задачи передъ ней стоятъ: государственное объединеніе, насажденіе гражданской свободы и проведеніе соціальной реформы. Правительство должно стоять на высотѣ положенія. И Марло находитъ, что соціальная реформа встрѣтитъ больше препятствій въ Германіи, чѣмъ во Франціи: „наклонность къ партикуляризму, характеризующая нѣмецкія племена, ...даже у нашихъ соціалистовъ имѣется въ столь высокой степени, что многіе изъ нихъ не видятъ необходимости еди-

[1]) IV. Band, s. 91.
[2]) Ibid., s. 307.
[3]) Ibid., s. 246.

[1]) Ibid., примѣчаніе на стр. 248.

наго государства и все еще держатся либеральной идеи союза государствъ“ [1]).

Свою систему Марло заканчиваетъ строками, которыя сильно напоминаютъ стиль Лассаля: „съ тою-же необходимостью, съ какой за утренней зарею слѣдуетъ восходъ солнца, соціализмъ, послѣ робкаго свѣта, который онъ теперь распространяетъ, долженъ явиться въ полномъ блескѣ. Онъ—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія—будущій властелинъ міра“ [2])...

Утопичность воззрѣній Винкельблехане подлежитъ сомнѣнію. Соціализмъ Марло, приноровленный, скорѣе всего, къ потребностямъ средняго сословія, покоится на тѣхъ-же *методологическихъ предпосылкахъ*, что и критикуемый имъ коммунизмъ. Ниразу Винкельблехъ не попытался проанализировать, гдѣ—запасъ силъ, могущихъ произвести желательный для него поворотъ. Неопредѣленныя фразы о германскомъ и христіанскомъ идеалѣ не рѣшаютъ дѣла; онъ аппелируетъ, очевидно, къ сознанію людей вообще и сильныхъ міра въ особенности. Задачу введенія соціэтарнаго строя онъ возлагаетъ на современное правительство. Вся его система представляетъ собою смѣсь разнородныхъ элементовъ: симпатіи къ среднему сословію влекутъ Марло къ старымъ институтамъ, но въ то-же время онъ боится потерять преимущества и современнаго хозяйства, а потому рядомъ съ „возрождающимися цехами“ допускаетъ и частныя предпріятія „партикулярнаго“ характера. Мечтая о цехахъ и земельной маркѣ, онъ хочетъ влить въ старые мѣхи новое содержаніе, которое ближе всего подходитъ къ Оуэновскимъ конструкціямъ. Луи Бланъ, дѣйствительный предтеча современной соціальной демократіи, такъ-же, какъ впослѣдствіи Лассаль, выдвигалъ опредѣленную политическую платформу для осуществленія соціальнаго идеала; Марло говоритъ о политикѣ мало, и если говоритъ, то предполагаетъ въ роли реформаторовъ нѣмецкихъ монарховъ. Этому не мѣшаютъ малозначущія фразы о выборномъ „императорѣ“ (быть можетъ, тоже германская традиція); гораздо показательнѣе требованія единаго государства, безъ указанія способовъ осуществленія цѣли.

[1]) I Band, s. 417.
[2]) Ibid, s. 435.

Такова—первая система „профессорскаго“ соціализма, забытаго на два десятка лѣтъ. Къ этой системѣ, во всякомъ случаѣ, можно было-бы съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ это сдѣлалъ впослѣдствіи Оппенгеймъ, примѣнить названіе „катедеръ-соціализма“, такъ какъ соціалистическіе элементы—налицо. Значеніе системы Марло видно уже изъ того, что она воскресаетъ въ работахъ одного изъ наиболѣе выдающихся представителей „государственнаго“ соціализма—Шеффле. Констатируемая нами неопредѣленность и спутанность взглядовъ, смѣшеніе несогласимыхъ принциповъ, симпатіи къ среднему сословію, „національныя“ тенденціи,—все это, какъ *покажетъ наше изслѣдованіе*, составляетъ конститутивные признаки „государственнаго соціализма“.

III.

Соціально-экономическая система Родбертуса.

Проф. Дитцель, авторъ лучшей монографіи о Родбертусѣ, говоритъ: „онъ былъ первымъ, который разсмотрѣлъ и попытался разрѣшить проблему, называемую кратко въ настоящее время соціальнымъ вопросомъ, послѣдовательно съ точки зрѣнія „государственнаго соціализма“ [1]). Позиція, занимаемая этимъ соціалистомъ въ исторіи общественно-экомической науки, особенная: въ лагерѣ вполнѣ „благонамѣренныхъ“ людей мы найдемъ изрядное количество лицъ, преклоняющихъ передъ авторитетомъ Родбертуса и превозносящихъ его научныя заслуги. Никто иной, какъ проф. Ад. Вагнеръ называетъ его „Рикардо научнаго соціализма“;

[1]) Dietzel. „K. Rodbertus. Darstellung seines Lebens und seiner Lehre“ Iena, 1881, s. 3. Далѣе, Дитцель поясняетъ: «Doch war er nicht der erste deutsche Staatssocialist. Schon 1796 hatte Fichte in der „Grundlage des Naturrechts“, 1802 Schelling in seinen Vorlesungen über «die Methode des akademischen Studium» die Polemik gegen die herrschende individualistische Staats—und Gesellschafts—Auffassung der Kantschen Schule begonnen und die Fundamente jener auf Leibnitz und Wolff zurückweisenden Aschauung gelegt, deren verschiedene Spielarten wir heute unter dem Namen der „organischen“ Staatslehre zusammenfassen. Der «Staatssocialismus» Rodbertus ist die letzte... konsequentest entwickelte Frucht dieser Lehre“. S. 3.

Адлеръ (Георгъ) пишетъ цѣлую книжку подъ заглавіемъ—„Родбертусъ, какъ основатель научнаго соціализма“. Въ ней находятся такія строки: „съ Родбертуса начинается новая эпоха въ исторіи соціализма... Его система .. есть первая соціалистическая теорія въ истинномъ смыслѣ этого слова“ [1]). Въ концѣ труда Адлеръ восклицаетъ: „Нельзя отрицать, что государство будущаго (Zukunftstaat) у Родбертуса очень выгодно отличается отъ грубо-коммунистическихъ фантастическихъ картинъ другихъ крайнихъ соціалистовъ“ [2]).

Одно время въ печати стали ходить нелѣпые слухи, что Марксъ, конструируя свою теоретическую систему, совершилъ плагіатъ у Родбертуса; слухи циркулировали до тѣхъ поръ, пока Энгельсъ не далъ имъ суровую отповѣдь. Какъ-бы то ни было, весьма знаменательнымъ и подозрительнымъ является это преклоненіе передъ Родбертусомъ, мало-того: вмѣненіе ему въ заслугу того, что порицается у „коммунистовъ“. Какимъ-то страннымъ образомъ Родбертусъ примиряетъ экономическую дисциплину съ соціализмомъ. Онъ оставляетъ глубокій слѣдъ въ исторіи науки, помимо прочаго, являясь теоретическимъ отцомъ и вдохновителемъ разнообразныхъ теченій т. н. „государственнаго соціализма“.

Родбертусъ, въ самомъ дѣлѣ, весьма крупная научная величина. Своими экскурсіями въ область античнаго хозяйства онъ открываетъ эпоху изученія экономической исторіи, ставитъ вопросъ объ исторической смѣнѣ различныхъ хозяйственныхъ формъ и своимъ анализомъ добываетъ цѣнные результаты, которыми, съ извѣстными поправками, мы пользуемся и въ настоящее время. Родбертусъ не только провозглашалъ принципъ историзма, но собственными работами показалъ пріемы пользованія историческимъ методомъ. А такъ какъ только этотъ методъ въ связи съ абстракціей способенъ положить основаніе дѣйствительной наукѣ, то заслуги Родбертуса передъ экономической дисциплиной—весьма серьезны. Что касается критики настоящаго, то

[1]) G. Adler, «Rodbertus, der Begründer des wissenschaftlichen Socialismus». Leipz. 1884. Vorwort.

[2]) Ibid., s. 64—65.

Родбертусъ велъ ее съ точки зрѣнія интересовъ двоякаго рода: рабочей демократіи и землевладѣльческаго класса. Если первая его работа, относящаяся къ 1837 г. трактуетъ о „требованіяхъ рабочаго класса“, то намъ извѣстны очень раннія произведенія, написанныя въ защиту нуждъ землевладѣнія (напр. „Die preussishe Geldkrisis“—1845 г., „Für den Kredit der Grundbesitzer“—1847 г.). Двѣ души живутъ въ груди Родбертуса—аграрія и соціалиста; первая нерѣдко преобладающимъ образомъ вліяетъ на вторую. Въ этомъ и разгадка симпатій, какими пользовался Родбертусъ въ недемократическихъ кругахъ. Капитализмъ онъ ненавидѣлъ всѣмъ сердцемъ и давалъ выходъ своему чувству въ формѣ, весьма удобопріемлемой консервативными элементами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ его творчествѣ начинала бить сильнѣе чисто демократическая струя, отъ него, конечно, въ испугѣ должны были отворачиваться многіе приверженцы. Третій характерный моментъ системы Родбертуса въ томъ, что исходнымъ пунктомъ его построеній является не личность, не благо индивидуума, а цѣлое, гармонія жизни общества. Дитцель подчеркиваетъ античный характеръ родбертусовскаго міросозерцанія, приближающій его систему больше къ платоновской, чѣмъ къ утопіямъ 19 вѣка. Причины этому мы вовсе несклонны видѣть въ своеобразной преемственности идей; мы относимъ это явленіе скорѣй на счетъ историческихъ условій Германіи того времени и общественной позиціи, занимаемой Родбертусомъ. Объ этомъ скажемъ послѣ ознакомленія съ его взглядами.

Резюмировать большія работы Родбертуса въ краткомъ очеркѣ—дѣло не совсѣмъ легкое. Впрочемъ, оно облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что самая ранняя, намъ извѣстная, его статья—„Die Forderungen der arbeitenden Klassen“ (1837 г.), увидѣвшая свѣтъ очень поздно, заключаетъ въ себѣ въ главныхъ пунктахъ всю его соціально-политическую систему. Познакомившись съ ея содержаніемъ, мы, въ дальнѣйшемъ, можемъ ограничиться суммарнымъ изложеніемъ и простыми ссылками.

Родбертусъ пишетъ подъ впечатлѣніемъ грозныхъ событій въ Англіи—„собраній чартистовъ и бирмингамскихъ сценъ“. Чего хотятъ пришедшіе въ движеніе рабочіе? Грозитъ-ли современной культурѣ гибель, какъ утверждаютъ

ихъ противники? Рабочій классъ стремится къ достиженію политической власти. Послѣдняя является не цѣлью, а средствомъ. Цѣль—„больше владѣнія". Сначала этотъ лозунгъ можетъ показаться глубоко, грубо матеріалистическимъ. На самомъ дѣлѣ онъ обозначаетъ одно, и гораздо менѣе страшное: „большее участіе въ современномъ образованіи, большее участіе въ благодѣяніяхъ современной культуры" [1]). И нѣтъ сомнѣнія, что рабочіе упорно будутъ стремиться къ этой цѣли, ихъ не остановитъ ни полиція, ни пушки, ни сентиментальныя увѣщанія богатыхъ. „Рабочіе классы изъ благодѣтельныхъ пріобрѣтеній современнаго общества имѣютъ, подобно всѣмъ прочимъ, личную свободу и одинаковую формальную справедливость,—больше ничего". „Личная свобода, конечно, есть благо, но только негативнаго свойства—счастье не зависѣть отъ произвола другого лица". Она есть начало, базисъ благополучія, но „сама-по-себѣ есть только форма, лишенная содержанія" [2])... Либеральные экономисты хотятъ убѣдить рабочаго, что ему слѣдуетъ удовлетвориться этой формальной свободой; что вполнѣ естественно полученіе заработной платы, едва покрывающей расходы на поддержаніе существованія. Напрасная и предосудительная попытка! Прежде соціальное равновѣсіе достигалось принудительной общественной организаціей, благодаря которой демократія такъ или иначе пріобщалась къ культурѣ своей эпохи; достаточно вспомнить цеховое устройство. Нынѣ свободный человѣкъ предоставленъ самому себѣ, и въ результатѣ—не будемъ обманывать себя—„въ рамкахъ современнаго общества имѣется многочисленный народъ варваровъ, варваровъ по духу и нравамъ" [3]) Высшіе классы не обладаютъ уже властью надъ ними, а лишь оружіемъ противъ нихъ. Но это знаменуетъ разложеніе націи, распаденіе общества. Возврата къ прежнимъ формамъ—нѣтъ, и остается одинъ лозунгъ—впередъ!

Низведеніе заработка трудящейся массы къ minimum'у средствъ существованія могло имѣть свой raison d'être на

[1]) Schriften von. K. Rodbertus-Jagetzow, hgb. v. A. Wagner B. III. Berlin, 1899, s. 197.

[2]) Op. cit., s. 198.

[3]) Ibid., s. 205.

низкой ступени производительности труда [1]). Нынѣ послѣдняя необыкновенно возросла. Но чтобы совершить поворотъ богатства и въ сторону рабочаго класса, для этого необходимы новыя правовыя и государственно-хозяйственныя учрежденія. Въ древности производство соотвѣтствовало имѣющимся въ наличности запасамъ рабочихъ силъ, ибо единственнымъ агентомъ былъ человѣческій трудъ; нынѣ машины вытѣсняютъ человѣка. „Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ слѣдующемъ: возможна-ли организація, при которой производство будетъ всегда держаться такой степени производительности, чтобы она шла въ пользу и рабочихъ?" „Если она возможна, то только государственное хозяйство можетъ ее установить" [2]). Право и политика въ этомъ отношеніи не играютъ почти никакой роли. При нынѣшнемъ режимѣ собственности за удовлетвореніемъ временной нужды голодающихъ послѣдуетъ неминуемо образованіе новыхъ пролетарскихъ кадровъ, и гарантіи для труда не найдется. Для полученія ея придется сильно ограничить современное право собственности, а именно уничтожить „das rentirende Eigenthum" (собственность, доставляющую владѣльцу ренту безъ труда). Собственность-же на продуктъ труда тѣмъ крѣпче должна быть утверждена. „Земля и капиталъ должны былибы сдѣлаться достояніемъ всего общества, а результатъ примѣненія этихъ орудій труда, послѣ репродукціи капитала, будетъ собственностью работниковъ соотвѣтственно количеству затраченнаго труда" [3]).

Родбертусъ соглашается, что этотъ порядокъ будетъ похожъ на рекомендуемый с.-симонистами, но указываетъ на глубокое различіе: у послѣднихъ мѣра участія индивидуума въ богатствѣ опредѣляется сверху, а здѣсь каждый индивидуумъ самъ себя опредѣляетъ. Рѣчь идетъ также не о возвратѣ къ меркантилизму. Меркантилисты—по существу—представители интересовъ фабрикантовъ. Что касается либе-

[1]) Родбертусъ въ данномъ случаѣ становится на объективную историческую точку зрѣнія. Свои идеи онъ формулируетъ очень рѣзко: „Auf einer Stufe, auf der man nur Handmühlen kennt, muss Sclaverei existiren. Ohne diese hätte das Alterthum nicht seine Mission vollbracht". Ibid., s. 207.

[2]) Ibid., s. 209.

[3]) Ibid., s. 209—210.

ральной системы, то Родбертусъ признаетъ, что Ад. Смитъ оказалъ громадныя услуги наукѣ, но его система построена на индивидуалистическомъ, а не національномъ (позднѣе Родбертусъ предпочтетъ выраженіе—соціальномъ) основаніи. Система „свободнаго оборота" ведетъ къ установленію „экономическаго естественнаго состоянія", при которомъ сильнѣйшій побиваетъ слабѣйшаго, т. е. устанавливается „деспотизмъ рентной собственности". Оборотъ долженъ быть урегулированъ разумнымъ образомъ, что можетъ и должно сдѣлать государство. „Будущее принадлежитъ государственному хозяйству" [1]), система промышленной свободы должна замѣниться „системой государственнаго управленія".

Этимъ предполагается, что государство приложитъ усилія къ повышенію доли рабочихъ, что можетъ быть сдѣлано только на счетъ процента и ренты. Заработная плата не должна уменьшаться ни абсолютно, ни относительно; она должна расти соотвѣтственно повышенію производительности труда. Если заработная плата составляетъ треть продукта, то равновѣсіе будетъ достигнуто, если впредь, независимо отъ рыночной конъюнктуры, она будетъ держаться на той-же высотѣ.

Рисуются практическія мѣры такого рода: конституируется закономъ цѣнность всѣхъ благъ по труду, мѣняющаяся отъ времени до времени соотвѣтственно измѣненію производительности. Правительство выпускаетъ въ предѣлахъ произведенныхъ благъ бумажныя деньги, „дѣйствительныя трудовыя деньги, удовлетворяющія всѣмъ условіямъ денегъ, ибо онѣ не могутъ испытывать измѣненій въ своей цѣнности" [2]),—для расплаты съ рабочими. Третья мѣра заключается въ устройствѣ магазиновъ (ein Magasinirungssystem), гдѣ могли бы реализоваться эти деньги. Естественному праву и естественному государственному праву прошлаго вѣка пора положить предѣлъ: лозунгъ современности—организація.

Пока не видно, какую форму правительства предпочитаетъ Родбертусъ для конституированія своего государства. Бросается въ глаза лишь низкая оцѣнка политики, какъ таковой, и необходимость силы правительственной власти. Проведеніе

[1]) Ibid. s. 216.
[2]) Ibid., s. 222.

проектируемой реформы предполагаетъ централизацію этой власти. Насъ, конечно, не могутъ интересовать детальныя стороны проектовъ Родбертуса относительно магазиновъ и рабочихъ денегъ, по поводу которыхъ Энгельсъ выразился: „въ такой дѣтски-наивной,—я сказалъ-бы—чисто померанской формѣ никто изъ конкуррентовъ Родбертуса не высказывалъ глупой утопіи рабочихъ денегъ" [1]). Любопытнымъ является то обстоятельство, что Родбертусъ, возлагая столь большія надежды на государство, пренебрежительно относится къ политикѣ. Если-бы еще изъ работы слѣдовало, что государство, по имманентнымъ ему законамъ, вынуждено будетъ разрѣшить соціальную проблему, то молчаніе о политическихъ задачахъ демократіи было-бы понятно; но вѣдь рѣчь идетъ о перемѣнѣ государственной политики. Очевидно, соціализмъ Родбертуса развертывается односторонне. Попытаемся теперь сжато, на основаніи главныхъ работъ Родбертуса, изложить его соціально-экономическую систему. Послѣдняя находится въ тѣсной связи съ его общимъ міросозерцаніемъ, о которомъ, въ силу этого, намъ придется сказать нѣсколько словъ.

Родбертусъ полагаетъ, что имъ выработано „совершенно новое міровоззрѣніе на природу и исторію", затрогивающее всѣ принципы философскихъ системъ и сентезирующее ихъ. Отрицая матеріализмъ („denn ich bin nichts weniger als Materialist" [2]), Родбертусъ включаетъ въ свою систему и понятіе высшаго существа—Бога. Основнымъ философскимъ началомъ для Родбертуса является жизнь, „какъ тріединая сущность ума, воли и силы (матеріальной)—„Geist, Willen und Kraft"; жизнь создается только соединеніемъ этихъ „трехъ основныхъ способностей"—„Erkenntnissvermögen, Bestimmungsvermögen und Bewegungsvermögen". Аналогіей этихъ силъ въ матеріальныхъ атомахъ представляются электричество, магнетизмъ и тяжесть. Объединеніе указанныхъ трехъ элементовъ ведетъ къ образованію языка и науки, морали и права, раздѣленію труда и хозяйству,—однимъ словомъ, къ развитію соціальнаго организ-

[1]) Въ „Neue Zeit", 1885 г.
[2]) Zeitschrift für die ges. Staatswiss., 1879, II Heft, см. „Einige Briefe von Dr. Rodbertus an J. Z.

ма. Подобно тому какъ жизнь индивидуума покоится на соединеніи, общности ума, воли и силы, такъ и соціальный организмъ живетъ общностью трехъ началъ жизни—умственной, этической и матеріальной или хозяйственной. „Gemeinschaft“ и есть „душа жизни“. Творя природу, Богъ „раздѣлялся“ въ ней; по окончаніи творенія, міръ въ своей жизни снова соединяется въ Богѣ. Сущность историческаго развитія и заключается въ этомъ процессѣ объединенія; степень осуществленія такого „коммунизма“ знаменуетъ высоту общественной эволюціи.

Между природой и обществомъ, между физическими и соціальными организмами, существуетъ извѣстная аналогія. Подобно тому какъ органической природѣ предшествуетъ неорганическая, такъ и въ жизни общества неорганическій періодъ исторіи раскрывается раньше историческаго. Царствамъ, родамъ и видамъ въ жизни физическихъ организмовъ соотвѣтствуютъ эпохи, періоды и фазы общественной исторіи. Элементарнымъ организмомъ въ физической природѣ является клѣточка, превращающаяся путемъ эволюціи въ совершенный организмъ человѣка. Элементарной клѣткой общества выступаетъ семья, которая возвышается постепенно до организованнаго человѣческаго общества. Кругъ физической жизни дѣлится на царство растеній, животныхъ и человѣка; соотвѣтственно этому, соціальная исторія подраздѣляется на „Stammperiode,“ „Staatenperiode“ и періодъ „einer organisirten menschlichen Gesellchaft“, которому принадлежитъ будущее. Каждый изъ періодовъ дѣлится на роды и виды; такъ—государственный періодъ дробится на язычески-античный, христіанско-германскій и еще предстоящій „Staatenordnung der Zukunft“. Языческій государственный періодъ слагается изъ такихъ видовъ—теократіи, кастового государства, сатрапіи и города (полиса); христіанско-германскій—охватываетъ церковное, сословное, бюрократическое и представительное государства. Какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи эволюція выражается въ растущемъ раздѣленіи функцій—раздѣленіи труда—и централизаціи. Въ этомъ выражается интенсивность процесса соединенія [1]).

[1]) „Die Geschichte ist ein Vereinigungsprocess, der sich—in der geistigen, sittlichen, wirthschaftlichen Lebenssphäre—extensiv zu immer weiter Kreisen verschlingt und intensiv zu immer grösserer Innigkeit

Отсюда ясно, какъ велика, всеобъемлюща роль государства въ общественной жизни: не индивидуумъ и его раздѣльные интересы, не свобода отдѣльнаго лица, а объединяющая, централизующая дѣятельность государства является движущимъ началомъ. Не въ индивидуализмѣ, а въ коммунизмѣ—основной жизненный первъ. Общество, покоящееся на раздѣленіи труда, уже проникнуто коммунистическимъ началомъ. „Мы вовсе не должны такъ страшиться коммунизма“, говоритъ Родбертусъ въ одномъ мѣстѣ: „только ложныя коммунистическія системы могутъ быть опасны. Но вообще мы вращаемся въ коммунизмѣ, ибо природа всякаго общества—коммунистична“ [1]). Чтобы достигнуть надлежащаго эффекта, народное хозяйство должно превратиться въ государственное. Чѣмъ централизованнѣе государственная власть, тѣмъ выше строеніе общества. „Государство—центральный пунктъ высшей, упорядочивающей и доминирующей жизненной дѣятельности“ [2]). Государство—соціальный организмъ, который, къ счастью или несчастью, проявляетъ свои функціи не по законамъ „естественной необходимости“ [3]).

vertieft“. См. „Zur Erklärung und Abhilfe der heutigen Kreditnot des Grundbesitzes“, II B. s. 109 ff.

[1]) Schriften v. Rodbertus-Jagetzow, hgb. v. A. Wagner und Th. Kosak, I Band. „Das Kapital“, Berlin, 1899, прим. стр. 89.

[2]) „Zur Beleuchtungs der socialen Frage“, K. Rodbert.-Jag., II. Theil, 1. Heft, Vorrede, s. 7, пр. изд. Wagner, Berlin, 1899, III Band.

Философскія и соціально-философскія построенія Родбертуса, помимо цитированныхъ и цитируемыхъ въ дальнѣйшемъ трудовъ, имѣются въ его „Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des klassischen Alterthums“, въ особенности—„Zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus“. Hildebrand's Jahrbücher für Nat. ök. und Stat. B. IV—V, VIII (1865, 1867 г.).

Прекрасное изложеніе соц.-фил. предпосылокъ находится у Diezel'я въ цит. работѣ (zweite Abtheilung) и въ большомъ трудѣ Theop. Kosak'a—„Rodb.-Iag. socialökonomische Ansichten“, Jena, 1882 J.

[3]) Такъ говоритъ Родбертусъ въ статьѣ «Physiokratie und Authropocratie», приложенной къ «Briefe und socialpolitische Aufsätze v. D-r Rodbertus-Jag.—hgb. von. R. Meyer (Berlin. 1881). Естественные законы ведутъ общество къ разложенію: „Wir müssen diesen «Naturgesetzen» freie, sittliche, neubelebende Menschengesetze substituiren“... „Wir müssen das physiokrabische System, unter dem wir leiden, durch ein anthropologisches ersetzen; auch in der Volkswirthschaft muss regirt werden».—s. 519, 521 ff.

Какъ въ жизни индивидуума на извѣстной ступени его развитія велѣнія природы смѣняются и должны смѣниться руководительствомъ сознанія, такъ стихійный историческій процессъ общественной эволюціи долженъ быть вытѣсненъ планомѣрной государственной работой. „Только въ природѣ вещи и отношенія носятъ сами въ себѣ свой разумный законъ, въ обществѣ же они требуютъ его отъ людей“ [1]). Въ противномъ случаѣ, получается заколдованный кругъ. Общественныя революціи являются тѣмъ бичемъ, которымъ исторія подгоняетъ на пути прогресса отсталыя общества. Сами по себѣ, революціи, какъ стихійныя вспышки, безплодны, ибо лишь спокойный разумъ, въ лицѣ его выразителя—государственной власти, можетъ указать нормальный выходъ.

Современная общественная жизнь съ яркостью обнаруживаетъ отсутствіе гармоніи, равновѣсія. Масса населенія нищенствуетъ и волнуется, пауперизмъ сталъ вѣрнымъ спутникомъ современной культуры; кризисы правильно, чрезъ извѣстные промежутки времени, смѣняютъ другъ друга, потрясая хозяйство до самыхъ его основъ.

И первая задача, выдвигаемая событіями передъ общественнымъ разумомъ, эта задача урегулированія хозяйства. Но она предполагаетъ вѣрное пониманіе основъ послѣдняго. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ экономисты не съумѣли стать на вѣрную дорогу. Ону не понимаютъ соціальнаго характера своей дисциплины.

Основы выдвигаемой Родбертусомъ экономической теоріи могутъ быть сжато формулированы слѣдующимъ образомъ [2]). Источникомъ всякой цѣнности (для экономиста, разсматривающаго явленія съ соціальной точки зрѣнія) является трудъ человѣка. Всякій доходъ долженъ былъ бы основываться на трудѣ, на степени нашего участія въ добываніи матеріальныхъ средствъ. Исторія до сихъ поръ отрицала такой способъ распредѣленія. Мы видимъ, что львиная доля общественнаго продукта достается въ видѣ ренты

[1]) K. Rodbertus. «Zur Beleuchtung der socialen Frage», Berlin, 1875, s. 53.

[2]) Теоретическая система была формулирована авторомъ уже въ 1842 г. въ книгѣ—„Zur Erkenntniss unsrer staatswirthschaftlichen Zustände“. Erstes Heft. Fünf Theoreme. Neubrand. und Friedland, 1842.

нетрудящимся. Основаніемъ для такихъ притязаній являются извѣстныя права; сначала право на человѣка (въ полной мѣрѣ или ограниченной) — рабство, крѣпостничество, а затѣмъ право владѣнія извѣстнымъ имущественнымъ фондомъ—землей, капиталомъ. „Вмѣсто приказанія рабовладѣльца теперь вступилъ въ силу договоръ рабочаго съ нанимателемъ; но этотъ договоръ свободенъ только формально, а не матеріально, и голодъ великолѣпно выполняетъ роль бича. Что прежде называлось кормомъ, то теперь заработной платой“ [1]).

Увеличеніе нетрудовыхъ доходовъ—ренты—можетъ совершаться лишь на счетъ заработной платы. Говоря о движеніи послѣдней, надо имѣть въ виду абсолютныя и относительныя ея повышенія и пониженія. При громадномъ ростѣ производительности труда, заработная плата можетъ абсолютно увеличиваться, но относительно, какъ доля національнаго продукта, падать. Въ этомъ и заключается основная причина современныхъ кризисовъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Въ обществѣ, гдѣ существуетъ собственность на землю и капиталы, распредѣленіе совершается въ формѣ обмѣна. Послѣдній былъ бы справедливымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы каждый обмѣнивающійся получалъ въ чужихъ продуктахъ мѣру имъ самимъ потраченной работы.

Въ такомъ случаѣ обмѣнъ можно было бы совершать съ помощью бумажныхъ квитанцій, точно опредѣляющихъ количество труда, затраченнаго на изготовленіе всякаго рыночнаго продукта. Этого справедливаго обмѣна нѣтъ, потому что „покупательная сила каждаго участника... опредѣляется не цѣнностью его продукта, а степенью его участія въ этомъ продуктѣ“ (размѣромъ правъ на землю и капиталъ). Въ этомъ обществѣ „доля рабочаго, поземельнаго владѣльца и капиталиста въ продуктѣ опредѣляются не соціальною предусмотрительностью, не разумнымъ общественнымъ закономъ, а переданы на усмотрѣніе дѣйствію мѣнового оборота, такъ называемымъ „естественнымъ“ общественнымъ законамъ“, результатомъ чего является слѣдующее: „при возрастающей производительности труда, доля рабочаго становится все

[1]) K. Rodbertus. „Zur Beleuchtung der soc. Frage“, s. 38.

меньшей въ общемъ продуктѣ“ [1]). Размноженіе рабочихъ способствуетъ еще большему обостренію положенія, и свобода наноситъ имъ несомнѣнный ущербъ, доводя во взаимной борьбѣ низшіе слои населенія до самой крайней нищеты. Если такъ обстоитъ дѣло, то кризисы неизбѣжны, ибо по мѣрѣ усиленія производительности хозяйства, покупательная сила массового потребителя безпрерывно падаетъ. Избѣгнуть потрясеній можно было бы прочной фиксаціей доли каждаго класса, что предполагаетъ не „естественное теченіе“ событій, а разумное руководительство. Это и составляетъ задачу государственной власти.

„Въ современной государственно-хозяйственной организаціи скрыта ошибка“. „Правовое развитіе общества достигло такого момента, когда дѣйствіе этого недостатка можетъ безпрепятственно проявляться... Государственное хозяйство призвано къ тому, чтобы его удалить, преобразовать общество, оставленное правомъ безъ опоры... Нечего ожидать разрѣшенія этихъ вопросовъ отъ права. Ему при дальнѣйшемъ движеніи остается только уничтоженіе собственности на земли и капиталы“ [2]). Рѣчь идетъ не о простомъ формальномъ упраздненіи, а о новой общественной организаціи, ведущей въ конечномъ результатѣ къ установленію коммунизма на средства производства. „Коммунизмъ на землю и капиталы націи, съ сохраненіемъ личной собственности на продуктъ своего труда, это есть то правовое состояніе, которое должно замѣнить современную частную собственность на землю и на капиталъ“ [3]). „Не индивидуализмъ, а соціализмъ заключаетъ рядъ эмансипацій, начатыхъ реформаціей“ [4])

Разумное созданіе нормальной организаціи устраняетъ всякую мысль о революціонныхъ, насильственныхъ способахъ дѣйствія и мгновенныхъ превращеніяхъ. Мирная, разумная эволюція, планомѣрно двигающаяся силами крѣпкой

[1]) Ibid., s. 46, также—предисл. къ „Erster Brief“.

[2]) K. Rodbertus. Sociale Briefe an v. Kirchmann. Erster Brief, s. 186—7., въ изданіи A. Wagner'a. Schriften von D-r. C. Rodbertus.-J., III Band. Berlin, 1899

[3]) K. Rodbertus. „Das Kapital“, 4-er Brief; Berlin, 1884, s. 116.

[4]) Ibid., s. 221.

государственной власти! [1]) Частная собственность имѣла свое историческое оправданіе: воспитаніе работника, развитіе производительныхъ силъ страны. Во многихъ случаяхъ она и теперь имѣетъ raison d'être своего существованія. „Мой уважаемый другъ!“, пишетъ Родбертусъ Кирхману: „Если я вѣрю въ будущее коммунизма, если я вѣрю, что современное хозяйство и сейчасъ охватывается коммунистическимъ теченіемъ, то все же я не считаю такимъ близкимъ уничтоженіе частной собственности на земли и капиталы. Противорѣчащія этому экономическія и правовыя убѣжденія, множество интересовъ, съ этого рода собственностью связанное, интеллектуальное и моральное состояніе, какъ владѣющихъ господствующихъ, такъ и служащихъ работающихъ классовъ, дѣлаютъ невозможнымъ паденіе такъ глубоко коренящихся институтовъ еще въ теченіе многихъ десятилѣтій“ [2]). Родбертусъ иногда говоритъ и о столѣтіяхъ.

Что же мѣшаетъ государству уже теперь приступить къ подготовительнымъ работамъ? Причина этому, помимо непониманія носителями государственной власти своихъ задачъ, лежитъ въ нарушенномъ общественномъ равновѣсіи. Въ этомъ мѣстѣ соціалистической системы Родбертуса громко начинаетъ заявлять свои претензіи аграрій.

Капиталъ борется не только съ трудомъ: онъ поработилъ и добиваетъ помѣстное владѣніе. Имѣнія таютъ въ рукахъ класса, еще недавно бывшаго господствующимъ. Гибнутъ помѣстные владѣльцы въ тискахъ кредита. Послѣдній, въ современномъ обществѣ, одинаково трактуетъ и землю, и движимый капиталъ; между тѣмъ, земля и капиталъ непохожи другъ на друга: земля есть только рентный фондъ, а потому требованіе амортизаціи и срочности долговъ глубоко противорѣчитъ началу земельнаго владѣнія. Имѣнія губитъ „предположеніе, что владѣлецъ (нхъ) можетъ занимать на короткіе сроки, тогда какъ онъ долженъ занимать на вѣчныя

[1]) Dietzel въ цитир. монографіи совершенно вѣрно оттѣняетъ Kontinuität der Entwicklung“, какъ „руководящую тактическую идею его системы“. S. 21 I-ой части.

[2]) Ibid, s. 226.

времена“ [1]). Этому принципу можетъ соотвѣтствовать только рентная форма земельныхъ ссудъ, причемъ выпускаемые для этой цѣли „Rentenbriefe“ должны писаться въ круглыхъ суммахъ и на предъявителя, для облегченія имъ циркуляціи на денежномъ рынкѣ. Это—своеобразныя территоріальныя деньги, аналогичныя трудовымъ [2]). Организація такого кредита составляетъ задачу правительства. Но съ 60-хъ годовъ послѣднее рѣшительно вступаетъ на путь промышленнаго либерализма, подпавъ исключительному вліянію представителей „движимаго имущества“. „Государство, должно быть“, съ горечью замѣчаетъ Родбертусъ, „уже совершенно подчинилось капиталу, если не желаетъ понять, что только поземельное владѣніе есть та соціальная сила, или скорѣе можетъ быть ею, которая по преимуществу представляетъ національный элементъ въ обществѣ, и что государство, въ особенности, покоится не на соціальныхъ, а національныхъ элементахъ“ [3]). Такъ говорить можетъ лишь представитель поземельнаго владѣнія—и Родбертусъ не стѣсняется называть себя таковымъ: „Я, какъ поземельный владѣлецъ, выступилъ на защиту интересовъ и естественнаго залоговаго права моего сословія“ [4]). Въ другомъ мѣстѣ онъ обращается съ упрекомъ и призывомъ къ этому сословію: „Вслѣдствіе стараго недовѣрія и зависти другъ къ другу, мы—раздѣлены и необъединены. Намъ недостаетъ инстинкта матеріальнаго интереса, которымъ владѣетъ капиталъ въ такой высокой степени. Намъ недостаетъ также и классоваго интереса, проникнутый которымъ трудъ, какъ одинъ человѣкъ, поднимается. Мы низко пали, спутанные нашимъ ложнымъ законодательствомъ“ [5]). А, между тѣмъ, для рабочихъ выгодна борьба земельной аристократіи съ денежной, ибо ослабляетъ послѣднюю. Интересы же помѣстнаго и рабочаго классовъ не такъ противорѣчивы другъ

[1]) K. Rodbertus, „Kleine Schriften“, „Für den Kredit der Grundbesitzer“ (1847), s. 63. Berlin, 1899.

[2]) Подробное разсмотрѣніе теоріи земельнаго кредита у Родбертуса не соотвѣтствуетъ темѣ работы.

[3]) K. Rodbertus. „Zur Erklärung und Abhülfe der heut. Creditnoth des Grundbesitzes“, II Aufl. Berlin, 1868, s. XIV.

[4]) K. Rodbertus, „Kleine Schriften“, s. 79.

[5]) „Zur Erklärung...“, s. XIII.

другу, ибо высокая заработная плата создаетъ спросъ на земледѣльческіе продукты (!). „Соберемся въ защиту нашей ренты! Почему намъ не должно удасться то, что удалось капиталу и удается труду? Неужели мы хотимъ сойти съ общественной сцены, какъ сомостоятельный классъ, и окончательно предоставить капиталу влачить насъ на своемъ хвостѣ? Та борьба, которая разгорается между капиталомъ и трудомъ, должна ли найти въ насъ праздныхъ зрителей или, что еще хуже, слугъ капитала? Что намъ мѣшаетъ подняться, по крайней мѣрѣ, на высоту рабочихъ, которые больше не желаютъ считаться съ капиталомъ и не хотятъ, чтобы онъ ихъ велъ на помочахъ? Не слѣдуетъ ли намъ, съ своей стороны, попробовать, исходя изъ нашихъ собственныхъ интересовъ, вновь подняться до положенія самостоятельной силы въ обществѣ и государствѣ?“ [1]). Такъ какъ рѣчь идетъ о рентѣ, нетрудовомъ доходѣ, то Родбертусъ, очевидно, обращается не къ земледѣльцамъ, а землевладѣльцамъ.

Если ослабить нѣсколько рѣзкую защиту интересовъ послѣднихъ, то смыслъ сохраненія землевладѣльческаго класса у Родбертуса заключается въ созданіи общественнаго равновѣсія, обезпеченіи государству объективнаго выполненія своихъ задачъ. „Если поземельное владѣніе вновь получитъ свою хозяйственную самостоятельность, то снова въ обществѣ возстановится потерянное равновѣсіе“. „Вѣсы, которые теперь, къ сожалѣнію, склоняются только на сторону капитала, а въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, къ меньшему сожалѣнію, на сторону труда, что можетъ повести къ соціалистическому аборту и совершенно разстроить здоровье преждевременно родившагося общества,—эти вѣсы опять оказались бы въ рукахъ государства, которое, обезпеченное отъ преобладающаго вліянія одной или другой соціальной силы, лучше бы осуществило начало справедливости, чѣмъ это дѣлается теперь“ [2]). Государство на каждый классъ должно смотрѣть, какъ на исполнителей общей задачи,—и если эти своеобразные „частные чиновники“ плохо выполняютъ свое назначеніе, то государство можетъ замѣнить ихъ своими представителями. На классахъ владѣющихъ, по вы-

[1]) „Zur Erklärung...“, s. XIII—XIV.

[2]) Ibid., s. 367.

раженію Родбертуса, лежитъ „delegirte nationale Amtspflicht“.

Что-же должно дѣлать государство, въ лицѣ правительства, для облегченія благополучныхъ родовъ соціалистическаго общества? Съ этимъ насъ знакомитъ „планъ“ Родбертуса, относящійся къ позднему времени (послѣ основанія Германской Имперіи). Въ этомъ планѣ уже ясно обнаруживается, на какую форму государственной власти онъ возлагаетъ надежду: рѣчь будетъ итти объ императорѣ [1]). И удивляться этому нечего: Родбертусъ ищетъ власти, стоящей надъ классами, партіями, и выборъ его падаетъ, какъ и у всѣхъ утопистовъ, на институтъ, кажущійся съ внѣшней стороны наиболѣе самостоятельнымъ. „Соціальная монархія“, „sociales Königtum“, эта живучая нѣмецкая утопія, лучшимъ выразителемъ которой былъ Лоренцъ Штейнъ, пышно расцвѣтаетъ у Родбертуса. Очевидно, въ его системѣ есть какіе-то существенные дефекты; объ этомъ скажемъ ниже, а теперь обратимся къ „плану“.

Правительство, прежде всего, должно возбудить къ себѣ симпатіи рабочаго класса. Предполагаемыя соціальныя реформы должны быть ясно возвѣщены какимъ-либо „государственнымъ актомъ“, напр., въ тронной рѣчи, или въ спеціальномъ манифестѣ“... Можетъ получиться только громадное преимущество, если монархія (Königtum) явится творцомъ и проводникомъ реформы“ [2]). Такъ какъ государство, по своей консервативной природѣ, должно совершить переходъ безъ потрясеній, то тактика его должна покоиться на постепенности и осторожности. Родбертусъ рекомендуетъ двоякаго рода мѣры—косвенныя, подготовительныя и прямыя. Къ первымъ относятся: анкета рабочаго быта, реформа податной системы, имѣющая цѣлью уничтоженіе косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія массы, высокое обложеніе денеж-

[1]) Въ письмѣ къ Р. Мейеру отъ 4 апр. 1871 г. Родбертусъ говоритъ: ...„gemäss meiner Ihnen bekannten Ansicht, dass ein Socialismus, der wirklich heilen und nicht etwa blos Andre verwunden soll, sich weit besser mit der Monarchie, und zwar einer starken Monarchie, als einer Republik verträgt»... S. 60, «Briefe und socialpolitische Aufsätze—von Rodb.—Berlin, 1881.

[2]) K. Rodbertus, «Kleine Schriften», hg. von Moritz Wirth, Berlin 1890 г. s. 248.

наго капитала. Мѣры прямыя заключаются въ установленіи нормальнаго рабочаго дня, исчисляемаго Родбертусомъ, по германскимъ условіямъ, въ 10 часовъ эффективной работы, въ запрещеніи воскреснаго труда, регулированіи ночной работы и назначеніи фабричныхъ инспекторовъ. Пока мы видимъ такого рода мѣропріятія, которыя съ успѣхомъ могли-бы проводиться и радикальной буржуазной партіей: соціализма здѣсь нѣтъ. Но вотъ выступаетъ второй классъ мѣръ, „которыя имѣютъ въ себѣ зародышъ будущей организаціи производства“. „Манчестерцы говорятъ—государство не должно совсѣмъ заниматься индустріей. Государство и только государство должно это дѣлать—говорятъ соціалисты. Государство можетъ и должно при извѣстныхъ условіяхъ выступать на этомъ поприщѣ“,—говоримъ мы“ [1]). Вѣдь государство съорганизовало почту, армію, во многихъ странахъ желѣзнодорожное хозяйство—почему оно не въ силахъ сдѣлать этого и въ другихъ областяхъ? „Существующая въ различныхъ странахъ табачная монополія доказываетъ, что государство весьма способно выступать въ качествѣ крупнаго фабриканта, купца и мелочнаго продавца“ [2]). Поэтому—всѣ монопольныя предпріятія должны перейти въ руки правительства. Кругъ дѣйствія акціонерныхъ компаній долженъ быть сужень, „частныя регаліи“ должны по возможности превращаться въ государственныя. Прогрессивное вмѣшательство правительства въ экономику въ смыслѣ непосреднаго руководительства предпріятія дастъ возможность нащупать главный больной нервъ современнаго хозяйства. Правительство можетъ поставить нормально оплату труда, сдѣлать рабочаго участникомъ роста производительности общественной работы. Для этого нужно будетъ установить нормальное рабочее время изготовленія единицы продукта, выпустить соотвѣтствующіе денежные знаки для раздачи предпринимателямъ въ цѣляхъ уплаты рабочимъ. Оплата знаковъ можетъ производиться либо металломъ, либо продуктами (ради чего надо учредить общественные магазины). Этимъ займется правительство, которое также устроитъ наемъ квартиръ и пр. Съ такими планами мы уже знакомы

[1]) K. Rodbertus «Kleine Schriften», s. 251—2.

[2] Ibid.

по первой работѣ Родбертуса, и —какъ видимъ—онъ ни на шагъ не подвинулся впередъ.

Спасеніе—въ государствѣ, этомъ „персонифицированномъ фокусѣ центральной жизненной дѣятельности", по хитрому опредѣленію автора. Только въ немъ спасенье. Ибо національное хозяйство въ настоящее время есть организмъ, оставшійся безъ руководства разума. А въ результатѣ этого—потрясенія, революціи. Пламя Парижа (коммуна) освѣтило ту пропасть, на краю которой стоитъ современная, какъ-бы „опьяненная" цивилизація. Парализованы центры общественнаго организма, и онъ бьется въ судорогахъ. Но эти судороги не есть симптомъ разрѣшенія соціальнаго вопроса, а лишь показатель болѣзни.

„Нѣтъ, на улицѣ. при помощи забастовокъ, камней мостовыхъ или керосина, соціальный вопросъ не разрѣшается". Онъ—нѣжное растеніе, требующее заботливаго ухода. „Предварительныя условія его разрѣшенія—продолжительный соціальный миръ, единая политическая государственная власть; прочное, полное довѣрія присоединеніе рабочихъ классовъ къ этой власти, великія начинанія, подготовленія и учрежденія, образующія рядъ глубокихъ комбинацій, проводимыя въ жизнь спокойно и съ энергіей" [1]).

Мы заранѣе можемъ предвидѣть, какъ Родбертусъ отнесется къ растущему рабочему движенію: самостоятельное значеніе его онъ врядъ ли признаетъ. Необыкновенно характеренъ его отвѣтъ на запросъ Лейпцигскаго нѣмецкаго рабочаго ферейна („Offener Brief an das Comité des deutschen Arbeitervereins zu Leipzig" — 1863 г.) по поводу рекомендуемой Лассалемъ тактики. Въ этомъ открытомъ письмѣ заключается и критика системы Лассаля, такъ что для обрисовки фигуры Родбертуса оно незамѣнимо. „Желѣзный законъ заработной платы" — говоритъ Родбертусъ — совершенно правильно формулированъ Лассалемъ. Этотъ „естественный" законъ является непремѣннымъ спутникомъ предоставленнаго самому себѣ экономическаго оборота. Не ростъ національнаго богатства и роскоши высшихъ классовъ, но неравенство въ распредѣленіи „нарушаетъ гармоническое

[1]) K. Rodbertus, „Kleine Schriften", ст.. „Der Normalarbeitstag. s. 338.

развитіе во всѣхъ отношеніяхъ". Положеніе рабочаго, при такихъ условіяхъ, стремится не къ высшему, а низшему уровню. А посему, „слѣдуйте совѣту, который далъ вамъ Лассаль. Спрашивайте всякаго, кто называетъ себя вашимъ другомъ, признаетъ ли онъ этотъ, такъ называемый, „естественный" законъ. Вы дважды уполномочены задавать такой вопросъ, во-первыхъ ради того, къ чему вы стремитесь, а также и потому, что вы... представляете интересы не только вашего собственнаго класса, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и всего общества" [1]).

Ясно, что рекомендуемыя Шульце-Деличемъ ассоціаціи могутъ принести пользу только мелкому капиталисту. Предлагаемыя Лассалемъ производительныя ассоціаціи, съ государственною помощью—затрогиваютъ корень вещей; однако, Родбертусъ не можетъ скрыть опасенія, что при такомъ синдикатизированіи всѣхъ отраслей экономики, хозяйство можетъ затормозиться отъ неповоротливости и тяжеловѣсности машины. Ему, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, болѣе цѣлесообразной представляется государственная регламентація производства [2]). Громадное общественно-воспитательное значеніе ассоціацій онъ признаетъ.

По вопросу объ отдѣленіи отъ прогрессистовъ, Родбертусъ опять-таки горячо поддерживаетъ точку зрѣнія Лассаля, но не изъ однихъ и тѣхъ же побужденій: онъ учитываетъ только соціальную сторону дѣла. Что касается политической, то эту партію онъ считаетъ большимъ зломъ, немного лишь стушевывающимся передъ реакціей. Относительно же политическихъ выступленій рабочихъ Родбертусъ остается при своемъ мнѣніи, „Есть ли всеобщее избирательное право—необходимая предпосылка разрѣшенія соціальнаго вопроса? Вы сами говорите, что это должно быть лишь средствомъ для достиженія вашей цѣли. Но средства могутъ употребляться для различныхъ и даже противопо-

[1]) K. Rodbertus, „Gesammelte Kleine Schriften", s. 324.

[2]) Въ письмѣ къ Мейеру отъ 21 апр. 1872 г. Родбертусъ опредѣленно заявляетъ, что не вѣритъ въ будущее производительныхъ ассоціацій. Разрѣшенія соціальнаго вопроса при современныхъ условіяхъ онъ отказывается искать въ чемъ-либо другомъ, какъ въ двухъ „маленькихъ словахъ„: „mehr Lohn". Briefe und s. p. Aufsätze. O. c., s. 190.

ложныхъ цѣлей. Увѣрены ли вы, что въ данномъ случаѣ средство съ необходимостью приведетъ къ выдвинутой вами цѣли? Вспомните, что всеобщее равное избирательное право было дано „синими республиканцами“, которые, однако, не остановились передъ устройствомъ противъ васъ іюньской рѣзни!“ [1]). На данной платформѣ съ рабочими могутъ объединяться ихъ заклятые соціальные враги. Въ силу этого—рабочимъ нечего образовывать политическую партію. „Будьте только соціальной партіей!“, возклицаетъ Родбертусъ, не замѣчая внутренняго противорѣчія своего лозунга. „Никакого политическаго обхода, но прямо впередъ! Настойчиво требуйте лучшаго—матеріальнаго, умственнаго и моральнаго—положенія въ обществѣ, чѣмъ можетъ вамъ дать предоставленный самому себѣ оборотъ и ваши усилія, лишенная поддержки“ [3]).

Изъ другого посланія Родбертуса, найденнаго въ собственноручномъ манускриптѣ („Sendschreiben an den Arbeitercongress während der Londoner Industrieausstellung“—1862), видно, въ чемъ должна выражаться дѣятельность этой соціальной партіи. Онъ рекомендуетъ рабочимъ заняться тщательнымъ выясненіемъ условій своего труда и своихъ потребностей, съ цѣлью установленія чрезъ государственное воздѣйствіе нормальнаго рабочаго дня и заработной платы, таксировки времени и вознагражденія. Взывать надо къ „общественному мнѣнію“, къ „силѣ общества“, надо разъяснять обществу справедливость своихъ требованій. „Дѣйствуйте только рѣчами и сочиненіями“ [3]), - и скоро все устроится въ вашу пользу.

Опубликованная послѣ смерти Родбертуса его переписка съ Р. Мейеромъ позволяетъ прибавить еще нѣсколько яркихъ штриховъ къ характеристикѣ мирнаго соціалиста-помѣщика. Послѣ франко-прусской войны практическія предположенія Родбертуса облекаются въ національно-монархическую форму; это было какъ разъ время, когда, по мнѣнію Родбертуса, „германское государство, разрѣшивши на-

[1]) Rodbertus, „Gesamm. Kl. Schriften“, s. 333—4.
[2]) Ibid. s. 335.
[3] Rodbertus, III B., B. 1899, s. 225 etc.

ціональную проблему, призвано разрѣшить и соціальную“ [1]): взоры Родбертуса обращаются къ Бисмарку.

Дитцель правъ въ своей монографіи, утверждая, что теорія Родбертуса—централистична, а не монархична, вопреки опредѣленіямъ Брентано и Адлера—„авторитарный, монархическій соціализмъ“ [2]). Однако, стоя вообще за сильную государственную власть, въ указанный періодъ своей жизни Родбертусъ чрезвычайно близко подходитъ къ утопіи соціальной монархіи; и въ такой формѣ его взгляды особенно импонируютъ представителямъ оффиціальной науки и власти.

Родбертусъ въ письмѣ отъ 22 дек. 1870 г. рѣшительно отворачивается отъ всѣхъ соціалистовъ новаго времени, называя ихъ индивидуалистами и высказывается чрезвычайно опредѣленно за монархическую форму соціализма [3]).

Неодобреніе къ революціоннымъ дѣйствіямъ рабочей массы доходитъ у него даже до привѣтствія рѣшительнаго подавленія стачекъ (письмо отъ 4 авг. 1871 г.). Во избѣжаніе общественныхъ замѣшательствъ Родбертусъ считаетъ необходимымъ удержаніе классоваго строенія общества, рекомендуя разрѣшать соціальный вопросъ только „въ области распредѣленія продукта труда“ (п. 8 с. 1871 г.). Лишній разъ Родбертусъ подчеркиваетъ цѣлесообразность союза аристократіи съ рабочими, ссылаясь на примѣръ Англіи (16 окт. 1871 г.). Раскрывается передъ нами и сокровенный мотивъ совѣта рабочимъ не выступать въ области политики: „примѣсь политики къ экономическимъ цѣлямъ, которая мыслима лишь въ очень радикальной формѣ, отталкиваетъ многихъ консервативныхъ соціалистовъ“ [4]). А, между тѣмъ, „идея соціально-консервативной партіи“ кажется Родбертусу превосходной, „ein Rettungsanker“ [5]). На знамени партіи долженъ быть выставленъ лозунгъ: „monarchisch, national, social“ [6]). Находя,

[1]) Briefe und s.-p. Aufsätze, s. 84.
[2]) Dietzel, o. c., II ч., s. 85.
[3]) Briefe und s.-p. Aufsätze, s. 32, 60.
[4]) Ibid, s. 139.
[5]) Ibid., s. 170.
[6]) Ibid., s. 178. Письмо отъ 12 м. 1872 г. «Dass ich für eine deutsche social-conservative Partei bin, wissen sie ja aus früheren Aeusserungen, von mir, und ich würde mich daher mit Freude allen den Herren, die sie nennen, zu solchem Programm anschliessen. Monarchisch, national,

что одинаково обанкротились и демократическая, и консервативная партіи, Родбертусъ думаетъ, что предстоящее партійное дѣленіе будетъ покоиться на иныхъ признакахъ—„social oder Antisocial“ [1]). Относясь отрицательно къ стачкамъ рабочихъ, Родбертусъ нерасположенъ и къ профессіональнымъ союзамъ. Отказъ отъ лассалевскихъ производительныхъ ассоціацій находитъ себѣ вѣское, съ точки зрѣнія системы Родбертуса, объясненіе въ письмѣ отъ 16 авг. 1872 г. Эти ассоціаціи, „согласно человѣческой природѣ, повели бы не къ всеобщему братству, а къ возсозданію самой рѣзкой корпоративной собственности“, которая была бы гораздо хуже современной индивидуальной. „Корпоративная—или даже коллективная собственность... никогда не можетъ быть переходной стадіей къ всеобщей государственной собственности отъ индивидуальной; скорѣе напротивъ, именно послѣдняя есть переходъ отъ корпоративной къ государственной собственности“ [2]).

Къ катедеръ-соціалистамъ Родбертусъ относится съ явнымъ пренебреженіемъ: ихъ предположенія онъ называетъ „Pflästerchen und Tränkchen“. „Надѣюсь, вы не считаете меня за катедеръ-соціалиста“—писалъ Родбертусъ Мейеру 26 авг. 1872 г. Однако, движеніе въ сторону соціальной реформы онъ одобряетъ, какъ возстаніе противъ „непогрѣшимости манчестерской школы“, которая до сихъ поръ „сидитъ въ народномъ сознаніи [3]). Въ этомъ же письмѣ онъ упрекаетъ Мейера за его симпатіи къ полицейскому государству, съ которымъ его „Socialstaat“ имѣетъ мало общаго.

Какъ извѣстно, Родбертусъ не дождался соціальныхъ выступленій Бисмарка. Отчаявшись въ выполненіи германскимъ императоромъ соціальной миссіи, онъ ищетъ сближенія съ соціалъ-демократами. Этимъ, несомнѣнно, доказывается что монархическій принципъ не составляетъ неотъемлемаго признака соціализма Родбертуса, а лишь наиболѣе для

social,—diese drei Worte können allein diejenige Partei charakterisiren, die grossartige Zukunftschancen hat, und sie bieten ein so grosses und fruchtbares Terrain, dass sich frühere Gegner darauf in grösster und dauerndster Eintracht die Hände reichen können».

[1]) Ibid., s. 256.

[2]) Ibid, s. 227—8.

[3]) Ibid., s. 233.

него желательная форма. Однако, и въ сношеніяхъ съ соціалъ-демократами Родбертусъ пытался убѣдить ихъ въ возможности использованія для соціальныхъ цѣлей современнаго государства, почему и не имѣлъ успѣха.

Таковы воззрѣнія Родбертуса. Общій ихъ характеръ—несомнѣнно эволюціонный: созданіе будущаго соціалистическаго порядка Родбертусъ обусловливаетъ объективнымъ ходомъ развитія. Отмѣчая всѣ недостатки современнаго режима, онъ въ то-же время признаетъ его историческую необходимость и цѣлесообразность: воспитаніе производительныхъ силъ страны, повышеніе производительности труда. Это и есть та „выучка у капитализма“, къ которой изъ разныхъ побужденій и въ разное время призывали и будутъ призывать современное общество. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, бросается въ глаза, что эволюціонная цѣпь у Родбертуса обрывается, и притомъ въ самомъ важномъ и интересномъ для его системы мѣстѣ: въ вопросѣ о роли государства и государственнаго хозяйства. О государствѣ Родбертусъ мыслитъ не исторически: оно у него—безплотно,—это общая идея. Вмѣсто того, чтобы дать историческій анализъ возникновенія и роста государственности, въ особенности послѣ революцій 19 ст., онъ преподноситъ намъ разсужденія „о государствѣ вообще и его задачахъ“. Издѣваясь надъ „естественнымъ“ правомъ буржуазіи, Родбертусъ самъ строитъ систему „естественнаго государства“. Въ философскихъ системахъ, оторванныхъ отъ жизни, чисто логическій анализъ понятія „государство“, конечно, даетъ представленіе о немъ, какъ о силѣ внѣклассовой, внѣпартійной, всеобъединяющей; но историческій методъ долженъ былъ застраховать Родбертуса отъ подобной ошибки. Что мыслимо въ системѣ Гегеля, то непростительно въ работахъ Родбертуса. Изъ его системы совершенно невидно, почему общественный разумъ имѣетъ свое вмѣстилище въ государственной власти, а тѣмъ болѣе въ германской, исторически сложившейся, формѣ правительства. Теорія соціальной монархіи Лор. Штейна—гораздо стройнѣе, ибо прямо вытекаетъ изъ отвлеченныхъ неисторическихъ посылокъ; а у Родбертуса въ самой системѣ имѣетъ мѣсто непримиримое противорѣчіе—эволюціонное трактованіе хозяйства и неэволюціонная концепція государства. Наивныя надежды по адресу германскаго импера-

тора являются лишь логическимъ результатомъ упомянутаго коренного дефекта.

Намъ думается, что эта печальная непослѣдовательность Родбертуса можетъ быть отчасти объяснена реальными условіями той среды, въ которой онъ вращался. Нижеслѣдующее даетъ также отвѣтъ по поводу „античнаго“ характера системы Родбертуса.

Германія лишь въ серединѣ 19 ст. окончательно ликвидируетъ крѣпостное право, этотъ фундаментъ феодально-помѣстнаго режима. Пережитки натуральной экономики, такъ *быстро исчезающіе нынѣ въ этой странѣ, во время расцвѣта* научной дѣятельности Родбертуса претендовали на жизнеспособность. Ими опредѣляются аграрныя симпатіи помѣщика-соціалиста; они наложили печать и на нѣкоторыя его чисто теоретическія построенія. Такъ, напр., вся его теорія поземельной ренты покоится на сопоставленіи натуральной сельско-хозяйственной экономики съ капиталистической мануфактурой или фабрикой. Чисто-буржуазныя хозяйственныя формы мощно развиваются въ Германіи лишь со второй половины прошлаго вѣка; а вѣдь только онѣ, въ процессѣ данной исторической эволюціи, выдвинули индивидуальность, какъ таковую, вырвали человѣка изъ прежнихъ сословныхъ группъ и перегородокъ и насадили идею „человѣка вообще“. Въ этомъ великій историческій смыслъ „буржуазныхъ“ революцій. Германія эпохи Родбертуса, говоря вообще, еще не созрѣла къ воспріятію идеи личности, какъ таковой: человѣкъ мыслился непремѣнно принадлежащимъ къ той или иной группѣ. Это не есть дѣятельность личности въ рамкахъ класса, а поглощеніе личности группой, и притомъ стараго порядка. Правда, когда капитализмъ достаточно укрѣпился въ Германіи, уже была на лицо и демократическая рабочая оппозиція; но это общій удѣлъ всѣхъ отстающихъ въ своемъ развитіи странъ: здѣсь всегда будетъ пестрая смѣсь стараго и новаго, и долго не установится полной отчетливости руководящихъ идей.

„Античность“ міровоззрѣнія Родбертуса и опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ орудовалъ съ категоріями стараго режима, а не съ „хозяйственнымъ индивидомъ“ свободной капиталистической экономики. Системы, выростающія на такомъ основаніи, выстраиваются отъ группы

къ личности, а не наоборотъ; и всегда будетъ казаться, что рѣчь идетъ о благосостояніи цѣлаго, хотя-бы въ ущербъ отдѣльнымъ его членамъ... Въ концѣ концовъ, и тутъ имѣется въ виду благо „недѣлимаго“, но методъ обезпеченія этого блага принадлежитъ къ заржавленнымъ орудіямъ прошлаго. Когда Родбертусъ говоритъ о миссіи германскаго императора, такъ и кажется, что предъ его глазами рѣетъ образъ священной Римской Имперіи. Къ монарху привлекаетъ Родбертуса и аграрная сторона его души. Повидимому, не С.-Симонъ былъ „послѣднимъ дворяниномъ“ [1]), а Родбертусъ.

Вышесказанное объясняетъ, почему Родбертусъ такъ рѣзко противоставилъ „соціальный принципъ“ „индивидуалистическому“ и находилъ въ своей системѣ мало точекъ соприкосновенія съ современнымъ соціализмомъ. Связь его взглядовъ съ изложенными ранѣе воззрѣніями А. Мюллера, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шталя, исторической школы права — очевидна, и *совершенно основательно на этомъ* настаиваетъ Дитцель: основной „Gemeinschaftsprinzip“ системы Родбертуса былъ построенъ „съ чужой помощью“ [2]). Самъ Родбертусъ въ переписке съ Мейеромъ указываетъ на „Философію права“ Шталя, какъ на важный источникъ своей системы, что не мѣшаетъ ему, однако, находить послѣднюю совершенно оригинальной. Родбертуса приходится считать лишь самымъ послѣдовательнымъ выразителемъ въ экономикѣ „органической государственной идеи“ [3]). Поскольку эта идея выливалась въ консервативную форму или могла послужить консервативнымъ цѣлямъ, Родбертусъ могъ разсчитывать на откликъ его системѣ въ душѣ приверженцевъ стараго порядка [4]).

---

[1]) *Гюббаръ* (Hubbard) въ работѣ: „S. Simon, sa vie et des travaux“—Paris, 1897, называетъ С.-Симона „le dernier gentilhomme et le premier socialiste“.

[2]) Dietzel прибавляетъ: „Nicht, dass Rodbertus dies gethan, sondern dass er es geflissentlich maskirte, ist ihm zum Vorwurf zu machen“. O. c., II T., s. 191.

[3]) Ibid., s. 240.

[4]) Послѣдовательность Родбертуса въ выводахъ отмѣчается почти *всѣми послѣдователями его системы*. Напр., J. Rae („Contemporary Socialism“—L. 1901), находя Родбертуса типичнѣйшимъ выразителемъ вѣры въ „Social Monarchy of the Hohenzollerns“, прибавляетъ: It may

IV.

Элементы „государственнаго соціализма“ въ ученіи Ф. Лассаля.

Основной характеръ того „государственнаго“ соціализма, горячимъ проповѣдникомъ котораго былъ Лассаль, — несомнѣнно революціонный; этимъ характеромъ опредѣляется мѣсто въ исторіи и значеніе—научной системы и общественной дѣятельности Лассаля. Съ этой стороны фигура одного изъ величайшихъ дѣятелей въ области рабочаго движенія нашему обсужденію не подлежитъ. Вѣдь именно Лассаль способствовалъ пробужденію политическаго самосознанія въ нѣмецкомъ рабочемъ классѣ; призывая послѣдній къ политической борьбѣ, онъ дѣлалъ какъ разъ противоположное желаніямъ и требованіямъ консервативныхъ соціалистовъ. Въ этомъ смыслѣ Лассаль повторилъ въ Германіи то-же самое, что наканунѣ и во время февральской революціи во Франціи проповѣдывалъ Луи Бланъ. Сходство практическихъ предположеній этихъ двухъ дѣятелей настолько велико, что Лассалю не удалось достаточнымъ образомъ отклонить отъ себя обвиненіе въ подражаніи французскому авторитету. Конечно, теоретическія посылки Лассаля и Луи Блана сильно разнились между собою; какимъ-бы дефектами не страдала соціально-экономическая система Лассаля, это — во всякомъ случаѣ, научная система, между тѣмъ какъ Луи Бланъ исходилъ изъ разрозненныхъ апріорныхъ тезисовъ преимущественно утопическаго характера. И однако, не смотря на указанное сходство, мы не можемъ въ своей работѣ обойти молчаніемъ нѣкоторыя стороны ученія и дѣятельности Лассаля, которыя, быть можетъ, противъ его собственнаго желанія, могли и, на самомъ дѣлѣ, питали утопіи консервативнаго соціализма.

---

be that not many State socialists are so thorough-going as Rodbertus“, s. 384.

Насколько реальная жизнь отражалась на взглядахъ Родбертуса, взгляды расходятся: въ то время какъ, напр., англійскій изслѣдователь Gonner („The social philosophy of Rodbertus“, L., 1899) упрекаетъ Родбертуса за абстрактность, Jentsch (K. Jentsch, „Rodbertus“, St.—1899) близость Р. къ жизни видитъ даже во вліяніи его системы на „германско-прусское законодательство“.

Извѣстны тѣ общественныя комбинаціи, при которыхъ Лассалю пришлось начать свою агитацію за всеобщее избирательное право: конфликтъ между короной и общественнымъ мнѣніемъ, въ лицѣ прогрессистской партіи. Послѣдняя въ борьбѣ съ правительствомъ съумѣла привлечь на свою сторону симпатіи наиболѣе интеллигентныхъ элементовъ рабочаго класса,—и лицу, пропагандирующему идею самостоятельной рабочей политики, надо было дѣйствовать съ чрезвычайной осторожностью, чтобы не сыграть въ руку реакціи, не ослабить прогрессистской позиціи оттороженіемъ отъ радикальной буржуазіи рабочихъ элементовъ. Ни для кого въ настоящее время не тайна, что именно этой осторожности Лассалю недоставало: чувство политическаго такта, мѣры въ полемикѣ съ прогрессистами оставило его какъ разъ въ самый интересный моментъ общественной дѣятельности. Съ грустью приходится признать, что едва-ли не самую значительную роль—въ этомъ „поворотѣ“ тактики Лассаля, по выраженію Мерінга, [1])—сыграли чисто личныя переживанія: жестоко задѣтое прогрессистами самолюбіе Лассаля. На этой почвѣ для него оказались возможными пресловутыя сношенія съ Бисмаркомъ и вообще тѣ странные пріемы агитаціи, къ которымъ онъ прибѣгалъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни. Конечно, на измѣненіе тактики Лассаля повліяли и ложно построенныя тактическія соображенія: разочаровавшись въ быстромъ успѣхѣ среди рабочихъ основаннаго имъ союза, онъ сдѣлалъ предосудительную попытку воздѣйствовать непосредственно на представителей власти, чтобы произвести надлежащій политическій эффектъ. Чувствуя себя призваннымъ къ „великому“, Лассаль не любилъ и боялся кропотливой, незамѣтной работы въ дѣлѣ углубленія имъ проложеннаго русла рабочаго движенія. Никто лучше Маркса не съумѣлъ формулировать допущенныхъ Лассалемъ ошибокъ. Въ письмѣ (отъ 13 Октября 1868 г.) къ Швейцеру, наслѣднику Лассаля въ руководительствѣ Всеобщимъ нѣмецкимъ рабочимъ союзомъ, Марксъ указываетъ, что онъ рѣшительно разошелся во взглядахъ съ Лассалемъ, когда тотъ въ 1862 г. пріѣхалъ въ Лондонъ съ

---

[1]) См. Fr. Mehring, „Geschichte der deutschen Sozialdemocratie“, III B., II-e Aufl., Zweites Kapitel.

предложеніемъ вмѣстѣ съ нимъ стать во главѣ новаго рабочаго движенія... „Что касается Лассалевскаго союза, то онъ былъ образованъ въ періодъ реакціи. Послѣ пятнадцатилѣтняго сна Лассаль снова разбудилъ рабочее движеніе въ Германіи,—и въ этомъ его безсмертная заслуга. Но онъ совершилъ большія ошибки: онъ слишкомъ поддался вліянію непосредственныхъ условій времени. Онъ сдѣлалъ малый исходный пунктъ — свой антагонизмъ къ такому пигмею, какъ Шульце-Деличъ—центральнымъ пунктомъ своей агитаціи; государственную помощь—противъ самопомощи. Онъ этимъ возобновилъ пароль, который Buchez, шефъ французскаго католическаго соціализма, провозгласилъ въ 1843 г. противъ дѣйствительнаго рабочаго движенія во Франціи. Слишкомъ интеллигентный, чтобы не считать этого пароля ничѣмъ другимъ, какъ только трансисторическимъ pis aller, онъ могъ его оправдывать только его непосредственнымъ (мнимымъ!) practicability. Для этой цѣли онъ долженъ былъ утверждать его выполнимость въ ближайшемъ будущемъ. „Государство“ превращалось у него поэтому въ прусское государство. Такимъ образомъ, онъ принужденъ былъ дѣлать уступки прусскому государству, прусской реакціи (феодальной партіи) и даже клерикаламъ. Бюшевскую государственную помощь ассоціаціямъ онъ связалъ съ лозунгомъ чартистовъ—всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Онъ упустилъ изъ виду уроки bas empire насчетъ всеобщаго избирательнаго права“... [1])

Марксъ совершенно правильно указываетъ тѣ разнородные элементы, которые страннымъ образомъ сочетались въ системѣ Лассаля и сдѣлали его позицію малоустойчивой. Прежде чѣмъ опредѣлить общій источникъ этой неустойчивости, покажемъ, насколько Лассаль оказывался способнымъ отклоняться отъ основной—классовой идеи своего ученія. Защитительныя рѣчи по дѣлу обвиненія за „Рабочую программу“, въ особенности вторая (передъ Королевскимъ Kammergericht), даютъ достаточный матеріалъ для сужденія по этому вопросу. Не говоря уже о томъ, что Лассаль охотно прибѣгаетъ къ такимъ философскимъ авторитетамъ, какъ Фихте, Шеллингъ, Гегель, что онъ чрезвычайно тепло отзывается о Губерѣ и другихъ ученыхъ консервативнаго образа мыслей, мы находимъ въ его рѣчи „Die indirekte Steuer und die Lage der arbeitenden Klassen“ слѣдующія мѣста, какъ будто продиктованные Лоренцомъ Штейномъ. Третируя прусскую конституцію, Лассаль восклицаетъ: „Или чистый абсолютизмъ—или всеобщее избирательное право. О томъ и о другомъ можно судить различно, можно спорить; но все, что между ними, все промежуточное, во всякомъ случаѣ, невозможно, непослѣдовательно и нелогично. Абсолютный монархъ, въ силу своего положенія чуждый всѣхъ классовыхъ противорѣчій, поставленный высоко надъ обществомъ и его интересами [1]), по крайней мѣрѣ, могъ, по мѣрѣ силъ своихъ, посвящать себя общему благу, благу безконечнаго большинства народа. Дѣлалъ-ли онъ это и насколько дѣлалъ,—это зависѣло отъ случая, отъ его личнаго ума, таланта и направленія всего его характера. По крайней мѣрѣ, онъ могъ это дѣлать, и положеніе его напоминало ему, что онъ обязанъ это дѣлать. Таковъ и былъ, дѣйствительно, девизъ стараго абсолютизма, въ пору его наивысшаго расцвѣта: ничего черезъ народъ, все для народа“ [2]). Насколько плохо гармонируетъ это разсужденіе съ исторической перспективой, выдвинутой Лассалемъ въ рѣчи „объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія“, очевидно само-собою: попытавшись разсмотрѣть эволюцію государственной жизни съ классовой точки зрѣнія, Лассаль страннымъ образомъ ставитъ абсолютнаго монарха надъ классами, внѣ общества. Воздерживаясь пока отъ критики „историко-философской системы“, заключающейся въ „Программѣ работниковъ“, отмѣтимъ только, что государство у Лассаля, очевидно, носитъ характеръ не исторической, а логической, вѣчной категоріи. Что это дѣйствительно имѣетъ мѣсто, ясно изъ слѣдующаго обращенія Лассаля къ судьямъ: „я приписываю

[1]) „Aus dem lit. Nachlass von K. Marx, Fr. Engels und F. Lassalle“, hgb. v. Fr. Mehring, IV B., Briefe v. F. Lassalle an K. Marx und F. Engels. Stutt. 1902, s. 362.

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Ferd. Lassalle's Reden und Schriften. Hgb. von Ed. Bernstein. B. 1893. II Band, s. 378—9.

государству высокую, великую задачу---развить зародыши человѣчности, что оно дѣлало отъ начала исторіи и будетъ дѣлать во вѣки вѣковъ; я требую, чтобы оно, какъ органъ, представляющій интересы всѣхъ, создало подъ своей охраной человѣческое положеніе для всѣхъ. Это ученіе, господа, является не теоріей разрушенія и варварства, а въ высшей степени государственнымъ ученіемъ. Господа! Вы, вѣдь, не принадлежите къ манчестерцамъ, къ этимъ современнымъ варварамъ, которые ненавидятъ государство, не ту или иную форму государства, а государство вообще! которые, какъ сами они иногда сознаются, охотно уничтожили-бы всякое государство, продали-бы съ молотка правосудіе и полицію и вели-бы войну съ помощью акціонерныхъ обществъ, чтобы во всемъ мірѣ не осталось ни одного нравственнаго пункта, откуда можно было-бы оказывать сопротивленіе ихъ эксплоататорской алчности, вооруженной капиталомъ“ [1]).

Отсюда слѣдуетъ, что прогрессисты, исповѣдующіе манчестерскую доктрину, менѣе близки къ истиннымъ интересамъ народа, чѣмъ правительство; съ послѣднимъ, очевидно, скорѣе могутъ столковаться представители рабочаго класса, чѣмъ съ радикальной буржуазіей. Въ такомъ случаѣ совершенно понятна и аппеляція Лассаля къ старинной поговоркѣ: „il y a des juges à Berlin“, этому завѣту эпохи просвѣщеннаго абсолютизма Фридриха. Вполнѣ примирима съ этими взглядами и знаменитая посылка Лассалемъ изъ Золингена, во время смотра рабочимъ, телеграммы Бисмарку, въ которой онъ проситъ у премьеръ-министра о „самомъ скоромъ, самомъ быстромъ, законномъ удовлетвореніи“; и это въ то время, когда правительство самымъ откровеннымъ образомъ попирало законы. Лассаль весьма недвусмысленно перемѣнилъ тактику—въ сторону сближенія съ правительствомъ и консервативными элементами. О его свиданіяхъ съ Бисмаркомъ и разговорахъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ мы упомянемъ во второй части работы; отмѣтимъ только, что, по имѣющимся даннымъ, сношенія революціонера съ министромъ-президентомъ *были не менѣе желательны* для перваго, чѣмъ для второго. Конечно, теперь никому и въ голову не можетъ придти заподозривать Лассаля въ союзѣ

[1]) Lassalle, ibid., s. 388.

съ Бисмаркомъ; однако, слухи подобнаго рода, циркулировавшіе среди наиболѣе интеллигентныхъ рабочихъ того времени, имѣютъ своимъ источникомъ болѣе понятныя и извинительныя соображенія, чѣмъ простую клевету, пущенную изъ прогрессистскаго лагеря [1]).

Та рѣчь, которую произносилъ Лассаль на собраніяхъ въ Барменѣ, Золингенѣ и Дюссельдорфѣ, *озаглавленная*: „Празднества, пресса и франкфуртскій съѣздъ депутатовъ. Три показателя общественнаго настроенія“, была, по заявленію самого Лассаля другу его Леви, написана „только для двухъ-трехъ господъ въ Берлинѣ“. Странно лишь то обстоятельство, что Лассаль счелъ возможнымъ публично выступать со словомъ, имѣющимъ спеціальное предназначеніе. Рѣчь составлена крайне неудачно: представить борьбу палаты депутатовъ съ короной, какъ лишенную для рабочихъ принципіальнаго

[1]) Что составляло главный предметъ собесѣдованій Лассаля и Бисмарка и какъ былъ Лассаль настойчивъ въ своей аттакѣ, объ этомъ даютъ представленіе письма его, приводимыя Бебелемъ въ автобіографіи. Въ письмѣ отъ 13 янв. 1864 г. говорится: „Ваше Превосходительство! прежде всего, я сожалѣю, что вчера забылъ еще разъ настойчиво указать Вамъ, что право быть выбраннымъ должно быть безусловно распространено на всѣхъ нѣмцевъ.... Я... ожидаю, что Ваше Превосходительство назначитъ мнѣ опредѣленный вечеръ. Но убѣдительно прошу выбрать вечеръ такъ, чтобы намъ не мѣшали. Мнѣ нужно много говорить съ Вашимъ Превосходительствомъ, относительно техники выборовъ и о многомъ другомъ, и исчерпывающая бесѣда безъ перерывовъ, при напряженности настоящей ситуаціи, является безусловно необходимой“: И въ особенности письмо Лассаля, посланное тремя днями позже. „Ваше Превосходительство! Я не хотѣлъ-бы настаивать, но къ этому сильно толкаютъ внѣшнія событія, и потому я прошу извинить мою настойчивость. Я писалъ Вамъ, кажется, въ среду, что я нашелъ требуемый волшебный рецептъ—волшебный рецептъ радикальнаго дѣйствія. Нашъ ближайшій разговоръ, какъ я надѣюсь, поведетъ, наконецъ, къ окончательнымъ рѣшеніямъ, и такъ какъ я убѣжденъ, что эти окончательныя рѣшенія невозможно дольше откладывать, то я позволю себѣ завтра (воскресенье) вечеромъ въ 8½ ч. быть у Васъ для переговоровъ. Если Ваше Превосходительство въ это время будете заняты, то я прошу назначить мнѣ, по возможности скорѣе, другое время“.

Бебель прибавляетъ, что, по имѣющимся свѣдѣніямъ, Бисмаркъ прервалъ сношенія съ Лассалемъ именно изъ-за его настойчивости и что данное письмо „говоритъ въ пользу такого взгляда“.

См. Авг. Бебель, „Мемуары“, пер. съ рук. Н. Рязанова, М. 1910 г., с. 60—61.

значенія, Лассалю не удалось, ибо это, поистинѣ, противорѣчило всѣмъ условіямъ исторической минуты. Насколько умѣстны упреки въ недостаточности мужества, бросаемые Лассалемъ въ лицо прогрессистамъ,—вопросъ другой; но и эти упреки облекаются въ явно предосудительную, съ политической точки зрѣнія, форму: „Прогрессисты любезничаютъ съ государями, чтобы... напугать г. ф.-Бисмарка! Они надѣются застращать его своимъ кокетничаньемъ съ нѣмецкими государями! Таковы—средства этихъ несчастнѣйшихъ людей! И если-бы мы даже обмѣнивались ружейными выстрѣлами съ г. Бисмаркомъ, справедливость требовала-бы заявить, во время самихъ залповъ, что онъ—мужъ, а тѣ—старыя бабы. Вѣдь еще никогда старыя бабы не застращивали мужа, какъ бы онѣ не кокетничали на разныя стороны“ [1]).

Во время защиты по дѣлу о брошюрѣ: „Къ берлинскимъ рабочимъ“, защиты, состоявшейся 12 марта 1864 г., Лассаль, безъ всякаго стѣсненія, дѣлаетъ сочувственные намеки въ сторону Бисмарка. „Прокуроръ обвиняетъ меня въ намѣреніи возстановить всеобщее и прямое избирательное право и этимъ ниспровергнуть конституцію. Хотя не болѣе, какъ частный человѣкъ, я говорю вамъ прямо, господа: я не только хочу ниспровергнуть конституцію, но, вѣроятно, пройдетъ не болѣе года, какъ я ее низвергну! Но какъ? Такъ, что при этомъ не прольется ни одной капли крови, ни одинъ кулакъ не сожмется на насиліе! Не пройдетъ, можетъ быть, и года, какъ всеобщее и прямое избирательное право будетъ самымъ мирнымъ образомъ намъ даровано.... Я заявляю вамъ во всеуслышаніе въ этомъ торжественномъ мѣстѣ, что года, можетъ быть, не пройдетъ,—и г. ф.-Бисмаркъ сыграетъ роль Р. Пиля, всеобщее и прямое избирательное право будетъ октроировано“ [2]). И далѣе, имѣютъ мѣсто еще болѣе откровенныя изліянія въ духѣ консервативнаго государственнаго соціализма. Обзывая прогрессистовъ „кликой“, борьба которой съ правительствомъ не имѣетъ принципіальнаго значенія, Лассаль говоритъ: „....королевская власть, конечно, не можетъ уступить кликѣ, но вполнѣ можетъ призвать на

[1]) Lassalle, II Band, ibid., s. 657.
[2]) F. Lassalle, II B., s. 814–815.

арену народъ и опереться на него. Ей стоитъ только вспомнить, что это за столпъ, на которомъ она высится. Вѣдь народъ, а не буржуазія, платитъ ея налоги; народъ, а не буржуазія, сражается за нее въ войнахъ. Наконецъ, ей стоитъ только вспомнить свое первоначальное происхожденіе, такъ какъ всякая монархія вначалѣ была народною. Правда, Луи-Филипповская монархія — креатура буржуазіи, не могла бы этого сдѣлать. Но королевская власть, состоящая изъ иного первоначальнаго тѣста, опирающаяся еще на рукоятку меча, вполнѣ могла-бы это сдѣлать, если бы рѣшилась преслѣдовать истинно великія, національныя и народныя цѣли“ [1]).

Если сличить эти строки со знакомыми намъ разсужденіями Л. Штейна на тему о соціальной монархіи, то различіе между ними, во всякомъ случаѣ, не будетъ бросаться въ глаза.

Самымъ печальнымъ документомъ „измѣненной тактики“ Лассаля является его послѣдняя рѣчь въ Ронсдорфѣ (22 мая 1864 г.), названная: „Агитація всеобщаго нѣмецкаго рабочаго союза и обѣщаніе прусскаго короля“. Какъ совершенно вѣрно указываютъ и Бернштейнъ и Мерингъ — она рѣзко не согласуется съ „Рабочей программой“. Лассаль, ради достиженія имъ намѣченныхъ цѣлей, совершенно ложно строитъ всю свою рѣчь, говоря скорѣе о вліяніи своей пропаганды на элементы, чуждые рабочимъ, чѣмъ о самомъ рабочемъ движеніи. Съ большимъ энтузіазмомъ разсказываетъ Лассаль о депутаціи силезскихъ ткачей къ королю, депутаціи, предпочевшей обратиться за совѣтами не къ Шульце-Деличу, а Лассалю. Онъ подчеркиваетъ слова ткачей: „если государство не вступится за насъ, то въ рукахъ фабрикантовъ мы пропадемъ“, какъ будто не замѣчая, что при данныхъ комбинаціяхъ совсѣмъ стирается грань между „государствомъ вообще“ и прусскимъ правительствомъ. Цитируя отвѣтъ монарха, Лассаль въ самомъ дѣлѣ изображаетъ его воплощеніемъ законности, достойнымъ исполнителемъ соціальной миссіи королевской власти. „Признаніе королемъ, что необходимо регулировать рабочій вопросъ законодательнымъ путемъ, есть признаніе главнаго прин-

[1]) Ibid., s. 818–819.

ципа, ради котораго мы начали свою агитацію"... „Обѣщаніе короля — наше дѣло. Посмотримъ, нарушитъ-ли монархія это обѣщаніе, измѣнитъ-ли она своему слову, данному рабочимъ классамъ. Вы понимаете, что сомнѣваться въ этомъ исполненіи — было-бы оскорбленіемъ Величества!..." [1]). Изъ этого обѣщанія Лассаль выводитъ и другое—октроировать всеобщее избирательное право. Въ результатѣ получается впечатлѣніе, будто въ Пруссіи водворяется эра „соціальной монархіи". Правда, все это представлено, какъ результатъ агитаціи Всеобщаго Нѣм. Рабочаго Союза, но—отъ „системы" Лассаля, повидимому, не остается камня на камнѣ. Лассалю, однако, показалось мало привлеченія авторитета королевской власти: онъ обратилъ свои взоры и къ церкви Ссылками на работу майнцскаго архіепископа ф. Кеттелера, „почитаемаго на Рейнѣ чуть не святымъ", Лассаль полагаетъ укрѣпить позицію Союза. Такимъ образомъ, его государственный соціализмъ пріобрѣтаетъ налетъ не только правительственнаго, но и „христіанскаго", т. е. церковнаго. Приводить большее количество иллюстрацій къ „отклоненіямъ" Лассаля намъ представляется излишнимъ, тѣмъ болѣе, что для этого пришлось-бы измѣнить историко-догматическій характеръ нашего изложенія, обратясь къ анализу общественной дѣятельности великаго агитатора. О самомъ существенномъ мы упомянули. Теперь попытаемся указать, что возможность отклоненій такого рода была заложена уже въ основныхъ элементахъ соціально-философской системы Лассаля.

Система эта изложена съ наибольшею рельефностью въ „Arbeiterprogramm", произведеніи, которое Лассаль считалъ „научнымъ подвигомъ", „развитіемъ новыхъ научныхъ идей", „философіей исторіи, начиная со среднихъ вѣковъ и до настоящаго времени" [2]). Содержаніе упомянутаго труда слишкомъ извѣстно, чтобы подробно на немъ останавливаться. Написанная подъ несомнѣннымъ вліяніемъ „Коммунистическаго Манифеста", но безъ ссылокъ на него, „Программа работниковъ" пытается представить исторію, какъ смѣну господства различныхъ классовъ. Хотя и не съ достаточною отчет-

[1]) Lassalle, ibid, s. 866—7.
[2]) Lassalle, „Die Wissenschaft und die Arbeiter", II B., s. 73.

ливостью, однако довольно выпукло представлено экономическое основаніе классовой структуры общества. Однако, „историческаго матеріализма" въ духѣ „Комм. Манифеста" мы въ „Программѣ" не находимъ. Блестяще анализируя государственныя идеи, принципы, присущіе различнымъ „сословіямъ", облегчая этимъ пониманіе различныхъ формъ государственной жизни, Лассаль — въ то же время — утверждаетъ идею государства, какъ такового. Монархическую власть (выроставшую въ территоріальныхъ государствахъ) Лассаль разсматриваетъ, какъ „представительницу государственной идеи, независимо отъ частныхъ имущественныхъ отношеній" [1]), не замѣчая, что такимъ образомъ вводитъ совершенно другой принципъ въ свою систему. Моральную идею рабочаго класса (кстати сказать, тоже не совсѣмъ опредѣленно очерченнаго) Лассаль выводитъ изъ условій его матеріальнаго существованія; но вмѣсто того, чтобы „государственную идею рабочихъ" представить, какъ исторически обусловленную, онъ сейчасъ же превращаетъ ее въ „вѣчную" категорію. „Государство есть... единство личностей въ одномъ нравственномъ цѣломъ, единство, умножающее въ милліоны разъ силы всѣхъ отдѣльныхъ личностей, входящихъ въ это единеніе, безконечно увеличивающее индивидуальныя силы каждой изъ нихъ". Въ противоположность либеральной идеѣ государства, какъ „ночного сторожа", Лассаль опредѣляетъ цѣлью государства — служеніе высшимъ моральнымъ требованіямъ человѣчества, причемъ дѣлаетъ чрезвычайно характерное поясненіе: „вотъ настоящая нравственная природа государства,... его истинная и высшая задача. Она настолько свойственна государству, что послѣднее во всѣ времена, самою силою вещей, даже безсознательно, противъ воли его руководителей, болѣе или менѣе служило этой цѣли" [2]). При чемъ, въ такомъ случаѣ, „особенная связь современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія", на которой настаиваетъ Лассаль?

Въ полномъ согласіи съ такимъ трактованіемъ государства, Лассаль можетъ дѣлать ссылки на Бёка, подвергавшаго либеральную идею государства критикѣ въ своей уни-

[1]) Lassalle, II B., s. 14.
[2]) Ibid., s. 47.

верситетской рѣчи (22 мар. 1862 г.) съ точки зрѣнія „классическаго образованія, ставшаго разъ навсегда неизмѣнной основой нѣмецкаго духа“ (слова Лассаля) [1]. Связь идеи рабочаго класса съ эпохой теряетъ, при такихъ условіяхъ, характеръ исторической необходимости, на которомъ желательно было бы настоять Лассалю. „Всѣ государства, по самой природѣ вещей и въ силу обстоятельствъ и часто вопреки своей волѣ служили этой нравственной цѣли; при господствѣ идеи рабочаго сословія государство стало бы служить ей съ совершенной ясностью и полнѣйшимъ сознаніемъ“ [2]. Стало быть, вопросъ перемѣщается скорѣе въ плоскость цѣлесообразнаго, чѣмъ принципіальнаго. Въ этомъ отношеніи Лассаль—гораздо ближе къ Фихте и вообще всей идеалистической нѣмецкой философіи, чѣмъ къ своимъ прежнимъ единомышленникамъ — Марксу и Энгельсу. Недаромъ онъ называетъ Фихте — однимъ изъ самыхъ величайшихъ мыслителей всѣхъ временъ и народовъ“ [3]. Черезъ Фихте Лассаль дѣлается близокъ всѣмъ тѣмъ нѣмецкимъ экономистамъ, которые находились подъ вліяніемъ великаго философа. Очевидно, что и независимо отъ перемѣны тактики Лассаль кое-въ-чемъ могъ быть солидарнымъ съ консерваторами. Идеалистическіе элементы ученія Лассаля роковымъ образомъ повліяли на его „философію исторіи“ и общественную дѣятельность. Эд. Бернштейнъ очень мѣтко опредѣлилъ недостатки главнѣйшей экономической работы Лассаля: „Вопреки всяческому оттѣненію историческихъ измѣненій въ государствѣ и обществѣ—само государство выступаетъ, по своему понятію и существу, какъ нѣчто данное на всѣ времена, какъ имѣющее съ самаго начала опредѣленную, лежащую въ основѣ его

[1]) Ibid., s. 45, прим. Все это разсужденіе чрезвычайно напоминаетъ взгляды сенъ-симонистовъ на законъ эволюціи, открытой ихъ учителемъ. Законъ этотъ, выражающійся въ тяготѣніи человѣчества къ „всеобщей ассоціаціи“, — по ихъ мнѣнію, „такъ абсолютенъ, столь интименъ человѣчеству, что, всякій разъ какъ народъ, поставленный во главѣ человѣчества, останавливается въ своемъ развитіи, сѣмена прогресса, не дающія ростковъ въ его средѣ, переносятся въ другое мѣсто, на почву, гдѣ могутъ развиваться...“ См. „Doctrine de Saint-Simon“, Exposition, I t. Paris, MDCCCXXXI, p. 112.

[2]) Lassalle, ibid., s. 47.

[3]) Lassalle, ibid., s. 41.

идеи цѣль, которая временами забывается, недостаточно полно признается, но — затѣмъ, должна получить всеобщее признаніе. Понятіе государства есть такъ-сказать вѣчное“. „Эта государственная идея Лассаля образуетъ мостъ, который могъ въ одинъ прекрасный день соединить республиканца Лассаля съ защитниками абсолютной монархіи, и революціонера Лассаля съ воплощенными реакціонерами. Философскій абсолютизмъ всегда имѣлъ нѣчто, сближающее его съ политическимъ абсолютизмомъ. Такимъ образомъ, этотъ докладъ, вопреки своимъ прочимъ прекраснымъ свойствамъ, содержитъ въ зародышѣ всѣ ошибки, которыя выступили позднѣе въ Лассалевскомъ движеніи“ [1].

Отсюда и тѣ фальшивыя ноты, которыя, несомнѣнно, заключаются въ его „Гласномъ отвѣтѣ“. Быть можетъ, тактически и было цѣлесообразно сосредоточить все вниманіе рабочихъ на лозунгѣ „всеобщее избирательное право“; но, съ научной точки зрѣнія, не только было неудобно связывать его съ идеей устройства производительныхъ ассоціацій, но и вообще нужно было подвергнуть болѣе глубокому анализу политическій моментъ въ рабочемъ движеніи. Ибо, какъ поступить рабочимъ въ томъ случаѣ, если нынѣ стоящее у власти правительство выразитъ желаніе идти навстрѣчу требованіямъ трудящейся демократіи? Вѣдь это попытался сдѣлать Бисмаркъ; и тѣ затрудненія, которыя испытывалъ Всеобщій Нѣм. Рабочій Союзъ въ смыслѣ опредѣленія своей тактики, равно какъ и двусмысленная дѣятельность Швейцера—вполнѣ понятны, такъ какъ система Лассаля—сбивчива. А затѣмъ, удивительно, что авторъ „Сущности конституціи“ и „Сила и право“—представлялъ рабочимъ дѣло такъ, какъ будто достаточно для достиженія соціальной цѣли добиться всеобщаго избирательнаго права: развѣ тотъ же Бисмаркъ не могъ бы вступить въ такой же конфликтъ съ новой палатой депутатовъ, какой разыгрывался передъ взорами рабочихъ на почвѣ современной прусской конституціи? „Коммун. Манифестъ“ выражался гораздо послѣдовательнѣе, рекомендуя рабочему классу захватъ государственной власти.

[1]) F. Lassalle, Reden und Schriften“, 1 Band, ст. Бернштейна: „F. Lassalle und seine Bedeutung in der Geschichte der Socialdemocratie“, s. 102—103.

Было бы несправедливо предполагать, что у Лассаля совсѣмъ не возникали сомнѣнія, о которыхъ мы говоримъ; однако, передъ обширной авдиторіей ихъ онъ не разрѣшилъ.

Отмѣтимъ еще одну сторону ученія Лассаля: говоря съ рабочими о рабочемъ классѣ, онъ не даетъ, вопреки обѣщаніямъ, яснаго и точнаго опредѣленія этого класса. Лассаль даже допускаетъ употребленіе такихъ расплывчатыхъ терминовъ, какъ „богатые“ и „бѣдные“: „государство — это великая ассоціація бѣднѣйшихъ классовъ“ [1]). Отъ соціальной философіи, покоящейся на идеѣ классоваго строенія общества, и отъ руководителя рабочимъ движеніемъ, требовалась бы большая опредѣленность.

Резюмируемъ сказанное. Соціально-философская система Лассаля сочетаетъ въ себѣ элементы какъ историческаго, такъ и неэволюціоннаго идеалистическаго характера: наряду съ анализомъ „Machtverhältnisse“, *въ системѣ играютъ* большую самостоятельную роль и „принципы“, „идеи“, лишенныя исторической обусловленности. Конкретное выраженіе этихъ „идей“ плохо укладывается въ „классовыя“ формулы, которыя получаетъ система Лассаля по наслѣдству отъ своихъ предшественниковъ. Идеалистическіе элементы философіи Лассаля, воспринятые имъ, главнымъ образомъ, отъ Фихте и Гегеля, являются общими, какъ для него, такъ и для другихъ „основоположниковъ“ государственнаго соціализма. И въ этомъ смыслѣ мы можемъ отвести извѣстное мѣсто, *выясняя генеалогію доктрины государственнаго соціализма*, и ученію Лассаля. Правда, поскольку такое вліяніе замѣтно, оно опредѣляется не оригинальностью воззрѣній Лассаля (ибо въ этомъ случаѣ, какъ и въ своихъ экономическихъ выкладкахъ, онъ имѣлъ передъ глазами готовые образцы), а блестящимъ изложеніемъ соотвѣтствующихъ идей и большимъ практическимъ значеніемъ агитаціи среди рабочихъ.

---

[1]) Lassalle, II B., s. 438, въ „Offenes Antwort Schreiben an das Central-Comité“.

Глава III-я. – 223

Развитіе соціально-политическихъ тенденцій во второй половинѣ XIX ст. Выступленіе „катедеръ-соціализма“.

I.

Усвоеніе нѣмецкой экономической наукой «этическаго принципа».

Начало второй половины 19-го ст. застаетъ нѣмецкую экономическую науку, по выраженію проф. Карла Дитцеля, „въ состояніи полнаго броженія и безконечной неясности“ [1]). „1848 годъ“, говоритъ Дитцель, „составляетъ вообще поворотный пунктъ въ судьбахъ нѣмецкаго народа. Съ этого времени начинается возрожденіе Германіи... Великая народнохозяйственная эпоха открывается для нея собственно только съ 1848 г.“. „Послѣ того какъ прошло время оцѣпененія общественной жизни, созданное побѣдой реакціи, всюду обнаруживается измѣнившійся взглядъ на государственныя отношенія и соотвѣтственно этому измѣнившіяся стремленія въ дѣйствительной жизни. Чисто политическіе вопросы сравнительно отступили на задній планъ, соціальные и народнохозяйственные, наоборотъ, выдвинулись на передній“. „Вопросы матеріальнаго благополучія были жгуче поставлены и требовали своего разрѣшенія“ [2]). Книга Дитцеля появилась въ то время, когда общественная атмосфера въ Германіи была насыщена пропагандой Лассаля и конституціоннымъ конфликтомъ въ Пруссіи. Къ этому именно времени—60-е годы—и относится въ высшей степени интенсивная работа нѣмецкой экономической мысли, *задержанная на десятилѣтіе реакціей*; въ эту знамена-

[1]) Carl Dietzel. „Die Volkswirthschaft und ihr Verhältniss zu Gesellschaft und Staat“. Frank. a. M. 1864. s. VI.

[2]) Ibid. s. 22, 24.

тельную для нѣмецкихъ странъ эпоху развиваются и углубляются тѣ разнообразныя теченія въ области экономики, зарожденіе которыхъ мы констатировали раньше. Лишь послѣ реакціоннаго сна могло казаться, что экономисты, выбросившіе въ началѣ 70-хъ годовъ флагъ соціальной реформы, сказали новое слово. Въ высокой мѣрѣ интереснымъ представляется вопросъ, насколько имъ удалось объединить разнокачественные элементы реакціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ противъ либерализма, какъ они сочетали старое и новое.

Трудность такого сочетанія видна уже a priori: нужно имѣть совершенно своеобразный способъ мышленія и общественный идеалъ, чтобы представить себѣ мирное сожитіе патріархальной экономики съ капитализмомъ, „добраго ремесленника“ съ крупнымъ банкиромъ и пр. Мало того, если подобныя сочетанія могли претендовать на извѣстную жизненность въ эпоху слабаго развитія денежнаго хозяйства, то теперь обстоятельства рѣзко измѣнились, какъ совершенно вѣрно указываетъ и Дитцель. Правда, реакція восторжествовала, революція была побѣждена въ открытомъ бою; однако—господство феодальнаго дворянства было сломлено, почва для дальнѣйшей общественно-экономической эволюціи нѣмецкихъ странъ была расчищена,—и ничто уже не могло уничтожить результатовъ народнаго подъема. Въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ наиболѣе замѣтные пережитки патріархальной экономики стираются — и Германія становится все болѣе и болѣе похожей на своихъ западныхъ сосѣдей. Закономъ 2 марта 1850 г. Пруссія окончательно ликвидируетъ крѣпостную зависимость („Gesetz betreff. die Ablösung der Reallasten und die Regulierung der gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisse“). На почвѣ ремесленнаго движенія, руководить которымъ пытался извѣстный уже намъ Винкельблехъ, промышленный прусскій уставъ 1845 г. подвергся въ 1849 г. нѣкоторымъ измѣненіямъ въ духѣ „Zunftreaktion“; однако, жизнь брала свое—и черезъ 12 лѣтъ пришлось эти ограниченія промышленной свободы признавать неудобными, смягчать, отбрасывать, чтобы въ 1869 г. перейти къ совершенно либеральному „Gewerbeordnung“ (Сѣвер.-Герм. союза). Кромѣ того, оказалось необходимымъ бо́льшее вниманіе удѣлять крупной индустріи, фабричному производству (напр. закономъ 1853 г. отмѣнить старое распоряженіе 1839 г. о недопущеніи на фабрики дѣтей ниже 9 лѣт. возр.; возрастъ былъ поднятъ до 12). Пришлось понемногу привыкать къ стачкамъ и забастовкамъ рабочихъ, которыя раньше отождествлялись съ возстаніемъ и каждый разъ вызывали экстраординарныя мѣры. Въ концѣ 60-хъ годовъ происходятъ уже длительныя забастовки тысячъ рабочихъ въ каменноугольныхъ областяхъ. Насколько быстро шло „капитализированіе“ нѣмецкаго хозяйства, можно судить по слѣдующимъ немногимъ, но характернымъ даннымъ.

Въ теченіе 25 лѣтъ, съ 1826 по 1850 г. въ Германіи было основано всего 102 акціонерныхъ общества съ капиталомъ въ 637,99 милл. м., а съ 1851 по 1870—295 съ капиталомъ въ 2.404,76 м. м. Въ одной Пруссіи на основаніе новыхъ банковъ съ 1853 по 1857 г. было затрачено болѣе 600 м. м. Въ промежутокъ съ 1850—1860 г. получили свое основаніе одиннадцать крупнѣйшихъ частныхъ кредитныхъ учрежденій въ Германіи. О развитіи кредитнаго хозяйства можно судить по общей стоимости учтенныхъ въ Прусскомъ Банкѣ (осн. въ 1846 г.) векселей: 1849 г.—64.6 милл. талеровъ, 1852 г.—103,5; 1855—238,1; 1857—429,6; 1860 г.—356,1; 1870—789,7 м. тал. Длина желѣзнодорожной сѣти въ 1840 г. равнялась всего 469 km., въ 1855 г. уже—7.820 km., въ 1865 г.—13.900 и въ 1870—18.450 km. Общій капиталъ въ Пруссіи, затраченный на желѣзнодорожное строительство въ 1850 г., составлялъ 148.458.705 талер., а въ 1860 г.—381.505.934, т. е. увеличился за десятилѣтіе болѣе, чѣмъ вдвое. Слѣдующія цифры показываютъ ростъ горной индустріи, въ особенности важной для современнаго хозяйства.

	Было добыто.	
	милл. тоннъ камен. угля.	тоннъ желѣзной руды.
1850 г.	5,8	838.426
1860 г.	12,35	1.400.800
1870 г.	26,40	3.839.222

Потребленіе сырого желѣза съ 10,9 kg въ 1848/50 г., увеличилось до 18,6 kg въ 1860 г. и 38,8 kg—въ 1870 г.

Капитализмъ проникъ и въ аграрную сферу, т. е. туда, гдѣ помѣщались устои „стараго порядка“. Съ сороковыхъ по середину семидесятыхъ годовъ идетъ почти безпрерывное

повышеніе цѣнъ на сельскохозяйств. продукты, что находится въ прямой связи съ развитіемъ индустріи и городской жизни. Conrad сообщаетъ слѣдующія цифровыя данныя:

	За 1000 kg. марокъ.		
	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.
1841—50 . .	167,8	123,0	100,6
1851—60 . .	211,4	165,4	144,0
1861—70 . .	204,6	154,6	140,2
1871—75 . .	235,2	179,2	163,2

Лучшихъ условій для внѣдрѣнія денежнаго хозяйства и въ этой области трудно ожидать. Но отсюда совершенно естественно возникаетъ усиленная земельная мобилизація,—показатель процесса отбора болѣе приспособленныхъ сельскихъ хозяевъ. Растутъ арендныя цѣны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и задолженность. Послѣдняя имѣетъ причиной стремленіе вложить капиталы въ прибыльное дѣло, но въ то-же время можетъ быть роковой петлей для неумѣлыхъ хозяевъ. Ипотечные долги въ послѣднемъ случаѣ и являются той метлой, которая удаляетъ нежизнеспособные элементы съ экономической арены. О ростѣ задолженности въ старыхъ прусскихъ провинціяхъ можно составить себѣ представленіе по слѣд. цифрамъ:

1805	53.891.638	талер.
1825	83.141.365	„
1845	108.415.763	„
1867	186.601.893	„

Съ 1865 г. по 1875 г. задолженность возрасла на 123 м. тал.; во многихъ округахъ Пруссіи за двадцать лѣтъ произошло удвоеніе ипотечной задолженности. На эту-то земельную мобилизацію и жаловался Родбертусъ, планируя новую организацію земельнаго кредита. Онъ исчислилъ количество дворянскихъ имѣній въ 7 провинціяхъ (Kur-Neumark, Ostpreussen, Pommern, Posen, Schlesien, Sachsen, Westfalen) въ 11.771 (Rittergüter), и вотъ въ промежутокъ съ 1835 по 1864 г. произошло такое количество перемѣщеній:

Наслѣдованіе.	7.903
Добровольная продажа	14.404
Аукціонная	1.347

Легко видѣть, что при такихъ условіяхъ названные нами „нежизнеспособные“ элементы должны были очень сильно реагировать на внѣдрѣніе денежной экономики; а сельскохоз. кризисъ конца 70-хъ год. долженъ былъ слить въ общемъ хорѣ всѣ земледѣльческіе круги [1]).

Приведеннаго достаточно для обрисовки тѣхъ измѣнившихся условій, при которыхъ нѣмецкая экономическая наука должна была реформироваться—въ сторону образованія „соціальной дисциплины“. Необходимо къ этому добавить слѣдующее. Если въ дореволюціонной Германіи, съ ея полупатріархальной экономикой, смитіанство вообще проявлялось слабо, либеральная политическая экономія казалась чисто школьной дисциплиной, оторванной отъ жизни, и въ лицѣ наиболѣе выдающихся своихъ представителей носила еще слѣды меркантилизма (Pay), то послѣ хозяйственнаго переворота создались условія для укрѣпленія экономическаго либерализма. Такъ, дѣйствительно, и случилось. Въ своей „Исторіи національной экономіи въ Германіи“, Рошеръ говоритъ, что только въ это время (съ конца 50-хъ годовъ) „мы впервые встрѣчаемся съ настоящей школой талантливыхъ, энергичныхъ людей, которые написали на своемъ знамени уничтоженіе всѣхъ ограниченій самаго свободнаго индивидуальнаго общенія въ рамкахъ всеобщихъ правовыхъ нормъ“ [2]). Въ главѣ этого теченія, какъ-бы символизирующаго промышленные успѣхи Германіи, стояли крупныя фигуры, Принсъ - Смитъ, Михаэлисъ, Фаухеръ, Бёмертъ, Рентцшъ, знаменитый Шульце-Деличъ. Съ 1858 г. ежегодно собирается „Congress der Volkswirthe“, а съ 1863 г. „фритрэдэрская партія“ имѣетъ свой органъ — берлинскій

---

[1]) Вышеприведенныя цифровыя данныя позаимствованы изъ соотвѣтствующихъ мѣстъ трудовъ W. Sombart'a — „Der moderne Kapitalismus“—zwei Bände, Leipz., 1902; „Die deutsche Volkswirthschaft in neunzehnten Jahrhundert“, B. 1903, въ серіи Paul Schleuther — „Das neunzehnte Jahrhundert in Deutschlands Entwicklung“, B. VII.; K. Lamprecht'a—„Deutsche Geschichte“ — „Zur jüngsten deutschen Vergangenheit“, II. B., Erste Hälfte, Freib. im Breisgau, 1903; статей по аграрному вопросу (Conrad'a и др.) во II-мъ изд. „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“.

[2]) W. Roscher, „Geschichte“, l. c., s. 1015.

„Vierteljahrsschrift für Volkswirthschaft und Kulturgeschichte". Вспышка, несомнѣнно, запоздалая, такъ какъ трудно было проповѣдывать чисто манчестерскіе лозунги во второй половинѣ 19 вѣка. Но—слабость доктрины до извѣстной степени искупалась энергіей ея выразителей и оправдывалась тѣми общественно-политическими комбинаціями, которыя тогда приходилось переживать Германіи (въ особенности Пруссіи). Со второй половины 50-хъ годовъ Германія опять усиленно стремится водворить у себя настоящій конституціонный режимъ, провозглашенный въ 1848 г., но не нашедшій осуществленія. Правительство, вынужденное въ сферѣ экономической дѣлать уступки времени, не обнаруживало склонности терять своей традиціонной независимости въ области политической. Болѣе или менѣе абсолютная власть была для него необходима въ предположенномъ имъ способѣ разрѣшенія національнаго нѣмецкаго вопроса. Шестидесятые годы, въ которые создавалась Германская Имперія, должны были ознаменоваться — рѣзкимъ столкновеніемъ оппозиціонной буржуазіи съ монархической властью. Первая желала парламентаризма, какъ наиболѣе яркаго осуществленія идеи „правового государства"; власть, готовясь къ войнамъ и ведя ихъ, стремилась оставить за собой возможно большую полноту правомочій. Либеральная школа, борясь за свободу торговли, конечно, сознавала себя въ значительной степени борцомъ за свободу вообще, ибо, если не всѣмъ экономическимъ группамъ былъ свойствененъ фритредерскій *лозунгъ, то тягость усиливающагося налогового* бремени всѣми ощущалась. Обнаружившееся къ концу первой половины 19 ст. соціально-политическое теченіе имѣло противъ себя въ представителяхъ смитовскаго направленія слабыхъ враговъ, а во второй—дѣло значительно мѣняется. Мало того, положеніе „соціальныхъ политиковъ" и вообще благосклонныхъ къ соціализму становится довольно затруднительнымъ: они вынуждены призывать къ расширенію функцій нереформированную власть, т. е. до извѣстной степени играть въ руку абсолютизму. Особенность историческихъ комбинацій, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, роковымъ образомъ повліяла даже на Лассаля; что же касается мирныхъ ученыхъ, реформирующихъ экономическую науку, то они—въ силу вещей—должны были дѣлать

еще болѣе значительныя уступки политическому консерватизму.

Расцвѣтшая либеральная партія ставила своей цѣлью борьбу со всякими ограниченіями индивидуальной свободы. Она, въ области экономики, проповѣдывала „чистое логическое и математическое изслѣдованіе", говорила о „вѣчныхъ законахъ свободы". Менѣе всего на государство она могла возлагать какія-либо соціальныя функціи; по выраженію одного изъ партизановъ фритредерства, А. Мейера, „государство и общество суть абстракціи, а не реальности; приписывать имъ отвѣтственность, значитъ—возлагать эту отвѣтственность на ничто" [1]). Принсъ-Смитъ опредѣленно заявляетъ, что народное хозяйство надо разсматривать только какъ сумму частныхъ хозяйствъ", и что „въ свободномъ рыночномъ оборотѣ никто не можетъ достигнуть личной выгоды безъ того, чтобы не доставить пользу и другому" [2]). Взгляды П.-Смита на рабочій вопросъ отличаются удивительной прямолинейностью: онъ нисколько не стѣсняется излагать теорію фонда заработной платы, теорію, отъ которой отвернулась даже практика единомышленниковъ (Шульце-Деличъ). „Улучшеніе положенія рабочихъ", говоритъ П. Смитъ, „возможно лишь въ томъ случаѣ, если капиталъ возрастаетъ скорѣе, чѣмъ рабочее населеніе. Рабочій можетъ лишь въ томъ случаѣ разсчитывать на средства удовлетворенія его потребностей, если его трудъ находитъ опору въ большомъ количествѣ капитала и потому производитъ больше средствъ удовлетворенія". „Всѣ стремленія и проекты, имѣющіе въ виду что-либо другое, есть обманъ". „Болѣе высокая прибыль на капиталъ ведетъ скорѣе всего къ возвышенію заработной платы". А отсюда вытекаетъ положеніе: въ интересахъ самихъ рабочихъ—стремиться къ возможному увеличенію прибыли предпринимателей и къ устраненію всѣхъ условій, способствующихъ ея уменьшенію. Въ особенности вредно дѣйствуютъ „государственные расходы на непроизводительныя цѣли." „Если-бы во всѣхъ европейскихъ государствахъ была введена, на подобіе швей-

[1]) Цит. по l. c. Roscher'a—стр. 1018.

[2]) Статья — „Handelspolitik" въ „Handwörterbuch der Volkswirthschaftslehre" Rentzsch'a.

царской, милиціонная система, то въ короткое время капиталъ такъ выросъ-бы, что о нуждѣ рабочаго класса не было-бы больше и рѣчи. Здѣсь и находится разрѣшеніе рабочаго вопроса" [1]). Трудно выразить отжившія въ то время идеи въ болѣе безаппелляціонной и рѣзкой формѣ. Уже эта послѣдняя должна была вызвать протестъ со стороны болѣе глубокихъ изслѣдователей рабочаго вопроса. Такого, впрочемъ, Принсъ-Смитъ и не знаетъ: для него существуетъ лишь „die sogenannte Arbeiterfrage". „При всякой хозяйственной нуждѣ совѣстливый экономистъ можетъ дать только старый совѣтъ: „работайте и сберегайте" [2]). Безъ сбереженій не можетъ никоимъ образомъ улучшиться чье-либо положеніе. Противъ соціалистическихъ тенденцій лидеръ буржуазной оппозиціи гордо заявляетъ: „не рабочіе создали капиталъ, но — наоборотъ — капиталъ сдѣлалъ возможнымъ существованіе нынѣшняго рабочаго населенія" [3]).

Поразительный оптимизмъ Принсъ-Смита и его единомышленниковъ давалъ въ руки противниковъ острое оружіе. Говорить о „вѣчныхъ законахъ" экономики послѣ провозглашенія историческаго метода и рѣшительной протекціонистской агитаціи Листа было весьма рискованно; настаивать на гармоніи интересовъ работодателей и рабочихъ при учащающихся столкновеніяхъ и пробужденіи самосознанія въ рабочихъ массахъ — значило искажать дѣйствительность. Нѣмецкая наука не могла течь по этому руслу и должна была выбрать другое, достаточно углубленное предшествовавшей работой общественно-экономической мысли. Но ей, очевидно, пришлось, въ силу измѣнившихся хозяйственныхъ условій Германіи, подвергнуться обстрѣлу и со стороны смитіанцевъ. Однако, неудачныя нападенія только укрѣпляютъ позицію противника; это случилось и теперь: чѣмъ рѣзче нѣмецкіе либеральные экономисты формулировали

[1]) Ст. Prince-Smith'a „Der Markt" въ „Vierteljahrschrift"—1864 г., B. IV; цитир. по Schönberg'y—статья „Zur Literatur der socialen Frage" въ „Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft", Tübingen, XXVIII B., 1872, s. 412.

[2]) Ст. Prince-Smith'a—„Die sogenannte Arbeiterfrage" въ томъ-же журн.; цитир. у Schönberg'a, ibid., s. 410.

[3]) См. примѣч. [2]).

свои взгляды, тѣмъ съ большею убѣдительностью выдвигались „соціально-политическіе аргументы".

Прежде чѣмъ представить ихъ опредѣленную формулировку, постараемся показать, какъ углублялись и развивались взгляды, высказанные уже къ концу первой половины истекшаго столѣтія.

Наиболѣе характерной чертой, общей всѣмъ противникамъ смитіанства, является стремленіе переработать экономическую науку на новыхъ—моральныхъ началахъ. „Этическій принципъ", выдвинутый уже съ достаточною рельефностью Shütz'омъ въ 40-хъ годахъ, положительно становится моднымъ: журнальныя статьи 50-хъ и 60-хъ годовъ, равно какъ и монографическія работы, пестрятъ терминами „sittlich", „Sittlichkeit". Остановимся на нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся моментахъ, обрисовывающихъ указанное теченіе. Марбургскій проф. Францъ Форлендеръ въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ во второй половинѣ 50-годовъ въ тюбингенскомъ „Zeitschrift", пытается выяснить нравственныя основы общества и привлечь „законъ справедливости", „моральный принципъ" къ разрѣшенію соціальной проблемы. Онъ находитъ, что всякое право, въ томъ числѣ и право собственности, покоится на нравственныхъ началахъ, а потому нападки соціалистовъ на этотъ институтъ не выдерживаютъ критики; но въ то-же время—каждый гражданинъ государства имѣетъ право на поддержаніе его въ случаѣ неудачи. Нужно нѣсколько внимательнѣе относиться къ соціалистическимъ требованіямъ, а не пожимать только плечами; не слѣдуетъ ставить въ укоръ массамъ ихъ дурныхъ инстинктовъ, ибо на бѣднякахъ не можетъ лежать такой отвѣтственности, какъ на состоятельныхъ. „Ихъ пороки, по большей части возникли изъ нужды", а „улучшеніе ихъ экономическаго положенія тѣсно связано съ моральнымъ совершенствованіемъ"; „физическое и моральное поднятіе большей части общества, въ конечномъ счетѣ, обозначаетъ поднятіе самого общества или государства" [1]). Соціальную проблему Форлендеръ уподобляетъ сфинксу, который еще не встрѣтилъ своего Эдипа.

[1]) „Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft", Tüb. 1856, ст. Vorländer'a—„Das Gesetz der Gerechtigkeit als Grundlage für die Bestimmung der Rechte des Individuums", s. 55.

„Французскіе соціалисты, несомнѣнно, имѣютъ большую заслугу въ томъ, что впервые обратили вниманіе образованныхъ круговъ на соціальный вопросъ, но они сдѣлали мало для его научнаго разрѣшенія“ [1]). Насколько необходимо заботиться экономистамъ и о моральномъ улучшеніи человѣка, видно уже изъ того, что производительность труда усиливается подъ вліяніемъ этическихъ моментовъ. Прочность средневѣкового строя объясняется гармоническимъ сочетаніемъ хозяйственнаго и нравственнаго началъ. Передъ нѣмецкими странами Форлендеръ выдвигаетъ задачу объединенія по „этически-естественному правовому принципу“, который каждому члену указываетъ „этически-естественное“ отношеніе къ цѣлому. На почвѣ національнаго единства общество и государство должно надлежащимъ образомъ сорганизоваться, а это немыслимо безъ соблюденія „внутренняго равновѣсія силъ между различными сословіями и классами народа“ [2]).—Все это, конечно, очень неопредѣленно, но именно и характерно своей неопредѣленностью. Дается формула, заполнять которую можетъ представитель любой общественной группы, страдающей отъ развитія капитализма. Мы замѣчаемъ также у Форлендера, если не расположеніе, то во всякомъ случаѣ терпимость къ соціализму, которая, конечно, отсутствуетъ у чистыхъ представителей либеральной экономіи.

Въ эту-же сторону моральной переоцѣнки хозяйственныхъ отношеній направлены взоры Р. Моля, одного изъ самыхъ крупныхъ авторитетовъ нѣмецкаго ученаго міра. Напомнимъ, что Моль очень рано обратилъ вниманіе на темныя стороны новаго хозяйственнаго уклада: въ 1835 г. имъ была написана статья подъ заглавіемъ — „Ueber die Nachtheile des fabrikmässigen Betriebs der Gewerbe“, занимающая почетное мѣсто въ тогдашней литературѣ о пауперизмѣ. Р. Моль слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ положеніе экономической науки и ея ближайшія задачи—въ концѣ 50-хъ годовъ. Не можетъ быть и рѣчи о законченной дисциплинѣ, ни въ смыслѣ содержанія, ни по формѣ. Система Ад. Смита, конечно, имѣетъ громадное значеніе; но ей слѣдуетъ поста-

[1]) Ibid., 1857 г. ст. Vorländer'a—„Ueber das sittliche Princip der Volkswirthschaft in Rücksicht auf das sociale Problem“, s. 3.

[2]) Ibid., s. 54.

вить два возраженія: во-первыхъ, ея атомистическое возрѣніе, не позволяющее ей вѣрно представить жизнь „гражданскаго общества“, во-вторыхъ—ея вещный, „нечеловѣческій“ характеръ. „Она совершенно не замѣчаетъ, что человѣкъ вовсе не представляетъ собою простое, лишенное чувствъ, мертвое орудіе добыванія богатства, но существо, одаренное чувствами горя и радости, надежды и отчаянія“ [1]). Сравнивая старыя общественныя формы съ современными, Моль констатируетъ ослабленіе соціальныхъ связей, разрушеніе общественной организаціи. Конечно, о возвратѣ къ цехамъ нечего думать: они отжили свое время, но „это—неизмѣримый недостатокъ, что на мѣсто сдѣлавшагося негоднымъ института не стало новое учрежденіе, охватывающее всѣхъ участниковъ и пекущееся о ихъ потребностяхъ“. Счастливѣе-ли современный рабочій прежняго подмастерья? Конечно, отвлеченно у него сохраняется право работать и „за свой счетъ“, но это неосуществимо, и—въ результатѣ—„масса недовольныхъ и разнузданныхъ пролетаріевъ“. Фабричное производство рисуетъ картину общественнаго разложенія: на одной сторонѣ—всѣ богатства, на другой—полное отсутствіе самостоятельности, безнадежность, отчаяніе... „Фабричная система, предоставленная самой себѣ, а именно руководимая только эгоистическимъ закономъ стяжанія, въ теченіе двухъ неполныхъ человѣческихъ поколѣній создала для всѣхъ народовъ, и болѣе всего для самыхъ передовыхъ—такое состояніе, которое все болѣе и болѣе угрожаетъ всему строю общественной жизни и моральнымъ началамъ“ [2]).

Не можетъ экономистъ говорить только о богатствѣ, совершенно забывая о человѣкѣ и нравственныхъ требованіяхъ. Если-бы рѣчь шла о естественной границѣ между науками, то и такое возраженіе не выдерживало-бы критики, ибо почему, въ такомъ случаѣ, не говорить о воровствѣ, грабежѣ, какъ средствахъ обогащенія? Приходится, очевидно, принимать во вниманіе и этическія соображенія. Если присмотрѣться къ окружающимъ условіямъ, говоритъ Моль, то „во всякомъ случаѣ, нельзя поставить въ заслугу

[1]) R. v. Mohl, „Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften“ III Band, Erlangen, 1858 s. 303—4.

[2]) R. Mohl, l. c., s. 305.

обычному ученію національной экономіи, что оно усматриваетъ высшій идеалъ въ полной свободѣ интернаціональнаго обращенія и сохраненіе *какой-либо доли заботливости государства* о своихъ подданныхъ объявляетъ варварствомъ" [1]). Поэтому, въ вопросѣ о протекціонизмѣ и свободѣ внѣшней торговли Моль отдаетъ предпочтеніе первому. Соціалистовъ онъ одобряетъ за то, что они заставили общество обратить вниманіе на свои язвы. Въ этомъ направленіи и предстоитъ работать экономистамъ.

Для насъ особенно интересна фигура тогда еще начинающаго ученаго Альб. Шеффле, взгляды котораго синтетически мы изложимъ позднѣе. Шеффле именно тотъ экономистъ, котораго выдвигаетъ наиболѣе яркій „государственный соціалистъ" Ад. Вагнеръ, какъ наиболѣе близкаго себѣ по взглядамъ [2]). Развитіе общественно-экономическихъ воззрѣній Шеффле въ значительной степени опредѣляетъ эволюцію „государственно-соціалистической" идеологіи вообще. Въ этомъ смыслѣ необычайно характерна его попытка примирить идеи правового и полицейскаго государства, выраженная въ статьѣ: „Rechtsphilosophische Zeitgedanken über politische Bedeutung der Nationalität, historisches Recht, Autonomie und Polizeistaat". Можно ли, спрашиваетъ Шеффле, просто противопоставлять „полицію" „праву"? Развѣ первая не стремится къ осуществленію права, и развѣ послѣднее не преслѣдуетъ цѣлей всеобщаго благополучія (Wohl)? „Государство, какъ органъ права, всегда поэтому даже въ такъ называемой чистой правовой функціи есть „Wohlanstalt" [3]), т. е. тотъ институтъ, какимъ его опредѣляли камералисты, полицеисты. Такая точка зрѣнія „освобождаетъ такъ назыв. правовое государство отъ противорѣчащаго всякому опыту и исторіи и практически никогда невыполнимому ограниче-

[1]) Ibid. s. 406.

[2]) Вагнеръ, находя нѣкоторыя точки соприкосновенія въ своихъ взглядахъ съ различными „катедеръ-соціалистами", ближайшими единомышленниками своими считаетъ немногихъ: „прежде всего" Шеффле, потомъ Ланге, Шееля, Рёслера, Тённіеса (изъ юристовъ—Іеринга, Ант. Менгера, Гирке). См. его „Grundlegung der politischen Oek.", I, III-e Auf. 1892, s. 41.

[3]) „Deutsche Vierteljahrs-Schrift", *1861* J., 1. Heft, s. 384.

нію простыми функціями охраны (justitielle Fuktion)" [1]), и открываетъ возможность даже къ современному государству предъявлять требованія положительной дѣятельности. Кантовское право чисто негативнаго характера, какъ граница субъективнаго произвола, превращается въ „полную жизни цѣль". Въ статьѣ „Der gegenwärtige Standpunkt der wissenschaftlichen Polizei und Politik", Шеффле настаиваетъ на только что изложенныхъ взглядахъ и считаетъ, въ значительной мѣрѣ, недоразумѣніемъ вновь усилившуюся агитацію („Congress der Volkswirthe") противъ вмѣшательства государства. Вѣдь проповѣдуемая теорія совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: въ силу вещей государство вынуждено дѣйствовать и позитивно, такъ какъ оно представляетъ собою „die organisierte gesammte Rechtsgesellschaft", и никакая цѣль, получающая „правовое" выраженіе, ему не чужда [2]).

Въ области экономики, какъ говоритъ другая статья того же года и курсъ націон. экономіи („Die Nationalökonomie oder allgemeine Wirthschaftslehre" – 1861 г., превратившееся въ послѣдующихъ изданіяхъ—1867, 1873 г.—въ „Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft"), всюду замѣчается стремленіе оторваться отъ безжизненныхъ формулъ либерализма, углубить и развить науку въ этическомъ отношеніи. Ясно, что политическая экономія—незаконченная дисциплина, и усилія Д. С. Милля въ Англіи, Мингетти въ Италіи и Бодрильяра во Франціи заслуживаютъ всяческаго одобренія. Рошеръ, „der erste und gefeierste Oekonomist", внесеніемъ историзма окончательно разбилъ твердыни старой экономической школы. Этическій принципъ начинаетъ торжествовать. Съ большимъ сочувствіемъ Шеффле цитируетъ слова Шталя: „истинная законченная національная экономія должна имѣть своимъ принципомъ личность и моральное царство" [3]), и этимъ открываетъ одинъ изъ авторитетовъ, вліявшихъ на „государственныхъ соціалистовъ" Какъ должна быть примѣнена этическая точка зрѣнія къ разработкѣ эко-

[1]) Ibid. s. 387.

[2]) Ст. во II Heft того-же журнала.

[3]) Ст. въ IV Heft подъ загл. „Mensch und Gut in der Volkswirthshaft oder der ethisch-anthropologische und der chrematistische Standpunct in der Nationalökonomie"..., s. 235.

номической науки, видно по слѣдующимъ соображеніямъ Шеффле. „Не произведенное или имѣющее быть произведеннымъ благо, χρῆμα, но занятый въ производствѣ или добываніи благъ человѣкъ (ἄνθρωπος) — долженъ быть поставленъ центральнымъ пунктомъ національной экономіи, человѣкъ, разсматриваемый, какъ исходный и конечный пунктъ всякаго хозяйствованія. И хозяйство нельзя разсматривать, какъ естественный процессъ, совершающійся самъ собою, подобно физическому процессу дыханія и кровообращенія, но какъ область (Reich) этической дѣятельности, въ которой человѣкъ является существомъ, сознательно ставящимъ и стремящимся къ цѣли, какъ область культурной дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ мы требуемъ этически-антропологической, вмѣсто хрематистической національной экономіи“ [1]).

Конечно, противъ возстановленія или сообщенія гуманнаго характера экономической наукѣ трудно возразить; хотя надо было точнѣе опредѣлить и соціальный характеръ науки. Тѣмъ не менѣе, Шеффле, удачно резюмируя сущность новыхъ тенденцій, дѣлаетъ громадный шагъ впередъ, и его курсъ національной экономіи, дѣйствительно, крупное пріобрѣтеніе науки. Совершенно невѣрно, говоритъ онъ, старая школа строитъ ученіе о производствѣ: никакихъ трехъ факторовъ для экономиста не существуетъ, а есть лишь одинъ—человѣкъ. Странное представленіе, будто процентъ создается капиталомъ: онъ можетъ возникнуть лишь отъ труда. Въ ученіи о налогахъ эта точка зрѣнія разрушаетъ понятіе „чистаго дохода“ и связанныя съ нимъ ошибки. Соціалисты, въ построеніи своихъ системъ, имѣли всѣ преимущества передъ экономистами. „Хрематистическая національная экономія не могла разбить на голову коммунизма. Чтобы это сдѣлать, она должна была сначала перейти въ чуждую ей доселѣ область, она должна была доказывать несостоятельность коммунистическихъ нападокъ на ея положенія, исходя изъ природы соціальнаго и индивидуальнаго человѣка въ сферѣ добыванія и употребленія благъ; ибо коммунизмъ, хотя и въ грубо сенсуалистической формѣ и на почвѣ весьма жалкой антропологіи, но все-таки бралъ

[1]) Ibid. s. 286.

отправнымъ пунктомъ человѣка, какъ цѣль хозяйства, строилъ свои проекты на соотвѣтствующихъ психологическихъ фактахъ“ [1]). Въ сущности, „соціальный вопросъ въ національной экономіи есть ничто иное, какъ требованіе истинной и всеобъемлющей этико-антропологической точки зрѣнія“. Принципъ же „laissez faire“ основывается просто на невѣрной психологіи. Развѣ мыслимо въ обществѣ ставить себѣ исключительно эгоистическія цѣли? „Здравый человѣческій разсудокъ говоритъ каждому, что если бы правилъ только интересъ такого рода, то общество, основанное на свободной конкурренціи этихъ интересовъ, представляло бы собою общество волковъ (Гоббзъ“) [2]). Не надо преувеличивать и „коммунистическихъ“ инстинктовъ, влеченій человѣка. Чувство, напр., самоотвѣтственности существуетъ у человѣка, и моральное его значеніе — очень велико. Но нельзя одинаковой отвѣтственности возлагать на всѣхъ членовъ общества. Свобода и самоотвѣтственность для болѣе слабыхъ членовъ при режимѣ свободной конкурренціи становится „жестокой неправдой“. Поэтому-то, въ стремленіи сократить абсолютизмъ, не слѣдуетъ выбрасывать за бортъ институтовъ, имѣющихъ громадное значеніе: если не умѣстенъ „централизующій абсолютизмъ бюрократіи“, то не менѣе опасно возлагать всѣ надежды на „свободную ассоціацію“.

Шеффле не стѣсняется дать суровую реплику либерализму: „это — ложное пониманіе соціальной и политической природы человѣка, поверхностное пренебреженіе сущностью государства, утопическіе мыльные пузыри темной агитаціи“ [3]).

При всякихъ достоинствахъ института частной собственности, не слѣдуетъ настаивать на его абсолютизмѣ. Абсолютной собственности не можетъ быть уже потому, что въ обществѣ не существуетъ изолированныхъ индивидовъ, и—сталобыть—на каждомъ благѣ лежитъ печать и общества.

Шеффле съ удовлетвореніемъ отмѣчаетъ, что уже дѣлаются попытки, и помимо его, представить систему экономической науки, базированной на этическомъ основаніи, напр. въ книгѣ пражскаго проф. Гаснера. О „системѣ политиче-

[1]) IV Heft, ib. 286.
[2]) Ibid. s. 289.
[3]) Ibid., s. 293.

ской экономіи" послѣдняго стоитъ упомянуть, такъ какъ въ ней довольно рельефно проведена мысль о необходимости, ради избѣжанія революціи, стремиться къ равновѣсію состояній. „Прогрессирующая нищета", говоритъ Hasner, ведетъ къ революціи, нарушенный экономическій строй къ разрушенію правового, и въ результатѣ соціальная или политическая деспотія. Поэтому—надо признать „цѣлью хозяйственной жизни" — „справедливую мѣру благосостоянія" и попытаться изучить условія и законы достиженія такой цѣли [1]). Гаснеръ ясно обнаружилъ одинъ изъ мотивовъ „этической переработки" экономіи: страхъ передъ революціей. Именно программу Шеффле, Гумпловичъ, опредѣляетъ, какъ „sociale Reform gegen die sociale Revolution" [2]).

Эта точка зрѣнія достигаетъ вполнѣ отчетливаго выраженія въ трудѣ Шеффле: „Kapitalismus und Socialismus", изданномъ въ 1870-мъ г. Если въ предшествовавшихъ работахъ Шеффле преслѣдовалъ, главнымъ образомъ, академическія цѣли, то въ упомянутой книгѣ выдвигаются на первый планъ соображенія практическаго характера, соціально-политическая программа. Выстраивая ее и аргументируя, Шеффле опредѣленно склоняется на сторону соціализма, отдавая ему предпочтеніе передъ либеральной экономіей. Въ виду важности данной работы, характеризующей состояніе нѣмецкой экономической науки наканунѣ открытаго выступленія „катедеръ-соціалистовъ", позволимъ себѣ кратко ознакомить читателя съ ея содержаніемъ.

Большая демонстрація рабочихъ въ Вѣнѣ въ 1869 г. убѣждаетъ Шеффле, что „между ними и капиталистами патріархальное отношеніе безвозвратно исчезло" [3]). Лассаль, по его мнѣнію, совершенно правъ, нападая на существующій хозяйственный порядокъ, который долженъ быть замѣненъ лучшимъ. Руководители рабочаго движенія—вовсе не общественные отбросы, а очень умные, образованные и самоотверженные люди. Свою книгу Шеффле пишетъ для тѣхъ, кто интересуется водвореніемъ „справедливости" въ

[1]) L. Hasner, „System der polit. Oekonomie", I Band, 1860. s. 68.
[2]) L. Gumplowicz, „Rechtsstaat und Socialismus", 1881, l. c., s. 440.
[3]) A. Schäffle, „Kapitalismus und Socialismus", Tübing., 1870, s. 1.

хозяйственной жизни, кто желаетъ „предупредить соціальную революцію соціальной реформой" [1]). Послѣдняя предполагаетъ сотрудничество всѣхъ общественныхъ классовъ. „Я держусь, и не съ сегодняшняго дня, того мнѣнія, что государство въ хозяйственной области обязано нѣсколько больше дѣлать, чѣмъ просто смотрѣть со сложенными руками. Я убѣжденъ, что государство, какъ носитель публичной власти цѣлаго, какъ органъ архитектонической идеи права въ обществѣ, должно создавать условія равномѣрнаго развитія для всѣхъ" [2]). Въ особенности необходимой и отвѣтственной является работа государства въ странахъ старыхъ, гдѣ почва уже значительно истощена, природа перестала быть щедрой. На очереди стоитъ здоровая соціальная реформа, вполнѣ примиримая, по мнѣнію Шеффле, съ институтомъ частной собственности и съ капитализмомъ вообще. Коммунизмъ грѣшитъ пренебреженіемъ личной свободой и взамѣнъ современной анархіи предлагаетъ „communistisches Zwangsarbeitshaus". Между тѣмъ, планомѣрная соціальная реформа – развитіе профессіональныхъ союзовъ, фабричнаго законодательства, преобразованіе желѣзнодорожнаго хозяйства, ослабленіе милитаризма,—одинаково отстоитъ и отъ холоднаго либерализма, и отъ чрезмѣрнаго государственнаго коммунизма. Отрицая коммунизмъ, Шеффле отдаетъ предпочтеніе соціализму, который „признаетъ неравенство, какъ способностей, такъ и потребностей, вознагражденіе ставитъ въ зависимость отъ заслугъ, и—наконецъ, рядомъ съ коллективною признаетъ частную собственность". [3]) Система, которую расхваливаетъ и воспринимаетъ Шеффле, это—извѣстный уже намъ „федерализмъ" Марло. Шеффле, усваиваетъ терминологію и общую концепцію Винкельблеха и, согласно съ послѣднимъ, заявляетъ, „что исторія революціи есть борьба либерализма съ коммунизмомъ", результатомъ которой будетъ побѣда федерализма. [4]) Сущность послѣдняго состоитъ въ развитіи „товарищескихъ" началъ, принципа кооперацiи; этимъ избѣгается мертвящая центра-

[1]) Schäffle, ibid., s. 14.
[2]) Ibid., s. 160.
[3]) Ibid., s. 219.
[4]) Ibid., s. 307.

лизація общественнаго строя, рекомендуемаго, напр. Лассалемъ. Капиталистическую конкуренцію надо не убивать, а ввести въ надлежащія границы [1]). Гармоническое сочетаніе дѣятельности государства, семьи и корпораціи—вотъ что требуется для разрѣшенія соціальнаго вопроса.. „Не только государство — я иду дальше и говорю: всѣ культурныя силы общества должны содѣйствовать соціальной реформѣ: наука, литература, пресса, искусство, педагогика, школа, церковная и свободная религіозность“ [2]). Надо избѣгать обѣихъ крайностей: исключительнаго примѣненія принципа Staatshilfe либо Selbsthilfe. Первая задача государства, конечно, отрицательнаго характера (воздать suum cuique), но неизбѣжна и положительная „Pflegepolitik“. Если сравнивать позитивную дѣятельность новѣйшаго государства съ прежней „полицейской опекой“, то, конечно, во многихъ отношеніяхъ онѣ не совпадаютъ; но „государственная помощь теперь, какъ и всегда, необходима, и отрицаніе всякаго государственнаго вмѣшательства есть наивная (thörichte) утопія“ [3]).

„Архитектоника“ соціальной реформы рисуется Шеффле въ такомъ видѣ. Прежде всего, необходимо всеобщее избирательное право, какъ условіе демократичности, справедливости; этого-же требуютъ и соображенія „политическаго такта“ (Шеффле, самъ того не замѣчая, вводитъ неморальный моментъ).

Вторая предпосылка реформы — устройство надлежащихъ статистическихъ учрежденій. „Оффиціальная статистика должна представлять собою сѣть обсерваціонныхъ пунктовъ, распространенную по всей странѣ, работающую съ научной независимостью, — которая посвящаетъ хорошо поставленныя и оплачиваемыя силы наблюденію соціальнаго движенія“ [4]). Такимъ образомъ, идея, легшая въ основаніе „знаменитой“ рѣчи проф. Шенберга, уже была вполнѣ опре-

[1]) Насколько Шеффле цѣнитъ хозяйственную личность, видно, напр., изъ слѣдующей цитаты: „Ausbreitung der genossenschaftlichen Geschäftsform sichert jedem Lande auch politisch die Verallgemeinerung und gleichmässige Ausbreitung des Geistes der Initiative und der Selbstregierung“. s. 607, ibid.

[2]) Ibid., s. 611.

[3]) Ibid., s. 627.

[4]) Ibid., s. 638.

дѣленно высказана Шеффле. Третье условіе — „образованіе компетентныхъ, хорошо оплачиваемыхъ и неподкупныхъ органовъ хозяйственной полиціи“... [1]). Исходнымъ пунктомъ позитивной дѣятельности должно служить отнюдь не желаніе уничтожить капитализмъ; наоборотъ—ему надо расчищать почву, напр. разумной реорганизаціей финансовой системы; цѣлью является устраненіе темныхъ сторонъ процесса капитализированія. Необходима защита труда — индустріальнаго и сельскаго (фабричные инспектора, нормальное рабочее время). Требуется хорошій санитарный и квартирный надзоръ, споспѣшествованіе профессіональнымъ организаціямъ, образованію — общему и техническому, организація страхованія. Рекомендуется развитіе кредита, особенно въ формѣ товариществъ; Шеффле находитъ возможнымъ рекомендовать даже „свободу банковъ“. Свобода коалиціи должна признаваться законодательствомъ и для рабочихъ, и для промышленниковъ; третейскіе суды (примирительныя камеры) и комитеты для урегулированія заработной платы должны пользоваться особеннымъ покровительствомъ. Налоговая система реорганизуется въ сторону предпочтенія косвеннымъ палогамъ прямыхъ и преобладаніемъ подоходнаго начала въ послѣднихъ. Совершенно въ духѣ Марло, Шеффле рекомендуетъ мѣры для сдержанія населенія въ надлежащихъ рамкахъ. Для установленія справедливости слѣдуетъ прогрессивнымъ обложеніемъ земельной ренты переводить значительную часть послѣдней въ общественное распоряженіе; но простое поглощеніе ренты было-бы ничѣмъ не оправдываемымъ грабежомъ.

Такъ обрисовываетъ рекомендуемую соціальную реформу Шеффле; излагая его планъ, мы сохранили разбросанность, несистематичность подлинника. Главные выводы своей работы авторъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ. Свободу лица ни въ коемъ случаѣ нельзя приносить въ жертву, почему коммунизмъ и непріемлемъ. Принудительное страхованіе не есть нарушеніе, въ точномъ смыслѣ этого слова, упомянутой свободы, ибо соотвѣтствуетъ естественнымъ семейнымъ обязанностямъ. Во имя сохраненія частной иниціативы надо удержать право наслѣдованія, смягчивши его

[1]) Ibid., s. 639.

отрицательныя стороны. Въ „нравственныхъ“ рамкахъ удерживаются при федеративномъ строѣ и частныя предпріятія, и заработная плата, и конкурренція (за исключеніемъ случаевъ *чистой монополіи*). *Конкурренція ограничивается* государственной дѣятельностью — регулировкой отношеній, а гдѣ это невозможно, непосредственнымъ веденіемъ предпріятія за счетъ и средствами государства, округа, уѣзда, общины, корпораціи. Индивидуалистическій и корпоративный принципъ гармонически сочетаются—и соціальная проблема разрѣшается.

Итакъ, не устраненіе капитала ставитъ своею цѣлью Шеффле, а „облагороженіе“ его дѣятельности. „Насколько радикальнѣе меня“, восклицаетъ онъ, „высказывается о капиталѣ Родбертусъ отъ имени поземельнаго владѣнія, объявляя капиталъ „пятымъ колесомъ“ въ колесницѣ народнаго хозяйства, ненужность котораго скоро станетъ очевидной,—въ то время, какъ я твердо держусь капитализма“ [1]). *Прибавимъ отъ себя: взгляды Родбертуса—весьма стройны*, его система лишена внутреннихъ противорѣчій, тогда какъ взгляды Шеффле представляютъ пестрый наборъ плохо связанныхъ между собой разнородныхъ элементовъ, построенное изъ кусочковъ зданіе, крѣпость котораго весьма сомнительна. Отсутствіе единаго начала Шеффле думаетъ замѣнить неопредѣленными фразами, тяжелыми оборотами, расплывчатыми выраженіями. Родбертусъ — соціалистъ; Шеффле пытается примирить соціализмъ съ капитализмомъ. И въ полномъ противорѣчіи какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ, онъ выражаетъ горячее желаніе укрѣпить и поддержать гибнущее „среднее сословіе“ (Mittelstand). Авторъ вѣритъ въ осуществимость своей программы и заключаетъ работу такими словами: „посредствомъ рекомендуемой въ моей книгѣ политики общество черезъ нѣсколько поколѣній пріобрѣтетъ совершенно новую физіономію, безъ нарушенія какого-либо пріобрѣтеннаго права, безъ какого либо переворота“ [2]).

Симпатіи Шеффле къ соціализму наиболѣе рѣзко выражены въ чрезвычайно популярной работѣ—„Die Quintessentz des Socialismus“ (Gotha—1875 г.), о которой мы предпочитаемъ упомянуть при синтетическимъ изложеніи его взглядовъ.

[1]) Ibid., s. 725.
[2]) Ibid., s. 729.

Не менѣе *рѣшительный поворотъ* отъ смитіанства къ исторически-этическому направленію мы находимъ у австрійскаго экономиста Каутца, который выпустилъ въ 1860 г. свою теорію и исторію политической экономіи. Каутцъ открыто заявляетъ, что современный хозяйственный укладъ страдаетъ многими недостатками, и соціализмъ *является* лишь ихъ отраженіемъ. Соціализмъ представляется ему важнымъ ферментомъ нашей культурной эпохи. Презрительно замалчивать соціалистическую доктрину—немыслимо: надо во всеоружіи знанія разобраться въ этихъ системахъ, „признать справедливые элементы“ и разрушить „крупныя и опасныя заблужденія“. „Безпристрастное изученіе“ соціализма должно, по мнѣнію Каутца, привести къ заключенію, что при всемъ его „отрицательно-разрушительномъ характерѣ“ *и бѣдности позитивныхъ*, могущихъ быть реализованными, предложеній, въ немъ, во всякомъ случаѣ, заключаются „крупицы истины“. Въ практическомъ отношеніи громадной заслугой этихъ системъ является то, что онѣ остановили вниманіе „на многихъ болѣзненныхъ ранахъ современнаго общественнаго и хозяйственнаго *порядка*, привели къ сознанію настойчивости и неизбѣжной необходимости улучшенія положенія низшихъ классовъ, поднятія трудящихъ слоевъ, поставили разрѣшеніе проблемы массовой нужды не только какъ дѣло гуманности или политической мудрости, но также какъ дѣло справедливости и цивилизаціи“ [1]). Имъ мы обязаны взглядомъ на владѣющихъ, какъ на „управителей ввѣренной имъ общественной собственности“. Соціалисты вѣрно указали, что государство должно быть не только „правовымъ, политическимъ и полицейскимъ учрежденіемъ, но также и высшимъ культурнымъ институтомъ, призваннымъ утвердить этическіе, народно-хозяйственные и соціальные моменты человѣческой жизни“ [2]). Каутцъ рѣшительно настаиваетъ на благотвор-

[1]) J. Kautz. „Die geschichtliche Entwickelung der Nationalökonomik und ihrer Literatur“, Wien, 1860, s. 765.
[2]) Ibid., s. 766.

номъ вліяніи соціализма по отношенію къ экономической наукѣ, такъ какъ именно, благодаря ему, послѣдовало расширеніе области изслѣдованія. „Вліянію соціалистическихъ идей, по меньшей мѣрѣ, слѣдуетъ, приписать то обстоятельство, что среди національно-экономическихъ школъ прочную позицію заняло такъ наз. соціальное направленіе, что больше стали интересоваться отношеніемъ національнаго богатства къ счастью и благополучію отдѣльнаго человѣка, начали больше оттѣнять конкретное индивидуальное благо въ противоположность абстрактному общему и спеціально занялись изученіемъ долго пренебрегаемой или недостаточно оцѣниваемой областью распредѣленія соціальныхъ благъ и общественнаго дохода“ [1]). Ученіе англійской школы объ обществѣ носило фаталистическій и квіэтистическій характеръ; теперь оно измѣняется. Конечно, не соціалистамъ улучшить общежитіе; такое улучшеніе послѣдуетъ, скорѣе, вопреки соціализму. Рекомендуемый Каутцомъ путь—это „практическая, соотвѣтствующая дѣйствительности реформа“, путь „сознательнаго и безпрерывнаго прогресса, національной экономіи, ставшей этической и практической“ [2]). Сочетаніе свободы и общаго интереса, водвореніе справедливости въ хозяйственныя отношенія, нравственное возвышеніе всѣхъ классовъ. Это какъ разъ и соотвѣтствуетъ христіанскому идеалу. Практически реформа, прежде всего, должна выразиться въ насажденіи „созидательнаго духа ассоціаціи“.

Причисляя себя къ историко-этическому направленію, Каутцъ указываетъ, что только въ его рамкахъ можно взять отъ каждаго теченія то, что оно внесло цѣннаго въ науку, и примирить противорѣчія, до сихъ поръ казавшіяся несовмѣстимыми. Односторонняя точка зрѣнія Ад. Смита не выдерживаетъ критики: „.....мы нуждаемся въ болѣе высокой, всеобъемлющей концепціи великой органической связи, существующей между нравственными, соціальными, политическими и экономическими явленіями народной жизни и между соотвѣтствующими этическими и общественными науками, связи, въ которой все другъ друга взаимно под-

[1]) Kautz, ibid. s. 767.
[2]) Ibid., s. 784.

держиваетъ... цѣлое безпрестанно и непрерывно дѣйствуетъ на части и части на цѣлое“ [1]).

Для насъ очень цѣнны эти взгляды экономиста-историка, подводившаго итоги развитія своей науки и бросающаго взглядъ на ея будущее. Обязанный быть болѣе другихъ безпристрастнымъ, онъ констатируетъ рѣшительную побѣду въ Германіи историко-этическаго „соціальнаго“ направленія. Отсюда можно заключить, насколько запоздалой оказалась вспышка экономическаго либерализма, по крайней мѣрѣ, въ теоретическомъ отношеніи.

Несомнѣнно симптоматическое значеніе имѣютъ также работы двухъ видныхъ ученыхъ—К. Дитцеля и Г. Рёслера. Первый выпустилъ въ 1864 г. уже упоминавшійся нами трудъ—„Народное хозяйство и его отношеніе къ обществу и государству“; второй—въ 1868 г. „О началахъ политической экономіи, основанной Ад. Смитомъ“. Соціально-этическая точка зрѣнія такъ-же проникаетъ эти крупные труды, какъ и курсъ Шеффле, получившій во второмъ распространенномъ изданіи характерное заглавіе: „Общественная система человѣческаго хозяйства“ (1867 г.).

Дитцель прямо и начинаетъ свой трудъ съ заявленія о необходимости реформировать экономическую науку. Эта реформа можетъ осуществиться выясненіемъ „отношенія народнаго хозяйства къ соціальной жизни и государству“ въ ихъ органическомъ взаимодѣйствіи. Указывая на коренныя перемѣны, внесенныя въ нѣмецкую жизнь 1848-ымъ годомъ, онъ отмѣчаетъ измѣненіе общественныхъ взглядовъ. „На мѣсто субъективнаго идеализма выступило признаніе объективныхъ основъ государственной жизни; вмѣсто философскихъ и гуманныхъ требованій признаніе реальныхъ отношеній“... [2]). Отмѣчая темныя стороны рабочаго быта, онъ, въ унисонъ со всѣми, цитированными нами авторами, воздаетъ дань признательности соціалистамъ. Правда, на страданія рабочихъ онъ смотритъ, какъ на переходныя, и больше оттѣняетъ теоретическія заслуги соціализма. Эта доктрина справедливо указала на экономическую основу „гражданскаго общества“, обусло-

[1]) Ibid. 789.
[2]) C. Dietzel, „Die Volkswirthschaft und ihr Verhältniss zu Gesellschaft und Staat“, l. c., s. 28.

вливающую соціальную эволюцію, на существованіе законовъ общественнаго развитія, „совершенно независимыхъ отъ государственной власти и политической системы“ [1]). Своими попытками осуществленія плановъ соціалисты открыли опасность, какая грозитъ современному строю, если онъ не съумѣетъ примирить развившихся въ его предѣлахъ противорѣчій. Простое подавленіе возникающихъ броженій мало имѣетъ смысла: наука должна найти выходъ. И разрѣшеніе уже намѣчается: „улучшеніе положенія низшихъ классовъ и, какъ главное средство для этого, введеніе большей хозяйственной самостоятельности рабочихъ противъ работодателей и капитала“ [2]). „Genossenschaftsbewegung“—вотъ путь реформы.

Новая наука еще не выработалась; неизвѣстно еще и то, какое названіе ей дать—соціальной-ли антропологіи, или соціальной политики и пр.; но потребность въ ея основаніи чувствуется почти всѣми.

Изъ дальнѣйшихъ разсужденій автора для насъ интересны его опредѣленія государства и отношенія послѣдняго къ народному хозяйству. Государство выростало постепенно; его функціи сначала выполнялись обществомъ. Въ исторіи замѣчается постепенная передача „государственныхъ или общехозяйственныхъ функцій“ отъ общественныхъ органовъ—государственной власти. Такая эволюція указываетъ на тѣсное взаимоотношеніе между хозяйствомъ, обществомъ и государствомъ. „Между различными общественными группами возникаетъ и существуетъ, какъ мы это показали на отдѣльныхъ случаяхъ, по необходимости противорѣчіе интересовъ, которое мѣшаетъ какъ развитію индивидуумовъ, такъ и гармонической эволюціи общей жизни“ [3]), и ощущается необходимость въ объединяющемъ и направляющемъ органѣ. Народное хозяйство можетъ развиваться лишь тогда, когда образовался народъ. Народъ-же „находитъ въ государствѣ свою окончательную организацію, обезпеченіе своего состоянія и развитія“ [4]).

[1]) Ibid., s. 43.
[2]) Ibid., s. 44.
[3]) Ibid., s. 387.
[4]) Ibid., s. 391.

Безъ государства народъ еще незрѣлъ. „Поэтому государство—само-по-себѣ—независимо отъ своихъ отдѣльныхъ функцій, есть абсолютная предпосылка надлежащаго состоянія и развитія народнаго хозяйства“. Конечно, это, вѣрно, и въ обратномъ отношеніи. „Государство, поэтому, можно опредѣлить точнѣе, слѣдующимъ образомъ. Оно есть цѣлостный организмъ народа или народнаго хозяйства, имѣющій цѣлью, посредствомъ подчиненія всѣхъ составныхъ частей народа государственной власти, какъ органу всего общества, и посредствомъ созданія общей силы изъ соединенія личныхъ и хозяйственныхъ силъ всѣхъ индивидуумовъ, осуществить органически общія имъ всѣмъ цѣли“ [1]).

Взглядовъ Рёслера мы уже коснулись во введеніи къ нашему изслѣдованію; теперь намъ остается только дополнить ихъ обрисовку.

Рѣшительно отвергая идею „абсолютнаго, абстрактнаго естественнаго порядка“, онъ считаетъ необходимымъ признать „историческій, человѣческій, этическій, органическій характеръ народнаго хозяйства“. Разсматривая хозяйство, какъ результатъ культурной жизни, а не простого дѣйствія силъ природы, Рёслеръ отказывается понять его законы—внѣ сферы права, „Rechtsgrundsätze“. Либеральная политическая экономія и соціализмъ, не смотря на свою полную непримиримость, выростаютъ изъ одного и того-же корня: „соціализмъ есть чистый результатъ смитіанства“ [2]). Новая—гуманная, „правовая“ точка зрѣнія можетъ примирить эти начала, ибо „истинная, дѣйствительная наука побуждаетъ не къ борьбѣ, а ведетъ къ миру, объединяя все въ сущности и законѣ вещей“ [3]). По тону, которымъ написана книга Рёслера, можно судить, насколько окрѣпло въ нѣмецкой экономической наукѣ новое теченіе: роли перемѣнились—теперь представители этическаго направленія упрекали „либеральныхъ экономистовъ“ въ ненаучности и несоотвѣтствіи ихъ взглядовъ дѣйствительности. Легко видѣть, какіе практиче-

[1]) K. Dietzel, ibid. s. 387.
[2]) H. Rösler. «Ueber die Grundlehren der v. A. Smith begründeten Volkswirthschaftstheorie». II-e Aufl. Erlangen, 1871. s. 36.
[3]) Ibid., s. 280.

скіе выводы можно было дѣлать изъ установленныхъ Рёслеромъ положеній, что „право“ должно господствовать въ хозяйственной жизни и что „государство“ есть важнѣйшій изъ общественныхъ культурныхъ органовъ.

Къ половинѣ 60-хъ годовъ относятся и первыя выступленія по соціально-политическимъ вопросамъ Шмоллера, которому скоро придется занять столь видное мѣсто среди нѣмецкихъ экономистовъ. Правда, Шмоллеръ сначала высказывался очень сдержанно. Тѣмъ не менѣе, этическій принципъ имъ выдвигается уже въ статьѣ—1864 г.—„Рабочій вопросъ“, напечатанной въ „Preussische Jahrbücher“. Кто правъ: Шульце-Деличъ или Лассаль; болѣе-ли вѣренъ принципъ самопомощи или начало государственной?—спрашиваетъ себя Шмоллеръ. Человѣчество сдѣлало громадные успѣхи—со времени внѣдренія и развитія такъ наз. „индустріальной системы“. Достигнуть такого прогресса можно было только разрушеніемъ узкихъ, стѣснительныхъ рамокъ прежней „связанной“ экономики. Однако, переходъ къ новому не обошелся безъ жертвъ. „Безъ собственности, безъ надежды на будущее противо стоитъ рабочій своему хозяину. Завися отъ поденной платы, онъ долженъ получить её во что-бы то ни стало; въ великой борьбѣ конкурренціи онъ всегда представляетъ слабѣйшую сторону. Лишенное моральной узды стремленіе къ наживѣ со стороны фабрикантовъ, нужда—на сторонѣ рабочихъ, ведетъ къ пониженію заработной платы, къ гнету, къ абсолютному господству капитала въ хозяйствѣ, въ обществѣ, въ государствѣ“ [1]). Такими красками рисуетъ Шмоллеръ темныя стороны „индустріальной“ системы. Въ соціализмѣ и коммунизмѣ онъ видитъ „литературное отраженіе этой рефлексіи нищеты“ [2]), фантазію доведенной почти до отчаянія массы, угрожающей обществу „величайшей опасностью“. Но — при всѣхъ недостаткахъ—само хозяйство вырабатываетъ противоядіе; на страданіе рабочихъ приходится смотрѣть какъ на временное *зло, искупительную жертву переходной эпохи*. Никакого „желѣзнаго закона“ заработной платы не существуетъ. Отри-

[1]) «Preussische Jahrbücher», XIV B., 1864 J., ст. Schmoller'a—«Die Arbeiterfrage», s. 396.

[2]) Ibid., s., 398.

цаемое соціалистами начало собственности, наоборотъ, является источникомъ культуры. Внѣшнее воздѣйствіе на соціальную среду, въ видѣ того или другого плана общественнаго хозяйства—лишено всякаго значенія, ибо „эволюція“ представляетъ собою элементъ этическій, и—слѣдовательно—„безъ измѣненія внутреннихъ мотивовъ и идей человѣчества“ немыслимо никакое усовершенствованіе. Отсюда вытекаетъ правота Шульце-Делича по сравненію съ Лассалемъ. „Самопомощь и самоотвѣтственность являются единственными цѣлебными средствами для нашего времени..... Только такія измѣненія могутъ имѣть длительное благопріятное значеніе, которыя преображаютъ внутреннее «я», мысль и волю рабочихъ классовъ [1]). „Само собою разумѣется“, продолжаетъ Шмоллеръ, упомянутыя начала не исключаютъ помощи извнѣ какъ отдѣльному человѣку, такъ и цѣлому классу: каждый, прежде всего, заботится самъ о себѣ, но рядомъ съ этимъ „должна быть сохранена обязанность государства“ приходить на помощь низшимъ классамъ хорошими законами, заботами о просвѣщеніи и пр. Рабочій вопросъ есть, прежде всего, нравственная проблема; и если общество не будетъ преуспѣвать въ моральномъ отношеніи, то погибнетъ. Отсюда видно, сколь высокія обязанности лежатъ на высшихъ классахъ общества. „Только нравственное рѣшеніе рабочаго вопроса предохранитъ насъ отъ соціальной революціи, отъ впаденія въ матеріализмъ и эгоизмъ, отъ моральной и экономической гибели, ставшей удѣломъ Рима и Греціи“ [2]).

Образцовъ этически-хозяйственнаго совершенствованія Шмоллеръ ищетъ и находитъ въ Англіи. Онъ восторгается „дружескими сообществами“, столь благодѣтельными въ смыслѣ развитія духа „бережливости“ въ рабочей средѣ, профессіональными союзами и рабочимъ законодательствомъ. Шмоллеръ рѣшительно настаиваетъ на необходимости предоставить взрослому рабочему самому бороться за улучшеніе *своего положенія; согласно этому*, онъ вовсе не находитъ забастовки безусловно нецѣлесообразными и недопустимыми. Право коалиціи для рабочихъ вытекаетъ уже изъ существованія аналогичнаго права для хозяевъ. Всякое культурное

[1]) Ibid., s. 421.

[2]) Ibid., s. 423—424.

вмѣшательство государства должно быть привѣтствуемо. Въ оцѣнкѣ роли государства Шмоллеръ расходится съ либеральными экономистами,—манчестерцами. Либеральной доктринѣ уже потому не слѣдовало бы отрицать позитивную дѣятельность правительства, что „буржуазія, интересы которой она выражаетъ, сдѣлалась богатой и вліятельной отчасти благодаря государственной поддержкѣ“ [1]). „Государство всегда является послѣдней аппелляціонной инстанціей нравственной культурной жизни“ [2]); современнымъ принципомъ, опредѣляющимъ обязанности государства—можно выдвинуть требованіе: дѣлать все возможное для образованія низшихъ классовъ. Такимъ же нравственнымъ характеромъ должны быть проникнуты и отношенія общественныхъ классовъ между собою: „нѣтъ владѣнія, нѣтъ собственности, права, положенія, почести въ этомъ мірѣ—безъ обязанностей“ [3]).

Лассаль, по мнѣнію Шмоллера, превосходитъ Шульце-Делича научной эрудиціей; его взгляды на роль и значеніе государства—несомнѣнно правильнѣе. Но Шульце-Деличъ знаетъ жизнь лучше Лассаля, и рекомендуемыя имъ мѣры—гораздо практичнѣе. „Вообще — это грубая абстракція говорить объ абсолютномъ противорѣчіи между капиталомъ и трудомъ; капиталъ самъ по себѣ есть реаультатъ дѣятельности человѣка и не образуетъ никакого противорѣчія съ трудомъ. Лишь въ томъ случаѣ, когда одинъ человѣкъ имѣетъ его въ избыткѣ, а другой—совсѣмъ имъ не обладаетъ, можетъ возникнуть противорѣчіе между капиталистами и рабочими, между владѣющими и невладѣющими [4]). Шмоллеръ, очевидно, не желаетъ этихъ соціальныхъ крайностей: ему улыбается болѣе равномѣрное распредѣленіе хозяйственныхъ благъ. Его идеалъ, которому онъ остался вѣренъ и въ послѣдующихъ работахъ, есть „идеалъ многочисленнаго средняго сословія, равномѣрнаго распредѣленія состоянія“... [5]).

Уже шесть лѣтъ спустя Шмоллеръ находитъ, что высказанныя имъ въ данномъ случаѣ воззрѣнія страдали излишнимъ оптимизмомъ, и не рѣшается находить въ промышленной свободѣ самоврачующую силу отъ золъ современной экономики. Въ предисловіи къ исторіи нѣмецкаго ремесла онъ пишетъ: „чѣмъ глубже становились мои занятія... тѣмъ больше мои прежнія абстракціи превращались въ конкретныя концепціи, розовый оптимизмъ—въ воззрѣніе, что при громадныхъ переворотахъ нашего времени наряду съ блестящими неслыханными успѣхами неизбѣжно возникаютъ глубокія соціальныя и экономическія затрудненія; нигилизмъ „laissez faire, laissez passez“ превратился въ требованіе позитивныхъ реформъ, причемъ главнымъ пунктомъ являлись именно онѣ, а не вопросъ, государство или общество должно заняться ихъ проведеніемъ“ [1]). Всѣ соціальныя силы должны стремиться къ тому, чтобы пріостановить дальнѣйшій ростъ неравенства состояній, неоправдываемаго съ моральной точки зрѣнія. Выдвигая раньше собственность, какъ главный рычагъ культуры, теперь Шмоллеръ считаетъ нужнымъ ограничить индивидуума слѣдующимъ тезисомъ: „Нѣтъ абсолютной собственности; цѣнность собственности скорѣе является результатомъ общества, чѣмъ заслугъ отдѣльнаго лица; каждый индивидуумъ настолько обязанъ обществу и государству, что его собственность мыслима только при широкихъ обязательствахъ и ограниченіяхъ въ пользу цѣлаго“. А еще четыре года спустя Шмоллеръ помѣщаетъ въ „Preussische Jahrbücher“ очень ярко написанную статью въ духѣ Лор. Штейна—„Die sociale Frage und der preussische Staat“, подлежащую нашему разсмотрѣнію нѣсколько позднѣе.

Агитація Лассаля подѣйствовала оживляющимъ образомъ также и на нѣмецкій христіанскій соціализмъ. Еп. Кэттелеръ, уже въ концѣ 40-хъ год. трактовавшій съ христіанской точки зрѣнія соціальную проблему, усиленно начинаетъ заниматься ею и находитъ себѣ приверженцевъ. Въ 60 хъ годахъ появляются первые христіанскіе соц. рабочіе союзы; съ 1868 г. начинаютъ выходить въ свѣтъ основанные Schüren'омъ „Christlich-Sociale Blätter“. Въ Австріи такую же позицію заняли пражскій проф. Мишлеръ, Фогельзангъ и др. Серединой шестидесятыхъ годовъ датируется основаніе като-

[1]) Ibid. s. 533.
[2]) Ibid. s. 534.
[3]) Ibid. s. 546–7.
[4]) „Preussische Jahrbücher“, XV B., 1865 г., ст. Schmoller'a, s. 49.
[5]) Ibid. s. 51.

[1]) G. Schmoller, „Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrhundert“, 1870.

лически-соціалистическаго рабочаго движенія въ Германіи, а наиболѣе интереснымъ литературнымъ памятникомъ этой эпохи является книга Кэттэлера—„Рабочій вопросъ и христіанство“ (1864 г.). Какъ видно изъ заглавія, центромъ тяжести соціальной проблемы признается рабочій вопросъ; онъ и поставленъ былъ въ программу собранія (15-го) католиковъ во Франкфуртѣ-на-М. въ 1863 г.

Епископъ съ удовольствіемъ принимаетъ званіе „Arbeiterfreund“, данное ему общественнымъ мнѣніемъ. Однако, понятіе рабочаго класса у Кэттелера очень широко: сюда входятъ, кромѣ индустріальныхъ рабочихъ, и крестьяне, и мелкіе предприниматели. Политическая сторона вопроса не только мало интересуетъ епископа, но онъ даже находитъ, что она можетъ быть важна лишь для „партійныхъ вожаковъ и писакъ“. Въ этомъ отношеніи между нимъ и Лассалемъ лежитъ пропасть; тѣмъ не менѣе, вліяніе послѣдняго сильно сказывается. Обрисовывая нужду рабочихъ, Кэттэлеръ пишетъ: „Заработная плата въ наше время опредѣляется жизненными потребностями въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, т. е. тѣмъ, что необходимо человѣку для пропитанія, одежды и крова—ради сохраненія физическаго существованія. Истинность этого положенія сдѣлалась настолько очевидной благодаря извѣстному спору между Лассалемъ и его противниками, что только изъ намѣренія обмануть народъ можно его оспаривать“ [1]). Кэттэлеръ, такимъ образомъ, безусловно принимаетъ „желѣзный законъ заработной платы“. Господство послѣдняго неминуемо въ хозяйствѣ, теченіе котораго предоставлено собственнымъ силамъ, безъ руководительства разумными и нравственными началами. Либералы требуютъ свободы конкурренціи; ихъ идеалъ—„всеобщая промышленная свобода“. Но такая свобода хуже средневѣковаго цехового порядка. Современные рабочіе союзы, основанные на принципѣ самопомощи, недостаточны. Англія, которую такъ восхваляютъ за политическую свободу и за развитіе профессіональныхъ союзовъ въ рабочемъ классѣ, не можетъ разрѣшить соціальной проблемы. „Высшая политическая свобода, высшее развитіе профессіональной

[1]) W. E. v. Ketteler. „Die Arbeiterfrage und das Christenthum“. Mainz, 1864, s. 17.

жизни въ рабочемъ классѣ не могло въ ней помѣшать ухудшенію соціальныхъ отношеній“ [1]).

Какъ же бороться съ этимъ зломъ? Отрицая собственность, Лассаль убиваетъ въ корнѣ не только хозяйственную энергію человѣка, но и семейную жизнь. Надо прилагать всѣ усилія, чтобы сдѣлать рабочаго почерпающимъ свой доходъ не только въ заработной платѣ. Професс. союзы и производ. ассоціаціи могутъ принести рабочему классу пользу, но при непремѣнномъ условіи сохраненія крѣпости семейной жизни и широкаго образованія. Надо принимать экстраординарныя мѣры обезпеченія рабочихъ на случай вынужденной безработицы; слѣдуетъ относиться съ большой заботливостью къ неспособнымъ трудиться. Какъ и подобаетъ духовному лицу, коренную причину соціальныхъ бѣдствій, „новаго рабства“—епископъ находитъ въ отпаденіи отъ христіанства, и возвратъ къ послѣднему ознаменуетъ новую эру человѣческаго счастья... „Христіанство своимъ творческимъ духомъ... разрѣшило всѣ великіе вопросы“... [2]). По первой работѣ Кэттэлера мы уже знаемъ, какъ онъ пытался приложить къ современной жизни средневѣковую схоластику, — и останавливаться на этомъ не будемъ. Характерно, въ данномъ случаѣ, то, что епископъ не колеблется признать во многихъ пунктахъ правильными взгляды Лассаля.

Обрисовку состоянія экономической дисциплины въ Германіи наканунѣ выступленія на общественную арену катедеръ-соціализма мы закончимъ ознакомленіемъ съ соотвѣтствующими работами Фр. Альб. Ланге и упоминаніемъ о трудѣ Л. Брентано.

Альб. Ланге, извѣстный авторъ „Рабочаго вопроса“ и „Исторіи матеріализма“, „одинъ изъ лучшихъ людей“, какъ его тепло называетъ Бебель въ своей автобіографіи, соединялъ съ громадной эрудиціей чрезвычайно интенсивное гуманное настроеніе: симпатизируя всѣмъ сердцемъ рабочей демократіи, онъ пытался сдѣлаться однимъ изъ руководителей рабочаго движенія въ Германіи, примиряя крайности прогрессистскаго и лассаліанскаго теченія. Именно рабочихъ онъ имѣлъ въ виду, выпуская въ свѣтъ въ 1865 г. свою

[1]) Ibid. s. 98.
[2]) Ibid. s. 100.

цѣнную книгу — „Die Arbeiterfrage in ihrer Bedeutung für Gegenwart und Zukunft beleuchtet". Какъ онъ сообщаетъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ этого труда, опубликованіе послѣдняго было сдѣлано въ цѣляхъ избѣжать упрека въ двусмысленномъ поведеніи: Ланге, состоя членомъ Комитета „Vereinstag'a deutscher Arbeitervereine", идущаго подъ флагомъ прогрессистовъ, въ тоже время признавалъ правильность нѣкоторыхъ требованій Лассаля, а это уже сильно роняло его въ глазахъ прогрессистской партіи. „Объективное, не говорю уже симпатичное отношеніе къ Лассалю, считалось для политическаго дѣятеля прогрессивной партіи вообще ересью. Не рѣшаясь теоретически отрицать всеобщее и прямое избирательное право, прогрессисты не любили, однако, говорить о немъ, а ихъ отвращеніе къ „государственной помощи" было такъ велико, что изъ-за него забывали о томъ, что рабочій долженъ принимать самое дѣятельное участіе въ политикѣ для установленія соціальной правды" [1]). Въ этомъ послѣднемъ замѣчаніи сказался весь Ланге: всю жизнь свою онъ настойчиво искалъ правды; соціальный и рабочій вопросъ былъ для него, прежде всего, проблемой этической. Несомнѣнно, такая постановка вопроса мало соотвѣтствовала боевому настроенію рабочаго класса, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этихъ кругахъ книга Ланге была встрѣчена съ полнымъ равнодушіемъ, на которое потомъ жаловался авторъ. Въ послѣдующихъ изданіяхъ своей работы Ланге обращается главнымъ образомъ, „къ государственнымъ дѣятелямъ и всѣмъ тѣмъ, кто въ состояніи вліять на ходъ общественныхъ событій". Авторъ стоитъ на соціалистической почвѣ и возраженія противъ соціализма считаетъ предразсудкомъ. „Вполнѣ можно допустить, что подобно тому, какъ реформація, въ качествѣ соціальной революціи, содѣйствовала разрушенію старыхъ формъ собственности и способовъ пріобрѣтенія вмѣстѣ съ водвореніемъ на ихъ мѣсто условій капиталистическаго способа производства,—и новая соціальная революція приведетъ, безъ принципіальнаго и всеобщаго уничтоженія частной собственности, къ созданію такихъ правовыхъ принциповъ и государственныхъ учрежденій, при которыхъ коллективная и частная собственность получатъ возможность вступать между собою въ свободную конкурренцію и начать ту, вѣроятно, вѣковую борьбу, которая окончится торжествомъ коллективной собственности, соединенной съ коллективнымъ трудомъ" [1]). Ланге обрушивается всей силой своей аргументаціи на частную собственность, вскрываетъ ея историчность и находитъ возможнымъ уже для настоящаго времени требовать полнаго пересмотра „правовой системы" (начиная съ права наслѣдованія). Съ замѣчательною ясностью мысли Ланге доказываетъ, что въ истинномъ коммунизмѣ нѣтъ и намека на какой-либо „грабежъ", „раздѣленіе" имуществъ богатыхъ людей, ибо „дѣлежъ" предполагаетъ индивидуалистическую хозяйственную психологію. Стремленія рабочихъ онъ оправдываетъ и убѣжденъ въ окончательномъ торжествѣ ихъ дѣла. По своимъ теоретическимъ взглядамъ Ланге близокъ къ Марксу и Лассалю; отличаетъ его отъ нихъ, главнымъ образомъ, глубоко-этическая окраска его системы и нереволюціонный характеръ программы. Правда, для разрѣшенія рабочаго вопроса, этого центральнаго ядра соціальной проблемы, онъ требуетъ, прежде всего, самостоятельной организаціи рабочихъ, ихъ самодѣятельности; но, во имя мирнаго культурнаго развитія, онъ взываетъ къ содѣйствію власти и высшихъ классовъ общества. Ланге не сомнѣвается, что его напряженная проповѣдь соціальной реформы объединитъ лучшіе элементы общества. „Кто, дѣйствительно, признаетъ себя въ полномъ смыслѣ слова человѣкомъ, тотъ... не можетъ колебаться, на какую сторону стать, когда въ массахъ вспыхнетъ сознаніе ихъ высшаго назначенія. Его обязанность — облегчить по мѣрѣ силъ и возможности переходъ къ новому строю, смягчить характеръ борьбы и спасти для новой жизни все, что можно, изъ вѣчныхъ достояній человѣчества. Всякое сознательное противодѣйствіе этому движенію, когда движеніе приметъ характеръ общаго глубокаго явленія, будетъ постигнуто, по нашему искреннему убѣжденію, тѣмъ самымъ проклятіемъ, которое близорукій доктри-

[1]) Fr. Alb. Lange. „Die Arbeiterfrage. Ihre Bedeutung für Gegenwart und Zukunft". III Aufl. Wint. 1875. Примѣч. на стр. 396—397.

[1]) Ibid., s. 250—251.

неръ бросаетъ въ лицо революціи“ [1]). Въ арсеналѣ орудій, *которыми Ланге воздѣйствуетъ на общественные верхи*, помимо соображеній чисто-моральнаго характера, имѣются и угрозы. Книга, говоритъ онъ, написана съ цѣлью „пробудить имущихъ отъ пріятнаго сна, отъ увѣренности въ безопасности, и показать имъ, что они должны заботиться о судьбѣ ближнихъ, если они хотятъ надолго обезпечить свою собственную безопасность“ [2]). Итакъ, чрезвычайно сложная работа по осуществленію соціальной реформы требуетъ и частной, и общественной, и государственной иниціативы; „руководящей нитью въ лабиринтѣ всевозможныхъ реформъ“ Ланге устанавливаетъ слѣдующіе общіе принципы: признаніе рабочаго вопроса, „стремленіе къ дѣйствительной и полной эмансипаціи рабочихъ (а для этого необходимо, чтобы преобладаніе получила „республиканская или конституціонная форма фабричной организаціи“, по выраженію Ланге); „третій принципъ сводится къ тому, чтобы поднятіе матеріальнаго уровня рабочихъ шло рука объ руку съ *ихъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ*“; четвертый принципъ—неразрывная связь рабочаго и соціальнаго вопросовъ, а эта связь требуетъ „мирнаго, но непрерывнаго воздѣйствія законовъ“ съ цѣлью „превратить цѣлый періодъ прогрессирующей дифференціаціи имущественнаго положенія индивидовъ въ періодъ возрастающаго уравненія“ [3]).

Взывая къ имущимъ Ланге, однако, не думаетъ, что безъ ихъ содѣйствія общество не переработается: капитализмъ вырабатываетъ въ себѣ силы въ видѣ рабочаго класса, „стремленіе къ свободѣ котораго становится всесильнымъ“; сотрудничество классовъ необходимо для мирнаго развитія.

Очевидно, что эта высоко-гуманная проповѣдь мало могла импонировать не только „практикамъ государственнаго соціализма“, но и многимъ теоретикамъ, для которыхъ возложеніе соціальной миссіи на государство играло, главнымъ

[1]) Idid, s. 27.

[2]) Ibid, s. 295.

[3]) Ibid, s. 378—483. На первую очередь Ланге ставитъ реформу наслѣдственнаго права, раздробленіе крупнаго землевладѣнія и «пожалуй, уничтоженіе частной собственности на землю“, въ особенности въ городахъ.

образомъ, роль „громоотвода“, усыпленія гидры революціи. Мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, насколько было-бы удобно Бисмарку слѣдовать такому совѣту Ланге: „слѣдуетъ... отвергать всякое политическое мѣропріятіе, направленное къ тому, чтобы посредствомъ мелкихъ улучшеній въ матеріальномъ положеніи рабочихъ поддерживать и закрѣплять ихъ вѣковую зависимость и нравственное подчиненіе работодателямъ *и вообще высшимъ классамъ*“ [1]).

Непосредственно Ланге не могъ своими воззрѣніями питать доктрины государственнаго соціализма; но поскольку онъ съ такой силой настаивалъ на „морализированіи“ экономики, онъ укрѣплялъ и очищалъ русло новаго теченія въ нѣмецкой экономической наукѣ, теченія, наиболѣе послѣдовательные выразители котораго назвали себя „государственными соціалистами“. Эта оцѣнка работъ Ланге тѣмъ болѣе представляется намъ правильною, что къ концу жизни его воззрѣнія стали менѣе радикальными. Вообще, если искать ученыхъ авторитетовъ, къ которымъ болѣе *всего былъ-бы близокъ Ланге*, выборъ падетъ на Д. С. Милля, мыслителя, которому Ланге посвятилъ цѣлое изслѣдованіе, съ цѣлью пропагандировать его воззрѣнія. „Практической цѣлью“ *упоминаемаго* труда Ланге имѣетъ „борьбу со злоупотребленіемъ экономическимъ оптимизмомъ ради подавленія соціальной реформы“ [2]): дѣло въ томъ, что Милля безапелляціонно зачисляютъ въ ряды „британской школы“, не справляясь съ его взглядами на соціальный вопросъ. „Надо надѣяться“, говоритъ Ланге, „наступитъ скоро время, когда увидятъ, что оптимизмъ, связанный съ именами Бастіа и Кэри [3]), есть только послѣдняя попытка реабилитировать подъ измѣненнымъ флагомъ сдѣлавшуюся ненавистной науку эксплоатаціи („Ausbeutungs-Wissenschaft“); между тѣмъ какъ Милль именно и является тѣмъ мужемъ, который самымъ рѣшительнымъ образомъ порвалъ съ эко-

[1]) Ibid, s. 380.

[2]) F. A. Lange. «J. S. Mill's Ansichten über die sociale Frage und die angebliche Umwälzung der Socialwissenschaft durch Carey». Duisburg—1866, Vorwort, III.

[3]) *Бастіа—любимый экономистъ прогрессистовъ; а взгляды Кэри пропагандировалъ Дюрингъ.*

номіей эгоизма и очень много поработалъ въ пользу новой научной эпохи“ [1]).

Не излагая содержанія этого труда Ланге, такъ какъ онъ въ сущности представляетъ собою поясненіе и развитіе нѣкоторыхъ взглядовъ, высказанныхъ въ „Рабочемъ вопросѣ“, отмѣтимъ только, что авторъ опредѣленно настаиваетъ на *негодности* „хозяйства эгоизма“ и беретъ подъ свою защиту „экономію коммунизма, который „утверждаетъ, что голый принципъ свободной конкурренціи ведетъ къ вопіющимъ несправедливостямъ и что мѣсто простого своекорыстія можетъ и долженъ занять принципъ братства“ [2]).

Отъ всего написаннаго Ланге вѣетъ чистотой и искренностью, чего нельзя, къ сожалѣнію, сказать объ очень многихъ представителяхъ „соціально-реформаторскаго“ ученія.

Намъ остается еще упомянуть о работѣ Л. Брентано: „Die Arbeitergilden“ (два тома, первый—1870 г., второй—1871 г.), сыгравшей также немаловажную роль въ развитіи нѣмецкой экономіи. Мы видѣли, что многіе весьма сочувственно относились къ идеѣ рабочей организаціи; въ литературѣ имѣлись уже свѣдѣнія объ англійской практикѣ (Губеръ). Однако, задача болѣе или менѣе детальнаго ознакомленія съ англійскимъ трэдъ-юніонизмомъ оставалась невыполненной; этотъ трудъ *взялъ на себя Брентано*. Послѣдній весьма оптимистически нарисовалъ картину профессіональнаго рабочаго движенія въ Англіи и придалъ такимъ образомъ принципу „самопомощи“ рабочихъ новую окраску. Отстаиваніе Брентано полной свободы коалицій для рабочихъ не могло встрѣтить особенныхъ симпатій у либеральныхъ экономистовъ; настаиваніе-же на необходимости фабричнаго законодательства по англійскому образцу выдвинуло Брентано, въ глазахъ сторонниковъ Принса-Смита и Михаэлиса, въ ряды „катедеръ-соціалистовъ“. *Брентано даже одному изъ первыхъ* пришлось отвѣчать на нападки „нѣмецкихъ манчестерцевъ“.

Итакъ, мы видимъ, что въ два десятилѣтія послѣ революціи 48-го года — на фонѣ новыхъ реальныхъ отношеній — вполнѣ окрѣпло то теченіе, наличность котораго въ нѣмецкой экономической наукѣ имѣлась уже въ дореволюціонный пе-

[1]) Ibid., Vorwort, III.
[2]) Ibid., s. 10—11.

ріодъ. Оригинальность взглядовъ у позднѣйшихъ экономистовъ *настолько отсутствовала*, что совершались простыя позаимствованія [1]).

[1]) Мы не упоминали въ текстѣ о своеобразномъ писателѣ — Евгеніи Дюрингѣ, *пріобрѣтшемъ печальную извѣстность* не столько своими работами, сколько полемикой противъ него Энгельса—въ знаменитой *работѣ послѣдняго:* Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft» (L. 1878 г.). Не сдѣлали мы этого именно въ силу своеобразія мышленія упоминаемаго философа-экономиста: оставляя въ сторонѣ сомнительное достоинство его трудовъ и невыносимую манеру самовосхваленія, слѣдуетъ отмѣтить, что соціальная система («Socialitätssystem») Дюринга движется совсѣмъ не въ томъ руслѣ, которымъ протекало соціально-политическое и государственно-соціалистическое направленіе. И хотя Энгельсъ называетъ «соціализмъ» Дюринга «специфически прусскимъ», но элементы, изъ которыхъ таковой у Дюринга слагался, совершенно несходны, и отношеніе его къ прочимъ «соціальнымъ консерваторамъ»—явно враждебное. Достаточно обратить вниманіе на то, что Дюрингъ усиленно пропагандировалъ въ Германіи *систему Кари*, т. е. базировалъ свой соціализмъ на самой наивной утопіи «экономическаго оптимизма», по *выраженію Ланге. Экономическіе труды* Дюринга, подлежащіе упоминанію въ нашей работѣ, слѣдующіе: «Capital und Arbeit»—Neue Antworten auf alte Fragen, Berl., 1865; «Kritische Grundlegung der Volkswirthschaftslehre», 1866, Berl.; «Kursus der National und Socialökonomie» B . 1873. «Kritische Geschichte der Nationalökonomie und Socialismus». L. 1879.

Авторъ въ этихъ работахъ, ссылаясь на философскія свои произведенія, выражаетъ претензіи переработать всю экономическую науку и соціализмъ, выдвинувъ собственную «Socialitätssystem». Предшествующая работа мысли кажется ему незаслуживающей вниманія; Дюрингъ старается развѣнчать всѣ авторитеты и явно обнаруживаетъ манію величія. Сущность объясненія несовершенствъ современнаго общественнаго порядка сводится у Дюринга къ извѣстной его «теоріи насилія». Практическія предположенія автора страдаютъ большою неясностью: очевидно только, что Дюрингъ надѣется, оставляя въ силѣ капиталистическій способъ производства, *регулировать хозяйственную* жизнь образованіемъ ряда коммунъ, «экономическихъ, соціальныхъ *коалицій*». *Предоставимъ самому Дюрингу формулировать* свои взгляды: «Основная мысль «Капитала и труда» заключалась въ установленіи *лучшаго* оборота производства и потребленія перенесеніемъ центра тяжести потребленія въ народныя и рабочія массы. Это перенесеніе должно быть осуществлено солидной («ernsthafte») организаціей рабочихъ коалицій, и эмансипація труда для дальнѣйшаго будущаго должна подготовляться открывающейся такимъ образомъ возможностью значительнаго повышенія заработныхъ платъ» (Dühring,

II.

„Катедеръ-соціалисты“ и „Der Verein für Socialpolitik“.

Первые годы жизни Германской Имперіи оказались наиболѣе подходящими для провозглашенія лозунга соціальной реформы. Съ одной стороны, поразительные успѣхи прус-

«Cursus der Nationalökonomie und Socialökonomie», 2-te Aufl., L., 1876 г., s. 524).

«Соціальная система» Дюринга, по его мнѣнію, черпаетъ «seine Kraft aus der naturrechtlichen und politischen Wurzeln der lebensvollsten und zukunftreichsten Gesellschaftstriebe» (ibid., s. 519). *Надо* умѣлой общественной организаціей побѣдить склонность людей «насиловать» другъ друга. Права существующія придется «ограничивать» но не уничтожать. Соціалисты, которыхъ Дюрингъ обзываетъ «идіотами» и «кретинами», дѣлаютъ именно грубыя ошибки желаніемъ уничтожать права, напр. право собственности, забывая, что въ этой проблемѣ есть двѣ стороны—господство надъ человѣкомъ и господство надъ вещью, неподлежащее уничтоженію. Для того, чтобы рабочія коалиціи („sociale Koalitionen“, „gesellschaftliche Bündnisse“) достигли цѣли, имъ, очевидно, надо избавиться отъ политическаго насилія, т. е. политически сдѣлаться независимыми; отсюда—тезисъ Дюринга: «Untrennbarkeit der politischen Funktionen von den wirtschaftlichen Bestrebungen» («Capital und Arbeit», B., 1865, s. 214). «Keine socialpolitiche ohne ernstliche und selbstständige politische Vertretung—das ist die Devise, mit der wir die sociale Frage praktisch anzugreifen haben», поясняетъ авторъ (ibid, s. 215). Къ нѣмецкой наукѣ вообще и соціально-политическому теченію въ особенности Дюрингъ относится чрезвычайно пренебрежительно: «cretinöse Gedanken cretinenhaft ausgedrückt» («Cursus», s. 522). У Маркса авторъ находитъ «theokratisch autoritären Staatscommunismus» («Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus», III Aufl., L., 1879, s. 557). *Немного забѣгая впередъ, отмѣтимъ и оцѣнку* катедеръ-соціалистовъ со стороны Дюринга: «sie sind wissenschaftlich principlos und mit ihren paar namenlosen, ladenhüterischen Stoppelmonographiechen ein verworrenes Nichts». *Воззрѣнія Шеффле*—«jesuitisch christlich und feodal gefärbt» (ibid., s. 563)

Ясно, что при такомъ отношеніи Дюринга къ своимъ сотоварищамъ-экономистамъ не приходится говорить о его совмѣстной съ ними работѣ, о его участіи въ конструированіи «государственнаго соціализма»; тѣмъ болѣе, что главнѣйшимъ источникомъ его научнаго «вдохновенія» является «гармонистъ» Кэри. Позиція Дюринга, вообще говоря,—одинока. Лишь отдаленнымъ образомъ, трактуя соціальную проблему, онъ этимъ отдаетъ дань своему времени. Симптоматической вообще является его попытка базировать экономическую науку на «eine Gerechtigkeits-und Gesellschaftstheorie» («Cursus», s. 519).

скаго оружія, разрѣшившаго присущимъ ему способомъ нѣмецкій національный вопросъ, высоко подняли въ глазахъ современниковъ значеніе государства. Сила послѣдняго могла казаться почти неисчерпаемой: если правительству удалось *въ теченіе немногихъ лѣтъ образовать новую грозную державу*, то почему ему не вмѣшаться въ борьбу общественныхъ классовъ и не установить ихъ гармоническое сожительство?

Далѣе,—рабочія массы начинали проявлять все большую активность. И притомъ—въ двухъ направленіяхъ. Со времени Лассаля участіе рабочаго класса въ политической жизни страны было рѣшено въ положительномъ смыслѣ. Соціалъ-демократическая рабочая партія стала фактомъ. И если лассаліанское ея крыло, „Всеобщій нѣмецкій рабочій союзъ“, руководимый, послѣ смерти своего основателя, Швейцеромъ, велъ двусмысленную тактику, допускавшую возможность даже прямыхъ переговоровъ съ правительствомъ, то *основанная въ 1869 г., послѣ конгресса въ Эйзенахѣ*, соціалъ-демократическая партія заняла вполнѣ опредѣленную революціонную позицію. Поведеніе ея руководителей—Бебеля и Либкнехта—въ войну 1870—71 года не оставляло никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Между тѣмъ, ростъ политическаго рабочаго движенія приходилось—volens-nolens—констатировать: при выборахъ въ первый рейхстагъ Сѣверо-Германскаго Союза за соціал. депутатовъ было подано нѣсколько десятковъ тысячъ голосовъ, тогда какъ—въ первый рейхстагъ Германской Имперіи свыше ста тысячъ, цифра—достигшая 350.000 слишкомъ въ 1874 г. Подъемъ хозяйственной дѣятельности Германіи послѣ войны, вызвавшій усиленный спросъ *на рабочія руки*, далъ могущественный толчокъ развитію стачечнаго и профессіональнаго движенія среди рабочихъ, и такимъ образомъ получила развитіе и другая сторона рабочаго движенія—экономическая. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ парижской коммуны, создавшей даже Бисмарку, по его словамъ, первую безсонную ночь, красный призракъ „соціальной“ революціи въ Германіи могъ *многимъ* казаться очень *близкимъ*.

Въ то-же время, пятимилліардная контрибуція, создавшая необычайный хозяйственный подъемъ въ Германіи, обнаружила съ большою очевидностью темныя стороны капиталистической экономики. Разнузданное грюндерство, самая без-

застѣнчивая биржевая спекуляція, подкупъ прессы, предосудительные способы вліянія на парламентъ и правительство (напр., вовлеченіе депутатовъ и чиновниковъ въ разнаго рода рискованныя предпріятія), грандіозный крахъ 1873 г.—всѣ эти невеселыя картины врядъ-ли могли служить аргументомъ въ пользу безграничнаго господства интересовъ „капитала". Гнетъ послѣдняго чувствовался весьма сильно, и не столько даже рабочей массой, которая могла воспользоваться въ большей или меньшей мѣрѣ благопріятной для нея конъюнктурой въ началѣ 70-хъ годовъ, сколько тѣмъ „среднимъ сословіемъ", хроническая болѣзнь котораго обнаружилась уже въ серединѣ столѣтія. Какой вѣсъ могли имѣть мелкія предпріятія въ года, когда чуть-ли не каждый день знаменовался учрежденіемъ крупной акціонерной компаніи? Въ 1871-мъ году было основано 259 новыхъ акц. компаній, а въ 1872 г.—504 съ капиталомъ болѣе чѣмъ полтора милліарда марокъ. Золотой дождь не повысилъ урожаевъ на нивахъ ремесленниковъ, а—наоборотъ—способствовалъ лишь большему лишенію ихъ прежней самостоятельности. Дворянское сословіе, поднявшее голову во время реакціи, оттѣснялось все больше и больше на задній планъ: дѣло дошло до того, что банкиры, въ родѣ Блейхредера, могли устраивать министерскіе кризисы и проводить угодныхъ имъ сановниковъ (Кампгаузена). „Народу мыслителей и поэтовъ" пришлось пережить грязный „Schwindelperiode" со всѣми его послѣдствіями.

Чѣмъ сильнѣе былъ хозяйственный подъемъ, тѣмъ острѣе потомъ чувствовался кризисъ. Нужда рабочаго класса въ періодъ застоя должна была отличаться особенной экстенсивностью и интенсивностью, такъ какъ въ періодъ растущаго спроса на рабочія руки произошла громадная концентрація рабочихъ въ индустріальныхъ округахъ и городахъ.

Далеко не простымъ совпаденіемъ объясняется то обстоятельство, что извѣстная уже намъ рѣчь пр. Шенберга на тему объ „Arbeitsämter" появилась недѣлю спустя послѣ полученія извѣстія о парижскомъ возстаніи: „соціальнымъ политикамъ" своевременнѣе всего было выступить теперь съ лозунгомъ: „соціальная реформа противъ революціи". Приподнятый тонъ рѣчей Шенберга, Вагнера („о соціальномъ вопросѣ") вполнѣ соотвѣтствуютъ переживаемому моменту. И рѣзкій тонъ

либеральной критики по адресу „катедеръ-соціалистовъ" находитъ себѣ извѣстное объясненіе въ томъ воодушевленіи, съ какимъ ихъ противники стали пропагандировать свои взгляды. Либеральныя газеты (особенно „Nationalzeitung", печатавшая статьи Оппенгейма) подняли цѣлую бурю противъ современной университетской науки въ Германіи; „Breslauer Zeitung" [1]) довольно ясно предлагала правительству лишить крамольныхъ доцентовъ права преподаванія. „Катедеръ-соціалисты" были объявлены болѣе опасными, чѣмъ іезуиты. Въ виду того, что большинство газетъ находилось подъ вліяніемъ „манчестерской партіи", сторонникамъ „Staatshilfe" трудно было отвѣчать въ повседневной прессѣ своимъ противникамъ. Съ большимъ трудомъ удалось Брентано помѣстить свою статью: „Abstrakte und realistische Volkswirthe", благодаря случаю, сведшему его съ Эккардтомъ, редакторомъ „Гамбургскаго Корренспондента", газеты, ставшей съ тѣхъ поръ органомъ катедеръ-соціалистовъ. Конечно, и Брентано, съ сочувствіемъ относящійся къ англійскому рабочему движенію и пропагандирующій необходимость фабричнаго законодательства, тоже былъ причисленъ къ соціалистамъ кафедры. По заглавію статьи можно видѣть, въ чемъ заключался главный упрекъ Брентано, упрекъ который, долженъ былъ особенно чувствительно задѣть его противниковъ. Слѣдить за развитіемъ полемики между нимъ и Оппенгеймомъ не представляетъ особеннаго интереса, тѣмъ болѣе, что центръ тяжести статей Брентано заключался въ защитѣ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ отъ нападокъ, сыпавшихся на нихъ въ это время за стачки. Корректный тонъ возраженія Брентано смѣнился рѣзкой выходкой Вагнера въ упоминавшейся нами работѣ—„Открытое письмо Оппенгейму" (10 апр. 1872 г.). Вагнеръ не стѣснялся въ выраженіи своего пренебреженія къ манчестерцамъ, къ которымъ онъ самъ принадлежалъ въ началѣ своей ученой дѣятельности. Повтореніе „шаблоновъ фритредерской школы" свидѣтельствуетъ, по мнѣнію Вагнера, о громадной отсталости въ наукѣ; новая-же трактовка, въ духѣ христіан-

[1]) Else Conrad. „Der Verein für Socialpolitik und seine Wirksamkeit auf dem Gebiet der gewerblichen Arbeiterfrage", Jena—1906. s. 37—38.

ской этики, рабочей проблемы, необходима, если желателенъ соціальный миръ. Въ критикѣ капитализма Вагнеръ обнаружилъ изрядную долю антисемитизма. Отвѣчая ему, Оппенгеймъ особенно подчеркивалъ неопредѣленность выставленныхъ пожеланій, опасность расплывчатыхъ формулъ, которыми лица, подобныя Вагнеру, проповѣдуя прямо соціалистическія требованія, прикрываютъ себѣ возможность отступленія.

Не надо думать, что либеральные экономисты рѣшительно отрицали въ своей полемикѣ какой-бы то ни было недостатокъ въ существующихъ хозяйственныхъ условіяхъ; Оппенгеймъ, напр., даже соглашался, что въ „іереміадахъ коммунистовъ и соціалистовъ всегда есть кое-что истинное". Пунктъ рѣшительнаго расхожденія лежитъ въ плоскости проектовъ улучшенія.

Чего, однако, безусловно не поняли сторонники промышленной свободы, это—преемственности идей представителей новаго теченія отъ признанныхъ, установленныхъ авторитетовъ нѣмецкой экономической науки—Рошера, Гильдебрандта, Л. Штейна, Энгеля и др. Представляя дѣло какимъ-то неожиданнымъ новшествомъ (Оппенгеймъ), они несомнѣнно раздували славу противниковъ, унизить которыхъ такъ старались, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруживали незнакомство съ нѣмецкой экономической литературой. А вѣдь Вагнеръ въ своемъ открытомъ письмѣ опредѣленно аппеллировалъ къ „старому Гоффманну", камералистически окрашенному экономисту дореволюціонной Германіи.

Въ то время, какъ „манчестерцы" говорили лишь „о т. н. соціальномъ вопросѣ", ихъ противники развивали цѣлую его теорію. Книгой, имѣвшей такое-же симитоматическое значеніе, какъ и „знаменитыя" рѣчи Шенберга и Вагнера, была „Die Theorie der socialen Frage" ф. Шеля. Характеризуя процессъ хозяйственнаго развитія и ставя вопросъ о его цѣли, Шель устанавливаетъ таковую „въ проведеніи свободы и равенства для всѣхъ членовъ общества". „Въ доказательство истинности сказаннаго мы могли-бы сослаться на всеобщее сознаніе, на весь ходъ новѣйшаго законодательства. И если кто-либо возразитъ, что дѣло идетъ о насажденіи свободы, а не равенства, то мы могли-бы на это возразить, что свобода безъ равенства можетъ обозначать лишь свободу

болѣе сильнаго, его т. наз. право" [1]). Легко видѣть, что Шель даже не стѣсняется пользоваться выраженіями соціалистическихъ брошюръ. Соціальный вопросъ онъ опредѣляетъ, какъ „осознанное противорѣчіе экономическаго развитія съ соціальнымъ принципомъ свободы и равенства, стоящимъ передъ нами въ качествѣ идеала и находящимъ осуществленіе въ области политической" [2]). „Рабочій вопросъ есть споръ между сильными и слабыми; поэтому онъ требуетъ регулировки со стороны высшей внѣпартійной силы въ пользу слабыхъ"... [3]); конечно, слабѣйшей стороной являются рабочіе. Ростъ капитализма сопровождается увеличеніемъ имущественнаго неравенства. Если не произойдетъ вмѣшательства въ классовую борьбу, то общественные катаклизмы—неизбѣжны. Отсюда ясно, что принципъ невмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь теперь не выдерживаетъ критики; онъ былъ, быть можетъ, примѣнимъ въ эпоху борьбы съ деспотизмомъ. „Высшей силой, которая призвана разрѣшить соціальный вопросъ, является государство, государственная власть, ибо его призваніе, какъ высшаго культурнаго органа—устранять тенденціи, противодѣйствующія культурному принципу" [4]). Тремя силами должна быть разрѣшена соціальная проблема: политической, религіозной и моральной. Отсюда необходимость—Staatshilfe, Kirchenhilfe и Selbsthilfe. Однако, самопомощь ведетъ къ борьбѣ; на церковь, слишкомъ погрязшую въ догматизмѣ, особенныхъ надеждъ Шель не возлагаетъ; остается „третья сила—политическая, какъ единственная, способная къ коренному разрѣшенію соціальнаго вопроса" [5]). „Государственно-соціалистическая" окраска взглядовъ Шеля рѣзко бросается въ глаза. „Государственная власть есть орудіе культуры, которое держитъ въ рукахъ общество; и только сильнымъ ея использованіемъ могутъ быть разрѣшены культурные вопросы" [6]). Само собою разумѣется, говоритъ Шель, что

[1]) H. v. Scheel. „Die Theorie der socialen Frage", Iena, 1871. s. 14—15.
[2]) Ibid., s. 16.
[3]) Ibid. s. 104.
[4]) Ibid. s. 136.
[5]) Ibid. s. 146.
[6]) Ibid., s. 148.

правительственная дѣятельность должна совершаться въ законныхъ рамкахъ, но заключать ее въ разъ навсегда опредѣленныя границы—совершенно невозможно. Правда, возникаетъ сомнѣніе, можетъ-ли правительство дѣйствовать совершенно безпартійно: вѣдь государственная власть оказывается въ рукахъ различныхъ общественныхъ группъ. Шель самъ признаетъ наличность извѣстнаго „порочнаго круга“ въ своихъ построеніяхъ, но утѣшаетъ себя мыслью, что, по мѣрѣ развитія культуры, постепенно общество и государство проникается началами равенства и свободы.—Такъ теоретически была поставлена Шелемъ соціальная проблема. Значительное совпаденіе его взглядовъ съ Родбертусовскими бросается въ глаза. Конечно, соціалистомъ Шеля назвать нельзя, но уступки, сдѣланныя имъ соціалистической доктринѣ—немаловажны, и переполохъ, вызванный его книгой, вполнѣ понятенъ.

Шенбергъ, рѣчь котораго послужила ближайшимъ поводамъ къ литературной полемикѣ, въ статьѣ: „Zur Literatur der socialen Frage“ (1872 г. въ тюбинг. Zeitschrift), какъ-бы подводитъ итоги возгорѣвшемуся спору констатируя разложеніе нѣмецкой экономической науки и непримиримость позицій противниковъ. Когда Лассаль началъ свой походъ противъ либеральной экономіи, профессіональные экономисты молчали, всѣ за исключеніемъ Шеффле, хотя расколъ уже былъ на лицо. „Противорѣчіе направленій стало яснымъ и внѣ узкаго научнаго круга благодаря работамъ академиковъ-экономистовъ на тему о соціальномъ вопросѣ. Эти работы являлись необходимымъ результатомъ ихъ основныхъ воззрѣній и другихъ методовъ анализа, сравнительно съ оптимистическими воззрѣніями манчестерской школы на реальныя отношенія; экономисты оспаривали принципъ абсолютной, нерегулированной свободы индивидуума, самопроизвольнымъ результатомъ которой будто-бы является разрѣшеніе великихъ экономическихъ вопросовъ современности. Въ противность этому, экономисты подчеркивали необходимость для этого разрѣшенія дѣятельнаго проявленія моральной обязанности со стороны высшихъ классовъ и помощь со стороны государства на основѣ точнаго и вѣрнаго установленія конкретныхъ отношеній... [1])

[1]) „Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft“, XXVIII B., Тюб. 1872 г., Ст. Schönberg'a—„Zur Literatur der socialen Frage“, s. 406.

Возраженія противниковъ дѣлались по мнѣнію Шенберга, въ неподобающемъ тонѣ: они стали недостойно высмѣивать новое теченіе. Упреки въ томъ, что Шенбергъ со своими единомышленниками слишкомъ сгустилъ краски, невѣрно излагая взгляды фритрэдеровъ, авторъ отстраняетъ подлинными цитатами изъ популярныхъ статей Принса-Смита, Фаухера и др., гдѣ либеральная точка зрѣнія была доведена до крайнихъ предѣловъ. Называть соціалистическимъ новое направленіе, продолжаетъ Шенбергъ, можетъ лишь недобросовѣстный оппонентъ. Конечно, „наше направленіе не относится такъ отрицательно, какъ фритрэдерская школа, къ соціализму; болѣе того, оно совершенно согласно съ послѣднимъ въ требованіи государственной помощи, но требуемая имъ государственная помощь—существенно иная, чѣмъ у соціализма, и теченіе очень далеко отъ того, чтобы принимать соціалистическую программу“ [1])... Излагая принципы революціоннаго соціализма, отрицающаго устои современнаго хозяйства, Шенбергъ предоставляетъ читателю судить, насколько отличаются отъ нихъ разбираемыя имъ работы: рѣчь Вагнера, книга Шеля и его собственная рѣчь.

Приводимая нами статья Шенберга интересна еще и въ другомъ отношеніи: въ ней весьма опредѣленно заявляется объ отсутствіи полнаго единства взглядовъ у катедеръ-соціалистовъ, о совпаденіи лишь общихъ точекъ зрѣнія. Такъ, напр., Шенбергу взгляды Шеля кажутся излишне радикальными: соціальный вопросъ вовсе не подлежитъ окончательному разрѣшенію, какъ надѣется Шель. Затѣмъ, Шель слишкомъ пессимистически смотритъ на принципъ самопомощи и преувеличиваетъ значеніе „государственной помощи“. Отдѣльные пункты проектовъ Шеля—прямо опасны: напр., запрещеніе работать на фабрикахъ замужнимъ женщинамъ. Вопросъ о нормировкѣ максимальнаго рабочаго дня взрослаго работника—остается открытымъ; не правильнѣе-ли будетъ, сокративши нѣсколько время, предоставить въ этомъ отношеніи полный просторъ рабочимъ союзамъ? Взгляды Вагнера кажутся ему болѣе пріемлемыми.

[1]) Ibid., s. 414—415.

Указанное нами въ началѣ этого раздѣла вліяніе факта образованія Германской имперіи на нѣмецкихъ экономистовъ выпукло подтверждается пожеланіемъ Шенберга вести и въ соціальной области такую-же „реальную политику", какъ и въ вопросѣ „политическаго національнаго развитія".

Слѣдуетъ еще упомянуть о написанной въ объективномъ и примирительномъ духѣ статьѣ Held'a — въ „Preussische Jahrbücher" 1872 г.—на тему „Ueber den gegenwärtigen Prinzipienstreit", которая способствовала нѣкоторому смягченію тона полемики, но, конечно, примирить оба теченія не могла.

Новая волна полемики поднялась вокругъ болѣе значительнаго въ общественномъ отношеніи факта — основанія „Verein'a für Socialpolitik". Остановимся на главнѣйшихъ моментахъ этого событія, вызывавшаго на нѣкоторыхъ кругахъ много надеждъ. Мысль объ образованіи союза, проникнутаго идеями соціальной реформы, способнаго систематически проявлять вліяніе на общественное мнѣніе и даже правительство, возникла у Вагнера и Эккардта. Послѣ переписки съ рядомъ профессоровъ рѣшено было устроить предварительное совмѣстное обсужденіе поднятаго вопроса. 13 іюля 1872 г. въ Галле съѣхались слѣдующія лица: Рошеръ, Энгель, Гильдебрандъ, Вагнеръ, Конрадъ, Кнаппъ, Брентано, ф. Эккардтъ, Шмоллеръ, Митгоффъ, Мейеръ, Анштютцъ, Дернбургъ, Фиттингъ, ф. Гелльдорфъ. Предсѣдательствовалъ Гильдебрандъ. Результатомъ обмѣна мыслей явилось рѣшеніе уже въ октябрѣ этого года устроить конгрессъ, причемъ комитету были даны полномочія пригласить академиковъ, сочувствующихъ новому теченію, представителей прессы и выдающихся дѣятелей, какъ напр. Шульце-Делича, Макса Гирша, Дункера и др. Послѣднія имена показываютъ, что обсужденіе соціальныхъ вопросовъ желательно было сдѣлать какъ можно болѣе всестороннимъ. Среди приглашенныхъ фигурировало даже имя Трейтчке, которому принадлежитъ одна изъ самыхъ рѣзкихъ статей противъ катедеръ-соціалистовъ. Приглашеніе, обращенное къ представителямъ науки и практики, внѣпартійно или, лучше сказать, съ точки зрѣнія всѣхъ партій обсудить назрѣвшія проблемы, звучало довольно торжественно: „...будущее нѣмецкой имперіи, какъ и будущее нашей культуры вообще находится въ существенной зависимости отъ того, какъ въ ближайшемъ времени сложатся наши соціальныя отношенія" [1]).

Въ воскресенье, 6 окт. 1872 г. въ Эйзенахѣ состоялось первое засѣданіе конгресса. Вступительная рѣчь принадлежитъ пр. Шмоллеру.

Ораторъ главнымъ мотивомъ устройства конгресса отмѣчаетъ желаніе найти общую почву для провозглашенія „реформы соціальныхъ отношеній". Мысль о послѣдней уже давно зрѣла въ кругахъ нѣмецкихъ экономистовъ, теоретиковъ и практиковъ; теперь необходимо публичное заявленіе. Дѣло въ томъ, что классовой антагонизмъ за послѣднее время сильно обострился: недовольство въ рабочей средѣ усилилось, — и это можетъ повести къ соціальной революціи, если заблаговременно не выступить навстрѣчу справедливымъ требованіямъ рабочихъ соотвѣтствующими реформами. Манчестерское направленіе, отрицающее въ принципѣ соціалъ-реформаторскую точку зрѣнія, не можетъ нынѣ претендовать на научную неприкосновенность: недостатки современной экономики вскрыты съ большой отчетливостью. Конечно, этимъ признаніемъ не отрицаются громадные успѣхи, достигнутые человѣчествомъ въ рамкахъ современной культуры, но наступилъ моментъ, когда пора заговорить о равномѣрности распредѣленія культурныхъ благъ. Новое теченіе желаетъ разбирать условія не только усиленія производства, но и его вліянія на человѣчество. Положеніе рабочаго класса, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, несомнѣнно улучшилось, но не настолько, насколько слѣдовало-бы, — и поэтому недовольство рабочихъ вполнѣ понятно: имъ не обезпечивается моральное и хозяйственное развитіе. Несомнѣнно, что среди собравшихся будутъ даваться самые разнообразные отвѣты на вопросъ о предѣлахъ реформы и способахъ ея осуществленія; но Шмоллеръ думаетъ, что всѣ участники конгресса согласны между собою въ трактованіи значенія и роли государства: они „одинаково далеки и отъ естественноправового господства индивидуума" и отъ „абсолютистской теоріи всепоглощающей государственной власти". Государство всегда для нихъ является „величественнымъ нравствен-

[1]) См. цит. книгу Elise Conrad, „Der Verein für Socialpolitik", s. 58 etc.

нымъ институтомъ для воспитанія человѣческаго рода". Признавая конституціонный режимъ, они, однако, не хотятъ сдѣлать власть простой зрительницей усиливающейся классовой борьбы. Ихъ желаніе (которое мы уже приводили въ началѣ работы) — имѣть „сильную государственную власть, стоящую выше эгоистическихъ классовыхъ интересовъ, которая вела-бы управленіе по началамъ справедливости („mit gerechter Hand"), защищала слабыхъ, поднимала-бы низшіе классы". „Лучшимъ наслѣдіемъ" нѣмецкой государственной жизни объявляется „прусское чиновничество и прусская королевская власть", всегда боровшаяся противъ привилегій и за эмансипацію низшихъ классовъ [1]).

Идеалъ соціальныхъ политиковъ — не соціалистическая нивеллировка общества, но предоставленіе возможности каждому занять соотвѣтствующую соціальную позицію. О коренномъ измѣненіи устоевъ современнаго общества не можетъ быть и рѣчи: надо опираться на его начала, а затѣмъ реформировать все, подлежащее человѣческому воздѣйствію. И, притомъ, не по отвлеченнымъ принципамъ, а соотвѣтственно указаніямъ самой жизни. Идеаломъ участниковъ конгресса является подъемъ „все большей части нашего народа къ участію во всѣхъ высшихъ благахъ культуры, въ образованіи и благосостояніи" [2]). И осуществленіе этого идеала возлагается какъ на государство, такъ и на все общество, и на его отдѣльныхъ членовъ. Вотъ — истинная демократическая задача нашего времени.

Послѣ избранія предсѣдателемъ Гнейста (бывшаго активнымъ членомъ и „volksw. Kongresses"), приступили къ разсмотрѣнію слѣдующихъ вопросовъ: фабричное законодательство (рефератъ Брентано), забастовки и профессіон. союзы (Шмоллера), жилищная нужда (Энгель). При обсужденіи этихъ темъ сказалось значительное различіе мнѣній у присутствующихъ.

Постановка именно этихъ вопросовъ въ первую голову обнаруживаетъ, что въ данный моментъ наибольшее вниманіе соціальныхъ политиковъ было обращено на положеніе городскихъ рабочихъ слоевъ. Центромъ соціальной проблемы являлся рабочій вопросъ, а въ области послѣдняго — охрана труда. Брентано съ особенной силой настаивалъ на необходимости института фабричныхъ инспекторовъ, государственнаго органа надзора за исполненіемъ фабричнаго законодательства. „Гамбургскій Корреспондентъ" указываетъ, что данная тема мало была знакома тогдашнему кругу образованныхъ читателей, а обсужденіе ея на конгрессѣ имѣло большое общественное значеніе. Правда, и „volksw. Kongress" поднималъ вопросъ о рабочемъ законодательствѣ; но, въ общемъ, рѣшалъ его въ пользу государственнаго невмѣшательства, утверждая гармонію интересовъ рабочихъ и предпринимателей.

[1]) Schmoller, „Zur Social- und Gewerbepolitik der Gegenwart", Leipz. 1890; s. 9.

[2]) Ibid., s. 12.

Соціальные политики стали на противоположную точку зрѣнія. Гельдъ опредѣлилъ призваніе государства въ смягченіи дурныхъ послѣдствій хозяйственнаго эгоизма. Но если Брентано, Максъ Гиршъ и другіе полагали довольно тѣсные предѣлы государственному воздѣйствію (охрана лишь тѣхъ лицъ, которыя безусловно въ ней нуждаются,— дѣти, женщины) и съ большой надеждой смотрѣли на профессіон. рабочіе союзы, какъ средство мирнаго разрѣшенія конфликтовъ, другіе—Neumann, R. Meyer, не стѣснялись расширеніемъ правительственныхъ функцій.

Находящійся подъ громаднымъ вліяніемъ Родбертуса— представитель „соціально-консервативнаго теченія"—P. Meyer пытался расположить собраніе въ пользу „нормальнаго рабочаго дня", но безуспѣшно. Родбертусъ, который также былъ приглашенъ на конгрессъ, но отклонилъ предложеніе, очевидно, не могъ разсчитывать на сочувствіе собравшихся. Отсюда довольно рѣзкіе выпады противъ „катедеръ-соціалистовъ съ ихъ „пластырями и микстурами", выпады которые мы находимъ въ перепискѣ Родбертуса съ Мейеромъ. Истинный „государственный соціалистъ" остался недоволенъ эйзенахскими засѣданіями, хотя и признаетъ за ними извѣстную пользу, какъ протестъ противъ манчестерства. Государственное вмѣшательство, рекомендуемое соціальными политиками, Родбертусъ считаетъ нерѣшительнымъ, половинчатымъ. Удивляется преклоненію ученыхъ предъ професс. рабочими союзами, и — въ концѣ концовъ—находитъ, что не государственная идея восторжество-

вала на конгрессѣ, а Гиршъ-Дункеровская, что и запечатлѣлось въ овацiяхъ Шульце-Деличу [1]).

Мы не можемъ останавливаться на всѣхъ подробностяхъ засѣданiй ферейна, такъ какъ это заняло-бы слишкомъ много мѣста, да—кромѣ того—и лишено непосредственнаго интереса для нашей темы. Неопредѣленность соцiально-политическихъ воззрѣнiй на почвѣ весьма расплывчатыхъ общихъ принциповъ, здѣсь, такъ сказать, персонифицировалась; мыслима лишь нѣкоторая грубая классификацiя катедеръ-соцiалистовъ—по степени допускаемаго ими государственнаго вмѣшательства. Брентано, вообще говоря, былъ ближе къ либеральнымъ экономистамъ, Шель и Вагнеръ—дальше. Къ послѣднимъ, какъ увидимъ ниже, болѣе примѣнимо даже названiе „государственныхъ", а не „катедеръ"—соцiалистовъ. Между этими двумя крайними теченiями пестро распредѣлялись голоса менѣе рѣшительныхъ и оригинальныхъ представителей идеи „соцiальной реформы". Взгляды Ад. Вагнера позднѣе будутъ изложены нами съ большею подробностью.

На Эйзенахскомъ конгрессѣ было рѣшено образовать постоянное учрежденiе—„Verein für Sozialpolitik", который окончательно и конституировался на второмъ собранiи въ томъ-же Эйзенахѣ,—въ 1873 г. 31 мая 1873 г. былъ изготовленъ и опубликованъ „Aufruf zur Gründung eines Vereins für Socialpolitik". Мы уже приводили выдержки изъ этого воззванiя и потому теперь можемъ ограничиться немногимъ. Въ основѣ его лежитъ вступительная рѣчь Шмоллера, которому удалось угадать настроенiе участниковъ конгресса и выразить его соотвѣтствующими неопредѣленными формулами. Упоминая объ угрожающемъ спорѣ между трудомъ и капиталомъ, „Aufruf" возлагаетъ „на государство и общество настоятельныя задачи мирной реформы". Прежде всего, необходимо „выяснить положенiе рабочихъ и ихъ отношенiе къ работодателямъ, твердо установить условiя образованiя профессiональныхъ союзовъ, поддержать ихъ нормальное развитiе", содѣйствовать мирному улаженiю споровъ. „Равнымъ образомъ должны быть разсмотрѣны остальныя соцiальныя и экономическiя проблемы нашего времени, какъ-то—вопросы гигiены и образованiя, область транспорта, акцiонерныхъ компанiй, налоговая система". Простая игра частныхъ интересовъ не создаетъ условiй мирнаго развитiя, и своевременно призвать „благодѣтельное вмѣшательство государства къ защитѣ справедливыхъ интересовъ всѣхъ участниковъ". „Въ этой государственной заботѣ мы не усматриваемъ крайняго средства или неизбѣжнаго зла, но выполненiе одной изъ высшихъ задачъ нашего времени и нашей нацiи". „Мы думаемъ, что правильный обмѣнъ мыслей между работодателями и рабочими, людьми теорiи и практики, принесетъ существенную пользу дѣлу примиренiя интересовъ, и призываемъ какъ прежнихъ участниковъ и всѣхъ единомыслящихъ, такъ въ особенности членовъ администрацiи (Verwaltungsbeamte) ко вступленiю въ основываемый Союзъ" [1]).

Легко видѣть на этомъ воззванiи печать не только рѣчи Шмоллера, но и „знаменитыхъ" рѣчей Шенберга и Вагнера. Невольно возникаетъ вопросъ, что долженъ былъ представлять собою въ общественно-политическомъ отношенiи союзъ,—просто-ли группу единомыслящихъ, желающихъ только вліять на общественное мнѣнiе, или нѣкоторое подобiе политической партiи. Несомнѣнно, большинство о послѣдней роли не помышляло, но—въ силу вещей—нѣкоторыми предполагалось придать такое значенiе Verein'у. Мы позволимъ себѣ въ этомъ отношенiи сослаться на академическую рѣчь (произнесенную 3 iюля 1873 г.) того-же Шенберга, на тему: „Нѣмецкая фритрэдерская партiя и партiя эйзенахскаго собранiя въ окт. 1872 г." Эта рѣчь вообще настолько характерна, что на ней слѣдуетъ остановиться.

До 1872 г., говоритъ Шенбергъ, въ области соцiальнаго вопроса въ Германiи противостояли только двѣ партiи и два научныхъ теченiя—фритрэдерское и соцiалистическое; въ этомъ-же году „на арену выступила группа лицъ, съ одинаковой рѣшительностью оспаривавшая соцiально-политическую программу какъ соцiалистовъ, такъ и сторонниковъ свободы торговли, и требовавшая разрѣшенiя соцiальной проблемы инымъ—третьимъ способомъ, лежащимъ на сере-

[1]) „Briefe und socialpol. Aufsätze" v. d. Rodbertus-Jagetzow hgb. von R. Meyer. Berlin. 1881, B. I, s. 233.

[1]) «Aufruf», прил. къ „Verhandlungen des V. für. S. p. 1873 J. Leipzig, 1874.

динѣ между собоими, до сихъ поръ представленными“ [1]). Намъ уже неоднократно приходилось слышать, что соціальные политики выражаютъ намѣреніе занимать среднюю позицію. Насколько таковая мыслима—вопросъ особый, пока достаточно указать, что въ глазахъ соціальныхъ политиковъ она представляется возможной. Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія Шенбергъ констатируетъ, что къ мнѣнію участниковъ Эйзенахскаго конгресса стали прислушиваться, ибо среди нихъ находятся — „почти всѣ представители національной экономіи въ нѣмецкихъ университетахъ, руководители перваго статистическаго бюро въ Германіи, выдающіеся депутаты всѣхъ политическихъ партій, извѣстные, уважаемые даже противниками руководители рабочихъ и, наконецъ, предприниматели“, сочувствующіе рабочему дѣлу. На истинно политическаго дѣятеля такая пестрая смѣсь произвела бы гнетущее впечатлѣніе, поскольку онъ ставилъ-бы задачей союза не простой обмѣнъ мыслей, а практическія цѣли; но Шенбергъ не замѣчаетъ этого внутренняго безсилія Verein'a и ликуетъ, будучи склоненъ привѣтствовать въ немъ новую, если не соціально-политическую, то соціальную партію. Ему думается, что съ „воззванія Verein'a начинается новая стадія соціальнаго движенія въ Германіи. Эйзенахское собраніе является исходнымъ пунктомъ новой экономическо-политической партіи, которой, повидимому, если не обманываютъ всѣ предзнаменованія, суждено быть господствующей партіей въ Германіи по вопросамъ экономической политики“ [2]).

Энгелю, Рошеру, Гильдебранду, Вагнеру и др. Шенбергъ ставитъ въ большую заслугу, что они рѣшили основать „eine dritte Agitationspartei“. Въ этой-же статьѣ Шенбергъ отмѣчаетъ преемственность соціально-политическихъ идей, совершенно вѣрно беря исходнымъ пунктомъ зарожденіе исторической школы. „Разсматривая народное хозяйство, какъ продуктъ человѣческаго духа и свободной человѣческой воли, (экономисты) должны были эту волю

[1]) „Zeitschrift für die g. Staatsw. Tübingen, 1873 J., Ст. Schönberg'a—„Die deutsche Freihandelspartei und die Partei der Eisenacher Versammlung vom. Okt. 1872“, s. 494.

[2]) См. пред. примѣчаніе.

въ ея проявленіяхъ въ формѣ общества и государства сдѣлать отвѣтственной за современное состояніе народнаго хозяйства“ [1]). Отсюда вытекъ „постулатъ содѣйствія моральныхъ факторовъ въ задачахъ хозяйственной жизни“ [2]). Въ эпоху агитаціи Лассаля, Энгель и Шеффле, не соглашаясь съ соціалистическими концепціями, отрицали, тѣмъ не менѣе, исключительность принципа самопомощи. Соотвѣтственно этому, они требовали внесенія новыхъ началъ въ правовой порядокъ, рабочій вопросъ изъ простого классоваго сдѣлали «Staats-und Gesellschaftsfrage». Кризисъ нѣмецкой экономической науки, имѣвшійся налицо въ серединѣ столѣтія, углубился въ 60-хъ годахъ; между либералами и катедеръ-соціалистами лежитъ пропасть, прибавляетъ Шенбергъ, не замѣчая, что это плохо гармонируетъ съ приглашеніемъ въ союзъ Шульце-Делича, Гирша, Дункера и имъ подобныхъ. Подъ воззваніемъ союза Шенбергъ подписывается и поясняетъ его собственными толкованіями. „Государственная идея“ находитъ у него очень рельефное выраженіе. Государство есть „носитель нравственныхъ идей, движущихъ общество, высшій цвѣтъ человѣческихъ организацій, самый крѣпкій и необходимый органъ—для реализаціи этихъ идей и для поднятія народа въ различныхъ областяхъ его жизни на все высшія ступени развитія“ [3]). Государство должно быть не только правовымъ, но и культурнымъ; во всякомъ случаѣ, позитивная дѣятельность правительственной власти имѣетъ тенденцію увеличиваться, а не уменьшаться. И если мы желаемъ „мирнаго и счастливаго разрѣшенія хозяйственныхъ проблемъ нашего времени“, то теченіе, представленное эйзенахскимъ конгрессомъ, должно восторжествовать въ общественномъ мнѣніи Германіи и въ экон. политикѣ. Манчестерство есть „чуждое нѣмецкой почвѣ растеніе“. Манчестерская программа ведетъ насъ къ все большему усиленію неравенства, къ росту неморальныхъ чувствъ. И, наконецъ, Шенбергъ вскрываетъ едва-ли не важнѣйшую для него и громаднаго большинства катедеръ-соціалистовъ цѣль ихъ агитаціи—борьбу съ соціалъ-

[1]) Та-же статья, s. 518.

[2]) Idb., s. 519.

[3]) Ibid., s. 520.

демократіей. Либеральная экономическая политика „насильно гонитъ лишенные культурнаго существованія классы въ лагерь соціалъ-демократіи, преобразуя хозяйственную жизнь въ вѣчную борьбу всѣхъ противъ всѣхъ, которая, по необходимости, отъ времени до времени выражается въ кровавыхъ соціальныхъ революціяхъ". „Если мы желаемъ измѣнить такое положеніе вещей, рѣшительно выступить противъ соціалъ-демократіи, содѣйствовать тому, чтобы въ народномъ хозяйствѣ происходило не только усиленіе производства, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливое и гуманное распредѣленіе благъ, если мы желаемъ достигнуть того, чтобы все большая часть народа принимала участіе въ культурной жизни, то должны—въ согласіи съ экономической политикой новой партіи—сдѣлать моральный принципъ и экономической истиной, а государство—существеннымъ органомъ народнаго хозяйства" [1]).

Въ соотвѣтствующемъ приподнятомъ тонѣ велось и послѣдующее собраніе—окт. 1873 г. Темами для собесѣдованія служили доклады: Шмоллера и Нейманна о методахъ организаціи анкеты относительно дѣйствія фабричнаго законодательства, пр. Вагнера—объ акціонерныхъ компаніяхъ, Макса Гирша — о примирительныхъ камерахъ и третейскихъ судахъ („Einigungsämter und Schiedsgerichte"). На этомъ собраніи, однако, еще болѣе рѣзко обнаружились несогласія во взглядахъ среди участниковъ конгресса. Академики не скупились на темныя краски въ изображеніи положенія рабочихъ, рѣшаясь называть даже „въ высшей степени наивными" ссылки на нѣкоторое улучшеніе ихъ участи въ послѣднее время; фабриканты были обижены и защищались. Рефератъ Вагнера былъ проникнутъ очень радикальнымъ духомъ и долженъ былъ не на шутку перепугать представителей интересовъ капитала, присутствующихъ на засѣданіи. Вагнеръ рѣзко нападалъ на злоупотребленія акціонерныхъ обществъ и требовалъ существенныхъ измѣненій въ законодательствѣ. Самымъ важнымъ пунктомъ этихъ измѣненій было пожеланіе изъять изъ вѣдѣнія акціонерныхъ компаній цѣлый рядъ областей, гдѣ—взамѣнъ ихъ—должны быть учреждаемы „публичныя предпріятія", преслѣдующія интересы не отдѣльныхъ группъ, а всего населенія (въ особенности мѣстнаго). Такова, прежде всего, область путей сообщенія, гдѣ подобающую роль должно играть государство. Затѣмъ, идетъ кредитное и страховое дѣло, освѣщеніе, орошеніе и пр., гдѣ должны преслѣдоваться не цѣли наживы, а общественная польза. Органы самоуправленія обязаны обслуживать интересы мѣстнаго населенія съ помощью собственныхъ хозяйственныхъ предпріятій. Свои предложенія Вагнеръ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: „необходима не только реформа акціонернаго дѣла, но и принципіальное съуженіе его области съ передачей важныхъ функцій государству, провинціи, округу, общинѣ" [1]). Пора оставить старыя избитыя возраженія о неудовлетворительности „государственной индустріи"; достаточно посмотрѣть на предпринимательскую дѣятельность правительства, гдѣ таковая существуетъ, въ области горнаго, лѣсного и транспортнаго дѣла, чтобы убѣдиться въ противномъ.

Въ болѣе мягкой формѣ Вагнера поддержалъ Шмоллеръ, выразивъ сочувствіе огосударствленію желѣзныхъ дорогъ (вопросъ, которому суждено было вскорѣ играть большую роль) и развитію коммунальныхъ учрежденій. Но вѣдь такія предположенія носятъ въ себѣ больше соціалистическихъ моментовъ, чѣмъ ни къ чему не обязывающія фразы о четвертомъ сословіи! Банкиръ Замтеръ не менѣе рѣшительно настаивалъ на громадномъ значеніи акц. компаній, однако предостерегалъ отъ излишнихъ стѣсненій живого дѣла и надѣялся только на два начала — публичность и отвѣтственность. Пренія въ этомъ засѣданіи приняли вообще такой страстный характеръ, что предсѣдатель Гнейстъ счелъ нужнымъ въ деликатной формѣ выразить пожеланіе болѣе спокойныхъ дебатовъ, не смотря на „вулканическую природу соціальнаго вопроса". Ближе всѣхъ къ сердцу это замѣчаніе принялъ Вагнеръ, послѣдующія разногласія котораго съ Гнейстомъ побудили послѣдняго въ 1874 г. отказаться отъ званія предсѣдателя ферейна, званія, перешедшаго къ проф. Нассе.

Ближайшимъ практическимъ шагомъ Союзъ намѣтилъ въ этомъ засѣданіи петицію рейхстагу объ устройствѣ анкеты

[1]) Ibid., s. 532.

[1]) „Verhandlungen des V. f. S. p.—1873. Leipz. 1874 I., s. 88.

по поводу фабричнаго законодательства. Различныя стороны рабочаго вопроса оставались главной темой и слѣдующаго засѣданія—1874 г. (рефератъ Гельда о „Bestrafung des Arbeitscontractbruchs“, фабр. Kalle объ „Invaliden-und Altersskassen“). Въ этомъ засѣданіи принялъ участіе, по порученію Бисмарка, Г. Вагенеръ, на которомъ намъ еще придется остановиться. Представленная имъ и Р. Мейеромъ „государственно-соціалистическая“ струя въ духѣ Родбертуса и „Kreuzzeitung“ не нашла отклика. Когда въ слѣдующемъ году—1875—Р. Мейеръ внесъ отъ своего и Родбертуса имени предложеніе обратиться къ Бисмарку съ петиціей объ измѣненіи экономической политики, въ смыслѣ „Anerkennung des Wertes der Arbeit und der eigengearteten Stellung der deutschen Industrie“, т. е. національной ея конструкціи и установленія нормальнаго рабочаго дня, то Нассе, Брентано и Шмоллеръ рѣшительно высказались даже противъ обсужденія этого проекта (потому, иронизируетъ Мейеръ, что профессора не были подготовлены къ такому важному дѣлу). Не подлежитъ сомнѣнію, что, если-бы этотъ шагъ былъ сдѣланъ, Союзъ потерялъ-бы своихъ либеральныхъ участниковъ. Конечно, его взгляды пріобрѣли-бы большую опредѣленность, но со „средней позиціей“ пришлось-бы разстаться. Можно-ли было примирить Родбертуса съ ясно высказывавшимися на засѣданіяхъ желаніями, напр. въ 1874 г., уголовно карать рабочаго за нарушеніе договора? Ландратъ Тидеманнъ считалъ необходимымъ установить эту кару для правосознанія самого народа: рабочіе распустились, видятъ въ государствѣ только защитника сильныхъ, а потому, по странной логикѣ разсуждаетъ ораторъ, надо имъ показать, что „государство еще сильнѣе ихъ“ [1]). Даже Максъ Гиршъ оспаривалъ Тидеманна и рекомендовалъ, въ такомъ случаѣ, распространить уголовную отвѣтственность и на предпринимателей. Не нужно забывать, прибавлялъ Гиршъ, что соціалъ-демократія возникла только вслѣдствіе тяжелаго положенія рабочихъ. Но въ то-же время, когда референтъ настаивалъ на необходимости вмѣшаться правительству въ дѣло устройства инвалидныхъ и старческихъ кассъ, Гиршъ заявилъ, что въ случаѣ принятія этого принципа, мы „очутимся въ соціалъ-демократическомъ народномъ государствѣ“ [1]). Онъ предлагаетъ, въ такомъ случаѣ, заботиться правительству и объ одеждѣ, жилищѣ, отопленіи. Рѣчь Гирша повліяла на Энгеля, такъ что послѣдній высказался за свободныя кассы и за ихъ самоуправленіе. Если мы припомнимъ, съ какой охотой на предыдущемъ собраніи Вагнеръ расширялъ область „Staatsindustrie“ и, соотвѣтственно этому, настаивалъ теперь на „Zwangskassen“, то врядъ-ли признаемъ возможность синтеза ихъ взглядовъ. Очевидно, болѣе рѣшительнымъ сторонникамъ „государственнаго воздѣйствія“ было мало простора въ Союзѣ. И нѣтъ ничего удивительнаго, что въ 1876 г. Вагнеръ выходитъ изъ выборнаго комитета: чаша его терпѣнія переполнилась, когда ферейнъ въ лицѣ своихъ представителей на Бременскомъ народно-хозяйственномъ конгрессѣ высказался за свободу внѣшней торговли. Государственно-соціалистическія воззрѣнія Вагнера—въ духѣ Родбертуса и т. сов. Вагенера—къ этому времени уже достаточно созрѣли. Съ каждымъ годомъ все болѣе разрушалась надежда Шенберга видѣть въ ферейнѣ новую партію, а когда Бисмаркъ рѣзко измѣнилъ свой курсъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, не выражая, при этомъ, ни малѣйшаго желанія воспользоваться совѣтами ферейна и преслѣдуя совершенно самостоятельно свои цѣли, „катедеръ-соціалистамъ“ оставалось только сохранить за Союзомъ чисто-научное значеніе.

Вернемся, однако, къ болѣе раннему періоду выступленія „катедеръ-соціалистовъ“—и остановимся на рѣчи пр. Шмоллера, столь непохожей на его первыя трактованія соціальнаго вопроса. Мы имѣемъ въ виду его рѣчь, произнесенную въ 1874 г. въ „Singakademie“ и затѣмъ отпечатанную подъ названіемъ „Die sociale Frage und der preussische Staat“. Рѣчь эта, характерная вообще для эволюціи соціально-политическихъ взглядовъ нѣмецкихъ экономистовъ, интересна для насъ и въ томъ отношеніи, что послужила ближайшимъ поводомъ къ полемикѣ между Трейтчке и Шмоллеромъ.

Въ упомянутой рѣчи Шмоллеръ не боится утверждать, что существующіе общественные классы возникли путемъ насилія. Но, признавая вѣрной такую предпосылку, имѣющуюся въ соціалистическихъ системахъ, слѣдуетъ-ли отсюда

[1]) „Verhandlungen“ 1874 J. Leipz. 1875. s. 44.

[1]) Ibid., s. 116.

дѣлать выводъ, что вся общественная структура должна быть переработана? Такую именно ошибку дѣлаетъ „радикальная часть соціализма". Она забываетъ, что всякое развитіе совершается медленно, что сооруженіе новаго зданія уже началось, что даже страданія человѣчества имѣютъ свою высшую цѣль, служа общему прогрессу. Однако, должно-ли все человѣчество проходить этотъ мучительный путь соціальныхъ бѣдствій и революцій? Параллель между Германіей и Франціей убѣждаетъ въ противномъ. „Соціальное движеніе, вызванное во Франціи революціей 89 г., не проявилось въ Германіи. И этимъ мы, прежде всего, обязаны прусскому государству и соціальной политикѣ его великихъ монарховъ, которые, хотя и имѣли свой прообразъ въ политикѣ другихъ государствъ, напр. англійскихъ тюдоровъ и лучшихъ французскихъ королей и государственныхъ дѣятелей, но пошли гораздо глубже и дальше". Въ Штейнъ-Гарденберговскомъ законодательствѣ „монархія спасла все мелкое землевладѣніе, а съ этимъ, по всей вѣроятности, и все наше великое соціальное будущее" [1]).

„Монархія и бюрократія"—вотъ двѣ цѣлительныхъ историческихъ силы Германіи. Много милліоновъ въ эпоху великихъ курфюрстовъ до смерти великаго Фридриха были затрачены такимъ способомъ, который, по извѣстному трафарету настоящаго времени, подобно многимъ другимъ мѣропріятіямъ, нужно назвать соціалистическимъ, если-бы экономисты вообще имѣли свѣдѣнія объ историческомъ развитіи прусскаго государства". Конечно, дѣлались и ошибки, но нельзя отрицать общаго благотворнаго воздѣйствія: „масса народа, низшіе классы чувствовали, что монархія занята ихъ дѣломъ, что въ этомъ государствѣ, дѣйствительно, одинаково относятся къ богатому и бѣдному, что „suum cuique" стало истиной. Неисчерпаемый капиталъ любви и довѣрія, которымъ и поднесь пользуются прусскіе монархи въ широкихъ слояхъ населенія, имѣетъ свои корни нестолько въ нѣмецкой политикѣ Гогенцоллерновъ,—о послѣдней имѣ-

[1]) „Preussische Jahrbücher", 33-й т. 1874 г. Ст. Шмоллера: „Die sociale Frage und der preussische Staat", s. 330.

ютъ представленіе лишь образованные круги,—сколько въ очерченной соціальной политикѣ" [1]).

Не трудно видѣть, что у историка Шмоллера отсутствуетъ историческая перспектива, и что онъ, въ своемъ увлеченіи, склоненъ къ преувеличеніямъ. И аграрное законодательство Пруссіи вовсе не было столь грандіозно, и политику монарховъ нельзя назвать „соціальной". Какъ-бы то ни было, подчеркиваемъ лишній разъ аппелляцію соціальныхъ политиковъ къ эпохѣ просвѣщеннаго абсолютизма и явственно выражающіяся симпатіи Шмоллера къ мелкому землевладѣнію. „Среднее сословіе"—общественный идеалъ экономистовъ, стремящихся занять „среднее" положеніе между либерализмомъ и соціализмомъ.

Снисходительный къ капитализму въ своихъ возраженіяхъ Лассалю, Шмоллеръ теперь рѣшительно заявляетъ, что „соціальный вопросъ" долженъ былъ возникнуть, что „классовое самосознаніе должно было проснуться съ того момента, когда отдѣльные голоса настойчиво и ясно указали, что лишенный владѣнія рабочій классъ имѣетъ другіе интересы, чѣмъ самая радикальная часть предпринимательскаго класса" [2]). Соціалъ-демократія—такой-же неизбѣжный фактъ, какъ и лихорадка предъ стадіей зрѣлости организма. Но она ничѣмъ не хуже, напр., чартизма. Ей можно поставить въ вину аппелляцію къ дурнымъ инстинктамъ толпы; но не нужно забывать, что наряду съ недобросовѣстными вожаками она обладаетъ и высоко стоящими руководителями. Тѣхъ, кто желаетъ насиліемъ отвѣчать на запросы рабочаго класса, Шмоллеръ объявляетъ „въ интеллектуальномъ и моральномъ отношеніи на одномъ уровнѣ съ соціалъ-демократическими вожаками" [3]). На нихъ ложится одинаковая съ послѣдними отвѣтственность, такъ какъ они, отрицая всякую реформу, поддерживаютъ соціальную борьбу. Экономическая сторона реформы сводится къ болѣе равномѣрному распредѣленію благъ, къ поднятію благосостоянію рабочаго класса. Но всѣ усилія окажутся безуспѣшными, если не обратить вниманія на моральную сторону дѣла, если не стремиться

[1]) Ibid., s. 331.
[2]) Ibid., s. 333.
[3]) Ibid s. 335.

поднять въ рабочемъ человѣка. При этомъ не надо забывать, что улучшеніе можетъ быть достигнуто не сразу, не примѣненіемъ утопическихъ плановъ, а планомѣрной, методической дѣятельностью—„шагъ за шагомъ“.

Конечно, признается Шмоллеръ съ нѣкоторою грустью, нынѣ, при парламентарномъ режимѣ королевская власть не можетъ взять на себя „прямого руководительства низшими классами противъ владѣющихъ“. Правительству, по необходимости, приходится занимать нейтральную позицію. Но пусть-же его поведеніе будетъ на самомъ дѣлѣ нейтральнымъ, а не заступничествомъ владѣющихъ подъ личиной нейтралитета, какъ этого, по существу, требуютъ либералы. „Это противорѣчитъ всѣмъ традиціямъ прусской политики, если правительство разсматриваетъ рабочій вопросъ глазами владѣющихъ классовъ, крупныхъ предпринимателей“ [1]). Нынѣ рабочее законодательство также нужно, какъ необходимо было въ началѣ столѣтія крестьянское, и нечего бояться нападокъ со стороны „слѣпой доктрины“.

Что касается требованій рабочихъ, то вмѣсто голаго отрицанія, слѣдуетъ внимательнѣе къ нимъ присмотрѣться. Напр., требованіе всеобщаго избирательнаго права вовсе не такъ неправильно, какъ многіе думаютъ. „Всеобщее избирательное право было и есть необходимый коррективъ противъ преобладающаго вліянія владѣющихъ на государственную жизнь“ [2]). Но, конечно, политической реформой не исчерпывается соціальная проблема, ибо классовая борьба покоится на иныхъ экономическихъ условіяхъ: вѣдь не въ монархіяхъ, а въ республикахъ эта борьба принимала наиболѣе рѣзкую форму. „Нѣтъ“, заканчиваетъ Шмоллеръ: „устранить грядущія соціальныя бѣдствія можно лишь однимъ способомъ: монархическая власть и бюрократія, эти наиболѣе соотвѣтствующіе представители государственной идеи, эти единственно нейтральные элементы въ соціальной классовой борьбѣ, воспринявшіе идею и либеральнаго государства, подкрѣпленные лучшими элементами парламентаризма, рѣшительно и увѣренно взяли-бы на себя иниціативу великаго соціальнаго законодательства и твердо держались-бы этихъ мыслей

[1]) Ibid., s. 339.
[2]) Ibid., s. 341.

одно — два поколѣнія“ [1]). Взгляды свои Шмоллеръ, въ данномъ случаѣ, выражаетъ почти тождественно съ Лоренц. Штейномъ: вліяніе послѣдняго обнаруживается слишкомъ явственно. Прусскому государству, примирившему нѣкогда мелкую буржуазію и крестьянство съ господствовавшими исключительно до этого времени классами, предстоитъ такъ же „гармонически ввести четвертое сословіе въ государственный и общественный организмъ“. Конечно, новая соціальная политика прусской монархіи не можетъ быть детальной копіей предыдущей; но духъ остается одинъ и тотъ-же.

Въ цитируемой рѣчи Шмоллеръ, повидимому, достигъ maximum'а своего соціально-политическаго напряженія и наиболѣе близко подошелъ къ Вагнеру. Нѣтъ ничего удивительнаго, что именно къ этой рѣчи пріурочилъ свой выпадъ противъ „катедеръ-соціализма“ Трейчке. Обратимся къ его статьѣ „Der Socialismus und seine Gönner“ и отвѣту Шмоллера на нее.

Генрихъ Трейтчке жестоко обрушивается на безвольную, сентиментальную, вѣчно занятую самоанализомъ нѣмецкую интеллигенцію, противопоставляя ей англійскую. Нѣмецкая политическая экономія раздирается теперь партійными спорами, а это служитъ лишь на пользу врагамъ всякой „благородной“ общественной жизни — соціалъ-демократамъ. Удивительно, что въ такой блестящій для нѣмцевъ вѣкъ изступленные крики вожаковъ преступнаго рабочаго движенія производятъ впечатлѣніе на нѣмецкихъ ученыхъ!

„Соціальный вопросъ“ это—„базарно-крикливое выраженіе ново-наполеоновскаго изобрѣтенія“ [2]). Относительно статьи катедеръ-соціалиста Шмоллера одни говорятъ, что она съ успѣхомъ могла-бы быть помѣщена въ соціалъ-демократическомъ органѣ, другіе — рекомендуютъ обратить на нее вниманіе прокуратуры; Трейтчке желаетъ только показать научную несостоятельность разсужденій своего „друга“. Основная ошибка какъ соціалистовъ, такъ и имъ сочувствующихъ экономистовъ, заключается въ томъ, что они

[1]) Ibid., s. 342.
[2]) Preussische Jahrbücher, 34 томъ, 1874. Ст.—Treitschke—„Der Socialismus und seine Gönner, s. 72.

исходятъ изъ идеи „естественнаго равенства“, тогда какъ справедливо совершенно обратное. И здѣсь Трейтчке даетъ волю своему „благородному“ образу мыслей. Онъ также ставитъ насиліе во главу угла, но съ признаніемъ его бладѣтельности. Борьба всюду идетъ и должна идти,—и только благодаря побѣдѣ сильнаго слабый и лѣнивый учится работать и жить. Человѣкъ—лѣнивъ отъ природы, и если ему не будетъ угрожать бичъ побѣдителя, онъ погибнетъ отъ бездѣятельности. Для существованія культуры необходимо, чтобы милліоны людей трудились въ потѣ лица. Какъ-бы высоко мы ни оцѣнивали успѣхи современной и будущей техники, „всегда будетъ, что милліоны должны быть заняты грязной, противной и однообразной работой“ [1]). Это вытекаетъ изъ закона раздѣленія труда. Классовое господство и классовый строй—конститутивные элементы всякаго общества. А поэтому смѣшно говорить о „равномѣрности распредѣленія“.

„Въ задачу общества отнюдь не входитъ привлеченіе всѣхъ людей къ пользованію всѣми благами культуры“ [2]). Объ эксплоатаціи низшихъ классовъ не можетъ быть и рѣчи: происходитъ лишь обмѣнъ услугъ. Высшіе классы своею дѣятельностью даютъ низшимъ возможность работать; черезъ нихъ, а не вопреки имъ послѣдніе пріобщаются къ культурѣ. Лучшая соціальная реформа, имѣющая вѣчное значеніе—это „благородное увѣщаніе: молись и работай!“ „Изъ всего предыдущаго“, дѣлаетъ Трейтчке выводъ, „ясно, что аристократическое строеніе общества можетъ пасть лишь съ самимъ человѣчествомъ“ [3]). Конечно, государство сначала охраняетъ сильныхъ, но затѣмъ оно постепенно дѣлается „безпартійнымъ“; вмѣшательство его въ хозяйственную жизнь по-необходимости ограничено, такъ какъ излишнимъ усердіемъ можно задѣть основной жизненный нервъ—„Unternehmungsgeist“. Предъявлять экономикѣ требованія справедливости значитъ „ставить обществу модные глупые вопросы“. Шмоллеру, такъ много трактующему о справедливости распредѣленія, надо было-бы подумать, насколько это сочетается съ монархическимъ образомъ мыслей: почему, въ самомъ дѣлѣ, даже ничтожный король имѣетъ громадные доходы? Отстаиваемое Шмоллеромъ всеобщее избирательное право есть, по опредѣленію Трейтчке, „изобрѣтеніе монархическаго соціализма Бонапарта“. Германская имперія вовсе не сильна всеобщимъ избирательнымъ правомъ, а слаба: Бисмаркъ, несомнѣнно, сдѣлалъ ошибку, не зная настроенія южно-нѣмецкаго крестьянства.

[1]) Ibid., s. 83.
[2]) Ibid., 89.
[3]) Ibid., s. 99.

Споръ между катедеръ-соціалистами и манчестерцами ничтоженъ по сравненію съ той громадной задачей, которая предстоитъ Германіи — борьба съ соц.-демократіей. Это — партія „моральнаго одичанія, политической разнузданности и соціальнаго недовольства“. Благосклонное отношеніе къ ней, хотя-бы въ самой малой степени, есть преступленіе. И только безпринципностью, вообще характеризующей нѣмецкую политическую экономію, можно объяснить выпады молодыхъ экономистовъ. Конечно, въ ихъ взглядахъ заключаются и вѣрные элементы, взятые у Штейна и Гильдебрандта; вообще—оба теченія должны не исключать, а дополнять другъ друга. „Въ пылу борьбы сторонники катедеръ-соціализма зашли слишкомъ далеко: они выдвинули нѣкоторые неопредѣленные идеалы, которые очень похожи на безумныя построенія грубаго соціализма — и, если-бы были осуществлены, то уничтожили-бы всякій общественный порядокъ“ [1]). Надо бросить эти громкія фразы, перестать говорить языкомъ агитаторовъ: разумно и спокойно, какъ это дѣлалось въ Пруссіи во всѣ „освободительные“ моменты, при содѣйствіи высшихъ классовъ, надо мирно каждому по мѣрѣ силъ работать на общую пользу. Трейтчке находитъ преждевременнымъ даже стремленіе содѣйствовать развитію профессіональнаго рабочаго движенія; участіе-же рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія принципіально отвергаетъ, какъ ведущее къ коммунизму.

Шмоллеръ не замедлилъ отвѣтомъ, разросшимся изъ статьи въ цѣлую книжку, оставившую большой слѣдъ въ исторіи нѣмецкой экономической литературы—„Ueber einige Grundfragen des Rechts- und der Volkswirthschaft“. „Чѣмъ болѣе я чувствую себя монархистомъ, чѣмъ больше всѣ мои помыслы связаны съ государствомъ Гогенцоллерновъ, съ

[1]) Ibid., s. 288.

возрожденіемъ Германской Имперіи и ея борьбой противъ антигосударственныхъ тенденцій ультрамонтанизма и соціалъ-демократіи, тѣмъ болѣе я чувствую себя обязаннымъ съ неограниченной свободою мысли высказаться за то, что я считаю справедливымъ въ современномъ движеніи четвертаго сословія, за то, что, на мой взглядъ, единственно можетъ обезпечить дальнѣйшее развитіе немногихъ свободныхъ учрежденій, за соціальную реформу“[1]). Центральнымъ пунктомъ послѣдней является „образованіе широкаго средняго сословія“, поднятіе низшихъ классовъ населенія на высшую ступень культуры, созданіе условій, отрицающихъ исключительное господство денежныхъ интересовъ, равно какъ и „четвертаго сословія“. Только возвратъ къ старымъ прусскимъ традиціямъ, только планомѣрное проведеніе государствомъ началъ соціальной реформы создастъ здоровыя условія развитія отечества.

Слишкомъ ясно, что въ міровоззрѣніи Шмоллера совсѣмъ нѣтъ соціалистическихъ элементовъ, и онъ совершенно справедливо жалуется на манчестерцевъ, усматривающихъ соціализмъ и въ институтѣ фабричныхъ инспекторовъ, и въ подоходномъ налогѣ. Именно по поводу послѣдняго на седьмомъ конгрессѣ нѣмецкихъ хозяевъ Михаэлисъ сказалъ, что „(этотъ налогъ) стоитъ на границѣ коммунизма“. Сущность того соціализма, который исповѣдуетъ Шмоллеръ, заключается въ отрицаніи догмы абсолютнаго индивидуализма, въ признаніи въ области народнаго хозяйства принциповъ права и нравственности. Новое теченіе — этическое; отсюда слѣдуетъ и отличное отъ манчестерскаго пониманіе задачъ правительственной власти, и другое отношеніе къ несомнѣннымъ недостаткамъ хозяйственнаго строя. Трейтчке желаетъ объяснить существующій гнетъ „естественными“ законами, но это — въ корнѣ ложно, ибо въ хозяйственной области дѣйствуетъ не природа, а соціальные законы, результаты той или иной общественной организаціи, создаваемой самими людьми. Женская и дѣтская работа вовсе не даны природой и не предуказаны машинной техникой. „Отъ конгресса хозяевъ мы отличаемся не тѣмъ, что мечтаемъ о

[1]) S. Schmoller, „Ueber einige Grundfragen...“. Ein offenes Sendschreiben an H. Prof. v. Treitschke, Jena—1875, s. IV.

возможно широкомъ вмѣшательствѣ государственной власти, но тѣмъ, что, наряду съ естественно-техническими, принимаемъ психологическія и этическія причины ... что вѣримъ въ прогрессъ“... [1]). И Шмоллеръ опять повторяетъ столь непріятныя Трейтчке фразы, которыя можно встрѣтить въ произведеніи любого соціалиста: „формальная свобода представляетъ собою пустое пространство; что вырастетъ въ немъ, это зависитъ не отъ свободы, а отъ естественныхъ и духовно-нравственныхъ элементовъ, имѣющихся въ этой формѣ и достигающихъ развитія“ [2]). Собственность, конечно, является основой общества, но, настаивая на ея исключительности, можно зайти слишкомъ далеко. Англичане, напр., усматривали въ прусскихъ аграрныхъ законахъ цѣлую революцію, а у самихъ — „самое нездоровое въ мірѣ распредѣленіе поземельной собственности“. Трейтчке въ удачѣ и свободной предпріимчивости видитъ залогъ прогресса; не хочетъ-ли онъ для усиленія прилежанія поощрять азартную биржевую игру и лоттереи? Вовсе не слѣпой случай и угрозы заставляютъ человѣка интенсивнѣе работать, а установленіе болѣе справедливаго распредѣленія доходовъ: „прилежаніе растетъ въ той мѣрѣ, поскольку растетъ справедливость въ распредѣленіи благъ, а не поскольку человѣкъ спекулируетъ на счастье, случай, на полученіе наслѣдства“ [3]). Въ своемъ упорномъ отрицаніи идеала справедливости Трейтчке разрываетъ со всѣмъ прошлымъ исторіи общественной мысли, начиная съ Аристотеля. Право и нравственность — безполезныя въ соціальномъ отношеніи начала, если остаются безучастными зрителями угнетенія слабаго сильнымъ. Отрицать проявленіе несправедливости къ низшимъ классамъ въ современномъ обществѣ—нельзя: вѣдь даже уголовное право къ нимъ суровѣе, а защита своихъ правъ для нихъ несравненно труднѣе, чѣмъ для высшихъ классовъ. Только широкое развитіе соціальнаго законодательства (допущеніе рабочихъ коалицій, охрана труда, отвѣтственность предпринимателей) можетъ возстановить соціальное равновѣсіе. „Народное хозяйство подобно механизму часовъ; эгоизмъ и естественныя количественныя

[1]) Ibid., s. 43.
[2]) Ibid., s. 49.
[3]) Ibid., s. 62.

отношенія дѣйствуютъ, какъ движущая сила; но они дѣйствуютъ нормально лишь въ томъ случаѣ, если есть налицо регуляторъ, направляющій... часовое колесо и господствующій надъ всѣмъ движеніемъ". „Этотъ регуляторъ есть право и нравственность" [1]). Если пренебрегать всѣми улучшеніями, мы дождемся революціи: „накопившаяся... хозяйственная неправда (её надо отличать отъ формальной юридической) разрываетъ, наконецъ, плотину существующаго порядка. Нѣтъ другихъ причинъ великаго соціальнаго движенія" [2]). Чтобы констатировать неправду, достаточно вспомнить происхожденіе современнаго богатства; и тутъ Шмоллеръ рисуетъ картину „первоначальнаго накопленія", почти цѣликомъ позаимствованную у Маркса. Революція всегда есть игра слѣпого случая. Не нужно думать, что она — неизбѣжна. „Всякая революція можетъ быть предотвращена своевременной реформой". Опредѣливши въ предисловіи сущность послѣдней, какъ востановленіе средняго сословія, Шмоллеръ не скупится на поясненія. Центръ тяжести общества, согласно Шмоллеровскому идеалу, лежитъ въ „ein wohlhabendes, grossartig denkendes und fühlendes, gebildetes Bürgerthum".

Намъ, говоритъ онъ, необходимо возстановленіе мирнаго отношенія между классами, устраненіе или смягченіе несправедливости, „соціальное законодательство", гарантирующее нравственный и матеріальный подъемъ низшихъ и среднихъ классовъ. Формальныя условія проведенія соціальной реформы—таковы: нужно дѣйствовать съ большою постепенностью, не забывая, что настоящее тѣсно связано съ прошлымъ; голой силой проводить въ жизнь новыхъ началъ нельзя; ничего не преподносить низшимъ классамъ въ видѣ подарка; избѣгать всякихъ нападокъ на привилегированные классы, которымъ и такъ придется потерпѣть при предстоящихъ измѣненіяхъ; косвенные пути предпочтительнѣе прямыхъ. Естественно, что главнымъ агентомъ должно выступить государство: „слѣдуетъ помнить о томъ, что прусское государство сдѣлалось великимъ только благодаря такимъ, въ полномъ смыслѣ слова (durch und durch) катедеръ-соціалистическимъ мѣрамъ, что

[1]) Ibid., s. 85.
[2]) Ibid., s. 86.

величайшій прусскій король Фридрихъ II желалъ быть ничѣмъ инымъ, какъ „roi de gueux", что этотъ же монархъ приписывалъ налогамъ, помимо прочихъ цѣлей, въ особенности роль установленія равновѣсія между богатыми и бѣдными" [1]). Шмоллеръ удивляется, что находятся люди не понимающіе столь простыхъ вещей, и выражаетъ убѣжденіе, что лѣтъ черезъ 20—30 никто и не подумаетъ смѣяться надъ катедеръ-соціалистами, этими гражданами будущаго („Bürger eines kommenden Zeitalters"). Не надо предполагать, что Шмоллеръ и его единомышленники хотятъ уничтожить частную хозяйственную иниціативу: рѣчь идетъ только о гармоническомъ сочетаніи общественныхъ, государственныхъ и частныхъ функцій.

Въ противовѣсъ Трейтчке, Шмоллеръ настаиваетъ, что культура тѣмъ прочнѣе, чѣмъ меньше соціальнаго неравенства, чѣмъ больше открывается возможностей для низшихъ классовъ подняться вверхъ по соціальной лѣстницѣ. Стремленіе Трейтчке оградить демократію отъ просвѣщенія въ особенности поразительны въ наше время, когда каждый фабрикантъ и каждый ремесленникъ жалуется на недостатокъ образованія рабочихъ.

Соціалъ-демократія, конечно, — врагъ общественнаго порядка; но „всякая опасность съ ея стороны будетъ устранена, если ее поставить на почву реальности и заставить бороться за отдѣльныя практическія реформы; тогда неопредѣленные утопическіе идеалы и страсти потеряются сами собой"... [2]) Въ нападкахъ на нѣмецкихъ рабочихъ Трейтчке несправедливъ: правда, они не съумѣли, какъ слѣдуетъ, воспользоваться конъюнктурой 71—72 года, но все же воспользовались: число участниковъ въ прусскихъ сберегательныхъ кассахъ возросло на 25%. „Если это—правда, что въ 1848 г. не было видно на баррикадахъ ни одного рабочаго, обладавшаго книжкой сберегательной кассы, то увеличеніе ихъ на 25% — не пустякъ" [3]). Профессіональные союзы, о которыхъ не хочетъ слышать Трейтчке, являются необходимымъ продуктомъ промысловой свободы, единствен-

[1]) Ibid., s. 97.
[2]) Ibid., s. 151
[3]) S. 142.

нымъ орудіемъ, которое имѣетъ въ рукахъ рабочій классъ противъ гнета капитала.

Столь же несправедливъ Трейтчке и по отношенію къ научному соціализму: онъ его смѣшиваетъ съ коммунизмомъ. „Коммунизмъ есть чистая безсмыслица; онъ не создалъ ни одной здоровой идеи, онъ уничтожаетъ индивидуальность и кончаетъ анархіей". „Не такъ обстоитъ дѣло съ соціализмомъ, который, какъ Вы сами должны согласиться, вдохновлялъ благороднѣйшихъ идеалистовъ всѣхъ временъ, который, въ лицѣ наиболѣе выдающихся своихъ представителей, всегда уважалъ индивидуальность и семью, ошибка котораго существеннымъ образомъ состоитъ въ томъ, что онъ пытается осуществить „suum cuique" ложными насильственными средствами" [1]). Истина лежитъ посерединѣ между соціализмомъ и индивидуализмомъ.

Такими идеалами вдохновляется „Verein für Socialpolitik". Причины его возникновенія — чисто практическаго характера: онъ желаетъ обезпечить новому теченію необходимую долю вліянія на общественное мнѣніе. Монополизировать знанія Ферейнъ не желаетъ; въ его планы не входитъ и конкурренція съ политическими партіями, ибо знаніе — безпартійно. Ферейнъ „желаетъ подготовить почву для будущей соціальной реформы во всѣхъ партіяхъ, пріобрѣсти возможно большее число приверженцевъ во всѣхъ лагеряхъ". Единаго цѣлаго, какъ совершенно правильно находитъ Шмоллеръ, ферейнъ не представляетъ, состоя изъ элементовъ болѣе умѣренныхъ и болѣе активныхъ.

---

[1]) S. 154.

284
305

Глава IV-я.

Государственные соціалисты.

I.

Р. Мейеръ и Г. Вагенеръ.

Выступленіемъ „эйзенахскихъ" ученыхъ и отвѣтомъ Шмоллера Трейтчке окончательно была рѣшена судьба академической экономіи въ Германіи на ближайшіе годы: соціально-политическое направленіе восторжествовало. Тонъ отвѣта, какъ мы видѣли, чрезвычайно твердый, самоувѣренный. И это — неудивительно: въ Бисмаркѣ уже назрѣвала та перемѣна, которая два-три года спустя обнаружилась Шмоллеръ, въ статьѣ своей, относящейся къ 1890-му году, сообщаетъ о шутливомъ, но многозначительномъ заявленіи, сдѣланномъ ему въ 1875 году канцлеромъ: „собственно, я тоже — катедеръ-соціалистъ,—только не имѣю еще для этого времени" [1]). Такимъ образомъ, и сочувствіе высшей власти было на сторонѣ экономистовъ новаго направленія. Неопредѣленность и крайняя растяжимость соціально-политическихъ требованій, возведенная чуть-ли не въ принципъ новой школой, позволяла охватить единой кличкой, обобщить — самые разнородные элементы. Признаніе необходимости государственной помощи тѣмъ или другимъ страдающимъ общественнымъ классамъ и группамъ давала возможность примкнуть къ общему теченію выразителямъ различныхъ общественныхъ интересовъ. Шмоллеру, съ довольно рѣзко

---

[1]) Въ статьѣ „Die Kaiserlichen Erlasse vom 4. Febr. 1890 im Lichte der deutschen Wirthschaftspolitik von 1866—1890 r." перепеч. въ „Zur Social- und Gewerbepolitik der Gegenwart", Schmoller, L. 1890, s. 464—5.

проявленной симпатіей къ „среднему сословію", удалось занять наиболѣе выгодную среднюю позицію, менѣе всего обязывающую и позволяющую въ будущемъ варьировать свои требованія сообразно указаніямъ момента. Послѣднимъ-же опредѣляется степень конституціонности его политическихъ воззрѣній.

Въ этой своей неопредѣленной формѣ соціально-политическое направленіе, „этическая политическая экономія" вытѣсняетъ въ германскихъ университетахъ пережитки смитіанства,— и въ ближайшемъ будущемъ довольно трудно встрѣтить на каѳедрѣ ученаго экономиста, такъ или иначе неприкосновеннаго къ моднымъ требованіямъ, найти ученую работу, гдѣ въ большей или меньшей мѣрѣ не выражалось-бы соціально-политическое настроеніе. Въ концѣ настоящей главы мы удѣлимъ немного мѣста характеристикѣ типичной физіономіи средняго „соціалъ-реформатора", въ противовѣсъ болѣе оригинальнымъ, смѣлымъ послѣдователямъ новаго теченія, не боящимся установить преемственность своихъ идей отъ Родбертуса и не стѣсняющимся именовать себя при случаѣ „государственными соціалистами". На нихъ-то въ этой послѣдней главѣ мы и должны сосредоточить свое вниманіе: реакція либеральной экономіи, реакція, начало которой относится къ первымъ годамъ 19-го столѣтія и развитіе которой безпрерывно совершалось, нашла въ этихъ ученыхъ и публицистахъ наиболѣе выпуклое выраженіе — во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ. Теоріи государственнаго соціализма, если таковая вообще можетъ быть, надо искать у нихъ. Не имѣя возможности, и по размѣрамъ нашей работы, и изъ соображеній методологическихъ, привлечь къ текстуальному разбору всю массу крупныхъ и мелкихъ произведеній (иногда анонимныхъ), защищающихъ или благосклонно относящихся къ „государственному соціализму", мы выберемъ нѣсколько крупныхъ, характерныхъ фигуръ и ознакомимся съ ними.

На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить страстнаго проповѣдника „соціальной монархіи"—Руд. Мейера, который, въ бытность свою преподавателемъ въ Іенѣ, сблизился съ Родбертусомъ, горячо увѣровалъ въ утопію послѣдняго и задачей ближайшаго десятилѣтія поставилъ развитіе практической программы родбертусіанизма. По своему политическому

міросозерцанію, Мейеръ былъ консерваторомъ, стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Вагенеру.

О соціальныхъ взглядахъ послѣдняго мы упомянемъ въ связи съ изложеніемъ „системы" Мейера. Во время разрыва Бисмарка съ консерваторами, Мейеръ позволилъ себѣ (въ брошюрѣ — „Politische Gründer und die Korruption in Deutschland") обидныя выходки противъ канцлера и, во избѣжаніе тюремнаго заключенія, бѣжалъ заграницу. Пріютъ себѣ онъ нашелъ сначала въ Австріи, гдѣ, вмѣстѣ съ Vogelsang'омъ, проповѣдывалъ католическій христіанскій соціализмъ: разочаровавшись въ государствѣ, онъ обратился къ церкви. Въ концѣ концовъ, потерпѣвши неудачу и въ этомъ направленіи, онъ сблизился съ соціалъ-демократ. германской партіей. Мейеру-же принадлежитъ весьма цѣнное для характеристики Родбертуса изданіе (въ 1881 г.) его „Briefe und Socialpolitische Aufsätze". Вмѣстѣ съ Родбертусомъ Мейеръ мечталъ объ учрежденіи „соціалъ-консервативной" партіи, программу которой онъ изложилъ въ наиболѣе крупной своей работѣ.—Der Emancipationskampf des vierten Standes" (1873 г.) „Началомъ" госуд. соціализма Мейеръ объявляетъ майскую 1873 г. конференцію евангел. христіанъ, гдѣ было принято предложеніе Штёкера и Баура просить правительство объ учрежденіи коммиссіи для обслѣдованія соціальнаго вопроса [1]).

Консерватизмъ Мейера объяснялся его аграрными симпатіями, пристрастіемъ къ монархической формѣ правленія и страхомъ передъ соц.-дем. движеніемъ. Въ общественной жизни, говоритъ онъ, произошла большая перемѣна: на сцену выступило четвертое сословіе, громко заявляющее о своихъ правахъ; „изъ передней оно желаетъ войти въ салонъ". „Если мы отворимъ ему двери и протянемъ руку, оно войдетъ скромно и чинно и сядетъ возлѣ насъ; если-же мы захлопнемъ дверь у него передъ носомъ то... оно выброситъ

[1]) Мейеръ прибавляетъ: „...Allein der Staatssocialismus wurde hier erzeugt. Als er spät ins Leben trat, lehnte ich jede Theilnahme an der Agitation ab. Es war zu spät". „Briefe und. soc.-p. Aufsätze", Rodbertus. Berlin—1881, примѣч. на с. 127.

насъ въ окно и завладѣетъ всѣмъ домомъ“ [1]). Капитализмъ дѣйствуетъ разрушительно на общественныя силы, вызываетъ соціальное разложеніе. Консерваторы—правы въ борьбѣ съ растлѣвающимъ духомъ наживы и ростовщичества, но орудія ихъ никуда негодны: безвозвратно погребена „патріархальная монархія“, „das patriarchalische Arbeitgeberthum“ и „das patriarchalische Consistorialthum“. Единственнымъ спасеніемъ для общества можетъ быть только „реформа на почвѣ реальности“. Консерватизмъ и долженъ стать на эту прогрессивную точку зрѣнія. Рабочая масса вступаетъ въ рѣшительную борьбу за свои права, попранныя капиталистами; въ консерваторахъ рабочіе должны найти себѣ союзниковъ. Хотя соціализмъ достигаетъ „угрожающаго развитія“, но преступное теченіе можетъ быть, при извѣстныхъ усиліяхъ, направлено въ надлежащее русло. Вѣдь, въ критической части своего ученія соціалисты—совершенно правы, по крайней мѣрѣ въ существенномъ: это признали „безпристрастные представители экономической науки“. А въ области практическихъ предположеній и пропаганды—выступленія Лассаля заслуживаютъ всяческой похвалы. Мейеръ приходитъ въ восторгъ отъ націонализма Лассаля, привѣтствуетъ основанную имъ рабочую партію и прибавляетъ: „надо только, чтобы правительство стало во главѣ движенія, и подобно тому, какъ національная демократія была побѣждена національной Имперіей, такъ и демократическій соціализмъ будетъ побѣжденъ и восполненъ соціализмомъ «von Gottes Gnaden»“ [2]). Вотъ какъ представляетъ себѣ Мейеръ свой „соціализмъ“!

„Политическое объединеніе Германіи уже совершено великимъ человѣкомъ; теперь надо думать объ укрѣпленіи государства. Чтобы это сдѣлать, надо пріобрѣсти опору въ массѣ населенія, соглашая наше хозяйственное развитіе съ идеаломъ свободы и равенства“. Такая задача подъ силу лишь—Цезарю. И Цезаря этого ищетъ Мейеръ въ Бисмаркѣ. Мейеръ—поклонникъ цезаризма!

[1]) R. Meyer. „Was heisst conservativ sein? Reform oder Restauration. B. 1873, s. 2 etc.

[2]) R. Meyer. „Die bedrohliche Entwicklung des Socialismus und die Lehre Lassalle's. B. 1873., s. 8.

Изъ немногихъ приведенныхъ выдержекъ, очевидно, что наиболѣе подходящей формулой для выраженія общественно-экономическихъ взглядовъ Мейера была-бы идея „соціальной монархіи“; такъ, конечно, и обстоитъ дѣло: въ главной своей работѣ Мейеръ пропагандируетъ воззрѣнія Л. Штейна и Родбертуса. Помимо изложенія этихъ двухъ авторовъ, ихъ системъ, Мейеръ дѣлаетъ отъ себя различныя поясненія, приводитъ подтвержденія. Въ особенности долго онъ останавливается на необходимости союза монархической власти съ четвертымъ сословіемъ и на неизбѣжности революціи, если союзъ этотъ не состоится. Такъ случилось во Франціи, въ эпоху великой революціи, когда „слабые Бурбоны“ не вняли голосамъ своихъ министровъ—Неккера и Тюрго. Аналогичное состояніе переживаетъ нынѣ Германія: крестьянство тѣснится недостаткомъ земли, эксплоатаціей со стороны ростовщиковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ; фабричные рабочіе живутъ въ ужасающей нищетѣ... Но—время еще не прошло: „Нѣмецкій Императоръ еще можетъ, если пожелаетъ, пойти по пути своихъ предковъ“. „Какъ можно помочь дѣлу?“ — спрашиваетъ авторъ. „Только такимъ образомъ: нѣмецкіе князья сами должны штудировать соціализмъ. Они должны прочесть „Исторію соц. и ком. движеній во Франціи“ Л. Штейна, „Соціальныя письма“ Родбертуса, „Капиталъ“ Маркса, „Бастіа-Шульце“ Лассаля,—и тогда, но тогда уже навѣрное, монархическая власть соціально-реформаторская займетъ мѣсто власти соціально-реакціонной. Тогда найдутся и чиновники, способные привести въ исполненіе то, что они узнали за необходимое отъ самихъ князей. Еще есть время. Еще можетъ нѣмецкій Тюрго не только спасти нѣмецкую монархическую власть, но и сдѣлать ее выше, чѣмъ до сихъ поръ“ [1]).

Соціальный вопросъ Мейеръ понимаетъ въ современномъ смыслѣ этого слова: „соціальный вопросъ настоящаго времени... есть вопросъ о томъ: чего желаетъ и что можетъ сдѣлать четвертое сословіе“ [2]). Различіе между соціалистами консервативнаго направленія (вмѣстѣ съ христіанскими) и

[1]) R. Meyer. „Der Emanzipationskampf des vierten Standes“, II Band, s. 419, 448.

[2]) Ibid, I B., s. 1.

соціалъ-демократами заключается лишь въ „modus procedendi“. Первые желаютъ спокойной, безкровной реформы, которая исходитъ отъ нынѣ господствующихъ авторитетовъ: государства (правительственной власти), церкви, владѣющихъ классовъ, и опирается на содѣйствіе четвертаго сословія... [1]). Соціалъ-демократія не желаетъ никакой инициативы „сверху“. Всякій разумный монархъ, во имя собственной-же пользы, долженъ относиться съ большимъ вниманіемъ къ нуждамъ бѣднаго населенія. Мейеръ съ сочувствіемъ вспоминаетъ о Наполеонѣ I, который указомъ отъ 24 н. 1807 г. потребовалъ отъ своего министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы „бѣдность была выведена изъ страны въ мѣсяцъ“, съ какой цѣлью было основано 59 новыхъ домовъ для бѣдныхъ. Наполеонъ III отмѣтилъ эти демократическія тенденціи въ своихъ книгахъ и самъ отъ себя началъ эру соціальныхъ реформъ. Великій С.-Симонъ хотѣлъ поставить французскаго короля во главѣ соціальнаго движенія, подобно тому, какъ „мы, соціалъ-консерваторы, говоримъ о нѣмецкомъ „Social-Kaiser“, который долженъ взять въ свои руки соціальный вопросъ“.

Соотвѣтствующія тенденціи консерваторы стали проявлять уже съ 60-хъ годовъ.

Такъ, Вагенеръ усиленно обращалъ вниманіе въ „Kreuzzeitung“ на положеніе трудящихся классовъ [2]), но его взгляды, въ значительной степени, были стремленіемъ вернуться вспять—Zunftreaction. Правда, онъ настаивалъ на необходимости дать фабричнымъ рабочимъ „zeitgemässe Institutionen“; но, занявши въ 1864 г. важный бюрократическій постъ, долженъ былъ оставить мечты о воздѣйствіи на хозяйственную жизнь, такъ какъ царила эра „Delbrück-Michaelis'a“. Лишь изрѣдка *Wagener осмѣливался протестовать противъ фирмы* „Lasker-Braun-Miquel-Bamberger“. Только Родбертусу удалось окончательно разсѣять сомнѣнія консерваторовъ; только знакомство съ его трудами позволило поставить свою программу на незыблемый научный фундаментъ. Въ рядахъ нѣмецкаго катедеръ-соціализма соціалъ-консерваторамъ, по мнѣнію Мейера, нечего дѣлать: взгляды эйзенахцевъ—слишкомъ неопредѣленны и разнорѣчивы, практическаго значенія для рабочаго класса ихъ программа не можетъ имѣть.

Программа соціалъ-консерваторовъ, въ изложеніи Мейера, такова. Прежде всего, они держатся всеобщаго избирательнаго права, какъ прочной демократической основы для соціальной политики: „мы желаемъ лишь дать этимъ политическимъ правамъ соціальное содержаніе“ [1]). Мейеръ какъ будто не допускаетъ мысли, что народъ, призываемый монархомъ, можетъ заговорить съ нимъ совсѣмъ недружелюбнымъ языкомъ. — Далѣе, во взглядахъ на функціи государства соціалъ-консерваторы рѣзко расходятся съ либералами: идея „правового государства“ отбрасывается и до извѣстной степени замѣняется концепціей государства полицейскаго“. Либерализмъ предлагаетъ правительственной власти разрѣшать гражданамъ дѣлать, что угодно, а потомъ карать, въ случаѣ провинности; но лучше-жъ мѣшать проявленію дурного! Обращаться за содѣйствіемъ къ владѣющимъ классамъ—наивно: „согласно всѣмъ историческимъ даннымъ нельзя ожидать, чтобы владѣющій и господствующій классъ, какъ таковой, добровольно поступился-бы хоть частью своего значенія и силы; практическое развитіе соціальнаго вопроса идетъ лишь путемъ принужденія—власти или законодательства“ [2]).

Итакъ, соціалъ-консерваторамъ рисуется, въ качествѣ идеала, демократическая монархія, регулирующая хозяйственную жизнь, помогающая слабымъ въ экономической борьбѣ. Что касается индустріальныхъ рабочихъ, то имъ правительство должно обезпечить „minimum дохода“, а для

---

[1]) Ibid., s. 8.

[2]) Въ іюнѣ 1864 г. Вагеверъ напечаталъ въ „Kreuzzeitung“ свой докладъ по рабочему вопросу, въ которомъ отмѣчалъ, „als eine der wichtigsten Aufgaben jeder konservativen Regierung, sich mit der Lage der grossen Masse der Bevölkerung zu beschäftigen, denn dieses sei der einzige Weg, dem Streben der sogenannten Bourgeoisie nach politischer und socialen Alleinherrschaft die Spitze abzubrechen“. Цит. по O. Stillich, „Die politischen Parteien in Deutschland“, I, Die Konservativen. L. 1908, s. 111.

[1]) R. Meyer, ibid. I B., s. 360, 361 и. д. „Einschreiten aber soll der Staat, er soll Präventivpolitik üben. Dadurch wird er, im Gegensatz zu dem falschen Ideal des Liberalismus, dem reinen Rechtsstaat, allerdings wieder in gewissem Sinne Polizeistaat. Aber er wird nicht ganz. Der socialdemokratische Staat ist Polizeistaat par excellence. Einen solchen wollen wir nicht“. s. 382.

[2]) I Band., s. 359.

этого установить родбертусовскій „Normalwerkarbeitstag“. Этимъ государство признаетъ за рабочими и „право на трудъ“, и „право на существованіе“. Естественно, что для выполненія такого дѣла необходимо возможно большее расширеніе госуд. предпріятій: послѣдними будетъ сдѣланъ починъ въ разрѣшеніи соціальнаго вопроса. Фабричное законодательство должно получить возможно широкое развитіе (предложеніе Шенберга относительно „Arbeitsämter“—цѣлесообразно). Но, помимо заботы о городскомъ рабочемъ классѣ, у государства есть и другія задачи. Подъ вліяніемъ капитализма рушится въ Германіи столь важное для нея земледѣліе: помѣщики и крестьяне теряютъ свои владѣнія, запутываясь въ долгахъ. Надо удовлетворить ихъ законные интересы, „надо въ извѣстной степени защитить земледѣльческій классъ, чтобы онъ не былъ уничтоженъ промышленнымъ: „Der Stand der Ackerbau darf nicht unter die Herrschaft des Capitals gelangen“ [1]).

Помочь земледѣлію можно возстановленіемъ законовъ противъ ростовщичества и замѣной ипотечной системы рентной (опять по Родбертусу).

„Wuchergesetze“ надо толковать очень широко: слѣдуетъ ограничить %% не только съ ссужаемаго капитала, но и съ акціонернаго. Что касается сельскихъ батраковъ, то лучшимъ средствомъ повысить ихъ благосостояніе—Мейеръ считаетъ превращеніе ихъ въ мелкихъ собственниковъ. Странно слышать такое заявленіе изъ устъ „государственнаго соціалиста“—послѣдователя Робертуса; особенно характерна аргументація автора: вѣдь мелкіе крестьяне являются прекраснымъ оплотомъ противъ всякой соціалистической пропаганды, какъ это показываетъ примѣръ Франціи.

Для рабочихъ вообще Мейеръ находитъ весьма желательнымъ устройство пенсіонныхъ кассъ: „инвалиды труда не должны быть нищими“ [2]).

Съ помощью такихъ мѣръ, соціальные консерваторы надѣются, что „славная династія Гогенцоллерновъ“ побѣдитъ „золотой Интернаціоналъ!“

Какъ видимъ, соціализмъ Мейера—довольно страннаго характера. Программа, *очевидно, слабо продумана. Скептически*

[1]) См. пред. примѣчаніе.
[2]) Ibid., s. 402.

относясь къ коллективному производству, Мейеръ все-таки считаетъ возможнымъ дѣлать такія заявленія: „я могу себѣ представить соціалистическое государство, по идеѣ Лассаля, которое, въ сравненіи съ современнымъ, допускающимъ безумный танецъ вокругъ золотого тельца, благодаря слабому акціонерному уставу, вполнѣ заслуживаетъ названія въ высшей степени (eminent) христіанскаго“ [1]). А—немного спустя—авторъ заявляетъ: „Лучше укрѣпить базисъ современнаго общества: частную собственность, наслѣдство и производство за индивидуальной отвѣтственностью съ наемнымъ трудомъ“. Гармонія установится очень просто: государственной фиксаціей ренты, процента и заработной платы. Такую странную окрошку представляетъ собой консервативный соціализмъ Мейера!

Поразительнымъ образомъ Родбертусъ одобрилъ эту удивительную систему, какъ видно изъ его писемъ къ Мейеру: „идея соціалъ-консервативной партіи — превосходна. Это—якорь спасенія. Эвентуально я принадлежу къ ней“ [2]).

Гордо приписывая себѣ „изобрѣтеніе соц.-консервативной партіи“ и считая себя почти единственнымъ ея членомъ, Мейеръ связываетъ судьбу партіи со своей. Изгнаніе Мейера изъ Германіи показало, что Бисмаркъ не способенъ выполнить роль нѣмецкаго Тюрго. Поэтому, и къ позднѣйшему выступленію канцлера на соціально-политическую арену Мейеръ относится пренебрежительно-враждебно: онъ иронически отзывается о „хозяйственномъ реформаторѣ Германіи“, который началъ свою соціальную дѣятельность безпощаднымъ подавленіемъ соціалистовъ и односторонней охраной земледѣлія. Мейеръ при этомъ забываетъ, что Родбертусъ ему же ставилъ въ вину (въ письмѣ отъ 3-го окт. 1875 г.) сочувствіе протекціонизму. „Государственныхъ соціалистовъ“, выступившихъ послѣ 1878 г. на подмогу Бисмарку, Мейеръ называетъ ворами, его обокравшими; катедеръ-соціалистовъ упрекаетъ въ постыдномъ пособничествѣ. Госуд. соціализмъ былъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы консервативная партія усвоила и честно проводила предложенную Мейеромъ программу Позднѣйшіе „Staatssocialisten“ — настоящій „Lumpenproleta-

[1]) Ibid., s. 72, 91.
[2]) Rodbertus, „Briefe und s. p. A.“, l. c., s. 170.

riat“ [1]). Какъ можетъ Вагнеръ выступать въ защиту проэктируемыхъ Бисмаркомъ монополій, когда канцлеръ оказался такимъ плохимъ хозяиномъ въ области желѣзнодорожной?— Однако, нужно признать, что эти нападки, бьющія нерѣдко прямо въ цѣль, подсказаны простымъ чувствомъ личнаго раздраженія противъ Бисмарка. Многое изъ того, что предпринималъ Бисмаркъ, должно было бы найти одобреніе у Мейера, съ точки зрѣнія его же системы.

Легко видѣть, что первая фигура, выводимая нами въ галлереѣ государств. соціалистовъ, страдаетъ поразительной утопичностью. Мейеръ добросовѣстно изучилъ и пропов̀ѣдывалъ взгляды Штейна и Родбертуса. Стройность воззрѣній этихъ мыслителей нарушается у Мейера самостоятельными прибавками, главнымъ образомъ—въ области аграрнаго вопроса. А потому государственный соціализмъ Мейера, въ теоретическомъ отношеніи, представляетъ странную смѣсь соціалистическихъ и индивидуалистическихъ началъ, на реализацію которыхъ хотя, бы скромную, могъ разсчитывать только въ высшей степени наивный человѣкъ.

Не менѣе любопытной и близкой по своему настроенію къ Мейеру личностью былъ Herm. Wagener, имя и первыя выступленія котораго нами уже упоминались. Въ „Kreuzzeitung“ онъ, вмѣстѣ съ Gerlach'омъ, мечталъ о возстановленіи цеховъ. Всѣ его симпатіи — на сторонѣ стараго порядка. Въ брошюрѣ середины восьмидесятыхъ годовъ онъ жалуется, что мало уже теперь людей, помнящихъ объ „устойчивыхъ и неизмѣнныхъ соціальныхъ отношеніяхъ“ дореволюціонной Германіи, о мирномъ, гармоническомъ проявленіи классовыхъ интересовъ до 48-го года. Годъ этотъ былъ такимъ же рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Германіи, какъ 1789-й — въ исторіи Франціи. Скопившіяся въ странѣ производительныя силы вырвались наружу и преобразовали прежній патріархальный порядокъ: „въ рѣзкомъ противорѣчіи съ естественной связанностью сельско-хозяйственной работы индустріальное общество требуетъ высшей мѣры несвязанности дло удовлетворенія жажды жизни“ [1]). Земледѣліе не можетъ приспособиться къ новымъ

[1]) „Der Emanz. kampf...“ B. 1882, I. B., s. 488.

условіямъ и гибнетъ. Ремесло, бывшее устоемъ старой городской жизни, распалось на свои атомы.

Въ большомъ своемъ трудѣ—„Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft“—Вагенеръ еще болѣе яркими красками рисуетъ переломъ, заимствуя изъ произведеній Лассаля и критическій матеріалъ, и способы выраженія. Капитализмъ не ограничивается тѣмъ, что низвелъ рабочаго на положеніе придатка къ машинѣ, „маммонъ пробирается къ тѣлу женщинъ и дѣтей“ [2]). Богами капиталистовъ являются „золотой телецъ, Вакхъ и Венера“. Моральныя начала совершенно изгнаны изъ хозяйственной жизни. По мнѣнію Вагенера есть даже преимущество у рабовладѣльца передъ капиталистомъ: первый, по крайней мѣрѣ, способенъ бережно относиться къ рабу, какъ „рабочей скотинѣ“.

Грознымъ показателемъ несовершенствъ установившагося порядка является соціальный вопросъ, таящій въ себѣ много грядущихъ бѣдъ, если не попытаться разрѣшить его нормальнымъ образомъ. Манчестерцы, которые такъ долго въ Германіи имѣли господство и въ наукѣ, и въ государственной практикѣ, рекомендуютъ рабочимъ лишь одно средство— „самопомощь“. Но вѣдь — „самопомощь четвертаго сословія есть соціальная революція“ [3]). Къ ней и ведутъ пролетаріатъ соціалисты, отчаявшіеся въ помощи власти и высшихъ классовъ. Революція знаменуетъ собою полное разрушеніе общества. Очевидно, надо искать другого выхода. Этимъ и занялась, говоритъ Вагенеръ, консервативная прусская группа еще въ 50-хъ годахъ: тогда же была выдвинута ею программа, которая—спустя много лѣтъ—находитъ частичное свое выраженіе въ Императорскомъ Манифестѣ 81-го года. Вагенеръ не боится установить извѣстное вліяніе на эту программу соціалистической пропаганды. „Благодаря остроумнымъ и въ негативныхъ своихъ частяхъ почти неопровержимымъ изысканіямъ соціалистовъ“, получаетъ признаніе взглядъ, что политическая свобода безъ соот-

[1]) „Der vierte Stand und der Staatssocialismus, v. einem Nicht-Politiker, L. 1884, s. 7, 14.

[2]) Oswald Stein (Wagener). „Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft der nationalen Wirthschaftspolitik“. Ein Handbuch für das d. Volk. B. u. L. 1880. s. 222–3.

[3]) „Der 4-e Stand und der Staatssocialismus“, l. c., s. 46.

вѣтствующей соціальной остается по необходимости своей противоположностью—вопіющей ложью“ [1]). Власть призвана къ оздоровленію общественнаго организма. Конституція, говорилось въ проектѣ программы, служитъ только усиленію господства буржуазіи; въ предупрежденіе катастрофы надо заняться „подъемомъ до сихъ поръ въ соціальномъ и политическомъ отношеніи порабощенныхъ классовъ“. Конечно, въ программѣ чрезвычайно много мѣста было удѣлено вопросу о защитѣ земледѣлія, для спасенія котораго консерваторы предлагали „Feudalisirung des ländlichen Grundvermögens im modernen, der Macht der Geldwirthschaft entsprechenden Sinne“ [2]).

Эти мечты не покидаютъ Вагенера и позже. Правда, „занимая высокій постъ“, онъ въ 70-хъ годахъ познакомился со „свѣтлыми“ сторонами капиталистическаго хозяйства; но крахъ, имъ самимъ испытанный, еще болѣе укрѣпилъ его соціально-реакціонное настроеніе. Не претерпѣвъ лично отъ Бисмарка и сохраняя бюрократическій піэтетъ къ канцлеру, онъ не относится враждебно къ соціальной политикѣ послѣдняго—наоборотъ, поясняетъ и пропагандируетъ ея начала въ своихъ книгахъ и брошюрахъ, высказывая при этомъ свои собственные планы.

Центральной идеей у него, какъ и у Мейера, является концепція соціальной монархіи Л. Штейна и К. Родбертуса. Въ 1878 г., когда поворотъ въ экономической политикѣ канцлера уже опредѣлился, Вагенеръ для разрѣшенія соціальнаго вопроса предлагаетъ власти усвоить взглядъ Штейна: монархъ долженъ думать о своемъ первоначальномъ призваніи — быть защитникомъ слабыхъ, королемъ нищихъ и

[1]) H. Wagener. „Die kleine, aber mächtige Partei“, B., 1885, s. 9. Въ „Kreuzzeitung“ въ 1863 г. такъ опредѣлялось отношеніе консерваторовъ къ рабочему движенію: „Unsere Gemeinschaft mit jener Bewegung reicht gerade soweit, als die Gemeinschaft des Gegensatzes gegen die Herrschaft des Geldkapitals“. Цит. по Stillich'y, l. c., s. 111. Въ критикѣ капитализма („индустріализма“) Вагенеръ охотно пользовался языкомъ произведеній соціалистовъ. Напр., der industrielle Raubzug an den Kindern der Arbeiter“, „moderne Mammonismus“ и. т. п. См. у Stillich'a.

[2]) *Ibid., s. 12.*

отцомъ массы народа“. „Единственно возможная форма монархіи есть соціальная“, корни ея должны находиться въ демократическомъ соціальномъ пластѣ, иначе она погибнетъ [1]). „Манчестерская теорія“, говорится въ главномъ трудѣ, „ненаучна, неморальна и непатріотична“ [2]). Государство сведено до роли „ночного сторожа“. Гораздо выше либеральныхъ экономистовъ стоятъ меркантилисты, у которыхъ имѣлась ясная государственная идея“. Особенно жалки либералы въ Германіи, которые не сумѣли даже приспособить къ нѣмецкимъ условіямъ идей Ад. Смита, какъ это сдѣлалъ во Франціи Сей. Протестъ Листа — вполнѣ законенъ; его ученіе о производительныхъ силахъ и объ обязанности государства заботиться о ихъ развитіи — совершенно правильно. Вагенеръ смѣется надъ Шульце-Деличемъ и его сподвижниками, которые толковали рабочимъ обо всемъ, кромѣ самаго важнаго—Magenfrage. И эта уродливая либеральная доктрина господствовала такъ долго въ Германіи! Но—„наконецъ-то нѣмецкое правительство освободилось отъ ея вліянія. Бисмаркъ послалъ отказъ этой школѣ и бросилъ перчатку“ [3]). Враги канцлера, растерявшись подъ вліяніемъ грозныхъ эксцессовъ рабочаго недовольства, обвиняютъ Бисмарка, будто бы онъ своими сношеніями съ Лассалемъ вызвалъ въ Германіи рабочее движеніе. Не говоря уже о томъ, что Вагенеръ раздѣляетъ очень многіе взгляды Лассаля и съ большимъ сочувствіемъ цитируетъ въ своихъ работахъ многочисленныя выдержки изъ его произведеній, *соціальный консерваторъ* опредѣленно указываетъ на классовую борьбу, какъ источникъ соціалъ-демократіи. Въ любопытномъ поясненіи Вагенеръ разсказываетъ, что „онъ вступалъ въ сношенія съ соціалъ-демократами и спеціально съ Лассалемъ еще раньше Бисмарка“; что въ разговорахъ съ Лассалемъ онъ установилъ, какъ „единственно правильный масштабъ для поднятія уровня рабочаго класса — standart of life среднихъ сословій“. Изъ этого Вагенеръ дѣлаетъ

[1]) См. приписываемую Вагенеру книгу—„Die Lösung der socialen Frage vom Standpunkt der Wirklichkeit und Praxis, von einem praktischen Staatsmanne“, 1878, s. 66.

[2]) Osw. Stein, l. c., s. VI.

[3]) *Ibid., s. 125.*

выводъ—совершенно не въ духѣ Лассаля, что „безъ укрѣпленія и поднятія уровня среднихъ сословій—безнадежны всѣ попытки разрѣшить законнымъ путемъ соціальный вопросъ и для агитаціи соціалъ-демократіи не остается никакихъ другихъ перспективъ, кромѣ кровавой революціи“ [1]). Такимъ образомъ, у Вагенера задачи соціальной монархіи, прежде всего, сводятся къ поддержанію ремесленничества и крестьянства. Точки соприкосновенія его взглядовъ со Шмоллеровскими—очевидны. Отрицательной борьбы съ соціалъ-демократіей — путемъ исключительныхъ законовъ — Вагенеръ не признаетъ: убѣжденный въ блестящей будущности „соціальной монархіи“, онъ находитъ, что задача „правительствъ не въ борьбѣ, а въ руководительствѣ массами“ [2]).

Несмотря на крайнюю радикальность выраженій, Вагенеръ, гораздо меньше Мейера думающій объ осуществленіи соціалистическихъ требованій, относится сочувственно и къ катедеръ-соціалистамъ: изъ ихъ рядовъ, по его мнѣнію, вышли государственные соціалисты. Поэтому то онъ нисколько не колеблется писать агитаціонныя брошюры въ защиту госуд. соціализма и связывать судьбу нѣмецкой монархіи съ судьбой четвертаго сословія.

„Нѣмецкое монархическое государство настоящаго видитъ передъ собой проблему—мирно включить въ свой организмъ четвертое сословіе, громадные—все увеличивающіеся ряды невладѣющихъ рабочихъ классовъ. Отъ разрѣшенія этой задачи зависитъ его собственное существованіе“ [3]). Къ этому побуждаютъ правительство и „всѣ традиціи прусской монархіи“.

Обратимся къ положительной программѣ Вагенера. Изъ всего предыдущаго очевидно, что на первомъ планѣ соціальный консерваторъ долженъ поставить требованія аграрнаго ха-

[1]) H. Wagener. „Erlebtes“, B., 1884, 2-я часть, стр. 6.

[2]) Ibid., Разсказывая о свиданіяхъ съ Лассалемъ, В. прибавляетъ интересную подробность: „Lassalle war bei dieser Gelegenheit so freundlich auszusprechen: dass er, Bismarck und ich—so die Reihenfolge—die drei klügsten Leute in Preussen seien... und dies Compliment war für mich um so schmeichelhafter, a's ich Lassalle, wenn auch nicht für den klügsten, so doch für einen sehr klugen und energischen Mann gehalten habe“.

[3]) Wagener, „Der 4-te Stand etc“, 59.

рактера: вѣдь „собственность на землю есть корень всякой другой собственности“, вѣдь безъ крестьянства страна погибнетъ. Начало земельной собственности—незыблемо: примѣръ Россіи съ ея „аграрнымъ коммунизмомъ“ показываетъ, какъ плохо съ нимъ вяжется хозяйственный прогрессъ. Слѣдовательно, въ этой области Вагенеръ — ярый противникъ соціализма. Говоря о помощи земледѣлію, онъ особенное вниманіе обращаетъ на кредитную нужду землевладѣльцевъ и требуетъ установленія рентнаго родбертусовскаго начала, облегченія податного бремени (при общей симпатіи къ прямому обложенію,— ради этихъ цѣлей Вагенеръ рекомендуетъ искусную ихъ комбинацію), покровительственныхъ пошлинъ, законовъ противъ ростовщичества [1]). Конечно, Вагенеръ недоволенъ золотой валютой („Krämerspeculation“) и настойчиво рекомендуетъ биметаллизмъ, равно какъ и сосредоточеніе эмиссіоннаго дѣла въ рукахъ правительства. Что касается промышленности, то, прежде всего, задача правительства заключается въ возможномъ поддержаніи и развитіи ремесленничества [2]). Промышленный Уставъ долженъ быть измѣненъ—концессіонная система опять водворена на свое прежнее мѣсто. Продуктивныя ассоціаціи—весьма важная идея—могутъ быть осуществлены лишь на почвѣ измѣненія нынѣшняго положенія ремесленниковъ: необходимы —„obligatorische Innungen“. Нужно тщательнымъ образомъ регулировать „Lehrlingswesen“ (объ этомъ, замѣтимъ между прочимъ, много говорилъ Шмоллеръ). Что касается рабочихъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, то желательно, во-первыхъ, возможно широкое развитіе государственныхъ предпріятій. Государственное производство станетъ образцомъ. Затѣмъ, необходимы—освобожденіе низшихъ классовъ отъ прямыхъ налоговъ, правильная постановка призрѣнія о бѣдныхъ, организація за счетъ государства — страхованія въ различныхъ видахъ. Столь же неизбѣжны гигіеническія и санитарныя мѣры и, вопреки взгля-

[1]) Osw. Stein, l. c.—Какъ и слѣдовало ожидать, аграризмъ Вагенера соединяется съ антисемитизмомъ. Онъ громитъ евреевъ за ихъ „Schacher, Wucher- und Handelgeist“. Даже инквизицію въ Испаніи, поскольку она была направлена противъ евреевъ, онъ одобряетъ. Стр. 187, 191.

[2]) Stillich совершенно правильно отмѣчаетъ, что „für die Konservativen ist die sociale Frage nicht Arbeiterfrage, sondern Mittelstandsfrage“. L. c., s. 108.

дамъ Бисмарка, болѣе строгое регулированіе дѣтскаго и женскаго труда. Сюда же относятся мѣры по упорядоченію выселенія и плодотворной колонизаціи.

Болѣе прогрессивнымъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже формально соціалистическимъ) оказывается Вагенеръ въ планированіи финансовыхъ реформъ. Онъ настаиваетъ на подоходномъ налогѣ (съ Existenzminimum въ 600 м.), на усиленіи обложенія наслѣдствъ [1]), биржевыхъ цѣнностей. Огосударствленіе предпріятій, различныя монополизаціи находятъ у него одобреніе. Государственный соціализмъ Вагенера представляетъ собою, такимъ образомъ, смѣсь реакціонныхъ и прогрессивныхъ элементовъ, на общей почвѣ недовольства существующимъ экономическимъ укладомъ. Въ анонимной брошюрѣ самъ Вагенеръ такъ опредѣляетъ свои взгляды: „государственный соціализмъ желаетъ только по возможности улучшить положеніе своихъ подданныхъ, которые въ настоящее время находятся еще въ очень тяжеломъ состояніи. Онъ не желаетъ ни коллективизировать какого-либо владѣнія, ни уничтожать различія сословій или дѣлить состоянія. Не желаетъ онъ также вводить соціалистической организаціи труда всего народа". Государственный соціализмъ работаетъ надъ „внутреннимъ, органическимъ сліяніемъ (Verschmelzung) сословій" [2]).

Легко видѣть, что Вагенеръ смѣло могъ стать въ ряды партіи, проектируемой Мейеромъ: у обоихъ одинаковое настроеніе. Вагенеръ отличается лишь бо́льшимъ скептицизмомъ по отношенію къ соціализму и бо́льшими „средневѣковыми" симпатіями. Нечего и говорить, что и тотъ и другой представитель наиболѣе яркаго „государственнаго соціализма" — въ дѣйствительности далеки отъ соціализма. Что имѣется соціалистическаго въ ихъ системахъ, — это навѣяно Родбертусомъ. Ихъ воззрѣнія покоятся на расположеніи къ прежнимъ соціальнымъ формамъ и страхѣ передъ „соціальной революціей". Отъ этого страха

[1]) Интересна идея Вагенера ввести вмѣсто существующихъ прямыхъ налоговъ—Aktivgütersteuer, уплачиваемой каждымъ гражданиномъ, имѣющимъ право избирать (и голоса придется тогда подавать!). См. цит. книгу. Os. Stein'a (Wagener'a).

[2]) „Für den Staatssocialismus", B. 1884, s. 37.

они и совершаютъ нерѣдко позаимствованіе соціалистическихъ формулъ. Идейныя вліянія не исчерпываются однимъ Родбертусомъ и Штейномъ: здѣсь имѣетъ мѣсто и историческая школа, и Фр. Листъ, и вообще весь нѣмецкій меркантилизмъ (камералисты). На произведеніяхъ данныхъ соціальныхъ консерваторовъ лежитъ печать почти всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагалась реакція экономическому либерализму въ Германіи. Потому-то такъ и трудно формулировать ихъ воззрѣнія. Кличка, которую они усваиваютъ, если лишь модная уступка времени,—лозунгъ, казавшійся особенно удобнымъ въ борьбѣ съ соціалъ-демократіей.

II.

Ф. Гитце. Пасторы Тодтъ и Штёнеръ. Журналъ „Staatssocialist".

Въ портретной галлереѣ государственныхъ соціалистовъ, послѣ Мейера и Вагенера, слѣдуетъ отвести мѣсто нѣкоторымъ представителямъ нѣмецкаго христіанскаго соціализма, особенно его протестантской вѣтви. Собственно говоря, даже названіе „Staatsocialist" и партія съ этой кличкой вышла изъ рядовъ протестантскаго духовенства. Свою соціально-политическую пропаганду проф. Вагнеръ началъ въ евангелическомъ ферейнѣ; какъ мы узнаемъ во второй части—Бисмаркъ охотнѣе называлъ свою систему „практическимъ христіанствомъ", чѣмъ государственнымъ соціализмомъ. Однако, рабочелюбивыя идеи раньше и интенсивнѣе, благодаря вліянію епископа Кэттэлера, проявились среди католическаго духовенства. Легко понять, почему въ католическомъ нѣмецкомъ соціализмѣ отсутствуютъ или слабѣе выражены нѣкоторые признаки „государственнаго": вѣдь Бисмаркъ послѣ основанія Имперіи началъ борьбу съ [католической церковью. И вообще послѣдняя чувствовала себя настолько авторитетной, что не хотѣла ставить себя ниже государства, между тѣмъ какъ раболѣпство передъ династіей и властью у протестантовъ достигаетъ своего апогея. Ученикъ и преемникъ Кэттэлера—Муфангъ еще въ февр. 1871 г., ранѣе выступленія катедеръ-соціалистовъ, высказалъ „католически-соціальную" программу. Въ ней онъ требовалъ отъ

государства помощи рабочему классу, какъ прямой (въ видѣ денежныхъ пособій на удовлетвореніе нуждъ рабочихъ), такъ и косвенной (рабочимъ законодательствомъ, смягченіемъ налоговъ, различными мѣрами обузданія капитала). Въ частности, Муфангъ проектировалъ государственную помощь продуктивнымъ ассоціаціямъ и прочимъ учрежденіямъ, имѣющимъ цѣлью сдѣлать рабочаго хозяйственно самостоятельнымъ; государственную регулировку рабочаго дня, женскаго и дѣтскаго труда; государственный надзоръ за мѣстами работы, регулированіе платежныхъ отношеній между хозяевами и рабочими. Церковь, по этой программѣ Муфанга, дѣйствуетъ, главнымъ образомъ, моральными средствами—возбужденіемъ любви къ ближнему [1]). Не смотря, однако, на нѣкоторыя отличія соціализма католическаго и протестантскаго, основы ихъ—однѣ и тѣ-же, и соціально-политическія симпатіи могли облекаться въ форму государственнаго соціализма и у католиковъ. Въ качествѣ типичной литературной фигуры мы выводимъ Fr. Hitze, автора пользовавшейся въ свое время значительной популярностью работы—„Kapital und Arbeit und die Reorganisation der Gesellschaft“ (1880), котораго цитируетъ проф. Вагнеръ. Близость воззрѣній Hitze съ Меуег'овскими—громадна; способъ выраженія даже приблизительно одинаковъ. Тѣмъ умѣстнѣе посвятить Hitze нѣсколько страницъ, что ему удавалось иногда лучше формулировать нѣкоторыя затаенныя желанія государственныхъ соціалистовъ. Упомянутая работа есть только расширеніе болѣе ранней отъ 1877 г.

Слѣдуя своему учителю Кэттэлеру, Гитце изображаетъ современное состояніе общества, какъ эру всеобщаго разлада, и соціальный вопросъ, какъ „Lebensfrage“ всего человѣчества. Конечно, сначала дѣлается заявленіе, что до разрѣшенія этой проблемы „доросла только католическая церковь“ [2]). „Основной пунктъ“ соціальнаго вопроса покоится на „эксплоатаціи четвертаго сословія третьимъ“. Главное зло—въ слѣдующемъ: „Крупный капиталъ оттѣсняетъ среднія сословія

[1]) См. Scheel—„Unsere socialpolitische Parteien“, L., 1878.

[2]) Fr. Hitze, „Die sociale Frage und die Bestrebungen zu ihrer Lösung. Mit besonderer Berücksichtigung der verschiedenen socialen Parteien in Deutschland. Paderborn—1877. s. 7 и д.

(ремесленниковъ и мелкихъ крестьянъ)... въ ряды наемныхъ рабочихъ, болѣе крупный капиталъ въ общей конкурренціи побѣждаетъ меньшій, и такимъ образомъ онъ собирается все въ меньшемъ количествѣ рукъ, въ то время какъ другая часть человѣчества—пролетаріатъ—пребываетъ въ матеріальной и нравственной нищетѣ“ [1]). Соціалисты совершенно правы въ критикѣ существующаго строя [2]), но—конечно ихъ позитивныя предложенія—неосуществимы и недопустимы. Либерализмъ производитъ разлагающее вліяніе; „абстрактное правовое государство есть заблужденіе“; соціализмъ—съ его государственно-бюрократическимъ идеаломъ—также; „истина лежитъ и здѣсь посерединѣ“. Итакъ, Mittelstandspolitik и теорія, примиряющая индивидуализмъ съ коллективизмомъ—„credo“ Гитце. Естественно, что авторъ въ евреяхъ видитъ главный этнографическій устой капитализма; антисемитическая приправа особенно рѣзко даетъ себя чувствовать!. „Подумать только: прекрасная нѣмецкая родина переходитъ въ собственность немногихъ милліардёровъ—евреевъ. Можно-ли примириться съ такой мыслью!“ [3]). Соціальную антитезу рисуетъ Гитце совершенно Лассалевскими красками. Три силы могутъ придти на помощь страдающей родинѣ—церковь, ассоціація и государство. Христіанское государство *не есть*—*правовое*: „оно призвано служить нравственности, содѣйствовать, насколько возможно, ея реализаціи“ [4]). Для поддержанія средняго сословія въ деревнѣ надо измѣнить начала наслѣдственнаго права: идеаломъ Гитце является „недѣлимый свободный отъ долговъ крестьянскій дворъ“. Частью населенія, при этомъ, конечно, придется пожертвовать, но—„земля—національное достояніе—должна быть священной: нельзя допустить ея распыленія. Пусть часть народа воздерживается отъ брачной жизни! Таможенное покровительство сельскому хозяйству должно вестись болѣе энергично; рекомендуются же-

[1]) Ibid., s. 25-26.

[2]) Hitze даже благодаритъ соціалистовъ:... „hier müssen wir seine (соціализма) „theoretische Verdienste um die Lösung der socialen Frage dankbar anerkennen“,... s. 150.

[3]) Ibid., s. 34.

[4]) Fr. Hitze. „Kapital und Arbeit und die Reorganisation der Gesellschaft“, Pad. 1880, s. 230.

стокіе законы противъ ростовщиковъ и государственный кредитъ. Въ городахъ надо итти на помощь ремесленникамъ возрожденіемъ цеховъ. Въ цехахъ найдутъ себѣ осуществленіе мечты соціалистовъ о производительныхъ ассоціаціяхъ. Средства для ихъ образованія и укрѣпленія долженъ доставить Reichsbank, который въ настоящее время просто „Judenbank". Гитце не страшится вновь призвать къ жизни всѣ аттрибуты средневѣковья—техническую регулировку работы, таксы и пр. Рядъ мѣръ по улучшенію рабочаго быта—необходимъ; но—самое важное—организовать рабочій классъ, какъ „сословіе", которое въ производительныхъ ассоціаціяхъ найдетъ лучшій способъ примиренія труда и капитала. Естественно, что въ высшей степени желательно, ради достиженія этихъ цѣлей, выступленіе общинъ и государства въ роли предпринимателя.

Мечтая о средневѣковьи, Гитце хотѣлъ-бы на его ладъ перекроить и современность. Государство призвано съорганизовать всѣ сословія (ихъ Гитце насчитываетъ семь—крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, промышленниковъ и торговцевъ и рабочихъ); выразителемъ ихъ интересовъ могъ-бы быть реформированный „Volkswirthschaftsrath". Свои соціальныя предположенія Гитце охотнѣе назвалъ-бы „сословнымъ соціализмомъ" [1]), хотя не отказывается и отъ клички „государственный". Его система, думаетъ онъ, занимаетъ среднее мѣсто между соціализмомъ и либерализмомъ. Реакція, провозглашаемая имъ и его единомышленниками, заключается въ томъ, чтобы синтезировать „истинныя идеи радикальнаго соціализма" и стремленія заинтересованныхъ группъ и „реализовать ихъ „съ помощью соціалистической организаціи сословій". Въ частности, рабочимъ надо дать хорошую охрану, а—затѣмъ, организовавши, какъ сословіе, включить въ общественный организмъ, сословно расчлененный. Въ этихъ пожеланіяхъ—„соціалистическаго, сословнаго объединенія общественныхъ силъ"—Гитце считаетъ себя одинаково далекимъ и отъ „юнкерскихъ реакціонныхъ стремленій, и отъ „наемнаго рабства либеральнаго капитала" [2]).

Какъ и слѣдовало ожидать, средневѣковый духъ—особенно силенъ въ произведеніяхъ вѣрнаго сына католической церкви. То, что у него совсѣмъ отсутствуетъ, это—преклоненіе передъ традиціями Гогенцоллерновъ; романтизмъ Гитце свободенъ отъ „прусизма". Протестантскіе христіанскіе соціалисты съ успѣхомъ восполняютъ этотъ „недостатокъ". Два имени заслуживаютъ упоминанія и обрисовки ихъ взглядовъ. Это—пасторъ Todt, основатель «Centralverein für Socialreform» (1877 г.) и паст. Stöcker, боевая натура, стремившаяся придать движенію политическій характеръ («Christlich-sociale Arbeiterpartei—1877 г.). Органомъ центральнаго ферейна и агитаціоннымъ листкомъ былъ журналъ «Staatssocialist», очень выпукло рисующій тенденціи государственнаго соціализма. Прежде, однако, чѣмъ ознакомиться съ характеромъ этого изданія, остановимся на общихъ теоретическихъ предпосылкахъ протестантскаго „государственнаго" соціализма, какъ онѣ выразились въ трудѣ Todt'a: „Der radicale deutsche Socialismus und die christliche Gesellschaft" (1878 г.).

Тодтъ признаетъ существованіе соціальнаго вопроса. Чрезвычайно характерно опредѣленіе степени и способа подготовки къ его пониманію и разрѣшенію у Todt'a: „Кто желаетъ понять соціальный вопросъ и внести свою лепту въ его разрѣшеніе, тотъ долженъ по правую руку положить національную экономію, по лѣвую—научную литературу соціалистовъ, а передъ собой—Новый Завѣтъ" [1]).

Соціальный вопросъ есть проблема реорганизаціи современнаго общества, проблема самоопредѣленія общества по отношенію къ составляющимъ его частямъ. Соціализмъ есть одинъ изъ отвѣтовъ на эту проблему. „Что такое соціализмъ въ общемъ смыслѣ? Это есть стремленіе съ помощью новаго экономическаго и соціэтарнаго порядка разрѣшить живо чувствуемое противорѣчіе между современнымъ, реальнымъ хозяйственнымъ строеніемъ общества и идеалами, рисующимися извѣстнымъ частямъ населенія" [2]), тяжеловѣсно опредѣляетъ Тодтъ. Конечно, революціонный соціализмъ дѣйствуетъ преступными средствами; надо найти „средній путь". Необхо-

[1]) Ibid., s. 440.
[2]) Ibid., s. VI.

[1]) R. Todt. „Der radicale deutsche Socialismus und die christliche Gesellschaft", Witt. 1878. s. 1.
[2]) Ibid., s. 43—4.

дима соціальная реформа, необходимо могущественное государственное воздѣйствіе на экономику. Красной нитью органическаго реформаторскаго законодательства долженъ быть принципъ: „Suum cuique". Привѣтствуя по возможности менѣе связанное руководительство со стороны правительства экономикой, Тодтъ—однако—признаетъ всеобщее избирательное право, какъ основу современной государственности. Право это „является единственнымъ средствомъ успокоить возбужденіе четвертаго сословія и направить его движеніе въ мирное русло" [1]). И опять таки, главной фигурой соціальнаго идеала Тодта оказывается крестьянинъ, средній землевладѣлецъ. Предположеніе цѣлительныхъ мѣръ начинаетъ выстраиваться съ охраны земледѣлія: „нельзя отдать земледѣльческое сословіе подъ господство капитала вплоть до полнаго его уничтоженія и, вмѣстѣ съ нимъ, самого государства" [2]). Необходимы строгіе законы противъ ростовщичества; нужно вообще ограничить размѣръ дохода, получаемаго владѣльцемъ ссужаемаго капитала. Радикальнымъ способомъ помощи земледѣлію будетъ усвоеніе предложенной Родбертусомъ рентной системы.

Что касается рабочаго вопроса, то—опять-таки согласно Родбертусу—важнѣйшимъ является „Lohnfrage": рабочему надо обезпечить minimum дохода. Слѣдуя дословно Родбертусу, Тодтъ требуетъ отъ государства, чтобы оно обезпечило рабочему „участіе въ растущемъ національномъ продуктѣ". Идеаломъ оказывается „Normalwerkarbeitstag". Улучшеніе быта сельскихъ рабочихъ настоящимъ образомъ можетъ быть достигнуто лишь „обезпеченіемъ ихъ владѣніемъ". Пока нормальный рабочій день нельзя ввести, Тодтъ предлагаетъ рядъ мѣръ—прямыхъ и косвенныхъ, для разрѣшенія соціальнаго вопроса. Прежде всего, необходимо устройство особыхъ имперскихъ учрежденій, на обязанности которыхъ лежало-бы изученіе экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ" (нѣчто въ родѣ „Arbeitsämter" Schönberg'a и проэктированнаго позднѣе Бисмаркомъ «Volkswirthschaftsrath'a); затѣмъ, возможно широкое развитіе самостоятельнаго государственнаго производства и установленіе maximum'a

[1]) Ibid., s. 458.
[2]) Ibid., s. 460.

процента („Zinsmaximum") [1]). Всяческія мѣры содѣйствія кооперативному и профессіональному объединенію рабочихъ—неизбѣжны. Есть-ли у „соціальныхъ консерваторовъ" надежда на мирное разрѣшеніе такими средствами жгучей соціальной проблемы? Конечно, есть: вѣдь обществу и государству грозитъ гибель, и кто заинтересованъ въ поддержаніи того и другого, откликнется на призывъ соціальныхъ консерваторовъ. Но особенно взоры послѣднихъ обращаются „къ сіятельному дому Гогенцоллерновъ, который до сихъ поръ всегда въ нужное время принималъ подъ свою защиту угнетенныхъ и стоялъ на стражѣ справедливости" [2]). На трудахъ этого дома лежитъ печать благословенія Божія: „unser deutsches Vaterland" можетъ спокойно положиться на своихъ монарховъ. Стало-быть Пруссія и Германія—„христіанскія государства par excellence".

Въ общемъ, какъ видимъ, взгляды Todt'a и Hitze почти совпадаютъ. И, опять-таки, терминъ „соціализмъ" встрѣчается въ изложенной системѣ по недоразумѣнію: идеальный хозяйственный порядокъ пасторъ и патеръ рисуютъ опирающимся на частную земельную собственность. Симпатіи къ коллективизму выражаются лишь въ планированіи государственныхъ монополій.

Съ фигурой Штёкера лучше всего можно познакомиться по его работамъ въ вышеупомянутомъ органѣ „Staatssocialist". Такъ какъ это изданіе вообще характерно, то мы позволимъ себѣ удѣлить ему нѣсколько больше мѣста, изучить недолгую эволюцію проповѣдуемыхъ органомъ взглядовъ. Собственно говоря, „Staatssocialist" своей задачей поставилъ популяризацію взглядовъ канцлера, послѣ ихъ перелома. Три съ половиной года онъ старался разрѣшить эту неблагодарную задачу и погибъ за недостаткомъ общественнаго вниманія и сочувствія.

Эпиграфомъ органъ, начавшійся издаваться въ 1878 г., выставилъ слѣдующій тезисъ: „Соціальный вопросъ существуетъ, но онъ можетъ быть разрѣшенъ только сильнымъ монархическимъ государствомъ въ связи съ религіозными и нравственными факторами народной жизни". Главнымъ на-

[1]) Ibid., s. 470 etc.
[2]) Ibid., s. 488.

учнымъ представителемъ журнала выступилъ проф. Вагнеръ; пасторы Тодтъ и Штёкеръ усердно ему помогали. Въ статьяхъ Вагнера, дѣйствительно, имѣется нѣкоторая доля соціализма. То-же нужно сказать обо всѣхъ работахъ, написанныхъ подъ вліяніемъ идей Родбертуса или съ цѣлью ихъ популяризаціи. Но общій духъ—не имѣетъ никакого отношенія къ соціализму. Въ конечномъ итогѣ, какъ увидимъ, наиболѣе сильной струей оказалась антисемитическая, усердно питаемая Штёкеромъ; журналъ и окончилъ свое существованіе, какъ жалкій антисемитическій листокъ.

Посмотримъ, какъ редакція журнала изложила программу своей партіи[1]). Невнимательное отношеніе къ соціальному вопросу можетъ грозить серьезными затрудненіями. Большая заслуга соціализма въ томъ, что въ послѣднія 15—20 лѣтъ онъ съ такой энергіей останавливалъ вниманіе общества на соціальной проблемѣ. Теперь „каждый правдолюбивый человѣкъ въ Германіи долженъ спросить себя, что надо дѣлать, чтобы дѣйствительно помочь рабочему сословію". Современное общество, подобно римскому временъ упадка имперіи, распадается на два большихъ класса — владѣющихъ и невладѣющихъ, бѣдныхъ и богатыхъ, между которыми лежитъ пропасть. Подавляющая масса богатыхъ людей не обращаетъ никакого вниманія на бѣдняковъ, а между тѣмъ эта язва грозитъ здоровью всего общественнаго организма. Мѣры, которыя предлагаетъ соціалъ-демократія для излѣченія соціальныхъ недуговъ, непрактичны: развѣ мыслимо полное обобществленіе орудій производства, совершенное устраненіе частной собственности? Можно ограничивать размѣръ и характеръ послѣдней, слѣдуетъ стараться о развитіи государственнаго и муниципальнаго производства, но нельзя предполагать все подлежащимъ ломкѣ. Самопомощь не можетъ принести большой пользы рабочему сословію: кто мало имѣетъ, тотъ мало и сдѣлаетъ въ свою пользу. Нужно вмѣшательство высшей безпартійной стороны — государства. „Мы требуемъ государственной помощи, чтобы она живѣе принялась за эти вопросы и лучше ихъ разрѣшила, чѣмъ до сихъ поръ". Правительство должно организовать рабочія массы и стать во главѣ рабочаго движенія. „Мы говоримъ: государство безусловно обязано взять въ свои крѣпкія руки эти дѣла. Никто, кромѣ государства, не можетъ на долгое время улучшить положеніе труда". А вотъ что въ этихъ цѣляхъ должно предпринять правительство: 1) учредить обязательные профессіональные союзы — Fachgenossenschaften, для того чтобы мирнымъ путемъ улаживать споры съ промышленниками; 2) необходимо обязательное введеніе вдовьихъ, сиротскихъ и инвалидныхъ кассъ; 3) желательно возможно широкое развитіе фабричнаго законодательства: не говоря уже объ ограниченіи женскаго и дѣтскаго труда необходимы подробная регламентація труда и взрослаго работника, какъ-то: воспрещеніе воскресныхъ занятій, назначеніе максимальнаго рабочаго дня; 4) государство обязано стремиться къ возможному развитію собственнаго производства, такъ какъ послѣднее покажетъ промышленности примѣръ гуманнаго отношенія къ наемнымъ силамъ; 5) необходимымъ дополненіемъ всего предыдущаго является измѣненіе податной системы, съ цѣлью переложенія налогового бремени на болѣе богатыхъ людей. Очевидно, что при выполненіи всего предначертаннаго придется ограничивать частную собственность, иногда въ довольно широкомъ размѣрѣ; но пора, наконецъ, отказаться отъ несоотвѣтствующей христіанскому строю концепціи „священной" частной собственности „Римскаго права". „Цѣль собственности заключается вообще и можетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы придать силы собственной работѣ; въ настоящее-же время она служитъ, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы безъ заботъ (mühelos) присваивать себѣ плоды чужого труда—и потому она является болѣе не нравственнымъ, а отрицающимъ нравственность (entsittende) учрежденіемъ"[1]).

По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Staatssocialist глубоко монархиченъ. На страницахъ журнала развиваются идеи Л. Штейна о государствѣ и обществѣ, о вѣчной распрѣ владѣющихъ и невладѣющихъ классовъ, которая можетъ быть смягчена лишь вмѣшательствомъ безпартійнаго монарха. Республика неспособна разрѣшать соціальныхъ затрудненій... При извѣстіи о волненіи рабочихъ въ Питсбургѣ, Staatssozialist указываетъ, что это обычная картина обществ.

[1]) Staatssocialist, 3 Febr. 1878.

[1]) „Staatssozialist", 1878, № 8.

жизни всѣхъ республикъ и слабыхъ монархій. Предупредить несогласія можно только глубокими соціальными реформами—„но послѣднія возможны лишь въ прочно стоящихъ монархіяхъ, въ республикахъ-же пробужденіе классовыхъ интересовъ поведетъ къ соціальнымъ революціямъ безъ числа и конца“ [1]). А суть этихъ-то реформъ заключается въ измѣненіи Erwerbsordnung, „Wiederaufhebung der Scheidung zwischen besitzenden und arbeitenden Klassen“. Насколько монархія превосходитъ въ этомъ отношеніи республики — достаточно сравнить освобожденіе крестьянъ въ Россіи съ освободительной войной въ Соед. Штатахъ.

Націонализмъ также одна изъ характерныхъ чертъ госуд. соціализма. Пасторъ Штекеръ горько жаловался на отсутствіе этихъ похвальныхъ чертъ у соц.-демократіи. „Это не по-прусски, не по-нѣмецки, это—стыдно“—обращается онъ къ вожакамъ этой партіи. Далѣе, Штекеръ настаиваетъ даже на неразличеніи понятій „короля и отечества“, свойственное, по его мнѣнію, русскимъ крестьянамъ; въ умахъ этихъ-то простыхъ людей находитъ свое лучшее выраженіе истинно государственный принципъ. „Мы, пруссаки, не дѣлаемъ никакой разницы между королемъ и отечествомъ. Гдѣ король, тамъ и отечество, и гдѣ—отечество, тамъ и король. По завѣту великаго Фридриха, короли Пруссіи желали быть ничѣмъ инымъ, какъ первыми слугами своего народа“ [2]).

Конечно, аграрный элементъ представленъ въ журналѣ чрезвычайно выпукло. Идутъ рѣчи о поддержаніи „Land-Bevölkerung“, отпускаются „жалкія“ фразы по поводу крестьянскихъ бѣдствій; на самомъ дѣлѣ, всюду слышатся жалобы задолжавшагося помѣщика. „Чѣмъ яснѣе и глубже выступаетъ наружу выдающееся соціальное и политическое значеніе поземельнаго владѣнія и сельскаго населенія, тѣмъ ближе предстоитъ задача сохранить этотъ могущественнѣйшій „фольваркъ“ современнаго государственнаго и общественнаго порядка, задача соотвѣтствующими законами о ростѣ, гипотекахъ, аукціонахъ сельской поземельной соб-

[1]) Статья въ томъ-же № — „Die soziale Zukunft der Republiken“.
[2]) „Staatssoc.“ 1878, № 9.

ственности—вырвать... ее... изъ смертельныхъ объятій „Boa-Constrictor, маммонизма“ [1]).

Ратуя за возстановленіе для крестьянъ средневѣковыхъ хозяйственныхъ условій, „Staatssocialist“ предполагаетъ городской рабочій вопросъ разрѣшать аналогичными средствами.

„Въ государствѣ рабочіе нуждаются въ сильномъ и отеческомъ управленіи. Для занятій они нуждаются въ крѣпкомъ солидарномъ порядкѣ, коимъ владѣли средніе вѣка въ цехахъ. И прежде всего, требуютъ они, какъ метафизич. сущности, религіозныхъ обществъ. На этой почвѣ мы стремимся къ соціальной монархіи! Къ обновленію братской организаціи ремесла! Къ новому пробужденію религіознаго духа!“ [2]).

Въ концѣ перваго года изданія журналъ дѣлаетъ обзоръ своей дѣятельности и отмѣчаетъ три направленія, нашедшія въ немъ отраженіе. Это суть: государственно соціалистическое, являющееся какъ бы руками и ногами теченія, христіанско-соціальное—сердце, и философское—голову. Органъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что его госуд. соціалистическія упованія отнюдь не являются такими безпочвенными, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда: канцлеръ обратилъ на нихъ вниманіе — и его рѣчи въ рейхстагѣ принимаютъ все болѣе и болѣе симпатизирующій имъ характеръ.

Слѣдующій 1879-ый годъ далъ обильную пищу разглагольствованіямъ „Staatssozialist'a, а извѣстный Denkschrift Бисмарка къ Bundesrath'у вызываетъ даже крики радости въ „партіи соц. реформъ“. Это посланіе обозначаетъ разрывъ канцлера съ „манчестерствомъ, который дѣйствовалъ въ нашей средѣ, какъ стоячая вода, заражалъ воздухъ и всѣхъ жителей своимъ ядомъ“ [3]). Поворотъ въ таможенной политикѣ позволяетъ надѣяться, что, наконецъ, раздѣлаются и съ ростовщиками: для этой цѣли мало законодательной регулировки %%, но необходимы чувствительныя кары лицъ, занимающихся постыднымъ ремесломъ ростовщичества. Судьба земледѣлія останавливаетъ особенное вниманіе органа и приближаетъ его болѣе къ консервато-

[1]) Ibid., № 16.
[2]) Ibid., № 20.
[3]) „Staatssocialist“, 1879 г., № 2.

рамъ обыкновеннаго типа, чѣмъ къ соціалистамъ. Настаивая на необходимости защитить туземное земледѣліе отъ иностранной конкурренціи таможенными пошлинами и находя умѣстной Werthzoll въ 10%, авторъ одной статьи заявляетъ: „для меня является аксіомой, что нѣмецкое земледѣліе не должно исчезнуть, не должно быть уничтожено подвозомъ дешеваго русскаго и иностраннаго хлѣба“ [1]). Солидарность „Госуд. Соціалиста“ съ „Kreuzzeitung“ — очевидна. Однако, невольно возникаетъ вопросъ, не выгоднѣе-ли будетъ для рабочихъ массъ, о которыхъ такъ заботился „Staatssozialist“, потребленіе болѣе дешеваго иностраннаго хлѣба, чѣмъ поддержаніе нѣмецкихъ землевладѣльцевъ? И вотъ на сцену вмѣсто фритредерской софистики выступаетъ протекціонное умствованіе: говорится, что пошлину уплачиваетъ не туземный потребитель, а ввозящій хлѣбъ иностранецъ, что рабочій, теряя, какъ покупатель, выиграетъ, какъ производитель и т. п. Все это вовсе не доказывается, а предоставляется принимать на вѣру читателю, сердобольно относящемуся къ нѣмецкому земледѣлію. Индустріальный рабочій, дѣйствительный и специфическій пролетарій, отступаетъ на задній планъ и какъ-то стушевывается. Мало того, совершенно очевиденъ страхъ передъ нимъ: „Противъ революціи защищаетъ только сельскій народъ. Поэтому, прежде всего, защита для него“ [2]).

Однако, романтическія представленія о власти могли завести партію довольно далеко; противъ нея стало высказываться плохо скрытое раздраженіе, что она пренебрегаетъ конституціей, добытой съ такимъ трудомъ. „Staatssozialist“ находитъ нужнымъ оправдываться, заявляя, что онъ имѣетъ въ виду не деспотію, а ограниченную монархію, сила которой въ независимости отъ партій. Парламентарное управленіе страной, очевидно, совсѣмъ не въ духѣ консервативныхъ соціалистовъ. Да и вообще они противъ политическаго представительства: имъ хочется основать „экономическій“ парламентъ изъ 4 сословій, который подавалъ-бы королю совѣты въ его начинаніяхъ. Какъ-бы то ни было, имъ довольно трудно скрыть свое отвращеніе къ истинному конституціонализму, который не мирится съ королемъ въ роли Landesvater'a и королевой — Landesmutter. Весьма прозрачными являются также и восторги по поводу русскаго крестьянства, называющаго царя „батюшкой“.

[1]) Ibid., № 3.
[2]) Ibid., № 20.

Въ слѣдующемъ году журналъ хотѣлъ болѣе оправдать свое названіе и выйти за рамки обыкновенныхъ реформъ—съ предложеніями Родбертусовскаго утопическаго соціализма,— но этотъ шагъ быстро привелъ органъ къ смерти.

Какъ-бы то ни было, но послѣдній торжественно началъ 1880-й годъ. „Staatssozialist“ не только живъ, но играетъ выдающуюся почетную роль: довѣреннаго совѣтника великаго канцлера, выступленія котораго въ соціалъ-политической области начинаютъ удивлять свѣтъ: „пунктъ за пунктомъ приводится въ исполненіе рейхсканцлеромъ христіанская государственная соціалистическая программа“ [1]). Защита національнаго труда (!) нашла осуществленіе въ разумномъ протекціонизмѣ Бисмарка; увеличеніе государственнаго производства идетъ быстрымъ шагомъ въ Пруссіи, смѣло принявшейся за огосударствленіе своихъ желѣзныхъ дорогъ. Смѣялись надъ обязательными корпораціями, а предполагается обязательное страхованіе рабочихъ. Однако не надо думать, что все обстоитъ благополучно: растетъ соціалъ-демократія, знаменуя собою увеличеніе недовольства рабочихъ массъ. Европа подобна бочкѣ съ порохомъ; катастрофу можетъ предупредить только „ein Organismus durchgreifender Reformen“. Либерализмъ оказывается безсильнымъ передъ смертельными тисками нужды, возбуждающей населеніе къ революціи... Соціалъ-демократію, голосъ которой становится все громче и страшнѣе, создаетъ „безсердечіе представителей движимаго капитала“. О землевладѣльцахъ и беззастѣнчивой эксплоатаціи ими темнаго деревенскаго люда журналъ, конечно, ни слова...

Антисемитическія тенденціи журнала крѣпнутъ: „этотъ новый (еврейскій) духъ порчи, этотъ чуждый не нѣмецкій элементъ выросъ въ Германіи. Мы болѣе не представляемъ собою народа, въ большой массѣ котораго вѣялъ идеальный духъ, который хотя и отличался непрактичностью... но и былъ одушевленъ великими идеями, могъ для нихъ пожер-

[1]) „Staatssozialist“ 1880 г., № 1.

твовать „Hab und Gut, Leben und Blut“ [1]). Соотвѣтственно росту антисемитизма слабѣлъ воображаемый соціализмъ Штёкера.

Въ октябрѣ 1880 г. въ Берлинѣ состоялось общее собраніе „Central-Verein'a, и по сему случаю подводились итоги дѣятельности. Пасторъ Todt съ ужасомъ констатировалъ, что въ обществѣ слабѣетъ жизненный духъ реформъ, и притомъ въ то время, когда, благодаря усиліямъ ферейна, Бисмаркъ сдѣлался гос. соціалистомъ: количество членовъ союза съ 800 упало до 400, а подписчиковъ съ 1500 до 450. Естественная смерть быстро подходила къ органу, который не могъ разсчитывать на возбужденіе сочувствія въ большихъ массахъ населенія, предлагая имъ „христіанскую“ тактику смиренія; а для „сильныхъ міра сего“, „Staatssozialist“ уже былъ ненуженъ. Болѣе разумные сотрудники скоро покинули журналъ — и въ немъ стали господствовать аграрные и антисемитическіе голоса. Дѣло дошло до того, что редакція журнала выразила готовность передать канцлеру петицію объ ограниченіи правъ іудеевъ, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ: 1) необходимы положенія о чертѣ еврейской осѣдлости — Grenzsperre; 2) желательно отстраненіе евреевъ отъ высшихъ судебныхъ и административныхъ должностей, 3) тщательно оттѣнить христіанскій характеръ нѣмецкихъ школъ и въ 4) вести точную статистику еврейскаго населенія. Таковы „соціалистическія“ убѣжденія „государственныхъ соціалистовъ!“ А вотъ какъ они выражаются о городскомъ пролетаріатѣ: „откуда должны придти... новые варвары? Пройдите по грязнымъ кварталамъ большихъ городовъ, и можно будетъ теперь уже видѣть ихъ собирающіяся орды“.

Манифестъ Императора отъ 17 ноября 1881 г. вызываетъ особенное сочувствіе журнала „возстановленіемъ старыхъ прусскихъ традицій“, нашедшихъ себѣ выраженіе еще въ Земскомъ Уложеніи.

Въ 1882 г. „Staatssocialist“ на 13-мъ номерѣ окончилъ свое существованіе. Послѣдніе, заключительные аккорды были посвящены опять-таки не рабочему вопросу, а сельскому хозяйству, оттѣняя такимъ образомъ аграрный характеръ органа. Говоря о нуждахъ нѣмецкаго землевладѣнія,

[1]) Ibid., № 21.

журналъ предпочитаетъ трагическій тонъ: „въ настоящее время поземельная собственность формально истощена процентами; этомъ процессъ имѣетъ единственную аналогію въ исторіи — въ умирающемъ римскомъ мірѣ“ [1]). Лишь высокія пошлины на ввозимый хлѣбъ и строгія кары ростовщиковъ — въ состояніи задержать этотъ процессъ! „Государство должно было-бы создать единую организацію изъ сельско-хозяйственныхъ силъ, какъ низшихъ, такъ и высшихъ по образцу чиновничьей...“ [2]).

Отмѣтимъ еще предложенную журналомъ попытку опредѣленія госуд. соціализма: „Подъ этимъ именемъ должны разумѣться тѣ соціально-политическія стремленія, которыя проникнуты мыслью, что задача государства состоитъ не только въ отрицательныхъ мѣропріятіяхъ противъ незаконнаго насилія, но гораздо болѣе въ созданіи путемъ положительной организаціи живущимъ въ немъ индивидуумамъ возможно болѣе благопріятныхъ условій для развитія, и служеніе, такимъ образомъ, цѣлому въ индивидуумѣ такъ-же, какъ и индивидууму въ цѣломъ“ [3]). Таковъ кругъ идей и естественная ихъ эволюція у „государственнаго соціалиста“ Штёкера и его сподвижниковъ.

III.

Ад. Вагнеръ и А. Шеффле.

Литературныя выступленія наиболѣе горячихъ поборниковъ государственно-соціалистической практики носятъ скорѣе публицистическій, чѣмъ научный характеръ. Въ академической формѣ теорія государственнаго соціализма предстаетъ передъ нами, главнымъ образомъ, въ трудахъ профессоровъ Ад. Вагнера и А. Шеффле. Воззрѣнія этихъ двухъ ученыхъ намъ уже знакомы по предшествовавшему изложенію. Мы видѣли, какую крупную роль игралъ Шеффле въ развитіи соціально-политическихъ идей въ Германіи;

[1]) „Staatssocialist“, 1882 г., № 4.
[2]) Ibid., № 9.
[3]) Ibid., № 8.

что касается берлинскаго профессора, то намъ неоднократно приходилось упоминать о его страстныхъ нападкахъ на либеральную экономію. На исторіи соціалъ-политическаго ферейна мы видѣли, что Вагнеръ, по радикальности своихъ взглядовъ, съ трудомъ уживался съ другими представителями катедеръ-соціалистическаго направленія; намъ извѣстно также и то, что наиболѣе подходящее опредѣленіе своихъ воззрѣній Вагнеръ усматривалъ въ терминѣ „государственный соціализмъ". Задачей настоящаго раздѣла является синтетическое изложеніе взглядовъ того и другого экономиста. Задача эта въ значительной степени облегчается тѣмъ, что *Вагнеръ и Шеффле сами попытались произвести такой* синтезъ въ наиболѣе крупныхъ своихъ работахъ (Вагнеръ—„Grudlegung der politischen Oekonomie", 1-е изд.—1876 г., 3-е изд., 1892—4; Шеффле—„Bau und Leben des socialen Körpers"—1875-78, вт. изд.—1896 г.). Правда, въ этихъ синтетическихъ трудахъ потерялись особенно рѣзкіе, характерные выпады, обусловленные требованіями минуты, и намъ придется иногда въ изложеніи аппеллировать къ другимъ произведеніямъ этихъ корифеевъ государственнаго соціализма. Однако, общій строй ихъ міросозерцанія мало измѣнился съ теченіемъ времени, не такъ, какъ у другихъ катедеръ-соціалистовъ; синтетическіе труды у нихъ поясняютъ отдѣльныя работы, а не *противорѣчатъ* имъ.

Обратимся сначала къ Ад. Вагнеру, маститому ученому, одному изъ лучшихъ знатоковъ кредита и финансовой науки, экономисту, многочисленныя произведенія котораго до сихъ поръ оказываются необходимыми пособіями при изученіи многихъ экономическихъ вопросовъ. Не смотря, однако, на свою высокую ученую авторитетность, Вагнеръ въ своихъ общественно политическихъ выступленіяхъ обнаруживаетъ нерѣдко поразительную наивность; наивность эта объясняется искреннимъ увлеченіемъ извѣстной идеей. По своему темпераменту, Вагнеръ напоминаетъ Мейера; и едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что два этихъ лица были наиболѣе искренними *представителями „государственнаго соціализма" среди* эпигоновъ Родбертуса. Къ Шеффле Вагнеръ относится, какъ къ своему предшественнику—въ конструированіи новой системы „соціальной экономіи". „Онъ (Шеффле) и Родбертусъ", говоритъ Вагнеръ, „являются двумя современными

писателями, которымъ я больше всего обязанъ....." [1]). Къ Родбертусу Вагнеръ относится съ громаднымъ уваженіемъ: вліяніе „Рикардо научнаго соціализма" (выраженіе Вагнера) на него—всесторонне и глубоко. Вагнеръ не боится установить *связи своихъ идей съ соціалистическими вообще*—не только родбертусовскими. Указывая на несогласія съ соціализмомъ, онъ прибавляетъ: „всѣ эти оговорки и отклоненія не мѣшаютъ мнѣ, однако, признавать высокую, прежде всего, критическую—но не только критическую—цѣнность главнѣйшихъ произведеній нѣмецкой соціалистической литературы, ея значенія въ дѣлѣ развитія политической экономіи въ соціальную экономію". „Произведенія Родбертуса, Маркса, Энгельса, Лассаля суть „ein Ferment ohne Gleichen" [2]), Ибо соціалисты правильно, по мнѣнію Вагнера, исходятъ изъ „соціальныхъ идей", смотрятъ на вопросы экономики и права съ точки зрѣнія интересовъ цѣлаго, „признаютъ взаимоотношеніе права и хозяйства и дѣлаютъ отсюда соотвѣтствующіе выводы". Вмѣстѣ съ ними, а также и съ немногими „соціальными политиками", Вагнеръ замѣняетъ обычную индивидуалистическую концепцію „соціально-правовой". Прогрессъ науки о хозяйствѣ опредѣляется степенью усвоенія этого начала. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что соціализмъ—высшая стадія эволюціи экономической науки. Хозяйственная жизнь движется надъ вліяніемъ различныхъ моментовъ и мотивовъ: здѣсь имѣютъ мѣсто какъ эгоистическія (стремленіе къ выгодѣ, страхъ наказанія, честолюбіе, удовольствіе отъ труда), такъ и неэгоистическія побужденія (чувство долга и пр.); въ хозяйствѣ находятъ себѣ удовлетвореніе и *получаютъ выраженіе интересы индивидуальные* и соціальные. Нормальная экономика должна гармонически сочетать дѣйствіе частнаго интереса, принципа каритативнаго и авторитарныхъ, государственныхъ функцій. Чистый соціализмъ слишкомъ пренебрежительно относится къ началамъ индивидуальнымъ, не понимаетъ важнаго элементарнаго экономическаго мотива—стремленія къ выгодѣ; либеральная экономія дѣлаетъ противоположную ошибку. А потому—истинно

---

[1]) A. Wagner, „Lehr- und Handbuch der pol. Oek.", Grundlegung, III Aufl., 1892., s. 35.

[2]) Ibid., s. 38.

научная задача именно и заключается въ томъ, чтобы „найти правильную среднюю позицію между индивидуализмомъ и соціализмомъ“ [1]). „Если въ экономическомъ индивидуализмѣ страдаетъ несомнѣнно равенство, то въ соціализмѣ—свобода“ [2]). „Соціально правовая, соціально-экономическая“ точка зрѣнія должна примирить оба начала—принципы индивидуальный и соціальный. Отказываясь видѣть въ катедеръ-соціализмѣ единое „теченіе“ или „школу“, въ „государственномъ соціализмѣ“ Вагнеръ именно и усматриваетъ соотвѣтствующую истиннымъ требованіямъ науки „замкнутую экономическую систему“. „Какъ доктрина и экономическая политика, государственный соціализмъ отличается тѣмъ, что онъ принципіально согласуется съ соціализмомъ, считая его критическую часть до извѣстной степени правильной, требованія его относительно порядка собственности отчасти исполнимыми, а исполненіе ихъ желательнымъ. Настолько-же онъ отходитъ принципіально отъ индивидуализма. Но, съ другой стороны, требованіямъ соціализма онъ ставитъ принципіальный предѣлъ, такъ какъ признаетъ принципіальное значеніе и необходимость также и индивидуализма, именно въ интересахъ цѣлаго. Государственный соціализмъ отбрасываетъ только безграничный индивидуализмъ, не умѣряемый соціальными соображеніями“ [3]).

Либеральная экономія покоится на признаніи естественныхъ законовъ хозяйства. Конечно, полагаетъ Вагнеръ, экономика есть до извѣстной степени и въ извѣстномъ смыслѣ „продуктъ природы“ (Naturproduct); но—въ то-же время, хозяйство является результатомъ сознательныхъ человѣческихъ дѣйствій, продуктомъ воли людей, направленной къ извѣстной цѣли, а, слѣдовательно, „искусственнымъ продуктомъ (Kunstproduct)“. Несомнѣнно, правиленъ взглядъ на хозяйство, какъ организмъ; но экономика есть также и „künstliche Organisation“. Необходимо учесть человѣческую дѣятельность, „которая сама себя организуетъ, вслѣдствіе чего народное хозяйство изъ состоянія естественнаго продукта чисто-инстинктивныхъ человѣческихъ побужденій дѣлается разумно-человѣческимъ, искусственнымъ продуктомъ“ [1]). Легко видѣть, что искусственность въ этомъ случаѣ обусловливается степенью культуры. „Народныя хозяйства именно культурныхъ народовъ отличаются искусственнымъ характеромъ, который увеличивается все болѣе съ ходомъ ихъ исторіи. Образованіе права, регулирующаго обращеніе цѣнностей, возникновеніе хозяйствъ каритативной системы и различнаго рода общественныхъ хозяйствъ (Gemeinwirthschaften), при посредствѣ которыхъ народное хозяйство въ значительной степени подчиняется регулированію государствомъ и которыя вызываютъ все болѣе охватывающее и болѣе богатое содержаніемъ прямое участіе государства въ народномъ хозяйствѣ, всѣ эти моменты дѣлаютъ изъ народнаго хозяйства, какъ естественнаго продукта, все болѣе и болѣе человѣческій, искусственный продуктъ“ [2]).

Вполнѣ естественно (это логически вытекаетъ изъ приведеннаго тезиса) слѣдуетъ ожидать усиленія государственнаго воздѣйствія по мѣрѣ движенія культуры. Такое расширеніе государственныхъ функцій является своего рода „имманентной эволюціи тенденціей“ [3]). Чѣмъ выше ступень развитія, тѣмъ шире и разносторонне преслѣдуетъ государство „Cultur- und Wohlfahrtzwecke“. Въ данномъ случаѣ, Вагнеръ, очевидно, воспринимаетъ и развиваетъ идею Родбертуса объ эволюціи общества отъ Einzelwesen къ Gemeinwesen; объ экстенсивномъ и интенсивномъ увеличеніи функцій государственной власти, по мѣрѣ развитія общественнаго организма. Но—въ то время какъ Родбертусъ безстрашно дѣлаетъ крайніе выводы изъ установленнаго имъ „имманентнаго“ исторіи закона, Вагнеръ хочетъ остановиться на половинѣ дороги, найти „золотую середину“. При такихъ условіяхъ, его общую систему должна была постигнуть обычная въ этихъ случаяхъ судьба: эклектика не удовлетворяетъ ни ту, ни другую сторону. Несогласимыя противорѣчія оказываются разбросанными во всѣхъ существенныхъ пунктахъ ученія. То онъ считаетъ частную собственность „учрежденіемъ по-

[1]) Ibid., s. 42.
[2]) Ibid., s. 24.
[3]) Ibid., s. 59.

[1]) 2-е изданіе, с. 200—203.
[2]) 2-е изд., I B, ст. 200—203.
[3]) См. по этому поводу особенно ст. Вагнера—„Finanzwissenschaft und Staatssocialismus“, „Tüb. Zeitsch.“, 1887, s. 37—122; 675—746.

ложительнаго законодательства", то видитъ въ ней реализацію „требованій естественной справедливости". Въ первомъ случаѣ, „свободно-творимое право" её полагаетъ, во-второмъ, приходится аппеллировать къ „сущности человѣческой личности". Подражая Марксу, Вагнеръ называетъ капиталъ „историко-юридической категоріей", и въ то-же время считаетъ форму частной собственности на него необходимой для образованія (безостановочнаго) народнаго капитала. Понимая превосходство планомѣрно регулируемой экономики передъ стихійной, онъ боится „исключительно-принудительной организаціи народнаго хозяйства". Установленіе такого порядка онъ считаетъ несовмѣстимымъ съ „интересами человѣческой свободы", тогда какъ самъ отказывается понимать свободу формально. Вагнеръ находитъ осуществленіе соціализма несоотвѣтствующимъ человѣческой психологіи и отпускаетъ даже легковѣсныя остроты о „военномъ управленіи" народнаго хозяйства, въ случаѣ осуществленія соціалистическаго идеала; въ то-же время привѣтствуетъ увеличеніе государственныхъ предпріятій. „Наше время—несомнѣнно приближается къ соціалистическимъ цѣлямъ, въ отношеніи изъятія матеріальныхъ производительныхъ средствъ, въ томъ числѣ и капитала, изъ частной собственности хозяйствъ отдѣльныхъ лицъ. Переходъ всякаго новаго производства продуктовъ или оказанія производительныхъ услугъ въ руки государства, какъ напр. желѣзныхъ дорогъ, есть этапъ къ достиженію цѣли. Только неясность понятій противниковъ соціализма, ослѣпленныхъ страстью, можетъ этого не признавать" [1]).

Конечно, разобраться во всѣхъ этихъ противорѣчіяхъ трудно; и если отдѣльныя выступленія Вагнера на соц.-политич. темы нерѣдко поражаютъ силой и опредѣленностью своихъ выраженій, то общая его система производитъ слабое впечатлѣніе. Будучи превосходнымъ спеціалистомъ по ряду частныхъ вопросовъ, Вагнеръ, однако, питаетъ особенное пристрастіе къ схемамъ и системамъ; онъ предпочитаетъ синтезировать, а не анализировать. Не имѣя возможности остановиться на какомъ-нибудь одномъ мнѣніи, онъ тѣмъ самымъ губитъ свою синтетическую работу. Всѣ кардинальныя основныя понятія опредѣляются у Вагнера эклектически,

[1]) Wagner. „Grundlegung", II Theil, § 154, s. 344.

т. е. въ сущности можно говорить лишь о „схемѣ" ученія Вагнера, а не о „системѣ".

Обратимся къ наиболѣе показательному для насъ ученію Вагнера о государствѣ „съ народнохозяйственной точки зрѣнія", какъ оно вылилось въ „Grundlegung", „Finanzwissenchaft" и соотвѣтствующей статьѣ въ „Handwörterbuch" Conrad'a (II-е изд.). Государство, говоритъ Вагнеръ, несомнѣнно надо разсматривать, какъ „Productionsfactor" и „Vertheilungsregulator". Таковымъ государство всегда было, и отрицать такой его роли нельзя. Слѣдовательно, соціально-политическія требованія висятъ не въ воздухѣ, а опираются на реальныя соотношенія. Предварительно необходимо установить слѣдующіе принципы соціальной (включая сюда и финансовую) политики. 1. Нельзя отвлеченно, разъ навсегда, опредѣлить, что должно и чего не должно исполнять государство. 2. Принципіальное расширеніе государственныхъ функцій насчетъ частно-хозяйственной, каритативной и общественной дѣятельности другихъ органовъ — „теоретически ложно и практически нецѣлесообразно". Именно въ этомъ смыслѣ грѣшитъ полицейское государство просвѣщеннаго абсолютизма и „чистый" соціализмъ. 3. Соотвѣтственно этому, концепція правового государства, разъ навсегда ставящая передъ государствомъ только Rechtsschutzzweck — ложна. Принципъ „laissez faire"—несостоятеленъ. 4. Производственная область въ широкомъ смыслѣ должна быть гармонически подѣлена между частными, каритативными, общественными и государственнымъ хозяйствами. 5. Собственную дѣятельность правительство должно располагать по конкретнымъ отношеніямъ и потребностямъ. 6. Столь часто восхваляемый въ финансовомъ отношеніи принципъ бережливости можетъ имѣть лишь относительное значеніе, и поэтому, 7, принципіальная неизмѣнчивость доходовъ государства не можетъ быть допущена. 8. Общій принципъ экономической дѣятельности государства—соціально-политическій, общественный; это не исключаетъ, однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользованіе со стороны государственной власти и частно-хоз. коммерч. началомъ.

Такимъ образомъ, народно-хозяйственныя функціи государства, вмѣшательство его въ экономику опредѣляется условіями мѣста и времени. Исторія позволяетъ установить слѣдующій законъ: „возрастающее увеличеніе публичной, осо-

бенно государственной дѣятельности у прогрессирующихъ культурныхъ народовъ"; законъ „усиленія превентивнаго принципа насчетъ простого репрессивнаго въ развитыхъ правовыхъ и культурныхъ государствахъ". Органическія цѣли государства распадаются на два разряда: „Recht- und Machtzwecke" и „Cultur- und Wohlfahrtzwecke". Послѣднія цѣли, говоритъ Вагнеръ совершенно въ духѣ Лассаля, имѣютъ назначеніемъ предоставить личности условія наиболѣе успѣшнаго развитія, пріобщить возможно большее количество населенія къ пользованію культурными благами. „Насколько въ этомъ случаѣ покрытіе расходовъ публичной дѣятельности совершается по общественно-хозяйственному принципу, соотвѣтственно этому обнаруживается усиленіе коммунистическаго характера всего народнаго хозяйства" [1]).

До сихъ поръ относились съ большимъ недовѣріемъ къ выступленію государства въ производственной области; между тѣмъ, въ настоящее время надо констатировать совершенно обратную эволюціонную тенденцію: концентрація производства, развитіе техники — облегчаютъ государству выполненіе производственныхъ функцій. Вагнеръ съ большимъ сочувствіемъ относится къ манифесту отъ 4 февр. 1890 г. за упоминаніе о горныхъ госуд. предпріятіяхъ, какъ желательныхъ „Musteranstalten", именно въ смыслѣ попеченія о рабочихъ. Столь-же цѣлесообразнымъ и практически оправданнымъ въ Пруссіи является расширеніе государственной дѣятельности въ другихъ областяхъ (желѣзныя дороги, иные пути и средства сообщенія). Если превентивный принципъ и стѣсняетъ нѣсколько свободу отдѣльнаго лица, то онъ, все-таки, вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ „высоко развитого народнаго хозяйства". Общее правило, котораго должно держаться правительство, вступая въ сферу производственную, таково: государство беретъ на себя удовлетвореніе лишь такихъ потребностей, которыя не могутъ надлежащимъ образомъ быть удовлетворены ни свободной дѣятельностью частныхъ хозяйствъ, ни другими видами общественныхъ, кромѣ государственнаго. Выдвигая такое начало, Вагнеръ какъ будто не замѣчаетъ, что оно, въ сущности, гармонируетъ съ либеральной экономіей: по крайнеймѣрѣ,

[1]) „Grundlegung", II полут. I части, стр. 394.

Смитъ говорилъ приблизительно то-же самое. Главная задача Вагнера заключалась въ томъ, чтобы показать (какъ это дѣлалъ Родбертусъ) превосходство государственнаго хозяйства; въ такомъ случаѣ мы, дѣйствительно, имѣли-бы дѣло съ „государственнымъ соціализмомъ". Вліяніе государства на распредѣлительный процессъ также, по мнѣнію Вагнера, вполнѣ возможно и необходимо, — путемъ „законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій". Это — вполнѣ понятно, такъ какъ „цѣль народнаго хозяйства — благосостояніе массы". Во взглядахъ на сущность рабочаго вопроса и методы его разрѣшенія Вагнеръ высказываетъ солидарность съ Родбертусомъ: и по его мнѣнію, помочь можетъ дѣйствительнымъ образомъ только государство. Для улучшенія распредѣленія предварительно необходимо укрѣпленіе и развитіе нравственныхъ началъ въ обществѣ. Задача государства заключается въ томъ, чтобы поддержать слабѣйшихъ въ борьбѣ, поставить предѣлы „конъюнктуральной" наживѣ. Съ теченіемъ времени регулированіе распредѣлительнаго процесса механическими рыночными законами замѣнится „Billigkeits und Zweckmässigkeits - Gesichtspunkten autoritativer Regelung", какъ хитро выражается Вагнеръ. Государство можетъ многаго достигнуть даже въ области финансовой политики.

Налогъ имѣетъ громадное соціально-политическое значеніе. На этой его роли Вагнеръ рѣшительно настаиваетъ: разумная налоговая система можетъ способствовать перераспредѣленію народнаго дохода и состоянія. Вмѣшиваться регулирующимъ образомъ въ эту область государство обязано [1]).

Мыслимы и принципіальныя измѣненія „организаціи и правового строя народнаго хозяйства: напр., замѣна, „соотвѣтственно соціалистическимъ требованіямъ", частной собственности на землю и капиталы, общественной, публичной, но не вообще и не полностью, а частично и ограниченно — по системѣ „государственнаго соціализма". Такая замѣна будетъ лишь дополненіемъ частнохозяйственной организаціи; останется „старая комбинація частнаго и общественнаго хозяйства, частной и общественной собственности, но при этомъ

[1]) См. «Finanzwissenschaft», II т., s. 207.

первая будетъ все отступать назадъ, а вторая—выдвигаться впередъ [1]).

Какъ относительно рабочаго вопроса, такъ и въ общей концепціи Вагнеръ слѣдуетъ Родбертусу, „своему великому и глубокоуважаемому соціально-экономическому учителю“: „хозяйственный оборотъ не можетъ быть предоставленъ самому себѣ, народное хозяйство должно стать болѣе государственнымъ“ [2]).

Соотвѣтственно этому, Вагнеръ находитъ принципіальный споръ противъ коммунизма — „лишеннымъ смысла“: совершенно такъ-же, какъ это дѣлалъ Бисмаркъ въ своихъ рѣчахъ, профессоръ разумѣетъ подъ коммунизмомъ общественное хозяйство и находитъ въ современномъ порядкѣ коммунистическіе элементы—государственныя жел. дороги, почту, телеграфъ. Коммунизмъ постепенно осуществляется. Поэтому, научная система должна совмѣстить и соціализмъ, и индивидуализмъ. Частичный соціализмъ, какъ напр. государственный, *давно уже осуществляется въ жизни народовъ*; дальнѣйшая эволюція только усилитъ его проявленіе.

Благосклонно относясь къ огосударствленію индустріи и транспорта, Вагнеръ—въ аграрной области—подобно другимъ госуд. соціалистамъ, симпатизируетъ земельной собственности. Въ этомъ отношеніи онъ раздѣляетъ общую судьбу: его привлекаетъ фигура мелкаго крестьянина. Дорогъ его сердцу и ремесленникъ, но крестьянинъ—ближе. „Путь аграрнаго коммунизма совершенно отводитъ насъ отъ цѣли во всѣхъ отношеніяхъ“ [3]), сказалъ Вагнеръ еще въ 1870 г., и это несоціалистическое убѣжденіе осталось у него и въ будущемъ. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ оттѣняетъ способность мелкаго крестьянина къ рыночной конкурренціи, подчеркиваетъ нравственное и физическое превосходство деревни („народнаго фольварка“) передъ городомъ, одобрительно относится къ аграрнымъ пошлинамъ. И чтобы еще больше запечатлѣть свойственную почти каждому „государственному“ соціалисту аграрную симпатію, Вагнеръ

[1]) «Grundlegung», ibid., s. 743.
[2]) «Grundlegung», ibid., s. 748.
[3]) A. Wagner. «Die Abschaffung des privaten Grundeigenthums». L. 1870, s. 77.

принимаетъ участіе въ биметаллистической агитаціи. Изъ его школы вышелъ крупный биметаллистическій авторитетъ—D-r Arendt.

Нечего и прибавлять, что литературную борьбу съ соціалъ-демократіей профессоръ считалъ своей священной *обязанностью*,—и при всякомъ удобномъ случаѣ подвергалъ соц.-демокр. программу страстной критикѣ. И у него движущимъ началомъ „государственнаго“ соціализма является страхъ передъ соціальной революціей.

Обратимся къ Шеффле. Его нерасположеніе къ капиталистическому хозяйству и симпатіи къ соціалистическому идеалу намъ извѣстны по предшествовавшему *изложенію*. Шеффле значительно уступаетъ Вагнеру въ выдержанности и постоянствѣ взглядовъ; его соціализмъ переживалъ то повышеніе, то пониженіе. Къ началу 70-хъ годовъ онъ проникается „ремесленносоціалистическими“ взглядами Марло и настойчиво пропагандируетъ „феодальный соціализмъ“ послѣдняго. Общее напряженіе соціально-политическаго настроенія выразилось у него въ открытой защитѣ, соединенной съ критикой, соціализма противъ невѣжественныхъ и пристрастныхъ нападокъ либерализма („Die Quintessenz des Socialismus“ — 1875 г.; книга была переведена на многіе языки). Ближайшимъ толчкомъ къ изданію этой работы послужилъ результатъ выборовъ въ рейхстагъ 1874 г., благопріятный для соціалъ-демократіи. Соціализмъ долженъ, по мнѣнію Шеффле, стать „предметомъ всесторонняго и спокойнаго изслѣдованія“. Такое изслѣдованіе покажетъ, что въ соціализмѣ нѣтъ ничего ужаснаго; но осуществленіе его немыслимо внезапнымъ, революціоннымъ путемъ: жизнь должна измѣниться „скорѣе въ силу стремленія государства, какъ цѣлаго, къ самосохраненію, чѣмъ путемъ насилія, исходящаго снизу“ [1]). Такой постановкой вопроса авторъ отгораживаетъ себя отъ революціонныхъ соціалистовъ; обращеніе-же его къ „имущимъ классамъ“ объясняется простымъ соображеніемъ: „*при возрастающихъ публичныхъ и частныхъ долгахъ, техническихъ и коммерческихъ переворотахъ*,—имущія семьи не могутъ быть увѣрены, что и онѣ въ свою очередь,

[1]) A. Schäffle. „Die Quintessenz des Socialismus“. 7-te Auflage. Gotha, 1879, s. IV—V.

если не въ слѣдующемъ, то во второмъ за нынѣшнимъ поколѣніи, не опустятся въ ряды пролетаріевъ" [1]).

„Сущность" соціализма, какъ замѣну индивидуалистической организаціи производства и обмѣна коллективистической, Шеффле представляетъ совершенно правильно. Для своего времени чрезвычайно цѣнны такія заявленія: „программа соціалистовъ есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ періодическій „передѣлъ" частной собственности" [2]); нелѣпа критика соціализма, будто бы послѣдній отрицаетъ значеніе капитала, ибо покоится на смѣшеніи соціальной съ „технико-экономической" точкой зрѣнія; идея коллективной организаціи производства отнюдь „не противорѣчитъ государству"; „мы весьма далеки отъ того, чтобы утверждать, будто соціализму не можетъ удасться" осуществить свои главнѣйшія цѣли. Для этого надо только сумѣть блага коллективистическаго хозяйства сочетать съ „преимуществами всесторонняго возбужденія личныхъ интересовъ и всесторонняго свободнаго контроля при выполненіи соціальныхъ функцій", т. е. съ чертами, соотвѣтствующими нынѣшнему общественному строю. Торжество такого соціализма, по мнѣнію Шеффле, уже подготовляется современной эволюціей: государственной централизаціей, тенденціей хозяйственныхъ силъ къ концентраціи.

Итакъ, Шеффле желаетъ примирить соціализмъ съ либеральной экономіей. Въ революціонномъ соціализмѣ онъ видитъ врага, съ которымъ надо бороться, но не слѣпо, а сознательно, на почвѣ его всесторонняго изученія. Послѣднее показываетъ, что „избитыя возраженія, обыкновенно приводимыя противъ соціализма, не выдерживаютъ критики". Въ особенности авторъ настаиваетъ на нелѣпости утвержденія, „будто соціализмъ долженъ устранить самоопредѣленіе личности и потому долженъ быть враждебенъ культурѣ и свободѣ. Совершенно наоборотъ: скорѣе лишь онъ осуществилъ бы для всѣхъ возможность свободнаго опредѣленія потребностей и конституціоннаго самоуправленія даже въ ближайшей сферѣ ежедневнаго профессіональнаго труда, такъ какъ при немъ

[1]) Ibidem.
[2]) Ibid., s. 17—18.

всѣ трудились бы по призванію, и большинство уже не находилось бы на службѣ у частныхъ лицъ" [1]). Недостатки же современныхъ соціалистическихъ партій Шеффле усматриваетъ, прежде всего, въ ихъ „антирелигіозномъ направленіи", что особенно странно, такъ какъ именно эти партіи требуютъ отъ людей напряженнаго этическаго настроенія. Затѣмъ, авторъ возмущается проповѣдью „права на полный продуктъ труда" и устраненіемъ принципа „рабочей конкурренціи". Но противъ воинствующаго соціализма „надо выступать съ доводами, а не съ ружейными пулями". Рабочія массы уже организуются въ громадную политическую силу; и если не пойти навстрѣчу ихъ требованіямъ съ глубокими соціальными реформами, то „погибнутъ вслѣдствіе этого всѣ сословія вмѣстѣ съ цивилизаціей" [2]). Очевидно, что въ борьбѣ между третьимъ и четвертымъ „сословіемъ" должна выступить въ качествѣ регулятора внѣпартійная общественная сила (прежде всего, государство) и спасти цивилизацію „путемъ постепенныхъ реформъ". Изложенная въ главныхъ своихъ положеніяхъ брошюра Шеффле, какъ мы выше указали, имѣла громадный успѣхъ, вызывая, съ одной стороны, восторженное одобреніе, съ другой — не менѣе живое порицаніе. Шеффле опредѣленно упрекали въ томъ, что этой книжкой онъ оказалъ большую услугу соціалъ-демократіи. Когда увлеченіе „государственнымъ соціализмомъ" въ академическихъ сферахъ остыло, упреки эти стали особенно чувствительны. Шеффле, десять лѣтъ спустя, счелъ нужнымъ выпустить даже спеціальную полемическую брошюру — „Die Aussichtslosigkeit der Socialdemocratie. Ergänzung der Quintessenz des Socialismus" (1885 г.).

Однако, органическая точка зрѣнія, которой придерживается Шеффле, удержала его на „государственно-соціалистической" позиціи. Будучи солидаренъ съ соціалистами во многихъ пунктахъ критики существующаго порядка, Шеффле не видитъ въ ихъ работахъ проявленія „безнравственности". Собственно говоря, заявляетъ онъ, вовсе не „всякій соціализмъ" нападаетъ на собственность, семью и бракъ, какъ таковыя. „Даже въ самомъ радикальномъ направленіи со-

[1]) Ibid., s. 65—66.
[2]) Ibid., s. 67.

ціализма, главою котораго является Марксъ, объ отмѣнѣ собственности совсѣмъ не идетъ рѣчи, а только о переходѣ орудій производства, т. е. капиталовъ, изъ рукъ частныхъ лицъ въ общую коллективную собственность, которая и безъ того существуетъ уже въ видѣ государственныхъ, общинныхъ, научныхъ и другихъ учрежденій и, слѣдовательно, совсѣмъ не является антиобщественной формой собственности" [1]). Цѣли соціализма — самыя благія; но достиженіе ихъ немыслимо въ виду несовершенства человѣческой природы. Такъ же, какъ и Вагнеръ, Шеффле находитъ, что соціализмъ не учитываетъ нѣкоторыхъ сторонъ психики человѣка, а потому—неосуществимъ,—и, въ случаѣ осуществленія, былъ бы невыносимъ.

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе соціологическихъ изысканій автора, мы отмѣтимъ только его общую точку зрѣнія на „соціальное тѣло". „Соціальное тѣло", говоритъ онъ, „есть комплексъ неорганическихъ и одушевленныхъ массъ, физическихъ, психофизическихъ и психическихъ движеній, корелаты которыхъ находятся уже въ досоціальныхъ царствахъ жизни" [2]). Соціальная жизнь есть такимъ образомъ „интеграція и дифференціація" всѣхъ физическихъ и психическихъ силъ міра. Соціальной ячейкой является семья. Отсюда развивается болѣе или менѣе крѣпкая соціальная ткань. Очевидно, что разложеніе клѣточки влечетъ за собой гибель всего организма. Вотъ почему страшенъ пауперизмъ и съ нимъ слѣдуетъ бороться: нищенская квартира и ѣда губятъ семью. Общество слагается по типу организма. Шеффле разсматриваетъ различныя общественныя проявленія, подобно крайнимъ „органистамъ", аналогично функціямъ организма. Прогрессивную эволюцію соціальной жизни естественно онъ усматриваетъ въ ростѣ централизаціи, сходясь въ этомъ отношеніи съ Родбертусомъ. Намѣтивъ пять ступеней историческаго развитія народовъ (варварство, феодализмъ, городской періодъ, территоріальныя государства и капитализмъ), Шеффле рисуетъ шестой, предстоящій, какъ водво-

[1]) Schäffle, „Bau und Leben des socialen Körpers", 1-е изд. III B., s. 458.

[2]) Ibid., изд. 1896 г., s. 13.

реніе публично-правового порядка, какъ господство надъ соціальной борьбой.

Народное хозяйство, выполняющее функцію питанія общественнаго организма, цѣлью своей должно имѣть благо всего народа. Отсюда задача экономики распадается на созданіе возможно бо̀льшей продуктивности, использованіе всѣхъ возможныхъ благъ и возможно равномѣрное ихъ распредѣленіе. Вмѣшательство центральнаго регулирующаго органа — государства — безусловно необходимо, для устраненія хаотической борьбы частныхъ интересовъ. Подобно Вагнеру, и Шеффле думаетъ, что всякая развитая хозяйственная форма сохраняетъ и публичныя, и частныя хозяйственныя ячейки, гармонически ихъ сочетаетъ. Однако, для будущаго отнюдь не абсурднымъ является мысль о веденіи хозяйства оффиціальными органами. Капитализмъ имѣетъ преимущества передъ прежними экономическими организаціями, но и цѣлый рядъ недостатковъ, свидѣтельствующихъ о необходимости его развитія въ высшую форму. Соціальный вопросъ есть слѣдствіе этихъ недостатковъ. Будущее государство, Socialstaat возьметъ на себя удовлетвореніе главнѣйшихъ потребностей населенія, однако, безъ стѣсненія для частныхъ лицъ. Поэтому, коммунизаціи не подлежатъ свободныя профессіи, пресса, мелкія производства. Коллективизмъ, собственно говоря, уже теперь проявляется. Однако, для его полнаго водворенія—необходимо, чтобы капитализмъ себя изжилъ, далъ все, что онъ можетъ. Развитіе совершается постепенно. Естественный путь эволюціи капитализма къ коллективизму—черезъ производительныя рабочія кооперацiи. И время такого превращенія—не за горами. Экономическій либерализмъ—въ настоящее время — только пережитокъ стараго: „либеральная національная экономія разбита на голову. Ея арсеналъ доводовъ въ пользу сохраненія существующаго порядка — исчерпанъ и не пополняется лучшимъ духовнымъ оружіемъ" [1]).

Изложенные взгляды Шеффле, дѣйствительно, могутъ быть признаны въ значительной степени соціалистическими. Близость ихъ къ соціализму даже больше, чѣмъ у Вагнера. Однако, самъ Шеффле спѣшитъ ослабить впечатлѣніе. Свое

[1]) Schäffle, ibid, II B., s. 334.

отличіе отъ соціалистовъ онъ резюмируетъ въ одиннадцати существенныхъ пунктахъ, изъ которыхъ, правда, нѣкоторые вовсе и не имѣютъ принципіальнаго значенія. Шеффле признаетъ „суровый законъ народонаселенія“; онъ не предполагаетъ безконечнаго возвышенія обществ. производительности, а потому не ожидаетъ „эльдорадо“ въ будущемъ. Полнаго равенства онъ не признаетъ и желаетъ лишь лучшихъ формъ для „трудового соревнованія“. Регулированіе распредѣленія по „заслугамъ“ внесетъ лишь хаосъ. Полная индивидуальная свобода должна оставаться обществ. идеаломъ. Самое превращеніе крупныхъ предпріятій въ „соціальныя“ (процессъ „соціализаціи“) будетъ результатомъ историческаго развитія. Другими словами, Шеффле во что-бы то ни стало хочетъ отмежеваться отъ революціоннаго соціализма. Оговорки приближаютъ его систему къ вагнеровской. Соотвѣтственно своему органическому взгляду, Шеффле предполагаетъ смерть соціальныхъ организмовъ, но не раньше, чѣмъ они достигнутъ полнаго развитія.

Въ силу условій частной жизни Шеффле, мы не находимъ у него и того непріятнаго преклоненія передъ домомъ Гогенцоллерновъ, какой постоянно замѣчается у прусскихъ „государственныхъ“ соціалистовъ. Характерно, что во второмъ изданіи „Bau und Leben“ Шеффле даже говоритъ о своемъ несогласіи съ „государственнымъ соціализмомъ“. А въ работѣ своей (сводной)—„Deutsche Kern- und Zeitfragen“ (1894 г.) мы встрѣчаемся съ прямыми выходками противъ такого соціализма. Онъ не желаетъ смѣшивать централистическій соціализмъ съ „государственнымъ соціализмомъ“ публичныхъ предпріятій, который вообще не можетъ быть признаваемъ за коллективизмъ и который характеризуется соціалъ-демократіей, какъ „Staats-Lohnsklaverei“ [1]). Жизнь, очевидно, научила Шеффле многому: какъ человѣкъ, въ моральномъ отношеніи чрезвычайно щепетильный, онъ не могъ не почувствовать нерасположенія къ скрытымъ мотивамъ соціальной политики Бисмарка. Вообще, у Шеффле—довольно сильно выражена симпатія къ „децентралистическому“ способу насажденія планомѣрнаго хозяйственнаго порядка. Говоря о рабочемъ вопросѣ, онъ находитъ, что рабочіе, прежде всего, нуждаются въ „Eigenschutz“, потомъ въ Hilfsschutz (церкви, школѣ) и, наконецъ, Staatsschutz. А Вагнеръ, какъ мы знаемъ, мало надеждъ возлагаетъ на Selbsthilfe. Разсуждая о правительственныхъ мѣропріятіяхъ по охранѣ труда, Шеффле придаетъ громадное значеніе регулированію времени и условій работы, высказываясь даже за „Normalarbeitstag“. Дѣятельность англійскихъ рабочихъ союзовъ онъ считаетъ „здоровой“ и достойной подражанія; германскіе законы о страхованіи—правильными въ принципѣ, но требующими дальнѣйшаго развитія. Однако, назвать эти мѣры соціалистическими, какъ это дѣлаетъ Вагнеръ, Шеффле отказывается.

[1]) A. Schäffle, „Deutsche Kern- und Zeitfragen“, B. 1894, s. 413.

Не только въ общей системѣ, но и въ „вопросахъ дня“ Шеффле высказывается за возможность постепеннаго осуществленія соціализма, но сначала „децентралистическимъ образомъ“: каждая вѣтвь будетъ организовываться, вступать въ союзы другъ съ другомъ и сливаться въ высшемъ цѣломъ. И чѣмъ менѣе эти „Ernährungsorganisationen“ будутъ зависѣть отъ правительства и парламента, тѣмъ „раціональнѣе“ будетъ совершаться ихъ соціализація [1]). Только производство продуктовъ, нужныхъ для самого государства, съ успѣхомъ можетъ быть немедленно централизовано.

Соціализмъ вовсе не долженъ быть антимонархическимъ. Скорѣе, такимъ характеромъ обладаетъ разнузданный капитализмъ. „Старая монархія“ уже испытала благотворный способъ борьбы съ „соціальной революціей“ удовлетвореніемъ справедливыхъ притязаній демократіи. На этомъ пути находится теперь вся Европа, развивающая соціально-политическую практику. Въ данномъ случаѣ, Шеффле оказался въ обычномъ „госуд.-соціалистическомъ“ руслѣ.

Въ виду всего этого, „соціализмъ въ его характеристическихъ основныхъ идеяхъ“ не кажется Шеффле „совершенно неисполнимымъ“. Критика соціализма должна быть направлена на выясненіе вопроса, не можетъ-ли частичный коллективизмъ существовать рядомъ съ капитализмомъ; впрочемъ, Шеффле предполагаетъ окончательную побѣду перваго.

[1]) Ibid., s. 413—419.

IV.

Второстепенные государственные соціалисты.

Выведенныя нами лица являются наиболѣе послѣдовательными и типичными представителями интересующаго насъ теченія: они довольно рѣзко выдѣляются въ общей большой массѣ сторонниковъ соціальныхъ реформъ. Связь съ другими „соціальными политиками", конечно, у нихъ громадная; извѣстный кругъ идей является общимъ для нихъ всѣхъ. Но на „государственныхъ соціалистахъ" лежитъ болѣе рѣзкая печать вліянія Родбертуса, истиннаго основателя и безупречнаго рыцаря „соціальной монархіи": оставаясь по существу эклектиками, они, однако, смѣло отклоняются въ сторону соціализма и не настаиваютъ на обереганіи принциповъ индивидуалистическаго хозяйства въ каждомъ частномъ вопросѣ, во всякой отдѣльной мѣрѣ. Смотря по обстоятельствамъ, и другіе „катедеръ-соціалисты" бываютъ то болѣе, то менѣе смѣлыми; то призываютъ къ развитію самопомощи, то взываютъ къ государственной власти. Въ послѣднемъ случаѣ они приближаются къ Вагнеру и Шеффле, и могутъ быть трактуемы, какъ государственные соціалисты. Особенно гибкимъ въ этомъ отношеніи оказывается Шмоллеръ, который, отнюдь не причисляя себя къ государственнымъ соціалистамъ, нерѣдко говорилъ о прусскихъ традиціяхъ и германской соціальной политикѣ совсѣмъ „государственно-соціалистическимъ" языкомъ. Шмоллеру мы удѣлимъ еще немного мѣста въ настоящемъ раздѣлѣ.

Наиболѣе выдержаннымъ въ своихъ соціально-политическихъ взглядахъ, противныхъ государственному соціализму, остался Брентано и его школа (Шульце-Геверницъ, Геркнеръ), настроенные благожелательно къ самодѣятельности демократіи и понимающіе политическій характеръ государственно-соціалистической практики. L. Brentano—въ одномъ изъ своихъ произведеній—ставитъ на одну доску соціалъ-демократическое и государственно-соціалистическое ученія и программы, находя ихъ одинаково утопическими [1]). Въ противовѣсъ бюрократическимъ попыткамъ регулированія хозяйственной жизни и устраненія кризисовъ, онъ выдвигаетъ создаваемое дѣйствительностью противоядіе—картели предпринимателей. Картельная организація промышленности кажется ему самой благопріятной, ибо движущимъ моментомъ остается частный интересъ. Рабочій вопросъ также получаетъ въ этомъ случаѣ надлежащее рѣшеніе, ибо гармонированіе спроса и предложенія устранитъ резервную рабочую армію. Со злоупотребленіями картелей правительство можетъ бороться искусснымъ манипулированіемъ таможенныхъ ставокъ; рабочихъ защищать должно—соотвѣтствующими законами. Настаивая на развитіи рабочаго законодательства, Брентано придаетъ, въ то-же время, громадное значеніе профессіональному и кооперативному рабочему движенію. При соблюденіи такихъ условій, онъ и его школа находятъ возможнымъ достигнуть гармоніи, „соціальнаго мира"—и въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Высоко развитое капиталистическое хозяйство даетъ и высшія оплаты труда [2]). Извѣстно, что Брентано попытался даже обратиться къ рабочимъ съ пропагандой Шульце-Деличскаго характера. Изъ этихъ соображеній оно не столь восторженно, какъ другіе, относится къ принципу принудительности страхованія рабочихъ (по крайней мѣрѣ, не во всѣхъ его формахъ). Съ соціализмомъ у Брентано—слишкомъ мало общаго. „Цезаризмъ", демагогическій „госуд. соціализмъ" ему безусловно претитъ [3]).

Не то приходится сказать относительно другихъ катедеръ-соціалистовъ. Мы видѣли, напр., въ предшествующемъ изложеніи, что довольно близкимъ къ Вагнеру оказывается проф. Шеель, авторъ книги „Теорія соціальнаго вопроса"; именно его Вагнеръ причисляетъ къ своимъ соратникамъ. Въ болѣе поздней своей работѣ Шеель сочувственно излагаетъ программу „христіанско-соціальной рабочей пар-

[1]) L. Brentano. „Ueber die Ursachen der heutigen socialen Noth" Ein Beitrag zur Morphologie der Volkswirtschaft. L. 1889. s. 21—22.

[2]) См. Schultze-Gaewernitz, „Zum socialen Frieden", I. B. L. 1890. Brentano—„Ueber das Verhältniss von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung", L. 2-te Aufl. 1893.

[3]) См. статью Brentano—„Die gewerbliche Arbeiterfrage"—въ Handbuchѣ Шенберга.

тіи“ (Штёкера), которая, поддерживая всѣ незыблемые устои современнаго порядка (частную собственность, бракъ, свободу), въ то-же время требуетъ отъ государства цѣлаго ряда соціально-политическихъ мѣропріятій, ограниченія „экономической власти владѣнія“ — во имя интересовъ бѣднѣйшихъ классовъ [1]). Шеель считаетъ нужнымъ выступить въ защиту соціализма противъ коммунизма. Въ то время какъ послѣдній имѣетъ цѣлью ввести общее владѣніе, „соціализмъ есть только общее стремленіе усилить общественныя функціи и общественную дѣятельность въ противовѣсъ личной“ и можетъ встрѣчаться въ различной степени и мѣрѣ въ разныхъ системахъ. Лассаль былъ соціалистомъ, но не коммунистомъ, такъ какъ не нападалъ на собственность, какъ таковую. Однако, въ сводномъ трудѣ—„Handbuch'ѣ“ Schönberg'a—Шеель отказывается въ соціальномъ законодательствѣ Германской Имперіи усматривать „соціализмъ“, прибавляя, что „и послѣ страхованія инвалидности желателенъ цѣлый рядъ соціальныхъ реформъ, не связанныхъ со вступленіемъ на почву соціализма“ [2]). Естественно, что языкъ Шееля былъ болѣе опредѣленъ и радикаленъ въ тотъ періодъ, когда Бисмаркъ измѣнялъ свои экономическіе взгляды и считалъ для себя удобнымъ играть терминомъ „соціализмъ“.

Къ этому именно періоду относится выступленіе нѣкоторыхъ „младшихъ боговъ“ государственнаго соціализма, какъ напр., Moritz'a Wirth'a, издателя трудовъ Родбертуса, и Moritz'a Ströll'я, горячаго апологета государственно-соціалистической теоріи и практики. Хотя мы въ ихъ работахъ, имѣющихъ чрезвычайно малый научный интересъ, не найдемъ чего-либо новаго, оригинальнаго, но—ради полноты изложенія и фиксаціи конститутивныхъ признаковъ изучаемой нами системы—отмѣтимъ нѣкоторые моменты. Перу Вирта принадлежитъ большой трудъ, озаглавленный „Bismarck, Wagner, Rodbertus“ (1883 г.). Виртъ ждетъ отъ трехъ нѣмецкихъ геніевъ—политика, композитора и экономиста—открытія для возродившейся Германіи новыхъ самобытныхъ путей. Германія пошла по дорогѣ, общей съ другими стра-

[1]) Scheel, „Unsere socialpolitische Parteien“, L., 1878. s. 93—94 и д.
[2]) Ст. Scheel'я въ „Handbuch'ѣ“—„Socialismus und Kommunismus“.

нами Запада—и терпитъ тяжкіе кризисы. Бисмаркъ идетъ навстрѣчу хозяйственнымъ нуждамъ, но самыя основы хозяйственной жизни—ложны. Что можно, напр., сдѣлать, при сохраненіи современнаго режима, для „гибнущаго крестьянства—этого оплота монархіи“? „Первое, въ чемъ мы нуждаемся“, говоритъ Виртъ, „это—новое экономическое ученіе, которое, какъ настоящая теорія гигіены народовъ, могло-бы дать намъ ясныя и дѣйствительныя указанія“... [1]). Основаніе такому ученію уже положено Родбертусомъ. Античная исторія, глубоко имъ захваченная, показываетъ, что Римъ разложился подъ тлетворнымъ вліяніемъ капитала и свободной торговли. Какъ въ древнемъ мірѣ, такъ и теперь, либеральный экономическій порядокъ разлагаетъ семью: „еще шагъ, и мы не будемъ имѣть больше никакого семейства, а лишь народъ работающихъ женщинъ и дѣтей“ [2]). Никто не можетъ оспаривать правильности тезиса: „мужчина на работу, женщина въ домъ, дѣти—въ школу“, а, между тѣмъ, теперь осуществляется другой лозунгъ: „дѣти и женщины—на работу, мужчина—на мостовую“ [3]).

Кто-же сможетъ вывести страну изъ ужаснаго состоянія, какая сила сможетъ исцѣлить разлагающееся общество?. „Эта сила есть цезаризмъ“ [4]). Такъ—въ Римѣ, когда классъ арендаторовъ сталъ клониться къ упадку, въ дѣло вмѣшались цезари. Ирландія въ наше время страдаетъ потому, что англійскій король слишкомъ слабъ. Положеніе Германіи въ этомъ отношеніи—болѣе счастливое. Чтобы освѣтить себѣ путь, надо обратиться къ Родбертусу. „Весь народъ, отъ своего перваго чиновника вплоть до послѣдняго рабочаго, долженъ стать ученикомъ Родбертуса. Только Родбертусъ есть такой учитель, который можетъ продолжить начинанія Бисмарка, обезпечить будущее вновь возродившемуся нѣмецкому государству“... [4]).

Мы имѣемъ здѣсь дѣло прямо съ апоѳеозомъ Родбертуса.

Не менѣе восторженно относится къ государственному соціализму Ströll. Это теченіе, по его мнѣнію, отнюдь не есть модное увлеченіе, или „нѣмецкая философія“, какъ

[1]) Moritz Wirth, „Bismarck, Wagner, Rodbertus“, L., 1883., s. 26.
[2]) Ibid., s. 216.
[3]) и [4]) Ibid., s. 379.

выражается Леонъ Сей. „Напротивъ,—это воплощеніе старой прусской государственной идеи", которая побѣдоносно проявляется въ прошломъ и настоящемъ нѣмецкой исторіи. Слѣдовательно, государственный соціализмъ—не „непрактическая туманная философія", не скороспѣлый отвѣтъ на запросъ дня, но „altüberkommenes thatkräftiges Staatsprincip" [1]. Сущность „старопрусской соціальной политики" состояла въ „систематическомъ подчиненіи отдѣльныхъ частей цѣлому", въ гармоническомъ регулированіи частныхъ интересовъ, въ „отеческой (landesväterlichen) заботѣ о хозяйственно-слабой части населенія". Потому-то исторія Пруссіи свободна отъ кровавыхъ страницъ. Штрёлль восторгается и камералистикой, и Штейнъ—Гард. законами, не понимая различія между ними. Царство отеческой опеки было омрачено „индустріальной эпохой", когда „померкли идеалы нашихъ отцовъ и дѣдовъ"... „Нѣтъ ничего удивительнаго, что среди общей растерянности и безпокойства взоры и надежды постепенно опять обратились къ старому, долго пренебрегаемому культурному органу, могущественному создателю и носителю культуры всѣхъ временъ—государству" [2]. Ströll считаетъ родоначальникомъ государственнаго соціализма—*Лассаля. Практическимъ выполнителемъ завѣтовъ* выступилъ Бисмаркъ—„der titanische Mann". 17 ноября 1881 г. появился императорскій манифестъ — „magna charta des Staatssocialismus",—и дѣло примиренія соціальныхъ классовъ получило прочное начало. Конечно, Ströll возстаетъ противъ чистаго соціализма всѣми силами души и преимущество государственнаго видитъ въ томъ, что онъ стоитъ на почвѣ современнаго общественнаго порядка. Однако, въ толкованіи государственныхъ функцій Ströll расходится и съ Родбертусомъ, и съ Вагнеромъ: онъ требуетъ принципіальной пассивности въ области производства и „активнаго вмѣшательства въ экономическую судьбу общаго продукта, въ распредѣленіе благъ" [3]. Въ первомъ случаѣ дѣятельность государства должна быть манчестерской, во второмъ—соціалистической. Въ этомъ смыслѣ государственный соціализмъ—неизбѣжный элементъ государственной жизни [1].

[1]) Moritz Ströll, „Die staatssocialistische Bewegung in Deutschland". L. 1885., s. 1—2.

[2]) Ibid., s. 21.

[3]) Ibid., s. 64.

Вотъ—наиболѣе характерные „dii minores" государственнаго соціализма. Относительно прочихъ соціальныхъ политиковъ можно говорить лишь объ ихъ эпизодическихъ приближеніяхъ къ изложеннымъ системамъ государственнаго соціализма. Такъ напр. Шенбергъ, одинъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ соціальной эры,—выступившій столь рѣшительно за соціальную политику Имперіи, позднѣе предпочитаетъ настаивать на связи между этикой и экономикой и обдумывать различные способы поддержанія „Mittelstand". Главной, объединяющей соціалъ-политиковъ идеей именно и *является „этическій" взглядъ на народное хозяйство и* задачи государства. Такимъ образомъ, окончательно водворились въ нѣмецкой академической наукѣ мысли, которыя, сначала робко, а потомъ все настойчивѣе пробивали себѣ дорогу съ середины 19-го ст. Правовое государство должно стать и культурнымъ; „между государствомъ и народомъ, между государственнымъ благомъ и народнымъ благомъ нѣтъ противорѣчія". „Какъ носитель нравственныхъ идей и стремленій народнаго духа, какъ очагъ справедливости, гуманности и постояннаго культурнаго прогресса, какъ грандіознѣйшій моральный институтъ для воспитанія человѣческаго рода, государство имѣетъ исполнять по мѣрѣ силъ слѣдующія обязанности: въ своей экономической политикѣ заботиться о томъ, чтобы и въ экономикѣ соблюдались права и справедливыя притязанія личности, выполнялись постулаты справедливости, гуманности и нравственности, и достигалось высшее развитіе индивидуальныхъ силъ ко благу отдѣльныхъ лицъ и общества..., чтобы поднимался уровень удовлетворенія потребностей въ бѣднѣй-

[1]) Вотъ какія торжественныя опредѣленія дѣлаетъ авторъ: „Der Staatssocialismus ist die kräftige Einflussnahme der Staatsgewalt auf die jeweiligen Formen der socialen und wirthschaftlichen Vergesellschaftung. S.S. *ist die Bewahrung des uralten Vestafeuers der Kultur gegenüber* zerstörenden, das Völkerleben entsittlichenden Einflüssen. S.S.—ist die zwangsweise, auf dem Boden der gegenwärtigen Rechtsordnung erfolgende Durchführung der Forderungen des Gemeingeistes gegenüber den selbstsüchtigen Treiben des privatwirth. Individualismus. *Er ist das Attribut* eines jeden selbstbewussten und kräftig emporstrebenden Staatswesens". Ibid., s. 77.

шихъ классахъ и каждому была дана возможность достиженія нравственной культурной жизни собственной силой и разумнымъ дѣйствіемъ, чтобы все большая часть населенія пріобщалась къ высшей культурѣ“ [1]).

Вся эта многорѣчивая тирада звучитъ торжественно, но малоубѣдительно, а—главное—малообязательно. И Шенбергъ самъ спѣшитъ ослабить впечатлѣніе, прибавляя: „Государство можетъ сдѣлать слишкомъ мало и слишкомъ много. Послѣднее, пожалуй,—вреднѣе перваго“ [2]). Почему-же дѣятельность „высшаго нравственнаго института“, руководимая моральными мотивами, можетъ оказаться вредной? Изъ разсужденій Шенберга этого не видно, но становится яснымъ, какъ только мы изъ области отвлеченныхъ предположеній обратимся къ дѣйствительности: вмѣсто выдуманнаго государства представимъ себѣ реальное...

Нѣкоторые изъ катедеръ-соціалистовъ спѣшили даже заблаговременно отмежеваться отъ черезчуръ радикальнаго „государственнаго соціализма“ Вагнера. Такъ, напр., уже извѣстный намъ A. Held полемизировалъ съ „ученикомъ“ Родбертуса, нападая на него за слишкомъ страстный темпераментъ. Однако, самъ онъ, опровергая и проклиная соціалъ-демократію, хочетъ „ложному, служащему революціи крайнему соціализму противоставить истинный, мирный, легальный, умѣренный соціализмъ аристократическаго владѣнія“ [3]). Считая „національное государство“ необходимой предпосылкой всякой соціальной дѣятельности и полагая найти истину посерединѣ между соціализмомъ и индивидуализмомъ, онъ—по этой своей работѣ,—пожалуй, могъ-бы быть также причисленъ къ государственнымъ соціалистамъ, если бы не пугался формулъ и манеры Вагнера.

Весьма радикальныя мысли встрѣчаются и въ произведеніи Samter'a—„Sociallehre“ (1875), книги, какъ-бы резюмирующей переворотъ въ германской экономической наукѣ. Самое названіе показываетъ, что авторомъ усвоенъ новый взглядъ на экономику: нужно изучать отношенія людей, а не

[1]) „Handbuch“ Schönberg'a, ст. его „ Volkswirthschaft“, I B. (4 изд. 1896), s. 71-72.

[2]) Ibid., s. 74.

[3]) A. Held, „Socialismus, Socialdemocratie und Socialpolitik“, L. 1878., s. 114.

вещей. Мысли тѣ-же, что въ работѣ Родбертуса—„Physiokratie und Antropokratie“ [1]). Мало думать только объ усиленіи производства; необходимо задаться цѣлью улучшенія распредѣлительнаго процесса. Въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу люди должны руководствоваться принципомъ равноцѣнности человѣка человѣку. Свободная игра частныхъ интересовъ не привела къ общему благополучію: необходимо вступиться за интересы труда. Собственность коренится въ природѣ человѣка: но „сейчасъ-же изъ признанія необходимости частной собственности слѣдуетъ сдѣлать такой выводъ: всѣ люди должны её имѣть. Съ принципомъ частной собственности ничего, абсолютно ничего нельзя сдѣлать, если онъ не можетъ быть осуществленъ для всѣхъ“ [2]). Въ качествѣ исключительнаго права отдѣльныхъ лицъ и классовъ собственность—„опасна“. Или каждый долженъ быть надѣленъ, или частная собственность падаетъ—„и тогда становится справедливымъ требованіе, чтобы естественные объекты не находились во владѣніи отдѣльныхъ лицъ, а переходили въ общее владѣніе“ [3]). Въ логичности такому разсужденію Замтера отказать нельзя. Примиреніе индивидуальнаго и общественнаго начала Замтеръ усматриваетъ въ „ассоціаціи“. И рабочимъ надо предоставить полную возможность воспользоваться ея благами. Зараб. плата въ общемъ стремится къ minimum'у—и государству надлежитъ сдерживать вредныя проявленія свободной конкурренціи. Чѣмъ больше государство выступаетъ въ роли работодателя, тѣмъ болѣе торжествуетъ общественное начало справедливости. Отсюда не надо заключать, что авторъ—сторонникъ централизаціи: наоборотъ, онъ желаетъ возможно большей децентрализаціи. Но—во всякомъ случаѣ—твердо устанавливаетъ принципъ государственнаго вмѣшательства, подчеркивая даже, что либеральная государственная концепція построена на „предпринимательскихъ интересахъ“ [4]).

[1]) См. въ прилож. къ „Briefe und soc.-pol. Aufsätze»—her. v. Meyer, l. c.

[2]) A. Samter, „Sociallehre“, Ueber die Befriedigung der Bedürfnisse in der menschlichen Gesellschaft. L. 1875, s. 109—110.

[3]) Ibid., s. 110.

[4]) Ibid., s. 386.

Результатомъ усвоенія либеральной доктрины была соціальная революція—гибель ремесленника, мелкаго предпринимателя [1]). Если-бы государство своевременно вмѣшалось, то могло-бы имѣть большое вліяніе на образованіе новаго общественнаго порядка. Замтеръ утверждаетъ даже, что „голый индивидуализмъ былъ сломленъ общими усиліями мелкаго предпринимателя и на его мѣсто поставленъ принципъ соціализма"; дѣло будущаго—дать послѣднему дальнѣйшее развитіе. Благодаря соціализму стѣна между рабочими и предпринимателями значительно пошатнулась. Отдѣленіе рабочаго отъ „владѣнія", есть временный, историческій эпизодъ; государство обязано способствовать возвращенію этого владѣнія. Конечно, полнаго равенства быть не можетъ, но уравненіе возможностей—неизбѣжно. Жаль только, что Замтеръ ограничивается этими общими опредѣленіями и не рисуетъ болѣе подробной позитивной программы. Выраженія—достаточно радикальны, но неопредѣленны. Прикосновенность „мелкаго предпринимателя" къ соціализму остроумно отмѣчена; но—не разобранъ вопросъ, есть-ли это—настоящій соціализмъ. Соціализмъ въ такой формѣ—въ сущности радикальная политика „средняго сословія".

Рѣшительно въ эту сторону склоняется и творецъ утопіи „соціальной монархіи" — Л. Штейнъ — въ позднѣйшихъ произведеніяхъ. Уже въ своей „Volkswirthschaftslehre" (1878 г.) онъ настаиваетъ на томъ, что неравенство необходимо для жизни, и соціализмъ, стремясь къ осуществленію равенства, ведетъ общество къ смерти" [2]). Штейнъ отказывается ограничивать соціальный вопросъ рабочимъ и находитъ, что въ рабочемъ движеніи односторонне выражаются интересы одного класса. Въ „Handbuch'ѣ" административнаго права онъ набрасываетъ обширную систему государственныхъ мѣропріятій въ соціальной области. Для рабочихъ, въ частности, онъ рекомендуетъ широко развитое законодательство по охранѣ и обезпеченію трудящихся; требуетъ особеннаго вниманія къ безработицѣ, считая нужнымъ, однако, предоставить борьбу съ нею самопомощи рабочихъ; рѣшительно выступаетъ противъ исключительныхъ мѣръ борьбы съ рабочими ассоціаціями. Но самое главное усматриваетъ въ мѣрахъ, помогающихъ и облегчающихъ сбереженіе: „Краеугольный камень всего соціальнаго управленія, во всякомъ случаѣ, по всей своей цѣли лежитъ въ пунктѣ, гдѣ оно можетъ оказать лишенному капитала труду помощь къ пріобрѣтенію такового, т. е. въ содѣйствіи капиталообразованію (Capitalbildung)" [1]). Отказываясь разъ на всегда закрѣпить объемъ и характеръ государственныхъ функцій, Штейнъ, однако, заботу о среднемъ поземельномъ владѣльцѣ выдвигаетъ на первый планъ: „Первой задачей соціальнаго сельско-хозяйственнаго управленія является поддержаніе средняго владѣнія" [2]).

Соціальная реформа въ духѣ покровительства „Mittelstand" составляетъ наиболѣе характерную черту взглядовъ и идеаловъ Шмоллера, на которыхъ мы еще разъ остановимся, заканчивая настоящую главу.

Переиздавая въ 1890 г. нѣкоторыя свои статьи въ сборникѣ, озаглавленномъ „Zur Social- und Gewerbepolitik der Gegenwart", Шмоллеръ выбралъ самое типичное для себя. Несомнѣнно, онъ правъ, разсматривая свои работы, какъ „результатъ историческаго государственнаго нѣмецкаго развитія": „это—идеи, которыя, развиваясь въ теченіе 25 лѣтъ, достигли вліянія и признанія, и въ настоящее время уже раздѣляются значительной частью нѣмецкихъ экономистовъ, политиковъ и государственныхъ дѣятелей" [3]). Дѣйствительно, Шмоллеръ всегда занималъ среднюю позицію, всегда обставлялъ свои положенія тысячью оговорокъ и поэтому лучше всего отражалъ общее настроеніе. А наиболѣе сильной въ его кругу оказывалась реакція въ пользу „средняго сословія"—ремесленника и крестьянина, въ пользу разоряющагося крупнаго землевладѣнія, реакція противъ „правового государства" съ аппелляціей къ сословному и полицейскому; кромѣ того, ненависть къ соціалъ-демократіи, безжалостно

[1]) Ibid., s. 388.

[2]) Отношеніе Штейна къ соціализму—весьма неблагосклонное. Такъ онъ пишетъ: „Arbeiten wie die von Proudhon und K. Marx haben daher eine grosse historische, aber nur eine sehr geringe wissenschaftliche Bedeutung". L. v. Stein, „Die Volkswirthschaftslehre", 1878. W., s. 536.

[1]) L. v. Stein, „Handbuch der Verwaltungslehre", St. 1888. III. B., s. 213.

[2]) Ibid., s. 215.

[3]) G. Schmoller. „Zur Social- und Gewerbepolitik". L., 1890. S. VIII и IX.

разбивающей всѣ „священныя“ традиціи. Такія общественныя симпатіи надо мирить съ несомнѣнными выгодами капитализма;—отсюда глубочайшій эклектизмъ. Характерно, что Шмоллеръ помѣщаетъ въ сборникѣ статьи и о „крупныхъ предпріятіяхъ“, и о реформѣ Промышленнаго Устава. Отдавая дань большого уваженія первымъ, онъ считаетъ, однако, нужнымъ сойти съ почвы промышленной свободы, дабы спасти тонущее ремесленничество. Соціальная реформа должна сблизить общественные классы. Надо стремиться, „чтобы (изъ низшихъ классовъ) выросло новое среднее сословіе, чтобы обученные рабочіе и мелкіе мастера составили гармоническое среднее звено между высшими и низшими классами, чтобъ соціалъ-демократія съ ея противогосударственнымъ характеромъ и утопическими требованіями исчезла“ [1]). Надежды свои Шмоллеръ возлагаетъ на нѣмецкій идеализмъ и домъ Гогенцоллерновъ! Само собою разумѣется, что покровительственная система—по душѣ соціальному реформатору, и онъ въ свое время привѣтствовалъ новый курсъ Бисмарка.

Въ редакціонной статьѣ по поводу перехода въ его руководство „Jahrbuch'a für G., V. und V.“ (1880), Шмоллеръ пытается охарактеризовать свое направленіе и, прежде всего, отмѣчаетъ внѣдрѣніе въ экономическую науку начала этическаго. Соотвѣтственно этому, имъ была составлена большая статья—„Справедливость въ народномъ хозяйствѣ“. Соціально-политическую дѣятельность Бисмарка (которую враги называютъ катедеръ- или государственно-соціалистической, а Шмоллеръ предпочитаетъ именовать „консервативной“, „соціально-реформаторской“, „въ извѣстномъ смыслѣ централистической“) онъ защищаетъ отъ нападокъ и видитъ въ ней не капризъ великаго человѣка, а выполненіе требованій исторіи: „...за индивидуалистической эпохой идетъ теперь на смѣну соціалистическая въ лучшемъ смыслѣ этого слова, время реформъ, соціальнаго законодательства, время сложенія силъ, образованія ферейновъ и союзовъ, государственнаго вмѣшательства и дѣйствія для защиты слабыхъ и охраны національныхъ интересовъ“... [2]); это „все

[1]) Ibid., s. 163.
[2]) Ibid., s. 200—201.

больше и больше ставитъ народное хозяйство на почву права и справедливости“. Возможность преобразованія экономики на новыхъ началахъ вытекаетъ уже изъ того, что хозяйственные институты суть „продуктъ человѣческихъ чувствъ и мыслей“,—разсуждаетъ Шмоллеръ аналогично Вагнеру въ его представленіяхъ о хозяйствѣ, какъ „künstliche Organisation“. Совершенно согласно съ Бисмаркомъ, Шмоллеръ находитъ соціализмъ въ законодательствѣ о призрѣніи бѣдныхъ, и, конечно, не боится дальнѣйшихъ „соціалистическихъ экспериментовъ въ этомъ духѣ“. Особеннаго напряженія соціальная струя въ воззрѣніяхъ Шмоллера достигаетъ еще разъ — послѣ изданія новымъ императоромъ февральскихъ манифестовъ. Языкъ Шмоллера въ данномъ случаѣ близко подходитъ къ вагнеровскому; дѣлаются ссылки на рѣчь 1874 г., извѣстную намъ по изложенію. Причинами перелома экономической политики Германіи Шмоллеръ правильно считаетъ—кризисъ и развитіе соціалъ-демократіи; вспоминаетъ извѣстный отзывъ Бисмарка о катедеръ-соціалистахъ, и приходитъ къ заключенію, что „новый курсъ“ достаточно укрѣпился; переработка промышленнаго Устава (1878—1883), огосударствленіе желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи, таможенная и финансовая политика Имперіи, пріобрѣтеніе колоній, субсидированіе пароходнымъ линіямъ; законъ противъ соціалистовъ“, „дополненный“ законами о страхованіи рабочихъ. Престарѣлому императору Вильгельму, который еще въ 1820 г. въ Госуд. Совѣтѣ просилъ отца привлечь къ несенію бо́льшихъ тяготъ богатые классы, удалось въ манифестѣ 1881 дать своему народу „ein socialpolitisches Testament“ [1]). Годы 1878—1890—будутъ самыми славными въ исторіи Германіи. Бисмарку удалось, вопреки отчаянному сопротивленію самыхъ вліятельныхъ партій, направить государственный корабль по безопасному курсу. „Наконецъ-то вернулись въ Пруссіи къ фридриховскимъ традиціямъ, наконецъ нашли мужество разсматривать національное хозяйство, какъ одно цѣлое, поставить государственную власть на службу великихъ національныхъ экономическихъ интересовъ, вернуть монархіи ея легитимный правовой титулъ, — защиты маленьк

[1]) Ibid., ст. „Die Kaiserlichen Erlasse u. s. w.“ s. 465.

кихъ людей противъ классового господства владѣющихъ. Каждая республика и каждый парламентаризмъ всегда кончается такимъ классовымъ господствомъ“ [1]). Легко видѣть по этой цитатѣ, что идеи Л. Штейна оказались чрезвычайно живучими: Бисмаркъ представляется Шмоллеру титаномъ „соціальной монархіи“. Правда, Шмоллеръ находитъ, что соціальная политика канцлера страдаетъ нѣкоторыми недостатками: *Бисмаркъ не понималъ, что нельзя* давать только сверху рабочимъ, но надо разбудить и ихъ самодѣятельность, не понималъ значенія охраны труда. Осуществленіе соціальной реформы пріостановилось; но появленіе манифестовъ 4 февр. не оставляетъ сомнѣнія въ возможности дальнѣйшаго мирнаго развитія. Лучшая часть націи встрѣтила шаги новаго императора съ восторгомъ. Соціальной дѣятельностью монархія укрѣпитъ себя лучше прочихъ средствъ. И послѣдній аккордъ статьи Шмоллера по этому поводу есть опять-таки ссылка на Штейна: „сорокъ лѣтъ тому назадъ глубокомысленный ученый сказалъ—монархія должна быть соціальной, или скоро ея совсѣмъ не будетъ существовать“ [2]), и подтвержденіе, что наиболѣе подходящей формой высшей власти для осуществленія соціальныхъ реформъ является наслѣдственная монархія.

Вышеприведеннаго вполнѣ достаточно для пониманія сущности „государственнаго соціализма“, его сходства и отличія отъ „соціально-реформаторскаго теченія“. Врядъ-ли нужно прибавлять, что напряженіе соціальныхъ идеаловъ въ той и другой формѣ имѣло тенденцію совпадать съ настроеніемъ политическихъ высшихъ сферъ, что утопія соціальной монархіи въ дальнѣйшемъ движеніи исторіи должна была все больше тускнѣть, что, наконецъ, корифеи интересующаго насъ направленія, вообще говоря, съ годами должны были дѣлаться болѣе умѣренными. На смѣну восторженному государственному консервативному соціализму приходитъ демократическій въ разнообразныхъ формахъ—и кругъ послѣдователей прежней системы рѣдѣетъ.

Совершенно несвоевременно сдѣлалъ нападеніе на катедеръ-соціалистовъ депутатъ Штуммъ въ 1897 г. (4-го мая—

[1]) Ibid., s. 466.
[2]) Ibid., s. 471.

въ прусской палатѣ господъ), на которое нашли нужнымъ отвѣтить въ общемъ посланіи Дельбрюкъ, Шмоллеръ и Вагнеръ. Штуммъ обвинялъ катедеръ-соціализмъ въ томъ, что онъ „превратился въ демагогическій соціализмъ и *заступилъ мѣсто роялистской соціальной политики*“ (по поводу рѣчи Вагнера въ ремесл. союзѣ въ Saarbrück); Штуммъ утверждалъ, что государство не можетъ терпѣть на каѳедрахъ такихъ руководителей молодежи (совсѣмъ, какъ въ 70 годахъ Оппенгеймъ). Именно по этому поводу профессора констатируютъ большую умѣренность своихъ взглядовъ, на старости лѣтъ утверждаютъ, что они „всегда боролись съ соціализмомъ“, что они „всегда защищали существующій общественный порядокъ и его основу—частную собственность, притомъ и на средства производства—землю и капиталъ“ [1]). Шмоллеръ находитъ, что ему не слѣдуетъ ставить на видъ обороты и формулы рѣчи 1874 г. и *жалуется, что* Штуммъ замалчиваетъ его „Verherrlichung der älteren monarchischen Socialpolitik“. Съ бо́льшимъ достоинствомъ отвѣчаетъ только Вагнеръ, да и то старается доказать, что въ его рѣчи не было ничего „соціалистическаго“, какъ будто „соціалистическіе элементы“ могутъ быть страшны „государственному соціалисту“. Вагнеръ не понимаетъ, что ему въ вину былъ поставленъ самый фактъ произнесенія рѣчи въ рабочей средѣ. *При желаніи—онъ могъ-бы* извлечь много пользы для себя—въ смыслѣ выясненія напряженности классовой борьбы.

[1]) Конечно, это не совсѣмъ соотвѣтствуетъ истинѣ, какъ видно по нашему *изложенію, по крайней мѣрѣ, относительно „госуд. соціалистовъ“*. См. брошюру—«Ueber die Stumm'sche Herrenhaus-Rede gegen die Kathedersocialisten». Schreiben... von Prof. Delbrück, Schmoller, Wagner. B. 1897. s. 3—4.

Заключеніе.

„...Man kann überhaupt keine wissenschaftliche Definition des Staatssocialismus geben. Wir haben Staatssocialisten eine ganze Menge, aber es giebt keinen Staatssocialismus als System, dass man auf ganz bestimmte konkrete Grundsätze basiren könnte. Das Wort Staatssocialismus ist ein rein deutscher, ich möchte sagen, echt preussischer Begriff, denn der eigentliche Staatssocialismus ist von allen Staaten der Welt nur in Preussen möglich".

(Изъ рѣчи Бебеля на Берлинскомъ партейтагѣ 1892 г. См. Protokoll über die Verhandl. des Parteitages"—B. 1892).

„Le socialisme d'État est une philosophie allemagne qui n'est faite ni pour les Anglo-Saxons, ni pour les Italiens".

L. Say („Le socialisme d'état").

„Comme toute doctrine pratique destinée surtout à résumer les aspirations d'un groupe d'hommes ou d'une époque, à servir de transaction entre des principes souvent inconciliables, il (le socialisme d'état) manque des contours arrêtés qui caractérisent un système individuel et purement théorique. Il a ainsi emprunté ses idées à des sources diverses sans le préoccuper toujours de les accorder".

Ch. Gide et Ch. Rist („Histoire des doctrines économiques").

Изъ пестрой массы соціально-политическихъ воззрѣній различныхъ оттѣнковъ мы попытались выдѣлить наиболѣе радикальныя, которыя или самими ихъ представителями названы государственно-соціалистическими, или имѣютъ наибольшее сходство съ послѣдними. Мы видѣли, что каждая изъ системъ госуд. соціализма, въ конечномъ итогѣ, примыкаетъ или опирается на ученія Штейна и Родбертуса; но, отражая на себѣ массу и другихъ вліяній, ни одна изъ нихъ не является вполнѣ послѣдовательной и законченной. Государственный соціализмъ, въ сущности, есть эклектическая смѣсь различныхъ принциповъ и постулатовъ, страдающая чрезвычайной неопредѣленностью. Гумпловичъ очень остроумно охарактеризовалъ формулы государственныхъ соціалистовъ, какъ „orakelhafte Aussprüche" [1]);

[1]) Gumplowicz. „Rechtsstaat und Socialismus, l. c., s. 445.

дѣйствительно, даже наиболѣе радикальныя и искреннія заявленія въ пользу коллективистическаго порядка обставлены такою массою оговорокъ и условій, что допускаютъ самыя разнообразныя толкованія. Очень зло, но мѣтко, говоритъ о соціальныхъ политикахъ Ed. Wiss, что нѣкоторые изъ нихъ „построили свои фантастическія соціалистическія зданія изъ всевозможныхъ историческихъ, національно-экономическихъ и государственно-правовыхъ матеріаловъ, причемъ у нихъ нельзя найти ни единства, ни послѣдовательности мысли, ни принципа, ни вывода" [1]). Отъ субъективнаго настроенія каждаго представителя государственнаго соціализма, отъ темперамента и условій данной исторической минуты зависитъ то или иное содержаніе провозглашаемаго ученія. Государственный соціализмъ не есть цѣльная система, покоющаяся на рядѣ тѣсно связанныхъ между собою принципіальныхъ положеній, а только „тенденція", по выраженію одного историка-экономиста [2]), отдѣльныя проявленія которой различные изслѣдователи могутъ толковать посвоему. Vollmar, пытаясь дать опредѣленіе государственному соціализму, заявляетъ о чрезвычайной трудности такой фиксаціи: „сколько головъ — столько опредѣленій" [3]). Вотъ почему мы воздержались въ концѣ предыдущей главы отъ общаго резюмированія „государственно-соціалистическихъ системъ"; онѣ—характерны именно въ своихъ индивидуальныхъ оттѣнкахъ. Самое большое, что мы можемъ сдѣлать, это—намѣтить тѣ главные элементы, изъ которыхъ онѣ слагаются, но которые въ различной степени представлены у разныхъ авторовъ.

Прежде всего, не нужно забывать, что „государственный соціализмъ" возникъ идейно на почвѣ реакціи историзма противъ экономическаго классицизма: всѣ тѣ моменты, которые свойственны теоретическимъ построеніямъ исторической школы, имѣются и у госуд. соціалистовъ, сближая ихъ, такимъ образомъ, съ прочими послѣдователями господствующаго въ Германіи теченія. Тотъ признакъ, кото-

[1]) „Vierterjahrsschrift für N. Oek., P. u. Kulturgeschichte", 1884. Статья Ed. Wiss'a — „Socialismus und Staatssocialismus", s. 8.

[2]) J. Rambaud. „Histoire des doctrines économiques", P. et Lion, 1902, p. 526.

[3]) „Neue Zeit", J. XI, I B., s. 198.

рый мы считаемъ нужнымъ выдвинуть на первый планъ— это утвержденіе этическихъ началъ въ хозяйственной жизни, отказъ разсматривать частный интересъ, какъ единственный и исключительно-нормальный двигатель экономики. Всѣ государственные соціалисты согласны въ томъ отношеніи, что хозяйство управляется не естественными законами, а измѣняющимися историческими; что эти законы суть, въ извѣстной степени, закономѣрныя проявленія человѣческихъ желаній и воли. Отсюда — возможность планомѣрнаго регулированія хозяйственной жизни.

Признаніе за государствомъ высокой роли двигателя матеріальной и духовной культуры — также общо всѣмъ государственнымъ соціалистамъ. Однако, они не особенно задумываются надъ эволюціей государственныхъ формъ: всѣ высокія качества наивысшаго культурнаго органа государственные соціалисты приписываютъ уже существующей формѣ государства. Такой логическій прыжокъ объясняется не научными основаніями, а мотивами другого характера — страхомъ передъ соціальной революціей. Эволюціонная точка зрѣнія должна была-бы, казалось, заставить историковъ-экономистовъ признать въ соціально-политической борьбѣ моментъ общественнаго прогресса; но съ этимъ не мирятся всѣ ихъ общественныя симпатіи и антипатіи. Признавая наличность соціальной борьбы, государственные соціалисты ея боятся; ища мирныхъ средствъ ея разрѣшенія, они естественно должны обращаться къ уже существующей государственной власти и приписывать ей тѣ черты, которыя рисуются въ ихъ идеальныхъ представленіяхъ и которыми можетъ быть снабжена власть лишь въ результатѣ долгой эволюціи. Въ данномъ случаѣ государственные соціалисты сходятъ съ исторической точки, говорятъ не объ историческомъ, а „естественномъ“ государствѣ. Чтобы оправдать свой консерватизмъ, они обращаются къ прошлому, и старыя государственныя формы разсматриваютъ совершенно невѣрно сквозь призму современности. Отсюда — въ политическомъ отношеніи ихъ взгляды не только консервативны, но зачастую реакціонны. Наиболѣе подходящей формулой для выраженія ихъ соціально-политической программы оказывается утопія соціальной монархіи. Задача послѣдней заключается

не въ томъ, чтобы видоизмѣнить формы классовой борьбы а чтобы прекратить её. Съ одной стороны, это возможно въ томъ случаѣ, если классы тѣсно будутъ связаны между собою промежуточными звеньями, если будетъ облегченъ переходъ изъ одного соціальнаго разряда въ другой. Въ „среднемъ сословіи“, недавно дававшимъ, повидимому, тонъ жизни, госуд. соціалисты ищутъ связующаго общественнаго элемента: о возсозданіи или укрѣпленіи средняго класса думаютъ всѣ представители консервативнаго соціализма. Съ другой стороны, монархіи, благожелательной къ демократическимъ элементамъ и обуздывающей капиталъ, необходима поддержка со стороны какого-либо непричастнаго, какъ кажется, къ распрѣ между капиталомъ и трудомъ, общественнаго класса: отсюда—представленіе о землевладѣльческомъ сословіи, какъ опорѣ соціальнаго равновѣсія. Аграрныя симпатіи государственныхъ соціалистовъ находятъ себѣ въ этомъ отвлеченное оправданіе. Консервативныя и нерѣдко реакціонныя соціальныя стремленія прикрываются соображеніями абстрактнаго характера. Въ большей или меньшей мѣрѣ мы находимъ у каждаго государственнаго соціалиста не только политическій, но и соціальный консерватизмъ [1]).

Помимо общей критики капиталистическаго строя, несимпатичнаго для государственныхъ соціалистовъ яркими проявленіями соціальной борьбы и оттѣсненіемъ консервативныхъ общественныхъ элементовъ, представители изслѣдуемаго теченія заимствуютъ у радикальнаго соціализма и многія формальныя стороны: они желаютъ обобществленія, главнымъ образомъ—огосударствленія нѣкоторыхъ отраслей хозяйственной жизни. При этомъ, они склонны оправдывать съ точки зрѣнія „соціальной справедливости“ умноженіе простыхъ фискальныхъ монополій. Въ этомъ пунктѣ государственный соціализмъ наиболѣе близко подходитъ къ радикаль-

[1]) Въ извѣстномъ „Handbuch'ѣ des Socialismus“ Stegmann'a и Hugo (Zürich, 1897) выпукло выдвигается реакціонный элементъ гос. соціализма: „Der Staatssocialismus ist nach der Darstellung seiner Vertheidiger keineswegs eine auf socialistische Einflüsse zurükzuführende Neuerung, sondern nichts anderes, als die Wiederaufnahme und Weiterführung der bereits im preussischen Landrecht ausgesprochenen Socialpolitik der preussischen Könige“.

ному, такъ какъ въ защитѣ хозяйственныхъ функцій государства противъ частно-экономической иниціативы вынужденъ орудовать аргументами, почерпнутыми у соціалистовъ [1]).

Наконецъ, необходимымъ элементомъ всякой „государственно-соціалистической системы", элементомъ, логически вытекающимъ изъ предыдущихъ, является ненависть къ революціонному соціализму, стремящемуся совершенно пересоздать современный общественный порядокъ, съ которымъ послѣдователи Штейна и Родбертуса чувствуютъ себя тѣснѣйшимъ образомъ связанными. Ихъ доктрина развивается, ихъ программа пропагандируется именно съ цѣлью ослабленія соціалъ-демократическаго движенія [2]). Съ этой стороны, каждый государственный соціалистъ до извѣстной степени маккіавелистически настроенъ; въ полной мѣрѣ черта эта обнаружилась въ соціальной политикѣ Бисмарка. Какъ-бы то ни было почти всѣ государственные соціалисты хотѣли-бы многое „сдѣлать для народа, но не черезъ народъ", приближаясь въ этомъ отношеніи къ принципамъ просвѣщеннаго абсолютизма [3]).

---

[1]) Liebknecht на партейтагѣ въ Берлинѣ въ 1892 г. влагаетъ въ уста многихъ „аристократическихъ" членовъ консерв. партіи слѣдующее обращеніе къ с.-демократіи: „Alles was Sie socialistisch erstreben, unterschreiben wir Wort für Wort. Aber das Demokratische, dass Sie brechen wollen mit allen Grundlagen des heutigen Staats, dass Sie Monarchie und Religion abschaffen wollen, das trennt uns. Socialistisch sind wir gerade so gut wie Sie, und bis in die „äussersten Konsequenzen".

См. „Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der S.-d. Partei D". B. 1892, s. 174.

[2]) Такъ понимаютъ дѣло и представители соц.-демократіи. На засѣданіяхъ партейтага въ Берлинѣ (1892) говорилось: „Der Staatssocialismus nähert sich dem Socialismus nur soweit, als es ohne principielle Verleugnung der bestehenden Wirthschafts- und Gesellschaftsordnung geschehen kann. Es ist die sogenannte Verschwichtigungspolitik, worauf alles hinausläuft, und die Regierung hat ausdrücklich keinen Zweifel darüber gelassen, in welchem Masse sie bestrebt ist, mit allen ihren Massregeln die Socialdemokratie zu bekämpfen". См. Protokoll, ibid., s. 192.

[3]) Каутскій правильно отмѣчаетъ: «Das wesentliche Merkmal des Staatssocialismus ist: eine von der Masse der Bevölkerung unabhängige Staatsgewalt". (Ст. въ „Neue Zeit", 11 Jahr.—s. 710).

Таковы—наиболѣе общіе и характерные элементы государственнаго соціализма. Система эта — преимущественно „практическая": немногіе изъ ея представителей пытаются подвести теоретическій фундаментъ подъ свои соціально-политическія требованія. Поскольку они это дѣлаютъ, ихъ воззрѣнія приближаются къ штейновскимъ и родбертусовскимъ. Истиннымъ пророкомъ государственнаго соціализма и притомъ несомнѣннаго соціализма (по крайней мѣрѣ въ предположеніяхъ будущаго) является одинъ только Родбертусъ. Принимая во вниманіе это вліяніе Родбертуса, можно, пожалуй, называть государственный соціализмъ теченіемъ, примиряющимъ индивидуализмъ и соціализмъ; и только въ этомъ смыслѣ можетъ быть принята характеристика, данная Дж. Рэ: „Государственный соціализмъ проникнутъ тѣми-же общими стремленіями, что и соціализмъ истинный; только онъ желаетъ осуществить свои планы постепенно съ помощью существующаго государства, безъ того, чтобы сначала ниспровергнуть послѣднее революціей и установить на его мѣсто новую политическую организацію — соціально-демократическую республику" [1]). Такъ именно разсуждалъ Родбертусъ; у многихъ же его послѣдователей проявляется простое, по выраженію Гумпловича, „кокетничаніе" съ „опасными" соціалистическими лозунгами [2]).

Соотвѣтственно разнородности элементовъ, составляющихъ государственный соціализмъ, и критика его направляется то въ ту, то въ другую сторону. Нѣкоторыхъ (представителей либеральной доктрины) чрезвычайно пугаютъ тѣ уступки, которыя дѣлаютъ радикальные соціальные политики—соціа-

---

[1]) John Rae, „Contemrorary Socialism", L. 1901, s. 379.

[2]) Роль Лассаля въ созданіи госуд. соціализма не можетъ почитаться большой. Мы это старались показать въ нашемъ изложеніи. Между тѣмъ, въ эконом. литературѣ нерѣдко склонны видѣть въ Лассалѣ одинъ изъ столповъ интересующаго насъ теченія. Повиненъ въ этомъ преувеличеніи и цитированный нами Andler. У менѣе глубокомысленныхъ ученыхъ встрѣчаются прямо невѣрныя обобщенія. Напр. Claudio Jannet — въ работѣ о гос. соціализмѣ, говоритъ: «c'est en 1879 que M. Bismarck a inauguré sa politique du socialisme d'Etat et esquissé le plan de la triple assurance obligatoire... Il en avait puisé la première idée dans ces entretiens de 1864 avec le fameux agitateur juif, F. Lassalle». См. «Le socialisme d'État et la réforme sociale», P. 1889, p. 150.

лизму; въ страхѣ, они называютъ это теченіе „академическимъ орнаментомъ соціализма“, находятъ возможнымъ заявлять, что „государственный соціализмъ — это бѣдное духомъ и лишенное мысли движеніе почерпнуло всѣ свои идеи у соціалъ-демократіи“ [1]), что оно возбуждаетъ народную массу несбыточными обѣщаніями и такимъ образомъ, вмѣсто врачеванія соціальныхъ недуговъ, способствуетъ лишь развитію болѣзни. По выраженію одного автора, „государственные соціалисты — не только облѣзшіе, выцвѣтшіе соціалъ-демократы, но еще гораздо опаснѣе ихъ, такъ какъ послѣдніе болѣе или менѣе открыто преслѣдуютъ свои цѣли и заявляютъ себя врагами государства, тогда какъ первые выступаютъ защитниками государства и церкви, а по существу — быть можетъ, безсознательно для самихъ себя, исповѣдуютъ ученіе, которое должно имѣть своимъ необходимымъ результатомъ гибель обоихъ устоевъ“ [2]). Подобно тому, какъ либеральная оппозиція ставила въ вину Бисмарку расцвѣтъ рабочаго движенія въ Германіи, видя въ этомъ послѣдствіе его соціальной политики, такъ и предполагаемыхъ вдохновителей канцлера обвиняютъ въ содѣйствіи соціализму.

Другихъ отвращаетъ отъ родбертусовской эклектики именно ея маккіавелистическая черта. Такъ, Kambli — въ своей книгѣ о соціальныхъ партіяхъ—отказывается признавать за государственнымъ соціализмомъ право на кличку: „онъ абсолютно не преслѣдуетъ никакихъ соціалистическихъ цѣлей и вообще не представляетъ собою замкнутой системы, а есть лишь рядъ политическихъ мѣропріятій, которыя, подобно закону противъ соціалистовъ, какъ негативному средству, позитивно выдвинуты противъ соціалъ-демократіи и въ то-же время должны помѣшать либерализму придти въ соглашеніе съ матеріальными потребностями народа и чрезъ это съ массами“ [3]). У государственныхъ соціалистовъ все

[1]) См. выше цит. статью Ed. Wiss'a.

[2]) Emele. «Der Socialismus, Rodb.-Iagetzow, das Manchesterthum und der Staatssocialismus», Sigm. 1885, s. 109.

[3]) C. W. Kambli, «Die socialen Parteien und unsere Stellung zu denselben». St. Gallen, 1887, s. 338. Также и Бебель въ терминѣ „Staatssocialismus“ находитъ „eine Wortfalschmünzerei“: слѣдуетъ говорить о „Staatskapitalismus“. „Und weil der sogenannte Staatssocialismus etwas Anderes ist, als er besagt, etwas Vages, Ungreifbares und Verwirrendes, darum definiren wir das Ding nach seinen verschiedenen Aeusserungen und Richtungen hin, und reden nicht schlechtweg vom Staatssocialismus als solchem, sondern vom sogenannten Staatssocialismus, insoweit er dies und das bedeutet“. См. цит. „Protokoll“, s. 211.

дѣло—въ политическихъ мотивахъ: экономическіе—играютъ лишь роль „грязныхъ картъ“. Способъ проведенія Бисмаркомъ закона о страхованіи противъ несчастныхъ случаевъ справедливо кажется автору весьма краснорѣчивымъ подтвержденіемъ правильности сдѣланнаго заявленія. Однако, нужно признать, что такія обвиненія противъ государственныхъ соціалистовъ бьютъ дальше цѣли: они направлены, главнымъ образомъ, противъ Бисмарка, по своему использовавшаго теоретическую работу экономической мысли.

Представители соціалъ-демократіи, конечно, понимаютъ истинные мотивы, руководящіе государственными соціалистами. Не отрицая важности проведенія ряда рекомендуемыхъ послѣдними мѣръ и объявляя себя въ этомъ отношеніи даже учителями соціальныхъ политиковъ, они подчеркиваютъ антипролетарскій характеръ госуд. соціализма. Вѣдь послѣдній не предполагаетъ устранить самые классы—капиталистовъ и рабочихъ: онъ лишь желаетъ государственнымъ порядкомъ регулировать отношенія между ними, превращая капиталистовъ въ своеобразныхъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ; сообразно требованіямъ правительства и господствующихъ классовъ, цѣлыя отрасли производства могутъ быть огосударствлены, но „эксплоатація рабочаго класса“, на этотъ разъ правительственная, остается. Съ государственнымъ соціализмомъ надо бороться, какъ съ попыткой развратить недостаточно сознательныхъ рабочихъ, подкупить ихъ „маленькими уступками“. Возможность такого совращенія, по мнѣнію Каутскаго, не исключена, ибо въ массѣ всегда живетъ „темный инстинктъ“, побуждающій ожидать улучшенія своей участи уже отъ существующаго правительства, инстинктъ, побѣждаемый упорной работой мысли.

На общихъ возраженіяхъ концепціи „соціальнаго государства“, дѣлаемыхъ сторонниками „правового“—мы останавливаться не будемъ: они—тождественны съ возраженіями противъ соціализма вообще и достаточно извѣстны. Главный ихъ ядъ въ примѣненіи къ государственнымъ соціалистамъ заключается въ томъ, что они требуютъ отъ послѣдняго сдѣ-

лать всѣ логическіе выводы изъ посылокъ, на что, конечно, никто, кромѣ Родбертуса, не рѣшался.

Итакъ, государственный соціализмъ есть эклектическое ученіе, рисующее возможность примиренія классовыхъ противорѣчій при гармоническомъ сочетаніи индивидуалистическихъ и *коллективистическихъ началъ съ помощью правительства*, въ рамкахъ нынѣ существующаго государственнаго порядка [1]).

Возможность появленія и даже временнаго процвѣтанія этого теченія коренится, несомнѣнно, въ особенныхъ условіяхъ германской общественно-политической жизни. Мы говоримъ именно о государственномъ соціализмѣ, а не соціально-политическихъ мотивахъ вообще, такъ какъ поворотъ въ ихъ сторону экономической науки замѣчался повсюду во второй половинѣ 19-го ст. (въ однѣхъ странахъ раньше, въ другихъ—позже) и объясняется сходными условіями хозяйственной эволюціи, о чемъ нѣсколько словъ скажемъ ниже. Конечно, и въ другихъ странахъ (напр. во Франціи) дѣлались попытки конструировать „госуд. соціализмъ“ [2]), но онѣ носили единичный, эпизодическій характеръ; въ Германіи же (особенно въ Пруссіи) почва для этой утопіи была чрезвычайно благопріятна. Въ этомъ отношеніи, совершенно ложной намъ представляется точка зрѣнія французскаго изслѣдователя—Andler'a, который сводитъ причину появленія государственнаго соціализма къ моментамъ интеллектуальнымъ. Онъ видитъ эту причину въ „переворотѣ

[1]) Недурное, хотя и страдающее нѣкоторыми недостатками, опредѣленіе даетъ Schröder: „Nichts anderes, als der Ausdruck des tiefsten Gefühles, dass die Gesellschaftsordnung unserer Tage eine unhaltbare geworden, der Versuch, dem Elende und der Ungerechtigkeit abzuhelfen ohne jedoch die Wurzel des Uebels zu erfassen, um eingreifende Aenderungen anzustreben: das ist der Staatssocialismus. Er steht ganz auf dem Boden des modernen Staates, in welchem er mittels der Staatsgewalt durch wirthschaftliche, politische und sittliche Massnahmen das Elend der arbeitenden bezieh. w. besitzlosen Volksklassen mindern will“. „Die pol. Oekonomie“ Schröder. L. 1897, s. 135.

[2]) О госуд. соціализмѣ Наполеона III, какъ онъ былъ выраженъ, главнымъ образомъ, въ его литературныхъ произведеніяхъ, мы упомянемъ во второй части работы. См. произведенія Наполеона: „Des idées Napoléonniennes“, Paris, 1839; „Oeuvres de L. Nap. Bon., особ. II T. Paris, 1848.

мыслей подъ вліяніемъ нѣсколькихъ выдающихся книгъ“ [1]). И тѣ работы, которыя имѣетъ въ виду Андлеръ, и тѣ идеи, которыя ими были инспирированы, имѣли основу въ реальной жизни.

Германія, ко времени усвоенія ею экономическаго либерализма, представляла собою страну, въ которой неминуемо, въ силу общественно-экономическихъ условій, немедленно должна была слагаться и реакція смитіанству. Хотя мѣновое хозяйство пустило уже корни, но различныя нѣмецкія страны въ началѣ прошлаго столѣтія представляли собою торгующія „аграрныя государства“: тонъ слабо развитой городской жизни давался мелкимъ предпринимателемъ. Капитализмъ проявлялся пока въ торговой формѣ. Изъ положеній классической экономіи господствующимъ землевладѣльческимъ классомъ усваивался лишь практическій выводъ: *свобода* торговли, выгодная для земледѣлія. Вся же идеологическая основа либерализма („естественныя права“)—могла соотвѣтствовать лишь немногочисленнымъ, интеллигентнымъ группамъ населенія. Германія находилась въ стадіи политической и хозяйственной раздробленности: чтобы выйти изъ этого состоянія, необходимо было предполагать расширеніе, а не съуженіе функцій государства. Такое расширеніе—до экономическаго сліянія Сѣверной Германіи—предполагалось интересами и промышленнаго капитала.

Соотвѣтственно пестрой комбинаціи общественно-экономическихъ элементовъ въ дѣйствительной жизни Пруссіи и другихъ крупныхъ государствъ, вошедшихъ въ составъ Германской Имперіи, реакція смитіанизму, какъ мы знаемъ, была разнородна,—и каждый элементъ данной реакціи наложилъ свою печать на государственный соціализмъ.

Прежде всего, выразителемъ реакціи былъ помѣстный классъ, постепенно съ хозяйственной эволюціей страны теряющій полноту своей власти. Онъ стоялъ на стражѣ сво-

[1]) Andler Ch. „Les origines du socialisme d'État en Allemagne“. P. 1897, p. 1. Андлеръ прибавляетъ (ibid): „Les hommes qui se disent positifs ont coutume de contester le pouvoir des idées sur les faits. Comment douter, cependant, lorsque des convictions intellectuelles dominent les débats des parlements, on la décision des hommes en place et se traduisent par les lois, que les idées n'aient une action, même materielle?“ Какъ будетъ видно изъ второй части, идеи „госуд. соціализма“ вовсе и не осуществлялись Бисмаркомъ.

ихъ аграрныхъ интересовъ и въ періодъ особенно чувствительныхъ затрудненій устами Родбертуса высказывалъ свои аграрныя утопіи. Эта феодальная, натуралистическая реакція живо говоритъ о себѣ въ трудахъ государ. соціалистовъ. Наряду съ нею надо поставить другихъ представителей „добраго стараго времени"—ремесленниковъ, „мелкихъ предпринимателей", какъ называлъ ихъ Замтеръ. Силою вещей стоя ближе къ рабочему классу и видя передъ собой угрозу пролетаризированія, ремесленники, какъ и повсюду въ Европѣ, склонны были къ воспріятію утопическаго соціализма, заимствуя у него формулы и наполняя желательнымъ для нихъ содержаніемъ; отсюда ихъ стремленія къ возстановленію цехового строя покрывается своеобразнымъ соціалистическимъ налетомъ. Насколько велико было вліяніе этой „Zunftreaktion" на государственный соціализмъ, очевидно изъ предъидущаго. Можно даже выразиться опредѣленнѣе: значительная доля соціалистическихъ предположеній у эпигоновъ Родбертуса, ихъ смѣлыхъ призывовъ къ вторженію правительственной власти въ экономику подсказана симпатіями и интересами „мелкаго и средняго мѣщанства". Извѣстно, что именно мѣщанскій соціализмъ пытается выстроиться безъ предположенія классовой основы общества.

Поскольку соображенія фискальнаго и покровительственнаго капитализму характера могли выливаться еще въ камералистическую форму, постольку меркантилизмъ въ этой первоначальной нѣмецкой формѣ давалъ отпоръ либеральной экономіи. Достаточно вспомнить меркантилистическіе отзвуки у Рау и Германна, имѣвшихъ большое вліяніе на Ад. Вагнера. Но меркантилизмъ оказалъ бо̀льшее воздѣйствіе на государственныхъ соціалистовъ въ его современной формѣ — протекціонизмѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдній сразу сталъ комбинироваться въ двухъ направленіяхъ—аграрномъ и индустріальномъ. Бамбергеръ находитъ, что у протекціонизма и соціализма—одинаковыя основанія—желаніе протежировать слабому противъ сильнаго, только слабый различно представляется: „протекціонизмъ есть государственный соціализмъ въ пользу богатыхъ противъ бѣдныхъ... Естественно, что въ эпоху, когда атмосфера насыщена соціалистическими идеями, нельзя было провозгласить государственный соціализмъ богатыхъ безъ того, чтобы не сдѣлать нѣсколькихъ колѣнопреклоненій передъ соціализмомъ бѣдныхъ" [1]). При всемъ остроуміи такого трактованія оно, конечно, односторонне. Вѣрно то, что современный протекціонизмъ и государственный соціализмъ стоятъ на одинаковой методологической почвѣ, и что соображенія покровительственнаго характера (особенно аграрнаго) играютъ большую роль въ программныхъ требованіяхъ госуд. соціалистовъ.

Наконецъ, окончательную форму госуд. соціализму придаетъ неизвѣстный дореволюціонной Германіи факторъ общественной жизни—рабочее движеніе. Страхъ правительственной власти и „владѣющихъ" классовъ, страхъ, особенно ярко проявившійся послѣ событій во Франціи въ 71 г., далъ рѣшительный толчекъ академикамъ къ позаимствованіямъ изъ „мирнаго" ученія Родбертуса. Поэтому, въ системахъ госуд. соціалистовъ наряду съ элементами старой идеологіи мы встрѣчаемъ и нѣкоторыя новыя идеи, принадлежащія новой демократіи,—конечно, въ формѣ, наиболѣе пріемлемой нереволюціонно настроенными людьми.

Каутскій остроумно охарактеризовалъ общественно-политическое состояніе Германіи, какъ „двоедушіе". Аграрный и невѣжественный Востокъ до сихъ поръ управляетъ культурнымъ индустріальнымъ Западомъ. Центръ тяжести экономическихъ интересовъ страны лежитъ на Западѣ: Германія—по преимуществу „Industriestaat". Однако, „аграрное государство" еще не побѣждено: формально политическая власть ему принадлежитъ. И въ борьбѣ за власть феодальные элементы со слабо ограниченнымъ монархомъ во главѣ конвульсивно ищутъ поддержки во всѣхъ, противныхъ капитализму, общественныхъ силахъ или пережиткахъ таковыхъ. Отсюда... „то специфическое двоедушіе, которое такъ часто проявляется въ исторіи Пруссіи, въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ,—тотъ революціонный легитимизмъ, то смѣшеніе феодальной романтики съ современнымъ реализмомъ. На долю специфически-прусскихъ мыслителей и профессоровъ выпала неблагодарная задача—растворить эти двѣ души въ высшемъ единствѣ: результатомъ были прусскій методъ писанія исторіи и прусская національная экономія, столь-же единственные въ своемъ родѣ, какъ и само прусское государство. На этой

[1]) См. ст. Bamberger'a въ „Dictionnaire..." Say.

почвѣ выросъ и госуд. соціализмъ, естественный продуктъ государства, которое одновременно обладаетъ и наиболѣе сильной современной монархической властью и сильнѣйшей соціалъ-демократіей“ [1]). Трудно въ немногихъ словахъ удачнѣе охарактеризовать и сущность, и причины возникновенія нѣмецкаго государ. соціализма.

Поскольку вообще немыслимо сочетать два разнородныхъ порядка, постольку и гос.-соц. идеологія страдаетъ безысходными противорѣчіями. Въ той мѣрѣ, насколько отживающіе классы выстраивали утопическіе планы спасенія, настолько и госуд. соціализмъ—утопиченъ. Центръ тяжести его утопіи лежитъ въ идеѣ соціальной монархіи, идеѣ, построенной не тѣмъ историческимъ методомъ, за который ратуютъ всѣ госуд. соціалисты. Отсюда можно заключить, что самый послѣдовательный (насколько въ данномъ случаѣ вообще можетъ итти рѣчь о послѣдовательности), искренній государственный соціализмъ есть самая наивная соціальная утопія XIX в. Осуществленіе извѣстныхъ требованій госуд. соціалистовъ ничего не говоритъ въ пользу ихъ системъ: здѣсь дѣйствуетъ логика не ихъ, а жизни.

Слѣдуетъ отмѣтить также еще одинъ моментъ, несомнѣнно повліявшій на созданіе концепціи государственнаго соціализма. Это—необыкновенные успѣхи прусскаго правительства въ 60-е и 70-е годы. Государство это вообще за время своего существованія съумѣло окружить свою „служилую“ армію ореоломъ уваженія („прусское чиновничество“). Прекрасно работающая бюрократическая машина способствовала возникновенію своеобразной традиціи въ пользу „государства“ [2]). Но результаты политики Бисмарка превзошли всѣ ожиданія,—и на этой почвѣ легко могли возникнуть представленія даже о всемогуществѣ государства. Не будь прусскихъ дипломатическихъ и военныхъ побѣдъ, кто знаетъ—можетъ быть, соціально-политическія тенденціи не вылились-бы у нѣкоторыхъ представителей въ наивную утопію госуд. соціализма [3]).

[1]) «Die neue Zeit», ibid., s. 710 etc.

[2]) См. любопытныя замѣчанія Кобдена о прусскомъ правительствѣ (1838 г.), которое кажется „лучшимъ въ Европѣ“—у Rae, „Contemporary Socialism“, l. c., s. 393—394.

[3]) P. Leroy-Beaulieu вѣрно отмѣтилъ „le prestige des triomphes de la monarchie prussienne, la plus étonnante machine administrative qui ait jamais existé“. „L'État moderne et ses fonctions“—P. 1890, p. 14.

[1]) См. L. Say, „Le socialisme d'État“, P. 1884, p. 25,—62 etc.

Какой характеръ носитъ соціальная политика Бисмарка, какія стороны госуд. соціализма его привлекали и почему онъ нашелъ цѣлесообразнымъ воспользоваться утопическими лозунгами, объ этомъ мы говоримъ во второй части нашего изслѣдованія. Само собою разумѣется, нетрудно и a priori установить, что такой трезвый, „практическій“ политикъ, какъ Бисмаркъ, не могъ вѣрить въ утопическую систему. Привлекательнымъ для него могъ быть только скрытый въ ней маккіавелизмъ. Преслѣдуя цѣли укрѣпленія Германской Имперіи, какъ онъ понималъ эту задачу, Бисмаркъ усмотрѣлъ въ госуд.-соціалистической программѣ „положительный“ способъ борьбы съ соціалъ-демократіей. Политическія и полицейскія цѣли замѣщали у него тѣ общественные идеалы въ которые вѣрили наиболѣе искренніе государственные соціалисты. Въ сущности, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго, Бисмаркъ добился лишь общественно-моральнаго дискредитированія самой идеи соціальной реформы, авторитарнымъ порядкомъ осуществляемой.

Однакоже, соціальныя реформы осуществляются. Мало того, трудно представить себѣ въ настоящее время политика, который не планировалъ-бы тѣхъ или другихъ измѣненій въ соціальной области и не находилъ-бы цѣлесообразнымъ вмѣшательство правительства въ необузданную борьбу частныхъ интересовъ. Либеральныя партіи предпочитаютъ называть себя соціально-либеральными! Стало-быть, и поворотъ экономической науки отъ классическаго либерализма съ его „естественными“ правами къ общественно-эволюціонному способу трактованія экономическихъ проблемъ—вполнѣ законенъ! Вѣдь въ Англіи, родинѣ политическаго и экономическаго либерализма, еще въ 1864 г. Гладстонъ проектировалъ государственное страхованіе небольшихъ рентъ; извѣстный Goshen въ 1883 г. въ рѣчи своей, произнесенной въ Философскомъ институтѣ, указывалъ, что принципъ „laissez faire“ все отступаетъ передъ принципомъ государственнаго вмѣшательства, что все больше и больше „индивидуальная мораль замѣняется соціальной“... [1]). Дж.-Ст. Милль, экономистъ первоклассной величины, мечтавшій сдѣлаться Ад.

Смитомъ XIX-го ст., призналь неопровержимой въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соціалистическую критику и воспринялъ отъ соціалистовъ нѣкоторыя положительныя идеи: будущій строй онъ рисовалъ себѣ въ формѣ гармонической ассоціаціи. А каковы успѣхи въ Англіи идеи націонализаціи земли, если даже такой индивидуалистъ, какъ Герб. Спенсеръ, высказался въ ея пользу! Повидимому, самыя утопическія требованія соціализма, какъ напр. право гражданина на существованіе, обезпечиваемое государствомъ, находитъ себѣ частичное осуществленіе въ англійской и австралійской практикѣ (законы о рентахъ для престарѣлыхъ)! Вѣдь это—въ самомъ дѣлѣ—государственный соціализмъ, только, перефразируя нѣсколько выраженіе Мэтэна, „госуд. соціализмъ безъ фразъ", тогда какъ нѣмецкій госуд. соціализмъ въ изслѣдуемомъ нами проявленіи представляетъ собою обратное—„фразы безъ госуд. соціализма". Такъ обстоитъ дѣло и въ другихъ странахъ. Какъ-бы, напр., Леруа-Болье не ратовалъ противъ расширенія государственныхъ функцій [1]), но оно совершается и во Франціи, гдѣ до послѣдняго времени стоящая у власти буржуазія тщательно остерегалась дѣлать какія-либо уступки рабочей демократіи.

Конечно, иначе и быть не можетъ. Капиталистическая экономика, въ рамкахъ которой мы живемъ, обнаруживаетъ рѣшительныя тенденціи къ обобществленію. Централизація хозяйственной жизни (понимаемая экономически, а не технически или юридически) съ каждымъ годомъ дѣлаетъ все бо́льшія завоеванія. Обезличенныя въ формѣ акціонерныхъ компаній предпріятія стремятся къ дальнѣйшему сліянію, въ формѣ картелей, трёстовъ, „амальгамированныхъ" компаній, и сталкиваются въ этомъ процессѣ эволюціи съ государствомъ, какъ предполагаемымъ выразителемъ общественныхъ интересовъ. Обобществляемая торговля и промышленность въ той или другой формѣ должна войти въ сферу воздѣйствія высшаго общественнаго органа. Строеніе послѣдняго—демократическое или аристократическое — опредѣляетъ степень демократизаціи проявляющагося обобществленія. Обобществленіе это можетъ выражаться или непосредственно, въ формѣ огосударствленія отдѣльныхъ предпріятій или цѣлыхъ

[1]) См. l. c. „L'état moderne et ses fonctions".

отраслей хозяйственной жизни (транспортъ, различныя монополіи), либо въ формѣ ихъ подчиненія государственному надзору, контролю и даже руководительству (нормировки). Въ меньшемъ масштабѣ та-же самая тенденція находитъ себѣ выраженіе въ рамкахъ мѣстнаго (городского или общиннаго) хозяйства (муниципальный соціализмъ).

Все это знаменуетъ собою усвоеніе современной экономикой—вмѣсто прежнихъ частно-правовыхъ—началъ публично-правныхъ. Къ этой-же категоріи относится и регулированіе рабочаго договора, охрана труда, провозглашеніе обязательности коллективной отвѣтственности предпринимателей (страхованіе рабочихъ), обязательный арбитражъ (Австралія), установленіе минимальной заработной платы (воздѣйствіе органовъ самоуправленія и косвенное вліяніе государства). Именно на этой почвѣ понятно сокращеніе права рабочихъ коалицій—при благосклонномъ отношеніи къ такому сокращенію со стороны самихъ рабочихъ (въ австралійскихъ колоніяхъ). Естественно, что при демократическомъ государственномъ строѣ за огосударствленіе можетъ высказываться и соціалъ-демократія, конечный идеалъ которой предполагаетъ коллективное производство. Каутскій совершенно правъ, говоря, что въ Швейцаріи соціалъ-демократія смѣло можетъ поддерживать требованіе перехода въ руки государства хлѣбной торговли; тогда какъ аналогичное требованіе, выставляемое въ Германіи аграріями, поддержки не заслуживаетъ, ибо разсчитано на ограбленіе потребителей, и нѣтъ легальной возможности использовать въ общихъ интересахъ хлѣбную монополію. Однако, и въ Пруссіи онъ считаетъ цѣлесообразнымъ монополизировать нѣкоторыя отрасли хозяйственной жизни, предполагая, что общественное мнѣніе помѣшаетъ эксплоатаціи занятыхъ въ нихъ рабочихъ массъ. Фр. Энгельсъ въ „Anti-Dühring'ѣ" слѣдующимъ образомъ формулировалъ эту мысль: уже въ настоящее время нѣкоторыя отрасли производства и транспорта настолько колоссальны, что переростаютъ форму частнаго владѣнія и переходятъ въ руки государства; въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, мы имѣемъ дѣло съ прогрессивнымъ явленіемъ. Тѣмъ не менѣе, тотъ-же Энгельсъ прибавляетъ: „... въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ Бисмаркъ бросился на путь огосударствленія, появился нѣкій лже-соціализмъ, тамъ и сямъ вырождающійся даже въ своего рода

холопство, который объявляетъ безъ дальнихъ соображеній соціалистическимъ всякій переходъ въ руки государства, даже переходъ, исходящій отъ Бисмарка. Во всякомъ случаѣ, *еслибы государственная монополія выдѣлки табака была* дѣломъ соціалистическимъ, то Наполеонъ и Меттернихъ принадлежали бы къ числу основателей соціализма.... Если *Бисмаркъ безъ всякой экономической необходимости* перевелъ въ руки государства главныя желѣзнодор. вѣтви Пруссіи, съ единственной цѣлью лучше приспособить ихъ на случай войны, превратить желѣзнодорожный персоналъ въ стадо, голосующее въ пользу правительства, а главное — чтобы создать себѣ новый источникъ дохода, не зависящій отъ парламентскихъ постановленій, то это ни въ какомъ случаѣ, ни сознательно, ни безсознательно, ни прямо, ни косвенно, не представляетъ шага по пути къ соціализму. Иначе пришлось-бы счесть за соціалистическій—королевскій торговый флотъ королевскую фарфоровую фабрику и даже ротныя швальни въ арміи“ [1]).

Хотя это остроумно, но не совсѣмъ вѣрно: все-же и въ мѣропріятіяхъ Бисмарка до извѣстной степени выражалась тенденція къ обобществленію.

Резюмируя вышесказанное, мы приходимъ къ такому заключенію. Процессъ обобществленія хозяйства ставитъ передъ государствомъ все болѣе и болѣе широкія задачи: простымъ „Rechtsstaat“ оно уже быть не можетъ; болѣе или менѣе быстрое превращеніе его въ „Socialstaat“ предопредѣляется экономической эволюціей. Процессъ этотъ протекаетъ нормально, „государственный (и муниципальный) соціализмъ“ — прогрессивенъ, если такое усвоеніе соціалистическихъ принциповъ является результатомъ свободной игры общественныхъ силъ. Гарантіей того, что огосударствленіе или муниципализація дѣйствительно будетъ удовлетворять интересы не привилегированныхъ классовъ, а и широкихъ демократическихъ слоевъ, служитъ участіе послѣднихъ въ государственномъ управленіи. Очевидно, политическая и соціальная демократизація должны итти рука объ руку. Гдѣ, въ силу различныхъ общественныхъ условій, гармоническое

[1]) См. Fr. Engels, „Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft“. III Aufl., S. 1894, прим. с. 299.

соотношеніе между экономикой и политикой отсутствуетъ, тамъ „государственный соціализмъ“ получаетъ уродливое выраженіе. Къ нему прибѣгаютъ или регрессирующіе въ экономическомъ отношеніи классы, чтобы государственными средствами подкрѣпить себя въ непосильной конкурренціи, либо устарѣвшая правительственная форма съ помощью такихъ мѣръ пытается задержать свое разложеніе, подкупая и развращая тѣ или другіе общественные элементы. По поводу германскаго „государственнаго соціализма“ Каутскій остроумно замѣтилъ: „это—знаменіе времени: правительство вынуждено признать себя сторонникомъ государственнаго соціализма, чтобы завоевать довѣріе по крайней мѣрѣ политически отсталой части рабочаго населенія“ [1]). Конечнымъ результатомъ и въ этомъ случаѣ будетъ успѣхъ экономической соціализаціи, но путь—чрезвычайно тяжелый: это лишь современная, замаскированная форма борьбы стараго порядка съ новымъ. Если, при всеобщей тенденціи національныхъ хозяйствъ пойти по дорогѣ здороваго государственнаго и муниципальнаго соціализма, мы замѣчаемъ и болѣзненныя формы его проявленія; если наряду съ нормальнымъ усвоеніемъ экономической наукой соціально-политическихъ моментовъ мы встрѣчаемся и съ уродливыми утопіями,—это служитъ яснымъ показателемъ того, что въ общественно-экономической жизни данной страны имѣются значительные пережитки „стараго порядка“, пытающіеся задержать хозяйственную эволюцію. Согласно вышесказанному, здоровый государственный соціализмъ не только не предполагаетъ ликвидацію общественной борьбы, но самъ является ея результатомъ; его успѣхи въ пользу демократіи опредѣляются *силой* послѣдней въ классовыхъ столкновеніяхъ. Здоровый госуд. соціализмъ представляетъ собою рядъ мирныхъ договоровъ, но не всеобщее разоруженіе. *О такомъ разоруженіи* мечтаютъ именно тѣ классы, которые не могутъ выступать на арену борьбы безъ чьей-либо (въ данномъ случаѣ государственной) *исключительной помощи*.

Землевладѣльцы и среднее сословіе—вотъ тѣ два соціальныхъ пласта, интересы которыхъ, какъ мы видѣли, были *особенно дороги* представителямъ германскаго госуд. соціа-

[1]) Ст. Каутскаго „Noch einmal Staatssocialismus“ въ „Neue Zeit“, (11 Jahgr.). I B. s. 154.

лизма. „Среднему человѣку“—особенно импонируютъ громкія фразы о высокомъ назначеніи государства, объ обязанности защищать „слабаго“ отъ сильнаго. Средній классъ, „мелкая буржуазія“ вообще охотно строитъ соціалистическія утопіи, наиболѣе послѣдовательнымъ и высокимъ образцомъ которыхъ является „Народный Банкъ“ Прудона съ его даровымъ кредитомъ. Къ нимъ надо причислить и „ученыхъ, занимающихся свободными профессіями людей—учителей, духовныхъ, профессоровъ, врачей, инженеровъ, техниковъ“, которые, по выраженію Каутскаго, „понимаютъ, что имъ должно лучше житься въ соціалистическомъ государствѣ, чѣмъ теперь, когда постоянно надо гоняться за деньгами“ [1]). Наконецъ, правительственная власть въ архаической формѣ (отсутствіе парламентаризма)—и передъ нами на лицо главнѣйшія общественныя силы, вдохновлявшія и дававшія жизнь германскому госуд. соціализму. Совершенно ясно, почему, при такихъ условіяхъ, онъ вылился въ наивную, утопическую форму. Очевидно, что и въ другихъ странахъ, съ аналогичными общественно-экономическими комбинаціями, мы можемъ встрѣтиться съ такой же государственно-соціалистической идеологіей и практикой.

Отъ успѣшности дальнѣйшаго хозяйственнаго развитія, отъ степени и силы соціально-политической демократизаціи зависитъ жизнеспособность утопическаго государственнаго соціализма: онъ—тѣмъ слабѣе, чѣмъ нормальнѣе протекаетъ эволюція. Этимъ дается отвѣтъ на вопросъ, почему въ Германіи такъ быстро отцвѣла утопія соціальной монархіи и почему „госуд. соціализмъ“ ограничился лишь нѣсколькими крупными представителями и не превратился въ „школу“, на что, несомнѣнно, предъявлялъ претензіи. Вѣдь даже объединить въ опредѣленномъ теченіи разнородныхъ сторонниковъ „соціалистическихъ“ выступленій государственной власти не представлялось возможнымъ: „слабые“, „обиженные“, тянули въ разныя стороны, хотя каждый изъ нихъ хотѣлъ „вмѣшательства“ государства. Академическая же школа немыслима безъ опредѣленной замкнутой системы.

---

[1]) См. цитир. статью Каутскаго, с. 155.

Часть II-я.

Глава I-я.

Характеристика соціально - политическихъ взглядовъ Бисмарка въ началѣ его общественной дѣятельности.

I.

Мы видѣли изъ предшествующаго, какъ трудно реконструировать теорію „государственнаго соціализма", какія разнообразныя вліянія надо учитывать, изъ какихъ разнородныхъ элементовъ эта доктрина слагается. Наибольшей отчетливости она достигаетъ у Родбертуса и его почитателей—консервативно настроенныхъ Рудольфа Мейера и проф. Ад. Вагнера. Въ конкретныхъ постулатахъ государственный соціализмъ выдвигается въ общемъ теченіи соціальной реформы, какъ наиболѣе рѣзкій разрывъ съ либеральной экономической политикой. Могъ ли онъ въ такой формѣ найти себѣ хотя-бы частичное осуществленіе? О возможности и даже необходимости реализаціи нѣкоторыхъ предположеній катедеръ-соціалистическаго характера нечего и говорить: напр., рабочее законодательство входитъ въ соціальный обиходъ гораздо ранѣе принципіальнаго его обоснованія въ экономической наукѣ. Но вѣдь государственные соціалисты желаютъ гораздо большаго: Родбертусъ предполагаемыя ферейномъ соціальной политики мѣры называлъ „Pflästerchen und Tränkchen"!

Какъ Родбертусъ, такъ и Р. Мейеръ и прочіе „консервативные соціалисты" не сомнѣвались въ возможности осуществленія „соціальной монархіи"—и надежды свои возлагали на Бисмарка. Правда, они очень рано (сейчасъ-же послѣ основанія Германской Имперіи) начали сомнѣваться въ пригодности канцлера къ исполненію великаго дѣла; такъ Родбертусъ въ письмѣ къ Мейеру отъ 29 нояб.

1871 г. замѣчаетъ: „девятнадцатое столѣтіе выводитъ на сцену двухъ великановъ, императора Наполеона I, мѣсто которому рядомъ съ Александромъ Вел., Цезаремъ и Карломъ Вел., и дипломата, международнаго государственнаго дѣятеля, который, быть можетъ, не имѣетъ себѣ равнаго. Первый отцвѣлъ на снѣжныхъ поляхъ Россіи, и я боюсь, что соціальный вопросъ будетъ для славы Бисмарка такимъ-же русскимъ походомъ“ [1]). Тѣмъ не менѣе, попытки обратить вниманіе канцлера на соціальную проблему продолжались до половины 70-хъ годовъ. По свидѣтельству Мейера, которому нѣтъ основанія не довѣрять, наслѣдникъ Лассаля—Швейцеръ старался такъ руководить рабочимъ движеніемъ, чтобы привлечь Бисмарка на свою сторону [2]); и еще въ 1875-мъ году Родбертусъ и Мейеръ вносятъ на обсужденіе Verein'a für Socialpolitik обращеніе къ канцлеру въ виду кризиса, о чемъ мы своевременно уже говорили. Но Бисмаркъ, говоритъ Мейеръ, ничего не понималъ въ дѣлаемыхъ ему предложеніяхъ: оттолкнувши Швейцера, онъ двинулъ рабочую массу на соціалъ-демократическій путь, а затѣмъ принялся исключительными законами бороться съ соціалъ-демократіей. „Государственный соціализмъ“, по мнѣнію Мейера, „былъ возможенъ“, если-бы правительство и сильная консервативная партія приняли-бы предложенную имъ программу; разъ этого не случилось, государственный соціализмъ потерпѣлъ крахъ. И въ высокой степени интереснымъ представляется то обстоятельство, что „соціальная эра“ въ Германіи начинается какъ разъ со времени разочарованія госуд. соціалистовъ въ Бисмаркѣ. Къ этой практикѣ госуд. соціализма мы теперь и переходимъ.

Одинъ изъ изслѣдователей общественно-экономическихъ взглядовъ Бисмарка, д-ръ Цейтлинъ находитъ, что они, „по своему содержанію въ общемъ покрываются доктриной госуд. соціализма“. Для Цейтлина характерными являются два момента: тенденція изнимать нѣкоторыя области хозяйства изъ частнаго вѣдѣнія и передавать ихъ государственному регулированію въ общихъ интересахъ и убѣжденіе въ отсутствіи постоянной границы между частной и общественно-хозяйственной организаціей. „Эти два момента составляютъ наиболѣе существенные элементы государственно-соціалистической теоріи. Поэтому князя Бисмарка съ полнымъ правомъ можно характеризовать какъ великаго практика государственнаго соціализма, но было-бы несправедливо предполагать, что государственный соціализмъ имѣетъ цѣлью соціально-монархическую диктатуру и всемогущее полицейское государство“ [1]).

[1]) Rodbertus-Jagetzow, „Briefe und socialpolitische Aufsätze“ hgb. v. Rud. Meyer. Berlin, 1881. s. 136.

[2]) *Ibid.*, s. 145, прим. Мейера.

Однимъ словомъ, Цейтлинъ находитъ, что практика Бисмарка наиболѣе близко подходитъ къ доктринѣ государственнаго соціализма въ формулировкѣ Ад. Вагнера.

Въ одной изъ своихъ рѣчей (въ рейхстагѣ—14 іюня 1882 г.) Бисмаркъ сказалъ: „Mein Sinn ist auf das rein Praktische gerichtet“; въ другой (24 февраля 1881 г.): „Für mich hat immer nur ein einziger Kompass, ein einziger Polarstern, nach dem ich steuere, bestanden: salus publica“. Сопоставивши эти два лозунга съ имѣвшими мѣсто увѣреніями Бисмарка, что онъ законами о страхованіи пытается осуществить христіанскій соціализмъ, мы можемъ притти къ странному выводу: мало опредѣленная доктрина, наиболѣе существенную часть которой составляютъ явно утопическіе элементы, признается однимъ изъ величайшихъ европейскихъ дѣятелей практически наиболѣе подходящей для достиженія общественнаго блага. Не ошиблись-ли мы въ историко-догматическихъ изысканіяхъ? Можемъ-ли мы при такихъ условіяхъ характеризовать „госуд. соціализмъ“, какъ утопическую систему? Очевидно, что безъ экскурсіи въ область германской исторіи, безъ освѣщенія внутренней, закулисной стороны соціальной политики Бисмарка, устранить встрѣтившееся затрудненіе мы не въ состояніи. Соотвѣтственно этому вторая часть нашей работы должна быть посвящена разсмотрѣнію государственно-соціалистической практики германскаго канцлера. Однако, начать намъ и въ этомъ случаѣ придется не съ момента оффиціальнаго провозглашенія Бисмаркомъ „соціалистической эры“, а гораздо раньше: намъ надо прослѣдить эволюцію общественно-экономическаго міросозерцанія Бисмарка съ первыхъ его

[1]) D-r. L. Zeitlin, „Fürst Bismarcks social-, wirthschafts-und steuerpolitische Anschauungen“. *Leipzig*, 1902. s. 261, 262.

выступленій на общественно-политическую арену. Быть можетъ, такой анализъ позволитъ намъ открыть въ этой эволюціи присутствіе тѣхъ-же моментовъ, какіе мы находили у выразителей доктрины „госуд. соціализма".

II.

„Впечатлѣнія, полученныя мною въ дѣтствѣ, мало могли способствовать созданію изъ меня юнкера" [1]), говоритъ о себѣ Бисмаркъ. Дѣйствительно, сынъ дворянина старинnаго, хотя и обѣднѣвшаго рода, получаетъ первоначальное воспитаніе въ духѣ идей Песталоцци: прибавка къ фамиліи „von" являлась, по собственному признанію Бисмарка, большимъ ущербомъ для него въ отношеніяхъ къ товарищамъ и учителямъ. Отецъ относился довольно безразлично къ вопросу о „благородномъ происхожденіи", а мать происходила изъ семьи съ либеральной репутаціей. „При такихъ условіяхъ, воззрѣнія, которыя я впиталъ съ молокомъ матери, были скорѣе либеральны, чѣмъ реакціонны,—и если-бы моя мать дожила до моей министерской дѣятельности, то врядъ-ли-бы она одобрила ея направленіе"... [2]) „Какъ нормальный продуктъ нашего государственнаго обученія, я оставилъ на Пасхѣ 1832 г. школу, сдѣлавшись пантеистомъ, и если не республиканцемъ, то все-же съ убѣжденіемъ, что республика является наиболѣе разумной формой государства" [3]). Впрочемъ, Бисмаркъ тутъ-же указываетъ, что національно-нѣмецкія идеи, почерпнутыя имъ въ подготовительной школѣ Пламанна, не могли искоренить въ немъ „прирожденныхъ прусско-монархическихъ чувствъ". „Мои историческія симпатіи оставались на сторонѣ власти": Брутъ, въ глазахъ мальчика Бисмарка, былъ преступникомъ, Вильгельмъ Телль—бунтаремъ и убійцей. Однако, національный идеалъ не чуждъ студенту Бисмарку. Онъ только жалуется въ своихъ воспоминаніяхъ, что не можетъ найти себѣ мѣста въ рядахъ студенчества, жившаго идеей нѣмецкаго объединенія, такъ какъ эта среда казалась ему недостаточно образованной и утопически настроенной. Гамбахское празднество и „Frankfurter Putsch" подѣйствовали на юнаго Бисмарка угнетающимъ образомъ, и онъ, по собственному признанію, вернулся въ Берлинъ съ менѣе либеральнымъ образомъ мыслей, чѣмъ его оставилъ. Впрочемъ, эта реакція снова ослабѣла, когда онъ ближе познакомился съ бюрократическимъ механизмомъ тогдашней Пруссіи. Что касается вопросовъ внѣшней политики, которой тогда, по заявленію Бисмарка, мало интересовались, онъ держался „прусской офицерской точки зрѣнія" временъ освободительныхъ войнъ.

[1]) Bismarck. Gedanken und Erinnerungen. Stutt. 1898. B. 1. s. 13.
[2]) Ibid., s. 14.
[3]) Ibid., s. 1.

Академическія занятія Бисмарка не отличались особенной продуктивностью, какъ онъ самъ указывалъ впослѣдствіи (передъ профессорами и студентами, привѣтствовавшими его на вокзалѣ въ 1893 г. въ Геттингенѣ). Но зато онъ преуспѣвалъ въ качествѣ *студента-бурша* [1]). Въ 1835 г. Бисмаркъ выходитъ изъ университета и въ томъ-же году держитъ *экзаменъ, въ качествѣ экстерна: университетское образованіе*—окончено. Мать Бисмарка мечтала и готовила его къ дипломатической дѣятельности. На первыхъ-же порахъ Бисмарку пришлось убѣдиться, что вступить на эту дорогу не такъ-то легко: Пруссія въ это время, какъ и другія государства, переживала „французоманію". Среди дипломатовъ преобладали лица съ французскими фамиліями, и на дѣтей провинціальнаго дворянства смотрѣли косо. Впослѣдствіи Бисмаркъ оправдывалъ отчасти такое отношеніе правительства: земельное дворянство мало было способно стать выше провинціальныхъ воззрѣній, создать специфическую школу прусской бюрократіи; но изъ воспоминаній Бисмарка неясно, какъ онъ въ то время относился къ министерской политикѣ. Тогдашній первый министръ Пруссіи—Ансильонъ—совѣтуетъ Бисмарку искать себѣ мѣста въ рядахъ нѣмецкой, а не внѣшней прусской дипломатіи, и то—окольными путями. Первоначальная правительственная карьера Бисмарка была неудачна во всѣхъ отношеніяхъ. Для насъ важно отмѣтить, что эти первые опыты сильно его

[1]) Біографъ Бисмарка и восторженный поклонникъ—Hans Blum такъ отзывается объ этой порѣ: „Und das edle deutsche Braugewerbe hat allen Grund, den Tag zu segnen, da Otto v. Bismarck in Göttingen erkannte; das Bier, das nicht getrunken werde, habe seinen Beruf verfehlt, und dass er dann auch zeitlebens dem deutschen Nationalgetränk seine Gunst schenkte!" См. H. Blum, Bismarck. Heidelberg, 1903., s. 13.

охладили и пробудили критическій духъ. Имъ въ значительной степени обязана та непріязнь къ бюрократіи, которая, въ большей или меньшей мѣрѣ, свойственна Бисмарку во всѣ періоды его политической дѣятельности. Подоспѣли матеріальныя затрудненія, и Бисмаркъ оставляетъ государственную службу, чтобы вернуться въ деревню и заняться хозяйствомъ. „Auf dem Lande dachte ich zu leben und zu sterben", пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ относительно этого момента. 39-ый годъ застаетъ уже Бисмарка въ роли сельскаго хозяина. Первый кругъ его жизни замкнулся. Въ общемъ, это былъ путь дворянина средняго достатка, воспитаннаго, можетъ быть, лучше, чѣмъ позволяли средства; во всякомъ случаѣ, невидно, чтобы внѣшнія вліянія сколько-нибудь замѣтно поколебали психическіе устои Бисмарка, заложенные окружавшей его „юнкерской" средой. Нѣкоторый уклонъ въ сторону „свободомыслія", либерализма—вполнѣ мирится съ прочными аграрными симпатіями. Что-же касается недовольства бюрократической средой, то и это вполнѣ гармонируетъ съ „независимымъ" характеромъ западнаго дворянина. Бисмаркъ протестуетъ противъ установившагося мнѣнія, будто-бы исходнымъ пунктомъ его политической дѣятельности были „предразсудки его сословія". Поясненія, дѣлаемыя имъ въ „Воспоминаніяхъ",—очень любопытны и, кажется намъ, лишь подтверждаютъ только-что сдѣланную характеристику [1]). Конечно, если предполагать въ дворянинѣ защитника абсолютизма quand même, Бисмаркъ долженъ быть поставленъ нѣсколько внѣ этихъ рамокъ. „Неограниченный авторитетъ старой прусской монархической власти не составлялъ и не составляетъ послѣдняго слова моего

[1]) Шмоллеръ еще разъ рѣзче оттѣняетъ юнкерскіе элементы характера Бисмарка и прибавляетъ: „Wenn Bismarck nun in den G. und Eriku. dagegen protestirt, dass er verjunkert gewesen sei, wenn er die liberalen Auffassungen betont, die er mit der Muttermilch eingesogen habe, so ist das nicht im Widerspruch mit dem Obigen... Ebenso sicher scheint mir, dass damals doch die junkerlichen Ideen, die Lehren Hallers und Stahls bei ihm überwogen, und dass ihn erst die Erfahrung und das Alter dazu brachten, sich und seine damaligen Bestrebungen als ständischliberal zu bezeichnen". Изъ сборника—„Zu Bismarcks Gedächtnis", v. G. Schmoller, M. Lenz, E. Marcks. III Aufl; Z., 1899, прим. на стр. 9. См. также у M. Lenz'a—„Geschichte Bismarcks"—L., 1902, глава—„Jugendjahre".

убѣжденія"; хотя Бисмаркъ сразу—въ началѣ своей политической дѣятельности (на первомъ соединенномъ ландтагѣ) выступилъ защитникомъ абсолютизма, но его идеаломъ являлось свободное самоограниченіе монарха. Бисмаркъ былъ сторонникомъ свободной критики дѣйствій правительства въ прессѣ и парламентѣ, дабы этимъ оградить монархію отъ опасностей придворнаго авантюризма. Болѣе близкое знакомство съ жизнью двора укрѣпило его въ этихъ взглядахъ. „Если я выступилъ въ защиту поземельнаго владѣнія, то я сдѣлалъ это не въ интересахъ владѣющихъ членовъ моего сословія, а потому, что въ гибели сельскаго хозяйства вижу одну изъ величайшихъ опасностей для нашего государственнаго бытія", продолжаетъ Бисмаркъ: „идеаломъ для меня всегда являлась монархическая власть, которая должна контролироваться независимымъ, на мой взглядъ, сословнымъ или профессіонально-корпоративнымъ представительствомъ (Landesvertretung), такъ чтобы монархъ или парламентъ могли мѣнять существующее по закону правовое положеніе не односторонне, а communi consensu, при публичности и публичной критикѣ всѣхъ проявленій государственной жизни прессой и ландтагомъ" [1]). Если не придавать большого значенія послѣдней прибавкѣ и не толковать термина „парламентъ" въ современномъ смыслѣ, то передъ нами довольно ясно вырисовывается идеалъ „сословной монархіи", свойственный дворянству вообще и, конечно, противорѣчащій абсолютизму неограниченному, бюрократизму, лозунгу новаго времени, провозглашенному иными общественными силами. Свое настроеніе Бисмаркъ опредѣлилъ, какъ „ständisch-liberale Stimmung". Конечно, и выраженіе „либеральный" надо принимать cum grano salis. Въ одномъ смыслѣ, пожалуй, безпрепятственно можно признать тогдашній либерализмъ Бисмарка: съ точки зрѣнія торговой политики. По тогдашнимъ комбинаціямъ свобода вывоза хлѣба и ввоза индустріальныхъ продуктовъ была выгодна поземельному дворянству, какъ обезпечивающая наиболѣе высокія цѣны на сельско-хозяйственные продукты и наименьшія траты въ качествѣ потребителя фабрикатовъ. Въ этомъ смыслѣ либерализмъ прусской земельной аристократіи

[1]) „Gedanken und Erinnerungen", ibid., s. 15—16.

такой-же, каковъ былъ въ Россіи при Импер. Николаѣ I-мъ. Но и этотъ либерализмъ Бисмарка, какъ мы увидимъ изъ ближайшаго, придется существенно ограничить, въ виду той характерной позиціи, которую занялъ Бисмаркъ по отношенію къ ремесленному вопросу, такъ настойчиво выдвинувшемуся въ Германіи въ срединѣ прошлаго вѣка.

Сильная натура будущаго канцлера имперіи, конечно, не могла удовлетвориться деревенскимъ одиночествомъ, и когда въ 1842 г. матеріальныя условія значительно поправились, Бисмаркъ сталъ томиться невозможностью примѣнить свои богатыя дарованія. Онъ дѣлаетъ снова неудачную попытку (1844) создать себѣ карьеру на государственной службѣ. Гордый дворянинъ съ отвращеніемъ относится къ чиновничеству и, не стѣсняясь, высказываетъ свое пренебреженіе къ бюрократической мудрости и этикету. Продолжается періодъ томительныхъ исканій, продолженія самообразованія и устройства семейныхъ дѣлъ, пока, наконецъ, 1847 г. не выдвигаетъ Бисмарка на общественную арену, сначала въ скромной роли депутата Соединеннаго Ландтага.

Фридрихъ Вильгельмъ IV, романтически настроенный монархъ, кончившій умопомѣшательствомъ, заявилъ при восшествіи на престолъ, что не допуститъ вмѣшательства въ установленное Самимъ Богомъ отношеніе короля къ своей странѣ, и нашелъ лучшимъ способомъ исполнить конституціонныя обѣщанія своего предшественника патентомъ отъ 3 февр. 1847 г. о созывѣ „соединеннаго ландага“, законосовѣщательнаго учрежденія при коронѣ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ своими средневѣковыми идеалами, Фридр. Вильгельмъ хотѣлъ установить сословное представительство: въ тронной рѣчи 11 апр. онъ сказалъ, что депутаты призваны представлять права сословія и трона, но не мнѣнія. И даже этотъ соединенный ландтагъ онъ разбилъ на двѣ куріи—„Herrenkurie и Ständekurie“ (дворянство и поземельные владѣльцы городовъ и округовъ). Первая состояла изъ 72 представителей высшаго дворянства, вторая — насчитывала 231 дворянина, 182 представителя городовъ и 120 крестьянъ. Ландтагъ настолько не соотвѣтствовалъ общимъ ожиданіямъ, что въ либеральныхъ кругахъ возникла даже мысль не принимать этого „дара короны“, мысль, не встрѣтившая поддержки. Первымъ дѣломъ ландтага было составленіе адреса, выражающаго народное разочарованіе дарованнымъ учрежденіемъ и надежду, что обѣщанныя Вильгельмомъ III „права“ будутъ, наконецъ, осуществлены. Со стороны монарха послѣдовалъ рѣзкій отпоръ, и Бисмаркъ, прибывшій въ серединѣ мая 1847 г. въ качествѣ замѣстителя одного заболѣвшаго депутата, застаетъ ландтагъ въ разрывѣ съ монархомъ. Сословно-либеральное его настроеніе, при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью, превращается въ консервативное. Его непріятно поражаетъ тонъ рѣчей—„несимпатичный способъ оппозиціи перваго соед. ландтага“: горячія реплики сторонниковъ новаго порядка казались ему—„importirte Phrasen-Chablone“ [1]), и онъ становится на сторону короны: „я чувствовалъ, что король стоитъ на правильномъ пути“, говоритъ Бисмаркъ, и ему надо продоставить время завершить свое дѣло.

Нижеслѣдующія выдержки изъ первыхъ рѣчей Бисмарка-депутата показываютъ, какъ энергично онъ началъ отстаивать права короны. 17 мая 1847 г. онъ говорилъ послѣ стараго поборника политической свободы ф. Заукена, который, вспоминая освободительную войну 1813 г., приписывалъ ея успѣхи не только ненависти противъ иноземнаго угнетателя, но и народному стремленію къ эмансипаціи внутренней. Бисмаркъ отказывается искать другихъ причинъ патріотическаго воодушевленія и даже находитъ оскорбительными для національной чести такіе поиски. Рѣчь его вызвала цѣлую бурю негодованія, которое ораторъ выдержалъ весьма стойко. На заявленіе депутата Siebig'a, что Бисмаркъ въ то время не жилъ и не можетъ правильно судить о народномъ настроеніи, онъ отвѣчалъ: „я всегда думалъ, что рабство, противъ котораго тогда боролись, находилось заграницей; но только-что мнѣ преподнесли поученіе, что оно находилось внутри страны; за это разъясненіе я не особенно благодаренъ“ [2]), Въ своихъ воспоминаніяхъ по поводу этой первой парламентской рѣчи Бисмаркъ отмѣчаетъ, что ему казалось совершенно недостойнымъ націи представлять счетъ королю за войну, въ которой нація сама себя освободила. Еще

[1]) Ibid., s. 17.

[2]) L. Hahn. Fürst Bismarck. Sein politisches Leben und Wirken — urkundlich in Thatsachen und des Fürsten eigenen Kundgebungen dargestellt, I Band, Berl. 1870, s. 7.

опредѣленіе въ политическомъ отношеніи вторая рѣчь, произнесенная 1 іюня 1847 г., озаглавленная „über den monarchischen Rechtsboden in Preussen".

Дѣло касалось различныхъ предложеній объ измѣненіи сословнаго законодательства и регулярнаго созыва ландтага. Бисмаркъ оспариваетъ у ландтага право быть верховнымъ судьей въ дѣлѣ толкованія королевской деклараціи. „Вопросъ въ томъ, кто имѣетъ право давать аутентическое, обязательное толкованіе. На мой взглядъ, только король, и это убѣжденіе, я увѣренъ, лежитъ въ правосознаніи нашего народа". Считая весьма одностороннимъ заявленіе о недовольствѣ народа патентомъ 3 февр., Бисмаркъ утверждаетъ, что въ деревнѣ господствуетъ „старое прусское народное мнѣніе, что слово короля значитъ больше, чѣмъ всѣ толкованія вкривь и вкось буквъ закона". Параллели съ англійскимъ освободительнымъ движеніемъ Бисмаркъ находитъ совершенно неподходящими. Англійскій народъ послѣ столѣтней революціонной и междоусобной войны пригласилъ Вильгельма Оранскаго: „напротивъ того, прусскіе монархи владѣли фактически неограниченной короной не по волѣ народа, а милостью Бога, и изъ этихъ правъ добровольно уступили часть народу: примѣръ — рѣдкій въ исторіи" [1]). Поэтому — безусловное довѣріе слову монарха и прекращеніе неделикатнаго давленія на правительственную власть. Впрочемъ, самъ Бисмаркъ присоединяется къ мнѣнію большинства, что періодическій созывъ ландтага—необходимъ, но петиція объ этомъ несвоевременна. Не менѣе интересна и характерна рѣчь 15 іюня по вопросу о допущеніи евреевъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ (кромѣ дѣлъ христіанской церкви и обученія). Собирателями рѣчей это слово Бисмарка названо: „Пруссія — христіанское государство"; въ ней видятъ зародыши расцвѣтшаго впослѣдствіи у канцлера „христіанскаго соціализма". Бисмаркъ смѣло заявляетъ о своей принадлежности къ тому теченію, которое было названо въ засѣданіи „мрачнымъ, средневѣковымъ", теченію, „все еще пытающемуся остановить болѣе свободное развитіе христіанства". Бисмаркъ — не врагъ евреямъ, и даже въ христіанскомъ смиреніи прощаетъ имъ, если они хотятъ быть

[1]) Hahn, ibid., s. 8.

его врагами. Онъ даже любитъ ихъ „при извѣстныхъ условіяхъ", но не можетъ примириться съ мыслью, что имъ могутъ стать доступны высшія должности. Христіанское государство—не есть выдумка философовъ; это понятіе такъ же старо, какъ „священная Римская Имперія", какъ всѣ европейскія государства, для которыхъ оно явилось моральной почвой. Для Бисмарка формула „божіей милостью" — не пустой звукъ. Задача христіанскаго государства—„реализировать, осуществлять христіанское ученіе". Правда, это не всегда удается, но цѣль остается прежней. Можно ли ее достигнуть съ помощью евреевъ? Отрицательный отвѣтъ ясенъ самъ собою. Государство безъ христіанскаго фундамента, на абстрактныхъ понятіяхъ гуманности, существовать не можетъ. Въ этой рѣчи впервые отзывается Бисмаркъ о соціализмѣ, и страннымъ образомъ христіанство оказывается у него орудіемъ противъ соціалистическихъ идей. „Я не понимаю, какимъ образомъ въ такихъ государствахъ можно было бы оспаривать идеи, напр. коммунистовъ—о неморальности собственности, о высокой этической цѣнности воровства, какъ попытку возстановить прирожденныя права людей... Вѣдь и эти идеи выдаются ихъ носителями за гуманныя и даже разсматриваются, какъ истинный цвѣтъ гуманности" [1]). Въ дебатахъ по этому вопросу Бисмаркъ нападалъ на депутатовъ за слабое развитіе національнаго чувства, за стремленіе искать образцы для подражанія у иностранцевъ. Бисмаркъ упрекалъ даже нѣмцевъ вообще за неумѣніе приносить свою жизнь въ жертву для блага родины безъ всякихъ побочныхъ соображеній.

Какъ видимъ, нѣтъ въ этихъ первыхъ выступленіяхъ депутата Бисмарка чего-либо, существеннымъ образомъ выдѣляющаго его изъ членовъ сословія: націонализмъ, имъ высказанный, не носитъ печати германскаго; соціальная роль государства опредѣляется „средневѣковыми" формулами; самоограниченіе абсолютной власти короля сословными правами (преимущественно дворянства) его удовлетворяетъ.

III.

Поведеніе Бисмарка въ революціонный періодъ достаточно извѣстно, чтобы на немъ останавливаться съ подроб-

[1]) Hahn, ibid., s. 10.

ностью. Отмѣтимъ только, что корона нашла въ немъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ защитниковъ ея прерогативъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Бисмаркъ весьма увлекательно разсказываетъ о планахъ поднятія возстанія противъ „уступленнаго революціонерамъ“ Берлина, о предполагавшемся соединеніи крестьянъ съ войсками для освобожденія короля. Конституціонныя увлеченія монарха подѣйствовали весьма удручающимъ образомъ на „спасителя отечества“, и онъ, при случаѣ, въ довольно грубой формѣ далъ это королю почувствовать. Трудно рѣшить, искренними-ли побужденіями опредѣляется поведеніе Бисмарка въ эту пору, или его толкало честолюбіе, не находившее до сихъ поръ выхода. Скорѣе слѣдуетъ высказаться за искренность, но не въ смыслѣ крайней приверженности къ монархическому принципу, а объясняемую боязнью предъ демократіей. Такъ или иначе, но соціально-политическія симпатіи Бисмарка были на сторонѣ „стараго порядка“, какъ онъ это доказалъ своими первыми рѣчами. И нѣтъ ничего удивительнаго, что отпрыскъ гордаго феодальнаго рода испугался крушенія прежнихъ устоевъ.

Извѣстная близость къ монарху и широкая популярность въ консервативныхъ кругахъ, во всякомъ случаѣ, Бисмаркомъ была достигнута въ „безумный“ годъ, и онъ смѣло могъ разсчитывать, что имъ при первомъ подходящемъ случаѣ воспользуются. Если его услуги сначала и отклонялись, то лишь вслѣдствіе слишкомъ откровеннаго характера выступленій будущаго канцлера Имперіи [1]). Но самъ Бисмаркъ зналъ, что дѣлаетъ. При установившихся на нѣкоторое время политическихъ условіяхъ Бисмарку трудно было развернуться въ законодательныхъ учрежденіяхъ; поэтому, послѣ закрытія второго соединеннаго ландтага, въ которомъ онъ принималъ участіе въ качествѣ депутата, Бисмаркъ не выставлялъ кандидатуры ни въ Національное Собраніе, ни въ „нѣмецкій парламентъ“ во Франкфуртѣ. Изъ его рѣчей во второмъ соединенномъ ландтагѣ особенно вниманіе привлекаютъ слова, сказанныя имъ при обсужденіи адреса. Бисмаркъ высказывается противъ принятія послѣдняго, такъ

[1]) Характерно замѣтка короля о Бисмаркѣ: „Roter Reaktionär, riecht nach Blut, vielleicht später einmal zu brauchen“. См. „Zu Bism. Gedächtnis“, l. c., s. 9.

какъ въ немъ ясно чувствуется радость по поводу событій послѣднихъ дней: „прошлое—погребено!“ И Бисмарку тѣмъ больнѣе, что „сама корона бросила землю на свой гробъ“ [1]). Правда, Бисмаркъ первый выскажетъ благодарность тому, кто съумѣетъ при новыхъ условіяхъ создать единое нѣмецкое отечество, но теперь онъ считаетъ задачу неразрѣшимой. Ясно, что, въ силу одного уже происхожденія ландтага и франкфуртскаго парламента, онъ долженъ былъ относиться къ нимъ недоброжелательно. Отсюда—отрицательное отношеніе и къ тенденціи объединиться, столь ярко выразившейся въ годъ революціи. Демократическая форма этого стремленія была глубоко несимпатична Бисмарку; чувствуя еще, что старый порядокъ имѣетъ почву подъ ногами, онъ и не вѣрилъ въ успѣхъ демократіи. Оставалось ждать новаго coup d'état, который не замедлилъ явиться. Въ ландтагъ, образованный новой октроированной конституціей, Бисмаркъ пошелъ. Избирателямъ своимъ (рѣчь въ Ратеновѣ) онъ рисовалъ программу своихъ дѣйствій, какъ попытку снова „скрѣпить старыя узы довѣрія между короной и народомъ“ [2]), дабы вновь дѣйствовалъ законъ и преуспѣвали мирные граждане... Отъ первыхъ рѣчей Бисмарка во второй Камерѣ вѣетъ глубоко реакціоннымъ настроеніемъ. 21 марта онъ высказывается противъ отмѣны осаднаго положенія въ Берлинѣ, нападаетъ на „распущенность“ прессы и пр.; однимъ словомъ, говоритъ то, что полагается въ такихъ случаяхъ господамъ положенія. Само собою разумѣется, что, возмущаясь постояннымъ употребленіемъ другими ораторами слова „народъ“, самъ онъ аппеллируетъ къ нему-же и грозитъ отъ имени „прусскаго народа“ его самозваннымъ друзьямъ. Характерна и рѣчь, произнесенная на слѣдующій день—противъ амнистіи. Изъ этой, какъ и другихъ рѣчей политическаго характера, не относящимися непосредственно къ нашей задачѣ, мы беремъ только самое существенное, важное въ смыслѣ обрисовки пріемовъ Бисмарка. Дѣлая формальный отводъ противъ законопроекта объ амнистіи, ибо послѣдняя есть прерогатива монарха, Бисмаркъ и по существу высказывается противъ: частыя амнистіи расшатываютъ право-

[1]) Hahn, ibid., 11.
[2]) Ibid., s. 11.

сознаніе народа, а затѣмъ, онѣ—негуманны: если прощать бунтовщиковъ, то солдаты будутъ съ ними болѣе круто расправляться. Изъ рѣчи 10-го апрѣля легко можно усмотрѣть причины недовольства тогдашнимъ нѣмецкимъ объединительнымъ движеніемъ: „франкфуртская конституція предлагаетъ королю получить свою, до сихъ поръ свободную корону, какъ ленъ отъ франкфуртскаго парламента“ [1]), но принять такое предложеніе—значитъ перестать править. Вѣроятно, если-бы корона предлагалась дворянствомъ, Бисмаркъ оказался-бы менѣе непримиримымъ. Въ данномъ случаѣ, онъ выдвигаетъ на первый планъ исконные прусскіе интересы съ прусскимъ правосознаніемъ („vom Gottes Gnaden“) и желаетъ, чтобы Пруссія оставалась Пруссіей. Провозглашаемый франкфуртскимъ парламентомъ принципъ народнаго суверенитета—ложенъ и чуждъ родинѣ „роялистскаго“ депутата. И въ другихъ своихъ рѣчахъ, относящихся къ этому періоду, будущій основатель Германской Имперіи стоитъ на шовинистической „чисто-прусской“ точкѣ зрѣнія, защищая всѣми силами „Preussenthum“. Интересно, до какой степени повсюду совпадаютъ характеристики „истинно-національныхъ“ свойствъ. „Тѣсное взаимоотношеніе между королемъ и народомъ, приверженность прусскаго населенія къ династіи, честность, вѣрность, послушаніе, храбрость“ и пр. Въ перечисленіи этихъ качествъ тонутъ плоды усилій Фридриха Великаго—отличная администрація, бюрократическій навыкъ. Тѣмъ не менѣе, въ этихъ рѣчахъ Бисмаркъ уже высказывалъ тѣ аргументы, къ которымъ ему пришлось прибѣгнуть впослѣдствіи, при проведеніи своихъ соціальныхъ реформъ. Только масштабъ долженъ былъ быть нѣсколько инымъ.

Итакъ, народъ и армія—а она, вѣдь, представитель народа—довольны и гордятся именемъ „Пруссія“. Мечтать о пересажденіи на прусскую почву англійскихъ или французскихъ условій—нечего: въ Пруссіи, какъ характерно выражается Бисмаркъ, „ist verfassungsmässig seit Jahrhunderten ein selbstständiges Königthum“ [2]). То же касается и другихъ условій общественной жизни. У прусскаго народа—„христіанское правосознаніе“ (высказано по поводу проектовъ

[1]) Hahn, ib., s. 16.
[2]) Ibid., s. 23.

о введеніи гражданскаго брака). При такомъ настроеніи Бисмарка корона могла, очевидно, смѣло разсчитывать на энергичное отстаиваніе имъ интересовъ Пруссіи въ Союзномъ Совѣтѣ, почему и употребила его, прежде всего для этой цѣли.

Центръ нашего вниманія въ данномъ абзацѣ направленъ, однако, не въ эту сторону: насъ интересуютъ, главнымъ образомъ, соціально-экономическіе взгляды Бисмарка. Они развернулись въ рѣчи 18 окт. 1849 г. при обсужденіи „ремесленнаго“ вопроса. Общія тенденціи класса ремесленниковъ и ихъ литературы извѣстны уже изъ первой части работы. Тамъ была выяснена реакціонная почва ихъ симпатій и возможность, на почвѣ дѣйствительной нужды, чисто внѣшнихъ соприкосновеній съ соціализмомъ. Соціально-консервативная фигура Марло должна имѣться нами въ виду, при ознакомленіи съ нижеслѣдующею рѣчью Бисмарка. Почва для своеобразнаго государственнаго соціализма въ ней уже имѣется. Бисмаркъ признаетъ наличность крайней нужды среди ремесленниковъ, которую онъ изображаетъ, если угодно, даже съ извѣстной теплотой къ страдающимъ. Причины обѣдненія видитъ Бисмаркъ отчасти въ „естественныхъ“ условіяхъ—перемѣнѣ потребленія и оборота, отчасти въ новыхъ, внесенныхъ революціей, принципахъ промышленнаго законодательства—„свободѣ промысловъ“. Бисмаркъ говоритъ о давленіи „капитала на трудъ“ и о „перепроизводствѣ“. Государству надо вмѣшаться въ эту область, не страшась стѣснять „свободу отдѣльнаго лица“. Слѣдующій аргументъ, по существу, во многихъ пунктахъ сходенъ съ извѣстной лассалевской защитой принципа государственной помощи: „Если не боятся ограничивать свободу индивидуума въ другихъ отношеніяхъ, если не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній таможенное покровительство, то почему колеблются защитить существованіе ремесленнаго сословія принудительными законодательными нормами? Акціонеръ желѣзныхъ дорогъ требуетъ гарантіи своихъ процентовъ, фабрикантъ, горнопромышленникъ, владѣлецъ кораблей, виноградниковъ и пр. требуютъ защиты своей индустріи таможенными пошлинами за счетъ потребителей; почему-же Вы не хотите оказать такое же преимущество и ремесленному сословію, классу—болѣе многочисленному и умѣренному? Фабрики обогащаютъ от-

дѣльныхъ лицъ, но создаютъ массу пролетаріевъ, плохо питаемыхъ и благодаря необезпеченности своего положенія опасныхъ для государства рабочихъ; между тѣмъ какъ ремесленное сословіе составляетъ ядро средняго класса,—органа, необходимаго для здоровой государственной жизни, поддержаніе котораго мнѣ представляется столь же важнымъ, какъ образованіе свободнаго крестьянскаго сословія въ началѣ этого столѣтія, ради котораго не стѣснялись дѣлать весьма серьезныя покушенія на право и собственность. Конечно, промышленная свобода доставляетъ много удобствъ публикѣ, она предлагаетъ дешевые товары, но эта дешевизна отравлена нищетой и дѣйствіями ремесленничества, идущаго навстрѣчу свой гибели, и я думаю, что наши дешевые сюртуки изъ лавокъ должны бы сидѣть на насъ неудобно, разъ ихъ производители не знаютъ, какъ пропитать себя честнымъ образомъ“ [1]). Длинная цитата изъ рѣчи соотвѣтствуетъ ея важности. Аттака представителя стараго хозяйственнаго уклада противъ капитализма ведется, несомнѣнно, удачно. На лицо также здѣсь тотъ „этическій“ моментъ при оцѣнкѣ хозяйственныхъ явленій, о которомъ понемногу начинала въ это время говорить нѣмецкая экономическая наука. Въ силу указаннаго, Бисмаркъ всецѣло становится на почву принципа принудительности цеховъ,—и на слѣдующій день посвящаетъ цѣлую рѣчь его защитѣ. Цехи представляются Бисмарку весьма цѣлесообразными учрежденіями съ соціально-политической точки зрѣнія; но ихъ польза сведется на нѣтъ, разъ будетъ отсутствовать обязанность замыкаться въ корпораціи. Приводить цѣликомъ всѣ аргументы Бисмарка въ пользу цеховъ—неинтересно: скажемъ только, что ему улыбается образъ планомѣрно-организованной экономики, гдѣ нѣтъ мѣста личному произволу и „мятежнымъ страстямъ“. Въ особенности интересны противопоставленія силѣ капитала мощи ассоціаціи. Констатируя гнетъ крупныхъ предпріятій, Бисмаркъ представляетъ себѣ возможность посредствомъ кооперациіи и мелкимъ единицамъ усвоить себѣ всѣ выгоды крупнаго производства (напр., закупка сырья, и пр.). Въ рамкахъ принудительной корпораціи можно бу-

[1]) R. v. Poschinger. Fürst Bismarck, als Volkswirth. I Band. Berlin, 1889, s. 4—5.

детъ бороться и противъ крайняго дробленія занятій, столь вредно отражающемся на нынѣшнемъ воспитаніи подмастерья („что можетъ значить человѣкъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ только пришивающій пуговицы?“). Въ этомъ пунктѣ, дѣйствительно, соціальный консерватизмъ сходится нѣсколько съ соціализмомъ,—и Бисмаркъ вращается въ плоскости соціалистической критики. Нарушеніе принциповъ „правового“ государства его совершенно не смущаютъ. Онъ вспоминаетъ различныя „благодѣянія“ прусскаго государства, несомнѣнно проведенныя съ извѣстной степенью насилія (напр. раздѣлъ общинныхъ земель) и, тѣмъ не менѣе, имѣвшія громадное культурное значеніе. Принудительныя ремесленныя корпораціи имѣютъ такой же характеръ, какъ покровительственныя пошлины;—къ этой мысли Бисмаркъ возвращается неоднократно и очень искусно такимъ аргументомъ выбиваетъ почву изъ-подъ ногъ у противниковъ. На заявленія сторонниковъ „свободы промышленности“, что наемнымъ рабочимъ живется весьма недурно, Бисмаркъ отвѣчаетъ, что совершенно неизвѣстны случаи перехода рядового рабочаго въ капиталисты, тогда какъ деревенскіе батраки, въ его, по крайней мѣрѣ, провинціи, нерѣдко дѣлаются самостоятельныии хозяевами. „Индустріализмъ“, такимъ образомъ, представляется, какъ общественное зло; дешевизна продуктовъ, имъ приносимая, какъ ядъ, разлагающій общественное тѣло, вносящій анархію. Только что отмѣченная идея принудительныхъ ремесленныхъ корпорацій, столь гармонирующая съ общимъ обликомъ консерватора, не исчезаетъ совершенно безслѣдно у Бисмарка: благополучно переживъ время его экономическаго либерализма, она вновь вспыхиваетъ въ эпоху соціальной политики.

Горячія симпатіи Бисмарка къ „аграрному“ государству не нашли особенно яркаго выраженія въ рѣчахъ этого періода. Конечно, ихъ легко усмотрѣть изъ вышеприведеннаго; о томъ-же свидѣтельствуютъ и „Воспоминанія“ канцлера [1]). Однако, аграрнымъ тенденціямъ Бисмарка суждено было развернуться во всемъ блескѣ позднѣе. Тѣмъ не менѣе, сдѣлаемъ нѣкоторыя указанія. Бисмаркъ поль-

[1]) „Въ упадкѣ сельскаго хозяйства я вижу одну изъ величайшихъ опасностей для нашего государственнаго состоянія“, G. und Er., I, s. 15.

зуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы кольнуть представителей движимаго капитала, въ особенности ссуднаго, „рѣжущихъ купоны“. Отмѣчаетъ тяжелый характеръ поземельной подати, которая обладаетъ свойствомъ уменьшать цѣнность состоянія на капитализированную изъ нея сумму, чего нѣтъ въ другихъ „промыслахъ“. Съ горечью характеризируетъ владѣльцевъ дворянскихъ помѣстій („Rittergutsbesitzer“), какъ „паріевъ 19-го столѣтія“ [1]). Высказывается рѣшительное предпочтеніе косвенному обложенію передъ прямымъ (налогу на помолъ зерна и убой скота передъ „классовой“ податью); Бисмаркъ убѣжденъ, что косвенные налоги имѣютъ тенденцію равномѣрно распредѣляться между различными группами населенія. Надо, однако, прибавить, что и въ это время у Бисмарка вовсе не замѣчается чисто обскурантистскихъ стремленій, доходящихъ у нѣкоторыхъ до полнаго отрицанія всѣхъ культурныхъ пріобрѣтеній новаго времени. Отмѣтимъ, въ дополненіе къ предыдущимъ разсужденіямъ Бисмарка о ремесленникахъ, что онъ рѣшительно отводитъ отъ себя обвиненіе въ желаніи создать кастовый духъ; онъ подчеркиваетъ желательность и возможность при его системѣ свободнаго пополненія принудительныхъ цеховъ лицами „со стороны“. Согласуются ли съ этимъ его планы или нѣтъ, вопросъ—другой, и для насъ сейчасъ неинтересный; но важно отмѣтить все-же нѣкоторое отступленіе отъ „средневѣковыхъ идеаловъ“, какъ однажды охарактеризовалъ свои воззрѣнія Бисмаркъ.

Мы выбрали все, самое существенное, что можетъ обрисовать соціально-хозяйственныя воззрѣнія великаго человѣка, выступающаго на общественную арену. Легко видѣть, что ихъ первоначальный строй—рѣзко антилибераленъ, по своимъ основнымъ моментамъ; и антилиберализмъ этотъ былъ усиленъ революціонной вспышкой въ Германіи. Главный источникъ протеста противъ капиталистическаго режима лежитъ, конечно, въ „аграрныхъ“ настроеніяхъ. Если-бы Бисмаркъ присматривался къ эволюціи нѣмецкой экономической науки и захотѣлъ опредѣлить къ ней свое отношеніе, то, разумѣется, оказался-бы на сторонѣ исторической, націоналистической и общественно-этической реакціи противъ смитіанизма. Слѣдовательно, переломъ, наступившій въ концѣ 70-хъ г., въ его „либеральныхъ“ воззрѣніяхъ, ни въ коемъ случаѣ не можетъ считаться неожиданнымъ, тѣмъ болѣе что мы сейчасъ увидимъ даже сохраненіе соціально-политической нити въ міросозерцаніи Бисмарка въ эпоху господства фритредеровъ. Если анализъ развитія соціально-политическихъ идей въ нѣмецкой наукѣ показалъ намъ очевидную преемственность отъ гораздо болѣе раннихъ моментовъ, то аналогичная комбинація имѣется налицо и въ данномъ случаѣ.

[1]) v. Poschinger, ibid, s. 15.

Слѣдующее за описанными моментами время въ жизни Бисмарка на пространствѣ болѣе десятилѣтія въ нашей работѣ можетъ быть учтено лишь въ самой незначительной степени: Бисмаркъ погрузился въ „чистую“ политику, проходилъ высшую школу дипломатіи, сначала на посту посла во Франкфуртскомъ Bundestag'ѣ, а затѣмъ посла въ Петербургѣ и Парижѣ. Съ точки зрѣнія эволюціи его политическаго міросозерцанія и усвоенія дипломатическаго искусства эта эпоха представляетъ громадный интересъ; для насъ-же, не смотря на то, что многіе вопросы, въ постановкѣ и рѣшеніи которыхъ Бисмарку надлежало проявлять свою находчивость, относятся къ области хозяйственныхъ (напр. вопросъ о Zollverein'ѣ нѣмецкомъ въ бундестагѣ), данная полоса жизни не можетъ представить интереснаго матеріала [1]). Бисмаркъ здѣсь выступаетъ, какъ политикъ. Быть можетъ, въ этой школѣ онъ и научился окончательно подчинять свои экономическія тенденціи политическимъ, ставить политику на первый планъ и отводить экономикѣ второстепенное мѣсто,—свойство Бисмарка, которое такъ рѣзко бросается въ глаза при анализѣ его соціально-политическихъ мѣропріятій позднѣйшаго времени.

Выше было указано, что демократическая форма объединенія нѣмецкихъ странъ рѣшительно претила Бисмарку,—и онъ занялъ „чисто-прусскую“, „stockpreussisch“—точку зрѣнія въ этомъ вопросѣ. Этимъ опредѣляется его позиція и въ Эрфуртѣ, и во Франкфуртѣ. Получивши назначеніе въ Авг. 1851 г. представляетъ Пруссію въ бундестагѣ, онъ зорко

[1]) v. Poschinger, столь неутомимо собиравшій матеріалы для характеристики Бисмарка, замѣчаетъ объ этой эпохѣ: „So überreich das Material seiner desfallsigen Berichterstattung ist, so liefert es doch für unseren näheren Zweck nur eine geringe Ausbeute“..., ibid., s. 19.

сталъ слѣдить за тѣмъ, чтобы его ближайшее отечество не потерпѣло какого-либо урона со стороны Австріи. Рядъ дипломатическихъ пораженій (ос. Ольмютцъ), нанесенныхъ незадолго до этого Австріей Пруссіи, повидимому, совершенно отодвинувшій надежду на гегемонію Пруссіи въ Союзѣ нѣмецкихъ государствъ, заставилъ Бисмарка только быть еще болѣе зоркимъ. Въ высшей степени искусно молодой посланникъ боролся противъ стремленія Австріи охватить всю Германію на почвѣ таможеннаго объединенія и этимъ ослабить хозяйственное вліяніе Пруссіи тамъ, гдѣ она имъ обладала. Поднять престижъ Пруссіи и дать ей время собраться съ силами—вотъ основная задача, поставленная себѣ Бисмаркомъ. Для него уже тогда было ясно, что вопросъ о гегемоніи будетъ рѣшенъ „ferro et igni", какъ видно изъ письма къ мин. ф. Шейницу (въ 1859 г.—изъ Петербурга [1]). *Но если не имѣется прямыхъ указаній на сохраненіе и эволюцію* „соціально-консервативнаго" образа мыслей будущаго канцлера, то косвенныя данныя—взгляды единомышленниковъ Бисмарка—краснорѣчиво объ этомъ свидѣтельствуютъ. Наиболѣе показательными являются воззрѣнія H. Wagener'a, вдохновителя „Kreuzzeitung", съ которымъ Бисмаркъ сошелся и въ работѣ котораго принималъ дѣятельное участіе еще въ 1848-мъ г. Своеобразная роль „совѣтника Вагенера" была нами указана въ первой части книги. Предполагая извѣстнымъ читателю наше предшествующее изложеніе, мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее заключеніе. Если къ воззрѣніямъ Вагенера отнестись съ большею осторожностью, устранивъ нѣкоторую соціальную романтику и выдвинувъ на первый планъ значеніе политическаго фактора, то мы получимъ извѣстное представленіе о подоплекѣ общественно-экономическихъ воззрѣній Бисмарка того времени.

[1]) Вотъ какъ заканчивается это знаменитое письмо: Ich sehe in unserem Bundesverhältniss ein Gebrechen Preussens, welches wir früher oder später ferro et igni werden heilen müssen, wenn wir nicht bei Zeiten in günstiger Jahreszeit eine Cur dagegen vornehmen". См. Hahn, I B., s. 52.

Глава II-я.

Процессъ сложенія государственно-соціалистическихъ взглядовъ Бисмарка.

I.

Чѣмъ выше по іерархической лѣстницѣ подвигался Бисмаркъ, тѣмъ болѣе его консервативныя симпатіи теряли свою односторонность,—и „чисто прусская" юнкерская среда тѣмъ меньше могла его удовлетворять. Интуитивнымъ чувствомъ генія онъ понялъ, что врядъ-ли, даже по задуманному имъ плану объединенія нѣмецкихъ государствъ, можно осуществить дѣло съ помощью одной только „партіи крестовой газеты". Разногласія должны были начаться уже съ конца 50-хъ годовъ (60-й годъ—сближеніе Пруссіи съ Франціей, поставленное консерваторами въ вину Бисмарку), чтобы въ концѣ 60-хъ годовъ окончиться полнымъ на нѣкоторое время разрывомъ. Это предварительное замѣчаніе мы считали нужнымъ сдѣлать, прежде чѣмъ приступить къ обрисовкѣ соціально-экономической стороны его министерской дѣятельности, во избѣжаніе досадныхъ недоразумѣній. Въ знаменитой рѣчи 15 янв. 1867 г. въ палатѣ господъ на упрекъ консерватора v. Senft-Pilsach'a, что правительство разрываетъ съ партіей, вѣрно его поддерживавшей въ теченіе многихъ лѣтъ, Бисмаркъ отвѣтилъ: „если бы ораторъ самое короткое время стоялъ во главѣ правительства, то онъ бы сознался себѣ самому, что въ этомъ положеніи нѣтъ возможности слѣдовать партійнымъ взглядамъ. Большое государство управляется не по партійнымъ воззрѣніямъ: надо взвѣсить всѣ партіи, имѣющіяся въ странѣ, и въ результатѣ этого вывести линію, которой можетъ слѣдовать правительство" [1]). Эта точка зрѣнія исподволь составлялась у Бис-

[1]) Hahn, l. c., I B., s. 574.

марка, по мѣрѣ того какъ политикъ-дипломатъ побѣждалъ въ немъ другія стороны характера. Широту политич. міросозерцанія надо имѣть въ виду—при ознакомленіи съ наиболѣе яркими выступленіями Бисмарка, какъ министра. Какъ мы уже и раньше указывали, Бисмаркъ-политикъ ставитъ Бисмарка-экономиста въ подчиненное отъ себя положеніе. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что призванный въ 1862 г. на постъ министра-президента Бисмаркъ, въ столь тяжелую для правительства минуту, готовъ былъ употребить всякія средства для достиженія цѣли, т. е. перенесъ дипломатику извнѣ внутрь страны. Подъ этимъ угломъ зрѣнія приходится разсматривать почти всю послѣдующую государственную дѣятельность канцлера.

Окрѣпшій за 50-е годы, но все еще не находящій себѣ внѣшняго выраженія, либерализмъ смѣло поднимаетъ голову послѣ смерти короля и восшествія на престолъ его брата—будущаго императора Вильгельма I. Конфликтъ съ короною начался уже въ регентство Вильгельма—на почвѣ реорганизаціи арміи. Нельзя сказать, чтобы значительная часть либеральнаго общества не сочувствовала усиленію военнаго могущества Пруссіи, но она требовала установленія надлежащихъ конституціонныхъ гарантій. Внутренняя фальшь либеральной оппозиціи, на которую такъ смѣло указалъ Лассаль, заключалась въ томъ, что она мирилась со старой системой избирательнаго права, наивно усматривая въ себѣ дѣйствительныхъ представителей народа и этимъ открывая слабыя мѣста своей позиціи и правымъ, и крайнимъ лѣвымъ. При такихъ комбинаціяхъ, когда корона не обнаружила ни малѣйшей готовности пожертвовать своими прерогативами, оппозиція сплачивается въ сильную партію прогрессистовъ и опубликовываетъ свою программу 9 іюня 1861 г. Основными пунктами послѣдней были—отвѣтственность министровъ, уничтоженіе вотчинной полиціи, ослабленіе бюрократическаго гнета, уничтоженіе разныхъ другихъ пережитковъ стараго порядка. Но—всеобщаго избирательнаго права и соціальныхъ требованій рабочаго класса программа не затронула. Не нужно забывать, что вліяніе радикальной части буржуазіи въ рабочей средѣ было очень велико, и Лассалю не такъ-то легко было разбить политическій индифферентизмъ рабочихъ. Предстояло жестокое столкновеніе общества съ правительствомъ. Коронаціонная рѣчь въ Кенигсбергѣ не оставила въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Получивши при новыхъ выборахъ въ ландтагъ 161 мандатъ, прогрессисты начали компанію—на бюджетной почвѣ. Былъ внесенъ и принятъ законопроектъ о своевременномъ представленіи въ палату и большей спеціализаціи бюджета, законопроектъ, повлекшій роспускъ ландтага и смѣну министерства—уже на явно реакціонное. Новые выборы лишь укрѣпили положеніе прогрессистовъ. Законопроектъ, однако, былъ выполненъ, что дало поводъ къ преждевременной радости либераловъ. Ихъ требованіе о сокращеніи срока военной службы съ трехъ до двухъ лѣтъ правительство рѣшительно отклонило, какъ приближающее армію къ народу. Тогда ландтагъ 23 сент. 1862 г. громаднымъ большинствомъ 273 противъ 68 голосовъ вычеркнулъ изъ бюджета всѣ расходы по реорганизаціи арміи. Вильгельмъ растерялся и хотѣлъ отречься отъ престола въ пользу сына. Въ эту-то тяжелую для него минуту Роонъ выставляетъ кандидатуру Бисмарка, своего друга, состоявшаго въ это время посланникомъ въ Парижѣ и тщательно освѣдомляемаго обо всемъ.

Позволимъ себѣ привести крайне интересный разговоръ, какой былъ у Бисмарка съ королемъ 22-го сент. Показывая на актъ отреченія, лежащій на столѣ, Вильгельмъ заявилъ: „Ich will nicht regieren, wenn ich es nicht so vermag, wie ich es vor Gott, meinem Gewissen und meinen Unterthanen verantworten kann. Das kann ich aber nicht, wenn ich nach dem Willen der heutigen Majorität des Landtags regiren soll, und ich finde keine Minister mehr, die bereit wären, meine Regierung zu führen, ohne sich und mich der parlamentarischen Mehrheit zu unterwerfen. Ich habe mich deshalb entschlossen, die Regierung niederzulegen“ [1]). Бисмаркъ выразилъ полную готовность поддержать короля въ борьбѣ съ парламентаризмомъ,—и началась весьма интересная эпоха въ исторіи Пруссіи. 23 сент. (8 окт.) 1862 г. Бисмаркъ получаетъ постъ министра-президента и министра иностранныхъ дѣлъ. Политическая судьба Пруссіи и Германіи, въ значительной степени, оказывается у него въ рукахъ. Не смотря на то, что назна-

[1]) Такъ сообщаетъ объ этомъ Бисмаркъ въ своихъ „Gedanken und Erinnerungen“, I. B., s. 267.

ченіе Бисмарка было разсмотрѣно либералами, какъ государственный переворотъ, первыя его выступленія носятъ миролюбивый характеръ. Онъ предложилъ нѣкоторые министерскіе портфели старымъ представителямъ либерализма, что было отклонено послѣдними изъ-за невозможности отказаться отъ двухлѣтняго срока военной службы; Бисмаркъ рѣшился даже взять предварительно до соглашенія обратно законопроектъ о бюджетѣ. Въ бюджетной коммиссіи онъ подчеркивалъ желаніе мира со стороны правительства на почвѣ взаимныхъ уступокъ; но отмѣчалъ, что въ самомъ существенномъ пунктѣ правительство не можетъ сдать своей позиціи. Конечно, было сказано много непріятнаго для либеральной оппозиціи: „Германія смотритъ не на либерализмъ Пруссіи, а на ея силу". Откровенность министра зашла такъ далеко, что онъ не постѣснялся вскрыть подоплеку своихъ „общественныхъ" взглядовъ: „не рѣчами и постановленіями большинства рѣшаются великіе вопросы современности—въ этомъ заключалась ошибка 1848 и 1849 годовъ—а желѣзомъ и кровью" [1]). Суровая философія, но гораздо болѣе реалистическая, чѣмъ у его противниковъ.

Попутно было высказано глубокое презрѣніе къ прессѣ, которая, по убѣжденію Бисмарка, вовсе не выражаетъ „общественнаго мнѣнія". При такихъ условіяхъ, соглашеніе, очевидно, не могло быть достигнуто. Изъ моментовъ этого конституціоннаго конфликта, обрисовка котораго не входитъ въ задачу нашей работы, остановимся только на знаменитой рѣчи, произнесенной во время дебатовъ объ адресѣ королю послѣ открытія въ 1863 г. ландтага. Вчитываясь въ неё, видишь, насколько Бисмаркъ, по уровню своего политическаго пониманія, стоялъ выше палаты депутатовъ: какъ-бы ни были циничны его заявленія и аппелляціи къ силѣ, они, все-таки, производятъ больше впечатлѣнія, чѣмъ словесныя изліянія оппозиціи, не умѣвшей укрѣпиться въ широкихъ народныхъ массахъ. Въ сущности, Бисмаркъ оказался ученикомъ Лассаля,—и въ болѣе грубой формѣ бросалъ въ лицо депутатамъ идеи, проникающія извѣстную рѣчь Лассаля „о сущности конституціи". Бисмаркъ иронически благодаритъ коммиссію, представившую проектъ адреса, за

[1]) См. Hahn, I. B. s. 66—67.

ясную постановку вопроса: „этимъ адресомъ отъ королевскаго дома Гогенцоллерновъ его правительственныя права отнимаются и передаются большинству палаты депутатовъ". Но въ Пруссіи дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ, какъ въ Англіи: монархъ правитъ черезъ своихъ министровъ—и скорѣе надо называть нарушеніемъ конституціи желаніе депутатовъ подчинить своей волѣ короля и палату господъ. Въ законодательной сферѣ Пруссіи конкуррируютъ между собой три силы: корона, палата господъ и депутатовъ. „Каждая изъ трехъ конкуррирующихъ силъ въ теоріи—неограничена, и обладаетъ одинаковой силой". Случай отсутствія соглашенія конституціей не предусмотрѣнъ; но рѣшеніе конфликта аналогично западнымъ обычаямъ не соотвѣтствуетъ прусской конституціи. Послѣдняя настойчиво указываетъ тремъ заинтересованнымъ сторонамъ на необходимость компромисса. „Если-же компромиссъ затрудняется тѣмъ, что одна изъ заинтересованныхъ сторонъ желаетъ проводить свои воззрѣнія съ доктринерскимъ абсолютизмомъ, то цѣпь компромиссовъ разрывается, и ихъ мѣсто заступаютъ конфликты, которые становятся вопросами силы, т. к. государственная жизнь остановиться не можетъ. Кто имѣетъ силу, тотъ и поступаетъ по-своему, такъ какъ государственная жизнь ни на одно мгновеніе не можетъ замереть" [1]). Собственно говоря, эти слова были вызовомъ, брошеннымъ либеральной оппозиціи, вызовомъ, показывающимъ, что въ своихъ силахъ Бисмаркъ былъ увѣренъ, а въ силахъ оппозиціи сомнѣвался. Дальнѣйшія событія показали, что онъ не ошибся въ такой оцѣнкѣ „Machtverhältnisse". Стремясь къ парламентаризму, оппозиція также нарушала дѣйствующую конституцію, какъ и корона, обходившаяся въ проведеніи бюджета безъ палаты депутатовъ: вопросъ былъ только въ томъ, кто кого осилитъ. Не будучи, по своему феодальному происхожденію, безусловнымъ поклонникомъ чистаго абсолютизма, Бисмаркъ въ данномъ случаѣ боролся за свое дѣло, за свои планы объединенія Германіи, — и въ этомъ смыслѣ надо толковать его приверженность къ монархическому принципу. Рѣчь свою онъ закончилъ весьма знаменательной фразой: „прусская монархія еще не выполнила своей миссіи, она

[1]) Hahn, l. c. I B., s. 88—90.

еще недостаточно созрѣла для того, чтобы стать простымъ орнаментомъ вашего конституціоннаго зданія, еще не созрѣла, чтобы быть въ качествѣ мертвой части машины, включенной въ механизмъ парламентарнаго правленія“ [1]). Необходимо помнить, при чтеніи этихъ рѣзкихъ цитатъ, что съ предположеніями Бисмарка отнюдь не согласовалось углубленіе конституціоннаго конфликта: внѣшній престижъ Пруссіи, столь нужный при назрѣвающихъ событіяхъ, многое терялъ отъ такой комбинаціи. Лассаль, расцвѣтъ агитаціонной дѣятельности котораго относится какъ разъ къ данному моменту, отлично понималъ суть дѣла и рекомендовалъ палатѣ депутатовъ снять съ дѣйствій правительства даже тотъ остатокъ лже-конституціонализма, который сохранялся при функціонированіи ландтага: Лассаль совѣтовалъ прекратить засѣданія. Соображая тогдашнія условія, едва-ли не приходится такой совѣтъ признать наиболѣе цѣлесообразнымъ для оппозиціи; однако, успѣшность пріема зависѣла отъ сочувствія демократіи, а въ этомъ пунктѣ прусскій либерализмъ былъ слабъ. Оттолкнувши отъ себя Лассаля, прогрессисты допустили кардинальнѣйшую ошибку, ибо лучше было имъ имѣть его въ качествѣ союзника, чѣмъ врага. Правительство быстро учло выгодную для себя конъюнктуру. „Kreuzzeitung“ съ самаго начала выступленія Лассаля злорадно отмѣчала правильность во многихъ отношеніяхъ его позиціи, оказываясь въ положеніи „tertius gaudens“. Въ первой части нашей работы мы вскрыли нѣкоторые сомнительные элементы въ „системѣ“ Лассаля, подсказанные какъ ея общей дефектной структурой, такъ и темпераментомъ агитатора. Такъ или иначе, но Бисмаркъ, который разсматривалъ теперь весь міръ съ точки зрѣнія внѣшнеполитическихъ комбинацій, весьма склоненъ былъ воспользоваться неожиданной помощью. Управлять—значитъ выбирать равнодѣйствующую политическихъ силъ,—и, вѣрный этому принципу, Бисмаркъ не прочь воспользоваться неожиданными услугами со стороны соціализма. Тѣмъ болѣе въ такой формѣ, какъ у Лассаля. Вѣдь, съ перваго взгляда, не видно, о какомъ государствѣ онъ говоритъ—„будущемъ“ демократическомъ или современномъ. Идея государства, во всякомъ случаѣ, у Лассаля лишена исторической перспективы и, до извѣстной степени, примирима съ лозунгомъ „соціальной монархіи“ Л. Штейна. Производительныя ассоціаціи отнюдь не противны затаеннымъ симпатіямъ Бисмарка къ организованной принудительнымъ образомъ экономикѣ; а политическій эффектъ даже небольшихъ „даяній“ на эти цѣли можетъ быть необыкновенно великъ. Живущій въ душѣ Бисмарка соціальный консерватизмъ позволяетъ ему встрѣтиться съ революціоннымъ соціализмомъ и попытаться залучить послѣдній въ свои сѣти. Отторгнуть отъ оппозиціи демократію—вотъ задача, которую ставитъ себѣ Бисмаркъ. Не смотря на то, что руководительство общей экономической политикой Бисмаркъ предоставляетъ фритредеру Дельбрюку (директору въ мин. торговли, при мин. графѣ Итценплитцѣ), онъ, тѣмъ не менѣе, въ вопросахъ соціальной политики оставляетъ за собой извѣстную свободу; мало того, стремится образовать цѣлый штабъ „соціалъ-политическихъ адъютантовъ“, по выраженію проф. Dietzel'я [1]) — въ противовѣсъ графу Итценплитцу. На первомъ мѣстѣ стоитъ уже неоднократно упоминавшійся нами основатель „Крестовой“ газеты—H. Wagener, соратникъ Бисмарка съ давнихъ временъ. Ближайшій другъ Лассаля, котораго послѣдній всячески старался обратить въ свою вѣру, Л. Бухеръ, получилъ должность въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и Бисмаркъ съ успѣхомъ пользовался въ трудныхъ и запутанныхъ дѣлахъ его эрудиціей и блестящими способностями. Черезъ Бухера было установлено нѣкоторое общеніе съ Родбертусомъ,—и плодомъ извѣстнаго сближенія была книга Родбертуса о кредитной нуждѣ земельнаго владѣнія. Въ 1866 году Дюрингу предложено было высказаться въ запискѣ о мѣрахъ къ улучшенію положенія рабочихъ. Даже представители „краснаго“ Интернаціонала не избѣгли покушеній со стороны геніальнаго дипломата: ни много, ни мало, какъ Либкнехту было предложено сдѣлаться редакторомъ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, а Марксу [2]) писать корреспон-

[1]) Ibid., s. 93.

[1]) См. Art. «Bismarck»—Dietzel'я въ «Handwört. der Staatsw.» Conrad'a. II Ausg. Также v. Poschinger, l. c., s. 31.

[2]) Объ этомъ говоритъ Либкнехтъ на Берлинскомъ 1892 г. партейтагѣ, см. «Protokoll über die Verhandlungen des S. D. P. D.» — Berlin. 1892, s. 181.

денціи въ „Прусскій Правительственный Вѣстникъ“ по вопросамъ финансовой и торговой политики (1865). На этой почвѣ создалось и сближеніе съ Лассалемъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ нѣкоторыхъ кругахъ (даже рабочихъ) смотрѣли подозрительно на творца Всеобщаго Нѣмецкаго Рабочаго союза: во многихъ отношеніяхъ ему надлежало быть тактичнѣе. Поведеніе Рабочаго Союза послѣ смерти Лассаля и особенно политика Швейцера не оставляетъ сомнѣній въ наличности нѣкоторыхъ ложныхъ шаговъ у блестящаго агитатора. Зимой 1863 — 64 г. состоялись свиданія у Бисмарка съ Лассалемъ, о которыхъ въ 1878 г. довела до всеобщаго свѣдѣнія графиня Гацфельдъ. Въ извѣстной рѣчи, произнесенной при первомъ чтеніи законопроекта о соціалистахъ, рѣчи, которой мы еще коснемся впереди, Бисмаркъ старался ослабить впечатлѣнія этого разоблаченія. Бебель напомнилъ объ агентѣ Бисмарка — Эйхлерѣ, вращавшемся въ рабочей средѣ, отвести котораго было довольно трудно, т. к., по заявленію самого Бисмарка, „онъ позднѣе требовалъ вознагражденія за услуги, которыхъ Бисмарку не оказывалъ“... Въ первой части своихъ мемуаровъ Бебель настаиваетъ на прикосновенности Эйхлера къ министру-президенту; да это и видно изъ продолженія рѣчи, гдѣ Бисмаркъ вспоминаетъ, что Эйхлеръ былъ шпіономъ по департаменту полиціи: „съ этими людьми я никогда не имѣлъ прямой связи“. „Во всемъ остальномъ“, продолжаетъ Бисмаркъ, „никогда въ моей жизни я не имѣлъ никакихъ дѣлъ съ какимъ либо соціалъ-демократомъ, и ни одинъ соціалъ-демократъ — со мной; вѣдь Лассаля я къ нимъ не причисляю, такъ какъ онъ обладалъ гораздо болѣе возвышенной природой, чѣмъ его эпигоны, это былъ выдающійся человѣкъ, съ которымъ можно было разговаривать“ [1]). Вышучивая нарисованную Бебелемъ со словъ графини Гацфельдъ торжественность установленія личнаго знакомства съ Лассалемъ, Бисмаркъ настаиваетъ, что его искалъ Лассаль, а не наоборотъ, — и свиданія состоялись не по 3—4 раза въ недѣлю, а всего три-четыре раза. Отрицая возможность политическаго сближенія, Бисмаркъ настаиваетъ на частномъ характерѣ собесѣдованій, и даетъ извѣстную

[1]) Hahn, l. c., III B., s. 466.

характеристику Лассаля, какъ глубокоодареннаго, любезнаго и крайне честолюбиваго человѣка, „отнюдь не республиканца, а съ крайне рѣзко выраженнымъ національнымъ и монархическимъ настроеніемъ“. Точкой соприкосновенія съ Бисмаркомъ было стремленіе къ Нѣмецкой Имперіи. Детальная сторона знакомства и характера разговоровъ Бисмарка съ Лассалемъ насъ не занимаетъ. Совершенно ясно, что такой дипломатъ, какъ Бисмаркъ, могъ только нащупывать почву и выяснять, какой политическій эффектъ можетъ получиться отъ возможнаго сближенія съ вождемъ новой демократіи. Въ упомянутыхъ нами мемуарахъ Бебеля имѣются несомнѣнныя указанія, что Лассаль настойчиво искалъ свиданій съ министромъ-президентомъ, и эта настойчивость, обязывающая обѣ стороны, вѣроятно положила предѣлъ дальнѣйшему знакомству [1]). Несомнѣнно, что Лассаль повліялъ на Бисмарка, какъ въ смыслѣ пробужденія у послѣдняго болѣе живого интереса и въ болѣе современной формѣ къ соціальному вопросу, такъ и въ смыслѣ возникновенія симпатій къ всеобщему избирательному праву. Конечно, все это со стороны Бисмарка является только политическимъ шагомъ, „уловленіемъ“ демократіи въ свои сѣти.

Характеръ поведенія Бисмарка въ данномъ случаѣ является показательнымъ для всей его государственной дѣятельности и въ послѣдующее время; его умъ, дѣйствительно, направленъ только на „практическое“ и не стѣсняется въ выборѣ средствъ, какія ему предлагаетъ лабораторія жизни. Слишкомъ наивно было-бы у такого человѣка искать какой-

[1]) О свиданіяхъ съ Лассалемъ мы у Пошингера читаемъ слѣдующее: «Um das Jahr 1863 gab es keinen Politiker, der in dem Streite zwischen Lassalle und Schulze-Delitzsch nicht Stellung genommen hätte. Als in einer Abendgesellschaft des Ministers des Innern Grafen Eulenburg das Gespräch darauf kam, bezweifelte einer der Gäste die lauteren Absichten Lassalles. Baron Korff (близко знающій Лассаля) warf ein, diese Zweifel würden sich am besten durch Anknüpfung eines persönlichen Verkehrs mit Lassalle befestigen lassen. Nach Verlauf einiger Zeit erklärte Graf Eulenburg dem Freih. v. Korff, Herr v. Bismarck habe sich bereit erklärt, Lassalle direkt zu hören. Kurze Zeit darauf kam es zu zwei eingehenden Aussprachen zwischen dem Ministerpräsidenten und Lassalle». Это одинъ изъ варіантовъ, по существу дѣла не мѣняющій. См. Bismarck-Portfeuille, H. v. Poschinger, I Band, s. 85.

либо „соціально-экономической программы“, какъ это дѣлаютъ благожелательные ему, преимущественно нѣмецкіе, изслѣдователи. Истинный „Lebenswerk“ Бисмарка—грозная для сосѣдей единая Германія (съ 60-хъ годовъ уже не Пруссія; родина становится для него также орудіемъ); все остальное имѣетъ въ его глазахъ безконечно меньшую цѣнность и неспособно быть цѣлью. Нѣкоторая близость формальной стороны соціализма соціально-консервативнымъ тенденціямъ „аграрной“ души Бисмарка не мѣняетъ по существу дѣла, такъ какъ это лишь внѣшнія точки соприкосновенія, и экономическая политика самодовлѣющей роли въ дѣятельности Бисмарка не играла.

Обратимся-же къ этой сторонѣ дѣятельности министра-президента. Борясь съ политическимъ либерализмомъ, онъ оставляетъ промышленную и торговую политику въ рукахъ сторонниковъ принципа „laissez faire“. Конечно, вникать глубже въ экономическія контроверзы у Бисмарка, дѣйствительно, не было времени; правда и то, что аграрныя симпатіи дѣлали его фритредеромъ и противникомъ индустріальнаго протекціонизма. Но и тутъ политическія соображенія играли большую роль, какъ, напр., при заключеніи торговаго договора съ Наполеономъ III въ 1862 г. Силу денегъ, политическія выгоды денежнаго хозяйства Бисмаркъ теперь уже ясно себѣ представлялъ, а потому отнюдь не оказывался врагомъ „свободной конкурренціи“ и не планировалъ мѣръ принудительнаго характера.

Либеральное промышленное законодательство Сѣв.-Герм. Союза и Германской Имперіи проходитъ при благосклонномъ содѣйствіи Бисмарка, хотя, когда при крутомъ поворотѣ въ концѣ 70-хъ годовъ ему это ставили на видъ, онъ пытался свалить всю вину на тогдашнихъ министровъ торговли. Насъ интересуютъ, однако, не эти тенденціи, а предположенія соціально-реформаторскаго характера, поскольку таковыя имѣются у Бисмарка въ данное время.

„Das deutsche Tageblatt“, посвящая Бисмарку статью по поводу двадцатипятилѣтняго юбилея его министерской дѣятельности, вспоминаетъ, что на путь соціальныхъ реформъ Бисмаркъ сдѣлалъ попытку выступить еще въ 1862 г., въ связи съ рабочимъ конгрессомъ въ Лейпцигѣ. Тамъ, между прочимъ, дебатировался вопросъ объ инвалидныхъ классахъ,—

и Бисмаркъ почуялъ, что соотвѣтствующимъ законопроектомъ можно было-бы ослабить вліяніе оппозиціи на рабочихъ. Письмо Бисмарка отъ 18 марта 1863 г. къ Эйленбургу, министру внутреннихъ дѣлъ, весьма интересно: оно показываетъ, что Бисмаркъ зорко слѣдилъ за всѣми вопросами и внутренней политики. Онъ пишетъ о важности устройства учрежденій для заботы о престарѣлыхъ рабочихъ, какъ мѣрахъ развитія бережливости въ рабочей средѣ и облегченія общественной благотворительности. Онъ совѣтуетъ обратить вниманіе на этотъ вопросъ—„diese für das Wohl der arbeitenden Klasse sehr wichtige Frage“: „во всѣхъ отношеніяхъ правительство заинтересовано, чтобы дать толчекъ и вызвать къ жизни“ эти „Alters-Versorgungsanstalten“ [1]). Характерно, что первый соціально-политическій планъ Бисмарка построенъ на томъ-же фундаментѣ, что и послѣдующая соціальная политика: на почвѣ имущественнаго обезпеченія рабочихъ. Впрочемъ такой постановкѣ вопроса Бисмаркъ могъ научиться у Наполеона III, старавшагося стѣснить движенія рабочаго класса, опутывая его пенсіонными кассами.

Въ апрѣлѣ (12) Бисмаркъ посылаетъ не менѣе характерное письмо министру торговли графу Итценплитцу по поводу полученія отъ Комитета Патріотическаго Союза записки о ремесленномъ и рабочемъ вопросѣ. Относя эту тему къ области вѣдѣнія коллеги, Бисмаркъ, однако, подчеркиваетъ „громадное соціальное и политическое значеніе“ затронутыхъ вопросовъ, ссылаясь при этомъ на извѣстнаго соціальнаго консерватора проф. Губера. Цитируемая ниже изъ письма фраза обнаруживаетъ сущность дѣла: „Я не могу, однако, отказать себѣ въ выраженіи живого интереса къ данной темѣ, и позволю себѣ высказать убѣжденіе, что правительство также и по политическимъ основаніямъ должно тщательно и настойчиво её разрабатывать“ [2]). Курсивомъ мы подчеркнули рѣшающій, съ нашей точки зрѣнія, мотивъ къ проявленію такого живого интереса у Бисмарка. Весьма важнымъ признается также законопроектъ о товариществахъ, внесенный Шульце-Деличемъ, о чемъ свидѣ-

[1]) H. v. Poschinger. „Aktenstücke zur Wirthschaftspolitik des F. Bismarck“. B. 1890, s. 11—12. I Band.

[2]) Aktenstücke, ib., s. 13.

тельствуетъ письмо гр. Итценплитцу отъ 30 окт. 1863 г. Въ 1864 г. Бисмаркъ не поколебался непосредственно вмѣшаться въ борьбу между капиталомъ и трудомъ, и годъ спустя на этой почвѣ у него произошла схватка съ либералами, являющаяся прообразомъ позднѣйшихъ выступленій. Доведенныя до отчаянія „голодной заработной платой“ силезскіе ткачи изъ округа Вальденбургъ [1]) отправили въ Берлинъ съ жалобой на фабрикантовъ депутацію и просили аудіенціи у короля. Министръ внутреннихъ дѣлъ отклонилъ это ходатайство, но Бисмаркъ представилъ ихъ государю, совершилъ „политическій пуффъ“, по выраженію депутата Reichenheim'a. Мало того, было поручено спеціальное обслѣдованіе положенія вальденбургскихъ ткачей т. с. Elwanger'у, а короля Бисмаркъ побудилъ изъ собственныхъ средствъ дать депутаціи 12.000 талеровъ на устройство производительной ассоціаціи. Мѣропріятіе—совершенно въ духѣ Лассаля.

Въ письмѣ къ ландрату въ Вальденбургѣ Бисмаркъ сообщаетъ о неудовольствіи короля, узнавшаго отъ представлявшихся ткачей, что они уволены за свой смѣлый поступокъ, прилагаетъ 120 тал. для врученія пострадавшимъ и проситъ найти имъ какое-нибудь занятіе. Бисмаркъ обращаетъ вниманіе и на самый ходъ анкетнаго изслѣдованія, предлагая письмомъ отъ 31-го мая министру внутреннихъ дѣлъ отозвать временнаго замѣстителя ландрата—Бёма, который не умѣетъ быть безпартійнымъ, а принимаетъ сторону фабрикантовъ [2]). Онъ „считается исключительно съ интересами и вліяніями работодателей“, между тѣмъ какъ требуется полная „Parteilosigkeit“. По размѣрамъ и тону переписки можно судить, что Бисмаркъ придавалъ этому инциденту немаловажное значеніе; и если мы вспомнимъ, что конфликтъ продолжался, то намъ станетъ ясна и подоплека такого „живого“ интереса. Въ февралѣ 65 г., когда обсуждался въ

[1]) Деревни Wüstergiersdorf (верхней и нижней).

[2]) Поведеніе Бёма должно было сильно задѣть Бисмарка. Въ письмѣ говорится: „Er (т. е. Бёмъ) geht dabei soweit, dass er in seinem amtlichen Bericht von der durch die „regierungspartei interdirten Aufregung der Arbeiter“ spricht, obgleich ihm die denselben von Sr. Majestät dem Könige gewährte Audienz bekannt war“. Бёмъ попалъ не въ бровь, а въ глазъ. Aktenstücke, I B., s. 23.

ландтагѣ вопросъ о свободѣ коалицій, Бисмарку припомнили его выступленіе. Однако, онъ не смутился и далъ реплику совсѣмъ въ духѣ государственнаго соціализма. „Эти люди (ткачи) заблуждаются въ источникѣ ихъ страданій. Причины они ищутъ въ спеціальныхъ условіяхъ фабрики, гдѣ работаютъ. Ихъ горизонтъ, быть можетъ, недостаточно широкъ для пониманія того, что ихъ лишенія являются скорѣе результатомъ соціальнаго положенія, въ которомъ вообще находится рабочій классъ. Но я спрашиваю, по какому праву я могъ-бы закрыть доступъ къ трону этимъ людямъ? Это похоже на то, будто корона должна оправдываться, если прислушается къ воплямъ бѣдняковъ. Короли Пруссіи никогда не были королями преимущественно богатыхъ. Уже Фридрихъ Великій, будучи кронпринцемъ, сказалъ: „Quand je serai roi, je serai un vrai roi des gueux“... Онъ взялъ на себя защиту нищеты. Этотъ принципъ утверждался и послѣдующими королями... Наши короли эмансипировали крѣпостныхъ; они создали процвѣтающее крестьянское сословіе; возможно, что имъ удастся—серьезное стремленіе къ этому уже налицо—внести свою лепту и въ дѣло улучшенія быта рабочихъ“ [1]). Поступокъ монарха въ дѣлѣ помощи производительной ассоціаціи — только красивъ; его выступленіе на почвѣ „einer grossen und schweren Zeitfrage“—лишь величественно. „Совѣтникомъ былъ я“, гордо заканчиваетъ рѣчь Бисмаркъ, „и не подалъ, по моему мнѣнію, дурного совѣта“.

Эта яркая соціалъ-политическая вспышка, заключающая въ себѣ, въ сущности, уже всю „государственно-соціалистическую систему“ Бисмарка—не знаменуетъ, однако, перелома въ государственной дѣятельности министра. Данный случай представляетъ лишь эпизодъ въ борьбѣ съ оппозиціей. Когда обстоятельства перемѣнились, разгромъ Австріи показалъ успѣшность политики Бисмарка и разстроилъ оппозиціонные ряды, для него оказалось ненужнымъ и нецѣлесообразнымъ прибѣгать къ выдвинутому здѣсь принципу, ибо Германскую имперію онъ ковалъ съ помощью національ-либераловъ. Будучи „практически“ настроенъ, Бисмаркъ зорко присматривался къ новымъ тенденціямъ въ средѣ экономистовъ и общественныхъ дѣятелей, ярко обна-

[1]) v. Poschinger, F. Bismarck, als Volkswirth, I B., s. 29—30.

руживишимся въ началѣ 70-хъ годовъ, но оффиціально ни въ какія отношенія къ „соціальнымъ политикамъ“ не вступалъ. И лишь къ концу 70-хъ годовъ, растерявши наиболѣе энергичныхъ сторонниковъ госуд. соціализма, Бисмаркъ вновь прибѣгнулъ къ заявленнымъ ранѣе лозунгамъ.

Обратимся же снова къ обрисовкѣ „государственнаго соціализма“ Бисмарка половины 60-хъ годовъ. Мы выше сказали, что размѣръ и характеръ переписки Бисмарка о вальденбургскихъ ткачахъ свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ придавалъ этому дѣлу серьезное значеніе. Подчеркиваемъ, однако, опять, что политическая точка зрѣнія у него преобладала. Бисмаркъ заботливо относился и снабжалъ деньгами изъ особаго фонда производительную ассоціацію ткачей, поручая ее особому вниманію рейхенбахскаго ландрата Олеаріуса, отъ котораго получалъ подробные отчеты. При помощи даннаго кооперативнаго учрежденія Бисмаркъ хотѣлъ опытнымъ путемъ убѣдиться, нельзя-ли примѣнить въ жизни этотъ принципъ въ „болѣе широкомъ масштабѣ“ [1]). И въ томъ же засѣданіи ландтага (11 февраля 1865 года), когда на Бисмарка нападали за „политическій пуффъ“, Итценплитцъ высказалъ слѣдующее отъ имени правительства по поводу проекта о свободѣ коалиціи рабочихъ и работодателей, внесенномъ Шульце-Деличемъ и его коллегами: правительство согласно съ проектомъ въ томъ смыслѣ, что надо устранить многія стѣснительныя положенія промышленнаго законодательства, но это влечетъ за собою общій его пересмотръ; а затѣмъ, правительство не видитъ, почему свобода коалицій, сама-по-себѣ, можетъ улучшить матеріальное положеніе рабочаго класса, и не слѣдуетъ-ли включить въ кругъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, какими позитивными мѣрами мыслимо достичь этого, не заслуживаютъ-ли поощренія товарищества? Правительство считаетъ себя обязаннымъ освѣтить эту сторону вопроса и устраиваетъ всестороннее обслѣдованіе [2]). Характерны замѣчанія, сдѣланныя Бисмаркомъ на проектъ доклада министерства о положеніи ткачей. Въ одномъ мѣстѣ было сказано, что различныя проектируемыя для улучшенія ихъ быта мѣры (долгосрочность

[1]) См. въ «Aktenstücke»—№ 13, 14, 18, 27.
[2]) Ibid., примѣч. на стр. 63—64.

найма и пр.) противорѣчатъ „элементарнымъ началамъ науки о хозяйствѣ“. Бисмаркъ, замѣчаетъ, въ письмѣ, что правительству вовсе не подобаетъ „основывать свои рѣшенія на абстрактныхъ доктринахъ экономической теоріи“. „Задачи министерства, по моему, лежатъ въ области не теоріи, а практической жизни“ [1]). Именно такъ вопросъ и былъ поставленъ въ декларации правительства отъ 11 февраля, о которой мы только-что упоминали. Бисмаркъ, пожалуй, соглашается, что государство не можетъ непосредственно регулировать заработныхъ платъ, но „совершенно не исключено косвенное вліяніе“; по этому поводу канцлеръ вспоминаетъ англійскую практику. Вообще недовольный проектомъ, составленнымъ доктринерски, министръ-президентъ особенно подчеркиваетъ неправильность отношенія къ производительнымъ ассоціаціямъ. „Во всякомъ случаѣ, государство не можетъ основывать предпріятій; но не можетъ ли оно поддерживать и развивать, выдачей напримѣръ премій, уже образовавшіяся, это—вопросъ, на который нельзя a priori отвѣчать отрицательно“ [2]). Проектъ просто противорѣчитъ декларации. „Выводъ врядъ ли основательный, что государство никому не должно помогать, потому что не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ“. Хотя, въ данномъ случаѣ, Бисмаркъ и не допускаетъ непосредственнаго, такъ сказать правительственнаго, „грюндерства“, представляя дѣло развитію свободной жизни, однако не надо думать, что онъ, въ эту пору былъ врагомъ всякихъ государственныхъ предпріятій [3]).

Насколько превалируетъ у Бисмарка политическая точка зрѣнія, будетъ еще отчетливѣе видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ. 11 февраля 1865 г. въ письмѣ къ оберъ-президенту Брандебурга по поводу учрежденія инвалиднаго дома для рабочихъ говорится о живомъ интересѣ къ этому предпріятію, „важному и съ политической точки зрѣнія“ [4]). Въ письмѣ отъ 16 августа 1865 г графу Итценплитцу по поводу устройства коммиссіи по рабочему вопросу—Бисмаркъ рѣшительно высказывается противъ привлеченія къ работѣ

[1]) «Aktenstücke», № 36, s. 63.
[2]) Ibid., s. 65.
[3]) См. по этому поводу ibid. № 31.
[4]) Ibid., № 32.

Шульце-Делича. Вѣдь это не парламентская коммиссія, гдѣ должна быть представлена и оппозиція, а правительственная „анкетная инстанція". Поэтому нельзя сюда приглашать наиболѣе выдающихся противниковъ правительства, которые воспользуются дискуссіями для своихъ политическихъ цѣлей. Это особенно вѣрно по отношенію къ Шульце-Деличу, продолжаетъ Бисмаркъ: „вся его агитаторская дѣятельность преимущественно сводится къ тому, чтобы установить политическое вліяніе на рабочихъ и ремесленниковъ и этимъ укрѣпить прогрессистскую партію противъ правительства" [1]). Бисмаркъ вѣрно оцѣниваетъ данную минуту, если не дѣятельность Шульце-Делича вообще; понять это было ему тѣмъ легче, что онъ самъ такимъ-же образомъ дѣйствовалъ. Вотъ еще два яркихъ примѣра. Ассоціація типографщиковъ въ Берлинѣ обратилась къ Бисмарку съ просьбой доставлять работу изъ правительственныхъ учрежденій, и онъ настаиваетъ предъ министромъ торговли, что ассоціаціи надо оказать помощь, соотвѣтственно его же собственной деклараціи: „При томъ вліятельномъ положеніи, которое между здѣшними рабочими занимаютъ печатники, я думаю—интересамъ правительства соотвѣтствуетъ оказать имъ въ возможныхъ предѣлахъ помощь" [2]). Не меньшее значеніе имѣетъ помощь другой ассоціаціи — столяровъ, подъ руководствомъ нѣкоего Петри, которая неоднократно проситъ объ этомъ Бисмарка. „Петри раньше открыто заявлялъ себя сторонникомъ принциповъ Шульце-Делича, и только сдѣланные опыты и недостаточная поддержка со стороны единомышленниковъ привела ассоціацію къ рѣшенію обратиться къ королевскому правительству. Мнѣ кажется въ политическомъ отношеніи очень важнымъ тотъ фактъ, что такимъ образомъ здѣсь, въ Берлинѣ, на глазахъ у самого Шульце-Делича, образованная по его принципамъ ассоціація отъ него отпала и приблизилась къ правительству, и именно на этомъ основаніи не слѣдовало-бы совсѣмъ отталкивать протянутую къ правительству ассоціацією руку" [3]). Вотъ *истинные источники* „практическаго христіанства" Бисмарка.

[1]) «Aktenstücke», № 35, s. 61.
[2]) Ibid., № 46, s. 76.
[3]) «Aktenstücke», № 50, s. 81.

Для полноты обрисовки „демократическихъ" тенденцій Бисмарка мы должны сдѣлать еще одну экскурсію, — въ область его государственно-политическихъ взглядовъ. Лассаль, въ пылу борьбы съ „буржуазной кликой", неоднократно заявлялъ, что современная прусская конституція рухнетъ, что Бисмаркъ, сыграетъ въ Германіи роль Р. Пиля. Внѣ всякаго сомнѣнія, всеобщее избирательное право было наиболѣе интересной для Бисмарка темой въ его собесѣдованіяхъ съ Лассалемъ. Конфликтъ съ оппозиціей въ палатѣ, избранной по уродливому закону, заманчивыя мечтанія *Лассаля о непосредственномъ сближеніи монархіи* съ демократіей—все это запало въ душу Бисмарка и вытравило его прежнее нерасположеніе къ „революціоннымъ" формуламъ. И развѣ знаменитый плебисцитъ, устроенный Наполеономъ III, не является доказательствомъ возможности использовать въ своихъ цѣляхъ демократическіе лозунги? Для этого надо только быть увѣреннымъ въ благожелательномъ настроеніи народной массы. Но вѣдь Пруссія—еще, по преимуществу, страна аграрная,—„народный духъ Пруссіи—глубоко (durch und durch) монархиченъ, слава Богу!" [1]), а поэтому измѣненіе избирательнаго закона можетъ нанести несокрушимый ударъ либерализму. Но—въ особенности—такая комбинація выгодна въ борьбѣ съ Австріей за гегемонію среди нѣмецкихъ странъ. Въ докладѣ министерства королю (отъ 15 сентября 1863 г.) по поводу предложеній Австріи реформировать нѣмецкій союзъ („die Frankfurter Reform-Akte") мы находимъ слѣдующее интересное мѣсто: находя всѣ предложенія Австріи непріемлемыми для Пруссіи и невыполнимыми, докладъ говоритъ о „представительствѣ, вытекающемъ изъ истиннаго, *прямого участія всей націи*" [2]), какъ единственно цѣлесообразномъ для Пруссіи и блага Германіи. Только въ такой палатѣ можетъ найти себѣ противовѣсъ княжескій сепаратизмъ и партикуляристическіе интересы. Центръ тяжести долженъ лежать въ „національномъ собраніи, составленномъ по прямому голосованію изъ всѣхъ частей Германіи въ масштабѣ ихъ населенія". Только такая палата—неопасна Пруссіи, ибо интересы ея „народа" совпадаютъ съ интересами всей

[1]) Hahn, l. c., s. 204.
[2]) Hahn, ibid., s. 153.

нѣмецкой націи. Въ этомъ духѣ Бисмаркъ не прочь реформировать даже прусскій ландагъ. Опять-таки, какъ видимъ, всеобщее избирательное право является для Бисмарка не самоцѣлью въ своей области, а орудіемъ борьбы, то съ Австріей, то съ прусской оппозиціей. Потому то Бисмаркъ и былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ надъ демократіей, что пытался вырвать у нея изъ рукъ ея-же оружіе [1]). Въ письмѣ къ прусскому послу въ Лондонѣ—графу Бернстрофу Бисмаркъ не менѣе опредѣленно высказывается по этому поводу: ...искусственная система непрямыхъ и классныхъ выборовъ гораздо опаснѣе тѣмъ, что препятствуетъ общенію верховной власти съ тѣми здоровыми элементами, которые образуютъ ядро и массу народа. Въ странѣ съ монархическими традиціями и лойяльными чувствами всеобщее избирательное право, устраняя вліяніе либеральныхъ буржуазныхъ классовъ, будетъ приводить и къ выборамъ въ монархическомъ духѣ... Въ Пруссіи $^{9}/_{10}$ народа вѣрны королю и лишь благодаря искусственному механизму выборовъ лишены возможности проявить свое мнѣніе“ [2]).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что противники Бисмарка упрекали его въ „цезаризмѣ“. Остановимся на рѣчи, произнесенной 28 марта 1867 г. въ Учредительномъ рейхстагѣ С.-Герм. Союза. Бисмаркъ возмущается обвиненіями, проскальзывавшими въ рѣчахъ, будто съ помощью избирательнаго закона устраивается „комплотъ власти и народной массы противъ свободы буржуазіи...“ „Всеобщее избирательное право перешло намъ, до нѣкоторой степени, какъ наслѣдіе нѣмецкихъ тенденцій къ объединенію: мы имѣли его въ проектѣ имперской конституціи, выработанной во Франкфуртѣ, мы выдвинули его въ 1863 г. противъ тогдашнихъ тенденцій Австріи во Франкфуртѣ,—и я могу только одно сказать: по меньшей мѣрѣ, я не знаю другого лучшаго

[1]) Въ засѣданіи ландтага 21 января 1864 г. Бисмарка упрекнули въ страхѣ передъ демократіей. Бисмаркъ, между прочимъ сказалъ «Ich fürchte diesen Gegner nicht, ich hoffe sicher ihn zu besiegen; ich glaube, das Gefühl, dass es so kommen werde, ist Ihnen nicht mehr ganz fern». Ibid., s. 207. Таково дѣйствительное отношеніе Бисмарка къ демократіи.

[2]) См. H. Robolsky, Der deutsche Reichstag. Цитир. у Herkner'a «Die Arbeiterfrage», III. Aufl., B., 1902, s. 130.

избирательнаго закона“. Не прусская-же классовая система! „Ни въ одномъ государствѣ не придумали, можно сказать, болѣе нелѣпаго, жалкаго (elenderes) избирательнаго закона“ [1])... Да и вообще всякій имущественный цензъ—неудовлетворителенъ: неимущаго онъ дѣлаетъ илотомъ и мертвымъ въ политическомъ отношеніи. Прямые выборы болѣе обезпечиваютъ палатѣ подборъ способныхъ людей, тогда какъ косвенные фальсифицируютъ мнѣніе страны. Однимъ словомъ, изъ существующихъ системъ предполагаемая въ основѣ конституціи Союза—наилучшая. Аргументація Бисмарка не оставляетъ желать лучшаго: онъ умѣлъ притвориться демократомъ, гдѣ это нужно было по соображеніямъ политическаго характера.

Когда въ Учредительномъ рейхстагѣ затронули въ рѣчахъ прошлое Бисмарка, онъ, хотя и неохотно („такъ какъ не любитъ говорить о своей персонѣ“), по все-же счелъ нужнымъ охарактеризовать свою эволюцію (рѣчь 13 марта 1867 г.). На Эрфур. парламентъ онъ пришелъ со взглядами, вынесенными изъ родительскаго гнѣзда и обостренными революціей 48 года. Съ тѣхъ поръ много лѣтъ Бисмаркъ занималъ высшія должности, многому научился и понялъ, что сцена изъ зрительнаго зала выглядитъ совсѣмъ не такой, какъ за кулисами. „Прибавлю, что нахожу для себя счастьемъ не принадлежать къ числу людей, которые ничему не научаются ни временемъ, ни опытомъ“ [2]). Въ этомъ заявленіи Бисмаркъ, несомнѣнно, былъ искрененъ.

„Государственно-соціалистическія“ тенденціи, однако, указанными моментами и исчерпываются. Наступила благопріятная пора, когда Германію можно было „посадить на лошадь“, по выраженію Бисмарка; услуги консерваторовъ оказались обременительными, демократія—повидимому—не внушала большихъ опасеній, и союзъ съ либеральной буржуазіей, чуждой сепаратическихъ тенденцій, представлялся наиболѣе естественнымъ. Съ такою-же рѣшительностью, какая была проявлена министромъ-президентомъ во время конституціоннаго конфликта, Бисмаркъ дѣйствуетъ и теперь, заставивъ Вильгельма даже противъ его воли

[1]) Sten. Berichte über die Verhand. d. Reichstags des Nordd. Bundes. 1867, I B., s. 429.

[2]) Hahn, l. c., I B. s. 608—609.

вставить въ тронную рѣчь пожеланіе—ликвидировать конфликтъ полученіемъ индемнитета за безбюджетные годы. Индемнитетъ, конечно, былъ полученъ, доставивъ обѣимъ, до извѣстной степени, сторонамъ нравственное удовлетвореніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, укрѣпивши Бисмарка въ дальнѣйшихъ внѣшнеполитическихъ комбинаціяхъ. Въ Германіи образуется національно-либеральная партія, служившая въ теченіе болѣе десяти лѣтъ вѣрной опорой канцлера Союза, а потомъ Имперіи. Этимъ союзомъ и объясняется слабость „государственно-соціалистическаго" настроенія у Бисмарка въ данную эпоху.

II.

Хозяйственная жизнь Сѣверо-Германскаго Союза и первые годы Германской Имперіи проходятъ подъ флагомъ экономическаго либерализма. Руководительство экономической политикой пребываетъ въ рукахъ Дельбрюка—„перваго авторитета во всей Германіи" въ этой области, съ которымъ Бисмаркъ дѣйствуетъ вполнѣ солидарно до 1876 г.,—года отставки президента имперскаго бюро. Нельзя сказать, чтобы въ глубинѣ души Бисмаркъ всегда былъ согласенъ со своимъ „вице-канцлеромъ", какъ иногда называли Дельбрюка; но онъ не считалъ нужнымъ ему противорѣчить. Вѣдь главная цѣль Бисмарка—„посадить въ сѣдло Германію",—и онъ отлично чувствовалъ, что это сдѣлать гораздо легче на почвѣ свободно развивающагося капиталистическаго хозяйства. Въ одной оффиціальной запискѣ отъ 1872 г. значилось слѣдующее: „Руководящимъ принципомъ для развитія хозяйственныхъ отношеній является, безспорно, снятіе путъ съ производительной дѣятельности, такъ какъ послѣдняя только въ свободномъ состояніи можетъ быть вполнѣ плодотворной и для отдѣльнаго лица, и для всего общества. Если правительственныя учрежденія, разумно руководимыя, не могутъ и думать о нарушеніи этого высшаго начала, то ясно само собою, что ихъ заботы могутъ выражаться лишь въ такихъ мѣропріятіяхъ, которыя соединимы съ условіями жизни промышленной свободы". Охрана рабочихъ представляется правительству достаточно прочно установленной Промышленнымъ Уставомъ 1869 г. Помимо охраны дѣтскаго труда, нормировки гигіеническихъ условій и пр., въ Пруссіи обращено большое вниманіе на развитіе кассъ вспомоществованія, и основная идея заключается въ обязательномъ привлеченіи къ дѣлу обѣихъ сторонъ—и рабочихъ, и работодателей [1]). Союзъ съ національ-либералами былъ настолько проченъ, что Бисмаркъ открещивается, по крайней мѣрѣ, публично отъ прежняго своего увлеченія лассаліанствомъ. Такъ, полуоффиціальная газета „Provincial-Correspondenz" сочувственно отозвалась о рѣчи въ рейхстагѣ либеральнаго депутата—Брауна, который смогъ предложить рабочимъ только одинъ совѣтъ: „помогай себѣ самъ". А критикуя соціалистическія программы, какъ Бебеля, такъ и Лассаліанцевъ, та же газета заявляетъ: „Обѣ партіи стремятся къ полному перевороту во всѣхъ государственныхъ и экономическихъ отношеніяхъ и полагаютъ, что нашли истинный рычагъ во всеобщемъ избирательномъ правѣ и въ легковѣріи массъ. Обѣ забрасываютъ рабочее населеніе обѣщаніями государственной помощи, которая вообще не можетъ осуществиться и попытки осуществленія которой съ самаго начала терпятъ крахъ" [2]). Все это звучитъ, какъ извиненіе въ прежнихъ шагахъ [3]). Въ одной, правда, области Бисмарку не надо было дѣлать какихъ-либо усилій надъ собой, чтобы примкнуть къ либерализму, это — въ области внѣшне-торговой политики. Аграрное происхожденіе Бисмарка—до поры-до-времени дѣлало его фритредеромъ. Въ этомъ смыслѣ мы бы не ставили на видъ особенно инкриминируемую рѣчь его о таможенномъ законодательствѣ, гдѣ сказано: „Я думаю, что наше там. законодательство должно развиваться такъ, чтобы—

---

[1]) v. Poschinger, F. Bis. als Volkswirth. l. c., s. 50—51.

[2]) Ibid., прим. на стр. 51.

[3]) Страннымъ образомъ, вліяніе Дельбрюка отрицаетъ авторъ новой книжки о Бисмаркѣ—Bömlingk. Онъ думаетъ, что и въ періодъ 1867—1871 г. Бисмаркъ проявлялъ „seine eigensten wirthschaftspolitische Gesichtspunkte, wenn auch nicht ohne Vorbehalt"... „Die freihändlerische Tendenz, die so weit ging, selbst den Rest der ermässigten Eisenzölle beseitigen zu wollen, die Anstrebung des Systems reiner Finanzzölle, die Verfechtung der in direkten Steuern... waren das nicht lauter Dinge, die schon seit dem Beginn seiner staatsmännischen Laufbahn auf seinem Programm standen?" Конечно, это—невѣрно. О фритредерствѣ мы уже говорили, но весь складъ экон. взглядовъ Бисмарка—былъ другой. Bömlingk, „Bismarck, als Nationalökonom". L.—s. 89.

если не достичь своего идеала—чисто фискальныхъ пошлинъ, то быть къ нему какъ можно ближе“ [1]).

Рабочее законодательство, какъ мы сказали, развивалось въ данный періодъ слабо; Пошингеръ правильно замѣчаетъ, что въ это время „alles, was an Staatssocialismus erinnerte, ... streng verpönt war“ [2]). Чтобы ярче оттѣнить оффиціальный разрывъ Бисмарка съ госуд. соціализмомъ, приведемъ еще двѣ-три выдержки изъ „Denkschrift'a“ 1872 г.: „Конечно, ослѣпленныя рабочія массы и ихъ вожаки предъявляютъ далеко идущія требованія о заботѣ и помощи со стороны государства. Они взываютъ къ вмѣшательству власти, чтобы провести ихъ требованія о сокращеніи рабочаго дня и увеличеніи заработной платы; они хотятъ обезпечить себѣ, кромѣ заработной платы, еще и участіе въ прибыляхъ того предпріятія, гдѣ они заняты; наконецъ, они требуютъ, чтобы государство давало свои средства или открывало свой кредитъ—для основанія предпріятій, прибыль съ которыхъ шла-бы рабочимъ. Такія требованія государство должно принципіально отклонить, какъ выходящія за границы его полномочій и задачъ. Каждому свѣдущему и образованному человѣку извѣстна истина, что государство можетъ только стѣснять частную промысловую дѣятельность и глубоко разстроить всѣ хозяйственныя отношенія, если пожелаетъ со своими средствами и кредитомъ вмѣшиваться въ промышленную область или выступать съ регулированіемъ цѣнъ и заработныхъ платъ“ [3]). Конечно, эти слова—Бисмарку не принадлежатъ; они написаны Дельбрюкомъ. Однако Бисмаркъ, изъ соображеній политическаго характера, настолько перемѣнилъ фронтъ, что счелъ возможнымъ оффиціально подъ ними подписаться.

Что касается одинаковаго предпочтенія косвенному обложенію передъ прямымъ у Дельбрюка и Бисмарка, то—опять-таки, какъ и въ вопросѣ о пошлинахъ—послѣднему приходилось мало себя насиловать. Бисмаркъ вообще предпочиталъ косвенные налоги, какъ болѣе удобные для взысканія, незамѣтныя и не вызывающія личнаго столкновенія съ плательщикомъ. Съ основаніемъ Имперіи, лишенной пока самостоятельныхъ финансовъ и столь зависящей отъ „матрикулярныхъ“ взносовъ отдѣльныхъ государствъ Союза, симпатіи къ косвенному обложенію должны были у Бисмарка усилиться. Вѣдь Имперія крѣпче будетъ сидѣть въ сѣдлѣ, абсолютизмъ канцлера будетъ болѣе прочнымъ, если государство получитъ богатый источникъ собственныхъ средствъ. И въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, какъ и во всѣхъ другихъ шагахъ Бисмарка—„государственнаго человѣка“, не приходится искать какой-либо особой „общественной“ системы: основная политическая задача—созданіе Германіи и превращеніе ея въ единое государство и соотвѣтствующая реальная конъюктура все предопредѣляетъ. Упорное сопротивленіе рейхстага планамъ Бисмарка объ укрѣпленіи финансовъ Имперіи заставило его усумниться въ возможности постояннаго союза съ національ-либералами. Дельбрюкъ счелъ свою миссію оконченной уже съ того момента, когда у Бисмарка зародились планы огосударствленія желѣзныхъ дорогъ. А къ этому канцлера побуждали какъ выяснившіяся несовершенства частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства, такъ и имперская фискальная нужда, заставлявшая преподносить депутатамъ „букеты налоговъ“.

Пошингеръ отмѣчаетъ, что въ эру Дельбрюка Бисмаркъ только три раза самостоятельно выступалъ въ области соціальной политики. Посмотримъ, что это были за выступленія. Не забудемъ, что ненависть къ соціальной демократіи должна была у Бисмарка возрасти: вѣдь это—соціалъ-демократы хотѣли испортить „праздникъ“ присоединенія Эльзасъ-Лотарингіи, совѣтуя привѣтствовать возвращающихся героевъ свистками; вѣдь это родственные имъ коммунары въ Парижѣ создали „первую безсонную ночь“ великому канцлеру, не смотря на его радость по поводу новаго несчастія своего врага. На почвѣ милліардной контрибуціи пышно расцвѣла нѣмецкая торговля и промышленность; но—вмѣстѣ съ тѣмъ—обострилось и рабочее движеніе, выразившееся въ массѣ стачекъ и грозящее перекинуться даже въ доселѣ, съ точки зрѣнія Бисмарка, патріархальную область сельскаго хозяйства. Въ области же индустріи патріархальный духъ, если гдѣ-либо и сохранялся, былъ совершенно вытравленъ въ эти годы. По англійскому образцу хозяева предпріятій стали вступать въ коалиціи и на стачки рабочихъ отвѣчали локау-

[1]) Hahn, l. c., I B., s. 855.
[2]) v. Poschinger, Bism., als Volkswirth, s. 53—54.
[3]) См. пред. примѣчаніе.

тами; но — въ данный моментъ рыночныя комбинаціи побуждали итти на уступки. Вопросъ о стачкахъ волнуетъ общество: если нѣкоторые видѣли въ нихъ предвозвѣстниковъ соціальной революціи, то предприниматели взглянули на дѣло болѣе практически: надо было спасать свой карманъ. И вотъ, рыцари „промышленной свободы", многіе сторонники парламентаризма, всенародно совершаютъ грѣхопаденіе: они взываютъ къ правительству, подавляющему ихъ политическія стремленія, съ просьбой защитить отъ „разнузданныхъ" рабочихъ: ограничить свободу коалицій, оставивъ ее, конечно, за хозяевами во всей неприкосновенности. Бисмаркъ долженъ былъ опредѣлить отношеніе правительства къ стачкамъ. Съ большимъ удовольствіемъ, вѣроятно, онъ принялъ-бы репрессивныя мѣры, если-бы въ политическомъ отношеніи онѣ были цѣлесообразны: но союзъ правительства съ буржуазіей, въ такомъ случаѣ былъ-бы слишкомъ откровененъ. Поэтому—въ засѣданіи 16 сентября 1872 г. прусское министерство [1]) рѣшило, по идеѣ Бисмарка, занять совершенно безпартійную позицію: всѣ данныя промышленныясвободы охранять и защищать; всякое-же нарушеніе установленныхъ границъ той или другой стороной рѣшительно останавливать. Такимъ образомъ, Бисмарку удалось даже прочесть предпринимателямъ лекцію истиннаго либерализма,—но ростъ рабочаго движенія, несомнѣнно, его волновалъ, и онъ вновь обдумываетъ планы его ликвидаціи по наиболѣе хитроумному способу. На рабочемъ съѣздѣ въ 1872 г. въ докладѣ о Бисмаркѣ воздавалось должное его талантамъ, но было прибавлено, что „для рабочаго населенія онъ ничего не сдѣлалъ, жизнь его не облегчилъ, — наоборотъ, она становится все тяжелѣе, подъ вліяніемъ хозяйственныхъ законовъ, изданныхъ съ его помощью" [2]). Въ обществѣ зрѣетъ теченіе въ сторону положительной соціальной политики; появляются тревожные симптомы приближающагося краха. Все это должно было выводить Бисмарка изъ состоянія психическаго равновѣсія и понемногу готовиться къ обузданію демократическихъ тенденцій массы. Министру торговли графу Итценплитцу опять приходится выдерживать натискъ

[1]) См. v. Poschinger, l. c., s. 689.
[2]) Ibid., s. 69.

соціально-политическихъ запросовъ Бисмарка. 21 октября 1871 г. въ письмѣ къ упомянутому министру канцлеръ указываетъ на общую опасность, угрожающую всѣмъ странамъ, отъ Интернаціонала и необходимость принятія одинаковыхъ мѣръ борьбы. Ссылаясь на свой разговоръ съ австро-венгерскимъ канцлеромъ, онъ опредѣляетъ будущую тактику правительствъ въ двоякомъ направленіи: 1) „итти навстрѣчу требованіямъ рабочихъ классовъ..., поскольку они согласны съ общими государственными интересами; 2) опасную для государства агитацію прекращать запретительными и карательными законами, поскольку это можно дѣлать, не затрудняя здоровой публичной жизни" [1]). Для обсужденія совмѣстно съ Австро-Венгріей общаго плана предполагается устроить совѣщаніе комиссаровъ-экспертовъ. Но — предварительно надо разработать матеріалъ у себя, ради чего Бисмаркъ и предлагаетъ Итценплитцу составить особую коммиссію — изъ подходящихъ чиновниковъ, землевладѣльцевъ, фабрикантовъ, лицъ интеллигентныхъ, близко стоящихъ къ рабочему быту или научно знакомыхъ съ послѣднимъ; не исключено также и приглашеніе интеллигентныхъ рабочихъ. Итценплитцъ не замедлилъ слѣдующимъ характернымъ для него отвѣтомъ. Для него сомнительна польза учрежденія подобной коммиссіи, поскольку ея цѣли не опредѣлены точнѣе. Она способна лишь возбудить ложныя надежды— при такой ея широкой постановкѣ. Всякаго рода государственно - соціалистическія предположенія — недопустимы. Принятыя въ Пруссіи мѣры ко благу рабочихъ (сберегательныя кассы, потреб. кооперації, промышленный Уставъ, законъ объ отвѣтственности предпринимателей, право коалицій, промышленные третейскіе суды и пр.)—при своемъ нормальномъ развитіи — совершенно достаточны. Отвѣтъ — вполнѣ опредѣленный и сухой. По этому поводу Бисмаркъ пространно изъясняется въ письмѣ отъ 17 ноября 1871 года. Хотя онъ согласенъ со всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ прусское и германское правительство въ области рабочаго вопроса, но, тѣмъ не менѣе, необходимо болѣе дѣятельное вмѣшательство „въ соціалистическое движеніе". Это отнюдь не обозначаетъ побѣды соціалистической доктрины, какъ пред-

[1]) «Aktenstücke», № 102, s. 161.

ставляется Итценплитцу; вѣдь государство—единственная сила, которая можетъ сдержать грозный напоръ демократіи. И „наиболѣе цѣлесообразный путь" заключается въ томъ, чтобы реализовать законныя соціалистическія требованія, которыя могутъ быть осуществлены въ рамкахъ современнаго государственнаго и общественнаго строя" [1]). По этому поводу Пошингеръ совершенно справедливо замѣчаетъ: „Въ этомъ важномъ положеніи лежитъ зерно и основная идея всего нашего позднѣйшаго законодательства объ охранѣ хозяйственно слабыхъ" [2]).

Путь, избираемый Бисмаркомъ, говоритъ самъ за себя: если здѣсь и упоминается о „справедливыхъ" притязаніяхъ демократіи, то не потому, что Бисмаркъ имъ симпатизируетъ и усматриваетъ необходимость постановки соціальной проблемы quand même, а—въ силу соображеній политическаго характера. Канцлеръ проводитъ рѣзкую грань между лассаліанствомъ и „бебельлибкнехтовскимъ" движеніемъ, руководимымъ Интернаціоналомъ. Съ тенденціями второго характера ничего нельзя подѣлать, такъ какъ оно совершенно противогосударственно; но, „слава Богу, не является въ Германіи господствующимъ". А потому,—„hier ist nicht allein eine sachliche Verständigung noch möglich, sondern es wird beim rechten Eingreifen des Staates zur Zeit auch noch gelingen, die Mehrzahl der Arbeiter mit der bestehenden Staatsordnung auszusöhnen und die Interessen von Arbeitern und Arbeitgebern wiederum in Harmonie zu bringen" [3]). Вотъ какія заманчивыя перспективы рисовались канцлеру,—и только политическія условія заставляли его до поры-до-времени расписываться подъ принципомъ „самопомощи" для рабочихъ. Вторая часть цитаты—о гармоніи между рабочими и работодателями—недостаточно развита, и мы лишь въ дальнѣйшемъ узнаемъ, какъ эту гармонію представлялъ себѣ Бисмаркъ. Замалчивать опасность, которой грозитъ соціализмъ, по его мнѣнію, не разумно: наоборотъ, надо вынести вопросъ на свѣтъ: и этимъ можно будетъ подорвать силу агитаторовъ и показать самимъ рабочимъ, что и насколько реализуемо въ ихъ требованіяхъ.

[1]) Ibid., № 104, s. 165.
[2]) Ibid., прим. на стр. 165.
[3]) Aktenstücke, ib., s. 166—7.

Всѣмъ сказаннымъ не исключается разработка „самыхъ жгучихъ вопросовъ рабочаго времени, заработной платы, жилищной нужды"... Въ заключеніе Бисмаркъ подчеркиваетъ „живой интересъ", съ которымъ лично императоръ относится къ данной темѣ, а потому медлительность и неохотность государственныхъ органовъ въ выполненіи возлагаемой на нихъ подготовительной задачи—недопустимы.

Коммиссію пришлось учредить; въ ней, между прочимъ, участвовалъ и проф. Вагнеръ. Съ 7 по 29 ноября 1872 г. въ Берлинѣ засѣдала конференція нѣмецкихъ и австрійскихъ делегатовъ *по вопросу о соціальной проблемѣ*. Предсѣдательствовалъ графъ Roon, а Бисмаркъ остался въ сторонѣ, и, по выраженію Пошингера, „die Angelegenheit verlief im Sande" [1]).

Насколько борьба рабочихъ за улучшеніе своего экономическаго положенія сама-по-себѣ интересовала Бисмарка, объ этомъ свидѣтельствуетъ весьма цѣнное письмо его отъ 11 апрѣля 1873 г. къ графу Roon'у, тогдашнему президенту прусскаго министерства, письмо, стоящее въ связи съ вопросами, возбужденными Бисмаркомъ еще раньше — 3 апрѣля. Рѣчь идетъ о рабочемъ рынкѣ и объ отношеніи къ нему со стороны правительства, какъ заказчика (производился цѣлый рядъ государственныхъ строительныхъ работъ). Спросъ на рабочія руки и въ деревнѣ, и въ городѣ (особенно среди строительныхъ рабочихъ) чрезвычайно возросъ—и на этой почвѣ возникаютъ серьезныя затрудненія для предпринимателей, и непомѣрныя требованія со стороны рабочихъ. Такимъ образомъ, въ этихъ затрудненіяхъ, болѣе повинны обстоятельства, чѣмъ законодательство (свобода коалиціи). „Недостатки новыхъ законовъ, допускающіе злоупотребленія послѣдними, должны быть устранены по возможности усовершенствованіемъ уголовнаго законодательства". Ниже мы увидимъ, что свою угрозу Бисмаркъ осуществилъ; однако, мы сильнѣе подчеркиваемъ слѣдующее разсужденіе канцлера: „Въ настоящій моментъ, я думаю, государство прямо изъ высшихъ политическихъ соображеній обязано, насколько возможно, сократить всѣ свои хозяйственныя затраты, ко-

[1]) Ibid., s. 168.

торыя—вслѣдствія дальнѣйшаго усиленія спроса на трудъ—ухудшаютъ и безъ того уже существующее тяжелое положеніе“ [1]). Поэтому, надо пріостановить постройку всѣхъ тѣхъ сооруженій, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ охранѣ страны. Истинный Бисмаркъ, какъ государственный дѣятель, необыкновенно рельефно сказался въ этомъ поступкѣ: у него всюду на первый планъ выступаютъ „политическія“ основанія. Его, въ данномъ случаѣ, интересуетъ не судьба рабочихъ, которымъ вѣдь тоже должно было кое-что перепасть отъ „благодатнаго дождя французскихъ милліоновъ“—даже по законамъ либеральной экономической науки, и не столько онъ тревожится объ интересахъ предпринимателей,—сколько планируетъ „соотвѣтствующее вліяніе на политическія движенія рабочаго рынка“. Мы выше упомянули, что на жалобы и просьбы предпринимателей о сокращеніи коалиціоннаго права рабочихъ, Бисмаркъ, подъ вліяніемъ Дельбрюка, отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Но это была лишь оффиціальная, казовая сторона дѣла, подсказанная также политическими соображеніями. Изъ опасеній высказанныхъ имъ 3 апр. 1873 г. среди министровъ, видно, онъ далеко не прочь былъ-бы самъ рѣшить дѣло не въ либеральномъ духѣ. На этомъ засѣданіи указывалось, что промышленное законодательство, какъ оно развивается съ 1867 г., наводитъ на серьезныя размышленія въ его цѣлесообразности даже прежнихъ сторонниковъ. Мало того, дѣлаются преступныя попытки высылать делегатовъ изъ городскихъ рабочихъ въ деревню къ сельскимъ батракамъ и заставлять ихъ усваивать ту-же тактику. „Аграрная душа“ Бисмарка, конечно, въ этомъ случаѣ оказалась особенно чувствительной: онъ жалуется на прусскіе законы, содѣйствующіе эмиграціи и вредящіе „сельскому хозяйству“. Времени терять нельзя—надо что-либо предпринимать [2]).

Для обузданія рабочихъ Бисмаркъ даже рекомендуетъ прекращеніе выдачи концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ въ настоящее время, кромѣ важныхъ въ стратегическомъ отношеніи. Разрастающіяся жалобы землевладѣльцевъ на обезлюденіе деревни послужили главнымъ толчкомъ къ тому, чтобы прусское министерство рѣшилось въ спеціальной коммиссіи подвергнуть обсужденію „сельскій рабочій вопросъ“. Идея разработки соотвѣтствующаго матеріала при минист. земледѣлія принадлежала Бисмарку—и характерно дополняетъ его „соціально-политическую“ физіономію недостававшими штрихами. Содержаніе работъ не представляетъ для насъ спеціальнаго интереса: хотя говорилось объ улучшеніи быта с.-х.—рабочихъ и планировались разныя мѣры (обсужденіе началось 30 іюля 1873 г.), общій смыслъ сводится къ тому, чтобы различными способами задержать отливъ рабочихъ силъ изъ деревни (пересмотръ законовъ объ эмиграціи, облегченіе работникамъ въ пріобрѣтеніи осѣдлости и пр.). Какъ ни близки были сердцу Бисмарка эти „аграрные“ вопросы, однако онъ воздержался отъ болѣе активнаго участія въ работахъ совѣщанія: время его выступленій еще не настало. О живомъ интересѣ Бисмарка къ „кредитной нуждѣ“ землевладѣльцевъ мы знаемъ уже изъ предыдущаго. Результатомъ указаннаго совѣщанія—среди другихъ мѣръ—былъ также проектъ, касающійся правовыхъ отношеній с.-х. и лѣсныхъ рабочихъ къ хозяевамъ. Бисмаркъ одобрительно отнесся къ предполагаемой письменной формѣ заключенія рабочаго договора, но высказываетъ также и нѣкоторыя пожеланія. Напр., по вопросу о нарушеніи договора до срока, не цѣлесообразно-ли будетъ дать мѣстнымъ полицейскимъ учрежденіямъ право издавать нѣкоторыя предварительныя распоряженія, неисполненіе которыхъ грозитъ денежнымъ штрафомъ? Затѣмъ, вполнѣ нормально распространеніе закона 7 іюня 1871 г., объ отвѣтственности за увѣчья и на сельско-хозяйственную область; но не возникнетъ-ли затрудненій отъ незнакомства судей съ с.-хоз. производствомъ (напр. они станутъ подъ машиной подразумѣвать всякое с.-х. орудіе)? Находя, что рѣшеніе всѣхъ такихъ вопросовъ требуетъ спеціальныхъ знаній, Бисмаркъ колеблется, не слѣдуетъ ли изъять дѣла такого рода изъ вѣдѣнія общихъ гражданскихъ судовъ и препоручить особеннымъ органамъ административной юстиціи [1])? И еще въ

[1]) «Aktenstücke», № 111, s. 186.
[2]) Aktenstücke ib., s. 185.

[1]) Ibid., Aktenstück № 121, s. 202.

1876 г., передъ тѣмъ какъ проектъ былъ уже готовъ ко внесенію въ рейхстагъ, Бисмаркъ дѣлаетъ по поводу закона нѣкоторыя замѣчанія, приводить которыхъ полностью мы не будемъ; отмѣтимъ любопытную черточку. Бисмаркъ понимаетъ жалобы сельскихъ хозяевъ на трудность отличія „солидныхъ, прилежныхъ рабочихъ“ отъ бродягъ, и хотѣлъ бы помочь разрѣщенію такой задачи введеніемъ особыхъ Kontraktsbücher вмѣсто рабочихъ книжекъ. Вообще, предусмотрительность Бисмарка въ этомъ вопросѣ явно стояла на стражѣ интересовъ землевладѣльческихъ. Почему онъ, напр., не находилъ нужнымъ обладанія особыми техническими свѣдѣніями при вопросахъ о примѣненіи Haftpflichtgesetz въ области индустріальной? Живой интересъ, который проявилъ по отношенію къ сельскому хозяйству въ данномъ случаѣ Бисмаркъ, былъ чреватъ весьма важными послѣдствіями: черезъ три года онъ еще внимательнѣе отнесется къ жалобамъ аграріевъ и рѣзко измѣнитъ курсъ экономической политики. Для завершенія характеристики Бисмарка въ разбираемую нами эпоху господства Дельбрюка (отставка послѣдняго—апрѣль 1876 г.) остановимся еще на попыткахъ его вступить въ борьбу съ соціализмомъ по намѣченному плану. Для обузданія пропаганды былъ внесенъ въ 1875 г. законопроектъ о злоупотребленіяхъ въ прессѣ. Уже раньше (1873 г.) Бисмаркъ настаивалъ на принятіи нѣкоторыхъ исключительныхъ мѣръ противъ печати. Теперь—чаша его терпѣнія переполнилась; правда, не по винѣ только соціалъ-демократовъ, ибо ему сильно доставалось и отъ католиковъ, и консерваторовъ. Но особенною страстностью отличаются его нападки на соціалистовъ. Мы имѣемъ въ виду рѣчь, произнесенную 9 февраля 1876 г. въ рейхстагѣ. Слѣдуетъ помнить, что къ этому времени заигрыванія съ вождями соціалистическаго движенія, если бы и казались выгодными, то были совершенно неосуществимы: своею „соціально-политической“ медлительностью Бисмаркъ разогналъ свой штабъ (особенно онъ долженъ былъ бы живо чувствовать потерю Швейцера, который на него возлагалъ такія большія надежды); лассаліанцы и либкнехтовцы слились въ Готѣ (май 1875 г.), и, слѣдовательно, спекулировать на различіе теченій больше не приходилось. Сліяніе усилило соціалъ-демократическую партію. Hans Blum, восторженный поклонникъ Бисмарка, съ негодованіемъ отмѣчаетъ колоссальный ростъ соціалъ-демократической прессы за какой-нибудь годъ съ лишнимъ (къ августу 1876 г. — 23 газеты со 100.000 подписчиковъ, брошюры расходились въ сотняхъ тысячъ [1]). Все это создало партіи возможность получить на выборахъ въ рейхстагѣ 1877 г. $^1/_{10}$ часть всѣхъ голосовъ и пріобрѣсти 12 мандатовъ. Этимъ то Бисмаркъ и былъ выведенъ изъ равновѣсія. Величайшее зло странѣ, говоритъ онъ, приносятъ газеты, безконтрольно идущія въ темную, бѣдную массу и питающія мозги ея разною ложью. Бисмаркъ доходитъ до того, что даже сваливаетъ на соціалъ-демократовъ вину за разразившійся торгово-промышленный кризисъ: „die social-demokratischen Umtriebe haben wesentlich mit dazu beigetragen, den geschäftlichen Druck, unter dem wir uns befinden, zu schaffen“ [2])... Какимъ образомъ? Своею проповѣдью соціальной борьбы соціалъ-демократы „удорожили и сократили нѣмецкій трудъ“, производительность послѣдняго пала сравнительно съ французской и англійской, а потому „мы перестали быть способными къ конкурренціи“. Прежде, до пропаганды вожаковъ, нѣмецкая работа была „regelmässig und fleissig“, такъ что по этимъ качествамъ вошла даже въ поговорку. Страннымъ образомъ, Бисмаркъ просматриваетъ наличность гораздо болѣе аггрессивнаго настроенія во Франціи, гдѣ трудъ, однако, теперь оказывается, по его словамъ, производительнѣе. Научную подготовку въ дѣлѣ обсужденія соціализма Бисмаркъ врядъ ли обнаруживаетъ своими выпадами по адресу людей, желающихъ, чтобы имъ „въ ротъ летѣли жареные голуби“. Впрочемъ, эти чисто-филистерскія замѣчанія объясняются крайней степенью раздраженія противъ лицъ, осмѣливающихся публично въ рейхстагѣ хвалить „убійцъ и поджигателей парижской коммуны“. Законопроектъ, внесенный по поводу злоупотребленія печатнымъ словомъ, былъ прообразомъ закона противъ соціалистовъ—одного изъ элементовъ государственнаго соціализма Бисмарка; прототипомъ положительной его части былъ законопроектъ о больничныхъ кассахъ, который сталъ

---

[1]) H. Blum. „Das deutsche Reich zur Zeit Bismark“, глава о соц.-дем. до 1878. B. 1893.

[2]) Stenographische Berichte über die Verh. d. d. Reichstags. 2. Legislaturper. III Session 187$^5/_6$. S. 1330.

закономъ 8 февраля 1876 г. Но—увы! не въ той формѣ, какая улыбалась Бисмарку. Послѣдній—во что бы то ни стало—хотѣлъ расширить функціи правительства въ этомъ дѣлѣ и проложить, такимъ образомъ, дорогу къ государственному въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова страхованію рабочихъ. Рейхстагъ роль правительства низвелъ до minimum'a, а уголовную новеллу противъ печати („каучуковые параграфы") отвергъ, несмотря на все краснорѣчіе канцлера. Пораженія въ этой области, равно какъ и крушеніе перваго плана реформы имперскихъ финансовъ — заставляютъ Бисмарка сомнѣваться въ цѣлесообразности дальнѣйшаго союза съ либералами. Несогласія съ Дельбрюкомъ постепенно выростаютъ въ цѣлый конфликтъ — на почвѣ вопроса объ огосударствленіи желѣзныхъ дорогъ. Учрежденіе спеціальнаго органа — Reichseisenbahnamt (1873 г.) не привело къ сколько-нибудь осязательнымъ результатамъ. Между тѣмъ, по мнѣнію Бисмарка, въ обществѣ уже проявилась симпатія къ фискализаціи желѣзн. дорогъ. Это видно изъ того, что ландтагъ въ маѣ 1874 г. отказался гарантировать $^0/_0{}^0/_0$ Сѣверной Дорогѣ, а предположилъ довести дѣло до конкурса и выкупить дорогу въ пользу государства. Нечего и говорить, что эта идея особенно улыбалась Бисмарку съ финансовой стороны, если бы получила осуществленіе въ имперскомъ масштабѣ. Бисмаркъ именно и настаиваетъ, что лучше выкупъ произвести въ пользу Имперіи. Вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ и послужилъ, какъ мы выше сказали, ближайшимъ толчкомъ къ разлукѣ Бисмарка съ Дельбрюкомъ.

Этимъ заканчивается второй циклъ хозяйственной политики Бисмарка—и начинается новая эра. Резюмировать настоящую главу мы можемъ слѣдующимъ образомъ. Городская демократія ненавистна аристократу Бисмарку какъ въ бытность его депутатомъ, такъ и по достиженіи власти. Получивъ послѣднюю, онъ—ради политическихъ разсчетовъ—заглушаетъ свои природныя симпатіи и антипатіи и включаетъ игру съ демократіей въ свою лабораторію дипломатически-политическихъ средствъ и орудій. Основная идея, которая опредѣляетъ всю государственную дѣятельность Бисмарка,— единая Германія, крѣпкая, грозная сосѣдямъ, конституціонная, но не парламентская. Различныя реальныя комбинаціи опредѣляютъ собой то лицемѣрныя заигрыванія съ демократіей, то жестокія давленія по ея адресу. Первыя характеризуютъ министра-президента въ эпоху конфликта съ палатой депутатовъ; вторыя — до извѣстной степени — дѣятельность канцлера. Или, лучше сказать, въ умѣ канцлера до разлуки съ Дельбрюкомъ окончательно созрѣла идея совмѣщенія обоихъ принциповъ, политически казавшаяся наиболѣе выгодной.

Глава III.

Измѣненіе „курса“ экономической политики.

I.

Отставка Дельбрюка положила предѣлъ почти безраздѣльному господству либерализма въ хозяйственной политикѣ Пруссіи и Германской Имперіи.

Какъ мы указывали выше, извѣстныя разногласія между канцлеромъ и его „правой рукой“ были налицо и раньше, но, до поры-до времени, они слабо выступали наружу. Къ серединѣ-же семидесятыхъ годовъ общая экономическая конъюнктура начала рѣзко измѣняться, и царству „денежной аристократіи“, съ такимъ успѣхомъ помогавшей Бисмарку слагать единую Германію, пришелъ конецъ. Причины и характеръ измѣненія конъюнктуры будутъ нами указаны ниже; сначала-же отмѣтимъ, какъ самъ Бисмаркъ объяснялъ рѣзкое измѣненіе курса, совершившееся въ концѣ 70-хъ годовъ. Въ рѣчи въ рейхстагѣ отъ 29 ноября 1881 года, по поводу обсужденія имперскаго бюджета, въ отвѣтъ на упреки Рикерта и Рихтера, что онъ необычайно легкомысленно перемѣнилъ прежнюю фритредерскую позицію, Бисмаркъ заявляетъ: „Я часто уже говорилъ: первыя пятнадцать лѣтъ моей министерской дѣятельности я былъ поглощенъ внѣшней политикой и совсѣмъ не считалъ своимъ призваніемъ существеннымъ образомъ руководить внутренней политикой Имперіи, да и времени для этого не имѣлъ. Я предположилъ, что внутреннія дѣла находятся въ хорошихъ рукахъ. Но послѣ того, какъ я потерялъ тѣ руки, которыя считалъ за хорошія, пришлось ближе присмотрѣться къ дѣлу,—и я нашелъ, что хотя до сихъ поръ и ссылался на verba magistri, дѣйствительные результаты не соотвѣтствовали предпосылкамъ, лежащимъ въ основаніи нашего законодательства“. Возможность благотворнаго вліянія фритредерской политики Бисмаркъ объясняетъ приливомъ французскихъ милліардовъ, за истощеніемъ которыхъ естественно обнаружились затрудненія. Данныя 1877 г. показали Бисмарку, что надо принять рѣшительныя мѣры къ устраненію „нужды въ странѣ, паденія уровня жизни, индустріи“... „Разстройство всѣхъ дѣлъ дошло до такой высокой степени, что я долженъ былъ надъ этимъ задуматься“ [1])...

Неутомимый біографъ и библіографъ Бисмарковской литературы—Пошингеръ замѣчаетъ по поводу этого перелома: „Мы находимъ Бисмарка (въ 1876 г.) на исходной точкѣ совершенно новой фазы развитія: онъ не утомился политикой, но посвящаетъ ей не все свое время. Онъ стремится найти новое поприще труда, и находитъ его въ заботѣ о матеріальномъ благѣ народа, котораго онъ передъ тѣмъ политически осчастливилъ“ [2]). Постановка вопроса у Пошингера—совершенно невѣрная: Бисмаркъ остался политикомъ и перемѣнилъ только методы воздѣйствія. Неправильно очерчиваетъ переворотъ и самъ Бисмаркъ въ цитированной рѣчи: вовсе не всѣ „внутреннія дѣла“ онъ оставлялъ за время министерской дѣятельности въ чужихъ рукахъ: достаточно вспомнить „конституціонный конфликтъ“, „культур-кампфъ“ и пр. Конечно, до основанія Германской Имперіи и въ первые годы ея существованія центръ тяжести дѣятельности министра-президента и канцлера лежалъ въ области внѣшней политики, но послѣдняя требовала и опредѣленныхъ комбинацій внутренняго управленія. А, кромѣ того, послѣ сложенія новаго политическаго тѣла приходилось думать о его внутреннемъ укрѣпленіи, чему Бисмаркъ посвятилъ не мало времени и труда. Далеко не случайность, что руководительство хозяйственной политикой онъ оставилъ въ рукахъ Дельбрюка: свободное развитіе капитализма давало наилучшіе скрѣпляющіе элементы. На почвѣ „обогащенія“ стали сближаться самые разнообразные политическіе элементы. Консерваторы выдѣлили изъ себя новую группу — свободныхъ консерваторовъ, которые охотно мирились съ „тлетвор-

---

[1]) Stenographische Berichte, V Legistaturper., I Session 188¹/₂ S. 79—80.

[2]) v. Poschinger, l. c., s. 88—89.

нымъ" вліяніемъ капитализма. Какъ показали позднѣйшія разоблаченія, въ неблаговидныхъ пріемахъ обогащенія участвовали лица съ громкими именами (напр., герцоги Ujest, Ратиборъ); даже старѣйшій адъютантъ прежняго „соціальполитическаго штаба"—Германъ Вагенеръ оказался не совсѣмъ безупречнымъ. И Бисмарку самому была поставлена въ вину близость къ банкиру Блейхредеру, Бисмарку, который едва не спустилъ съ лѣстницы передъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ (въ качествѣ посла) нѣкоего Левинштейна, подосланнаго Австріей съ цѣлью его подкупить. Все это мы приводимъ для иллюстраціи той мысли, что хозяйственный либерализмъ Бисмарка вовсе не является случайностью и не объясняется цѣликомъ его недосугомъ. Но когда ураганъ французскихъ милліоновъ пронесся, смывая важнѣйшіе пережитки дореформеннаго хозяйственнаго уклада, и страна за свое окончательное пріобщеніе къ „міровому" хозяйству потерпѣла жестокое сотрясеніе въ кризисѣ 73 года, тактика необходимо должна была измѣниться. Памятуя, что Бисмаркъ, прежде всего, имѣетъ въ виду укрѣпленіе новой Имперіи, которая, если и не искусственно была сложена, то все-таки со значительными треніями, въ объясненіи перемѣны позиціи мы должны двигаться въ слѣдующей послѣдовательности. Кардинальнѣйшій вопросъ, мучившій Бисмарка съ основанія Имперіи, это были ея финансы [1]). По конституціи, бюджетъ слагался изъ „остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ, таможенныхъ пошлинъ, общихъ налоговъ на потребленіе и отъ почтово-телеграфнаго дѣла". Недохватки покрываются взносами (матрикулярными) отдѣльныхъ государствъ, по количеству населенія въ каждомъ. Пока не изсякъ источникъ французской контрибуціи, гнетъ отъ несовершенства такой финансовой системы не особенно чувствовался; но когда блестящая пора миновала, пришлось прибѣгать къ займамъ и матрикулярные взносы обнаруживали тенденцію къ возрастанію, Бисмаркъ сталъ сильно тяготиться [2]).

[1]) Данный вопросъ, съ точки зрѣнія финансовой, прекрасно разработанъ въ книгѣ М. И. Фридмана: „Современные косвенные налоги на предметы потребленія", т. I, Спб. 1908. См. с. 17 и дальше.

[2]) Матрик. взносы такъ двигались по годамъ: 1872—82.266.799 м., 1873—59.088.184, 1874 — 51.399.533; 1875 — 51.712.253; 187⁶/₇ — 55.759.152; 187⁷/₈—64.171.125; 187⁸/₉—70.208.745; 187⁹/₈₀—64.054.504. См. H. Blum, „Das deutsche Reich zur Zeit Bismarcks", l. c.

Имперія была въ положеніи неимущаго просителя, „стучащагося въ двери отдѣльныхъ государствъ". Обезпечить Имперіи достаточные и малозависящіе отъ законодательнаго учрежденія источники дохода—вотъ что занимаетъ Бисмарка. Извѣстно его предпочтеніе косвеннымъ налогамъ; но затаенной мечтой, которая вскорѣ оффиціально была заявлена, была фискализація нѣкоторыхъ статей, — огосударствленіе желѣзныхъ дорогъ и табачная монополія. Въ этой области Бисмаркъ неминуемо долженъ былъ вступить въ конфликтъ со своими прежними друзьями: планируемое имъ абсорбированіе торговой прибыли въ пользу государства не могло одобряться либералами. По мѣрѣ же того, какъ Германія изъ страны, вывозящей сырье и ввозящей фабрикаты, постепенно превращалась въ государство съ обратной торговой тенденціей, увеличеніе таможеннаго дохода становилось мыслимымъ лишь при полномъ разрывѣ съ фритредерскими традиціями. Если еще въ серединѣ 90-хъ годовъ онъ, во имя развитія желѣзодѣлательной индустріи, готовъ настаивать на устраненіи пошлинъ на желѣзо, то фискальныя потребности должны были круто гнуть его предположенія въ обратную сторону.

Итакъ, первой побудительной причиной, заставившей Бисмарка пересмотрѣть свою „экономическую систему", было желаніе упрочить Германію въ финансовомъ отношеніи. Первые опыты по пересмотру финансоваго имперскаго законодательства, о чемъ мы скажемъ ниже, показали Бисмарку, что ему мало приходится разсчитывать на поддержку рейхстага въ данномъ составѣ: не говоря уже о такихъ смѣлыхъ проектахъ, какъ огосударствленіе желѣзныхъ дорогъ и табачная монополія, но даже простое увеличеніе налоговъ, встрѣчаетъ почти непреодолимыя препятствія. Рейхстагъ, очевидно, совсѣмъ не склоненъ былъ такъ смотрѣть на Имперію и на роль государства вообще, какъ Бисмаркъ: на этотъ разъ либерализмъ оказался въ союзѣ съ партикуляризмомъ представителей отдѣльныхъ странъ. И Бисмарку долго пришлось бы бороться съ ничтожнымъ успѣхомъ, если бы на выручку не поспѣла измѣнившаяся хозяйственная конъюнктура. На

почвѣ краха 1873 г. создалось депрессивное состояніе: много заводовъ и фабрикъ стояло безъ дѣла. Особенно тяжелымъ оказалось положеніе чугунно-литейныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ; потребленіе желѣза со 142 ф. въ 1873 году упало къ 1876 г.—до 82,2—и тенденція къ пониженію безпрерывно проявлялась. Также печально было состояніе и текстильной промышленности, жаловавшейся на усвоеніе сосѣдями протекціонной политики и потерю, вслѣдствіе этого, внѣшнихъ рынковъ. Образовалась длинная вереница „жалобщиковъ" изъ руководителей, помимо указанныхъ двухъ основныхъ отраслей германской индустріи, еще сахарной, бумажной, кожевенной и др. Такимъ образомъ, въ исканіяхъ финансоваго характера у Бисмарка могла оказаться почва подъ ногами: усиленіе таможеннаго обложенія въ заинтересованныхъ кругахъ будетъ встрѣчено съ восторгомъ. Впереди, однако, вырисовывался конфликтъ съ сельскими хозяевами, которые, по понятнымъ уже для насъ причинамъ, тяготѣли къ фритредерству. Конфликтъ этотъ тѣмъ болѣе могъ казаться опаснымъ, что Бисмаркъ, сковывая Германскую Имперію, обходился безъ консерваторовъ, даже порвалъ съ ними связи. Борьба-же съ католицизмомъ во многомъ еще болѣе испортила отношенія. Прежняя союзница министра-президента, при его участіи возникшая „Kreuz-Zeitung" не стѣснялась инсинуировать противъ канцлера. При дворѣ, подъ покровительствомъ императрицы, не любившей Бисмарка, образовалась, сильная, враждебная ему, партія, во главѣ которой находился графъ Арнимъ. Возникъ извѣстный процессъ Арнима, который былъ арестованъ за брошюры инсинуирующаго характера и, въ концѣ концовъ, вынужденъ былъ бѣжать за-границу, чтобы избѣгнуть тяжелой кары. Изъ-за-границы онъ сталъ выпускать ядовитыя стрѣлы по адресу Бисмарка, которыя съ радостью подхватывались „Крестовой Газетой". Дѣло дошло до того, что Бисмаркъ, ради упроченія своего положенія, сталъ просить объ отставкѣ. Послѣднюю Вильгельмъ, конечно, не далъ, ибо безъ канцлера онъ не могъ бы и шагу ступить, чтобы не сдѣлать непоправимыхъ ошибокъ; Бисмаркъ получилъ только отпускъ и уѣхалъ въ имѣніе Варцинъ (3 апрѣля 1877 г.), гдѣ пробылъ 10 мѣсяцевъ и, по свидѣтельству біографовъ, серьезно занялся штудированіемъ экономическихъ вопросовъ. Эти указанія приведены нами для того, чтобы отмѣтить опасность новыхъ столкновеній съ консерваторами. Но тѣ-же хозяйственныя условія, что и раньше нами были отмѣчены, выручили Бисмарка и въ этомъ отношеніи. Сами землевладѣльцы вынуждены были рѣзко измѣнить фритредерскія симпатіи. Разразился извѣстный „аграрный" кризисъ, сбившій цѣны на нѣмецкій хлѣбъ и наводнившій нѣмецкій рынокъ дешевымъ американскимъ, русскимъ, австрійскимъ сырьемъ. По приведенной ниже небольшой табличкѣ читатель можетъ судить, насколько затруднительнымъ оказалось положеніе сельскихъ хозяевъ, обремененныхъ притомъ громадными ипотечными долгами. Если въ 50-е года и въ первую половину семидесятыхъ цѣны почти на всѣ сельско-хозяйственные продукты росли, то съ послѣдняго момента онѣ неудержимо катятся внизъ, за немногими исключеніями.

Гамбургскія оптовыя цѣны на пшеницу, рожь и т. д. съ 1851 по 1890 г. [1]).

	Марокъ за Doppelzentner netto.			
	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овесъ.
1850	15,22	12,09	8,69	15,12
1851—55	21,22	15,86	14,82	14,38
1856—60	20,75	17,13	15,96	14,81
1861—65	19,83	14,84	13,17	12,95
1866—70	21,02	19,54	17,84	16,66
1871—75	24,46	16,27	16,44	15,79
1876—80	20,97	16,88	14,09	15,65
1881—85	18,02	13,83	12,18	13,54
1886—90	14,73	11,24	10,15	11,11

Теперь и сельскому хозяйству приходится думать о защитѣ себя отъ конкуррентовъ таможенными стѣнами. Общая комбинація получалась въ пользу измѣненія прежней торговой политики. Лучше всего резюмируетъ сущность дѣла, по нашему мнѣнію, Зомбартъ въ слѣдующихъ строкахъ:

[1]) Цифры взяты у Зомбарта—„Die deutsche Volkswirthschaft im XIX-en Jahrhundert" B. 1903. Anlagen, № 51, s. 624.

„Всегда, если въ странѣ существуетъ особенно живая потребность въ экспортѣ, нація проникнута тенденціей къ свободной торговлѣ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ преобладающіе интересы экспортирующихъ аграріевъ обусловливали фритредерскую политику Пруссіи въ первой половинѣ столѣтія, преобладаніе интересовъ экспортнаго индустріализма—продолжали эру свободной торговли въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Но какъ только получили перевѣсъ интересы ввоза, настроеніе мѣняется: протекціонистскія стремленія получаютъ рѣшающее вліяніе. Такъ обстояло около середины столѣтія въ Германіи съ отдѣльными вѣтвями индустріи (желѣзодѣлательной и текстильной); съ конца-же 70-хъ годовъ эта ситуація является общей для подавляющаго большинства всѣхъ аграрныхъ и индустріальныхъ областей“ [1]).

Бисмарку оставалось только пойти по линіи наименьшаго сопротивленія,—и, такимъ образомъ, въ существѣ своемъ политическая для него задача принимаетъ форму измѣненія курса экономической политики. Ко всему сказанному надо добавить еще одинъ существенный моментъ: опасенія Бисмарка передъ новой демократіей, неуклонно развивавшейся, сплотившейся въ 1875 г. въ единую политическую партію и своей безпрестанной критикой вліявшей на общественное мнѣніе въ невыгодную для канцлера сторону. Планы устраненія этого „внутренняго врага“ рождались уже давно, но союзъ съ либерализмомъ мѣшалъ ихъ осуществленію. Теперь и либерализмъ сталъ меркнуть. Справившись съ однимъ внутреннимъ врагомъ—„ультрамонтанизмомъ“, Бисмаркъ обращается къ другому. Общія его директивы въ этомъ отношеніи извѣстны намъ изъ предыдущей главы. Задача, какъ мы видимъ, совершенно политическая; и её-то стремился Бисмаркъ разрѣшить, приступая къ своей „соціальной политикѣ“. При чемъ онъ въ данномъ случаѣ поступалъ въ высшей степени шаблонно, по рецепту мелкихъ государственныхъ дѣятелей—„сначала успокоеніе, потомъ реформы!“. Надо было найти только какой-нибудь подходящій поводъ. Судьба, столь баловавшая Бисмарка, оказала ему и въ этомъ случаѣ услугу: мы говоримъ о двукратномъ покушеніи на жизнь Вильгельма I; рѣчь объ этомъ, однако, впереди.

[1]) Sombart, ibid., s. 438.

Прежде чѣмъ перейти къ ознакомленію съ двумя рѣшающими моментами—представленіемъ проекта закона противъ соціалистовъ (14 мая 1878 г.) и записки Союзному Совѣту 15 декабря 1878 г. объ измѣненіи финансовой системы Имперіи, посмотримъ, нѣтъ-ли какихъ-либо интересныхъ слѣдовъ въ періодѣ переходный—между отставкой Дельбрюка и возвращеніемъ Бисмарка изъ Варцина въ Берлинъ.

Такъ какъ центръ нашего вниманія въ работѣ сосредоточивается на соціально-политическихъ взглядахъ Бисмарка, то мы, прежде всего, и остановимся на двухъ его интереснѣйшихъ письмахъ, рисующихъ отношеніе будущаго „христіанина“ къ рабочему вопросу. Дѣло касается подготовки проектовъ, относительно измѣненія Промышленнаго Устава въ пользу болѣе дѣйствительной охраны рабочихъ, особенно женскаго и дѣтскаго труда. Соотвѣтствующій запросъ былъ выдвинутъ въ рейхстагѣ еще въ 1873 г., и тогда же (30 апр.) состоялось рѣшеніе предпринять анкету для выясненія условій рабочаго быта. Все это тогда какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало извѣстной части общественнаго мнѣнія, находившагося подъ вліяніемъ эйзенахскихъ „катедеръ-соціалистовъ“. Анкета длилась въ теченіе двухъ лѣтъ, а за это время многое успѣло измѣниться. На основаніи данныхъ обслѣдованія, опубликованныхъ во всеобщее свѣдѣніе лишь въ 1877 г., Союзный Совѣтъ въ засѣданіи 27 апр. 1876 г. постановилъ предложить союзнымъ правительствамъ высказать свои пожеланія. Предположенія прусскаго министра торговли, представленныя Бисмарку, вызвали съ его стороны цѣлый рядъ замѣчаній. Послѣднія интересны въ томъ отношеніи, что въ области рабочаго вопроса либерализмъ Бисмарка оказался гораздо болѣе устойчивымъ, чѣмъ въ вопросахъ внѣшней торговли и экономіи путей сообщенія. Можно различнымъ образомъ конструировать систему фабричнаго законодательства, расширять и сдвигать его рамки,—но тѣ точки зрѣнія и то настроеніе, которыя высказались въ упоминаемыхъ документахъ Бисмарка, не могутъ принадлежать другу демократіи. Первое, что канцлеръ выдвигаетъ, это—несвоевременность пересмотра Промышленнаго Устава. „Въ виду тяжелаго нынѣшняго положенія индустріи мнѣ кажется сомнительной всякая законодательная дѣятельность, которая обременяетъ производство безъ абсолютно принуждающихъ

къ этому причинъ. Индустрія нуждается въ спокойствіи, чтобы послѣ обратнаго движенія послѣднихъ годовъ снова быть въ состояніи вступить въ борьбу съ иностранной конкурренціей. Современный моментъ не соотвѣтствуетъ тому, чтобы вносить въ наше законодательство измѣненія, могущія тормозить предпринимательскую дѣятельность или ослабить туземную индустрію уменьшеніемъ ея производительности по сравненію съ иностранной“ [1]). Какъ видимъ, исходный пунктъ замѣчаній Бисмарка — насквозь либеральный. Повторяемъ, что можно различно относиться къ либерализму, но трудно сказать, чтобы представитель или берущій на себя представительство рабочихъ интересовъ могъ такимъ образомъ строить свою аргументацію. Этой, какъ и послѣдующими ссылками мы не хотимъ сказать, что въ области соціальнаго вопроса Бисмаркъ твердо усвоилъ либеральныя идеи; слишкомъ много доказательствъ противоположнаго характера уже раньше было нами приведено; но что онъ безразлично относился къ нуждамъ рабочаго, если мнимой заботой нельзя было достигнуть политическаго эффекта, это — достаточно обнаруживается. Мало того, въ драгоцѣнныхъ для характеристики Бисмарка строкахъ сквозитъ нѣкоторое пренебреженіе прирожденнаго аристократа къ плебсу, предположеніе въ послѣднемъ только самыхъ элементарныхъ потребностей.

Теперь, говоритъ Бисмаркъ, не можетъ быть такой эксплоатаціи рабочихъ, какъ три года тому назадъ, во время превышенія спроса надъ предложеніемъ труда: теперь рабочихъ часто держатъ изъ милости, и если Пром. Уставъ станетъ придирчивѣе и суровѣе, то просто станутъ разсчитывать рабочихъ, за что послѣдніе не поблагодарятъ законодателя. Стало быть, интересы и рабочихъ требуютъ охраны промышленниковъ. Затѣмъ, говоритъ Бисмаркъ, уже обнаружилось, что „существующія предписанія Промышленнаго Устава о трудѣ незрѣлыхъ рабочихъ реализуются неполно и недостаточно. Слѣдуетъ избѣгать обогащенія законовъ еще новой серіей неисполненныхъ постановленій“ [1]). Даже вопроса не поднимается у канцлера о томъ, чтобы настоять на выполненіи законовъ.

[1]) „Aktenstücke“, l. c., № 132, s. 233—4.
[2]) Ibid., s. 235.

Отдѣльныя замѣчанія не менѣе любопытны. Зачѣмъ опредѣленно фиксировать время занятій женщинъ и подростковъ? Вѣдь трудъ слишковъ индивидуализированъ въ каждомъ предпріятіи. Почему возмущаются ночной работой женщинъ? Развѣ, съ моральной стороны, съ точки зрѣнія выполненія семейныхъ обязанностей. дневная работа женщины не такъ-же предосудительна? Различное время труда, допускаемое для рабочихъ разныхъ категорій, слишкомъ неудобно для фабрики, ибо нельзя останавливать и возобновлять рабочаго процесса порознь для каждой группы. „Запрещеніе работы по воскресеньямъ и въ субботу послѣ обѣда—въ томъ общемъ видѣ, какъ оно предположено, съ своей стороны въ практикѣ натолкнется на столь многія препятствія и повлечетъ за собой столь существенное вмѣшательство въ свободу каждаго отдѣльнаго лица, что можетъ a priori считаться невыполнимымъ“ [1]). Относительно-же обязательнаго посѣщенія школы дѣтьми и подростками, занятыми въ производствѣ, хотя таковое обученіе и желательно, но въ Пром. Уст. не слѣдуетъ детализировать вопроса: мѣсто ему въ школьныхъ законахъ. Какъ будто Бисмаркъ не понималъ, что подобнаго рода постановленіями, возлагаемыми на предпринимателей, только и можетъ быть достигнутъ извѣстный эффектъ. Общая мотивировка отрицательнаго отношенія къ законопроекту—даже болѣе, чѣмъ либеральна. Такъ, англійская буржуазія, въ концѣ концовъ, примирилась съ фабричными актами; Бисмаркъ же отнюдь не желаетъ развитія имперскаго рабочаго законодательства по англійскому образцу. Еще болѣе характерно письмо Бисмарка изъ Варцина отъ 10 авг. 1877 г. къ министру торговли Ахенбаху, по поводу проектируемаго обязательнаго, а не факультативнаго, какъ до сихъ поръ, фабричнаго инспектората. Достаточно извѣстно, что этотъ институтъ является конститутивной частью фабричнаго законодательства, и въ этомъ лучше всего убѣждаетъ англійская практика. Если-бы Бисмаркъ, дѣйствительно, имѣлъ въ виду нужды рабочаго класса и искренне стремился къ выполненію „неисполненныхъ“ нормъ, то его отношеніе къ упомянутому институту было-бы иное. А между тѣмъ, не отрицая его прямо, онъ выискиваетъ возраже-

[1]) Ibid., s. 236.

нія противъ него и настаиваетъ на необходимости ограниченія полномочій инспектора. Нынѣшняя постановка инспектората (въ Пруссіи существуетъ съ 1853 г.) Бисмарка не удовлетворяетъ: чиновники, съ неограниченными полномочіями, слишкомъ мѣшаютъ фабричному производству. И это, говоритъ канцлеръ, несмотря на то, что м. Итценплитцъ свелъ дѣятельность фабричныхъ инспекторовъ почти на нѣтъ. Можетъ-ли инспекторъ обладать такими энциклопедическими свѣдѣніями, чтобы его безпрерывныя вмѣшательства въ фабричную жизнь, дѣйствительно, были цѣлесообразны? Запасъ такихъ лицъ—крайне незначителенъ. А, кромѣ того, Бисмаркъ въ данномъ случаѣ рѣшительно высказывается противъ бюрократическаго способа воздѣйствія на жизнь; въ немъ какъ-бы проснулся прежній депутатъ—недаромъ онъ себя причисляетъ не только къ „правящимъ", но и къ „управляемымъ". „Я считаю заблужденіемъ, въ которое мы впадаемъ на основаніи предвзятаго мнѣнія отдѣльныхъ личностей, думать, что затрудненія, возникающія между работодателями и рабочими, можно разрѣшить созданіемъ новаго класса чиновниковъ, который несетъ въ себѣ всѣ зародыши бюрократическихъ злоупотребленій..." [1]). Такъ выразился „государственный соціалистъ", и біографы его, желающіе оттѣнить соціально-реформаторскую сторону дѣятельности Бисмарка, либо замалчиваютъ, либо искажаютъ смыслъ реплики. Это поразительное недовѣріе къ чиновничеству, элементу государственной жизни, который позднѣе (и немного позднѣе) Бисмаркъ будетъ превозносить, должно было казаться подозрительнымъ! Хотя фраза звучитъ вполнѣ въ духѣ Сея или его нѣмецкихъ истолкователей—Принсъ-Смита и Михаэлиса, но—не въ либерализмѣ здѣсь дѣло. Бисмаркъ, какъ въ этомъ мы будемъ имѣть много случаевъ убѣдиться, не хотѣлъ прилагать такихъ заботъ къ судьбѣ демократіи, которыя способствовали бы росту ея самосознанія, общему культурному подъему [2]). Потому-то охрана труда, вносящая принципы высшей человѣчности въ

[1]) Ibid., s. 262.

[2]) Сказанное, для оттѣненія мысли, нарочно рѣзко формулировано. Конечно, Бисмаркъ не былъ, напр., врагомъ всеобщаго обученія, польза котораго сказалась во время войны съ Франціей.

хозяйственныя отношенія, охрана труда, которой многимъ обязанъ высокій культурный уровень квалифицированнаго англійскаго работника, — никогда не пользовалась сочувствіемъ Бисмарка. Вѣдь охрана труда утверждаетъ элементы „конституціи" въ фабричной жизни, а инспекторъ является стражемъ этой конституціи. Всякимъ другимъ стражемъ Бисмаркъ охотно себѣ представляетъ „чиновника" и настаиваетъ въ этомъ случаѣ на благодѣтельности его вмѣшательства въ жизнь „отдѣльныхъ лицъ"; но—при такой комбинаціи канцлеръ становится врагомъ бюрократизма. Да и какъ Бисмаркъ могъ сочувствовать цѣлямъ охраны труда рабочихъ, *когда проекты подобнаго рода исходили также и* отъ его заклятыхъ враговъ—соц.-демократовъ. Послѣдніе, осудивши на конгрессѣ 1876 г. начинающуюся эру протекціонизма и фискализаціи, внесли въ 1877 г. въ рейхстагъ законопроектъ, требующій 10-ти час. рабоч. дня, учрежденія примирительныхъ камеръ и промышленныхъ судовъ, обязательнаго надзора за фабриками со стороны инспекторовъ, санитарнаго и гигіеническаго надзора за рабочими жилищами, освобожденія профессіональныхъ организацій отъ реакціонныхъ законовъ. Отчасти подъ давленіемъ соц.-дем. была внесена позднѣе въ рейхстагъ новелла къ Пром. Уст. (1878 г.).

Чтобы покончить съ этимъ „выпадомъ" соціально-полит. характера, *отмѣтимъ, что проектъ былъ принятъ съ* большими урѣзками (не прошла часть о примир. судахъ); была нѣсколько усилена отвѣтственность за нарушеніе контракта, категорически запрещена Truck-System, надзоръ за фабриками признанъ обязательнымъ, но имперскаго фабричнаго инспектора учреждено не было, и усиленіе надзора предоставлено было на усмотрѣніе союзныхъ государствъ. Позднѣе—въ 1888 г. Союзный Совѣтъ рѣшительно высказался противъ предположеній проекта рейхстага относительно женскаго и дѣтскаго труда, по мотивамъ, продиктованнымъ Бисмаркомъ: „онъ-де не убѣжденъ, что есть настоятельная необходимость въ нормировкѣ женскаго и дѣтскаго труда; кромѣ того, самый путь—невѣренъ, ибо для рабочей семьи *трудъ женщинъ и дѣтей далеко нелишній*". *И послѣ этого*, охрана труда въ Имперіи не развивалась до самой отставки Бисмарка и самостоятельныхъ выступленій Вильгельма II.

При томъ методѣ трактованія рабочаго вопроса, котораго придерживался Бисмаркъ, нѣтъ мѣста мѣрамъ, поднимающимъ культурный уровень рабочей массы. „Борьба работодателей и рабочихъ вращается, главнымъ образомъ, вокругъ высоты участія каждой стороны въ доходѣ и размѣра труда, котораго можно требовать отъ рабочаго,—вокругъ заработной платы и рабочаго времени". Если угодно, Бисмаркъ правильно подчеркнулъ сущность данной соціальной борьбы; но понялъ послѣднюю слишкомъ односторонне, съ пренебрежительностью къ прочимъ интересамъ демократіи, пренебрежительностью, свойственной аристократу и доходящей до цинизма. Конечно, рабочій вопросъ есть, прежде всего, „Magenfrage", но не только „вопросъ желудка", а и „Kulturfrage": на почвѣ лучшаго удовлетворенія матеріальныхъ потребностей у каждаго общественнаго класса, развивающагося, а не деградирующаго, появляется новый духовный міръ. Его-то, „новаго человѣка" Бисмаркъ не понималъ, не признавалъ и не допускалъ. Онъ даже искусственно, во имя достиженія нужнаго ему *политическаго эффекта, старался своими* „соціально-политическими" мѣропріятіями сосредоточить все вниманіе рабочаго на пфеннигахъ.

Въ цитируемомъ нами письмѣ Бисмаркъ доходитъ даже до нѣкотораго издѣвательства (правда, тонкаго) надъ мотивами „этическаго" характера, по которымъ предполагается раздѣлять полы во время работы. Когда работаешь, нѣтъ времени сближаться, говоритъ онъ; а—кромѣ того—почему тогда не слѣдить за работниками и батрачками въ сельскомъ хозяйствѣ, совмѣстно работающими „въ темныхъ уголкахъ, за стогами сѣна". И Бисмарку-помѣщику не приходитъ въ голову аналогичное съ фабричнымъ закономъ рѣшеніе вопроса! Почему вообще, спрашиваетъ онъ, выхватили изъ всѣхъ отраслей хозяйства одну, и притомъ находящуюся нынѣ въ такомъ печальномъ положеніи, и говорятъ объ исключительныхъ опасностяхъ для жизни и здоровья занятыхъ здѣсь людей. Приводя совершенно вѣрные примѣры бо́льшей опасности (желѣзныя дороги, строительныя работы), Бисмаркъ, однако, чтобы не допустить расширенія принципа охраны на всякое производство, начинаетъ шутить: почему-бы, съ нарушеніемъ „des Hausrechts" не учредить и „Hausinspectoren", которые должны смотрѣть, нѣтъ-ли въ домѣ опасныхъ предметовъ и хорошо-ли они хранятся въ случаѣ наличности и допустимости ихъ?

Основнымъ моментомъ рабочаго законодательства, по мнѣнію Бисмарка, является законъ объ отвѣтственности за несчастные случаи; его углубленія и расширенія канцлеръ желаетъ, въ особенности его возможнаго распространенія на состояніе „инвалидности", возникающее или отъ истощенія, или отъ болѣзней—во время исполненія обязанностей[1]). Для выполненія надзора за трудомъ малолѣтнихъ „пожалуй, достаточны лица съ меньшей дискреціонной властью, чѣмъ фабричные инспектора". Мало того, ихъ самихъ надо контролировать, и *Бисмаркъ рекомендуетъ коллегіальный способъ разрѣшенія* вопроса. Однимъ словомъ, охрана труда англійскаго типа, со всѣми ея акцессуарами, которая въ Англіи приблизительно въ это время конституируется въ общій актъ и формально, такимъ образомъ, усвояется либерализмомъ, Бисмаркомъ рѣшительно отвергается.

Не надо, однако, преувеличивать и его заботъ объ „отечественной индустріи": „душой" Бисмаркъ—не на сторонѣ фабрикантовъ,—онъ дѣйствуетъ, какъ политикъ. Для характеристики переходной эпохи въ дѣятельности Бисмарка можно привести еще нѣкоторыя данныя, которыя, съ одной стороны, подтверждаютъ указанный нами основной мотивъ работы канцлера, съ другой—опредѣляютъ элементы наступившаго вскорѣ измѣненія программы. Для правильнаго пониманія дѣла всегда нужно помнить собственное выраженіе Бисмарка: „Критическій пунктъ настоящаго есть вопросъ финансовой программы"[2]). Къ послѣднему вопросу относится значительное количество оффиціальной переписки. Средствами для повышенія имперскихъ доходовъ Бисмаркъ вы-

[1]) См. „Aktenstücke", № 142, s. 263—265. Пошингеръ дѣлаетъ вѣрное примѣчаніе: „In dem letzten Satze liegt im Kerne das ganze socialpolitische Programm, wie es später in der Botschaft vom 17 Now. 1881 aus Kaiserlichem Munde verkündet wurde. Im Frühjahr 1877 stand also bei dem Kanzler bereits fest, dass zu Gunsten der wirthschaftlich Schwachen der Weg der Gesetzgebung zu beschreiten sei, und zwar im Sinne eines Kranken,—Unfall- und Invaliditätsgesetzes". Зародыши такой программы, какъ мы указали, имѣлись и раньше. Но какая-же это односторонняя программа!

[2]) v. Poschinger, ib., s. 103.

ставлялъ общую—основную „Zollpflichtigkeit“ всѣхъ заграничныхъ товаровъ, различные косвенные налоги, особенно на табакъ, при чемъ мечталъ о наиболѣе выгодной для правительства формѣ—*табачной монополіи*. Такимъ образомъ, изъ соображеній, отнюдь не демократическихъ, Бисмаркъ рано сталъ думать о такой формѣ обложенія, которую настойчиво рекомендовалъ истинный государственный соціалистъ Родбертусъ. Когда наступитъ, по соображеніямъ политическаго характера, моментъ, кажущійся Бисмарку удобнымъ для подведенія подъ табачную монополію quasi-демократическаго фундамента, онъ это сдѣлаетъ. Къ той-же категоріи плановъ относятся и проекты имперіализаціи желѣзныхъ дорогъ въ Германіи.

Какъ извѣстно, первымъ шагомъ въ переустройствѣ имперскихъ финансовъ былъ законопроектъ, внесенный Бисмаркомъ въ рейхстагъ въ февралѣ 1878 г. (уже послѣ того, какъ имъ во время отпуска въ Варцинѣ былъ продуманъ новый курсъ). Первый „букетъ налоговъ“ содержалъ въ себѣ обложеніе биржевыхъ бумагъ и лотерейныхъ квитанцій, штемпельный сборъ съ игральныхъ картъ и возвышеніе табачнаго налога. Однако, въ рѣчи отъ 26 февраля 1878 г. канцлеръ нѣсколько преждевременно раскрылъ карты—говоря о предпочтительности табачной монополіи. Даже одного слуха объ этомъ, а не только оффиціальнаго заявленія, было-бы достаточно, чтобы создать Бисмарку въ рейхстагѣ весьма сильную оппозицію. Это, конечно, и случилось: „букетъ“ разсыпался, остался лишь одинъ, самый незначительный цвѣтокъ—налогъ на игральныя карты. Бисмаркъ могъ лишній разъ убѣдиться, что со своими прежними друзьями задуманнаго дѣла не сдѣлаетъ. Безполезно было-бы, при такихъ условіяхъ, затѣвать коренную ломку желѣзнодорожнаго хозяйства, планъ которой уже вполнѣ созрѣлъ въ умѣ канцлера. На выручку ему опять идетъ судьба, въ этомъ случаѣ въ видѣ двухъ неудавшихся покушеній на жизнь императора Вильгельма. 11-го мая 1878 г. покушеніе совершилъ полуидіотичный рабочій Максъ Гедель. Не смотря на то, что соц.-дем. партія принципіально исключила изъ своей программы терроръ, Бисмаркъ и его единомышленники пожелали этотъ фактъ приписать вліянію ея пропаганды. Бисмаркъ немедленно-же сообщилъ, что постарается провести законъ противъ соціалистовъ. Представлялся, повидимому, случай прикончить „красный“ интернаціоналъ, какъ нѣсколько раньше это было сдѣлано съ „чернымъ“. Но первый проектъ знаменитаго закона противъ соціалистовъ былъ составленъ такъ неопредѣленно, что подъ него можно было, пожалуй, подвести всѣхъ недовольныхъ Бисмаркомъ, и—конечно—отклоненъ (24-го мая). 2-го іюня совершается новое покушеніе д-ромъ К. Нобилингомъ. Тогда канцлеръ распускаетъ неуслужливый парламентъ и назначаетъ новые выборы—въ атмосферѣ „бѣлаго“ террора, надѣясь расчистить путь для новаго курса.

II.

Канцлеръ не ошибся въ своихъ разсчетахъ. Трейтчке писалъ по поводу текущаго момента: рейхстагъ долженъ былъ помочь правительству въ борьбѣ съ кликой, разрушающей всякія основы общежитія; этой помощи оказано не было,—и „теперь на долгое время возможно только консервативное правительство“ [1]). Такъ и случилось: на выборахъ 30 іюля 1878 г. національ-либералы потеряли 32 мѣста, прогрессисты—10; хотя абсолютно національ-либеральная партія оставалась наиболѣе сильной, но консерваторы и свободные консерваторы вмѣстѣ её превосходили (115 противъ 107); для полученія большинства надо было только залучить центръ (94). Бисмаркъ, однако, уже прозрѣвалъ союзъ представителей сельскаго хозяйства съ промышленниками на протекціонистской почвѣ, что вскорѣ и было запечатлѣно внѣшнимъ образомъ — созданіемъ особаго „народно-хозяйственнаго союза“ изъ 204 членовъ (87 – центръ, 36—консерв., 39—*своб. конс.*, 27—*н. либералы* и т. д.). Слѣдовательно, въ вопросахъ экономической политики Бисмаркъ могъ разсчитывать на поддержку, ибо „Союзъ“ стоялъ за реформу таможеннаго законодательства. Перевѣсъ-же консервативныхъ элементовъ вообще позволялъ ему надѣяться на сведеніе счетовъ съ соц.-демократами. На этомъ знаменательномъ моментѣ — началѣ „соціально-политической эры“ мы должны остановиться.

---

[1]) Hahn, l. c., s. 398—4, Band III.

Въ мотивировкѣ къ первому—отвергнутому—проекту отмѣчался безпрерывный ростъ соціалъ-демокр. движенія въ Германіи. Въ стремленіи къ перевороту, с.-демократія „неустанно старается распространить недовольство въ классахъ невладѣющихъ, возбудить ихъ противъ владѣющихъ, уничтожить моральныя и религіозныя воззрѣнія, любовь къ отечеству, піэтетъ и уваженіе къ законамъ, вообще всѣ тѣ основы, на которыхъ покоится государство и безопасность общества". Соціалъ-демократія опасна именно тѣмъ, что создаетъ безпокойное настроеніе", лишаетъ общественную жизнь равновѣсія. Такъ какъ главное оружіе соціалистической агитаціи въ прессѣ, въ собраніяхъ и союзахъ, то рѣшительный и быстрый ударъ надо направить именно въ эту сторону. Насколько сильно правительственные круги были испуганы, видно изъ словъ Мольтке (23—24 мая): „что можетъ случиться, если правительство выпуститъ власть изъ своихъ рукъ и она перейдетъ къ массамъ, объ этомъ намъ говоритъ исторія парижской коммуны" [1]).

Открытому 9 сент. 1878 г. рейхстагу сразу былъ представленъ второй, исправленный проектъ закона противъ соціалистовъ. Мотивировка законопроекта, уполномочивающаго правительство закрывать всѣ союзы и прочіе соединенія (въ особенности кассы взаимопомощи), которыя ставятъ себѣ „соціалъ-демократическія, соціалистическія и коммунистическія цѣли", а также воспрещать соотвѣтствующія печатныя произведенія,—мотивировка эта была приблизительно прежней; встрѣчаются, однако, нѣкоторыя, достойныя упоминанія, черточки. Отмѣчается, что соціалистическое движеніе въ Германіи начинается съ 1863 г., съ основанія Лассалемъ „Всеобщаго Нѣмецкаго Рабочаго Союза". Но — союзъ этотъ „носилъ до извѣстной степени реформаторскій и національный характеръ" [2]). И только съ 69-го года, когда объединились болѣе радикальные элементы, возникаетъ серьезная опасность для государства и общества. Этотъ реверансъ въ сторону Лассаля весьма знаменателенъ. По этому поводу самъ Бисмаркъ въ рѣчи отъ 17 сент., уже

[1]) Sten. Berichte, III L. Per. II Session 1878, s. 1535.
[2]) Anlagen къ St. Berichte, Aktenstück № 274, s. 1592.

извѣстной намъ по выдержкамъ, приведеннымъ ранѣе, выскажется еще опредѣленнѣе, отвѣчая на упреки Рихтера и Бебеля за провокаціонные моменты въ прошломъ. Очевидно, Бисмарку не представлялось вполнѣ удобнымъ совершенно нивеллировать рабочее движеніе, попытаться изъять его съ корнемъ: безплодность такой задачи ему была ясна, и онъ тутъ-же желаетъ нѣсколько смягчить непріятное впечатлѣніе исключительнаго закона. Представитель канцлера, графъ Штольбергъ-Вернигероде, заявилъ при первомъ чтеніи законопроекта: „союзныя правительства вовсе не захвачены иллюзіей, что предложенныя мѣры однѣ въ состояніи успѣшно бороться и подавить движеніе. Труднѣйшая часть работы лежитъ въ другихъ областяхъ" [1]). Намекъ, достаточно ясный, который, впрочемъ, былъ тутъ-же поясненъ самимъ канцлеромъ. Отвѣчая Рихтеру по поводу указаннаго нами выше обвиненія въ заигрываніи съ „соціалъ-демократіей", Бисмаркъ упрекаетъ оратора въ неумѣніи различать „честныя стремленія къ улучшенію участи рабочихъ, присущія намъ всѣмъ, и то, что мы теперь къ нашему сожалѣнію и съ болью вынуждены понимать подъ соціалъ-демократіей". Это значило-бы выливать изъ ванны вмѣстѣ съ водой и ребенка, если-бы мы, преслѣдуя преступную пропаганду, въ то-же время отказались отъ всякой мысли улучшить положеніе рабочихъ; по этому пути Бисмаркъ съ Рихтеромъ не пойдетъ: насколько ему позволитъ время и дѣла, онъ продолжитъ свою работу, поскольку таковая имѣлась въ прошломъ. Можно ли ставить Бисмарку въ упрекъ, что онъ предпринималъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Развѣ нѣтъ въ прошломъ лицъ, въ родѣ Родбертуса, которые мечтали объ улучшеніи участи рабочихъ безъ какихъ-бы то ни было насильственныхъ средствъ? Конечно, Рихтеръ—отчаянный врагъ соціалъ-демократіи, но... только въ своихъ рѣчахъ: отказываясь во все время своей парламентской дѣятельности отъ принятія рѣшительныхъ мѣръ борьбы съ нею, онъ—въ своемъ упорномъ либерализмѣ оказывается ея другомъ. Та часть рѣчи Бисмарка,

[1]) Sten. Berichte, 4 L. Per. I Session. 1878. s. 30.

которая направлена противъ замѣчанія Бебеля и касается обрисовки сношеній министра-президента съ Лассалемъ, достаточно извѣстна и отчасти нами цитирована. Въ характеристикѣ Лассаля Бисмаркъ отмѣтилъ тѣ черты, которыя, по его мнѣнію, позволяли надѣяться на государственную безопасность основаннаго имъ теченія. Бисмаркъ признается, что у нихъ шли разговоры и о всеобщемъ избирательномъ правѣ, но „ни въ коемъ случаѣ не объ октроированіи послѣдняго". Мысль объ этомъ Бисмаркъ считалъ даже „чудовищной" и, конечно, въ этомъ случаѣ кривитъ душой. Дѣло представляется такъ, какъ будто онъ одобряетъ всеобщее избирательное право само-по-себѣ, видя въ немъ наилучшую систему. Онъ даже тонко льститъ рейхстагу, хотя и проситъ не заподозривать его въ этомъ, говоря, что предпочитаетъ имѣть дѣло лучше съ нимъ, чѣмъ съ ландтагомъ. Что касается знаменитой „Staatshülfe" Лассаля, то канцлеръ находитъ возможнымъ и теперь заявить слѣдующее: „... снабженіе государственными средствами производительныхъ товариществъ, это также дѣло, въ нецѣлесообразности котораго я до сихъ поръ не убѣжденъ" [1]). Бисмаркъ ссылается въ этомъ случаѣ на впечатлѣнія, полученныя имъ во время поѣздки въ Англію въ 1862 г.: производительныя ассоціаціи тамъ находятся въ цвѣтущемъ (?) состояніи. Весьма возможно, что такимъ ассоціаціямъ принадлежитъ громадная соціальная роль. Если, продолжаетъ Бисмаркъ, меня упрекаютъ въ томъ, что я побудилъ короля изъ личныхъ средствъ давать рабочимъ подачки, то лучше направить упреки въ другую сторону — почему я не ассигновалъ большихъ средствъ. Вѣдь дѣлаются-же различные опыты съ новыми землед. системами въ министерствѣ земледѣлія; точно также дѣлаются опыты и въ области индустріи; „не было-ли бы полезно возобновить попытки и въ области занятій людей и въ стремленіи разрѣшить т. н. соціальный вопросъ улучшеніемъ участи рабочихъ" [2]). Позволимъ себѣ еще нѣкоторое время остановиться на разсужденіяхъ Бисмарка о производительныхъ ассоціаціяхъ. Во главѣ сдѣланнаго въ 60-хъ годахъ опыта стояло такое почтенное, по его

[1]) Sten. Berichte, 4. L. P. I Session 1878. Co стр. 66.

[2]) Ibidem.

отзыву, лицо, какъ ландратъ Олеаріусъ. Можетъ быть, нельзя сдѣлать никакого вывода на опытѣ столь маленькаго масштаба; Бисмаркъ вообще сомнѣвается, могутъ-ли крупныя упрежденія большого „стиля", въ родѣ Крупповскаго, существовать при какомъ-либо другомъ порядкѣ (внутреннемъ), кромѣ монархическаго. „Но въ обыкновенной сельской фабрикаціи я отнюдь не считаю исключеннымъ этотъ путь помощи рабочему добиться улучшенія своего положенія и не ставлю въ вину государственному дѣятелю, если онъ оказываетъ государственную помощь въ стремленіи рабочихъ образовать ассоціацію, а именно чтобы сдѣлать опытъ въ этомъ направленіи" [1]). Конечно, путь — труденъ, и нѣмецкіе рабочіе далеко не такъ выдержаны, какъ ихъ англійскіе собратья. Но, повторяетъ Бисмаркъ, ошибка его скорѣе заключается въ томъ, что онъ не продолжилъ опыта.

Пришлось Бисмарку защищаться и по поводу упрековъ въ посылкѣ Вагенера на Эйзенахскій соціалъ-политическій конгрессъ. Но это „была его прямая обязанность", Вагенеръ-же — лицо, вполнѣ подходящее. А что послѣдній взялъ съ собою своего секретаря — Рудольфа Мейера, этого Бисмаркъ не зналъ: Р. Мейеръ, съ которымъ онъ имѣлъ процессъ, вообще не находился ни въ какихъ отношеніяхъ къ канцлеру.

Моментъ, съ котораго Бисмаркъ совершенно ясно сталъ себѣ представлять „соціалъ-демократическую" опасность, это — открытое восхваленіе въ рейхстагѣ парижской коммуны [2]). Съ тѣхъ поръ онъ неоднократно предлагалъ рейхстагу различные законопроекты съ цѣлью подавленія преступной агитаціи, но ему не удалось покончить съ соціализмомъ [3]).

[1]) Ibidem.

[2]) Бисмаркъ такъ формулируетъ: „... jener Aufruf der Kommune war ein Lichtstrahl, der in die Sache fiel, und von diesem Augenblick an habe ich in den socialdemocratischen Elementen einen Feind erkannt, gegen den der Staat, die Gesellschaft sich imstande der Notwehr befindet". Ibid.

[3]) H. Blum, литературный прислужникъ Бисмарка, отмѣчаетъ, что канцлеръ намѣревался внести гораздо болѣе суровое предложеніе: ...„namentlich wollte er allen social-demokratischen „Genossen" das Wahlrecht und die Wählbarkeit entziehen. Aber da der mildere Entwurf

Второе чтеніе законопроекта Бисмаркъ также сопровождалъ своею рѣчью (9/x), общій смыслъ которой—тотъ-же. И здѣсь Бисмаркъ опредѣленно заявляетъ, что борьба должна вестись противъ революціонныхъ теченій и позитивными средствами: „Уже при первомъ чтеніи я позволилъ себѣ замѣтить, что буду поддерживать каждое стремленіе, которое позитивно направлено къ улучшенію участи рабочаго класса; слѣдовательно, и каждый ферейнъ, ставящій себѣ цѣлью *улучшить положеніе рабочихъ, обезпечить рабочимъ высшее* участіе въ доходахъ индустріи и сократить, по возможности, рабочее время, поскольку эти стремленія не выходятъ за рамки, опредѣляемыя конкурренціей и способной къ сбыту фабрикаціей". Да такіе союзы и не новость въ Германіи: Бисмаркъ обращается къ 14 ст., къ союзамъ подмастерьевъ и батраковъ. Тогда тоже были забастовки и локауты; но во всемъ этомъ движеніи проявлялись „позитивныя стремленія" и вполнѣ опредѣленныя цѣли: никто и не помышлялъ нападать на собственность, разрушать вѣру въ Бога, подкапываться подъ монархію. А могутъ-ли этимъ похвастать современные коммунисты? Вѣдь соціалъ-демократы, продолжаетъ Бисмаркъ, упорно молчатъ о своемъ „государствѣ будущаго" просто потому, что сами ничего объ этомъ не знаютъ. Они не смогутъ сдержать всѣхъ тѣхъ обѣщаній, которыя такъ охотно даютъ толпѣ. „Если-бы со стороны соціалъ-демократовъ поступило какое-нибудь позитивное предложеніе, какъ разумнымъ образомъ слѣдуетъ устроить будущее, чтобы улучшить судьбу рабочихъ, то я—по меньшей мѣрѣ—не отказался-бы отъ благожелательнаго разсмотрѣнія дѣла и самъ не испугался-бы идеи государственной помощи, чтобы помочь людямъ, которые сами себѣ помогаютъ [1])".

Подобно тому какъ нѣмецкіе соціалъ-демократы лишены положительныхъ цѣлей, такъ же обстояло дѣло и въ Парижской коммунѣ. Если въ Германіи ложныя идеи находятъ для себя такую благодарную почву, то одной изъ главныхъ причинъ является нѣкоторое свойство нѣмецкаго характера, которое Бисмаркъ отмѣчаетъ: „нѣмецъ имѣетъ an und für sich сильную наклонность къ недовольству" [1]) и безграничное честолюбіе. Отсюда склонность къ соціалистической болѣзни у значительной части низшихъ чиновниковъ. Каждому хочется себя или, по крайней мѣрѣ, своихъ дѣтей поднять на соціальную ступеньку выше.

Рядъ законодательныхъ мѣропріятій — свобода передвиженія, промысловъ, отсутствіе обязательныхъ паспортовъ — все это привлекло въ города массу „текучаго населенія", *всецѣло зависящаго отъ хозяйственной конъюнктуры. Потребности* утончаются, удовлетворить ихъ не всегда удается—въ результатѣ—недовольство. Городъ побѣждаетъ деревню. Въ этихъ интересныхъ строкахъ, заключающихъ въ себѣ извѣстную правду, слышится отзвукъ рѣчей Бисмарка—депутата соединеннаго ландтага. Такъ и кажется, что, говоря объ облегченіи сношеній, онъ станетъ нападать на современную технику. Но Бисмаркъ въ данномъ случаѣ предпочитаетъ указывать на несовершенства новаго закона о прессѣ, дающаго легкую возможность издавать и распространять въ народѣ печатныя произведенія. При всѣхъ этихъ условіяхъ неудивительно, что за короткое время послѣ основанія имперіи наступилъ такой „Schwindel".

Однако, Бисмаркъ рѣшительно отвергаетъ всякія попытки вновь выдвинуть вопросъ о цѣлесообразности парламентарнаго строя. Послѣдній—хорошъ въ Англіи, гдѣ имѣются только двѣ партіи, а не въ Германіи. Самъ Бисмаркъ управляетъ Имперіей отнюдь не тенденціозно. Сущность своей политики канцлеръ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ, который долженъ у насъ запечатлѣться, какъ лучшая характеристика его „системы": „Я имѣю опредѣленныя, позитивныя, практическія цѣли, къ которымъ стремлюсь и которымъ мнѣ помогаютъ то правые то лѣвые,—хотѣлось-бы, чтобы тѣ и другіе сообща... Я иду съ тѣмъ, который, по моему убѣжденію, стремится къ государственнымъ и мѣстнымъ интересамъ; фракція, къ которой онъ принадлежитъ, для меня совершенно безразлична" [2]). Слѣдовательно, комбинированіе различныхъ теченій и настроеній возводится Бисмаркомъ въ систему. Безъ преувеличенія можно сказать, что

---

vorzeitig veröffentlicht wurde, so waren die Verschärfungen leider nicht mehr nachzuholen". Blum, „Bismarck", l. c., s. 257.

[1]) Sten. Berichte. 4 L. P. I Session 1878, s. 125 и д.

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

равнаго себѣ въ этомъ дѣлѣ на поприщѣ государственной дѣятельности онъ не имѣлъ и не имѣетъ. Само собою разумѣется, что, при такихъ условіяхъ, нельзя говорить о какихъ-либо опредѣленныхъ воззрѣніяхъ, о какой-либо „общественно-экономической системѣ", которой придерживался-бы Бисмаркъ. Центральная идея его жизни—Германская Имперія—все остальное собой покрываетъ.

12 октября 1878 года. въ день закрытія сессіи рейхстага, законъ противъ соціалистовъ принимается—большинствомъ 221 противъ 149. За проектъ голосовали обѣ консерв. фракціи, національ-либералы и *нѣкоторые отдѣльные члены* другихъ фракцій. Клерикальный центръ отомстилъ Бисмарку за культуръ-кампфъ отрицательнымъ вотумомъ. Либерализмъ, въ лицѣ наиболѣе могущественной своей фракціи, потерпѣлъ въ этотъ день крупнѣйшее моральное пораженіе, оправиться отъ котораго онъ былъ уже не въ силахъ. Немедленно за принятіемъ закона начинаются репрессіи. Центральный комитетъ партіи (въ Гамбургѣ) закрывается; 135 ферейновъ распускается, 35 періодическихъ и 100 непериодическихъ изданій уничтожается. По исчисленіямъ историка нѣмецкой соціалъ-демократіи Меринга съ 21 октября 1878 г. по 30 іюня 1879 года было закрыто 217 ферейновъ, 5 кассъ, 127 періодическихъ изданій и 278 непериодическихъ конфисковано [1]). Малое осадное положеніе, введенное въ Берлинѣ и его *окрестностяхъ послѣ второго покушенія и* затѣмъ продолженное, развязало полиціи руки въ дѣлѣ высылки неугодныхъ лицъ. Партія силою вещей загонялась въ подполье, приспособиться къ которому она уже не могла и не хотѣла. Въ упоеніи властью, Бисмаркъ рѣшилъ не щадить никакой рабочей организаціи, даже чисто профессіональнаго характера, если только на нее не распространялась бюрократическая благодать. Можетъ показаться страннымъ, что Бисмаркъ, восхваляя англійскіе рабочіе союзы, даже мечтая о ихъ пересажденіи на нѣмецкую почву, рѣшился наносить ущербъ профессіональному рабочему движенію. Вѣдь въ развитіи экономической стороны послѣдняго онъ видѣлъ оплотъ противъ рабочей политики. Но Бисмарку, въ сущности, глубоко безразлична была судьба рабочаго населенія: лишь-бы оно пребывало спокойнымъ и „вѣрноподданнымъ". Нѣсколько лѣтъ практики „всеобщаго" избирательнаго права успѣли немного охладить quasi - демократическій пылъ канцлера: онъ убѣдился, что не всегда можно вести народъ, какъ послушное стадо, что конституціонный режимъ способствуетъ организаціи населенія. Автократъ до мозга костей—Бисмаркъ ненавидѣлъ всякую свободную организованность, а потому въ глубинѣ души не довѣрялъ и профессіональнымъ *рабочимъ организаціямъ. Цехи, конечно,* другое дѣло: это—обязательныя, такъ-сказать ремесленныя управы, которыя можно кормить изъ собственныхъ рукъ. Поэтому-то, безъ всякаго сожалѣнія, рубили одинъ профессіональный союзъ за другимъ: съ 23 октября по 31 декабря 1878 г. изъ 25 насчитывавшихся національныхъ союзовъ 16 было распущено, и затѣмъ такая-же участь постигла еще 2 національныхъ и много мѣстныхъ союзовъ. Администрація и судъ примѣняли всякіе способы къ разрушенію союзной рабочей жизни.

Для рабочаго класса, такимъ образомъ, перемѣна курса экономической политики ознаменовалась, прежде всего, рядомъ жестокихъ репрессій. Но врядъ ли Бисмаркъ могъ торжествовать побѣду: по естественному закону противодѣйствія, *гонимая партія, вынужденная измѣнить лишь внѣшніе* пріемы, дала отпоръ нападенію, удвоивъ энергію и встрѣчая еще большую, чѣмъ раньше, симпатію въ рабочей средѣ Объ этомъ можно было судить по исходу нѣкоторыхъ дополнительныхъ выборовъ — въ пользу с.-д. партіи. И дальнѣйшія усиленія репрессіи — продленіе осаднаго положенія въ Берлинѣ, введеніе его въ Гамбургѣ съ предмѣстьемъ Альтоной—не дали существенныхъ результатовъ. Надежды (а такія надежды, несомнѣнно, имѣлись въ правящихъ кругахъ), что партія скомпрометируетъ себя усвоеніемъ „ соціалъ-революціонной, анархистской" тактики — также не увѣнчались успѣхомъ: соц.-демократы быстро покончили счеты съ Мостомъ и его единомышленниками, рекомендовавшими въ 1880 г. начать новую эру.

Закрывая сессію рейхстага, Бисмаркъ *выражалъ* удовлетвореніе по поводу принятія закона и еще разъ напомнилъ,

[1]) См. объ этомъ Fr. Mehring. — «Geschichte der deutschen Socialdemocratie», *B. IV, s. 156 ect. Также Шмеле, „С.-дем. професс. союзы* въ Германіи" ч. I, пер. съ нѣм., Спб. 1904.

что, въ случаѣ его недостаточности, придется прибѣгнуть и къ другимъ мѣрамъ. Дѣйствительно, въ началѣ 79 г. Бисмаркъ вноситъ проектъ объ усиленіи отвѣтственности за рѣчи въ рейхстагѣ. Вѣдь надо же быть въ состояніи справляться съ агитаціей и въ палатѣ: мыслимы вѣдь прямые призывы къ вооруженному возстанію. Проектъ имѣетъ въ виду не агитацію вообще, а соціалъ-демократическую. Послѣдняя есть „нѣчто особенное, это—агитація среди слѣпыхъ (urtheilslosen) массъ, страсти которыхъ возбуждены нуждой и неисполнимыми обѣщаніями“ [1]). Вотъ какимъ языкомъ говоритъ „симпатизирующій рабочимъ“ Бисмаркъ. Рейхстагъ, однако, не могъ, безъ потери своихъ правъ, итти въ этомъ направленіи за канцлеромъ и отклонилъ проектъ.

Самыя элементарныя дипломатическія соображенія должны были побуждать Бисмарка какъ можно скорѣе дать рабочему классу что-нибудь „позитивное“ изъ бюрократической кухни. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что нужда въ рабочей средѣ стала достигать неслыханныхъ размѣровъ: зима во всѣхъ отношеніяхъ оказалась чрезвычайно суровой. Однако, канцлеръ медлилъ. Онъ ждалъ, не окажется ли нанесенный соціалистамъ ударъ достаточнымъ „an und für sich“ для уничтоженія внутренняго врага Имперіи; а затѣмъ, основная цѣль перемѣны курса—укрѣпленіе имперскихъ финансовъ—не достигнута: надобно сначала разрѣшить эту задачу, тѣмъ болѣе, что группы, проводившія законъ о соціалистахъ, ждутъ разсчета по векселямъ. Къ основной своей задачѣ Бисмаркъ и обращается. 15 дек. 1878 г. онъ посылаетъ Союзному Совѣту знаменитую записку о необходимости новаго направленія экономической и финансовой политики государства, записку, встрѣченную съ восторгомъ въ однихъ и съ негодованіемъ въ другихъ кругахъ. Надъ рабочими, подвергшимися политическому насилію, уже висѣли „хлѣбные законы“.

III.

Разсмотрѣніе финансовой реформы Бисмарка лежитъ за предѣлами нашей работы; тѣмъ не менѣе, указаніе главнѣйшихъ пунктовъ — необходимо, чтобы имѣть представленіе о

[1]) Sten. Berichte. 4 L. P. II Session 1879, s. 273.

томъ общемъ фонѣ, на которомъ вырисовывается соціальная политика канцлера. 12 ноября 1878 г. Бисмаркъ приступаетъ къ совершенію задуманнаго: онъ вноситъ въ Союзный Совѣтъ *предложеніе объ учрежденіи особой коммиссіи для пересмотра* таможеннаго тарифа. Рѣшеніе С. Совѣта состоялось въ благожелательномъ направленіи; и вотъ, для руководства коммиссіи, Бисмаркъ посылаетъ С. Совѣту знаменитую записку о финансовой реформѣ. На первый планъ выдвигается вопросъ именно объ этой реформѣ—въ смыслѣ уменьшенія прямыхъ налоговъ путемъ увеличенія косвенно-налоговыхъ средствъ Имперіи. Подробно развивается извѣстная мысль канцлера о превосходствѣ косвенныхъ налоговъ передъ прямыми, и дѣлаются ссылки на сосѣднія государства. „Сущность финансовой реформы, для осуществленія которой должна служить и реформа таможеннаго тарифа, состоитъ не въ увеличеніи податного бремени, необходимаго для цѣлей имперіи и отдѣльныхъ государствъ, но въ замѣнѣ большей части неизбѣжныхъ тяготъ менѣе стѣснительными косвенными налогами“ [1]). Средствомъ является возвращеніе къ идеѣ таможъ. тарифа 1818 г.—„allgemeine Zollpflichtigkeit“. Слѣдовательно, центръ тяжести измѣненія лежитъ въ области финансовыхъ соображеній. Наряду съ этимъ записка отмѣчаетъ и „народнохозяйственную сторону“. Предоставляя теоріи обсуждать абсолютныя достоинства фритредерской и протекціонистской политики, Бисмаркъ находитъ въ настоящее время „свободную торговлю“ не соотвѣтствующей интересамъ Германіи: всѣ сосѣднія страны, кромѣ Англіи, охраняютъ себя пошлинами и процвѣтаютъ. Затѣмъ, приводятся *общія соображенія протекціонистскаго характера о вознагражденіи* въ будущемъ потребителя сторицей за временныя потери.

Записка была опубликована 24 дек. Біографы отмѣчаютъ, что никогда Бисмарку не пришлось вести такой интенсивной работы, какъ при проведеніи таможенной реформы: онъ буквально былъ засыпанъ разнообразными петиціями, принималъ массу депутацій и лицъ, не упускалъ ни одного крупнаго случая повліять на измѣненія мнѣнія въ свою пользу того

[1]) См. записку у Poschinger'a, l. c., 170—177; также у Hahn'a, B. III, l. c., 586—591.

или другого лица, либо группы [1]). Само собою разумѣется, что среди представителей многихъ вѣтвей индустріи, терпящихъ застой, записка Бисмарка встрѣтила живѣйшее одобреніе. Но зато и противники не щадили канцлера. Общій характеръ нападокъ сводился къ требованію немедленной отставки Бисмарка. Постоянное шатаніе Бисмарка *отъ одной программы* къ другой лишаетъ хозяйственную жизнь Германіи необходимой устойчивости. По выраженію фритредера проф. Боренiуса—„einem Manne, der so wandlungsfähig sich in seinen wirthschaftlichen Ansichten gezeigt hat, wie der Fürst Bismarck, kann unmöglich allein unsere wirtschaftliche Entwickelung überlassen werden". Berliner-Bürger-Zeitung — въ разгаръ борьбы противъ протекціонизма—опредѣленно заявила: „Die innere Regierung des Reichs muss den Händen des Fürsten Bismarck entzogen werden". Въ Volks-Zeitung значилось еще рѣзче: „Der Herr Reichskanzler Fürst Bismarck muss fort von seinem Platze" [2]). Не было недостатка и въ намекахъ на болѣзнь канцлера, его преклонный возрастъ, мѣшающій разбираться въ дѣлахъ, какъ слѣдуетъ. Масло въ огонь было подлито открытымъ вступленіемъ Бисмарку на почву аграрнаго протекціонизма. V. Thüngen *въ письмѣ къ* канцлеру отмѣтилъ, что охрана по проекту новаго тарифа (внесенъ въ рейхстагъ 4 янв. 1879) распространяется только на индустрію, между тѣмъ какъ сельское хозяйство не менѣе, если не болѣе, нуждается въ защитѣ. Въ письмѣ къ Тюнгену (*отъ 16 янв.*), Бисмаркъ *выражаетъ солидарность* съ аграрными протекціонистскими стремленіями: предположенныхъ пошлинъ на хлѣбъ—недостаточно. Но большаго достигнуть, говоритъ Бисмаркъ, „я не могъ". Если желательно улучшеніе тарифа, то нужно представителямъ сельскаго хозяйства въ рейхстагѣ дѣйствовать, „объединяться и вносить предложенія". „Я воздѣйствовалъ на тарифную коммиссію, какъ могъ, чтобы держать сельское хозяйство pari passu съ индустріей, но—въ этомъ отношеніи я скорѣе нашелъ откликъ у представителей промышленности, чѣмъ у министровъ, по *инструкціи которыхъ члены коммиссіи голосовали*" [3]). Здѣсь

[1]) v. Poschinger, l. c., s. 156 etc.
[2]) Hahn, l. c., s. 688.
[3]) V. Poschinger, ibid., s. 215.

уже вопросъ ставится ясно; указывается даже путь къ осуществленію пожеланій—союзъ представителей сельскаго хозяйства и индустріи, союзъ, вскорѣ заключенный.

Тронная рѣчь императора при открытіи сессіи рейхстага 12 февр. 1879 г. не оставляла сомнѣній, что Бисмаркъ твердо *рѣшился идти избранной дорогой*. Вильгельмъ благодарилъ рейхстагъ за поддержку правительства въ борьбѣ съ разрушительными элементами въ обществѣ, но тутъ же указалъ, что задача дня—„уничтожить или уменьшить затрудненія, отъ которыхъ мы страдаемъ въ области хозяйственной" [2]). *Ближайшая цѣль внесенныхъ и имѣющихъ* быть внесенными законопроектовъ—„созданіе новыхъ источниковъ дохода для имперіи"; кромѣ того, необходимо дать охрану національному производству, защитивъ его отъ иностранной конкурренціи на нѣмецкомъ рынкѣ.

Изъ рѣчей, произнесенныхъ Бисмаркомъ въ эту достопамятную эпоху, мы выберемъ только наиболѣе существенныя мѣста, рисующія его общественно-политическую физіономію.

Когда Бисмарку въ засѣданіи 21 февр. поставили на видъ, что самъ онъ способствовалъ паденію прежнихъ началъ таможеннаго обложенія, заключивъ съ Франціей въ 1862 г. либеральный торговый договоръ, Бисмаркъ опредѣленно указалъ, что его *не стѣсняютъ* собственныя прежнія точки зрѣнія и что онъ всегда готовъ измѣнить путь, найденный ошибочнымъ. Договоръ съ Франціей былъ продуктомъ тогдашнихъ политическихъ условій, и ими всецѣло оправдывается. Въ рѣчи 2 мая, при первомъ чтеніи законопроекта, Бисмаркъ снова на первый планъ выдвигаетъ свою основную задачу—укрѣпленіе Имперіи. „Первый мотивъ, который меня, на моемъ политическомъ посту, какъ рейхсканцлера, побуждаетъ выступить за реформу, это — потребность въ финансовой самостоятельности имперіи". Затѣмъ, повторяются уже извѣстныя намъ соображенія. Во второй части рѣчи канцлеръ подчеркиваетъ необходимость охраны

[2]) Sten. Berichte. 4 L. P. II Session 1879, s. 1—2.

нѣмецкаго труда: „einen mässigen Schutz der einheimischen Arbeit verlangen wir“ [1]).

Наиболѣе удобнымъ пунктомъ для нападокъ были „хлѣбныя“ пошлины. Противники Бисмарка (ос. Ласкеръ) не постѣснялись объяснять симпатію канцлера къ аграрному протекціонизму соображеніями личной пользы, какъ землевладѣльца. Бисмаркъ отмѣтилъ, что онъ, въ данномъ случаѣ, защищаетъ интересы и мелкихъ хозяевъ (ссылка на корреспондента, сносившагося съ Бисмаркомъ отъ имени 11.000 мелкихъ землевладѣльцевъ), что онъ говоритъ и о городскомъ, и о сельскомъ землевладѣніи; а затѣмъ посылаетъ весьма ядовитую реплику Ласкеру. Послѣдній (въ засѣд. 8 мая) нападалъ на канцлера за то, что онъ ведетъ финансовую политику „владѣющихъ классовъ“. „Я могу ему отвѣтить, что онъ преслѣдуетъ финансовую политику лишенныхъ владѣнія. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ господъ, которые образуютъ *большинство* при составленіи нашихъ законовъ на всѣхъ стадіяхъ законосочинительства (der Gesetzmachung), и о которыхъ говорится въ писаніи: они ни сѣютъ, ни жнутъ, ни ткутъ, ни прядутъ, — и однако одѣты, я не говорю, какъ, но — во всякомъ случаѣ — одѣты. Тѣ господа, которыхъ не грѣетъ наше солнце и не мочитъ нашъ дождь..., которые образуютъ у насъ большинство въ законодательныхъ

[1]) Sten. Berichte. Ibid., s. 927 etc. Характерно для будущей соціальной политики Бисмарка, что и въ этомъ протекц. шагѣ онъ хотѣлъ оттѣнить моментъ защиты рабочихъ. Въ *этомъ отношеніи рядъ* цѣнныхъ мыслей могъ ему подать адресъ „Verein'a für deutsche Volkswirthschaft“ *отъ 15 янв.* 1879 г. Въ концѣ адреса, послѣ похвалъ измѣненію курса, значится: „Dabei legt unser Verein ein besonderes Gewicht darauf, dass auch die ethische Seite des Grundsatzes volle Würdigung finde. Denn nur dann, wenn der Schutz der nationalen Arbeit sich in gerechter Weise sowohl auf die Besserung der Lage des „Arbeitnehmers“ wie des „Arbeitgebers“ erstreckt, wird derselbe Gesetz zu einem untrüglichen Leitstern auf dem schwierigen Gebiete der Socialpolitik. Nur wenn die Bestrebungen nach materiellen Erfolgen Hand in Hand gehen mit den sittlichen, wird die grosse national-volkswirthschaftliche Bewegung in Deutschland von jenem geistigen Schwung getragen werden, welcher nicht ruht, bis die höchsten Güter des Volkslebens erreicht sind“. Комбинируя программу со взглядами Бисмарка на соціальный вопросъ (высказанные при обсужденіи закона о соціалистахъ), Ферейнъ исполняется самыхъ радужныхъ надеждъ. См. „**Fürst Bismarck und Parlamentarier**“, собр. Poschinger'омъ, *B. II, Breslau, 1895, s. 304.*

учрежденіяхъ, которые не занимаются ни индустріей, ни сельскимъ хозяйствомъ и никакимъ другимъ промысломъ, допустимъ въ силу того, что они совершенно заняты дѣломъ представительства здѣсь народа въ различныхъ направленіяхъ и дѣлаютъ это въ теченіе цѣлаго года, эти господа легко *теряютъ сочувственное пониманіе тѣхъ интересовъ, которые* близки министру, обладающему владѣніемъ, слѣд. также „управляемому“ и принадлежащему къ „misera contribuens plebs“... [1]). Въ этихъ словахъ сказалось и пренебреженіе „владѣющаго“ къ прочимъ группамъ населенія, и ненависть къ демократическимъ формамъ политической жизни.

21-го мая въ рѣчи, спеціально посвященной хлѣбнымъ пошлинамъ, Бисмаркъ имѣлъ схватку съ Дельбрюкомъ, какъ депутатомъ. На эту встрѣчу вообще противники тарифа возлагали большія надежды. Бисмаркъ поставилъ вопросъ чрезвычайно опредѣленно. Нельзя исходить, по его мнѣнію, изъ тезиса противника, что низкія хлѣбныя цѣны — благо для страны: вѣдь въ такомъ случаѣ „самыми счастливыми, зажиточными, сильно развитыми странами въ Европѣ“ были-бы Галиція, Россія и т. п. Если сельскій хозяинъ находитъ хорошій сбытъ своимъ продуктамъ по выгодной цѣнѣ, то онъ оживляетъ всякую другую промысловую дѣятельность *соотвѣтствующимъ повышеніемъ спроса на индустріальные* товары. Если вообще желательно имѣть дешевое зерно, почему не *отмѣнить всѣ налоги на сельскихъ хозяевъ*?

Предполагать, что пошлина удорожитъ зерно, по мнѣнію Бисмарка, нѣтъ основанія: цѣны устанавливаются цѣлымъ рядомъ международныхъ рыночныхъ комбинацій. Во всякомъ случаѣ нельзя думать, что цѣна на хлѣбъ двинется вверхъ. Бисмарку, во что бы то ни стало, надо было дискредитировать это утвержденіе, являющееся центральнымъ пунктомъ петицій городского населенія и превосходнымъ средствомъ агитаціи противъ политики канцлера (Brotzoll — Blutzoll). Бисмаркъ рѣшительно утверждаетъ, что прямой связи между тѣми и другими цѣнами не существуетъ: вѣсъ и величина готовыхъ хлѣбовъ устанавливается независимо отъ цѣны муки — это можетъ провѣрить всякій, вернувшись домой. Поэтому, не слѣдуетъ колебаться въ за-

[1]) Sten. Berichte. Ibid., s. 1060.

щитѣ отечественнаго сельскаго хозяйства. И тутъ снова въ душѣ Бисмарка просыпается прежній депутатъ, аграрно-консервативныя симпатіи начинаютъ громко о себѣ заявлять. Если наше сельское хозяйство окажется несостоятельнымъ, то погибнетъ не только оно, а и „прусское государство, и Германская Имперія“. Вѣдь, прежде всего, пошатнется весь кредитъ — и „въ первую голову пострадаютъ тѣ господа, которые помѣстили свои капиталы въ ипотеки и закладные листы“ [1]). Съ сожалѣніемъ Бисмаркъ констатируетъ перемѣну въ настроеніи „низшаго класса народа“: прежде его идеаломъ было пріобрѣтеніе въ деревнѣ клочка земли на скопленныя сбереженія и занятіе сельскимъ хозяйствомъ, а теперь—открытіе лавочки въ Берлинѣ и нажива съ помощью посреднической торговли. А между тѣмъ, сельское хозяйство, деревня — остается самымъ крѣпкимъ оплотомъ общества и государства. Здѣсь вырастаютъ рабочіе, здѣсь производятся расходы на ихъ обученіе; здѣсь призрѣваются бѣдные. По отбываніи воинской повинности, рабочій идетъ въ городъ, гдѣ ему больше нравится, и рветъ связи съ общиной, которая, однако, получаетъ сюрпризы, въ родѣ требованія уплаты за содержаніе своего оторвавшагося сына въ городской больницѣ. „Такимъ образомъ, сельскіе хозяева въ общемъ имѣютъ преимущество быть терпѣливой, вѣрной государству и консервативно настроенной частью населенія“...; консервативной — въ томъ смыслѣ, что они обладаютъ „положительной тенденціей и даютъ государству прочность“. Къ землевладѣнію, въ концѣ концовъ, государство прибѣгаетъ въ минуту опасности и за деньгами, и за людьми, ибо „der Grundbesitz liegt immer vor Gottes Sonne offen da“. Все это терпѣливо сноситъ сельское населеніе, можетъ быть, потому, что въ его сознаніе не вполнѣ проникла вся связь явленій и зло, отъ котораго оно страдаетъ. Если я стремлюсь просвѣтить его сознаніе, то хочу сдѣлать это не ради агитаціи, а изъ соображеній справедливости“ [2]). Въ финансовую и экономическую политику должно быть внесено начало справедливости, а потому сельско-хозяйственныя таможенныя пошлины—неизбѣжны.

[1]) Sten. Berichte. Ibid., s. 1370—1 и д.
[2]) Ibid.

Размѣръ приведенныхъ цитатъ соотвѣтствуетъ ихъ важности. Именно, въ періодъ хозяйственной реформы въ работѣ Бисмарка забила сильная аграрная струя. Какъ мы видѣли изъ первой части нашего труда, аграрная подкладка имѣется у большинства теоретиковъ такъ называемаго государственнаго соціализма; въ этихъ аграрныхъ симпатіяхъ лежитъ ближайшее объясненіе ихъ консерватизма. Такимъ образомъ, въ разсужденіяхъ и настроеніи Бисмарка имѣется налицо одинъ изъ конститутивныхъ признаковъ интересующаго насъ теченія. Противопоставленіе деревни городу, котораго хотѣлъ избѣгнуть канцлеръ, было имъ сдѣлано. Причины—ясны: 17 мая состоялся въ Берлинѣ Städtetag съ протестомъ противъ ввозныхъ пошлинъ на пищевые продукты. Отстоять аграрныя пошлины было тѣмъ важнѣе, что 16 мая пошлины на ввозное желѣзо уже были приняты. Были приняты и предложенія провизорныхъ пошлинъ на хлѣбъ, но судьба всего проекта оставалась еще нерѣшенной, когда рейхстагъ былъ распущенъ на лѣтнія вакаціи. Послѣ возобновленія его засѣданій Бисмаркъ принималъ самыя рѣшительныя мѣры, чтобы склонить на свою сторону національ-либераловъ (устраивались въ этихъ цѣляхъ, какъ говоритъ Blum, intimes Diners), такъ какъ союзъ съ центромъ, готовымъ поддерживать канцлера въ покровительственныхъ тенденціяхъ, грозилъ осложненіями въ области финансовой. Да и „культуръ-кампфъ“ надо было въ угоду центру ликвидировать. Политическія комбинаціи оказались, однако, таковы, что пришлось опираться и на центръ, а потому пойти на ограниченіе, внесенное Франкенштейномъ (Frankensteinische Klausel), носящее явно сепаратистскій, антиимперскій характеръ: всѣ доходы отъ новыхъ источниковъ[1]), свыше 130 милл. мар., должны поступать въ пользу отдѣльныхъ государствъ. Этимъ рейхстагъ желалъ ослабить вліяніе финансовой реформы и оставить Дамокловъ мечъ союзныхъ государствъ надъ имперіей. Бисмарка чрезвычайно задѣло такое недовѣріе къ имперіи. Въ рѣчи отъ 9 іюля онъ разсказываетъ, какъ съ самаго начала своей карьеры думалъ только объ одномъ — объединеніи Германіи, и притомъ такъ, чтобы „единство поддерживалось свободной волей всѣхъ содѣйствующихъ“. Домогательство либеральныхъ круговъ къ уста-

[1]) А именно—там. пошлинъ и повышеннаго таб. налога.

новленію парламентарнаго порядка Бисмаркъ еще разъ рѣшительно отвергаетъ: находя конституціонную форму правленія „единственно-возможной“, онъ тѣмъ не менѣе не задумался бы выступить на защиту абсолютизма, если бы полагалъ, что таковой болѣе полезенъ для цѣлей объединенія. Какъ бы то ни было, оказалось необходимымъ уступить центру.

Результаты получились благопріятные: хотя возвышеніе налога на пивовареніе было отклонено, но зато совершенно неожиданно рейхстагъ повысилъ хлѣбныя пошлины съ 50 пф. до 1 мар. Дѣло въ томъ, что сельскіе хозяева обѣщали вотировать противъ желѣзныхъ и др. поцлинъ, если ихъ желанія не будутъ удовлетворены. Съ этими измѣненіями таможенный тарифъ былъ принятъ большинствомъ 217 противъ 107—12 іюля 1879 г. Краеугольный камень „хозяйственной реформы“ Бисмарка былъ поставленъ на мѣсто. Закрывая рейхстагъ, канцлеръ благодарилъ за содѣйствіе въ исполненіи „большой и существенной части“ правительственныхъ предначертаній и выражалъ надежду, что сказавшаяся разница взглядовъ не помѣшаетъ дружной совмѣстной работѣ въ ближайшей сессіи. Однако ему скоро пришлось убѣдиться—и даже не по столь важному дѣлу, что оппозиція мыслима даже въ Союзномъ Совѣтѣ: бундесратъ отклонилъ проектъ канцлера о Reichsstempelsteuer, и Бисмаркъ пригрозилъ отставкой (на просьбу о послѣдней, конечно, послѣдовало историческое „niemals“ Вильгельма I). Нѣтъ ничего удивительнаго, что рухнула вторая часть его финансово-экономической программы—имперіализація главныхъ желѣзнодорожныхъ вѣтвей. Мы знаемъ изъ предыдущаго, какъ усиленно Бисмаркъ стремился къ этой цѣли. 18 марта 1879 г. онъ представилъ Союзному Совѣту обширную записку о необходимости реформы желѣзнодорожнаго хозяйства; при обсужденіи записки лично присутствовалъ Бисмаркъ и просилъ назначить спеціальную коммиссію. Коммиссія выработала законопроектъ (четыре отдѣла—установленіе тарифовъ, опубликованіе и примѣненіе ихъ, образованіе имперской желѣзнодорожной сѣти и часть заключительная); однако, въ самомъ Союзномъ Совѣтѣ нельзя было добиться единодушія. Саксонскій представитель прямо заявилъ, что проектомъ затрагиваются интересы отдѣльныхъ государствъ, а Баварскій,— что общій тарифъ будетъ аннулированъ въ Баваріи на основаніи ея „Reservatrechte“. Какъ

объясняетъ Blum, „это былъ страхъ передъ медіатизированіемъ, передъ преобладаніемъ Пруссіи и Имперіи, страхъ, который вызвалъ протестъ и veto трехъ королевствъ и этимъ погубилъ цѣлебную и необходимую реформу“[1]). Бисмаркъ зналъ, что встрѣтитъ въ этомъ отношеніи сильную оппозицію, и хотѣлъ облегчить переходъ къ имперіализаціи желѣзныхъ дорогъ ихъ огосударствленіемъ въ Пруссіи. Здѣсь дѣло со второй половины 70-хъ годовъ пошло довольно удачно. Принципіально за передачу госуд. прусскихъ желѣзныхъ дорогъ въ пользу имперіи палата депутатовъ высказалась еще 2 мая 1876 г. Ландтагъ поддерживалъ Бисмарка и въ дальнѣйшемъ сосредоточеніи желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ государства. Планъ этотъ, но только въ прусскомъ масштабѣ, удался вполнѣ, и могъ служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ для Бисмарка. Достаточно учесть, какое громадное вліяніе на значительнѣйшую часть имперіи получало правительство въ хозяйственномъ отношеніи и какой громадный контингентъ служащихъ оказывался въ его непосредственномъ распоряженіи (законъ 1879 г.).

Конечно, Бисмаркъ не могъ удовольствоваться полученными результатами. Хотя значительная часть поставленной имъ цѣли была достигнута, но далеко не вся, и не въ такой формѣ, какая ему была желательна. Онъ отлично понималъ, что рабочую массу городского населенія не убѣдишь въ безвредности и даже полезности для нея хлѣбныхъ пошлинъ. Соціалъ-демократическая агитація получила лишь новую, обильную пищу. Надо было дѣйствовать рѣшительнѣе на пути „позитивныхъ“ рабочихъ реформъ. Послѣ отставки прусскаго министра торговли и промышленности Гофманна, Бисмаркъ оставляетъ этотъ постъ за собой, чтобы свободнѣе дѣйствовать въ Союзномъ Совѣтѣ въ области финансово-экономическихъ предначертаній. Оффиціозная „Provinzial-Corresp.“—по поводу даннаго шага писала: „Для каждаго, кто внимательно слѣдилъ за всей политикой рейхсканцлера въ послѣдніе годы, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что принятіе имъ портфеля министерства торговли есть звено въ цѣпи хозяйственной реформы, которую князь началъ проводить два года тому назадъ и которой положилъ начало

[1]) H. Blum, „Das deutsche Reich zur Z. B.“, l. c., s. 345.

измѣненіемъ таможенной политики". Этимъ шагомъ канцлеръ облегчаетъ себѣ возможность продолжать начатое дѣло, — „самостоятельно вырабатывать такія предположенія, которыя могутъ улучшить положеніе рабочихъ и поставить благосостояніе промышленности на болѣе крѣпкую моральную почву" [1]). Такимъ образомъ, мы находимся у преддверія дѣйствительно „соціальной политики" канцлера.

[1]) Poschinger, l. c., s. 167—168.

Глава IV.

Государственный соціализмъ Бисмарка.

I.

Какъ было уже упомянуто въ предыдущей главѣ, Бисмаркъ рѣшилъ облегчить для себя проведеніе новаго „курса" экономической политики, сосредоточивши непосредственно въ своихъ рукахъ завѣдываніе областью торговли и промышленности. 16 сентября 1880 г. состоялось окончательное назначеніе его прусскимъ министромъ торговли и промышленности; такимъ образомъ, самъ Бисмаркъ могъ возбуждать соотвѣтствующіе вопросы въ Союзномъ Совѣтѣ и давать ихъ обсужденію желательное направленіе. Однако, даже полное подчиненіе себѣ Союзнаго Совѣта не обозначало еще побѣды правительства: впереди стоялъ мало податливый рейхстагъ, успѣвшій уже многократно разочаровать канцлера. Чтобы придать вѣсъ предполагающимся законопроектамъ и ослабить общественное значеніе имѣющейся формы политическаго представительства, Бисмаркъ ухватывается за одну идею, поданную ему представителями торговли и промышленности. Еще въ концѣ февраля 1878 г. центральный союзъ германскихъ промышленниковъ на второмъ своемъ конгрессѣ въ Берлинѣ рѣшилъ возбудить ходатайство объ устройствѣ особаго центральнаго органа изъ представителей торговли, промышленности и сельскаго хозяйства, который функціонировалъ бы при правительствѣ въ качествѣ совѣщательнаго по экономическимъ вопросамъ учрежденія („Beirath der Regierung in wirthsch. Fragen"). Въ октябрѣ того же 1878 г. Handelstag (восьмой) принялъ такую резолюцію: „*необходимо образованіе народнохозяйственнаго сената, какъ компетентнаго, государствомъ признаннаго совѣтника его въ хозяйственныхъ вопросахъ*" [1]). Непосредственный толчокъ къ осуществленію этой мысли былъ

[1]) „Aktenstücke", B. II, прим. къ 4, s. 11.

данъ просьбой президіума торгово-промышленной палаты въ Плауэнѣ (отъ 11 сент. 1880 г.) ознакомлять заблаговременно заинтересованные круги съ правительственными законопроектами соотвѣтствующаго экономическаго характера. На эту просьбу Бисмаркъ отвѣтилъ очень быстро. Въ отвѣтѣ выражено пожеланіе подвергать предварительному всестороннему обсужденію такіе законопроекты со стороны лицъ, которымъ, прежде всего, предстоитъ сталкиваться съ ними въ жизни, а для этой цѣли необходимо учрежденіе постояннаго экономическаго совѣта (Volkswirthschaftsrath) [1]). Прусское министерство немедленно занялось этимъ вопросомъ для внесенія проекта въ Союзный Совѣтъ. Необходимо обратить вниманіе на то, что Бисмаркъ стремился къ устройству имперскаго, а не прусскаго совѣта. Однако, наиболѣе подходящимъ методомъ ему казалось учрежденіе такого органа сначала въ Пруссіи, на основаніи простого Королевскаго Указа [2]). Проектъ указа имѣлся уже въ серединѣ октября 1880 года. Насъ не интересуетъ организація совѣта; отмѣтимъ только, что число членовъ проектировалось 75. 45 изъ нихъ назначалось королемъ изъ 90, выбранныхъ соотвѣтствующими экономическими организаціями; остальные—избирались министромъ, при чемъ 15, по § 4, непремѣнно должны были принадлежать къ „ремесленному и рабочему сословію". На этомъ послѣднемъ пунктѣ особенно настаивалъ Бисмаркъ, принимавшій вообще живѣйшее участіе въ устройствѣ Совѣта. Бисмаркъ стремился къ тому, чтобы къ открытію сессіи рейхстага прусскій экономическій Совѣтъ уже сталъ фактомъ, что и случилось — по Королевск. Указу 17 ноября 1880 г.

27 января 1881 г. Совѣтъ собрался въ Берлинѣ, и его первое засѣданіе было торжественно открыто лично Бисмаркомъ. Привѣтствуя собравшихся и благодаря ихъ за готовность притти на помощь правительству, Бисмаркъ отмѣчаетъ громадную важность создаваемаго учрежденія—во время общаго хозяйственнаго угнетенія. Заинтересо-

[1]) L. Hahn, op. c., IV B., s. 31.

[2]) Характерны мотивы, почему Бисмаркъ предпочитаетъ путь Указа:... „Die Vorlage eines Gesetzentwurfs ist nicht erforderlich und würde nach der Erfahrungen der letzten Jahre zu Diskussionen führen, bei welchen die Taktik der Fraktionen und der Hinblick auf die Wahlen der sachlichen Behandlung im Wege steht". См. Aktenstück 4, B. II.

ванными сторонами указываются различныя причины экономическаго застоя, — и правительству необходима дѣятельная помощь со стороны свѣдущихъ людей. Характерно, что канцлеръ не постѣснялся сдѣлать выпадъ по адресу законодательныхъ учрежденій: „Это — вовсе не случай, а послѣдствіе вашей дѣятельности, тѣсно связанной съ домашнимъ очагомъ, что представители земледѣлія и еще больше—торговли и промышленности, не могутъ принимать одинаковое участіе въ парламентской работѣ наравнѣ съ образованными классами, и потому, какъ общее правило, составляютъ тамъ меньшинство, хотя образуютъ большинство населенія" [1]). Въ правительственныхъ кругахъ, по природѣ вещей, въ подготовкѣ законопроектовъ преобладающее значеніе имѣютъ чиновники и ученые. Въ силу этого, правительство чувствуетъ необходимость обратиться черезъ заинтересованныхъ лицъ непосредственно къ жизни. Канцлеръ безпрерывно подчеркиваетъ экспертный по хозяйственнымъ вопросамъ характеръ учрежденія, чтобы отвести отъ себя обвиненіе въ созданіи новаго политическаго органа. Конечно, опровергнуть такое обвиненіе (а оно возникло) было слишкомъ трудно: Бисмаркъ, избѣгая метода анкетъ и опросовъ и создавая постоянное учрежденіе, само собою разумѣется, стремился къ извѣстному политическому эффекту. Въ той-же рѣчи канцлеръ указываетъ, что образованіе сначала прусскаго совѣта есть лишь кратчайшій путь къ имперскому.

Предметами занятій Совѣта, въ первую очередь,—продолжалъ Бисмаркъ, будутъ законопроекты о страхованіи рабочихъ противъ несчастныхъ случаевъ и о реорганизаціи корпоративнаго строя ремесленниковъ,—вопросъ рабочій и ремесленный. Такимъ образомъ, въ Совѣтѣ канцлеръ усматривалъ, прежде всего, органъ своей соціальной политики.

Высказанныя Бисмаркомъ, при открытіи прусскаго Совѣта надежды на скорое осуществленіе Имперскаго — не оправдались. Совершенно основательно рейхстагъ усмотрѣлъ въ законопроектѣ новый политическій ходъ и не захотѣлъ вотировать ничтожной суммы въ 84.000 марокъ. И странно слышать изъ устъ такого рыцаря политики, какъ Бисмаркъ, упреки рейхстагу за подобныя подозрѣнія. На-

[1]) v. Poschinger, «F. B. als Volkswirth», II B., s. 13.

прасно канцлеръ называлъ отказъ рейхстага помочь въ этомъ дѣлѣ правительству актомъ „пренебреженія къ народу“: „именно тѣ задачи, которыя правительство себѣ поставило, соціальныя и финансовыя реформы, заставляютъ прибѣгать къ практической опытности хозяйствующихъ группъ населенія“... [1]) „Въ этой области, въ которую мы хотимъ и должны вступить“, чувствуется особенная потребность въ освѣдомленной поддержкѣ. Однако, рейхстагъ вовсе не былъ расположенъ поддерживать демагогическую соціальную политику Бисмарка, а потому ссылки послѣдняго на готовящіяся мѣропріятія могли только окончательно дискредитировать въ глазахъ депутатовъ законопроектъ. „Nebenparlament“, по выраженію Бамбергера, не увидѣлъ свѣта; имперское правительство не получило „Reichsfuss“, наряду съ „preussischen Fuss“ (*такъ образно опредѣлялъ Бисмаркъ значеніе Совѣта*). При такихъ условіяхъ совершенно ненужнымъ оказался и прусскій экономическій Совѣтъ.

Первая „соціально-политическая ставка“ канцлера была проиграна.

Такъ-же неудачны оказались попытки Бисмарка къ дальнѣйшему укрѣпленію имперскихъ финансовъ въ желательномъ для него направленіи. Проектъ Wehrsteuer, встрѣтившій оппозицію еще въ Союзномъ Совѣтѣ, какъ преддверіе прямого имперскаго обложенія, былъ въ маѣ 1881 г. рѣшительно отклоненъ рейхстагомъ. Такая-же участь, почти единогласнаго отклоненія, постигла и проекты двухлѣтняго бюджетнаго періода и четырехлѣтняго избирательнаго и законодательнаго періода рейхстага. *Даже въ Пруссіи*, гдѣ Бисмаркъ былъ почти всемогущъ, и на примѣрѣ которой онъ хотѣлъ показать другимъ союзнымъ государствамъ и рейхстагу цѣлесообразность предполагаемыхъ имъ экономическихъ измѣненій, производить послѣднія оказалось не столь легко.

Однако, канцлеръ не складывалъ оружія. Съ необычайной энергіей онъ, напр., боролся противъ нападокъ за включеніе въ таможенную линію Гамбурга и другихъ вольныхъ городовъ. Richter со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ го-

[1]) L. Hahn, op. cit., s. 40, B. IV.

ворилъ по этому поводу объ „Eroberungsplänen des Kanzlers für das Reich“; съ неменьшей силой возражалъ ему Бисмаркъ. Въ рѣчи, произнесенной 24 февраля 1881 г. противъ Рихтера, канцлеръ ярко отмѣтилъ свое отвращеніе къ доктринерству. „Я, во всякомъ случаѣ, не принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые, повѣривши чему-либо въ жизни или вѣря сегодня, не могутъ уже ничему больше научиться; если мнѣ кто-либо говоритъ: двадцать лѣтъ тому назадъ вы держались такого-же взгляда, какъ и я теперь, а сейчасъ—противоположнаго, то на это я отвѣчаю: да, настолько умнымъ, какъ вы — теперь, я былъ двадцать лѣтъ тому назадъ, — теперь-же я — умнѣе, я поучился въ теченіе двадцати лѣтъ“... [1]) „Доктринеромъ я не былъ никогда въ своей жизни; всѣ системы, которыми партіи отличаются одна отъ другой и чувствуютъ себя связанными, для меня всегда стоятъ на второмъ планѣ, а на первомъ — нація, ея внѣшнее положеніе, ея самостоятельность, — вопросъ о томъ, какъ намъ съорганизоваться, чтобы мы могли свободно дышать въ этомъ мірѣ, какъ великая нація“... Нѣмецкая Имперія—вотъ высшій идеалъ Бисмарка. „Ея образованію и консолидаціи я подчинилъ всю свою политическую дѣятельность съ того перваго момента, какъ началъ ее“... [2]) Въ данномъ случаѣ, слова Бисмарка звучатъ вполнѣ искренне. Одного онъ не замѣчаетъ и не могъ замѣтить, что, въ такомъ случаѣ, вся его „соціальная политика“ является не самоцѣлью, а средствомъ,—и въ этомъ причина ея общественно-моральнаго неуспѣха.

Обратимся сначала къ первой части соціальной реформы —ремесленному вопросу, болѣе близкому сердцу Бисмарка по старымъ традиціямъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ изъ консервативно-клерикальнаго союза выросла особая „Handwerkerpartei“ съ депутатомъ изъ Дрездена Ackermann'омъ во главѣ. Основная цѣль партіи—коренное измѣненіе либеральнаго промышленнаго законодательства. Дѣло сводилось по существу къ тому, чтобы возродить отмершіе цеховые устои. Въ первый разъ эти стремленія обнаружились въ антрагѣ консервативнаго депутата Seydewitz'a, предложившаго затруд-

[1]) Sten. Berichte. 4 L. P. IV Session 1881, s. 32.
[2]) Ibid.

нить выдачу концессій на занятія нѣкоторыми профессіями и возобновить корпоративную ремесленную жизнь (Innungswesen). Еще до обсужденія сдѣланнаго предложенія правительство само внесло законопроектъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ пунктовъ промышленнаго устава, въ смыслѣ затрудненія въ выдачѣ концессій на нѣкоторыя предпріятія (больницы, ссудныя кассы и др.). Однако, хотя законопроектъ 23 іюля 1879 г. сталъ закономъ, партія этимъ не удовлетворилась, и вопросъ объ „Innungen" снова всплываетъ въ 1880 г. Бисмаркъ охотно идетъ навстрѣчу цеховымъ тенденціямъ. Если для спасенія ремесленниковъ и мало-что можно сдѣлать, то за-то можно сказать много красивыхъ, многообѣщающихъ словъ,—а *политическая ситуація сейчасъ*, послѣ принятія таможеннаго тарифа, этого требовала. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Бисмаркъ вспоминаетъ о „почетномъ историческомъ мѣстѣ, которое занимали ремесленные цехи въ нѣмецкомъ отечествѣ", и хочетъ оказать поддержку „сплоченію реальныхъ силъ христіанской народной жизни въ формѣ корпоративныхъ товариществъ" [1]). Союзный Совѣтъ и Прусскій Экономическій Совѣтъ въ январѣ 1881 г. уже разсматривалъ проектъ образованія новыхъ корпорацій. Стремленіе Бисмарка, въ томъ или другомъ видѣ, установить принципъ обязательности корпорацій—Innungszwang, конечно, не нашло поддержки въ законодательныхъ учрежденіяхъ, какъ совершенно не отвѣчающее новымъ хозяйственнымъ условіямъ. Пришлось ограничиться только подробной регламентаціей призываемыхъ къ жизни институтовъ (особенно важно сообщеніе Innung правъ юридическаго лица) и выразить надежду, что ремесленники воспользуются этимъ средствомъ *для поднятія своего благосостоянія*. Въ такомъ, мало дѣйствительномъ, по мнѣнію самого Бисмарка, видѣ—проектъ получилъ въ февралѣ силу закона.

Общими фразами о заботахъ и высокой оцѣнкѣ ремесленничества приходилось канцлеру отвѣчать на посланія изъ ремесленной среды, имъ получаемыя. Такъ, ферейнъ для защиты ремесла въ Миличѣ прислалъ Бисмарку адресъ, гдѣ канцлеръ назывался „постояннымъ другомъ и убѣжищемъ бѣднаго человѣка" и, въ противовѣсъ насмѣшкамъ враждебной прессы, приносилась благодарность за „мудрую заботу открыть ремеслу лучшее будущее". Бисмарку оставалось только въ отвѣтъ надѣяться, „что съ помощью образованія корпорацій и другихъ товарищескихъ соединеній ремесленниковъ образуется почва для укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія ремесленнаго сословія" [1]), т. е., въ сущности, повторить то-же, что было сказано въ мотивировкѣ Innungsgesetz передъ рейхстагомъ. Въ томъ-же духѣ былъ составленъ отвѣтъ предсѣдателю вестфальскаго ремесленнаго союза (отъ 22 іюля 1882 г.). Въ адресѣ было сказано не безъ горечи, что въ законѣ о корпораціяхъ ремесленники усматриваютъ „благожелательную, хотя-бы и безрезультатную попытку, совершенно распавшееся ремесло вновь организовать и предоставить ему снова возможность къ вѣрной долгу совмѣстной работѣ въ государствѣ" [2]). Въ соотвѣтствіи съ только-что приведеннымъ слѣдуетъ еще упомянуть объ одномъ циркулярѣ Бисмарка—изъ болѣе поздняго времени (отъ 2 ноября 1888 г.), гдѣ оспаривается претензія корпорацій присваивать званіе мастера только своимъ членамъ; а также апрѣльск. циркулярѣ 1886 г., гдѣ преподаются мѣстнымъ властямъ (Bezirksregierungen) указанія по надзору за корпораціями. Въ пунктѣ 2 послѣдняго циркуляра ясно отмѣчено, что не можетъ быть никакого, даже косвеннаго, побужденія ко вступленію въ цехи и немыслимо лишеніе ремесленныхъ правъ лицъ, почему-либо не примыкающихъ къ корпораціи [3]). Отсюда можно заключить, что самъ Бисмаркъ успѣлъ убѣдиться въ архаичности проектируемыхъ мѣропріятій.

Такимъ образомъ, попытки разрѣшенія ремесленнаго вопроса оказались слишкомъ робкими и малодѣйствительными. Болѣе раннія экскурсіи Бисмарка въ эту область отличались большею яркостью. Вялость Бисмарка въ данномъ случаѣ, впрочемъ, весьма понятна: разложившееся ремесло представляло для него въ политическомъ отношеніи мало интереса. Характерно, конечно, пробужденіе старыхъ симпатій,—но за протекшія десятилѣтія Бисмаркъ многому научился. Силою вещей его главное вниманіе, а—слѣдова-

[1]) Bismarcks politische Briefe. B. I, s. 337.

[1]) v. Poschinger, l. c., B. II, s. 101.
[2]) Ibid., s. 144.
[3]) Poschinger, B. III, o. c., s. 174—175.

тельно—и его соціально-политическій пылъ, долженъ былъ направиться на городской, фабричный пролетаріатъ. Если о ремесленномъ вопросѣ намъ пришлось сказать столь мало, то рабочему—придется удѣлить много мѣста.

Общая канва соціальной политики въ рабочемъ вопросѣ намъ уже извѣстна изъ предыдущаго: это—различнаго рода обезпеченія рабочихъ. Какъ показываютъ собственноручныя замѣтки Бисмарка (февраль 1881 г.), онъ полагалъ десятилѣтній срокъ на проведеніе соотвѣтствующихъ законодательныхъ мѣръ по охранѣ „экономически слабыхъ“. Ограничиваться страхованіемъ противъ несчастныхъ случаевъ канцлеръ не думаетъ. Почему не осуществима идея страхованія старости? Семья съ удовольствіемъ приметъ къ себѣ престарѣлаго родителя съ рентой въ 100—200 марокъ. И тутъ же канцлеръ открываетъ главную пружину его „христіанскихъ“ тенденцій: „слѣдуетъ строго относиться къ обѣщанію бороться съ соціалъ-демократіей позитивными мѣрами“ [1]). 15 января 1881 г. Бисмаркъ вноситъ въ Союзный Совѣтъ проектъ закона о страхованіи противъ несчастныхъ случаевъ, а въ началѣ апрѣля состоялось первое чтеніе въ рейхстагѣ.

II.

Проектъ страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ былъ внесенъ въ рейхстагъ 8-го марта 1881 г. Для характеристики соціально-политической физіономіи канцлера наиболѣе важенъ именно этотъ законопроектъ, составленный всецѣло въ духѣ предначертаній Бисмарка и не отражающій еще на себѣ партійной борьбы. Мотивировка, на которую такъ рѣзко напали въ рейхстагѣ, является своего рода „credo“ государственнаго соціализма канцлера, подобно знаменитому манифесту императора, появившемуся восемь мѣсяцевъ спустя. Законопроектъ поставленъ мотивами въ тѣсную связь съ закономъ противъ соціалистовъ, какъ выполненіе положительной части программы. Если, говорится здѣсь, и замѣтны признаки улучшенія конъюнктуры, то все-же законодатель долженъ притти на помощь рабочимъ,

[1]) v. Poschinger, o. c., B. II, s. 15.

положеніе которыхъ вообще отличается неопредѣленностью и неустойчивостью. Такое отношеніе государства къ „своимъ нуждающимся въ помощи сочленамъ“ подсказывается не только обязанностью гуманности и христіанства, которыми должны быть проникнуты государственныя учрежденія, но является задачей „государственной („staatserhaltender“) политики“. Послѣдняя преслѣдуетъ цѣль—„укрѣпить и въ средѣ невладѣющихъ классовъ населенія, являющихся къ тому-же наиболѣе многочисленными и наименѣе образованными, взглядъ, что государство есть не только необходимое, но и благодѣтельное учрежденіе“. Демократическіе элементы, получая выгоды отъ законодательства, должны, въ концѣ концовъ, признать, что „государство вовсе не учрежденіе, придуманное для защиты лучше поставленныхъ классовъ общества, но институтъ, служащій также ихъ потребностямъ и интересамъ“ [1]).

Въ этой формулѣ сказался весь Бисмаркъ. Конечно, подозрѣнія въ соціализмѣ его не смущаютъ. Внося дѣйствительно новый принципъ въ законодательную практику, Бисмаркъ старается „соціалистическій элементъ“ представить, какъ „дальнѣйшее развитіе христіанской идеи“, на почвѣ которой выросло современное государство. Согласно этой идеѣ, государство, наряду съ цѣлями охраны, имѣетъ также своей задачей—„цѣлесообразными учрежденіями и употребленіемъ имѣющихся въ его распоряженіи общихъ средствъ—положительно стремиться къ поднятію благосостоянія всѣхъ его сочленовъ и, въ особенности, слабыхъ и нуждающихся въ помощи“. „Именно въ этомъ смыслѣ законодательная регулировка призрѣнія бѣдныхъ, которое современное государство—въ противоположность древности и среднимъ вѣкамъ—признаетъ своею обязанностью, заключаетъ въ себѣ соціалистическій элементъ“... [2]).

Предлагаемый законопроектъ является лишь эволюціей этой „соціалистической“ идеи попеченія о бѣдныхъ. Если оставить въ сторонѣ попытку канцлера подчеркнуть благотворительный характеръ своего соціализма, то въ сдѣлан-

[1]) Stenographische Berichte über die Verh. Reichstags. 4 Legislat. p., IV Session 1881. III Band., Anlagen. s. 228.

[2]) Ibidem.

ныхъ заявленіяхъ мы найдемъ полное совпаденіе со взглядами теоретиковъ государственнаго соціализма. И нѣтъ ничего удивительнаго, что L. Hahn, собиравшій матеріалы для характеристики дѣятельности канцлера, къ этому моменту пріурочиваетъ начало осуществленія въ Германіи идеи „соціальной монархіи". Конечно, сразу бросается въ глаза и коренное различіе между наивными, но искренними глашатаями „государственнаго соціализма", и политикомъ-дипломатомъ Бисмаркомъ.

Изъ предыдущаго очевидно, что политическія соображенія должны были побуждать съ особенной силой настаивать на привлеченіи государственныхъ средствъ къ страхованію и правительственной организаціи всего дѣла. Канцлеръ, конечно, желалъ „государственнаго" страхованія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Мотивы объясняютъ невозможность обойтись безъ государственныхъ приплатъ опасеніемъ обремененія индустріи и бюджета рабочихъ. Относительно послѣднихъ канцлеръ выражается чуть-ли не по-лассалевски: „громадная масса нашихъ рабочихъ получаетъ плату, едва хватающую на удовлетвореніе неотложныхъ при современномъ состояніи хозяйственнаго развитія потребностей" [1]). При такихъ условіяхъ немыслимо взваливать на ихъ плечи новую тягость—по уплатѣ премій страхованія. Такіе расходы или довели-бы рабочихъ до полной нищеты, или заставили-бы предпринимателей возвысить заработную плату, т. е. взять расходы на себя, что также было-бы несправедливо, ибо проектируемыя мѣропріятія имѣютъ существеннымъ образомъ въ виду общегосударственные интересы". Выводя принципъ страхованія изъ христіанской идеи благотворительности, Бисмаркъ, однако, старается затушевать каритативную сторону дѣла, и опять прибѣгаетъ къ такимъ способамъ выраженія, которыя должны были приводить въ ужасъ либерально настроенные круги общества. Не надо думать, говоритъ онъ, что страхованіе относится къ числу мѣръ попеченія о бѣдныхъ: „дѣло идетъ о томъ, чтобы улучшить положенія цѣлаго класса населенія ради общественнаго интереса и при содѣйствіи общественныхъ средствъ,—мѣра, которая не можетъ быть поставлена на

[1]) Stenog. Berichte, s. 282.

одномъ уровнѣ съ пособіями бѣднымъ" [1]). Бисмаркъ обращался къ двумъ сторонамъ: „имущихъ" успокаивалъ тѣмъ, что его „соціализмъ" есть въ сущности христіанская благотворительность, а демократіи старался показать радикальность своихъ соціальныхъ воззрѣній. Легко видѣть, что эти двѣ задачи—несочетаемы, и обѣ стороны должны были остаться недовольными. Есть вопросы, въ которыхъ не приходится быть дипломатомъ.

Такова — принципіальная, наиболѣе насъ интересующая сторона законопроекта. Конститутивная его часть, въ общемъ, сводится къ слѣдующему. Рабочіе, занятые въ горномъ производствѣ, строительномъ дѣлѣ, на фабрикахъ и заводахъ и нѣкоторыхъ другихъ предпріятіяхъ (ради удобства проведенія закона въ жизнь имъ охватываются сначала не всѣ рабочіе, а лишь опредѣленныя категоріи; сельское хозяйство пока было исключено), получающіе не свыше 2000 м. годового вознагражденія — подлежатъ страхованію отъ несчастныхъ случаевъ въ страховомъ учрежденіи, основываемомъ и управляемомъ за счетъ имперіи. Императоръ спеціальнымъ регламентомъ опредѣлитъ составъ и болѣе подробнымъ образомъ функціи этого „Reichsversicherungsanstalt". Преміи уплачиваются—для рабочихъ, получающихъ не болѣе 750 мар., на $^2/_3$—предпринимателями, на $^1/_3$—имперскимъ казначействомъ; при заработкѣ отъ 750 до 1000 м.—треть уплачивается страхуемымъ, а свыше—участвуютъ поровну предприниматель и рабочій. Какъ видимъ, Бисмаркъ, зная, что имперскія прибавки встрѣчаютъ наиболѣе сильное возраженіе, вводилъ ихъ въ скромномъ масштабѣ. Конечно, отдѣльнымъ предпріятіямъ вмѣняется въ обязанность доставлять въ короткіе сроки имперскому страховому учрежденію всѣ нужныя свѣдѣнія, подъ угрозой болѣе или менѣе чувствительныхъ штрафовъ. Впрочемъ, для облегченія несенія отвѣтственности разрѣшается предпринимателямъ для застрахованія рабочихъ образовывать „взаимныя" товарищества, дѣятельность которыхъ подлежитъ спеціальной регламентаціи. Дальнѣйшія—техническія подробности—насъ не интересуютъ.

[1]) Ibid., s. 234.

Какъ видимъ, Бисмаркъ стремился къ монополизированію въ пользу государства даннаго вида страхованія, слѣдовательно—къ огосударствленію цѣлой области страхового дѣла, и къ установленію государственныхъ приплатъ къ преміямъ. Едва-ли не самымъ важнымъ для Бисмарка было установленіе этихъ приплатъ. „Provincial-Correspondenz", инспирируемый правительствомъ органъ, всячески доказывалъ цѣлесообразность этой мѣры, но главнымъ аргументомъ являлось соображеніе, что „Staatszuschuss" есть „благодѣтельная политическая мѣра" [1]). Здоровая государственная жизнь требуетъ примиренія всѣхъ элементовъ,—и „Бисмаркъ вступилъ на правильный путь, чтобы отвлечь отъ подчиненія революціоннымъ руководителямъ — массы рабочихъ, которыя теперь находятся еще во власти послѣднихъ..." Насколько важное значеніе придавалъ Бисмаркъ привлеченію государственныхъ средствъ, ясно видно и изъ тѣхъ замѣчаній, которыя онъ дѣлалъ внѣ рейхстага. Такъ, на одномъ изъ своихъ извѣстныхъ „парламентскихъ Soiree" (27 мая 1881 г.) онъ опредѣленно заявилъ, что готовъ былъ-бы пожертвовать имперскимъ учрежденіемъ въ пользу мѣстныхъ государственныхъ, но отъ государственныхъ приплатъ онъ не откажется: помимо того, что, кромѣ Штумма, предприниматели не могутъ одни совершать уплату, „государство въ этомъ отношеніи имѣетъ моральную обязанность" [2]). Другой разъ, Бисмаркъ заявилъ, что „никогда не подпишетъ свое имя подъ закономъ, который будетъ содержать обремененіе работника" [3]). Прибавки нужны были канцлеру еще и ради столь желаемой, но все неосуществляющейся реформы имперскихъ финансовъ. Изъ предыдущаго мы знаемъ, что финансовая реформа нужна была Бисмарку также изъ соображеній политическихъ. И вотъ теперь, въ случаѣ принятія законопроекта о страхованіи въ желательной для канцлера формѣ, ему представлялась, повидимому, возможность однимъ ударомъ убить двухъ зайцевъ. Разсматривая законъ о страхованіи про-

[1]) L. Hahn, o. c., B. IV, s. 132—133.

[2]) v. Poschinger, „*Fürst Bismarck und die Parlamentarier*", I B., Breslau, 1894, s. 224.

[3]) Ibid., s. 220.

тивъ несчастныхъ случаевъ, какъ первое звено въ рядѣ „соціальныхъ" мѣропріятій, и планируя уже страхованіе старости, Бисмаркъ, на вопросъ о средствахъ, отвѣтилъ: „табачный и питейный налогъ". Неоднократно канцлеръ указывалъ на табачную монополію, какъ источникъ для покрытія новыхъ расходовъ. Нѣсколько нарушая хронологическій порядокъ изложенія, отмѣтимъ, что Бисмаркъ, въ серединѣ августа 1881 г., т. е. послѣ перваго, рѣшительнаго отпора со стороны рейхстага его соціально-политическимъ предначертаніямъ, имѣлъ свиданіе съ проф. А. Вагнеромъ. Онъ посвящаетъ послѣдняго въ свои „государственно-соціалистическіе планы"; говоритъ о табачной монополіи, исчисляетъ доходъ отъ нея въ 150 м.м. и предназначаетъ его на страхованіе рабочихъ противъ инвалидности и старости. Тутъ-же было Бисмаркомъ употреблено ставшее крылатымъ слово—названіе дохода отъ табачной монополіи „Patrimonium der Enterbten", названіе, сдѣлавшееся до нѣкоторой степени избирательнымъ лозунгомъ [1]). Вагнеръ, дѣйствительно, началъ въ Берлинѣ избирательную компанію. Такимъ образомъ, самый послѣдовательный ученикъ Родбертуса могъ торжествовать побѣду: „государственный соціализмъ" какъ будто дѣйствительно внѣдрялся въ законодательную практику [2]).

И какъ разъ въ этомъ направленіи Бисмаркъ натолкнулся на самое горячее сопротивленіе со стороны депутатовъ рейхстага. Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что первое чтеніе законопроекта пришлось послѣ обсужденія способовъ примѣненія закона 1878 г., обсужденія, во время котораго сказано было много непріятнаго Бисмарку и соціалъ-

[1]) *F. Bismarck und die Parlamentarier*, ibid., s. 226.

[2]) Въ это время самъ Бисмаркъ иногда не стѣснялся называть себя гос. соціалистомъ. Пошингеръ приводитъ слѣдующее замѣчаніе канцлера, сдѣланное 26 іюня 1881 г. М. Бушу: „Der Staat muss die Sache in die Hand nehmen. Nicht als Almosen, sondern als Recht auf Versorgung, wo der gute Wille zur Arbeit nicht mehr kann... Diese Sache wird sich durchdrücken. Sie hat ihre Zukunft. Es ist möglich, dass unsre Politik einmal zu Grunde geht, wenn ich tot bin. Aber der Staatssocialismus paukt sich durch. Jeder, der diesen Gedanken wieder aufnimmt, wird ans Ruder kommen". „Fürst Bism. und die Parlamentarier", III Band, Bresl., 1896, s. 64, примѣчаніе.

демократами (Auer и Bebel) и представителями болѣе умѣренныхъ партій. Помимо того, что былъ вскрытъ явно неправомѣрный характеръ поведенія полиціи, не гнушающейся и провокаціонными пріемами, рейхстагъ обратилъ вниманіе на попустительство ея по отношенію къ такимъ ферейнамъ и теченіямъ, которые проповѣдуютъ соціальную и національную рознь, но подъ покровомъ монархизма. Канцлеру поставили на видъ Штекера съ его человѣконенавистническимъ антисемитизмомъ, который, наравнѣ со своими достойными коллегами, безпрепятственно устраиваетъ собранія и изъясняется на нихъ соціалистическимъ жаргономъ. Не смотря на усилія правительственныхъ ораторовъ, послѣ дебатовъ должно было остаться такое впечатлѣніе, что канцлеръ ничего не имѣетъ противъ автократическаго соціализма и даже покровительствуетъ ему. Нечего и говорить, что законопроектъ о страхованіи подвергся первому обсужденію—malis auspiciis.

Для обрисовки политической конъюнктуры ознакомимся съ наиболѣе выдающимися рѣчами. Первымъ говорилъ испытанный вождь либерализма—Бамбергеръ. Онъ началъ съ того, что выразилъ общее сочувствіе идеѣ законопроекта притти на помощь рабочему въ дѣлѣ его обезпеченія, которое не достигается въ полной мѣрѣ существующимъ закономъ объ отвѣтственности предпринимателей (Das Haftpflichtgesetz—7 Juni 1871); но предложенные пути и средства Бамбергеръ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ. Конечно, главнымъ пунктомъ нападенія являются мотивы законопроекта. „Матеріально, такъ-же какъ и формально, законопроектъ стоитъ на почвѣ соціализма; это совершенно отчетливо видно изъ его мотивовъ“ [1]). Совершается нѣчто неслыханное не только въ исторіи Германіи, но и всемірной. Имперское правительство, вмѣсто того, чтобы бороться съ разлагающей идеей соціализма, освящаетъ её своими выступленіями. До сихъ поръ на эту дорогу выступали только шаткія правительства, созданныя революціей: французскій конвентъ, франц. республика 1848 г., которая, передъ своимъ паденіемъ, проектировала страхованіе отъ инвалидности и старости на средства государства. Однако, и тамъ не рѣшились, на самомъ дѣлѣ, осуществить соціалистическій

[1]) Stenograph. Berichte, ibid., s. 679.

опытъ; между тѣмъ, германскій канцлеръ смѣло выступаетъ на эту опасную дорогу. Какъ будто возражая соціализму въ мотивахъ, онъ даетъ толчокъ дальнѣйшему его развитію. Бамбергеру кажется удивительнымъ, почему Бебель не занимаетъ въ рядахъ имперскаго правительства поста „членадокладчика экономическаго отдѣленія“. Бамбергеръ открыто заявляетъ, что, по своимъ воззрѣніямъ на задачи государства, онъ—„Nachtwächter“; его взглядъ на народное хозяйство совпадаетъ съ мнѣніями англійскихъ экономистовъ-классиковъ. Если-бы, однако, онъ убѣдился, что задачи государства гораздо шире, что соціализмъ не есть утопія, то сталъ-бы въ ряды партіи Ауэра и Бебеля, но не—канцлера, такъ какъ государственная идея первыхъ—гораздо болѣе послѣдовательна. Всякій соціализмъ, отрицающій современный общественный порядокъ, революціоненъ; стало быть, и выступленія канцлера носятъ такой-же характеръ. Отъ рейхстага Бамбергеръ желаетъ, чтобы онъ, сохранивъ правильные элементы законопроекта, отбросилъ соціалистическіе: „я надѣюсь отъ большинства собранія, что оно отклонитъ оба соціалистическихъ элемента... превращеніе имперіи въ общую богадѣльню и использованіе финансовыхъ силъ ея для этой цѣли“ [1]).

Слабое впечатлѣніе производитъ послѣ словъ Бамбергера рѣчь сторонника законопроекта—депутата v. Marschall'я, такъ какъ приводимые имъ аргументы съ большей силой выражены въ мотивахъ. Слѣдуетъ отмѣтить только его рѣшительное выступленіе въ защиту „Staatssocialismus“, и по тѣмъ-же основаніямъ, которыя намъ уже извѣстны: „если мы устранимъ справедливое недовольство рабочаго, то это больше повредитъ соціализму и соціалъ-демократіи, чѣмъ можетъ оказать ему услугу принятіе соціалистической идеи“. На слѣдующій день первымъ началъ дебаты Рихтеръ; послѣ него выступалъ Бисмаркъ. Рихтеръ, прежде всего, указалъ, что именно либералы и центръ, еще до изданія закона противъ соціалистовъ, выражали живой интересъ къ вопросу расширенія и углубленія закона объ отвѣтственности предпринимателей (антрагъ Гирша въ 1878 г.); но канцлеръ не

[1]) Sten. Berichte, ibid., s. 681.

далъ хода дѣлу и молчалъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Теперь внесенъ законопроектъ, который немыслимо принять по тремъ основаніямъ: не доказана необходимость принудительности страхованія, недопустима монополія страхового дѣла и государственныя приплаты. Законъ, вмѣсто того, чтобы оказать услугу рабочимъ, лишь вредитъ имъ, такъ какъ, прежде всего, воспитываетъ въ нихъ ложное отношеніе къ своимъ обязанностямъ и государственнымъ задачамъ. Рихтеръ отказывается видѣть въ государственныхъ приплатахъ соціализмъ. Вѣдь, въ сущности, индустрія должна нести всѣ расходы по издержкамъ производства; въ томъ числѣ, оплатить и всѣ расходы по страхованію рабочихъ на случай несчастья. Канцлеръ-же думаетъ, что эти средства должны черпаться изъ заработной платы. Предполагая замѣнить ихъ позаимствованіями изъ государственныхъ суммъ, онъ впадаетъ въ коммунизмъ. При громкомъ одобреніи лѣвыхъ Рихтеръ заявляетъ: „Принципы имперскаго правительства заключаютъ въ себѣ коммунистическій элементъ, — болѣе того, это коммунизмъ, самый слабый изъ когда-либо изобрѣтавшихся“ [1]). Ибо средства будутъ черпаться изъ жалкаго дохода бѣдной массы (при косвенномъ обложеніи) и передаваться рабочимъ, занятымъ въ крупной индустріи, обязанной нести всѣ издержки производства. Стало-быть, отъ бѣдныхъ будутъ отняты средства, чтобы притти на помощь богатымъ, крупнымъ промышленникамъ. Конечно, при такихъ условіяхъ не объ утишеніи классовой борьбы приходится говорить, а объ ея обостреніи.—Такъ какъ во многихъ существенныхъ пунктахъ либерализмъ оказался побѣдителемъ, то мы позволимъ себѣ привести еще одну-двѣ цитаты изъ сильной рѣчи Рихтера. Уменьшенія недовольства рабочихъ ораторъ со своими единомышленниками желаетъ не меньше, чѣмъ канцлеръ, но пути у нихъ—совершенно отличные. „Законопроектъ указываетъ рабочимъ на государственную помощь, призываетъ государство къ облегченію затрудненій; мы-же держимся того взгляда, что государство къ этому—неспособно, что данный законъ—вмѣсто улучшенія отношеній—достигаетъ обратнаго, что государство гораздо менѣе можетъ сдѣлать со своими монополизаціями, принудительными мѣрами, бюрократическими шаблонами и схемами, чѣмъ самопомощь, какъ это до сихъ поръ дѣлалось, на почвѣ свободнаго проявленія, посредствомъ образованія товариществъ“ [1]). Вообще Рихтеръ удивляется отношенію правительства къ соціализму: если въ послѣднемъ, дѣйствительно, такъ много вѣрнаго, что надо даже включить его элементы въ положительное законодательство, то къ чему преслѣдованія соціалъ-демократовъ? Канцлеръ, столь охотно бесѣдовавшій съ Лассалемъ, какъ будто не замѣчаетъ, что соціализмъ послѣдняго, въ его-же собственномъ изображеніи, отличается отъ соціалъ-демократическаго только принятіемъ „другой формы правленія—автократической“. Обстоятельства, раскрытыя въ послѣднихъ засѣданіяхъ рейхстага, убѣждаютъ Рихтера въ томъ, что канцлеръ ничего не имѣетъ противъ монархическаго, автократическаго соціализма. Но Бисмаркъ жестоко ошибается, надѣясь завоевать симпатіи рабочихъ подобнымъ образомъ: его соціализмъ въ широкихъ демократическихъ кругахъ отклика себѣ не найдетъ. Что касается „Прусскаго Эконом. Совѣта“, то этотъ взводъ „барабанщиковъ“ канцлера, высказавшійся въ пользу законопроекта, уронилъ и ту небольшую долю экспертной авторитетности, которую можно было въ немъ предполагать.

Непосредственно послѣ Рихтера выступилъ канцлеръ и произнесъ свою знаменитую рѣчь, которую Hahn озаглавилъ столь торжественно: „государство и рабочіе“. Бисмаркъ отрицаетъ за Рихтеромъ право говорить отъ имени рабочихъ: ораторъ можетъ ручаться лишь за вожаковъ недовольныхъ группъ. Какъ относится рабочая масса, объ этомъ скажутъ ближайшіе выборы въ рейхстагъ. Отрицаетъ канцлеръ и свою близость къ организаціямъ штекеровскаго и подобнаго типовъ: отвѣтъ на телеграммы есть лишь простой актъ вѣжливости. Въ воззрѣніяхъ-же на задачи государства правительство рѣзко расходится съ либералами. „Я не держусь того взгляда, что принципъ „laisser faire, laisser aller“, „чистое манчестерство въ политикѣ“, „jeder sehe, wie er treibe, jeder sehe, wo er bleibe“, „кто не въ силахъ стоять, того повалятъ и растопчутъ“, „имѣющему дается и отъ неимущаго отнимется“,—что эти начала могутъ найти при-

[1]) Ibid., s. 709.

[1]) Sten. Berichte, ibid., s. 710.

мѣненіе въ монархическомъ, патріархально (landesväterlich) управляемомъ государствѣ; я думаю, наоборотъ, что лица, подобнымъ образомъ запугивающія отъ вмѣшательства государства въ дѣло защиты слабыхъ, сами подпадаютъ подозрѣнію, что хотятъ использовать свою силу, будь-то капиталистическая, или ораторская, либо какая-либо другая, — къ полученію выгоды, къ подавленію другихъ, къ установленію партійнаго господства, и раздражаются, если имъ мѣшаетъ въ этихъ начинаніяхъ какое-либо вліяніе правительства“ [1]). Въ сущности, продолжаетъ Бисмаркъ, дѣло идетъ не о созданіи какихъ-либо новыхъ тяготъ, а о переносѣ попеченія о бѣдныхъ съ болѣе слабыхъ союзовъ на государство. Принципъ попеченія былъ заявленъ давно. „Инвалидный рабочій отъ голодной смерти защищенъ существующими законами о бѣдныхъ. По крайней мѣрѣ, по земскому Уложенію никто не долженъ умереть съ голоду; случается-ли это, или нѣтъ, я не знаю“ [2]). Но этихъ законовъ — недостаточно, ибо организуемая такимъ путемъ помощь оскорбляетъ элементарное чувство собственнаго достоинства. Предлагаемый законопроектъ лишенъ этихъ неблагопріятныхъ элементовъ. Возложить всѣ расходы на индустрію, при нынѣшнемъ, далеко не цвѣтущемъ ея состояніи — Бисмаркъ не рѣшается; естественно, что онъ не можетъ обременять и рабочихъ. Отсюда — государственныя приплаты. На этой почвѣ возникаютъ обвиненія въ соціализмѣ. На самомъ дѣлѣ, все это — ораторскіе пріемы. Слово „соціализмъ“ имѣетъ массу различныхъ значеній, и этимъ злоупотребляютъ ораторы. Если желательно „придумать названіе для нашихъ стремленій, которое я охотно принимаю, то вотъ оно: практическое христіанство, но sans phrase, при которомъ мы награждаемъ людей не рѣчами и краснорѣчивыми оборотами, но, дѣйствительно, хотимъ для нихъ что-либо сдѣлать“ [3]). Рихтеръ назвалъ мѣропріятія Бисмарка коммунизмомъ; канцлеръ не боится кличекъ, но настаиваетъ на терминѣ „практическое христіанство въ законодательной дѣятельности“. Бюрократизмъ, который вводится канцлеромъ въ дѣло страхованія, преслѣдуетъ очень

[1]) Sten. Berichte, ibid., s. 712.
[2]) Ibid., s. 713.
[3]) Ibid., s. 714.

ясную цѣль: избѣжать всякихъ судебныхъ процессовъ, столь тяжелыхъ для пострадавшей стороны. Проектъ обсуждается въ рейхстагѣ съ ненадлежащей точки зрѣнія — партійной, продолжаетъ Бисмаркъ. Вокругъ „бѣднаго человѣка“ идетъ партійная борьба, какъ возлѣ трупа Патрокла. Развѣ на общинахъ не лежитъ уже уже и теперь „соціалистическихъ“ обязанностей? „Государство, большинство членовъ котораго состоитъ изъ искреннихъ исповѣдниковъ христіанской вѣры“, не можетъ отказать въ помощи бѣдному человѣку — и еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ это требуется даннымъ законопроектомъ. Если канцлеръ проявляетъ смѣлость, „неустрашимость“, то это есть результатъ „чистой совѣсти“.

Прорывающійся мѣстами въ рѣчи своеобразный сентиментальный паѳосъ — совсѣмъ не къ лицу Бисмарку; равно и тотъ лозунгъ — „практическое христіанство“, который онъ выбралъ. Менѣе всего канцлеру надлежало прибѣгать къ употребленію религіозныхъ формулъ въ дѣлѣ, которое являлось завѣдомо средствомъ, а не цѣлью.

Въ слѣдующемъ засѣданіи (4 апрѣля) говорили Гнейстъ и Бебель. Въ рѣчи перваго имѣется много остроумныхъ доводовъ въ пользу законопроекта. Мы не можемъ, по размѣрамъ работы, ихъ исчерпать; отмѣтимъ только наиболѣе интересные, съ нашей точки зрѣнія, пункты. Въ защиту государственнаго типа даннаго страхованія Гнейстъ приводитъ слѣдующее соображеніе: чѣмъ больше шансовъ несчастія и чѣмъ настойчивѣе необходимость страхованія, тѣмъ меньшая готовность у частныхъ обществъ заняться этимъ дѣломъ. Что касается „государственной помощи“, то какъ бы ее ни отрицали, но она имѣетъ мѣсто въ жизни: достаточно указать на практику общинъ. Болѣе всего смущаетъ Гнейста и его политическихъ единомышленниковъ — монополизація страхового дѣла, предполагаемая канцлеромъ: необходимо стремиться къ децентрализаціи, если желательна нормальная государственная жизнь. „Государственнаго соціализма“ ораторъ совершенно не боится и находитъ, что опасность съ этой стороны — наименьшая въ Германіи, гдѣ государство дѣятельно стремится къ достиженію идеальной цѣли. „Опасность современной цивилизаціи лежитъ не въ чрезмѣрномъ выполненіи общихъ человѣческихъ обязанностей государствомъ, а въ недостаткѣ склонности къ этому, въ недостаткѣ

гуманнаго правосознанія, въ недостаткѣ чувства обязанности передъ обществомъ“ [1]). Таково впечатлѣніе отъ государственно-правовой жизни въ другихъ странахъ. Выступленіе на почву разумнаго разграниченія правъ и обязанностей каждаго сословія или класса, въ формѣ практически-осуществимыхъ предложеній—лучшее средство борьбы съ соціалистической идеологіей. Такимъ образомъ, и у Гнейста послѣднимъ аккордомъ прозвучалъ призывъ къ борьбѣ съ соціалъ-демократіей. Между тѣмъ, именно — со стороны представителей послѣднихъ Бисмаркъ нашелъ самую убѣдительную и горячую поддержку своему законопроекту (конечно, при условіи его исправленія). Правда, отъ такой поддержки канцлеръ охотно отказался бы.

Мы позволимъ себѣ остановиться на двухъ рѣчахъ—Бебеля (въ засѣданіи 4 апрѣля) и Либкнехта (при докладѣ коммиссіи—въ засѣданіи 31 мая). Рѣчи этихъ двухъ главныхъ руководителей соціалъ-демократическаго движенія важны, какъ показатель отношенія демократіи къ соціальной политикѣ канцлера, и объясняютъ намъ причины неуспѣшности ея для Бисмарка въ главной его цѣли—политической.

Пусть Бисмаркъ, говоритъ Бебель, не удивляется, что представители различныхъ партій столь разнообразно опредѣляютъ отношеніе рабочихъ къ законопроекту: вѣдь дѣйствіе закона противъ соціалистовъ мѣшаетъ свободѣ выраженія мнѣній широкимъ массамъ; истиннаго взгляда са михъ рабочихъ при такихъ условіяхъ узнать нельзя. Что касается законопроекта, то Бебель, прежде всего, констатируетъ, что безъ соціалъ-демократіи, безъ руководимаго ею рабочаго движенія — онъ не появился бы: „милостивые государи, насъ это чрезвычайно радуетъ, ибо этимъ доказывается, что собственно мы являемся создателями даннаго закона; это произведетъ на нѣмецкихъ рабочихъ не неблагопріятное впечатлѣніе, въ чемъ я ручаюсь передъ вами [1]).

Дѣйствительно, пріурочивая свою „положительную“ практику къ моменту начала рѣшительной борьбы съ соц.-демократіей, Бисмаркъ долженъ былъ ожидать подобнаго выпада. Мы хотѣли было сказать, что онъ оказался въ данномъ слу-

[1]) Sten. Berichte, ib., I B., s. 743.
[2]) Ibid., s. 746.

чаѣ плохимъ дипломатомъ, но нужно признать, что положеніе правительства въ этой области —все равно безнадежное: хотя бы положительныя мѣры и предшествовали отрицательнымъ, или не сопровождались ими, связь государственной политики съ рабочимъ движеніемъ оставалась бы попрежнему—очевидной. Вѣдь, не по собственному почину недемократическое „государство“ начинаетъ проявлять соціально-политическую дѣятельность? Та комбинація, въ которой канцлеръ осуществилъ свой „соціализмъ“, — страдаетъ только грубостью полицейскаго характера. Какъ то ни было, политическій эффектъ выступленія Бисмарка долженъ былъ получиться совершенно обратный ожидаемому — въ пользу, а не во вредъ соціалъ-демократіи. Этого не понималъ такой искусный политикъ, но за то превосходно оцѣнили представители либерализма, и всѣми силами постарались затормозить проведеніе закона.

Соціалъ-демократическая фракція въ рейхстагѣ оказалась въ весьма благопріятномъ положеніи, какъ бы надъ партіями, въ роли tertius gaudens—по выраженію Либкнехта: ей оставалось—для осуществленія законопроекта, по существу дѣла весьма цѣлесообразнаго—только сталкивать между собой различныя партійныя теченія. Вотъ почему, съ такой убійственной ироніей Бебель и Либкнехтъ заявляютъ о своемъ желаніи помочь рейхсканцлеру и рейхстагу въ обостреніи оружія противъ соціалъ-демократіи; вотъ почему на дѣлѣ соц.-демократы оказываются самыми сильными помощниками Бисмарка въ выполненіи задуманныхъ плановъ. Это не значитъ, что законопроектъ принимается ими въ цѣломъ видѣ. Напротивъ, вносятся рѣшительныя поправки. Не говоря уже о выдвигаемой ими необходимости распространенія закона на всѣ категоріи наемныхъ работниковъ, фракція указываетъ на невозможность привлекать въ какой бы то ни было формѣ къ несенію расходовъ по данному виду страхованія другихъ сторонъ, кромѣ предпринимателей, и отмѣчаетъ, что въ этомъ отношеніи законопроектъ стоитъ ниже закона объ отвѣтственности 1871 г. Бебель, подобно Рихтеру, формулировалъ: „Поддержка, которую въ этомъ случаѣ оказываютъ изъ государственной кассы, была бы поддержкой не рабочихъ, а предпринимателей“. Поэтому Бебель отъ имени фракціи требуетъ, чтобы преміи цѣликомъ оплачивались индустріей.

Заботы объ ея благополучіи, въ данномъ случаѣ, недопустимы: она должна выдержать такіе расходы. Если же противъ такого возложенія расходовъ говоритъ современная интернаціональная хозяйственная конъюнктура, то Бебель указываетъ раціональный и славный выходъ изъ затрудненія. Политическій престижъ Бисмарка, вліяніе Германской Имперіи у сосѣдей — громадно: канцлеръ выигралъ цѣлыхъ три войны. Но—слава его будетъ гораздо болѣе великой и продолжительной, если онъ „попытается использовать свое громадное вліяніе, простирающееся на всѣ державы, съ той цѣлью, чтобы во всѣхъ культурныхъ странахъ ввести учрежденія ко благу и благополучію угнетенныхъ, лишенныхъ наслѣдства, какъ онъ прекрасно выразился“ [1]). Если будетъ созвана международная конференція, то Бисмарку можетъ удасться установленіе одинаковыхъ условій интернаціональной конкуренціи. Бебель выдвигаетъ мысль, не нашедшую себѣ осуществленія при Бисмаркѣ; первая попытка ея реализаціи относится ко времени отставки великаго канцлера. А, между тѣмъ, созывомъ такой конференціи, хотя бы даже и неудачной, Бисмаркъ лучше могъ бы оттѣнить заботливость объ интересахъ рабочихъ, а не преслѣдованіе, въ первую голову, задачъ политическаго характера. Отмѣчаемъ кстати, что въ данномъ пунктѣ рѣчь Бебеля сильно напоминаетъ извѣстные намъ изъ первой части призывы Родбертуса и Р. Мейера. Если и нельзя даже допускать мысли о совпаденіи идеологическихъ основъ у того и другого, то одинаковая формулировка свидѣтельствуетъ о горячемъ желаніи у Бебеля возможно скорѣе осуществить важную соціальную реформу, о его дѣйствительно демократическомъ настроеніи, котораго мы тщетно стали бы искать у Бисмарка.

Интересы рабочихъ, продолжаетъ Бебель, побуждаютъ фракцію настаивать на принудительности страхованія и на сосредоточеніи даннаго вида страхованія въ рукахъ государства. При существованіи личной отвѣтственности предпринимателя рабочіе не защищены въ слабыхъ предпріятіяхъ. Возраженія противъ госуд. страхового банка—несуще-

[1]) Ibid., s. 749—750.

ственны. Совершающаяся концентрація и безъ того монополизируетъ дѣло въ рукахъ немногихъ компаній. Правительство уже доказало на примѣрѣ почты не только возможность вести хозяйственное предпріятіе, но и превосходство въ этомъ отношеніи передъ частными компаніями. Затѣмъ, не нужно забывать, что при централизаціи расходы по веденію дѣла значительно уменьшаются. Бебель удивляется той страстности, съ которой либералы нападаютъ на центральный имперскій институтъ: вѣдь никто другой, какъ Бамбергеръ, въ свое время отстаивалъ Имперскій Банкъ, хотя государственный характеръ этого учрежденія всѣмъ ясенъ и права частныхъ эмиссіонныхъ банковъ были сведены почти на нѣтъ. Причины подобнаго заступничества въ послѣднемъ случаѣ и такая непріязнь къ государственному учрежденію въ настоящемъ, конечно, Бебелю понятны: гдѣ рѣчь идетъ объ интересахъ „владѣющихъ“, тамъ всеоказывается пріемлемымъ. Вообще, пренія по поводу внесеннаго Бисмаркомъ законопроекта являются, по мнѣнію Бебеля, великолѣпной иллюстраціей идеи классовой борьбы въ обществѣ.

Либкнехтъ, выступившій позднѣе, при докладѣ законопроекта, переработаннаго коммиссіей, еще ярче оттѣнилъ нѣкоторые моменты. Въ противовѣсъ консервативному депутату Kleist-Retzow'y, который, ратуя за идеи Бисмарка, въ то-же время утверждалъ неустранимость противорѣчія между богатствомъ и бѣдностью, Либкнехтъ опредѣляетъ задачу культуры и государства, какъ культурнаго учрежденія,—„постепенно устранить эту антитезу“. Онъ удивляется, что консерваторы-землевладѣльцы не настаиваютъ на включеніи сел.-хоз. рабочихъ въ сферу дѣйствія закона—изъ тѣхъ христіанскихъ соображеній, которыя ими такъ рѣзко выдвигаются [1]). Очевидно, христіанство играетъ тутъ особую роль, свойственную, впрочемъ, всякой оффиціальной религіи.

[1]) Позиція фракціи опредѣляется Либкнехтомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Was Sie gegen das Manchesterthum sagen, mag vollkommen richtig sein. Wir Socialdemokraten stehen unparteiisch als „tertius, qui gaudet“ zwischen Ihnen (nach rechts) und jenen (nachlinks). Machen Sie den Kampf untereinander aus. Dem Nachtwächterstaat, den Sie dort verurtheilen, steht gegenüber als gleich verurtheilenswerth der Büttelstaat, den Sie (nach rechts) uns hier empfehlen;—mit beiden wollen wir nichts zu thun haben“.—St. Berichte, ibid., s. 1453.

Почему заговорили о „бѣдномъ человѣкѣ“? „Только со времени возникновенія соціалъ-демокр. движенія вы вспомнили о своихъ обязанностяхъ; только когда вы увидѣли, что рабочая масса—недовольна и обратилась къ единственной партіи, которая дѣлаетъ что-либо для рабочихъ, указываетъ имъ путь къ спасенію, къ выходу изъ нищеты, къ которой она была присуждена практиковавшимся до сихъ поръ законодательствомъ и современными государственными и общественными учрежденіями“ [1]). Развѣ свои позитивныя мѣры канцлеръ не заимствуетъ изъ соціалъ-демократической программы? Развѣ онъ не пользуется языкомъ и формулами соціалистическими? „Вы—вынуждены итти по нашимъ пятамъ; и если вы думаете, что такимъ путемъ вы благодѣтельствуете рабочимъ и убиваете морально и духовно соціалъ-демократію, попытка умертвить которую закономъ противъ соціалистовъ вамъ не удалась,—то жестоко заблуждаетесь: каждый рабочій, имѣющій глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать, знаетъ, что всѣ ваши различныя попытки и обѣщанія что-либо сдѣлать для рабочихъ совершаются благодаря нашей иниціативѣ, ибо морально къ этому вы принуждены нашими выступленіями. Милостивые государи! Мы—соціалъ-демократы, творцы этого закона, поскольку онъ заключаетъ въ себѣ вѣрное зерно“ [2]). Если отрицать за государствомъ тѣ культурныя функціи, о которыхъ говоритъ канцлеръ, то оно—совершенно ненужный, неоправдываемый, съ моральной точки зрѣнія, институтъ... „Безъ соціализма вообще нѣтъ никакого государства“. И соціалистическая государственная идея развивается и находитъ себѣ выраженіе—по желѣзнымъ историческимъ законамъ. Какой поворотъ совершился въ экономическихъ взглядахъ канцлера? Сначала онъ былъ фритрэдэромъ, затѣмъ—протекціонистомъ, теперь—перешелъ къ соціализму. „Fürst Bismarck glaubt uns zu haben, und wir haben ihn“ [3]).

Соціалъ-демократы стремятся къ обобществленію хозяйственной жизни; но развѣ проведеніемъ даннаго закона не

[1]) Sten. Berichte, ib., s. 1453.
[2]) Ibid., 1453 - 4.
[3]) Ibid., s. 1455.

прокладывается дорога къ этому строю: вѣдь государство будетъ контролировать индустрію! И даже самъ канцлеръ дошелъ до заявленія: „если обстоятельства — таковы, что крупная индустрія не можетъ больше конкуррировать, что отдѣльныя фабрики не могутъ больше содержаться частными предпринимателями, то ихъ мѣсто должно заступить государство“ [1]). Правъ Бисмаркъ, оттѣняя превосходство государственнаго страхованія передъ частнымъ: вѣдь частныя компаніи уменьшаютъ свою „услужливость“ по отношенію къ кліентамъ прямо пропорціально настоятельности нужды послѣднихъ. Однимъ словомъ, Либкнехтъ высказывается за принятіе съ исправленіями проекта Бисмарка, ибо „этотъ законъ есть показатель истинности соціалистической идеи“ [2]).

Во время второго чтенія было вообще сдѣлано (представителями и другихъ партій) много любопытныхъ замѣчаній; нѣкоторыя изъ нихъ мы отмѣтимъ. Ласкеръ упрекаетъ Бисмарка за его неуступчивость. Желательное для канцлера поспѣшное проведеніе закона свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что онъ преслѣдуетъ цѣли агитаціоннаго характера. По поводу обнаружившагося „союза“ Бисмарка съ соціалъ-демократами на почвѣ даннаго законопроекта Ласкеръ замѣчаетъ, что обѣ стороны обманутся въ своихъ ожиданіяхъ. Аграрій v. Schorlemer-Alst поднимаетъ перчатку, брошенную либералами и соціалъ-демократами, и находитъ мужество заявить, что въ области сельскаго хозяйства отношенія между рабочими и хозяевами—патріархальны, а потому законъ на сельскихъ батраковъ распространяться не можетъ.

Рейхстагъ устранилъ при второмъ чтеніи изъ законопроекта наиболѣе важное для канцлера—сосредоточеніе страхового дѣла въ рукахъ государства и государственныя приплаты. При этомъ большинствомъ былъ принятъ изъ „соціально-педагогическихъ“ соображеній совершенно ложный принципъ привлеченія и рабочихъ къ несенію расходовъ по этому виду страхованія.

[2]) Ibid., s. 1455.
[1]) Ibid., s. 1457.

Бисмаркъ попалъ въ очень затруднительное положеніе. Какъ мы уже раньше указали, онъ не допускалъ возможности согласія правительства на страхованіе безъ государственныхъ приплатъ; наибольшая уступка могла выразиться въ замѣнѣ имперскаго страхового учрежденія мѣстными—государственными. А, между тѣмъ, отпоръ былъ данъ въ рейхстагѣ—самый рѣшительный. Либералы, въ лицѣ Бамбергера, придрались даже къ выраженію „практическое христіанство“: они указали—и совершенно правильно, что лозунгъ этотъ—стараго происхожденія, ибо встрѣчается уже у С.-Симона. Брать назадъ законопроектъ только по этимъ основаніямъ—значило-бы слишкомъ рѣзко подчеркнуть политическій характеръ мѣры. Lasker, при третьемъ чтеніи, очень мѣтко попадалъ въ цѣль, приглашая рейхстагъ не давать необдуманно согласія ради „политическаго эффекта“. „Канцлеръ“, говорилъ онъ, „охотно упрекаетъ партіи въ томъ, что онѣ не обращаютъ вниманія на экономическое содержаніе законовъ, а относятся къ дѣлу исключительно съ политической точки зрѣнія;.. однако, рейхсканцлеръ не долженъ бросать подобные упреки другимъ, такъ какъ и самъ поступаетъ такимъ-же образомъ“ [1]): онъ не стѣсняется—изъ соображеній политическихъ—быстро мѣнять свои экономическія воззрѣнія, дѣлать непозволительные опыты.

Чтобы смягчить впечатлѣніе этихъ, несомнѣнно, яркихъ и вѣрныхъ замѣчаній, долженъ былъ выступить государ. секретарь, ближайшій помощникъ Бисмарка въ дѣлахъ по страхованію, v. Bötticher и дать нѣкоторыя разъясненія. Въ противность фактамъ, онъ утверждалъ, что канцлеръ считаетъ непріемлемымъ только обремененіе рабочихъ новыми тяготами. Что касается предложенія возложить всѣ расходы на предпринимателей, то правительство можетъ, въ концѣ концовъ, согласиться на это. Замѣтимъ отъ себя, что точка зрѣнія Бисмарка въ данномъ случаѣ не была достаточно выдержана: вѣдь въ собственномъ законопроектѣ канцлеръ допустилъ привлеченіе нѣкоторыхъ высшихъ категорій рабочихъ къ частичной оплатѣ премій.

---

[1]) Sten. Berichte, ibid., s. 1749.

Всѣ усилія правительства и поддерживавшихъ его партій оказались тщетными: рейхстагъ принялъ законопроектъ съ поправками, внесенными коммиссіей и непріемлемыми для правительства. Другими словами, законопроектъ Бисмарка потерпѣлъ крахъ. Въ октябрѣ 1881 г. предстояли выборы въ рейхстагъ, и канцлеръ могъ убѣдиться, насколько дѣйствительнымъ оказался его избирательный маневръ. Каждая фракція—вообще—осталась на своемъ мѣстѣ; только центръ получилъ лишнихъ 6 мѣстъ, а соціалъ-демократы съ 9 поднялись на 13. Случилось то, что предрекали представители послѣднихъ. Канцлеру надлежало прибѣгнуть къ какимъ-либо экстраординарнымъ мѣрамъ. Знаменитый императорскій манифестъ 17 ноября и былъ этой, самой крупной ставкой.

Такимъ образомъ, соціальная политика Бисмарка начала свое осуществленіе malis auspiciis, какъ и слѣдовало, конечно, ожидать. Однако, канцлеръ не растерялся, а удвоилъ энергію. Продолжая развивать свои соціально-политическіе планы и стараясь добиться, при этомъ, существенныхъ результатовъ для имперскаго бюджета, Бисмаркъ стремился представить дѣло передъ общественнымъ мнѣніемъ страны такъ, что законодательное учрежденіе мѣшаетъ правительству выполнить благія, предначертанія въ пользу народа.

III.

Мы знаемъ изъ предыдущаго параграфа, какой мотивировкой Бисмаркъ предполагалъ облегчить принятіе законо проекта о табачной монополіи. Хотя вопросъ о послѣдней не находится въ прямой связи съ темой нашей работы, но указанное соотношеніе государственнаго соціализма Бисмарка съ финансовой реформой заставляетъ насъ сдѣлать экскурсію въ эту область. Въ августѣ 1881 г. въ защиту табачной монополіи выступаетъ пр. Вагнеръ. Онъ приглашаетъ населеніе уплачивать деньги непосредственно государству, а не капиталистамъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ онѣ пойдутъ на благо народу. „Чистый доходъ пойдетъ въ кассу страхованія рабочихъ“. „Это — величественная, создающая эпоху идея, относительно которой даже соціалисты должны

признать, что она содержитъ въ себѣ исполнимые и реализуемые пункты ихъ программы. Это—идея перваго государственнаго дѣятеля вѣка; за неё высказывается императоръ, онъ связываетъ свое имя съ этими мѣропріятіями; онъ берется, не смотря на преклонный возрастъ, за эту идею, чтобы сдѣлать что-либо для рабочихъ классовъ“ [1]). Конечно, Вагнеръ былъ уполномоченъ Бисмаркомъ къ упоминанію имени монарха; и такое заявленіе вызвало цѣлую сенсацію.

„Allerhöchste Botschaft“ 17 ноября явилось подтвержденіемъ и оправданіемъ аппелляціи къ монарху. Blum съ горечью отмѣчаетъ, что чтеніе этого „величайшаго“ акта государственной мудрости передъ членами рейхстага (чтеніе, произведенное за болѣзнью императора самимъ Бисмаркомъ) не сопровождалось выраженіемъ одобренія со стороны депутатовъ. Намъ приходилось уже въ первой части работы цитировать существенныя части манифеста; ради экономіи мѣста, мы ограничимся здѣсь самымъ необходимымъ. Ссылаясь на рѣчь императора при открытіи сессіи рейхстага въ февралѣ, манифестъ подчеркиваетъ, что монархъ „снова“ возлагаетъ на рейхстагъ задачу помочь ему осуществить „положительныя начинанія въ пользу рабочихъ“. Необходимо стремиться къ упроченію внутренняго мира, нужно создать нуждающимся классамъ населенія болѣе обезпеченное существованіе. Монархъ хочетъ опереться на весь рейхстагъ, безъ различія партій. Прежній законопроектъ о страхованіи рабочихъ, не одобренный рейхстагомъ, былъ подвергнутъ переработкѣ и будетъ опять представленъ законодательному учрежденію. Дополненіемъ къ этому мѣропріятію должна служить нормальная организація больничныхъ кассъ. Старики и инвалиды „также основательно могутъ претендовать къ обществу на высшую мѣру государственной заботливости, чѣмъ какая до сихъ поръ проявлялась“ [2]). Это — трудныя задачи, но и высшія — для общества, „покоющагося на нравственныхъ фундаментахъ христіанской жизни.“ Въ манифестѣ-же указаны и тѣ уступки, которыя правительство находитъ возможнымъ сдѣлать. Монархъ ищетъ выполненія

[1]) v. Poschinger, l. c., B. III, s. 80.
[2]) Ibid, s. 82.

задачи въ союзѣ съ „реальными силами народной жизни“: онъ предполагаетъ организацію послѣднихъ въ „корпоративныя товарищества“ „unter staatlichem Schutz und staatlicher Förderung“. Государство одно не можетъ разрѣшить задачи. Въ вопросѣ о средствахъ для осуществленія „великихъ начинаній“ манифестъ въ торжественныхъ словахъ излагаетъ финансовую программу канцлера. Надо гнать прямыхъ налоговъ устранить развитіемъ имперскаго косвеннаго обложенія. „Самый вѣрный путь“ заключается во введеніи табачной монополіи, прекрасно дѣйствующей въ сосѣднихъ государствахъ. Монархъ представитъ вопросъ о монополіи на разрѣшеніе законодательныхъ учрежденій. При этомъ манифестъ настаиваетъ, что предположенная финансовая реформа (имѣется въ виду и болѣе сильное обложеніе спиртныхъ напитковъ) лишена не только фискальныхъ, но и реакціонныхъ соображеній (reaktionäre Hintergedanken—языкъ, дѣйствительно, достаточно сильный для манифеста): ея цѣль—исключительно въ томъ, чтобы укрѣпить для будущихъ поколѣній только-что возникшую имперію. Упоминаетъ манифестъ и о промышленной статистикѣ, какъ необходимой основѣ предстоящихъ соціальныхъ и политическихъ реформъ [1]).

Однимъ словомъ, Бисмаркъ не постѣснялся вдвинуть монарха въ самую гущу партійныхъ споровъ: неразборчивый въ средствахъ, онъ хотѣлъ именемъ императора запугать несогласныхъ, забывая, что, въ случаѣ провала его предначертаній, общественный уронъ авторитета выпадетъ именно на долю короны. Но и послѣдняя цѣпилась Бисмаркомъ, если можно такъ выразиться, тоже съ точки зрѣнія политической конъюнктуры. Быть слугой монарха, отвѣтственнымъ только передъ послѣднимъ, Бисмарку казалось удобнѣе; но искать какихъ-либо глубокихъ идеологическихъ основъ его піэтета къ монарху мы стали-бы напрасно; фразъ, конечно, было *произнесено много*.

Второй законопроектъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ былъ внесенъ въ рейхстагъ въ маѣ 1882 г. По существу дѣла, правительство осталось на прежней позиціи, от-

[1]) Это пожеланіе нашло себѣ осуществленіе: 13 февраля 1882 года прошелъ законъ о производствѣ переписи.

казавшись лишь отъ единаго Reichsversicherungsanstalt и выдвинувши идею взаимнаго страхованія по видамъ опасностей въ обязательныхъ, образуемыхъ для этой цѣли предпринимателями, Berufsgenossenschaften. Принципъ государственныхъ приплатъ сохраненъ и даже усиленъ (преміи уплачиваются предпринимателями — 60%, союзомъ — 15% и государствомъ — 25%). Само собою разумѣется, что и этотъ проектъ долженъ былъ погибнуть; лишь третій — въ 1884 г. достигнулъ одобренія рейхстага. Болѣе податливыми оказались народные представители относительно страхованія на случай болѣзни. Проектъ, внесенный 8 мая 1882 г., сталъ закономъ 15 іюня 1883 г. Не нужно забывать, что почва для этого закона, признающаго Kassenzwang, но не Zwangskassen, была уже достаточно подготовлена жизнью, такъ какъ на общинѣ издавна уже лежали различныя обязательства по лѣченію своихъ членовъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ этой области трудно было-бы удивить чѣмъ-либо новымъ, неслыханнымъ. Надо было лишь установить извѣстную систему въ дѣлѣ помощи, имѣющейся уже налицо. Кругъ лицъ, подлежащихъ страхованію, сразу былъ взятъ шире: сюда вошли, помимо страхуемыхъ отъ несчастій, ремесленники и всѣ лица, занятыя въ производствахъ съ газомъ, паромъ и электричествомъ. Община или непосредственно страхуетъ или образуетъ мѣстныя больничныя кассы. 2/3 премій уплачиваются предпринимателемъ, 1/3 — рабочими (удерживается не болѣе 2% заработной платы). „Ortskrankenkassen“ объединяютъ рабочихъ, занятыхъ въ родственныхъ производствахъ. Строительные рабочіе могутъ образовать самостоятельныя кассы. Не возбраняется страховать себя въ любыхъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ кассахъ, но — въ такомъ случаѣ предприниматели свободны отъ уплаты премій. Конечно, такое распоряженіе должно было отвлечь рабочихъ отъ организаціи даннаго вида обезпеченія въ профессіональныхъ союзахъ, — эффектъ, небезразличный для авторитарной политики канцлера. Законъ подгонялся такимъ образомъ, чтобы служить дополненіемъ къ другому любимому дѣтищу Бисмарка—страхованію отъ несчастныхъ случаевъ.

Третьимъ гвоздемъ „соціальной эры“ въ 1882 г. былъ проектъ табачной монополіи, внесенный въ Союзный Совѣтъ 24 января 1882 г. Необходимо отмѣтить, что въ этомъ вопросѣ

даже созданный Бисмаркомъ „Nebenparlament“ — прусскій хозяйственный Совѣтъ — оказался непослушнымъ волѣ своего творца: проектъ и здѣсь былъ отклоненъ in pleno. Въ Союзномъ Совѣтѣ онъ прошелъ незначительнымъ количествомъ голосовъ: 36 противъ 22, что не помѣшало, однако, оффиціознымъ органамъ истолковать подобное большинство (въ Союзномъ Совѣтѣ), какъ благопріятный моментъ, свидѣтельствующій о назрѣвшей потребности страны въ монополіи. „Prov.-Correspondenz“ прилагала всѣ усилія, чтобы выгородить канцлера: рядъ статей былъ посвященъ этому вопросу, полемикѣ съ либеральными органами, разжевыванію рѣчи проф. Вагнера. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ (напр., отъ 19-го апрѣля) газета отказывается вѣрить, что канцлеру помѣшаютъ выполнить его обязанности передъ страной. Вѣдь урокъ борьбы въ 60-хъ годахъ не можетъ пройти даромъ! Мысль — ясная, но и мало пріемлемая для депутатовъ: канцлеръ — лучше понимаетъ интересы имперіи, чѣмъ рейхстагъ [1]). Въ разговорахъ Бисмаркъ жаловался на недостатокъ поддержки своимъ начинаніямъ; сознавался, что, въ частности, табачной монополіи почти всѣ не сочувствуютъ; однако, ея введеніе — лишь вопросъ времени. Силою вещей, Германія придетъ къ такому виду обложенія; конечно, переломъ — труденъ, но все сгладится въ какія-нибудь двадцать лѣтъ [2]). Само собою разумѣется, что канцлеръ получалъ уже и сочувственныя посланія отъ владѣльцевъ табачныхъ плантацій, радующихся предстоящимъ твердымъ цѣнамъ на табакъ; въ отвѣтѣ на одно изъ посланій (отъ 1882 г., іюнь) Бисмаркъ выражаетъ увѣренность, что такое убѣжденіе въ будущемъ окажется и у большинства рейхстага [3]). Не мѣшаетъ отмѣтить, что канцлеръ надѣялся встрѣтить дѣятельную поддержку плану монополіи въ консервативныхъ кругахъ, такъ какъ съ помощью этого „соціалистическаго“ мѣропріятія можно было оказывать поддержку землевладѣнію.

Въ январѣ 1882 г. состоялось обсужденіе въ рейхстагѣ второго законопроекта противъ несчастныхъ случаевъ. Собственно

---

[1]) См. L. Hahn, op. c., IV Band, s. 163—164.

[2]) См. v. Poschinger, III B., s. 100. Въ этомъ случаѣ, какъ извѣстно, Бисмаркъ ошибся.

[3]) Ibid., s. 115.

говоря, правительство уже исчерпело аргументы; рѣчь 9-го января—очень похожа на предыдущія. Въ ней замѣтно только больше уступчивости. Такъ, канцлеръ нашелъ возможнымъ упрекнуть свой первый законопроектъ въ излишней бюрократичности и подчеркнуть важность корпоративнаго основанія. Тѣмъ не менѣе, флагъ государственнаго соціализма поднятъ высоко. „Я стремлюсь къ тому, чтобы въ государствѣ не было никого или, по крайней мѣрѣ, мало, по возможности, такихъ, которые говорили-бы: мы существуемъ только для того, чтобы нести тяготы государства, но совершенно не замѣчаемъ, чтобы государство интересовалось нашими радостями и горестями. Къ традиціямъ династіи, которой я служу, принадлежитъ выступленіе на защиту слабыхъ въ экономической борьбѣ. Уже Фридрихъ Вел. сказалъ: je serai le roi des gueux, и провелъ этотъ принципъ по своему способу—въ соблюденіи строжайшей справедливости къ высшимъ и низшимъ... Фридрихъ-Вильгельмъ III-ій далъ свободу тогдашнему крѣпостному населенію, и этимъ создалъ для нихъ условія дальнѣйшаго процвѣтанія... Нашъ или мой нынѣшній господинъ одушевленъ благороднымъ честолюбіемъ, хотя-бы въ своемъ преклонномъ возрастѣ приложить руку и дать толчокъ къ тому, чтобы нынѣшній самый слабый классъ нашихъ согражданъ могъ-бы смотрѣть на будущее и относиться къ своему государству съ довѣріемъ, чтобы были достигнуты этими бѣднѣйшими согражданами, если и не одинаковыя съ крестьянствомъ 70 лѣтъ тому назадъ выгоды, то все-же общее улучшеніе положенія. Съ этой тенденціей находится въ полномъ противорѣчіи предоставленіе слабыхъ своимъ собственнымъ силамъ и частной помощи“ [1]). Что касается обремененія индустріи, то ему имѣются предѣлы. Нельзя—въ заботахъ о рабочемъ, „убивать курицу, несущую для него яйца“. Поэтому-то разговоры о сокращеніи рабочаго времени — такъ несвоевременны. Вѣдь, если устранится возможность получать прибыль, то рабочихъ постигнетъ нѣчто, болѣе тяжелое, чѣмъ долгій рабочій день — полное отсутствіе работы. Придемъ ли мы тогда на помощь индустріи „госуд. приплатами“? „Ich schrecke vor der Frage

[1]) Stenogr. Berichte. 5 L. P., I Session 1881—2 г., с. 486.

nicht zurück“—прибавляетъ Бисмаркъ. Въ отвѣтъ на заявленія оппозиціи, что—вмѣсто государственной благотворительности—правительству надо было-бы подумать о дальнѣйшемъ развитіи слабаго въ Германіи фабричнаго законодательства, канцлеръ выводитъ пренія на прежнюю дорогу. Онъ не побоялся-бы придти государственными приплатами на помощь частнымъ предпріятіямъ, если-бы они, ради государственныхъ интересовъ, вынуждены были уплачивать рабочимъ ту-же зараб. плату при меньшемъ рабочемъ времени и, такимъ образомъ, разорялись-бы. Стало-быть, государственная приплата—принципіально допустима.

Вообще, рѣчь 9-го янв. интересна не столько защитой законопроекта о страхованіи, сколько возраженіями противъ рабочаго законодательства. Какъ и въ своихъ, болѣе раннихъ выступленіяхъ въ этой области, Бисмаркъ какъ будто органически оказывается неспособнымъ понимать общественное значеніе фабричнаго законодательства. Употребляя такія громкія фразы о слабыхъ, „лишенныхъ наслѣдства“, о „нравственныхъ“ обязанностяхъ государства, въ данномъ случаѣ канцлеръ трактуетъ проблему глубоко неморально: все сводится на копѣйки. Вотъ напр., отъ глашатая „практическаго христіанства“ естественно было-бы ожидать горячей защиты воскреснаго отдыха, по соображеніямъ „религіозно-нравственнымъ“. Ничуть не бывало: Бисмаркъ заявляетъ, что обязательнымъ празднованіемъ воскресенья мы можемъ уменьшать доходъ рабочаго на $^1/_7$. Можетъ ли государство предлагать такія мѣры, не прибѣгая на помощь собственными рессурсами? То-же касается и женскаго труда: всякія стѣсненія въ этомъ отношеніи лишаютъ семью рабочаго существенной прибавки. Бисмаркъ вспоминаетъ, что, послѣ изданія законовъ въ защиту малолѣтнихъ, къ нему приходили матери съ жалобами и съ упреками, спрашивая, что онѣ должны дѣлать съ праздными и обременительными для содержанія подростками. И будущій „соціальный реформаторъ“ не могъ имъ дать надлежащихъ разъясненій!

Столь же отрицательно относится Бисмаркъ и къ идеѣ ограниченія рабочаго дня. Совершенно немыслимо ввести какой-либо однообразный уровень для различныхъ производствъ. Кромѣ того, во многихъ случаяхъ норма можетъ

оказаться выше дѣйствительнаго рабочаго дня, и такимъ образомъ — положеніе рабочихъ лишь будетъ ухудшено закономъ. Образованіе и развитіе фабричной инспекціи не упускается изъ виду имперскимъ правительствомъ, но Бисмаркъ находитъ нужнымъ „сдѣлать паузу". Первые опыты примѣненія инспектората ему представляются малоудовлетворительными; необходимо предварительно выработать систему государственнаго и общественнаго (со стороны промышленныхъ „корпорацій") контроля надъ дѣятельностью фабрич. инспекторовъ, которые все же остаются „чиновниками". Замѣчательно характерно — для обрисовки удивительной гибкости взглядовъ канцлера во многихъ вопросахъ, что онъ въ рейхстагѣ — дѣлаетъ выпады противъ бюрократизма. Но это неудивительно: вѣдь идеей единаго имперскаго страхового банка онъ уже пожертвовалъ—и для спасенія законопроекта готовъ превозносить преимущества „der korporativen Grundlagen". Въ вопросѣ о приплатахъ онъ не стѣсняется будить нехорошія чувства у заинтересованныхъ сторонъ.

По этому поводу намъ приходится констатировать то-же, что и ранѣе мы нашли во взглядахъ Бисмарка: никакая соціально-политическая мѣра, направленная на поднятіе самосознанія „хозяйственно-слабыхъ", не переводимая въ „подачку" — имъ не одобрялась. Причины — ясны: соціальныя реформы были для Бисмарка не цѣлью, а средствомъ.

Рѣчь 12-го іюня 1882 г., въ защиту табачной монополіи сказана очень торжественно и богата „государственно-соціалистическими" орнаментами. Ссылаясь на манифестъ, Бисмаркъ убѣждаетъ рейхстагъ смотрѣть на монополію, не какъ на самоцѣль, а какъ на средство. На доказательствахъ предпочтенія косвеннаго обложенія прямому и на техническихъ доводахъ мы останавливаться не будемъ. Посмотримъ, какъ Бисмаркъ отражаетъ упреки въ соціализмѣ (стремленіе огосударствить цѣлую вѣтвь торговли и промышленности). „Объ этомъ упрекѣ я могъ бы и не упоминать", говоритъ канцлеръ: „соціалистичны многія мѣропріятія, которыя мы осуществили, и осуществили къ великому благу страны, и къ нѣсколько большей долѣ соціализма государству у насъ вообще придется привыкнуть. Мы должны идти съ реформами навстрѣчу потребностямъ въ области

соціализма, если желаемъ преслѣдовать ту-же мудрость, которая выразилась въ Пруссіи въ Штейнъ-Гарденбергскомъ законодательствѣ относительно эмансипаціи крестьянъ. Вѣдь это былъ соціализмъ — имѣющій цѣлью отнять имущество у одного, чтобы передать другому — гораздо болѣе сильный, чѣмъ монополія. Я очень радъ, что дѣло дошло до осуществленія такого соціализма: благодаря ему мы создали зажиточное, свободное крестьянское сословіе; я надѣюсь, что современемъ мы достигнемъ подобнаго-же и для рабочихъ. Такимъ образомъ, вы будете принуждены прибавить государству въ рецептъ пару капель соціальнаго масла; какъ много, я не знаю. Было-бы большимъ пренебреженіемъ къ обязанностямъ со стороны законодательства, если-бы оно не стремилось къ реформѣ въ области рабочаго вопроса" [1]). Дальше канцлеръ приводитъ рядъ примѣровъ „соціалистическихъ" мѣропріятій. Таковы—экспропріація въ пользу желѣзныхъ дорогъ, экспропріація по водному законодательству, дренажированію; „въ высшей степени" соціалистично принудительное округленіе земельныхъ участковъ—коммассація; соціалистичны—все законодательство о бѣдныхъ, принудительное обученіе, сооруженіе дорогъ,... „я могъ-бы этотъ регистръ еще продолжить; но если вы думаете кого-либо напугать словомъ „соціализмъ" или устрашить призраками, то вы стоите на той точкѣ зрѣнія, которую я уже давно превозмогъ". Рейхстагъ можетъ отклонить проектъ монополіи; но этимъ онъ не смутитъ правительство въ его реформаторской дѣятельности. Жизнь снова выдвинетъ соотвѣтствующіе запросы. Монархъ будетъ очень огорченъ отсутствіемъ поддержки со стороны представительнаго органа; но „я, насколько позволятъ мнѣ силы, не устану изыскивать съ помощью другихъ плановъ и средствъ способовъ — придти на помощь страданіямъ моихъ согражданъ" [2]). Канцлеръ остается на мѣстѣ не по своей волѣ, а по желанію монарха. Его удерживаютъ на посту лишь интересы дѣла. Бисмаркъ не колеблется воздѣйствовать на рейхстагъ упоминаніемъ о кровавомъ покушеніи на Вильгельма, покушеніи, послѣ котораго Бисмаркъ поклялся не оставлять

[1]) Stenog. Berichte. 5 L. P. II Session 1882—3, s. 361.
[2]) Ibid.

своего поста противъ воли императора. Въ заключеніе онъ проситъ рейхстагъ во имя величія имперіи выйти изъ маразма партійности и разрѣшать общую задачу совмѣстными дружными усиліями [1]).

14-го іюня, въ день провала законопроекта, Бисмаркъ опять выступилъ съ большой рѣчью. На него сильно напали представители либеральной оппозиціи—Рихтеръ, Бамбергеръ. Опять дебатировался старый вопросъ—о парламентарномъ правленіи. Оппозиція указывала на благодѣтельныя *послѣдствія парламентаризма въ Англіи и Франціи* и ставила въ упрекъ канцлеру, что „ему дѣлается все труднѣе вообще управлять съ парламентомъ". Бисмаркъ рѣшительно отрицаетъ превосходство государственнаго управленія въ названныхъ странахъ, вспоминая Ирландію и безпрерывную смѣну министерствъ во Франціи. Почему рейхстагъ, такъ жалующійся на стѣсненія, не пользуется правомъ законодательной иниціативы? Оппозиція не имѣетъ права говорить отъ имени нѣмецкой націи, нѣмецкаго народа.

Однако, все было напрасно: проектъ табачной монополіи былъ отклоненъ большинствомъ 276 голосовъ противъ 43. Мало того, была принята резолюція, признающая недопустимость созданія дальнѣйшихъ „безпокойствъ" для табачной индустріи. Споръ о табачной монополіи сталъ своего рода пробой силъ короны и представительства. Лозунгомъ оппозиціи было положеніе: „An diesem Monopol muss der Willen des Kanzlers sich brechen". „Prov.-Correspondenz" въ статьѣ отъ 24 мая, когда уже почти выяснилась судьба законопроекта, разражается горькими жалобами противъ либераловъ. Послѣдніе цѣлью *борьбы поставили разрѣшеніе вопроса*, можетъ-ли еще нѣмецкій народъ проявить свою волю вопреки канцлеру; а—между тѣмъ—достаточно вспомнить всю исторію возникновенія Германіи, чтобы признать въ канцлерѣ выразителя воли націи. Характерно, что, защищая государственное предпринимательство, оффиціозный органъ употре-

[1]) Рѣчь эффектно заканчивается: „Meine Herren, ich werde nicht oft mehr zu Ihnen sprechen können, ich bin matt, ich habe keine Lust und keine Kraft dazu und auch kein Interesse, aber ich möchte nicht von der Bühne abtreten ohne Ihnen ans Herz zu legen: seien Sie einig und lassen Sie den nationalen Gedanken vor Europa leuchten; er ist augenblicklich in der Verfinsterung begriffen!". Sten. Berichte, ibidem.

бляетъ аргументы и языкъ соціалъ-демократическихъ ораторовъ. Особенно возмущается „Prov.-Corr." выраженіемъ оппозиціи, что истиннымъ „Pflegevater des Socialismus" въ Германіи является канцлеръ. „Если подъ соціализмомъ разумѣть систему мѣръ, направленныхъ къ защитѣ наемныхъ рабочихъ отъ неблагопріятныхъ случайностей, повергающихъ столь многихъ работниковъ въ нищету, наемныхъ рабочихъ, которыхъ господствовавшее до сихъ поръ фритредерское ученіе предоставляло законамъ рынка, какъ товаръ,—то названіе „Pflegevater des Socialismus" является почетнымъ титуломъ канцлера" [1]). Если-же подъ соціализмомъ понимать „государство будущаго" соціалъ-демократовъ, то странно канцлеру, издавшему законъ 1878 г., давать подобную кличку. Жизнь покажетъ, кто былъ правъ. Что канцлеръ не боялся названія „соціалистъ", объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ и болѣе ранняя (отъ 5 окт. 1881 г.) статья въ „Prov.-Corr."—озаглавленная: „Fürst Bismarck, als Socialist", гдѣ стремленія Бисмарка прямо называются „соціалистическими въ хорошемъ смыслѣ слова". Канцлеръ всегда имѣетъ „открытое сердце" для бѣднѣйшихъ своихъ согражданъ, въ особенности для рабочаго класса. И теперь онъ одушевленъ желаніемъ „позитивно" притти на помощи нуждающимся и оторвать ихъ отъ развращающаго вліянія соціалъ-демократовъ. „Das ist der letzte Ehrgeiz seines Lebens" [2]).

Высшаго напряженія госуд. соціализмъ Бисмарка достигаетъ во время третьяго похода въ пользу страхованія отъ несчастныхъ случаевъ и дебатовъ за продленіе закона противъ соціалистовъ (1884 г.).

IV.

Рейхстагъ созыва 1881 г. оказался въ высшей степени плохимъ помощникомъ Бисмарка въ его государственно-соціалистическихъ начинаніяхъ. Какъ мы видѣли выше, даже апелляція къ имени монарха имѣла слабое воздѣйствіе. Не только не оправдались надежды канцлера на осуществленіе закона о страхованіи противъ несчастныхъ случаевъ и закона о табачной монополіи, но былъ основательно за-

[1]) См. L. Hahn, l. c., s. 194—195, IV Band.

[2]) Aktenstücke, l. c., II B., s. 65, примѣчаніе.

держанъ въ коммиссіи и законопроектъ о страхованіи противъ болѣзни. Какъ будто не понимая, что впечатлѣніе отъ манифестовъ должно ослабляться по мѣрѣ ихъ учащенія, Бисмаркъ не стѣсняется прибѣгать къ этой формѣ давленія на законодательный корпусъ: 14-го апрѣля 1883 г. опять появился императорскій манифестъ по рабочему вопросу. Содержаніе его—такое-же, какъ и предыдущаго [1]); характерно лишь выраженіе настойчиваго желанія провести законопроектъ о страхованіи. За судьбу страхованія отъ болѣзни монархъ не безпокоится; но онъ „весьма озабоченъ тѣмъ, что принципіально болѣе важный законопроектъ о несчастныхъ случаяхъ до сихъ поръ не подвинулся дальше". Между тѣмъ, при началѣ сессіи рейхстагу уже былъ представленъ новый, видоизмѣненный проектъ.

6-го марта 1884 г. Бисмаркъ внесъ въ рейхстагъ третій законопроектъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Въ новой и послѣдней редакціи пришлось многимъ и самымъ цѣннымъ для канцлера пожертвовать. Мотивировка начинается съ упоминанія отказа отъ правительственныхъ приплатъ. Правда, правительство отказывается отъ нихъ съ болью и даже не совсѣмъ осторожно выдвигаетъ важнѣйшій мотивъ ихъ предполагавшагося введенія: помимо интересовъ индустріи „нельзя отрицать, что привлеченіе государственныхъ средствъ... могло-бы въ высшей степени укрѣпить соціально-политическую дѣйственность издаваемаго закона, такъ какъ въ этомъ привлеченіи самымъ непосредственнымъ и понятнымъ для рабочаго способомъ достигаетъ своего вы-

[1]) Въ манифестѣ говорится: „Wir haben es jederzeit als eine der ersten von Uns als Kaiser übernommenen Pflichten erkannt, der Lage der arbeitenden Klassen im ganzen Reiche dieselbe Fürsorge und Pflege zuzuwenden, welche Wir in Preussen zur Fortbildung der von Unserem im Gott ruhenden Vater im Anfange dieses Jahrhunderts begründeten Reformen zu bethätigen suchen. Wir haben Uns diese Pflicht besonders gegenwärtig gehalten seit dem Erlasse des Socialistengesetzes"... Въ концѣ Маниф. говорится: „Unsere Kaiserlichen Pflichten gebieten Uns aber, kein in Unserer Macht stehendes Mittel zu versäumen, um die Besserung der Lage der Arbeiter und den Frieden der Berufsklassen untereinander zu fördern, so lange Gott Uns Frist giebt zu wirken". Какъ видимъ,—повтореніе мыслей, высказанныхъ Бисмаркомъ во время рѣчей. См. v. Poschinger, l. c., III B., s. 154—155.

раженія забота Имперіи объ улучшеніи ихъ участи" [1]). Однако, Бисмаркъ, понялъ, наконецъ, что дальнѣйшее упорство въ этомъ отношеніи слишкомъ подчеркнетъ лицемѣрный характеръ акта, и соглашается на факультативныя приплаты изъ госуд. средствъ (въ случаѣ несостоятельности проектируемыхъ промышленныхъ товариществъ). Вмѣсто Reichs-Versicherungsanstalt перваго законопроекта выдвигается только надзирающій органъ—Reichs-Versicherungsamt. Ради привлеченія рабочихъ къ дѣлу страхованія, или, лучше сказать, ради вовлеченія ихъ въ одобренныя правительствомъ организаціи, Бисмаркъ предлагаетъ особые рабочіе комитеты и третейскіе суды съ рабочимъ представительствомъ (Arbeiterausschüsse и Schiedsgerichte), благодаря чему законопроектъ опять былъ задержанъ. Дѣло въ томъ, что многіе депутаты боялись усилить вліяніе соц.-демократовъ на рабочую массу, такъ какъ въ проектируемыя организаціи с.-демократы все-равно проникнутъ. Въ этомъ отношеніи рейхстагъ оказался дальновиднѣе канцлера, который вообще дѣйствовалъ слишкомъ „stürmisch". Рейхстагъ отклонилъ даже предложенное коммиссіей представительство рабочихъ въ промышленныхъ товариществахъ. Разсчеты канцлера, конечно, не заключали въ себѣ элементовъ демократическихъ: помимо ранѣе выставленнаго соображенія, Бисмаркъ хотѣлъ имѣть въ проектируемыхъ организаціяхъ избранную рабочую аудиторію. Рейхстагъ отнялъ у него и эту возможность.

Поспѣшность, которую обнаруживалъ Бисмаркъ, и его смѣлый „соціалистическій" языкъ—вполнѣ понятенъ: предстояли новые выборы въ рейхстагъ. Рѣчь 15 марта 1884 г. по поводу новаго законопроекта сказана очень сильно и горячо. Бисмаркъ опровергаетъ заявленіе Фолльмара, не лишенное „злорадства", что въ новомъ проектѣ отсутствуютъ „hochfliegende socialistische Pläne". Такъ только кажется. Правительство одушевлено прежней идеей, но—входя въ новую область—оно, естественно, нащупываетъ почву. Противъ соображеній Бамбергера Бисмаркъ выдвигаетъ государственно-правовой взглядъ Фридриха Великаго и заявляетъ гордо: „Wir wollen dem Volke dienen" [2]).

[1]) L. Hahn, l. c., IV B., s. 560.

[2]) Stenog. Berichte. 5 L. P. IV Session 1884, s. 72—78.

Касаясь вопроса о конкурренціи въ страховомъ дѣлѣ канцлеръ, въ полномъ согласіи съ соціалистами, призналъ „область несчастій несвойственнымъ базисомъ операцій“ для полученія высокихъ процентовъ и дивидендовъ. Это заявленіе Бисмарка, какъ и многія другія, вызвало сенсацію: былъ—и весьма основательно—усмотрѣнъ въ данныхъ словахъ намекъ на допустимость и даже необходимость огосударствленія всего страхового дѣла. Какъ видно изъ певеписки канцлера съ министромъ внутреннихъ дѣлъ v. Puttkamer'омъ, Бисмаркъ былъ серьезно занятъ вопросомъ о соотвѣтствующей только-что высказанной точкѣ зрѣнія регулированія всей области страхового дѣла [1]). Такимъ образомъ, идея огосударствленія, разъ принятая канцлеромъ, давала ростки во всѣхъ направленіяхъ. Обязанность государства опекать слабыхъ ставится Бисмаркомъ внѣ сомнѣній. Характерно, при этомъ, что въ данной рѣчи онъ уже говоритъ не только о христіанскомъ, но и о государствѣ вообще. „Есть-ли у государ ства обязанность заботиться о своихъ безпомощныхъ членахъ или нѣтъ? Я утверждаю, что эта обязанность имѣется, и не только у христіанскаго государства, какъ я это однажды позволилъ себѣ обозначить словами „практическое христіанство“, но у каждаго государства an und für sich“ [2]). Легко видѣть, что канцлеръ прогрессировалъ въ опредѣленіяхъ и что, пожалуй, теперь онъ могъ-бы публично свою систему назвать „государственнымъ соціализмомъ“. Разъ обязанность существуетъ, то имѣется на лицо и необходимость обезпечить поддержку слабымъ наиболѣе цѣлесообразнымъ и дешевымъ способомъ; а это предполагаетъ вмѣшательство государства въ различныя области хозяйственной жизни, будь-то желѣзнодорожное хозяйство, или страховое дѣло, и т. д. Оппозиція называетъ планируемыя Бисмаркомъ мѣропріятія искусственными; пусть рейхстагъ, пользуясь правомъ законодательной иниціативы, придумаетъ лучшія, не отвергая соціальныхъ обязанностей государства. „Главная причина успѣховъ, которые имѣли вожаки настоящей соц.-демократіи съ ея еще ни разу ясно не обрисованными цѣлями будущаго, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что государ-

[1]) См. Aktenstücke, II B., №№ 56, 58.
[2]) Sten. Berichte, ibid., s. 74.

ство недостаточно занимается соціализмомъ; образуется пустота въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдній долженъ проявляться,—и её заполняютъ другіе—агитаторы, оттѣсняющіе государство на второй планъ“. Бисмаркъ даже соглашается съ соц.-демократами, что соціалистическія мѣропріятія принесутъ полный плодъ лишь на интернаціональной почвѣ; но политикъ долженъ думать не только объ отдаленномъ будущемъ, но и о завтрашнемъ днѣ. Бамбергеръ упрекаетъ канцлера въ томъ, что проектируемая имъ организація несогласима со свободой. И по этому поводу Бисмаркъ отвѣчаетъ совершенно въ стилѣ демагогическомъ: „Свобода есть пустое понятіе; никто не можетъ воспользоваться свободой голодать“ [1]). Необходимо вложить въ понятіе свободы положительное содержаніе. Такой постулатъ, конечно, не обозначаетъ „омнипотенціи“ государства: задача распредѣляется между отдѣльными лицами, рядомъ меньшихъ союзовъ и государствомъ.

Въ рѣчи 20 марта встрѣчаются еще болѣе рискованныя мѣста. Бисмаркъ, хотя и съ ограниченіями, но все-же принимаетъ „желѣзный законъ заработной платы“. Въ оправданіе-же идеи обязательнаго страхованія онъ приглашаетъ членовъ рейхстага познакомиться со Священнымъ Писаніемъ: „Соціализмъ временъ апостоловъ шелъ гораздо дальше. Если вы пожелаете почитать Библію, то вы тамъ найдете различныя его проявленія въ исторіи апостоловъ. Въ наше время я такъ далеко не иду“ [2]). Видно, канцлеръ не опасается упрека и въ коммунизмѣ. Однако, въ той-же рѣчи Бисмаркъ настаиваетъ, что область регулированія рабочаго времени и заработной платы — въ высшей степени несвойственна для воздѣйствія со стороны государства. Главнымъ мотивомъ, почему здѣсь надо быть осторожнымъ, является боязнь ослабить предпринимателя, отъ чего пострадаетъ и рабочій. „Здѣсь находится запретная граница, за которой надо воздерживаться отъ всякаго государственнаго воздѣйствія“. Вѣдь сущность рабочаго вопроса сводится къ „неувѣренности рабочаго въ своемъ существованіи. Онъ не увѣренъ, что всегда будетъ имѣть работу, что всегда будетъ здоровъ, и предвидитъ, что когда-нибудь станетъ старымъ и работоне-

[1]) Sten. Berichte. 5 L. P., IV Session 1884, s. 76.
[2]) Sten. Berichte, ibid., s. 165.

способнымъ". А если онъ заболѣетъ, то собственными силами выбраться изъ нищеты—не въ состояніи. Отсюда—его раздраженіе противъ общества, потому-то рабочій такъ охотно слушаетъ „соціалистическихъ докторовъ".

Наконецъ, 6 іюля 1884 года былъ принятъ законъ о страхованіи рабочихъ противъ несчастныхъ случаевъ, въ основу котораго была положена корпоративная организація промышленниковъ. Привлеченный къ обязательному страхованію кругъ рабочихъ предполагалось въ дальнѣйшемъ расширять. Такія расширенія имѣли мѣсто уже въ 1885 г. (28 мая—транспортъ); затѣмъ 5 мая 1886 года—сельское и лѣсное хозяйство, 15 мая 1886 и $^{11}/_{13}$ іюля 1887 гг. (нѣкоторыя другія категоріи). Съ 5-ой недѣли до 14-ой — больничныя кассы должны были возмѣщать расходы лѣченія; съ 14-ой недѣли пострадавшій получалъ $^{2}/_{3}$ Unfallrente. Расходы были возложены исключительно на Berufsgenossenschaften; но зато и внутренній распорядокъ всецѣло имъ предоставленъ. Государство выступаетъ на помощь своими средствами лишь въ случаѣ краха Berufsgenossenschaften. Взаимоотношеніе между Unfallversicherung и Krankenversicherung установлено прочно. Отъ первоначальнаго плана канцлера, въ сущности, осталась только идея обязательности страхованія. Идея, конечно, совершенно чуждая либеральной экономикѣ и чрезвычайно важная, но недостаточно воплощавшая желанія Бисмарка.

Прежде чѣмъ былъ принятъ данный законъ въ смягченной редакціи, рейхстагу предстояло высказаться по поводу негативной части соціальной политики Бисмарка — продленія закона противъ соціалистовъ 1878 года. Безплодность этой мѣры была очевидна для многихъ, и канцлеру пришлось выдержать жестокую борьбу за сохраненіе несомнѣнно самаго любимаго его „соціально-политическаго" дѣтища. Видя, что нападки на законъ чрезвычайно серьезны, онъ не постѣснялся терроризировать рейхстагъ угрозой преждевременнаго роспуска въ случаѣ несогласія на продленіе. Засѣданіе 9 мая 1884 г. было чрезвычайно интересно. Для указанія на общую опасность, грозящую современнымъ государствамъ со сторона революціонеровъ, Бисмаркъ ссылается на Россію. Опасность—настолько велика, что Германія, послѣ убійства Александра II, просила

Россію сдѣлать предложеніе о созывѣ международной конференціи. Послѣдняя не состоялась только благодаря отказу Англіи и Франціи. Однако, положеніе Германіи и ея восточной сосѣдки, по мнѣнію канцлера, различно. Въ Россіи нѣтъ соціалистическаго рабочаго вопроса: здѣсь „рабочіе настроены въ пользу самодержавія (gut kaiserlich) и избиваютъ нигилистовъ, если это имъ позволяется"; нигилисты состоятъ изъ людей, ничего общаго съ рабочимъ классомъ не имѣющихъ: это, главнымъ образомъ, „Abiturientenproletariat". Россія страдаетъ перепроизводствомъ полуобразованныхъ людей. Предвосхищая, до нѣкоторой степени, столь знакомую намъ въ настоящее время идеологію, Бисмаркъ заявляетъ: „если въ Россіи выступятъ рабочіе батальоны, то нигилизмъ исчезнетъ". Въ Россіи, продолжаетъ Бисмаркъ, „рабочій классъ еще не тронутъ, онъ не имѣетъ никакой заботы о будущемъ: въ русской земельной общинѣ для него всегда обезпечена старость, и даже—при извѣстныхъ условіяхъ—безработная" [1]). Поэтому-то русскій рабочій и не принимаетъ пока никакого участія въ соціалистическомъ движеніи. У насъ же — общественное мнѣніе заражено и отравлено. При такихъ условіяхъ, допускать публичную преступную агитацію — немыслимо. Тайная агитація все-равно останется. На вопросъ о томъ, сколько-же времени будетъ держаться исключительный законъ, Бисмаркъ отвѣчаетъ: до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣлано для рабочихъ что-либо положительное, и этимъ не будетъ убита публичная агитація противъ государства. Надо сначала осуществить главнѣйшіе моменты императорскаго манифеста! Резюмируя свои предположенія, Бисмаркъ дѣлаетъ удивительно смѣлый выпадъ, провозглашая—ни много-ни мало, какъ право на трудъ: „Дайте рабочему право на трудъ, пока онъ здоровъ, дайте ему работу, пока онъ въ силахъ трудиться, обезпечьте ему помощь въ болѣзни и заботу о немъ въ старости,—если вы это сдѣлаете, не побоитесь жертвъ и не будете кричать о государственномъ соціализмѣ, когда кто-либо упомянетъ о призрѣніи престарѣлыхъ, когда государство выкажетъ нѣсколько болѣе христіанской заботливости о рабочемъ, тогда — я увѣренъ —

[1]) Sten. Berichte, ibid., s. 481 etc.

напрасно господа, исповѣдующіе Виденскую программу [1]), будутъ играть на своей дудкѣ,—число ихъ прозелитовъ будетъ сильно уменьшаться, когда рабочіе увидятъ, что правительство и законодательныя учрежденія серьезно заботятся объ ихъ благосостояніи [2])".

Признать „право на трудъ" значило попасть въ самую гущу — и притомъ „утопическаго" соціализма. „Права на трудъ" требовали рабочіе въ Парижѣ въ Февральскую революцію, и добились соотвѣтствующаго декрета. Ясно, однако, что безъ коренного измѣненія существующаго соціальнаго порядка реализовать это право, если вообще можетъ итти рѣчь о правѣ, нельзя. Естественнымъ послѣдствіемъ признанія временнымъ правительствомъ во Франціи права на трудъ была іюньская рѣзня. Трудно думать, что канцлеръ выпустилъ это замѣчаніе въ пылу увлеченія. Трудно потому, что онъ въ томъ-же засѣданіи попытался обосновать его не на революціонномъ фундаментѣ. Когда—во время дебатовъ—оппозиція совершенно основательно указала ему, что данный лозунгъ прямой дорогой ведетъ къ коммунистическому строю, канцлеръ не смутился: „Да, я безусловно признаю право на трудъ, и буду настаивать на немъ, пока занимаю этотъ постъ. Въ этомъ случаѣ я стою не на почвѣ соціализма, корый впервые получилъ свое начало съ министерствомъ Бисмарка, а на почвѣ прусскаго Земскаго Уложенія [3]). И, отряхая вѣковую пыль, канцлеръ торжественно читаетъ 19 тит. II части Земскаго Уложенія, этого продукта полицейскаго абсолютизма. § 2 титула гласитъ: „тѣмъ лицамъ, у которыхъ недостаетъ средствъ и случая самимъ заработать необходимое для нихъ и ихъ семейства содержаніе, — надлежитъ указывать работы, соотвѣтствующія ихъ силамъ и способностямъ". Мы уже знаемъ, что Бисмаркъ аппеллировалъ къ Земскому уложенію и раньше; слѣдовательно, должны признать въ этихъ заявленіяхъ наличность извѣстной продуман-

[1]) Герм. соц.-дем. партія на конгрессѣ въ замкѣ Виденъ (кантонъ Цюрихъ—20—23 авг. 1880 г.) измѣнила готскую программу въ томъ смыслѣ, что вычеркнула въ пунктѣ о преслѣдованіи своихъ цѣлей всякими законными средствами, какъ это было до закона 1878 г., слово „законными".

[2]) Sten. Berichte, ibidem.

[3]) Stenogr. Berichte, ibid., s. 500.

ности. Но, съ другой стороны, какъ-то странно констатировать у геніальнаго человѣка неспособность понять самые элементарные устои капиталистическаго хозяйства. Очевидно, что въ этомъ заявленіи не малая доля „политиканства", фразы,—другими словами лицемѣрія. Можно, однако, допустить и нѣкоторую наивность. Въ глубинѣ души, какъ выходецъ изъ помѣстнаго феодальнаго класса, Бисмаркъ ненавидѣлъ капиталистическій строй и, хотя сознавалъ неосуществимость своихъ „феодально-цеховыхъ" мечтаній, но иногда любилъ сказать о нихъ нѣсколько теплыхъ словъ.

Моментъ политическаго лицемѣрія можетъ быть объясненъ очень просто: рейхстагъ — народная трибуна. Бисмаркъ разсчитывалъ, что рабочая демократія придетъ въ восторгъ, услышавши изъ устъ канцлера заявленія, которыя въ смутной формѣ дѣлались ею и о которыхъ она слышала отъ своихъ соціалистическихъ руководителей. Когда либеральныя газеты стали комментировать заявленіе канцлера, онъ, не обинуясь, изрекъ: либеральная партія опаснѣе соціалъ-демократической, ибо дѣйствуетъ искуснѣе (feiner). Неизвѣстнымъ осталось только, не слѣдуетъ-ли на этомъ основаніи издать и противъ либеральной оппозиціи исключительный законъ—почему караются лишь менѣе опасные с.-демократы?

Утверждая „право на трудъ", Бисмаркъ, несомнѣнно, зашелъ очень далеко. Еще въ 1877 года оффиціальный органъ—„Prov. Correspondenz" возмущался этимъ лозунгомъ [1]). Однако, отказаться отъ „фразы" у Бисмарка не хватило рѣшимости. Онъ продолжалъ настаивать на своемъ и внѣ стѣнъ рейхстага. Какъ намъ сообщаетъ Пошингеръ, на слѣдующій день состоялось у канцлера многолюдное „Soiree", на кото-

[1]) Poschinger указываетъ на статью отъ 14 мар. 1877 г., какъ на курьезъ. Въ статьѣ вотъ что говорится: „Ein Recht auf Arbeit gegenüber dem Staat bei Ausbruch einer geschäftlichen Krisis wie sie in jedem industriell höher entwickelten Lande von Zeit zu Zeit in bald grösseren, bald geringerem Umfange eintritt, ist entschieden nicht anzuerkennen"... Мало-того—„Der schon jetzt laut gewordene Ruf nach Umgestaltung der ganzen bestehenden socialen Ordnung würde nur um so stärker ertönen, je mehr die Regierung unter Aufgeben ihrer Grundsätze und scheinbar unter dem Drucke der in Volksversammlungen gefassten Resolutionen sich nachgiebig erwiese".—См. III Band, прим. на стр. 174. Richter имѣлъ полное основаніе сказать, что „das Recht auf Arbeit ist konsequent durchgeführt der socialistische Staat".

ромъ присутствовало около 270 „парламентскихъ дѣятелей". Знаменитый депутатъ Windthorst поднялъ вопросъ о правѣ на трудъ въ небольшомъ кружкѣ „избранныхъ" съ Бисмаркомъ во главѣ. Онъ указывалъ на полную невозможность нынѣ считаться съ этимъ лозунгомъ „старой Пруссіи", да еще вышедшимъ изъ устъ такого державнаго революціонера, какъ „старый Фрицъ". Высказывая полное сочувствіе соціальной политикѣ канцлера и находя опасность со стороны с.-демократовъ весьма крупной, Виндторстъ въ послѣднихъ выступленіяхъ канцлера видитъ „ein Irrthum" и желалъ-бы, чтобы канцлеръ отказался отъ своихъ словъ [1]). Однако, канцлеръ опять заявилъ: „Я твердо держусь права на трудъ, какъ я его только-что обосновалъ въ рейхстагѣ. Прусское земское уложеніе въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, имѣетъ прекрасныя постановленія". Правда, Бисмаркъ не дѣлаетъ столь опасныхъ выводовъ, какіе, по мнѣнію его собесѣдниковъ, вытекаютъ изъ данной идеи. Вѣдь не становится соціалистическимъ государство отъ того, что на его обязанности лежитъ не допускать никого до голодной смерти, какъ это опредѣленно упоминается въ земскомъ уложеніи. Рабочему надо предоставить болѣе основательную и менѣе обидную, чѣмъ простое подаяніе, помощь. Если-же выступленія канцлера кажутся „zu stürmisch", то вѣдь для „нормальнаго движенія паровоза" надо топить котелъ, какъ слѣдуетъ... [2]). Бисмаркъ имѣлъ въ виду обязанность правительства организовать въ случаѣ кризиса общественныя работы [3]).

[1]) См. v. Poschinger, „F. Bismarck und die Parlamentarier", I Band, s. 258—263.

[2]) Очень наивныя замѣчанія по поводу „права на трудъ" дѣлаетъ Zeitlin въ своей книгѣ о Бисмаркѣ: „Immerhin bleibt aber das widerholte Eintreten des F. für das Recht auf Arbeit für uns aus doppeltem Grunde wertvoll. Einmal darf es als die kräftigste Illustration seiner socialpolitischen Gesinnung angesehen werden, sodann aber liefert es auch, was gewiss nicht zu unterschätzen ist, den Beweis dafür, dass das Recht auf Arbeit nicht eine Domäne des radikalen Socialismus ist, sondern sich auch mit einer streng imperialistischen Socialpolitik in Einklang bringen lässt". См. Dr L. Zeitlin, „F. Bism. social-, wirthschafts-, und steuerpolitische Anschauungen", L. 1902, s. 59.

[3]) Небезынтересно отмѣтить, что идея такого использованія земскаго уложенія не принадлежала канцлеру: попытки подобной интерпретаціи старыхъ законовъ дѣлались и раньше; и какъ разъ передъ

Настаивая на сохраненіи исключительнаго закона до проведенія соціальной реформы, канцлеръ не стѣснялся разоблачать трусливость оппозиціи: пусть не думаетъ послѣдняя, что правительство больше боится соціалъ-демократической революціи, чѣмъ она сама. Правительство выступаетъ въ данномъ случаѣ защитникомъ не своихъ интересовъ, а нуждъ „мирнаго гражданина". Если рейхстагъ откажетъ Бисмарку, то придется аппеллировать къ избирателямъ, въ большинствѣ случаевъ „мирнымъ" обывателямъ. Послѣ того, что говорилось и дѣлалось въ рейхстагѣ, Бисмаркъ чувствуетъ себя въ правѣ обратиться къ избирателямъ съ настойчивымъ пожеланіемъ: „Если хотите освободиться отъ соціалистической опасности, не выбирайте прогрессивныхъ депутатовъ!" Вѣдь они-то и тормозятъ, главнымъ образомъ, осуществленіе тѣхъ высокихъ принциповъ, которые неоднократно были провозглашены съ высоты престола.

Между тѣмъ, либеральная оппозиція, руководимая свободомыслящими, напрягала всѣ силы, чтобы завоевать для германской конституціи отвѣтственное министерство. Мы знаемъ, какой отпоръ давалъ Бисмаркъ въ своихъ рѣчахъ. Однако, недовольство его соціальной политикой и критика послѣдней въ законодательномъ учрежденіи были столь сильны, что онъ счелъ нужнымъ разъяснить Союзному Совѣту (въ посланіи отъ 14 апр. 1883 г.) опасность парламентарнаго режима, не испугавшись даже доводовъ сепаратистскаго характера: „Учрежденіе отвѣтственныхъ министерствъ въ имперіи возможно не иначе, какъ за счетъ суммы договорныхъ правъ, которыми союзныя правительства въ настоящее время пользуются въ Союзномъ Совѣтѣ" [1]). Парламентаризмъ означаетъ подчиненіе имперской власти большинству рейхстага, есть поводъ къ

выступленіемъ Бисмарка была сдѣлана новая попытка, о чемъ намъ сообщаетъ G. Brodnitz въ своей работѣ о націон.-экономическихъ воззрѣніяхъ Бисмарка, ссылаясь на книгу E. Witte, которая «должна была быть извѣстной канцлеру». См. „Bismarcks Nationalökon. Anschauungen", G. Brodnitz, Jena, 1902, s. 137. Вообще, какъ это мы постоянно видимъ, Бисмаркъ далеко не былъ оригиналенъ съ своемъ «соціализмѣ». Бебель, съ полнымъ основаніемъ могъ повторить уже ранѣе высказанное имъ положеніе: «wir sind in der Sozialreform die Meister, und Fürst Bismark ist der Lehring».

[1]) H. Blum, „Das d. Reich zur Zeit Bismarck", s. 488.

разложенію Германіи. Какъ видимъ, канцлеръ былъ весьма неразборчивъ въ средствахъ.

Правда, въ борьбѣ противъ Бисмарка и рейхстагъ не всегда дѣйствовалъ тактично: извѣстенъ, напр., случай съ отклоненіемъ ничтожной прибавки по мин. иностр. дѣлъ, вызвавшій серьезное неудовольствіе во многихъ общественныхъ кругахъ. Такъ или иначе, Бисмаркъ возлагалъ большія надежды на новый рейхстагъ; однако, ошибся и на этотъ разъ: господство эры „Windthorst-Richter-Grillenberger“ — продолжалось. L. Hahn опредѣленно называетъ тогдашнія стремленія Бисмарка попыткой установить „sociales Königthum“. А, между тѣмъ, именно въ этомъ отношеніи менѣе всего приходилось разсчитывать на помощь рейхстага. Въ тронной рѣчи отъ 20 ноября 1884 г. Бисмаркъ, устами монарха, продолжаетъ настаивать на соціально-политическихъ задачахъ. Императоръ чувствуетъ, говорится въ рѣчи, большое удовлетвореніе отъ того, что „пожеланія, высказанныя въ манифестѣ 1881 г.,... значительно подвинулись впередъ въ своей реализаціи“; „изъ этого на закатѣ моихъ дней я почерпаю увѣренность, что, наконецъ, удастся выстроить начатое зданіе реформы и возсоздать мыслимыя при человѣческомъ несовершенствѣ основы для внутренняго мира въ имперіи“ [1]). Ближайшими задачами намѣчалось расширеніе закона о страхованіи (выше было уже упомянуто, въ какихъ направленіяхъ это расширеніе состоялось) и реорганизація сберегательныхъ кассъ, т. е. осуществленіе проекта страхованія старости. Однако, послѣднему звену „соціальной реформы“ суждено было осуществиться значительно позже — въ „картелльномъ“ рейхстагѣ.

V.

Мы только-что сказали, что Бисмаркъ имѣлъ мало основаній быть довольнымъ новымъ рейхстагомъ. Въ особенности плохимъ показателемъ для его политики было удвоеніе числа соціалъ-демократическихъ депутатовъ (вмѣсто 13—25, количество поданныхъ голосовъ—549.990, на 238.029 больше, чѣмъ въ 1881 г.). Случилось то, что долженъ былъ предвидѣть канцлеръ, если бы и въ области внутренней политики онъ былъ-бы столь-же искусенъ, какъ во внѣшней. Не смотря на исключительный законъ и громкія фразы представителей правительственной власти, рабочая масса вотировала за враговъ Бисмарка. Внутренній крахъ „государственнаго соціализма“ явственно обнаруживался. Въ этомъ смыслѣ вполнѣ справедливы оказались слова Фолльмара, сказанныя имъ въ засѣданіи рейхстага 13 марта 1884 г.: „никогда еще ни одна фирма не рекламировала себя столь громко, базарно, и не кончала такимъ жалкимъ крахомъ, какъ фирма соціальной реформы“ [1])... Рѣчь идетъ о недостиженіи Бисмаркомъ главной цѣли реформы — привлеченія рабочихъ на сторону правительства. Съ усилившейся фракціей уже нельзя было обращаться, какъ прежде, презрительно игнорируя ея заявленія. Вполнѣ естественно ожидать, что Бисмаркъ постарается распространить свое вліяніе и на фракцію. Дѣйствительно, на первыхъ порахъ и самимъ канцлеромъ, и его представителемъ были сдѣланы любезныя замѣчанія по адресу соц.-демократовъ. Puttkamer отмѣтилъ „меньшую революціонность партіи“ и утверждалъ, что исключительный законъ имѣетъ въ виду только анархистическую группу, не гнушающуюся никакими средствами. Бисмаркъ же, въ рѣчи 26 ноября 1884 г. (по поводу діэтъ), замѣтилъ, что „онъ не относится отрицательно къ увеличенію“ числа соц.-демократическихъ депутатовъ. „Чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ больше на нихъ будетъ лежать почетная обязанность выступать съ позитивными планами и сказать намъ, какъ имъ рисуется будущее“. Принимая болѣе дѣятельное участіе въ государственномъ строительствѣ, соц.-демократы „поневолѣ“ сойдутъ со своей исключительно критической точки зрѣнія. „Ихъ теперь 25; они получили вторую дюжину; я желаю имъ имѣть еще третью; когда ихъ будетъ 36, то я съ увѣренностью ожидаю отъ нихъ представленія проекта операціоннаго плана“ [2])... Правда, въ этихъ словахъ заключается и иронія; но, тѣмъ не менѣе, языкъ канцлера становится бо-

[1]) Sten. Berichte. 6 L. P. I Session 1884—5 г. с. 1—2.

[1]) См. Stenogr. Berichte. 5 L. P. IV Session 1884. s. 40.

[2]) Sten. Berichte, 6 L. P. I Session 1884/5, c. 24—27.

лѣе мягкимъ. Мало того, Бисмаркъ доходитъ даже до утвержденія, что безъ соціалъ-демократіи, при существующихъ условіяхъ, положительная дѣятельность правительства въ области соціальнаго вопроса была бы немыслима. Бисмаркъ говоритъ это, не замѣчая, что до нѣкоторой степени повторяетъ соображенія Бебеля и Либкнехта. „Соціалъ-демократія—въ томъ видѣ, какъ она есть—является важнымъ показателемъ, «Мене тэкэлъ» для владѣющихъ классовъ, что не все обстоитъ, какъ должно быть, что нужно стараться объ улучшеніи... Если бы не было соціалъ-демократіи и масса людей ея не боялась, то умѣренные успѣхи, достигнутые нами до сихъ поръ въ области соціальной реформы, также не существовали-бы“... „Страхъ передъ соц.-демократіей по отношенію къ тѣмъ, которые не имѣютъ никакого состраданія къ своимъ бѣднымъ согражданамъ,есть полезный элементъ“ [1]). Въ сущности, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ извѣстнымъ пріемомъ Бисмарка—запугиванія однихъ общественныхъ элементовъ другими. Пріемъ, — который слѣдовало бы считать неотъемлемой принадлежностью „государственнаго соціализма“.

„Безсердечіе“ рейхстага проявилось съ самаго начала его работы: 3 и 4 янв. канцлеръ внесъ проекты о расширеніи страхованія противъ несчастныхъ случаевъ и о почтовыхъ сберегательныхъ кассахъ, проекты, оставшіеся въ первой редакціи безъ удовлетворенія. Однако, такое отношеніе къ Бисмарковскимъ законопроектамъ вовсе не обозначало полнаго соціально-политическаго безразличія новаго рейхстага. Не говоря уже о томъ, что все-таки расширеніе законовъ о страхованіи состоялось (о чемъ мы сказали въ предыдущемъ параграфѣ), рейхстагъ по собственной иниціативѣ выдвинулъ чрезвычайно важный вопросъ о расширеніи фабричнаго законодательства. Подобно тому, какъ ближайшимъ внѣшнимъ толчкомъ ко внесенію Бисмаркомъ законопроекта о страхованіи былъ поднятый либеральной оппозиціей вопросъ объ измѣненіи закона объ отвѣтственности 1871 г.,—такъ и теперь—въ 1884 г., подъ вліяніемъ успѣховъ соц.-демократіи, были внесены законопроекты по иниціативѣ самихъ депутатовъ. Центръ требовалъ развитія фабричнаго законодатель-

[1]) Ibidem.

ства, въ смыслѣ запрещенія воскресной работы, ограниченія женскаго и дѣтскаго труда и установленія максимальнаго рабочаго дня для взрослыхъ работниковъ. Подобные-же законопроекты были внесены и другими фракціями; но особенно обширный исходилъ отъ соц.-демократовъ. Здѣсь имѣлъ мѣсто 10-час. рабочій день для взрослыхъ, 8-часовой—для подростковъ; запрещеніе воскреснаго и праздничнаго труда, съ необходимыми исключеніями, работы женщинъ подъ землей и многія другія мѣры, требуемыя современной наукой и практикой [1]). Между прочимъ, имѣлось требованіе минимальной заработной платы, которое должно было возбудить обвиненіе законопроекта въ утопичности. Соціалъ-демократами проектировалось имперское министерство труда (Reichsarbeitsamt), Arbeitsämter (о которыхъ мечталъ десять лѣтъ тому назадъ Шенбергъ), рабочія камеры и третейскіе суды.

Не трудно a priori установить недоброжелательное отношеніе Бисмарка ко всѣмъ этимъ законопроектамъ. Если онъ и призывалъ рейхстагъ къ законодательной иниціативѣ, то, все-таки, послѣдняя—въ соціальной области—шла въ разрѣзъ съ его предположеніями. Новыхъ аргументовъ въ рѣчахъ канцлера (15/I 1885 г. и 9/V 1885 г.) по этому поводу мы не найдемъ. Однако, позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на нихъ, такъ какъ данная аргументація чрезвычайно характерна для Бисмарка. Конечно, нормальный рабочій день—весьма желателенъ. Кто ему не сочувствуетъ, тотъ „не имѣетъ сердца въ груди“. Но вѣдь нормальный рабочій день предполагаетъ нормальную заработную плату. Въ противномъ случаѣ, сокращеніе рабочаго времени неизбѣжно вызоветъ пониженіе заработной платы. Согласятся-ли эту недохватку покрыть изъ государственныхъ средствъ? Съ другой стороны, не нужно забывать, что подобными мѣрами ослабляется способность нѣмецкой индустріи къ конкурренціи съ заграницей. Въ силу этого, Бисмаркъ находитъ „чрезвычайно опасной и неблагодарной задачей питать иллюзію, что вообще можно установить нормальный рабочій день“. Государство знаетъ, что́—въ его силахъ; и

[1]) См. объ этомъ подробнѣе—у F. Mehring'a, „Gesch. d. d. S.-dem.“, IV Band, s. 265 и д.

Бисмаркъ вовсе не расположенъ добиваться популярности неисполнимыми обѣщаніями [1]).

Такимъ-же образомъ выстраивается канцлеромъ и вторая рѣчь на эту тему. Обязательное празднованіе воскресенія лишаетъ рабочаго 14% его заработка. Конечно, всѣ разсужденія о моральныхъ „благахъ", долженствующихъ быть доступными рабочимъ, привлекательны, но суровый вопросъ дѣйствительности, откуда взять средства на покрытіе недохватки, остается въ проектахъ безъ отвѣта. Канцлеръ никогда не подпишетъ своего имени подъ такимъ рискованнымъ закономъ. Въ отвѣтъ на пожеланія распространить регулированіе рабочаго времени и на ремесло, на „домашнюю работу", Бисмаркъ, подобно аналогичнымъ болѣе раннимъ заявленіямъ, иронизируетъ насчетъ „Sonntagsgendarm'овъ".

Законопроектъ рейхстага, впрочемъ, не пошелъ далѣе перваго чтенія, — и единственнымъ его практическимъ результатомъ было учрежденіе анкеты по вопросу о воскресномъ отдыхѣ. Большинство рейхстага не обнаружило настойчивости. Это, конечно, и понятно: для главенствующихъ партій охрана труда являлась такимъ-же политическимъ средствомъ, какъ для Бисмарка—обезпеченіе трудящихся.

Канцлеръ находилъ болѣе удобнымъ для себя обезпечивать слабыхъ и увѣчныхъ, чѣмъ выражать заботливость о человѣкѣ здоровомъ и трудящемся, дабы онъ не растратилъ преждевременно своихъ силъ. Точка зрѣнія канцлера въ вопросахъ объ охранѣ труда оказалась вполнѣ „манчестерской" и несогласимой съ принципами его „соціальной политики". Это, впрочемъ, мало смущало канцлера, такъ какъ системы и принципы его не интересовали. Любя много говорить о христіанскихъ, нравственныхъ устояхъ общества, когда это было нужно, нападая за атеизмъ на соц.-демократовъ, въ данной области Бисмаркъ „училъ" рабочій классъ самому безпросвѣтному „матеріализму". Такъ напр., въ отвѣтъ на посланіе христіански-соціальнаго рабочаго ферейна въ Бохумѣ, посланіе, въ которомъ рабочіе выражали готовность пожертвовать воскреснымъ заработкомъ для надлежащаго выполненія религіозно-нравственныхъ обязанностей, Бисмаркъ заявляетъ, что не

[1]) Sten. Berichte, 6 L. P., I Session 1884/5, s. 632.

можетъ рѣшиться на принудительное уменьшеніе заработной платы до болѣе точнаго ознакомленія съ условіями рабочаго быта [1]). Религіозно-нравственному моменту христіанскій соціализмъ противопоставляетъ моментъ экономическій!

Въ одномъ только случаѣ Бисмаркъ пошелъ навстрѣчу соціально-политической иниціативѣ депутатовъ рейхстага: онъ откликнулся живо на петицію рабочаго Otto Kussmann'a относительно организаціи бюро труда. Въ петиціонной комиссіи рейхстага сов. Gamp, съ которымъ намъ еще придется встрѣтиться, заявилъ отъ имени Бисмарка, что правительство находитъ неудовлетворительной существующую организацію пріисканія занятій, сосредоточеннаго въ рукахъ частныхъ предпринимателей, и дѣлаетъ шаги къ постановкѣ столь важнаго въ хозяйственномъ и соціально-политическомъ отношеніи дѣла съ помощью государственной власти [2]). Соотвѣтствующій запросъ о значеніи такой мѣры былъ министромъ торговли направленъ Центральному Союзу нѣмецк. промышленниковъ. Въ этомъ видѣ правительство предполагало подойти къ осуществленію столь неосторожно провозлашеннаго „права на трудъ". Къ той-же категоріи относится одинъ изъ мотивовъ принятія имперіей на себя сооруженія канала „Nord-Ostsee": въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ государство будетъ занимать большую массу рабочихъ и на практикѣ сможетъ показать, какъ должны примѣняться законы относительно обезпеченія рабочихъ [3]). Поэтому Бисмаркъ, въ вопросѣ о субсидіи пароходнымъ компаніямъ, быстро подхватилъ брошенную нѣкоторыми соц.-дем. депутатами мысль о поддержкѣ нѣмецкаго судостроенія. О большей реализаціи революціоннаго лозунга говорить, конечно, не приходится. Да, кромѣ того, Бисмаркъ замѣтно сталъ уставать отъ принятой на себя роли. Въ рѣчи по поводу воскреснаго отдыха онъ уже не рисуетъ фантомы „соціальной монархіи", а ищетъ для правительства нейтральной позиціи: „Я не стою на сторонѣ ни работодателей, ни рабочихъ, а защищаю интересы націи и ея хозяйствен-

[1]) v. Poschinger, V B., s. 141.
[2]) Ibid., s. 17.
[3]) Ibid., s IX.

наго преуспѣянія..." [1]). Это звучитъ почти отказомъ отъ гогенцоллерновской традиціи—защиты слабыхъ!

Впрочемъ, запаса энергіи на соціально-политическія предначертанія въ этомъ легислатурномъ періодѣ у Бисмарка не могло хватить и по другимъ причинамъ—онъ занялся болѣе близкими и понятными для него задачами: финансовой реформой, колоніальной политикой и дальнѣйшимъ развитіемъ охраны земледѣлія. Особенно много усилій приложилъ онъ къ возвышенію сельско-хозяйственныхъ пошлинъ, на недостаточность которыхъ жаловались землевладѣльцы. И въ этомъ отношеніи канцлеръ преуспѣлъ гораздо больше, чѣмъ въ рабочей политикѣ. Съ нѣкоторою подробностью мы остановимся только на проявленіи аграрныхъ симпатій со стороны Бисмарка воскрешающихъ передъ нами его „исконный" образъ; о другихъ моментахъ упомянемъ вкратцѣ. Рейхстагъ выборовъ 1884 г., конечно, не поддержалъ канцлера въ новыхъ попыткахъ укрѣпить финансы Имперіи: борьба велась по всей линіи. Центромъ финансово-политическихъ предположеній, на этотъ разъ, была также монополія, только водочная. Уже въ мартѣ 1885 г. въ частномъ разговорѣ съ сов. Ihering'омъ Бисмаркъ высказался въ пользу данной монополіи; а въ апрѣлѣ графъ Герб. Бисмаркъ въ избирательной рѣчи въ округѣ Ратцебургъ указываетъ на монополію, какъ на цѣлесообразное средство пополнить доходы Имперіи [2]). Въ январѣ 1886 г. въ ландтагѣ (рѣчь отъ 29 янв.) Бисмаркъ раскрываетъ свои планы и даже забѣгаетъ впередъ, указывая, что, въ случаѣ отклоненія водочной монополіи въ рейхстагѣ, онъ внесетъ законопроектъ объ акцизѣ. 22 фев. 1886 г. рейхстагу препровождается законопроектъ о „Branntweinmonopol". Въ мотивахъ выдвигаются только фискальныя соображенія; чистый доходъ исчисляется въ 303 милл. марокъ. На проведеніе проекта въ рейхстагѣ у канцлера не было никакихъ шансовъ. Проектъ былъ подвергнутъ самой жестокой критикѣ. Въ особенности Рихтеръ настаивалъ на аграрномъ характерѣ предполагаемой реформы. Канцлеръ подчеркивалъ въ своей отвѣтной рѣчи, что „Hauptsache ist das finanzielle Bedürfniss", и что, отклоняя законопроектъ, депутаты „вредятъ Имперіи". Рѣчь заканчивается горькой жалобой на то, что канцлеру великаго императора приходится просить милостыни у рейхстага уже въ теченіе 16 лѣтъ и получать вмѣсто просимаго хлѣба — камень. Тѣмъ не менѣе, законопроектъ былъ отклоненъ всѣми голосами присутствующихъ противъ трехъ. Основанія, почему рейхстагъ нашелъ нужнымъ дать такой сильный отпоръ законопроекту, формально выражались въ опасеніи развитія сѣти шпіонства и вытѣсненія изъ производства не менѣе 200.000 лицъ. И второй законопроектъ, который обѣщалъ внести и дѣйствительно внесъ неутомимый канцлеръ, законопроектъ, касающійся повышенія и реформы питейнаго налога, также былъ отклоненъ рейхстагомъ и получилъ силу закона лишь въ новомъ рейхстагѣ, смѣнившемъ распущенный.

[1]) Sten. Berichte, 6 L. P., I Session 1884/5, s. 2684.
[2]) v. Poschinger, V B., прим. стр. 99.

Нѣсколько болѣе посчастливилось канцлеру въ усиліяхъ повысить и реформировать сахарный налогъ; однако, законъ 1-го іюня 1886 г. оказался настолько недостаточнымъ, что новому рейхстагу пришлось опять его видоизмѣнять.

Кромѣ того, по иниціативѣ самого рейхстага, удалось расширить „биржевой налогъ" (законъ отъ 29 мая 1885 г.). Въ стремленіи обложить биржевыя сдѣлки обнаруживалось у Бисмарка не одно только желаніе найти подходящіе источники доходовъ для имперіи, но несомнѣнно, сказывалось нѣкоторое недоброжелательство къ биржѣ. Послѣднее особенно замѣтно въ попыткахъ Бисмарка, какъ прусскаго министра торговли, въ концѣ 80-хъ годовъ стѣснить биржевую дѣятельность (сдѣлки съ хлѣбомъ). Попытки эти вызвали въ биржевыхъ кругахъ цѣлую бурю негодованія: говорили о „реакціонной системѣ", о „насиліи надъ биржей" въ угоду аграрнымъ интересамъ, на защиту которыхъ канцлеръ, чѣмъ дальше, тѣмъ все опредѣленнѣе выступалъ. Однако Бисмаркъ настаивалъ на ограниченіи срочныхъ сдѣлокъ, видя въ этомъ средство предохранить національную торговлю и промышленность отъ вреднаго воздѣйствія ажіотажа. Упомянемъ, кстати, еще объ одномъ мѣропріятіи Бисмарка, направленномъ противъ господства торговыхъ интересовъ въ экономической политикѣ. Еще въ началѣ 80-хъ годовъ, когда многія торговыя камеры (образо-

ванныя по закону 70 г.) позволили себѣ недоброжелательно и весьма критически отозваться о „новомъ курсѣ“ канцлера, Бисмаркъ остановился на идеѣ новой организаціи представительства хозяйственныхъ интересовъ. 19 мая 1883 г. Бисмаркъ, въ качествѣ прусскаго министра торговли, разсылаетъ оберъ-президентамъ циркуляръ объ устройствѣ промышленныхъ палатъ („Gewerbekammern“). Въ циркулярѣ говорится, что представительство въ промышленныхъ палатахъ построено односторонне: ремесленничество остается за флагомъ; сельское хозяйство совсѣмъ лишено „государственно - авторизированнаго“ представительства. Торговыя палаты заняты исключительно интересами торговли. Поэтому то, „передъ правительствомъ стоитъ задача создать такую экономическую организацію, которая представляла бы интересы всѣхъ вѣтвей промысловой дѣятельности по мѣрѣ ихъ значенія“ [1]) и давала бы возможность держать въ равновѣсіи интересы цѣлаго уравненіемъ притязаній отдѣльныхъ сторонъ. Промышленныя палаты должны охватывать сельское хозяйство, ремесло, индустрію и торговлю. Расходы по содержанію этихъ палатъ министръ предполагаетъ возложить на провинціальные или коммунальные ландтаги, буде послѣдніе выразятъ свое согласіе. Легко видѣть, что этотъ шагъ канцлера былъ заранѣе обреченъ на неудачу: такого рода объединенія представляли бы собой лишь второе изданіе „Экономическаго Совѣта“, неудовлетворительность котораго обнаружилась съ первыхъ же моментовъ его дѣятельности. Интересы отдѣльныхъ вѣтвей промышленной жизни нерѣдко приходятъ въ слишкомъ рѣзкое столкновеніе, чтобы найти себѣ примиреніе иначе, какъ на почвѣ политическаго представительства, гдѣ вопросы окончательно рѣшаются „соотношеніемъ силъ“.—Только нѣкоторые провинціальные ландтаги пошли навстрѣчу Бисмарку. Правда, правительство рѣшилось удовольствоваться на первыхъ порахъ тамъ, гдѣ нельзя было установить постоянныхъ палатъ, періодическими конференціями представителей промысловыхъ интересовъ; но организація всего дѣла (1884 г.) не удовлетворила Бисмарка: выпадъ его противъ „манчестерства“ въ

[1]) См. v. Poschinger, l. c. IV Band, Aktenstücke 65 и 71.

этомъ направленіи, какъ и во многихъ другихъ, оказался объективно безрезультатнымъ.

Другимъ моментомъ, привлекшемъ большое вниманіе канцлера и потребовавшемъ отъ него значительнаго напряженія силъ въ данный законодательный періодъ, было начало германской колоніальной политики. Дѣло выдвинулось въ скромной формѣ—поддержанія постояннаго пароходнаго сообщенія съ заокеанскими странами, но—силой вещей—привело къ образованію имперскихъ колоній. Самъ Бисмаркъ сначала относился съ предубѣжденіемъ къ колоніальной политикѣ, въ особенности въ ея „французской“ формѣ (военнаго типа); но когда нѣмецкій капиталъ изыскалъ для себя пути (восточная Африка), онъ рѣшилъ поддержать проявившуюся тенденцію. Канцлеръ, конечно, встрѣтилъ противодѣйствіе, главнымъ основаніемъ котораго были соображенія политическаго характера. Однако, весьма характерно, что даже въ средѣ соц.-демократической фракціи рейхстага обнаружился нѣкоторый расколъ по отношенію къ колоніальной политикѣ Бисмарка, расколъ, въ которомъ заключался уже зародышъ будущаго ревизіонизма.

Наибольшее количество энергіи, какъ мы указали выше, ушло у Бисмарка на поддержаніе самаго любимаго дѣтища — покровительственной сельскому хозяйству политики. Не говоря уже о томъ, что „новый курсъ“ приходилось безпрерывно защищать отъ нападокъ противниковъ,—довольно скоро обнаружилась недостаточная сила установленныхъ въ 1879 г. тарифныхъ ставокъ. Хлѣбныя цѣны безпрерывно понижались. Сельско-хозяйственный кризисъ, созданный, главнымъ образомъ, заокеанской конкурренціей, продолжался и къ серединѣ 80-хъ годовъ достигъ необыкновенной остроты. „Государственному соціалисту“ предстояло принять важное рѣшеніе: или ограничиться только фискальнымъ воздѣйствіемъ таможеннаго тарифа 1879 г. и предоставить землевладѣніе собственной судьбѣ, или же притти къ послѣднему на помощь цѣною вздорожанія хлѣба, открытія легкаго способа агитировать въ массѣ противъ канцлера, постановки на карту всей своей воображаемой „соціально-политической“ популярности. Бисмаркъ не колебался въ выборѣ, тѣмъ болѣе, что „соціальная“ роль уже начала его тяготить. Покровительство же сельскому хозяйству было какъ разъ той

областью, гдѣ канцлеръ могъ менѣе всего притворяться и лицемѣрить. Въ началѣ 1885 г., а затѣмъ осенью 1887 г. Бисмаркъ вноситъ проекты повышенія хлѣбныхъ пошлинъ. На достиженіе желаемаго эффекта онъ смѣло могъ разсчитывать, такъ какъ въ этомъ случаѣ за него стоялъ могущественный центръ. Въ рѣчахъ канцлера, произнесенныхъ въ защиту земледѣлія, мы мало найдемъ новыхъ аргументовъ; но привести кое-какія характерныя цитаты необходимо для оттѣненія аграрныхъ симпатій „государственнаго соціалиста". Къ этому же періоду относятся и „биметаллистическія шатанія" канцлера, по счастью для Германіи не приведшія къ какимъ-либо опредѣленнымъ результатамъ.

Уже въ декабрѣ 1884 г. Бисмаркъ ознакомилъ Союзный Совѣтъ съ двумя петиціями, рисующими плачевное положеніе сельскаго хозяйства и взывающими о помощи. Въ рѣчи отъ 8 января 1885 г. въ рейхстагѣ, посвященной вопросу о причинахъ усилившейся эмиграціи [1]), Бисмаркъ защищалъ тарифъ 79 года. Ссылаясь на заявленіе самого Рихтера, что зерновое хозяйство въ Германіи падаетъ, онъ утверждаетъ, что хлѣбныя цѣны не возрасли. А если такъ, то рабочая масса не можетъ испытывать гнета отъ „хлѣбныхъ законовъ". Дѣйствительно, сельское хозяйство въ Германіи падаетъ, и „оно будетъ безпрерывно дегрессировать, если вы не возвысите хлѣбныхъ пошлинъ". „Хлѣбныя цѣны должны держаться на такой высотѣ, чтобы вообще возможно было въ странѣ заниматься зерновымъ хозяйствомъ и чтобы мы не должны были принудительнымъ образомъ разсчитывать на полученіе провіанта только изъ-за границы" [2]).

10 февр. 1885 г. канцлеръ защищаетъ проектъ повышенія пошлинъ на дерево и въ связи съ этимъ доказываетъ громадное значеніе покровительственныхъ тарифовъ не только для крупныхъ, но и для мелкихъ землевладѣльцевъ. Земледѣліе должно быть защищено имперіей: вѣдь изъ 45 милл. населенія Германіи 25—27 непосредственно зависитъ отъ этой отрасли хозяйства. Партійные выпады противъ сельско-хозяйственныхъ пошлинъ, будто-бы разсчитанныхъ только

[1]) Бисмаркъ выставилъ тезисъ, что выселеніе является скорѣе показателемъ увеличивающагося, а не уменьшающагося благосостоянія.

[2]) Sten. Berichte, 6 L. P. I Session, s. 471, 474 etc.

на поддержаніе задолжавшихся и промотавшихся аграріевъ, совершенно несправедливы: „самый мелкій держатель земли, поскольку онъ ее засѣваетъ рожью или пшеницей и затѣмъ послѣднюю продаетъ", нуждается въ хорошихъ цѣнахъ. Слѣдовательно, въ возвышеніи пошлинъ заинтересована и масса „бѣдныхъ людей". Агитировать-же противъ мѣропріятій правительства, утверждая, что оно пытается помочь крупному землевладѣльцу за счетъ „бѣднаго человѣка", значитъ поступать „неморально и въ соціальномъ отношеніи небезопасно" [1]). Такъ дѣйствовать—означаетъ попросту возбуждать страсти „неимущихъ классовъ". Этому-же вопросу посвящается 12 февр. новая большая рѣчь. Если оппозиція настаиваетъ на томъ, что обложеніе пошлиной удорожаетъ хлѣбъ для бѣднаго рабочаго, то почему, изъ стремленій дать послѣднему дешевый хлѣбъ, не поднять вопроса объ устраненіи поземельнаго налога? Хлѣбныя пошлины уплачиваются заграницей; прямого отношенія между цѣной на зерно и на испеченный хлѣбъ—нѣтъ; эти утвержденія, неоднократно повторяющіяся у Бисмарка, намъ достаточно извѣстны изъ предыдущаго. Паденіе земледѣлія сказывается, въ первую голову, на сельскохозяйственныхъ рабочихъ, остающихся безъ занятій. Но—затѣмъ, болѣзнь охватываетъ весь хозяйственный организмъ. „Народъ погибаетъ, если гибнетъ его сельское хозяйство" [2]). Вѣдь—въ этомъ случаѣ—туземная промышленность теряетъ самый крѣпкій—внутренній рынокъ. Если во Франціи сейчасъ имѣется такая масса безработныхъ, то основная причина — въ потерѣ покупательной силы земледѣльческими слоями по причинѣ кризиса. Всѣ эти простыя истины легко доступны такому министру, который самъ занимается сельскимъ хозяйствомъ. Пожалуй, „нельзя было бы считать совершенно безразсуднымъ такой законъ": „въ Пруссіи не можетъ быть премьеръ-министромъ не сельскій хозяинъ"; во всякомъ случаѣ, лица, вліяющія на законодательство страны, должны почерпать свои доходы отъ какой-либо промысловой дѣятельности, если желательна связь законодательства съ жизнью.

[1]) Sten. Berichte, ibid, s. 1199.

[2]) Sten. Berichte, ibid, s. 1239—1246.

„Физіократизмъ“ канцлера достигаетъ своего апогея; какъ мы видимъ, даже формулы кажутся выхваченными изъ 18-го стол. Черезъ день Бисмаркъ опять выступаетъ съ рѣчью въ рейхстагѣ. Съ особенной силой онъ подчеркиваетъ, что нормальныя хлѣбныя цѣны нужны мелкому производителю-крестьянину. Лучшее средство способствовать насажденію въ странѣ латифундій—эти преслѣдовать политику низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ. Что касается крупныхъ землевладѣльцевъ, то не каждый изъ нихъ пользуется симпатіями канцлера: для страны полезенъ только такой помѣщикъ, который самъ хозяйничаетъ, а не проживаетъ доходы съ имѣнія въ Берлинѣ, Парижѣ или Римѣ. Англія пожалѣетъ о потерѣ землевладѣльцевъ-хозяевъ. „Я считаю существеннымъ преимуществомъ нашей германской жизни, что значительная часть нашихъ состоятельныхъ классовъ цѣлый годъ и изъ года въ годъ живетъ въ деревнѣ и сама непосредственно ведетъ сельское хозяйство; и можно сказать, глядя на этихъ коричневыхъ отъ загара господъ, въ пять часовъ утра объѣзжающихъ свои поля и въ потѣ лица своего обрабатывающихъ ихъ: дай Богъ намъ подольше удержать такихъ землевладѣльцевъ, которые въ теченіе цѣлаго года остаются въ деревнѣ“... [1]). Старыя рыцарскія помѣстья — вотъ истинный соціальный идеалъ Бисмарка. Феодалъ въ его душѣ снова выглянулъ на свѣтъ изъ-подъ разнообразныхъ позднѣйшихъ наслоеній. Помѣщики и крестьяне — устои государственной жизни: если они погибнутъ, то погибнетъ вообще „ein geordnetes Regiment“. Въ слѣдующей рѣчи (отъ 16 февраля 1885 г.) Бисмаркъ подробнѣе останавливается на характеристикѣ крестьянства: „крестьянинъ не принадлежитъ къ неимущимъ; онъ ни въ коемъ случаѣ неопасенъ спокойствію и порядку; крестьянинъ принадлежитъ къ владѣющему классу“ [2]). Вотъ почему такъ привлекаетъ Бисмарка крестьянское сословіе. Данная характеристика сдѣлана была канцлеромъ въ противововѣсъ упреку Рихтера, что самъ канцлеръ въ своихъ рѣчахъ настраиваетъ одну часть населенія противъ другой—крестьянъ противъ городскихъ жителей. Несомнѣнно, именно такой тонъ свойствененъ многимъ

[1]) Sten. Berichte, ibid., s. 1302.
[2]) Sten. Berichte, ibid., s. 1334.

заявленіямъ канцлера, заявленіямъ, служащимъ какъ бы отвѣтомъ на агитаціонный кличъ его противниковъ—„Brotzoll—Blutzoll“. Подобные пріемы Бисмаркъ находитъ совершенно недопустимыми: вѣдь „besitzlose Arbeiter“ находятся въ еще худшемъ положеніи, чѣмъ крестьяне, и такого рода пропагандой ихъ можно настроить противъ общественнаго порядка. „Рабочему нечего терять, а крестьянину—есть“. И не приходилось видѣть, чтобы крестьяне добровольно возставали противъ высшей власти.

Прелиминарный законъ, предоставляющій имперскому правительству временно повысить пошлину на нѣкоторые сельско-хозяйственные продукты, въ томъ числѣ хлѣбъ, прошелъ очень скоро—20 февраля 1885 г. Въ рѣчи отъ 11 мая Бисмаркъ настаиваетъ, что готовый хлѣбъ не удорожается пошлинами на зерно [1]). Но если бы дѣло такъ и обстояло, то почему противники измѣненія тарифа хотятъ иностранный хлѣбъ сдѣлать дешевле, а не туземный? Пусть отмѣнятъ поземельную подать, которую вѣдь тоже, съ ихъ-же точки зрѣнія, надо называть вмѣсто „Grundsteuer“—„Blutsteuer“!— Въ третьемъ чтеніи рейхстагъ принялъ законъ объ измѣненіи таможеннаго тарифа большинствомъ 188 противъ 139: на рожь пошлина была поднята до 3 марокъ. Этимъ дѣло не ограничилось. Въ началѣ сентября 1887 года жалобы землевладѣльцевъ на недостатокъ охраны ихъ интересовъ отъ иностранной конкурренціи усилились. На сторону землевладѣльцевъ стали и хлѣбные торговцы, утверждающіе въ петиціи, что, наряду съ земледѣліемъ, гибнетъ въ Германіи и хлѣбная торговля, и требующіе повышенія пошлины на рожь, пшеницу, овесъ и масличныя сѣмена. Въ октябрѣ Бисмаркъ уже обсуждаетъ дальнѣйшія измѣненія тарифа, а 25 ноября отсылаетъ законопроектъ въ рейхстагъ. И на этотъ разъ добивается успѣха: пошлина для пшеницы и ржи по закону 26 ноября 1887 г. возвышается до 50 м. съ тонны, для овса—40, т. е. въ пять и четыре раза больше ставокъ тарифа 1879 г. Обширной мотивировки, по-

[1]) Sten. Berichte. Между прочимъ (характерная манера Бисмарка), онъ удивляется, почему „die Entrüstung nicht gegen die Bäcker richtet“, если они объясняютъ пошлинами повышеніе цѣны хлѣба.

вторяющей соображенія, извѣстныя намъ изъ предыдущаго, мы касаться не будемъ.

Отмѣтимъ еще одну изъ характерныхъ петицій, полученныхъ Бисмаркомъ. 27 мая 1895 г. „Bauernverein Thüringischer Staaten“ благодаритъ канцлера за возвышеніе пошлинъ на хлѣбъ, „которыя, по всѣмъ биржевымъ даннымъ, уплачиваются заграницей“. Но—прочное улучшеніе будетъ достигнуто лишь въ томъ случаѣ, если будетъ устранена золотая валюта, и канцлеръ, этотъ „Schirmherr der Arbeit“, возможно скорѣе вернетъ серебру, „dem Geld des kleinen Mannes“, его прежнее мѣсто. Можно было опасаться, что столь рѣзко проявившіеся аграрныя симпатіи побудятъ Бисмарка совершить роковой шагъ, тѣмъ болѣе, что въ 80-хъ годахъ заколебались въ оцѣнкѣ валютъ даже такіе научные авторитеты, какъ Лексисъ. Но государственная дальновидность удержала Бисмарка отъ рѣшительныхъ шаговъ, и дальше отвѣтныхъ любезныхъ телеграммъ онъ не пошелъ. Вопросъ о валютѣ вступилъ въ стадію интернаціональную, и самой подходящей позиціей для Германіи была выжидательная. Какъ показываютъ разговоры съ депутатомъ графомъ Мирбахомъ, канцлеръ считалъ возможнымъ сдѣлать отступленіе отъ принципа золотой валюты только въ томъ случаѣ, если Англія станетъ на ту же дорогу [1]).

Итакъ, съ рейхстагомъ созыва 1884 года было сдѣлано довольно много, но не въ области соціальной политики. Раздраженный постоянными отказами въ осуществленіи финансовой реформы, Бисмаркъ только искалъ случая „апелировать“ къ избирателямъ. Преждевременно, въ ноябрѣ 1886 года онъ потребовалъ продленія септеннаты и увеличенія арміи на 41.145 человѣкъ. Рейхстагъ, въ лицѣ свободомыслящихъ и центра, отказываетъ въ увеличеніи и высказывается за тріэннатъ. Канцлеръ распускаетъ парламентъ и назначаетъ выборы на 21 февраля 1887 года.

VI.

„Неугодный“ парламентъ былъ готовъ поддерживать канцлера лишь въ „негативной“ части соціалъ - политическаго плана: въ началѣ 1886 года законъ противъ со-

[1]) См. у Poschinger'a, ibid., V. B. s. 193.

ціалистовъ опять былъ продленъ до весны 1888 года. Окрѣпшая соціалъ - демократическая фракція не подавала никакой надежды на мирное сожительство съ канцлеромъ, не смотря на нѣкоторые благожелательные кивки его въ ея сторону. Болѣе-же дѣятельное вмѣшательство фракціи въ государственныя дѣла сильно раздражало Бисмарка. Естественно, что, по мѣрѣ ослабленія „положительнаго воздѣйствія“ на рабочую среду, должно было усиливаться „отрицательное“. Послѣднее являлось даже какъ бы наказаніемъ „неимущихъ“ за ихъ недоброжелательное отношеніе къ начинаніямъ канцлера. Онъ придрался къ анархистической вспышкѣ (попытка взорвать полицейское учрежденіе во Франкфуртѣ, ресторанъ въ Эльберфельдѣ и т. п); сенсаціонными процессами и казнями (февраль 1885 года) онъ напугалъ общественное мнѣніе и подготовлялъ почву къ новому, болѣе суровому примѣненію закона противъ соціалистовъ. Между прочимъ, его прислужники охотно распускали нелѣпые слухи, что соціалъ-демократы подкуплены французами (Буланже). Фракція объявила всѣ эти выходки „полицейской комедіей“. Какъ-бы то ни было, но „государственно-соціалистическій“ канцлеръ съ весны 1886 г. опять усилилъ, послѣ сравнительнаго затишья, примѣненіе закона противъ соціалистовъ. Характерно, что канцлеръ стремился на этотъ разъ весьма опредѣленно къ ослабленію профессіональнаго рабочаго движенія. Таковъ былъ основной смыслъ циркуляра Puttkamer'a о стачкахъ. Полиціи былъ данъ приказъ „за каждой стачкой искать гидру революціи“. Соотвѣтствующимъ образомъ была инспирирована и юстиція, вынесшая громадное количество обвинительныхъ приговоровъ [1]). Въ вопросѣ о сентеннатѣ соц.-дем. фракція заняла самую непримиримую позицію; и такъ какъ до извѣстной степени она оказалась солидарной со всей оппозиціей, то Бисмарку удалось представить парламентскій конфликтъ, какъ вопросъ о побѣдѣ или пораженіи въ предстоящей, яко-бы войнѣ съ Франціей. Распространялись нелѣпые слухи, что Франція немедленно объявитъ Германіи войну, если только на февральскихъ выборахъ побѣдитъ оппозиція. Въ этой обстановкѣ націоналистической аги-

[1]) См. объ этомъ подробнѣе у Mehring'a, o. c., IV B. s. 282 — 287.

тацiи, подъ зоркимъ глазомъ полиціи, состоялись новые выборы. Вмѣшательство правительства въ ихъ производство было настолько сильно, что въ 1888 г. кратковременно правившій Фридрихъ предложилъ Путткамеру подать въ отставку. Общая атмосфера напоминала выборы 1878 года и 1881 года. Образовалась извѣстная „картель“ партій, поддерживающихъ правительство, которымъ, однако, все-таки не удалось получить большинства голосовъ (около 3½ милл. противъ 4 милліон. оппозиціонныхъ). Соціалъ-демократы получили, даже при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, на 213.038 голосовъ больше, чѣмъ въ 1884 г. (763.128). Съ точки зрѣнія учета общественнаго мнѣнія страны, „государственный соціализмъ“ канцлера потерпѣлъ, очевидно, полный крахъ. Конечно, Бисмаркъ могъ жаловаться, что у него руки связаны, что рейхстагъ мѣшаетъ ему осуществлять планы въ наиболѣе цѣлесообразномъ видѣ... Какъ-бы то ни было, желаемый политическій эффектъ соціальной политики сводился къ нулю, а поэтому она врядъ-ли уже могла интересовать канцлера.

Однако, благодаря несовершенствамъ германской избирательной системы, въ конечномъ результатѣ, послѣ перебаллотировокъ, с.-домокр. заняли всего 11 мѣстъ, оппозиція вообще потерпѣла сильный уронъ,—и къ услугамъ Бисмарка былъ „Kartellenreichstag“. Общественно-моральное значеніе этого законодательнаго собранія было весьма невелико, но за-то оно съ готовностью вотировало и за сентенатъ, и за возвышеніе питейнаго, и сахарнаго налога. Трудно было только съ такимъ рейсхстагомъ осуществлять соціальную реформу: въ памяти массы слишкомъ живы были картины яркаго насилія, проявленнаго правительствомъ во время выборовъ (имѣло мѣсто вмѣшательство войскъ, приведшее къ кровопролитнымъ столкновеніямъ и жертвамъ на сторонѣ рабочихъ). Широковѣщательныя фразы оказывались уже неумѣстными; и Бисмаркъ ихъ избѣгаетъ. Наступаетъ заключительный моментъ его „соціальной эры“, совпавшій съ закатомъ его политической дѣятельности вообще. Подоплека государственнаго соціализма Бисмарка, его истинное отношеніе къ рабочему вопросу отчетливо вырисовывается въ послѣднихъ „соціально-политическихъ“ выступленіяхъ.

Насъ интересуютъ, по характеру нашей работы, два момента, относящіеся къ этому періоду: проведеніе закона о страхованіи старости и инвалидности и отношеніе Бисмарка къ „соціальной политикѣ“ императора Вильгельма II (въ связи съ забастовкой горнорабочихъ).

Мы знаемъ, что страхованіе противъ старости являлось третьимъ звеномъ въ Бисмарковской „соціально-политической тріадѣ“, предусмотрѣннымъ уже давно. Планъ такого страхованія былъ готовъ у канцлера въ октябрѣ 1880 г.; маниф. 17 н. 1881 г. опредѣленно заявляетъ объ этомъ видѣ обезпеченія рабочихъ. Обстоятельства позволили Бисмарку внести законопроектъ только въ 1887 г.

Идеаломъ страхованія отъ старости ему рисовалось государственное въ полномъ смыслѣ слова: привлекать рабочихъ (особенно ихъ) и работодателей къ уплатѣ премій Бисмаркъ вовсе не намѣревался. Но въ этомъ отношеніи онъ встрѣтилъ оппозицію даже въ Союзномъ Совѣтѣ. Въ ноябрѣ 1887 г. законопроектъ о страхованіи былъ переданъ уже въ измѣненномъ видѣ въ рейхстагъ. Вильгельмъ I, такимъ образомъ, дожилъ до законодательнаго почина въ этомъ дѣлѣ. Въ рейхстагѣ законопроектъ натолкнулся также на большія затрудненія; прошло почти два года, когда, наконецъ, появился законъ—22 іюня 1889 г. Главнѣйшія измѣненія, сдѣланныя рейхстагомъ и Союзнымъ Совѣтомъ, по сравненію съ первоначальнымъ планомъ Бисмарка, заключались въ слѣдующемъ: вмѣсто Berufsgenossenschaften, на которыя канцлеръ предполагалъ возложить осуществленіе и этого страхованія (помимо страхованія отъ несчастныхъ случаевъ) были выдвинуты Landesanstalten (слѣдовало—пострадала централистическая идея); вмѣсто единой ренты были установлены ступени ея—Ortsklassen; приплата государства была установлена для всякой ренты въ одинаковую сумму—50 м. Принципъ обязательности страхованія однако, былъ принятъ. Формальная сторона была придумана неудачно („Klebegesetz“).

По поводу этого закона почитатель Бисмарка Blum говоритъ: „Въ его ошибкахъ, какъ-то—привлеченіи рабочихъ, несносной марочной системѣ и т. д. Бисмаркъ совершенно неповиненъ“ [1]). Дѣйствительно, въ такой формѣ канцлеръ не хотѣлъ осуществлять своего плана. Szafrauski, редакторъ

[1]) H. Blum, „Die Socialpolitik Bismarck's“. Leipz., 1904, s. 15.

Любекской „Eisenbahn-Zeitung", посѣтившій Бисмарка въ декабрѣ 1891 г. послѣ его отставки, сообщаетъ свой интересный разговоръ по этому поводу съ бывшимъ канцлеромъ. Редакторъ замѣтилъ Бисмарку, что *рабочіе склонны* разсматривать многія его „благодѣянія", какъ излишнее обремененіе. Бисмаркъ заявилъ, что послѣдній законъ о страхованіи, дѣйствительно, заслуживаетъ осужденія. „По смыслу составленнаго мною *манифеста стараго* императора рабочіе не должны были привлекаться къ уплатѣ премій. Табачная монополія должна была служить средствомъ". Законъ страдаетъ непониманіемъ человѣческой психологіи: семнадцатилѣтній *юноша врядъ-ли* съ охотой будетъ дѣлать сбереженія, отъ которыхъ онъ сможетъ получить какую-либо пользу лишь спустя 40—50 лѣтъ [1]). Недовольство Бисмарка настолько было велико, что онъ счелъ нужнымъ отклонить *отъ себя* въ своемъ новомъ оффиціозѣ—„Hamburger Nachrichten" — отвѣтственность за „Versorgungsgesetz" въ томъ видѣ, какъ онъ осуществился [2]).

Правда, находясь на посту, Бисмаркъ опровергалъ слухи объ охлажденіи къ вопросу страхованія, хотя это совершенно ясно было видно изъ отношенія канцлера къ судьбѣ законопроекта. Когда обнаружились большія затрудненія въ его проведеніи, онъ сдалъ дѣло въ руки Böttticher'a и самъ уклонялся отъ выступленій въ рейхстагѣ. Въ рѣчи отъ 29 марта 1889 г. (уже при Вильгельмѣ II-омъ), Бисмаркъ объяснялъ „коварный слухъ, что онъ относится холодно къ дѣлу". „переоцѣнкой его *работоспособности*". Но *если-бы* даже у канцлера и была возможность непосредственно при-

[1]) „Fürst Bismarck — Neue Tischgespräche und Interviews", v. Poschinger. St., L., B., W.—1895. s. 367—8.

[2]) Ibid., примѣч. на стр. 368. Въ „Hamb. Nachr." отъ 20 д. 1892 г. было сказано: „Bismarck hatte die Hoffnung gehabt, dass dem invaliden Arbeiter mit Eintritt der Invalidität durch Alter oder sonstige Umstände eine vom Armenrechte unabhängige Unterstützung gewährt werden sollte, ohne dass er schriftlichen oder Markenbeweis über dass Mass seiner Arbeitsleistung in der Vergangenheit zu führen hätte. Dieser Gedanke ist ohne Zuthun des Reichskanzler lediglich im Wege der Reichstagsverhandlungen und der vom Reichskanzler unabhängigen staatlichen Ausführung verloren gegangen, und dadurch war das Interesse des F. Bismarck an der weiteren Verfolgung seiner ursprünglichen Anregung allerdings erkaltet".

нимать участіе въ работахъ, онъ не считалъ-бы это цѣлесообразнымъ, такъ какъ „у каждаго есть своя спеціальность". Услуги Böttticher'a въ этомъ случаѣ—гораздо болѣе важны, и его заслуги—выше; тѣмъ не менѣе, канцлеръ считаетъ вышеприведенный слухъ для себя оскорбительнымъ. „Ich darf mir die erste Urheberschaft der ganzen socialen Politik vindiziren, einschliesslich des letzten Abschlusses davon", съ *гордостью* заявляетъ Бисмаркъ [1]). Это—онъ расположилъ престарѣлаго монарха выступить на соціально-политическое поприще. Внукъ его пошелъ по стопамъ дѣда. Можетъ-ли быть, въ такомъ случаѣ, разговоръ объ охлажденіи и даже противодѣйствіи законопроекту *со стороны* Бисмарка? Напротивъ, канцлеръ очень желаетъ, чтобы законопроектъ скорѣе прошелъ и возможно большимъ количествомъ голосовъ.

Послѣдняя рѣчь въ рейхстагѣ была произнесена Бисмаркомъ—18 мая 1889 г.—именно по поводу *проекта* страхованія отъ инвалидности. Изъ этой рѣчи мы приведемъ одно мѣсто, необыкновенно выпукло выдвигающее основной нервъ рабочей политики Бисмарка. Говоря о пользѣ всего законопроекта и необходимости привлеченія государственныхъ средствъ, канцлеръ аргументируетъ слѣдующимъ образомъ: „Я достаточно долго жилъ во Франціи, чтобы знать, что привязанность большинства французовъ къ стоящему у власти правительству, проявляющаяся даже тогда, когда оно плохо управляетъ—даже привязанность къ родинѣ въ значительной степени связаны съ тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство французовъ является получателями государственной ренты въ небольшихъ, часто весьма малыхъ размѣрахъ; не буду говорить о portiers,—это уже богатые люди по сравненію съ бѣдняками, получающими отъ государства *незначительныя ренты*. Эти люди говорятъ себѣ: если государству будетъ причиненъ ущербъ, я потеряю свою ренту; и если это 40 франковъ въ годъ, то онъ не хочетъ ее потерять и заинтересованъ въ существованіи государства. Вѣдь это, по человѣчеству, такъ *естественно*". „*Если* мы будемъ имѣть 700.000 мелкихъ рентье, получающихъ ренту отъ государства, какъ разъ въ тѣхъ классахъ, которымъ, при иныхъ условіяхъ, нечего терять, и которые ошибочно ду-

[1]) Sten. Berichte, 7 L. P. IV. Session 1888/9, s. 1112.

мають, что при перемѣнѣ они много выиграютъ, то я сочту это чрезвычайной выгодой; если имъ придется рисковать потерей хотя-бы только 115—120 мар., то все-таки этотъ металлъ парализуетъ силу ихъ плаванія,—и какъ бы онъ ни былъ малъ, онъ ихъ сдержитъ. Вы не станете отрицать этого, и я думаю, что если вы сможете облегчить намъ это благое дѣло созданія въ имперіи болѣе чѣмъ полъ-милліона мелкихъ рентье, вы пріучите простого человѣка видѣть не только въ правительствѣ—въ этомъ нѣтъ необходимости, но и въ имперіи благодѣтельное учрежденіе“ [1]). Консерваторамъ, по мнѣнію Бисмарка, надо быть очень осторожными въ этомъ дѣлѣ. Теперь соц.-демократы вотируютъ противъ; но впослѣдствіи скажутъ рабочимъ, что ихъ лишили инвалидной ренты землевладѣльцы. На дѣло надо смотрѣть не съ точки зрѣнія западной или восточной Пруссіи, а общегосударственной, обще-имперской. И канцлеръ проситъ тѣ партіи, для которыхъ дорога имперія, которыя стоятъ на „государственной почвѣ“ (консерваторы, національ-либералы и центръ) — провести законопроектъ. Съ прочими партіями у канцлера—не разговоры, а стычки. Но законъ надо издать, чтобы „успокоить нашу совѣсть на случай, если это не поможетъ, и намъ придется сразиться“...

Какъ видимъ, въ данной рѣчи моментъ полицейски-политическихъ соображеній покрываетъ апелляціи къ „сердцу“. Личина милосердія снята; нѣтъ громкихъ фразъ объ обязанности призрѣнія со стороны государства. Цвѣты государственнаго соціализма облетѣли. Но для законопроекта такая комбинація оказалась болѣе выгодной: Бисмарка рейхстагъ понялъ, и хотя ничтожнымъ большинствомъ 20 голосовъ, но законопроектъ все-таки прошелъ. Прогрессивная пресса обошла проведеніе закона полнымъ молчаніемъ.

Установленіемъ обязательнаго страхованія инвалидности исчерпывалась соц.-полит. задача Бисмарка, какъ онъ ее понималъ. Развитію охраны труда канцлеръ рѣшительно препятствовалъ. Но—быть можетъ—нѣсколько неожиданно для себя, онъ нашелъ поклонника имъ-же провозглашеннаго „практическаго христіанства“ не тамъ, гдѣ хотѣлъ: не въ рабочихъ массахъ, а на тронѣ. Умирающій Фридрихъ-Вильгельмъ III отнесся къ соціальному вопросу довольно сдержанно. Хотя въ манифестѣ отъ 12 мая 1888 г. высказывалось полное согласіе съ соціально-политическими стремленіями отца, но вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркивалось нежеланіе вызвать неосуществимыя ожиданія, будто „государство своимъ вмѣшательствомъ можетъ положить конецъ всѣмъ общественнымъ бѣдствіямъ“ [1]). Совсѣмъ иныхъ взглядовъ и другого настроенія былъ юный монархъ—Вильгельмъ II: воспитанный въ романтическомъ духѣ, стремящійся къ абсолютизму, онъ принялъ утопію соціальной монархіи за чистую монету. Бисмаркъ къ этому времени успѣлъ уже убѣдиться, что „осуществленіе истинныхъ требованій соціализма“ способствуетъ лишь дальнѣйшему его процвѣтанію, и скорѣе всего склоненъ былъ бороться съ соціалистами только отрицательными мѣрами. Нѣсколько нарушая хронологическій порядокъ изложенія, познакомимся съ замѣчаніями, сдѣланными Бисмаркомъ во время интервью редакторомъ „Dresdener Nachrichten“, три мѣсяца спустя послѣ отставки канцлера. Въ разговорѣ съ Reichardt'омъ бывшій канцлеръ назвалъ „соціалистическую опасность—самой большой въ политикѣ, гораздо болѣе важной, чѣмъ со стороны Франціи или откуда-бы она ни ожидалась“ [2]). Соц.-демократія безпрерывно растетъ по причинамъ, вполнѣ понятнымъ: недовольство всегда будетъ имѣть мѣсто въ обществѣ, пока хотя одному будетъ житься лучше, чѣмъ другому. Малѣйшая уступка соціалистическимъ требованіямъ только усиливаетъ настойчивость противниковъ. Этого-то не желаетъ понять императоръ; разногласіе на данной почвѣ и послужило причиной сложенія Бисмаркомъ съ себя полномочій. На вопросъ интервьюера, не является-ли все-же охрана труда, проектируемая такъ широко императоромъ, развитіемъ началъ манифеста 1881 г., Бисмаркъ живо отвѣтилъ: „I ganz und gar nicht. За императорскіе манифесты, которые являются въ полномъ смыслѣ слова моимъ дѣломъ (mein eigenstes Werk), надъ которыми я работалъ въ Варцинѣ безъ чьей-либо помощи, я въ полной мѣрѣ отвѣтствую. Граница между тѣмъ, что ставятъ своей цѣлью манифесты, и законодательствомъ по охранѣ труда, лежитъ

[1]) Sten. Berichte, ibid., s. 1835.

[1]) См. H. Blum „Das d. Reich...“, s. 552.
[2]) „Neue Tischgespräche und Interwiews“, l. c., s. 342.

совершенно ясно тамъ, гдѣ начинается принужденіе“ [1]). Далѣе, слѣдуютъ уже извѣстныя намъ соображенія о невозможности сокращать заработную плату мѣрами по охранѣ труда.

Законъ противъ соціалистовъ надо было не отмѣнить, а усилить. „Въ концѣ концовъ“, заявилъ бывшій канцлеръ, „вопросъ о соціалистахъ—я сказалъ-бы — военный вопросъ. Если дѣло дошло до заговора, выступленія можно подавлять силой. Быть можетъ, вмѣсто нынѣшняго малаго осаднаго положенія пришлось-бы ввести общее военное положеніе. Долго-бы, конечно, оно не длилось“ [2]). Вотъ каковы — соціально-политическіе „выводы“ желѣзнаго канцлера.

Вильгельмъ II вступилъ на тронъ съ другими предположеніями. Уже въ манифестѣ 18-го іюня 1888 г., написанномъ чрезвычайно высокопарнымъ слогомъ, онъ выражалъ желаніе, „по примѣру отцовъ, быть для своего народа „ein gerechter und milder Fürst“, защищать благочестіе и богобоязнь, охранять миръ, вызывать преуспѣяніе страны, быть помощникомъ бѣднымъ и угнетеннымъ, вѣрнымъ стражемъ праву“. А въ тронной рѣчи 25-го іюня, при открытіи сессіи рейхстага, онъ выразительно подчеркивалъ соціально-политическія предположенія: „Я особенно присоединяюсь къ манифесту отъ 17-го ноября 1881.... въ его полномъ объемѣ и буду дальше развивать его въ такомъ направленіи, чтобы имперское законодательство и въ дальнѣйшемъ осуществляло-бы такую охрану рабочаго населенія, которая, по завѣтамъ христіанской морали, можетъ быть обезпечена слабымъ и угнетеннымъ“ [3]). Волна „практическаго христіанства“ какъ будто-бы опять поднимается. Въ искренности заявленій вѣнценоснаго романтика, мы не имѣемъ основаній сомнѣваться, какъ это дѣлали по отношенію къ канцлеру. Бисмаркъ былъ встревоженъ: онъ боялся неосторожныхъ самостоятельныхъ шаговъ, противорѣчащихъ его „соціальной политикѣ“, со стороны монарха, не понимающаго закулисной стороны дѣла.

Такую самостоятельность императоръ очень скоро проявилъ: во время своихъ многочисленныхъ поѣздокъ, въ ноябрѣ

[1]) Ibid., s. 343.
[2]) Ibid., s. 343—344.
[3]) Sten. Berichte, 7 L. P., III. Session 1888, s. 6—7.

1888 г. онъ самолично, безъ рекомендаціи канцлера, принялъ депутацію рабочихъ (въ Бреславлѣ) и заявилъ ей, что „das Wohl der Arbeiter liege ihm am Herzen“. Тѣмъ не менѣе, пока не представлялось случая торжественно выступить на соціальной аренѣ, отношенія императора съ Бисмаркомъ были сносныя. Въ борьбѣ съ парламентарными притязаніями они оба сходились. Правда, значительныя перемѣны въ составѣ высшихъ офицеровъ, безпрерывное вмѣшательство въ дѣла управленія—не предвѣщали для канцлера ничего хорошаго. Первая громадная безтактность, съ точки зрѣнія Бисмарка, была совершена во время знаменитой забастовки горнорабочихъ (со 2 мая 1889 г. на западѣ бастовала цѣлая рабочая армія — въ 100.000 человѣкъ).. Исключительная по своей силѣ, напряженію, и отличающаяся необыкновенно спокойнымъ выдержаннымъ характеромъ со стороны участниковъ—забастовка эта привлекла вниманіе императора. Онъ рѣшился вмѣшаться въ споръ. 14 мая во дворцѣ въ Берлинѣ Вильгельмъ принимаетъ рабочую депутацію (раб. Schröder'a, Bunte и Siegel'я). Онъ высказываетъ ей порицаніе за самовольное нарушеніе рабочаго контракта, предупреждаетъ отъ всякаго общенія съ соціалъ-демократами („каждый соціалъ-демократъ для императора—врагъ отечества“), но обѣщаетъ принять близко къ сердцу ихъ просьбы и всѣми силами облегчить положеніе. Такое открытое выступленіе императора не могло не произвести громаднаго общественнаго эффекта. Депутація говорила, главнымъ образомъ, о сокращеніи рабочаго дня и даже называла цифру — 8 часовъ. Слѣдовательно, вопросъ объ охранѣ труда самъ собою выплывалъ, не смотря на желаніе канцлера его затушевать.

Бисмаркъ, между тѣмъ, поручаетъ совѣтнику Гампу представить докладъ о мѣрахъ, которыя могутъ прекратить забастовку или ослабить вредныя для индустріи ея послѣдствія. Въ докладѣ, очень скоро написанномъ, выдвинуты были слѣдующія соображенія. Своевременный разборъ справедливыхъ заявленій и жалобъ рабочихъ; организація представительства рабочихъ; образованіе государственныхъ примирительныхъ учрежденій; болѣе быстрое и суровое подавленіе всякихъ выступленій,—съ одной стороны. Съ другой—образованіе, по возможности, большихъ запасовъ угля въ государственныхъ и коммунальныхъ предпріятіяхъ и облегченіе созданія такого запаса

для горнопромышленниковъ. Докладъ, въ общемъ одобренный Бисмаркомъ, заключалъ въ себѣ мало соціально-политическихъ элементовъ. Между прочимъ, Пошингеръ отмѣчаетъ, что въ вопросѣ о представительствѣ рабочихъ Бисмаркъ не занялъ никакой позиціи. Это и понятно: результаты примѣненія рабочими коалиціоннаго права были налицо, и результаты эти оказались весьма предосудительными, съ точки арѣнія канцлера. Характеренъ еще одинъ моментъ: докладъ высказывался противъ идеи уголовнаго преслѣдованія рабочихъ за нарушеніе контракта. Бисмаркъ соглашался съ этимъ, на томъ основаніи, что вѣдь тогда слѣдовало бы уголовную отвѣтственность распространить и на предпринимателей: рабочіе этого будутъ требовать, и неисполненіе такого требованія можетъ послужить причиной новыхъ волненій [1]). Когда Kronrath 27 мая 1889 г. обсуждалъ предложеніе вестфальскаго оберъ-президента о распространеніи осаднаго положенія на всю область, охваченную забастовкой, Бисмаркъ рѣшительнымъ образомъ возражалъ, настаивая, что правительство въ этомъ и аналогичныхъ случаяхъ обязано только охранять неприкосновенность лица и имущества и отъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства воздерживаться. 6 іюня 1889 г. Бисмаркъ отправляетъ совѣтника Gamp'a въ забастовочные округа для „внимательнаго, всесторонняго изученія“ дѣла. Gamp'омъ была представлена новая обширная записка, по поводу которой у Бисмарка были продолжительныя съ нимъ собесѣдованія (15 и 16 октября 1889). Въ послѣдній разъ канцлеръ проявлялъ рвеніе въ „рабочемъ вопросѣ“. Уже съ начала 1889 г. стали ходить слухи, что Бисмаркъ очень усталъ, состарился и что его отставка—не за горами. Самъ Бисмаркъ—въ послѣдней рѣчи въ рейхстагѣ—заявилъ, что „съ теченіемъ времени онъ пришелъ къ убѣжденію — принципіально ограничить кругъ своей дѣятельности“. Въ этихъ словахъ чувствуется утомленіе и разочарованіе. Но не въ этомъ, однако, главная причина. Императоръ былъ подвинутъ разразившимся событіями въ Вестфаліи на составленіе цѣлаго соціально-политическаго плана. Германія объективнымъ ходомъ вещей стала передъ необходимостью развить свое недостаточное законодательство по охранѣ труда. Бисмаркъ же не понималъ или не хотѣлъ понять этого. Разногласія съ императоромъ были неизбѣжны: Бисмаркъ не раздѣлялъ увлеченія Вильгельма идеей международной конференціи по рабочему вопросу, такъ какъ не ожидалъ отъ нея немедленныхъ практическихъ результатовъ [1]). Чѣмъ болѣе старѣлъ Бисмаркъ, тѣмъ ярче проявлялись въ немъ врожденныя симпатіи и наклонности. Въ упомянутыхъ нами бесѣдахъ съ Gamp'омъ канцлеръ особое значеніе придавалъ „ограниченію свободы юныхъ рабочихъ“. Онъ находилъ, что „лучшее воспитаніе юношества и укрѣпленіе отцовскаго авторитета... есть очень дѣйствительное средство въ борьбѣ противъ соціалъ-демократіи и ея ученій“. Въ дѣлѣ образованія рабочихъ представительствъ Бисмаркъ рекомендовалъ большую осторожность. Сама жизнь, говоритъ канцлеръ, должна ихъ выдвинуть; попытки же принудительнаго учрежденія — нецѣлесообразны. Читая это, можно подумать, что канцлеръ держится вполнѣ здравыхъ и благожелательныхъ трудящейся массѣ принциповъ рабочей политики; однако, надо вспомнить, что именно Бисмаркъ планировалъ въ своей страховой организаціи „Arbeiterausschüsse“ и что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь объ облегченіи пользованія коалиціоннымъ правомъ тѣмъ рабочимъ, которые вполнѣ доказали свою зрѣлость въ этомъ отношеніи. Находитъ также Бисмаркъ весьма цѣлесообразнымъ примѣнить въ горномъ

[1]) См. Poschinger'a, V Band, 225—227.

[1]) Насколько серьезно канцлеръ трактовалъ рабочую проблему, можно видѣть по слѣдующему интересному факту. Весной 1889 г. у Германіи съ Швейцаріей вышло столкновеніе по поводу высылки одного нѣмецкаго шпіона; и Бисмаркъ ставитъ посылку германскаго представителя на имѣющую быть въ Бернѣ въ сентябрѣ 1889 г. интернаціональную конференцію въ зависимость отъ разрѣшенія спорнаго вопроса о положеніи чужой полиціи въ Швейцаріи. Выпадъ — необычайно характерный для „полицейскаго соціализма“. Пошингеръ дѣлаетъ по этому поводу правильное замѣчаніе: „Die hier ausgesprochene Haltung ist charakteristisch für die Stellung des Fürsten Bismarck zu den socialen Reformen, soweit sie den internationalen Arbeiterschutz betreffen“. См. V, 13, примѣч. стр. 230. И тѣмъ не менѣе, Пошингеръ находитъ возможнымъ назвать ложнымъ слухъ о несогласіяхъ въ этомъ вопросѣ Вильгельма и Бисмарка, какъ причинѣ отставки послѣдняго. „Der Fürst hat an der internationalen Regelung der Arbeiterschutzfrage formell mitgewirkt, und der Umstand, dass er materiell diesen Schritt für inopportun hielt, hätte ihn zum Rücktritt nicht veranlasst“. Ibid., s. XXXIII.

производствѣ трудъ арестантовъ; съ удовольствіемъ выслушиваетъ сообщеніе, что старшіе рабочіе въ копяхъ (низшій чиновный персоналъ) весьма враждебно настроенъ къ забастовкѣ, и планируетъ установленіе „eines beamtesähnlichen Verhältnisses zu den Grubeverwaltungen“ всѣхъ „образованныхъ, солидныхъ и постоянныхъ горныхъ рабочихъ“ [1])... Такого рода „государственный“ соціализмъ, какъ видно, у канцлера остается. Но за то — съ тѣмъ большей опредѣленностью выражается его стремленіе ограничить свободу рабочихъ коалицій. Подобно тому какъ въ 1873 г. Бисмаркъ пошелъ навстрѣчу требованіямъ промышленникамъ и серьезно думалъ о сокращеніи коалиціоннаго права, такъ и теперь — въ 1889 г. — онъ охотно подхватываетъ различные проекты, возникающіе въ средѣ самого картельнаго рейхстага, въ пользу соотвѣтствующаго измѣненія промышленнаго устава. Въ рѣчи отъ 18 мая 1889 г., говоря о горной забастовкѣ, Бисмаркъ опредѣленно заявилъ: „О какомъ-либо средствѣ противъ бѣдствій, подобныхъ нынѣшнимъ, мы должны будемъ подумать. Совершенно невозможно оставаться въ такихъ условіяхъ, чтобы небольшое меньшинство населенія горныхъ округовъ каждый день могло бы поставить насъ въ положеніе, которое похоже на то, если бы сельское хозяйство отказало намъ въ хлѣбѣ“ [2]).

Помимо разногласія въ вопросѣ объ интерн. конференціи, канцлера ждалъ новый ударъ. Въ октябрѣ 1889 г., въ послѣднюю сессію картельнаго рейхстага, Бисмаркъ снова вноситъ проектъ продленія закона о соціалистахъ. На этотъ разъ, послѣ горной забастовки, проведенной будто-бы подъ непосредственнымъ руководительствомъ соціалъ-демократовъ, канцлеръ желаетъ законъ сдѣлать прочнымъ достояніемъ имперіи, сообщивши ему постоянный характеръ. Для „смягченія“ упоминалось о „судебныхъ гарантіяхъ“ въ примѣненіи закона. Однако, обстоятельства сложились не совсѣмъ такъ, какъ рисовалъ себѣ Бисмаркъ. Національ-либералы, согласные вообще съ закономъ, требовали отмѣны § 28, дающаго право полиціи высылать заподозрѣнныхъ лицъ. Консерваторы-же, въ случаѣ устраненія этого, столь важнаго для нихъ пункта, отказывались поддерживать за-

[1]) Ibid., s. 232.
[2]) Sten. Berichte, 7 L. P. IV. Session 1888/9.

конопроектъ. Въ результатѣ получилось отклоненіе законопроекта, и притомъ большинствомъ 169 противъ 98 голосовъ (25 января 1890 года). „Соціальная политика“ канцлера потерпѣла крахъ и съ этой стороны. Уже наканунѣ Бисмаркъ проситъ императора освободить его отъ портфеля прусскаго министерства торговли. 31 янв. 1890 г. это освобожденіе состоялось: на мѣсто Бисмарка выступилъ v. Berlepsch. Большая часть газетъ объясняла отказъ канцлера отъ этого портфеля его несогласіемъ съ императоромъ въ вопросѣ о рабочемъ законодательствѣ. Вильгельмъ продолжалъ идти по намѣченной дорогѣ. Объ этомъ неоднократно оповѣщается общественное мнѣніе: такъ, v. Bötticher при открытіи прусскаго ландтага — выражаетъ удовлетвореніе отъ имени короля, что вестфальскіе работодатели пошли навстрѣчу основательнымъ жалобамъ рабочихъ. Самъ императоръ, закрывая сессію рейхстага 15 янв., еще разъ подчеркиваетъ свое непреклонное желаніе развивать манифестъ 1881 г. Враги Бисмарка не дремали: Blum приписываетъ именно Bötticher'у извѣстный совѣтъ, преподанный молодому императору: „Если Ваше Величество желаетъ подражать Фридриху Вел., то, прежде всего, должны устранить Бисмарка“ [1]). Дѣло дошло до того, что Бисмаркъ сталъ отказываться подписывать нѣкоторые правительственные акты. 4 февр. появляется знаменитый Erlass Вильгельма къ министрамъ общественныхъ работъ и торговли, не контрасигнованный канцлеромъ. Въ этомъ посланіи говорится, что проведенными законами о страхованіи не исчерпывается задача, принятая на себя императоромъ при вступленіи на престолъ: необходима дальнѣйшая „забота въ духѣ христіанской морали объ экономически слабой части населенія“. Обязанностью государства является, кромѣ прочаго, регулированіе „времени труда и его продолжительности, а также характера работы съ тою цѣлью, чтобы поддержаніе здоровья, моральныя требованія, хозяйственныя потребности рабочихъ и ихъ права были обезпечены закономъ“ [2]).

Такимъ образомъ, высказывались взгляды, почти противоположные бисмарковскимъ. Далѣе, въ циркулярѣ предпо-

[1]) См. Blum, ibid., s. 658.
[2]) L. Hahn, fortges. von C. Wippermann, V Band, Berl., 1891—s. 639.

лагалось осуществить примирительныя учрежденія, государственное горное производство сдѣлать образцовымъ, какъ-бы соціальной лабораторіей. Для надлежащаго разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ необходимо международное соглашеніе. Какъ мы указали выше, Бисмаркъ эдикта не подписалъ, хотя въ редактированіи принималъ участіе, чтобы смягчить страстный тонъ письма Вильгельма.

Въ тотъ-же день спеціальнымъ эдиктомъ императоръ предлагаетъ канцлеру запросить правительства Франціи, Англіи, Бельгіи и Швейцаріи, склонны-ли они подвергнуть совмѣстному обсужденію вопросы рабочаго законодательства. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта повелѣвалось обратиться и къ другимъ кабинетамъ съ приглашеніемъ на международ. конференцію (въ Берлинъ).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что соц.-демократы заявили о позаимствованіи у нихъ Вильгельмомъ программы по рабочему вопросу. Косвенное признаніе такого позаимствованія мы находимъ даже у самаго Бисмарка—въ его циркулярѣ къ германскому послу въ Лондонѣ—графу Лейдену. Здѣсь говорится о томъ, что при современныхъ условіяхъ международной экономики нельзя заботиться о благѣ рабочихъ—въ національномъ масштабѣ. „Поэтому, рабочіе классы—въ справедливомъ признаніи этого факта—установили международныя отношенія для улучшенія своего положенія“ [1]); но—ради дѣйствительной успѣшности этихъ заботъ необходимо также соглашеніе заинтересованныхъ правительствъ. Важнѣйшіе вопросы предполагаемой конференціи суть: запрещеніе воскреснаго труда, ограниченіе женской и дѣтской работы и соглашеніе о границахъ рабочаго дня. (Т. е., всѣ тѣ вопросы, о невозможности законодательнаго разрѣшенія которыхъ постоянно говорилъ Бисмаркъ). „По приказу императора“ Бисмаркъ предлагаетъ Лейдену войти въ надлежащія сношенія съ британскимъ кабинетомъ. 14 февр. уже началъ засѣданія Staatsrath по поводу этихъ вопросовъ; въ первомъ засѣданіи канцлеръ присутствовалъ, но мнѣнія не высказывалъ и въ дискуссіи не вступалъ [2]).

[1]) См. Poschinger, ib., s. 237.

[2]) Почему-то Пошингеръ и въ этомъ случаѣ хочетъ выгородить канцлера: „Die Behauptung, F. B. habe gegenüber den socialpolitischen Anregungen im Staatsrathe eine „ablehnende Haltung“ beobachtet, ist willkürlich erfunden“. Примѣч. с. 238, ibid. Бисмаркъ нарочно предложилъ обсуждать этотъ вопросъ помимо его, въ другой „инстанціи“.

„Всю конференцію“ позднѣе Бисмаркъ называлъ „простой фразеологіей“ [1]) и жалѣлъ, что ни у кого (кромѣ канцлера) не имѣлось мужества предупредить монарха объ опасностяхъ, угрожающихъ его выступленіямъ. Какъ извѣстно, Мартовская международная конференція въ Берлинѣ по рабочему вопросу, дѣйствительно, оказалась безрезультатной. Взоры Бисмарка теперь чаще и чаще обращались къ представителямъ сельскаго хозяйства. За 12 дней до своей окончательной отставки, въ отвѣтной телеграммѣ „Нѣмецкому Крестьянскому Союзу“ на привѣтствіе послѣдняго и благодарность за „крѣпкую“ защиту земледѣлія, канцлеръ называетъ сельское хозяйство „erstes unter den vaterländischen Gewerben“ [2]).

Немногаго нужно было, чтобы назрѣвшій между императоромъ и канцлеромъ конфликтъ, наконецъ, прорвался наружу. Бисмаркъ потребовалъ, чтобы прусскіе министры сносились съ императоромъ черезъ канцлера. Вильгельмъ, въ свою очередь, потребовалъ, чтобы Бисмаркъ сообщалъ ему о своихъ свиданіяхъ съ представителями партій. Во дворцѣ у канцлера разыгралась бурная сцена. Историки разсказываютъ, что Бисмаркъ, не желая выслушивать дальше упрековъ государя, удалился въ покои жены и остановилъ преслѣдующаго его пылкаго императора знаменитыми словами: „власть моего государя кончается у салона моей жены“ [3]). Въ этихъ словахъ звучитъ не гордый протестъ гражданина, а дерзкій вызовъ вассала.

20 марта 1890 г. Бисмаркъ оставляетъ свои оффиціальные посты и болѣе не возвращается къ власти. По странному стеченію обстоятельствъ, ближайшимъ поводомъ къ отставкѣ послужило именно осуществленіе императоромъ „практическаго христіанства“, за которое ратовалъ „желѣзный канцлеръ“.

---

willkürlich erfunden“. Примѣч. с. 238, ibid. Бисмаркъ нарочно предложилъ обсуждать этотъ вопросъ помимо его, въ другой „инстанціи“.

[1]) См. ст. Dietzel'я въ „Handwörterbuch der Staatswiss.“, II Aufl.

[2]) См. Poschinger, V B., s. 238–9.

[3]) См. Blum, «Das deutsche Reich zur Zeit B.».

VII.

Моментомъ паденія Бисмарка мы могли-бы ограничить нашу задачу ознакомленія съ его соціально-политическимъ міровоззрѣніемъ. Однако, для полноты характеристики не мѣшаетъ упомянуть о кое-какихъ интересныхъ заявленіяхъ, сдѣланныхъ имъ послѣ отставки. Очень старый, но сохраняющій до послѣднихъ дней ясность ума и свѣжесть памяти, Бисмаркъ въ продолженіи восьми лѣтъ былъ грозой для Берлинскаго кабинета, подвергая критикѣ политическую систему своихъ замѣстителей и оправдывая свою собственную [1]). Тѣ взгляды, признанія и заявленія, которые онъ дѣлалъ или въ разговорахъ съ интервьюерами, или чрезъ свой органъ, или въ письмахъ, имѣютъ немаловажное значеніе: вѣдь бывшему канцлеру уже не приходилось притворяться, лицемѣрить. Слѣдовательно, „истинныя“ его воззрѣнія скорѣе въ этотъ заключительный періодъ жизни могли найти себѣ выраженіе. Приведенныя въ предыдущемъ параграфѣ ссылки достаточно подтверждаютъ сказанное.

Прежде всего, послѣ отставки, на склонѣ дней, традиціонныя соціальныя симпатіи Бисмарка могли рѣзче выразиться. Если въ отказѣ отъ системы Дельбрюка, какъ и во всѣхъ актахъ государственной дѣятельности бывшаго канцлера, прежде всего, выступаютъ на первый планъ соображенія политическія, теперь Бисмаркъ, въ значительной степени, могъ быть свободнымъ отъ нихъ. Руководя политической жизнью Германіи, Бисмаркъ не могъ, какъ государственный дѣятель, отдавать слишкомъ явное предпочтеніе той или другой отрасли хозяйственной жизни; отсюда—„государственно-органическое міросозерцаніе“, которое пытаются найти у него изслѣдователи. Лишившись власти, Бисмаркъ не задумывается причислить себя къ „земледѣльцамъ“; мало того, онъ не стѣсняется противоставить свой общественный классъ „бюрократамъ“ и призывать его къ самосознанію. Вотъ какъ говоритъ бывшій канцлеръ на обѣдѣ въ Руммельсбургѣ (28 окт. 1892 г.): „Постоянно проявляемая до сихъ поръ скромность земледѣлія не должна всегда имѣть мѣсто: ибо—„wer sich grün macht, den fressen die Zie-

[1]) Органомъ ex-канцлера были «Гамбургскія Извѣстія».

gen“. Мы не должны выкрашивать себя въ зеленую краску, если хотимъ устоять на мѣстѣ.. Мы—сельскіе хозяева—должны двинуться и громко заявить свой голосъ, если желаемъ соблюсти наши интересы [1])“. Нерасположеніе къ бюрократизму выливалось у Бисмарка въ еще болѣе рѣзкой формѣ. Такъ Центральному Комитету Сельскихъ Хозяевъ онъ заявляетъ доподлинно слѣдующее: „Мы должны сплотиться противъ трутней, которые управляютъ нами, но ничего не производятъ, кромѣ законовъ... Я закончу свое заявленіе просьбой вмѣстѣ со мной провозласить тостъ за здоровье перваго землевладѣльца-императора, который не только въ качествѣ государя одной съ нами плоти и крови долженъ чувствовать, какъ страдаетъ эта масса его наиболѣе вѣрныхъ и наиболѣе отягченныхъ въ финансовомъ отношеніи подданныхъ, и которому я пожелаю, чтобы вновь насталъ старый почетный порядокъ, по которому государь—по крайней мѣрѣ у насъ—не получалъ денежнаго вознагражденія отъ государства, но имѣлъ свои родовыя имѣнія и въ нихъ хозяйствовалъ и, такимъ образомъ, на себѣ испытывалъ, вмѣстѣ со всей страной и съ сельскимъ хозяйствомъ, всякія перемѣны“... Такіе взгляды, очевидно, могутъ принадлежать только поклоннику феодальнаго средневѣковья. „Я даже пошелъ-бы дальше“, продолжаетъ ex-канцлеръ: „и сказалъ-бы: дайте каждому министру помѣстье, доходами съ котораго онъ долженъ былъ-бы жить, или дайте ему долю въ какомъ-нибудь промышленномъ предпріятіи, доходы съ котораго составляли бы его жалованье. Но чтобы это жалованье — при всякихъ обстоятельствахъ — пойдетъ-ли дѣло хорошо или плохо — оставалось гарантированнымъ, это не подъ стать человѣческой немощи. Вотъ если его размѣръ будетъ колебаться вверхъ и внизъ, вмѣстѣ съ благосостояніемъ государства и управляемыхъ, тогда министръ будетъ внимательнѣе и настойчивѣе [2])“.

Предъ нами—цѣлая система кормленія! Какъ-же, при такихъ условіяхъ, правительство можетъ стоять надъ классами вѣдь оно будетъ вдвинуто въ самую гущу соціально-эконо-

[1]) См. — „Neue Tischgespräche und Interv.“, I B., s. 225.

[2]) Цит. по Геркнеру. „Die Arbeiterfrage“, р. пер. со 2-го изд., стр. 295.

мической борьбы! Идеологія Л. Штейна, во всякомъ случаѣ, покрывать такихъ взглядовъ не можетъ. Теоріей „соціальной монархіи“ Бисмаркъ воспользовался, когда это ему казалось нужнымъ изъ политическихъ соображеній, для назиданія наивнымъ людямъ. При его глубокомъ презрѣніи къ массѣ, онъ въ ней хотѣлъ найти очагъ наивности; и каково-же было его разочарованіе, когда наивность воцарилась на тронѣ...

Однако, и въ этомъ періодѣ—стоянья не у дѣлъ—у бывшаго канцлера прорывались иногда фразы, въ которыхъ можно было узнать его прежній духъ: пренебреженіе ко всякимъ принципамъ, лишь-бы достигнуть опредѣленнаго общественно-политическаго эффекта. Такія комбинаціи легко могли создаваться – въ то время, когда еще мыслимо было возвращеніе къ власти. Достаточно извѣстно, какой громадной популярностью сталъ пользоваться Бисмаркъ послѣ отставки: пока онъ стоялъ у власти, атмосфера борьба не давала возможности отнестись объективно къ его несомнѣнно грандіознымъ заслугамъ передъ имперіей. Бывшему канцлеру—при его проѣздахъ—оказывались, безъ всякаго приготовленія, почести бо́льшія, чѣмъ коронованнымъ особамъ. Какъ-бы скептически Бисмаркъ не относился къ „улицѣ“, но могъ замѣтить, что она нерѣдко справедливѣе дѣлаетъ расцѣнку заслугъ. И вотъ, въ моментъ особенно обостренныхъ столкновеній съ Каприви, Бисмаркъ, всю свою жизнь посвятившій борьбѣ съ парламентаризмомъ и общественнымъ мнѣніемъ, считаетъ удобнымъ опереться на нихъ. Совершая свой „тріумфальный путь“ изъ Австріи въ Германію, онъ въ Іенѣ произноситъ, по адресу молодого императора и его новыхъ приближенныхъ, слѣдующія знаменательныя слова: „Повинуясь интимнымъ совѣтникамъ, думаютъ, что повинуются Богу... То, чего мы должны искать, это—укрѣпленія политическихъ взглядовъ съ помощью общественнаго мнѣнія и парламента!“ [1]).

[1]) Цитир. по P. Matter'у: „Bismark et son temps“, Paris, 1908, III. T. p. 611. Matter прибавляетъ о впечатлѣніи отъ этого заявленія: „Bismarck parlamentaire! Bismarck faisant appel contre l'autorité royale à l'opinion publique! horrible!“.

Если мы и приводимъ эту выдержку, то не потому, чтобы искали въ ней выраженія дѣйствительныхъ взглядовъ Бисмарка, а лишь для характеристики его отличительной черты, которую мы много разъ наблюдали, — неразборчивости въ средствахъ, доходящей до цинизма.

По поводу соціальнаго вопроса у Бисмарка были интересныя собесѣдованія съ интервьюерами. Остановимся сначала на разговорѣ съ представителемъ „New-York Herald“ Эд. Симономъ, въ апрѣлѣ 1890 г. во Friedrichsruh, т. е. сейчасъ послѣ отставки. Объ отношеніи своемъ къ предполагающейся соціалистической демонстраціи 1-го мая Бисмаркъ сказалъ, что ни въ коемъ случаѣ не рекомендовалъ бы правительству вмѣшиваться репрессивными дѣйствіями: „хорошее правило — въ такихъ случаяхъ избѣгать какъ угрозъ, такъ и обѣщаній“. Но вѣдь это, до извѣстной степени, звучитъ осужденіемъ собственной соціальной политики! Вѣдь у Бисмарка именно были и угрозы, и обѣщанія, при чемъ первыя предшествовали. – Соціальная борьба, продолжалъ ex-канцлеръ, всегда будетъ продолжаться: „противорѣчіе между работодателями и рабочими, по моему мнѣнію, есть результатъ естественнаго закона и, по природѣ вещей, никогда не можетъ окончиться“. Рабочіе всегда будутъ недовольны, поскольку проявляется естественное неравенство положенія. Вѣдь во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ—во вторую половину истекающаго столѣтія — положеніе рабочаго класса улучшилось, а движеніе рабочее, между тѣмъ, усилилось! По странному капризу мысли, Бисмаркъ отказывается отъ цехового строя, какъ идеальнаго общественнаго порядка, совершенно справедливо отмѣчая, что цеховой строй былъ полезенъ только трудовой аристократіи, ибо члены цеховъ не были рабочими въ современномъ смыслѣ слова. „Въ этой вѣчной борьбѣ между трудомъ и капиталомъ трудъ добился многихъ побѣдъ, и такъ будетъ повсюду, гдѣ рабочіе имѣютъ право избирательнаго голоса. Если дѣло дойдетъ до окончательной побѣды, то она будетъ на сторонѣ рабочаго. Но если эта борьба прекратится, то человѣческая дѣятельность остановится“ [1]). Безъ борьбы — немыслима общественная жизнь. Другое рѣшеніе возможно только съ помощью раб-

[1]) „Neue Tischgespräche und w.“, I Band, s. 272—273.

ства, или въ очень роскошныхъ природныхъ условіяхъ.— Въ приведенныхъ словахъ — много недосказаннаго и неяснаго. Разъ достиженіе полной побѣды рабочимъ классомъ знаменуетъ общественное разложеніе, и эта побѣда облегчается участіемъ рабочихъ въ избирательной борьбѣ, то надо устранить всеобщее избирательное право, и вообще ставить „всякія препоны“ рабочему движенію. Цѣль мудраго политика должна быть направлена на то, чтобы не утишать соціальную борьбу, а разумно поддерживать, устраняя только крайнія ея проявленія. Самая идея примиренія соціальныхъ противорѣчій должна быть уничтожена. Если такова мысль Бисмарка, (правильность нашего толкованія подтверждается дальнѣйшимъ разговоромъ), то лицемѣрная лживость „государственнаго соціализма“ канцлера ярко обнаруживается. И, конечно, сотрудничать съ дѣйствительно вѣровавшимъ, на первыхъ порахъ, „практическимъ христіаниномъ“—Вильгельмомъ II—Бисмарку не приходилось. Какія ѣдкія остроты отпускалъ канцлеръ по поводу плановъ объ осуществленіи манифеста 1881 г.: „наступитъ день, когда за плечами каждаго рабочаго поставятъ ангела-хранителя, который бы спрашивалъ его чрезъ извѣстные промежутки, не много ли онъ трудится“! [1]).

Соціализмъ, разсуждаетъ Бисмаркъ, именно тѣмъ и страшенъ, что поддерживаетъ и пробуждаетъ ложныя надежды. Въ сущности, соціализмъ желаетъ ввести новую систему рабства: „das socialistische Regierungssystem ist eine Art Sklaverei, eine Art Strafsystem“. А между тѣмъ, въ эпоху расцвѣта своей благожелательной къ рабочимъ политики Бисмаркъ не боялся зачислять себя въ адепты соціализма, конечно, авторитарнаго, а не революціоннаго; здѣсь же имъ примѣняется совершенно либеральная критика. Мечты о прекращеніи общественной борьбы—вредны: „nur ein Traum“. Надо безпрерывно давать отпоръ демонстраціямъ. Это — неумно — „уступать давленію демонстрацій“. „Иногда истинная благожелательность выражается въ томъ, чтобы пролить кровь. Кровь—мятежнаго меньшинства и какъ разъ для защиты спокойнаго и лойяльнаго большинства. Первое требованіе отъ правительства—энергія“ [2]).

[1]) См. Matter, l. c., p. 580.

[2]) Tischgespräche u. s. w., s. 275.

Дѣлать уступки, приспособляться ко времени—значитъ ввергать страну въ пучину не предвидѣнныхъ событій. Такъ теперь разсуждаетъ бывшій канцлеръ; а развѣ не то же самое говорила Бисмарку въ восьмидесятыхъ годахъ либеральная оппозиція?

Празднованіе 1-е мая—не такъ опасно: врагъ, назначающій время нападенія, не страшенъ! На вопросъ о Лассалѣ (ибо всѣмъ извѣстны были симпатіи Бисмарка), бывшій канцлеръ отвѣтилъ: „Es war ein reizender Mensch, ein kluger Jude mit einer guten Portion Eitelkeit, aber noch mehr Witz und Kenntnissen“. „Лассаль не всегда былъ послѣдователенъ въ своихъ взглядахъ, и — если бы онъ еще жилъ, я могу думать, что онъ былъ бы консерваторомъ, во всякомъ случаѣ не соціалистомъ“ [1]). Вотъ какъ учелъ Бисмаркъ теоретическія и тактическія ошибки великаго демагога!

„Голосъ желѣза и крови“ заглушаетъ сентиментальное „практическое христіанство“. Въ мемуарахъ имѣется указаніе, что подъ конецъ своей дѣятельности Бисмаркъ рѣшительно разочаровался въ благодѣтельности всеобщаго избирательнаго права По поводу тайной подачи голосовъ—этой необходимой гарантіи демократичности выборовъ—онъ говорилъ, что она „не соотвѣтствуетъ благородной натурѣ германца“. Въ „Гамбургскихъ Извѣстіяхъ“ часто встрѣчаются призывы къ „пролитію крови“: „если существуетъ возможность подавленія соціальной революціи военной силой въ ближайшемъ или далекомъ будущемъ, то дальновидное правительство должно содѣйствовать тому, чтобы борьба произошла при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ. А эти условія, безъ сомнѣнія, ухудшаются тѣмъ болѣе, чѣмъ долѣе отсрочивается столкновеніе. Если... столкновеніе произойдетъ лишь къ тому времени, когда соц.-демократія овладѣетъ болѣе широкими слоями населенія... то въ такомъ случаѣ нельзя предвидѣть исхода, могутъ произойти тяжкіе кризисы и сильно пострадать государственное благо. Такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ сомнительно, является ли истиннымъ другомъ государства тотъ, кто говоритъ объ отсрочкѣ борьбы во что бы то ни стало“. Чѣмъ это заявленіе Бисмарка отличается отъ страстныхъ изліяній генерала Богуславскаго, автора комичной бро-

[1]) Ibid., s. 275—6.

нюры — „Vollkampf — nicht Scheinkampf“ [1]). Столь же опредѣленно высказывался „государственный соціалистъ“ много разъ. Упомянемъ, въ заключеніе, о его бесѣдѣ съ редакторомъ газеты „Matin“ — Henri des Houx — въ концѣ ноября 1892 г. Послѣ весьма подробныхъ изъясненій на разныя политическія темы, Бисмаркъ отмѣтилъ проблему, въ разрѣшеніи которой чрезвычайно важна международная солидарность, согласованность дѣйствій: это — борьба съ интернаціональнымъ соціализмомъ. Послѣдній угрожаетъ одинаково всѣмъ; а, между тѣмъ, государства не работаютъ совмѣстно надъ искорененіемъ общаго зла: „занимаются... совершенно другимъ:... всѣ правительства, кажется, работаютъ въ пользу развитія доктринъ, ведущихъ къ общей гибели“ [2]). Стало-быть, нужно думать не о конференціяхъ по рабочему законодательству, а о конгрессахъ для согласованія мѣръ борьбы противъ соціализма! Положительная сторона программы самого Бисмарка, быть можетъ, незамѣтно для него, также осуждается этими словами; получаетъ одобреніе лишь „отрицательная“. Удивительно ли, что „рабочая масса“ отнеслась къ канцлеру въ его соціально-политическихъ выступленіяхъ столь недовѣрчиво?

Итакъ, порочный кругъ замкнулся. Съ достаточнымъ основаніемъ мы можемъ, кажется, сказать, что Бисмаркъ, въ концѣ своей жизни, вернулся, въ значительной степени, къ тѣмъ традиціоннымъ взглядамъ и настроенію, которые мы нашли у Бисмарка депутата. Правда, тогда его „юнкерскіе“ взгляды были обвѣяны нѣкоторымъ романтическимъ ароматомъ: долгая жизнь обвѣтрила „идеологію“—и она много выиграла въ ясности, но—вмѣстѣ съ тѣмъ—стала циничнѣе.

---

[1]) Berlin—1895 г.

[2]) Tischgespräche ets. s. 405.

Заключеніе.

„Der pietistische Staatssocialismus ... entspricht in der That dem alten Recept von Zuckerbrod und Peitsche, nur mit der Besonderheit, dass die Peitsche baar gegeben und das Zuckerbrod einstweilen auf Zeit versprochen wird“,

L. Bamberger (изъ сборн. „Gegen den Staatssocialismus“).

„Man hatte sich zwar bestrebt, dem kranken, unfälligen und invaliden Arbeiter zu helfen, aber vollständig ausser Betracht gelassen, dass die grosse Masse der Arbeiter aus Gesunden bestand, diese aber nicht geschützt waren“.

O. Stillich („Die polit. Parteien in Deutschland“).

„Jede politische Massregel ist zu verwerfen, welche die Tendenz hat, etwa gegen kleine materielle Verbesserungen in der Lage der Arbeiter ihre Abhängigkeit oder ihre moralische Unterordnung unter die höheren Klassen zu erhalten und zu befestigen“.

A. Lange („Die Arbeiterfrage“).

Приведенные эпиграфы какъ нельзя лучше характеризуютъ систему „практическаго христіанства“ Бисмарка. Указанными свойствами опредѣляется причина ея общественно-моральной неуспѣшности, констатируемой лицами различныхъ направленій [1]).

[1]) O. Stillich выражается чрезвычайно опредѣленно: „Diese ganze von den Konservativen unterstützte Versicherungsgesetzgebung, die an Stelle der Ursachen Symptome bekämpft, erlebte, wenn man ihre Wirkungen vom Standpunkte derjenigen aus betrachtet, die ihre Früchte genossen, einen kompletten Misserfolg“. Als 1889 der grosse Bergarbeiterstreik in Westfalen ausbrach, kam es auch der Regierung und den herrschenden Kreisen zum deutlichen Bewusstsein, dass die Arbeiterschaft nicht zufrieden gestellt war“. „Die polit. Parteien in Deutschland, I B., s. 119.

Отрицательное отношеніе наше къ соціально-политическимъ выступленіямъ Бисмарка вовсе не обозначаетъ игнорированія объективной пользы его мѣропріятій. Проведенное имъ т. н. „государственное“ страхованіе рабочихъ, нуждающееся въ извѣстныхъ измѣненіяхъ къ лучшему и требующее дальнѣйшаго расширенія, является нормальнымъ элементомъ рабочаго законодательства, составляя необходимое его звено наряду съ законами по охранѣ труда.

Преслѣдуя своей работой раскрытіе внутренней, мотиваціонной стороны дѣятельности Бисмарка, мы не останавливались на внѣшнемъ описаніи его реформы, результатахъ ея примѣненія и дальнѣйшемъ развитіи. Мы предполагаемъ извѣстнымъ читателю статистическій матеріалъ, рисующій данную сторону дѣла и, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствующій, что германскій пролетаріатъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, занимаетъ значительно болѣе устойчивую позицію, чѣмъ его западные сосѣди. Лучшимъ объективнымъ подтвержденіемъ важности и необходимости такого обезпеченія трудящихся является подражаніе германскимъ законамъ въ другихъ странахъ (Австрія послѣдовала примѣру Германіи уже въ 1887—8 г.) и даже усиленіе принципа (страхованіе престарѣлыхъ въ Австралійскихъ штатахъ, законъ 1909 г. о старческой рентѣ въ Англіи и т. д.). Неосновательными оказались опасенія, что мѣрами страхованія государство убьетъ жизнь профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, громадное культурное значеніе которыхъ признается всѣми. Не говоря уже о томъ, что госуд. страхованіе, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ его видѣ, не можетъ удовлетворить всѣхъ нуждъ рабочаго быта и на долю добровольныхъ организацій остается еще очень много дѣла и въ этомъ направленіи, профес. союзы имѣютъ ближайшія цѣли и помимо задачъ простой взаимопомощи. Необычайный ростъ профессіональнаго рабочаго движенія именно въ Германіи достаточно убѣдительно объ этомъ свидѣтельствуетъ. Однимъ словомъ, подражаніе политикѣ канцлера въ томъ направленіи, какъ она была воспринята жизнью и видоизмѣнена ею, заслуживаетъ всяческаго одобренія. Такого рода „государственный“ соціализмъ является, въ настоящее время, необходимымъ моментомъ общественно-экономической жизни, знаменующимъ постепенное превращеніе нормъ частно-правныхъ въ публично-правовыя.

Однако, не эти цѣли ставилъ самъ себѣ Бисмаркъ, и не потому извѣстные общественные круги хотятъ подражать его соціальной политикѣ. Многихъ привлекаетъ мысль, что великому канцлеру удалось „взять въ свои руки рабочее движеніе“ и укротить строптиваго врага, борьба съ которымъ требуетъ такихъ усилій. Вотъ въ этомъ отношеніи „христіанская практика“ Бисмарка менѣе всего можетъ вызывать сочувствіе. И дѣло здѣсь даже не въ общественныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, не въ аморальности подобныхъ пріемовъ, а въ ихъ нецѣлесообразности. Прежде всего, политика Бисмарка въ этомъ отношеніи потерпѣла полное фіаско: она не только не примирила массу съ существующимъ порядкомъ, но дала могучій толчекъ дальнѣйшему развитію ея активнаго самосознанія. Достаточно посмотрѣть на количество голосовъ, получаемыхъ на выборахъ въ рейхстагѣ соціалъ-демократами, главными врагами канцлера—начиная отъ соціальной эры до начала XX-го столѣтія: 1884 г.—вмѣсто 312.000 предшествующихъ выборовъ почти—550.000; 1887 г.—763.128; 1890—1.430.000; 1893—1.800.000, 1898—2.100.000, 1903 г.—болѣе 3 милл. голосовъ. Случилось какъ разъ обратное чаяніямъ Бисмарка; произошло то, что предрекала болѣе дальновидная въ вопросахъ внутренней политики либеральная оппозиція. Изъ тѣхъ замѣчаній, которыя дѣлалъ Бисмаркъ послѣ своей отставки, мы съ полнымъ правомъ можемъ заключить, что самъ онъ разочаровался въ своихъ пріемахъ и болѣе склонился на сторону односторонняго регулированія рабочаго движенія—мѣрами отрицательными.

Во-вторыхъ, соціальная политика Германской Имперіи, какъ она дѣйствительно осуществилась, отнюдь не является настоящимъ дѣтищемъ канцлера. Мы видѣли, что Бисмаркъ долженъ былъ выбросить изъ своихъ законовъ о

Такъ же думаетъ Em. Wolff („Grundriss der preuss.—d. socialpolit. und volksw.—Geschichte“, III Aufl., B. 1909, s. 240): „ ... sociale Gesetzgebung... ging vorerst spurlos an den Arbeitermassen vorüber, entzog sie nicht dem Zauber des socialist. Programms und dämpfte nicht das Feuer des in ihnen entflammten Klassenhasses“.—Martin Wenck, авторъ книжки „Die Geschichte und Ziele der d. Socialpolitik“ (изд. Grotewold'a—„Die Politik des d. Reichs“)—L., 1908, страннымъ образомъ этого не замѣчаетъ (с. 103 и pass.).

страхованіи самые важные для него элементы—государственныя приплаты и организацію страхового дѣла,—вынужденъ былъ это сдѣлать подъ вліяніемъ законодательной палаты и общественнаго мнѣнія. Если Луццати называетъ Бисмарка „соціальнымъ циклопомъ“ (на конгрессѣ экономистовъ въ Парижѣ въ 1889 года), то такое названіе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Соціальные планы Бисмарка въ важнѣйшихъ своихъ элементахъ, съ точки зрѣнія канцлера, не нашли себѣ осуществленія. Этимъ, какъ мы выше указали, объясняется то охлажденіе, которое почувствовалъ Бисмаркъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ съ „соціальной роли“. Очевидно, когда говорятъ о подражаніи соціальной политикѣ Бисмарка, какъ она выразилась въ законахъ о страхованіи, не знаютъ ихъ истинной судьбы. Нѣкоторымъ кажется привлекательной самая идея раздачи „розогъ и пряниковъ“ (Peitsche und Zuckerbrod—„репрессіи и реформы“); нужно, однако, или большое непониманіе психологіи массы или полное пренебреженіе къ ней, чтобы тѣшить себя надеждами подобнаго рода.

Итакъ, своей „христіанской практикой“ Бисмаркъ преслѣдовалъ цѣли, совершенно чуждыя соціальной реформѣ. О какомъ-либо общественно-моральномъ вліяніи, о привлеченіи на сторону правительства могла-бы быть рѣчь, лишь въ случаѣ искренности реформатора. Конечно, задача, разрѣшаемая съ помощью утопическихъ формулъ „государственнаго соціализма“, оказалась-бы не подъ силу новатору. Всякія попытки установить полный соціальный миръ въ современномъ обществѣ, съ антагонистической хозяйственной организаціей, съ непрерывной классовой борьбой — утопія. „Традиціонное“, исторически сложившееся государство можетъ, сколько угодно, воображать себя „внѣклассовымъ“, но отъ этого въ дѣйствительности таковымъ не сдѣлается. „Авторитарный“ соціализмъ грѣшитъ, прежде всего, отсутствіемъ исторической перспективы. Этимъ, однако, не отрицается полезность и необходимость „соціальныхъ реформъ“, являющихся по существу своему уступкой давленію новыхъ историческихъ силъ. Соціальная реформа, тѣмъ болѣе успѣшная, чѣмъ въ болѣе демократическихъ формахъ она проводится, способна придать культурныя формы классовой борьбѣ и въ этомъ отношеніи сыграть

громадную общественную роль. Такимъ образомъ, мыслима соціально-политическая иниціатива со стороны правительства; но—повторяемъ, для ея общественно-моральнаго успѣха необходимо, чтобы она была лишена всякихъ дипломатическихъ, лицемѣрныхъ элементовъ, ставя своей цѣлью всестороннее улучшеніе быта трудящихся. Какъ-бы наивно-романтически не былъ настроенъ въ началѣ своего правленія Вильгельмъ II, но искренность его выступленій—несомнѣнна. И мы видимъ, что „новый курсъ“ сразу привлекаетъ до извѣстной степени сочувственное вниманіе въ трудящихся массахъ; мало-того, на этой почвѣ зарождается даже расколъ въ соціалъ-демокр. германской партіи — ревизіонизмъ. Конечно, жизнь показала что утопія „соціальной монархіи“ остается утопіей, но искренность все-таки подкупаетъ. Ничего подобнаго у Бисмарка мы не нашли.

Автократъ до мозга костей, онъ презиралъ все демократическое. Болѣе или менѣе стройнымъ общественнымъ міросозерцаніемъ Бисмаркъ обладалъ только въ началѣ своей политической карьеры: симпатизируя старому соціальному порядку, онъ выдвигалъ на первый планъ интересы помѣстнаго класса и ремесленнаго сословія. Достигши власти и вліянія, Бисмаркъ не стѣсняется измѣнять этому общественному идеалу, подсказанному ему его происхожденіемъ: Бисмарка захватываетъ одна идея—созданіе и укрѣпленіе Германской Имперіи, ради которой онъ готовъ принести все въ жертву, кромѣ самостоятельности своихъ дѣйствій. Правда, временами старые взгляды опять выплываютъ наружу,—но, и въ этомъ случаѣ, они остаются подчиненными указанной идеѣ. Мы хотимъ сказать, что, стоя у власти, онъ лишь тогда даетъ свободу своимъ затаеннымъ симпатіямъ, когда отъ этого ожидаетъ надлежащаго политическаго эффекта. Бисмаркъ — прежде всего и больше всего — автократическій политикъ, одушевленный опредѣленной идеей. Въ извѣстныхъ предѣлахъ — его политическіе идеалы цѣлостны; въ области-же соціальной идеологіи онъ—безпринципенъ: никакой системы „общественно-экономическій воззрѣній“ у него нѣтъ. Поэтому, и способъ управленія страной у Бисмарка—чрезвычайно оригиналенъ: у него нѣтъ своей партіи, онъ пользуется всѣми, не исключая даже и „краснаго интернаціонала“, если отъ этого можетъ

получиться выгода[1]). Дружескія пожатія и жестокія гоненія испытали со стороны канцлера почти всѣ партіи. Бисмаркъ комбинировалъ общественныя силы или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ комбинировать по своему усмотрѣнію. Вслѣдствіе историческихъ условій, центръ тяжести своей государственной дѣятельности онъ долженъ былъ помѣстить во внѣшней политикѣ. Здѣсь Бисмаркъ, дѣйствительно, былъ неподражаемъ. Поскольку его борьба съ оппозиціонными элементами внутри страны направлялась требованіями внѣшней политики,—внутренняя отличалась также большимъ размахомъ и своеобразнымъ величіемъ (парламентскій конфликтъ въ Пруссіи). Но—независимыя выступленія въ этой области производятъ почти жалкое впечатлѣніе. Ради укрѣпленія Германской Имперіи Бисмаркъ борется съ ультрамонтанами и соціалистами; проводитъ, при явномъ неодобреніи значительной части населенія, исключительные законы, которые затѣмъ падаютъ у него-же на глазахъ, отъ полной своей несостоятельности. Для созданія прочныхъ имперскихъ финансовъ, Бисмаркъ затѣваетъ таможенную реформу, благо жалобы промышленниковъ и сельскихъ хозяевъ наталкиваютъ его на эту мысль. И „облагодѣтельствовавши богатыхъ", по выраженію Бамбергера, онъ находитъ нужнымъ расположить въ свою пользу выросшую общественную силу—рабочій классъ—системой государственныхъ подачекъ. Ради этого, онъ пускаетъ въ ходъ цѣлый арсеналъ трескучихъ фразъ, благо—онѣ уже были выработаны школой государственныхъ и катедеръ-соціалистовъ; не стѣсняется говорить о „диктатурѣ сердца", онъ, кому понятны были только доводы „желѣза и крови".... Французскій историкъ Matter довольно правильно уловилъ на нашъ взглядъ, суть дѣла, опредѣляя слѣдующимъ образомъ соціально-политическую идеологію канцлера: „...Онъ былъ убѣжденъ въ необходимости связать съ новой имперіей большую массу рабочихъ. Для него это вовсе не

[1]) Ch. Andler въ своей работѣ „Le prince de Bismarck" (Paris, 1899) совершенно правильно характеризуетъ политику Бисмарка: „Ce ne fut pas un système. Son esprit, peu abstrait, n'imaginait pas que la „vie" économique pût tenir en quelques formules"... (стр. 218); руководившія Б. идеи... „en lui ne sont pas des vérités abstraites. Elles sont des outils qu'il se forge pour avoir prise sur des réalités, et les moyens de propagande qu'il choisit pour grouper des hommes" (p. VIII).

являлось вопросомъ чувства, но политической задачей, даже административной потребностью, такъ какъ сельскіе и индустріальные рабочіе составляютъ большинство населенія, и никто не можетъ управлять безъ ихъ поддержки... Такимъ образомъ, соціальная политика Бисмарка одушевлена тѣми-же идеями, что и финансовая, и экономическая, и, прежде всего, слѣдующей: величіе Германской Имперіи" [1]). Преслѣдуя политическія и полицейскія цѣли, канцлеръ дѣйствовалъ чрезвычайно неискусснымъ образомъ. Лейтъ-мотивъ его соціальной политики не могъ проникнуть въ уши рабочаго класса, будучи постоянно заглушаемъ посторонними мелодіями. Дѣйствительно, монархія объявляетъ себя призванной къ удовлетворенію нуждъ рабочихъ—и начинаетъ съ полицейскихъ гоненій на всякій проблескъ ихъ самостоятельности. Не успѣвъ приступить къ раздачѣ подачекъ, она аграрными пошлинами очищаетъ карманъ бѣднаго городского населенія; попытки регулировать рабочее время останавливаются страхомъ за кошелекъ предпринимателей. Приходится признать, что учитель Бисмарка въ этой области—Наполеонъ III—съ большимъ умѣніемъ разыгрывалъ свою роль [2]).

[1]) Matter, l. c., p. 496, III T.

[2]) Мы назвали Наполеона III учителемъ Бисмарка въ области соціальной политики. Не имѣя возможности, согласно плану нашей работы, посвящать выясненію этого вопроса много мѣста, мы вынуждены соотвѣтствующія замѣчанія помѣстить внѣ текста. Даже краткое ознакомленіе съ воззрѣніями и дѣятельностью императора убѣдитъ насъ, что Бисмаркъ въ этомъ отношеніи копировалъ французскій образецъ. Конечно, въ силу указанныхъ нами условій общественно-экономической жизни Германіи, нѣмецкій „авторитарный соціализмъ" могъ разсчитывать на прочное сочувствіе нѣкоторой части общественнаго мнѣнія, не имѣя, такимъ образомъ, характера чистой политической авантюры; однако, единство мотивовъ и настроенія вырисовывается съ полною очевидностью. Этимъ, между прочимъ, объясняется и то, въ общемъ холодное, отношеніе канцлера къ нѣмецкимъ теоретикамъ государственнаго соціализма, которое мы отмѣчали въ изложеніи.

Наполеонъ III, еще въ бытность свою претендентомъ на императорскую корону, строилъ предположенія о союзѣ власти съ демократіей; аргументы и формулы принцъ Луи Бонапартъ обильно черпалъ въ соціалистической литературѣ. Въ книжкѣ—„Des idées napoléoniennes", появившейся въ 1839 г., онъ подвергаетъ суровой критикѣ либеральную концепцію государства. Правительство, по мнѣнію автора, обязано помогать „человѣчеству въ его стремленіи къ совершенствованію". „Государство не есть, какъ говоритъ одинъ ученый экономистъ,—не-

Весьма характерно отношеніе къ Бисмарку такого горячаго (вначалѣ) борца за идею соціальной монархіи, какъ Руд. Мейера. Въ своемъ послѣсловіи къ „Briefe und socialpolitische Aufsätze" Родбертуса Мейеръ настаи-

обходимое зло, но скорѣе—благодѣтельный двигатель всего соціальнаго организма" (l. c., p. 6.). Такъ именно понималъ задачи государства Наполеонъ I и всѣ усилія приложилъ къ тому, чтобы осуществить великіе демократическіе завѣты французской революціи. „Наполеонъ, выступая на міровую арену, видѣлъ, что его роль—быть исполнителемъ ея завѣщаній" (ibid., p. 17). Наполеонъ былъ настоящимъ „Цезаремъ". Въ области рабочаго вопроса первый императоръ стремился уравновѣсить „балансъ между рабочими и предпринимателями".—Въ другомъ трудѣ принцъ Луи размышляетъ о способахъ „устраненія пауперизма". Дѣло можно двинуть только съ помощью ассоціацій, поддерживаемыхъ государств. властью. Двѣ силы призваны организовать общественную жизнь—власть и масса. „Управлять—это не значитъ угнетать и насиловать народъ, но вести его къ лучшему будущему, апеллируя къ его уму и сердцу". („Oeuvres de Louis Napoléon Bon.", II T., Paris, 1848, p. 265). *Обновленіе надо начать съ устройства рабочихъ земледѣльческихъ колоній*, получающихъ необходимые авансы отъ правительства. Проектируя колоніи, Луи Бонапартъ стремился сочетать административные пріемы Наполеона I съ предположеніями с.-симонистовъ и фурьеристовъ. Насколько развязна была его демагогическая рѣчь, можно видѣть по слѣдующему отрывку: „Рабочій классъ не владѣетъ ничѣмъ,—надо его сдѣлать собственникомъ. У него нѣтъ другого богатства, кромѣ его рукъ; надо дать этимъ рукамъ занятіе, полезное для всѣхъ. Онъ подобенъ народу Илотовъ среди народа Сибаритовъ. Ему надо дать мѣсто въ обществѣ, прикрѣпить его къ землѣ. Наконецъ, онъ лишенъ организаціи и связей, правъ и будущаго; необходимо дать ему права *и будущее, поднять его въ собственныхъ глазахъ* ассоціаціей, воспитаніемъ, дисциплиной" (ibid., p. 260—1). Какъ видимъ, принцъ Луи признаетъ „право на трудъ" и высказывается за „производительныя ассоціаціи",—лозунги, оказавшіеся столь близкими Бисмарку.—Ассоціаціи будутъ разрушительно дѣйствовать на хозяйство „денежнаго феодализма". „Задача каждаго способнаго правительства—прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы можно было сказать: тріумфъ христіанства уничтожилъ рабство, тріумфъ французской революціи разрушилъ крѣпостничество; торжество демократическихъ идей побѣдило пауперизмъ" (ibid., p. 295).

Достигнувъ высшей власти, Наполеонъ III не забылъ своихъ обѣщаній, *данныхъ пролетаріату*; вѣрнѣе сказать, онъ не могъ ихъ забыть, такъ какъ крѣпость трона непосредственно зависѣла отъ настроенія демократіи. Императоръ, цинически трактуя демократическіе идеалы, тратитъ много энергіи на то, чтобы „улица" была спокойна. Treitschke замѣчаетъ: „Unter Napoleon III... bildete der vierte Stand die wichtigste Klasse des Staates; beständige Rücksicht auf die Zufriedenheit der klei-

ваетъ, что въ началѣ 70-хъ годовъ канцлеръ могъ заполучить на свою сторону всѣхъ германскихъ рабочихъ: „но ему нравилась больше политика Тидеманна..., чѣмъ Вагенера", и потому у рабочихъ было потеряно „das Gefühl

nen Leute blieb der leitende Gedanke des neuen Bonapartismus" (см. H. v. Treitschke, „Historische und politische Aufsätze", III B., L., 1903, очеркъ V, „Das zweite Kaiserreich", s. 292). Конечно, теперь Наполеонъ *уже не говоритъ о вліяніи массы на власть*: онъ усваиваетъ точку зрѣнія просвѣщеннаго абсолютизма. По словамъ M. Debidour'a—„il était et voulait paraître homme de progrès. Sa prétention était d'être un despote éclairé et de faire le bonheur du peuple, à condition de le faire seul, sans conseils comme sans contrôle, et d'avoir à peu près carte blanche" (См. „Histoire générale" — Lavisse et Rambaud, T. XI, P. 1899, p. 147). Наполеонъ желаетъ опереться на „безгласную" массу крестьянства и городского пролетаріата, стремится быть „королемъ бѣдныхъ". Для успокоенія рабочихъ онъ пытается осуществить «socialisme autoritaire», сущность котораго S.-Beuve опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: «онъ (авт. соц.) стремится взять изъ соціалистическихъ идей все хорошее, чтобы отнять его у революціи и ввести въ нормальный строй общества» (см. Treitschke, ibid., s. 302). Какъ мы знаемъ, Бисмаркъ даже въ оффиціальной перепискѣ и заявленіяхъ отстаивалъ этотъ принципъ.

По собственнымъ *словамъ*, Наполеонъ *хотѣлъ бороться* «за религію, нравственность и благосостояніе» тѣхъ, кто «едва знаетъ имя Христа и съ трудомъ удовлетворяетъ необходимыя жизненныя потребности». Его „монархическій соціализмъ» такъ-же, какъ и у Бисмарка, имѣетъ налетъ христіанскій. Императоръ проектируетъ и осуществляетъ мѣры двоякаго рода—положительныя и отрицательныя. Сущность первыхъ—не въ подъемѣ самосознанія трудящихся слоевъ населенія, а въ предоставленіи имъ нѣкоторыхъ матеріальныхъ выгодъ. Мѣры отрицательнаго свойства—обезпеченіе рабочихъ отъ «противообщественной пропаганды» - «silence aux pauvres!» Отсюда—жестокія полицейскія гоненія на прессу и книжную торговлю, высокій штемпельный налогъ на *газеты, подавленіе права публичныхъ собраній*. Обсуждать соціальныя нужды самимъ рабочимъ, правда, не воспрещалось; пользованіе для этой цѣли коалиціонными правами даже поощрялось, но исключалось политическое воздѣйствіе интеллигенціи. Въ этомъ отношеніи *министры* императора дѣйствовали положительно въ духѣ современнаго синдикализма. Позитивная часть программы Наполеона—предоставленіе рабочимъ занятій и денежныхъ подачекъ. Ради этого предпринимаются грандіозныя общественныя работы—перестройка стараго Парижа и другихъ городовъ. Мѣра эта имѣла, впрочемъ, и другое назначеніе: замѣнивъ узкія улицы широкими бульварами, устранить возможность баррикадной борьбы. «Der Kaiser wollte sich in den Stand setzen jeden Strassenaufruhr niederzukartätschen», вѣрно опредѣляетъ Treitschke (ibid., s. 338). Для сосредоточенія вниманія рабочихъ на франкахъ, Наполеонъ энергично поощряетъ развитіе сберегательныхъ кассъ—«société-

für die Macht des Staates“ [1]). Бисмаркъ былъ настроенъ противъ рабочихъ: „возмутительный“ исключительный законъ и хлѣбныя пошлины служатъ тому доказательствомъ. „Госу-

tés de secours mutuel». Въ этомъ отношеніи онъ достигъ значительнаго успѣха: въ семь лѣтъ количество кассъ съ 2000 поднялось до 4118 съ 534.233 членами и 23-милліоннымъ состояніемъ. Къ этой-же категоріи мѣропріятій надо отнести «демократизацію ренты», увеличившую количество владѣльцевъ рентныхъ облигацій съ 292.000 (1848 г.) до 1.095.683 (1867 г.). Затѣмъ слѣдуетъ устройство образцовыхъ рабочихъ кварталовъ—cités ouvrières, построенныхъ въ значительной степени на государственныя средства;—яслей для дѣтей, новыхъ госпиталей, убѣжищъ для престарѣлыхъ и больныхъ рабочихъ, дешевыхъ банъ; удешевленіе хлѣба; организація нѣк. видовъ государственнаго страхованія («caisse de retraites pour la vieillesse»—1850 г. и касса страхованія отъ несчастій—1868 г.). Иногда дѣло доходило до простой раздачи денежныхъ пособій (напр., во время безработицы, вызванной междоусобной войной въ Америкѣ). Почти всѣ союзы для улучшенія участи рабочихъ были объявлены подъ протекторатомъ самого императора или членовъ его семьи. На другой день послѣ коронаціи Наполеонъ объявилъ, что первый визитъ императора долженъ принадлежать „страдающимъ“.—Нетрудно видѣть, что Бисмаркъ въ своихъ соціально-политическихъ начинаніяхъ старался двигаться въ руслѣ, *проложенномъ выразителемъ „демократическаго* цезаризма“. Дѣло доходитъ даже до полнаго совпаденія популярныхъ лозунговъ („прусскіе монархи — короли бѣдныхъ“!). О симпатіяхъ къ всеобщему избирательному праву, навѣянныхъ авантюрой Луи Бонапарта, мы говорили въ текстѣ.

Сходство наполеоновскаго цезаризма съ „практическимъ христіанствомъ“ Бисмарка довершается аграрными симпатіями императора. Правда, на дѣлѣ Наполеонъ меньше обращалъ вниманія на крестьянъ, чѣмъ на городскихъ рабочихъ; но съ охотой называлъ себя „крестьянскимъ императоромъ“, „сельское хозяйство—самымъ важнымъ въ государствѣ промысломъ“. Не забыта была и „кредитная нужда землевладѣльцевъ“: конечно, основанные кредитные институты (достаточно вспомнить знаменитый „Crédit foncier“) способствовали лишь выкачиванію средствъ изъ деревни въ города, но зато было произнесено много красивыхъ фразъ. Трейтшке ѣдко замѣчаетъ: „Der Herzog v. Persigny pflegte diese bukolischen Neigungen des Kaiserreichs mit besonderem Eifer; regelmässig erschien er auf den landwirthschaftlichen Festen seiner Heimath, in der Landschaft Forez, um die Unschuld, die Treue, die Genügsamkeit der Bauern zu preisen gegenüber der Unruhe und dem Ständehasse der Städte. Auch die Präfecten lernten rasch die Weisen dieses *bonapartischen Theokrit nachzusingen*“ (*ibid., s. 347*).

Можно заключить, что Наполеонъ III былъ болѣе смѣлымъ и искуснымъ „государственнымъ соціалистомъ“, чѣмъ его ученикъ—Бисмаркъ.

[1]) Rodbertus-Jagetzow. «*Briefe und socialpolitische Aufsätze*», hg. v. R. Meyer, B. 1881—s. 725.

дарственный соціализмъ“ былъ-бы возможенъ въ началѣ 70 г., но „у рабочаго сословія Бисмаркъ проигралъ дѣло“ [1]). Положительно такое впечатлѣніе проиграннаго дѣла производитъ соціальная политика канцлера. Подражать Бисмарку въ его стремленіяхъ „взять рабочее движеніе въ свои руки“—значитъ *итти на явную неудачу* [2]). Въ этомъ случаѣ, „общество“ побѣдило автократа. Прибавимъ еще кстати, что, въ результатѣ неуспѣшной борьбы съ рейхстагомъ, Бисмаркъ вынужденъ былъ поставить все зданіе страхованія на „организованныхъ общественныхъ силахъ“. Если при этомъ упомянуть, что проекты рабочаго страхованія *исходили* и изъ рядовъ депутатовъ (напр. проекты Штумма въ 1869, 1878 г.), то, въ концѣ концовъ, истиннымъ творцомъ всего дѣла явится само общество, свободное и не встрѣчающее препятствій въ своихъ организаціонныхъ наклонностяхъ.

Можно ли въ общественно-экономическихъ воззрѣніяхъ канцлера и его соціальной политикѣ усматривать „систему государственнаго соціализма“? Нѣкоторые *изслѣдователи* (какъ напр. Zeitlin, Böhmlingk и др.) склонны это дѣлать. Предыдущимъ изложеніемъ мы старались доказать, что никакой „системы“ у Бисмарка не было; стало быть, объ осуществленіи программы (чрезвычайно запутанной) одного изъ консервативно-соціальныхъ теченій говорить не приходится. Неправильны и такія общія опредѣленія, какія мы встрѣчаемъ, напр., у *англійскаго автора Dawson'a*: реакція Бисмарка есть „реакція коллективизма, слѣдующаго за индивидуализмомъ“ [3]). Бисмаркъ дѣйствовалъ какъ политикъ, и выбралъ изъ имѣющихся формулъ наиболѣе для себя подходящую. Коллективизмъ въ данномъ случаѣ—только „орнаментъ“. Тѣмъ не менѣе, выборомъ именно этой формулы онъ связалъ идею

[1]) Ibid., s. 727.

[2]) Тѣмъ не менѣе, Бисмарку старались подражать въ другихъ странахъ. Что сказать объ этихъ послѣдователяхъ мелкаго калибра? „Система“ Бисмарка въ некультурныхъ странахъ принимаетъ форму грубаго полицейскаго сыска, натравливанія однихъ классовъ на другіе; гдѣ у Бисмарка выступаетъ хитрое пользованіе комбинаціей общественныхъ силъ, тамъ—при другихъ условіяхъ—появляется разрушеніе общественности. Нечего прибавлять, что результаты такой политики направляются, прежде всего, противъ самихъ-же „политиковъ“.

[3]) W. H. Dawson. Bismarck and State Socialism. L. 1890, s. 28.

своей соціальной политики съ государственнымъ соціализмомъ и опредѣлилъ, до извѣстной степени, во что можетъ превратиться утопія соціальной монархіи при попыткахъ ея осуществленія. Съ другой стороны, и теоретическій госуд. соціализмъ выросталъ подъ вліяніемъ мотивовъ, аналогичнымъ бисмарковскимъ: среди его адептовъ немного лицъ, искренне, а не ради страха, жаждущихъ разрѣшенія соціальной проблемы. Ш. Жидъ правильно замѣчаетъ, что успѣхомъ своимъ государственный соціализмъ обязанъ „не цѣнности своихъ принциповъ, а стеченію обстоятельствъ, созданныхъ политическимъ и экономическимъ развитіемъ конца XIX ст". „Въ Германіи его лучшимъ пропагандистомъ былъ князь Бисмаркъ", говоритъ Жидъ, но тутъ-же прибавляетъ: „къ теоріи государ. соціализма онъ относился въ высокой степени безразлично. Онъ предпочиталъ, для оправданія своей соціальной политики, аппеллировать къ принципамъ христіанства или прусскаго ландрехта" [1]). Тѣмъ не менѣе, руководимый политическими соображеніями—укрѣпленія Германской Имперіи, Бисмаркъ осуществилъ „часть программы государ. соціализма" [2]).

Съ точки зрѣнія этого внѣшняго совпаденія и нѣкоторой общности мотивовъ, мы можемъ сдѣлать слѣдующія заключенія.

Государственный соціализмъ, какъ явно утопическая система, покоющаяся на принципахъ, не соотвѣтствующихъ современнымъ условіямъ, не могла достигнуть тѣхъ цѣлей, которыя ею преслѣдуются. Поскольку имѣются въ ней вѣрные элементы, могущіе быть усвоенными жизнью, они позаимствованы изъ системы, свободной отъ внутреннихъ противорѣчій. Въ этомъ смыслѣ, на опытѣ Бисмарка потерпѣлъ крахъ государственный соціализмъ изслѣдуемаго нами типа. Поскольку Бисмаркъ воспользовался имѣющейся налицо программой для постороннихъ цѣлей, онъ обнаружилъ этимъ реакціонный характеръ даннаго теченія. Стройный и благородный „родбертусіанизмъ", сопри-

[1]) Ch. Gide et Ch. Rist, „Histoire des doctrines économiques", P. 1909, p. 514—515.

[2]) Въ странахъ демократическихъ, прибавляютъ авторы, это дѣлаетъ сама демократія.

касаясь съ жизнью, можетъ производить на свѣтъ лишь уродливое потомство. Что-же касается здороваго „государственнаго соціализма", присутствіе котораго въ общественно-экономической жизни въ настоящее время приходится констатировать на каждомъ шагу, то условіемъ его роста и залогомъ успѣха является демократичность и прогрессивность, въ противовѣсъ авторитарности и консерватизму нѣмецкихъ соціальныхъ политиковъ. Но вѣдь именно противъ этихъ двухъ свойствъ, присущихъ современному соціализму, боролись и теоретики „государ. соціализма", и „желѣзный" канцлеръ.

Важнѣйшія замѣченныя опечатки.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Нужно читать.*
2	5 снизу	дѣйстій	бѣдствій
2	4 снизу	*большому*	бо́льшему
2	3 снизу	противѣчія	противорѣчія
9	10 снизу		закрыть скобки послѣ „управленія“.
12	5 снизу	какъ „необходимое“	„необходимое“
14	6 снизу	19 *Окт.*	12 *Окт.*
15	13 сверху	нонополію	монополію
17	5 снизу	наиболѣс	наиболѣе
17	2 снизу	*интересущее*	интересующее
19	8 снизу	это	его
27	примѣч. 3 снизу	себя	себѣ
33	3 сверху	иидс	идеи
38	1 снизу	немъ	ней
58	примѣч. 1 сверху	требующаго	требующемъ
60	15 сверху	с. политическзго	с. политическаго
62	9 снизу	должно быть	должно быть“.
85	12 сверху	названіе	*на званіе*
109	5 снизу	Онъ	онъ
117	примѣч. 4 снизу	Aschauungen	Anschauungen
118	12 сверху	*конструируя*	*конструируя*
125	3 снизу примѣч.	physiocrabische	physiocratische
151	1 сверху	однако	но
157	2 сверху	*пришлость*	пришлось
184	17 сверху	заработнаява	заработная
196	11 снизу	симитоматическое	симптоматическое
198	5 сверху	совершонно	совершенно
208	10 снизу	выпады	выпады,
263	17 сверху	феодальный	федеральный
289	примѣч. 1 сверху	Contemrorary	Contemporary
291	1 снизу	послѣдняго	послѣднихъ
310	примѣч. 3 сверху	Erikn.	Erinn.
339	2 сверху	, замѣчаетъ,	замѣчаетъ
339	13 снизу	представляя	предоставляя

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Нужно читать.*
339	11 снизу	онъ,	онъ
355	15 сверху	проповѣдю	проповѣдью
359	примѣч. 1	Legist.	Legisl.
359	4 снизу	элементы	ферменты
368	5 сверху	И это,	И это
429	14 снизу	помощи	помощь
460	6 сверху	осли	если
471	2 снизу	классами	классами:
480	12 сверху	съ	къ